РЕЖИ БУАЙЕ

ВИКИНГИ

ИСТОРИЯ И ЦИВИЛИЗАЦИЯ

ЕВРАЗИЯ
CLIO

RÉGIS BOYER

LES VIKINGS

HISTOIRE ET CIVILISATION

Paris
Perrin
2004

РЕЖИ БУАЙЕ

ВИКИНГИ

ИСТОРИЯ И ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Санкт-Петербург
2014

ББК 63.3(0)4
УДК 94(48).021
Б90

Научный редактор: к. и. н. *Карачинский А. Ю.*

Буайе Режи
Б90 Викинги: История и цивилизация. Пер с франц. М. Ю. Некрасов. — СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2012. — 416 с.: ил.
ISBN 978-5-91852-100-7

Внезапно хлынув на просторы Европы в VIII веке, викинги огнем и мечом вписали свое имя в мировую историю. Казалось бы, нам все известно об этих яростных воинах и отважных мореплавателях — в любом школьном учебнике без труда можно найти все необходимые сведения: даты, основные маршруты передвижения, историю битв и вторжений. Но история викингов по-прежнему таит в себе немало нераскрытых загадок. Остались вопросы, о которых по-прежнему спорят историки, политики и читатели, в том числе и пресловутый «спор о варягах». Действительно, как и почему викинги смогли, ворвавшись в пределы Европы, не встречая особого сопротивления, хозяйничать в ней на протяжении целых столетий, расшатав основы могущественных государств, таких как империя Карла Великого? Как им удалось удержаться и осесть в Нормандии, Сицилии, Исландии? Стояли ли они у истоков русской государственности или нет? Были ли они двигателем торговли своего времени или наоборот, тормозили е? Они ли открыли Америку?

Опираясь на новейшие археологические данные и оригинальную трактовку источников, признанный знаток скандинавской истории, профессор Сорбонны Режи Буайе создал не просто книгу — он написал настоящую энциклопедию. В каждой главе досконально рассматривается отдельная сторона истории викингов: их повседневный уклад, быт, отношения между мужчинами и женщинами, право и судебные собрания, оружие, корабли, походы и военная стратегия, законы воинского братства, торговля и экономика, верования и мифы, контакты с соседними народами и государствами, жизнь викингов в традиционном скандинавском сообществе и за его пределами. От большинства энциклопедий представленную книгу отличает только одно, но существенное обстоятельство: Режи Буайе — великолепный рассказчик, который умеет подать материал ярко и увлекательно. Истинным украшением книги являются красочные и тщательно выписанные портреты ключевых персонажей того времени: Харальда Прекрасноволосого, Олава Трюггвасона, Кнута Великого, Владимира Святого и Ярослава Мудрого. Эта книга предназначена для широкого читателя и рассчитана на то, чтобы не оставить его равнодушным.

© Éditions Perrin, 2004
© Некрасов М. Ю., перевод с франц., 2011
© Лосев П. П., дизайн обложки, 2014
© Оформление, ООО «Издательство «ЕВРАЗИЯ», 2014

ISBN 978-5-91852-100-7

ВСТУПЛЕНИЕ

Начнем с рунической надписи в Тимансе, Готланд (XI в.):

ORMIGA : ULFUAIR : KRIKIAR : IAURSALIR : ISLAT : SERKLAT

то есть: Ормига, Ульфиар, Греция, Иерусалим, Исландия, Серкланд (Ормига и Ульфиар — мужские имена, под «Грецией» подразумевается Константинополь и его империя, Серкланд означает страну «сарацин»). Таким образом, оба викинга, в память которых воздвигнут этот камень, объехали весь мир, известный в ту эпоху; громких и достаточно темных для нас названий, на которые щедр этот короткий текст, достаточно для создания почти легендарного ореола, дающего нашей фантазии безграничные возможности разыграться.

О викингах, особенно за последние десятилетия, написано много, часто без знания предмета, обычно на основе шаблонных и ложных представлений, с готовностью поддерживаемых как самими скандинавами, так и нами, в силу закоснелого романтизма, который вскормлен американскими фильмами и смутными средневековыми реминисценциями (*A furore Normannorum libera nos Domine* [От жестокости норманнов избави нас, Господи [*лат.*]), порожденными их контекстом. Смутное и почти неодолимое очарование побуждает нас смешивать «пиратов Севера», «первооткрывателей, пришедших с холода», с «великими белыми варварами», дорогими сердцу Шатобриана. «Миф о викингах»[1], поскольку это именно миф, неизменно подогревает наш исторический и литературный пыл, даже если информации прибавляется — мы не хотим ее знать. В созданном нами образе «гордых детей Севера», бесспорно перевернувших историю Западной Европы с IX по XI вв., по определению есть нечто преувеличенное.

[1] См.: *Boyer, Régis.* Le Mythe viking dans les lettres françaises. Paris: Éditions du Porte-Glaive, 1986.

Вот почему я и написал эту книгу. Я хотел бы попытаться объективно, если это возможно, рассмотреть обе стороны предмета — историю и цивилизацию, необходимо уточнить: тесно связанные. Конечно же, не претендуя на то, чтобы исчерпать вопрос, пугающе обширный и комплексный, во многих отношениях требующий прояснений, внести которые может только сложное взаимодействие очень разных наук. Но не воспрещено и не слишком самонадеянно попытаться изобличить самые распространенные ошибки, бытующие в этой сфере, а также пролить свет на то, что составляет ее специфику и объясняет ее успех. Как во Франции бывает очень часто, в этом круге понятий необходимо проделать двоякую работу: попробовать дать информацию, если, конечно, это возможно, а также развеять легенды и мифы. Это не значит, что я сумею прояснить все многочисленные тайны, окутывающие эту историю[1], но пусть мне зачтется, что я попробовал рассеять наиболее одиозные «северные туманы».

Ведь нужно сразу же сделать три замечания.

«Феномен» викингов занимает около двухсот пятидесяти лет (приблизительно с 800 по 1050 гг.: его началом чаще всего считается 8 июня 793 г., когда разграбили аббатство Линдисфарн в Нортумбрии, а концом — 14 октября 1066 г., день битвы при Гастингсе), долгий отрезок времени в жизненно важный период европейской истории, на который пришлись ликвидация каролингской империи, эпоха Аббасидов, потом первый феодальный век и постепенное формирование того, что станет совокупностью сильных и централизованных государств. А ведь в течение этих двух с половиной веков феномен, о котором идет речь, явно эволюционировал: между первыми набегами, систематической колонизацией (Денло, Исландия, Нормандия, Русь и т. д.) и великими датскими нашествиями особой преемственности, во всяком случае внешней, нет. Нет и большого сходства между более или менее мифическим Рагнаром Лодброком, Гнгу-Хрольфом — Роллоном (если это вообще одно и то же лицо: современные историки уже откровенно усомнились в исторической реальности данного персонажа), Лейфом Эйриксоном Счастливым и Хрреком-Рюриком. Так что рассматривать людей и события, общего между которыми мало, используя одно и то же название, кстати, крайне неясное и обычно плохо понимаемое, неправомерно.

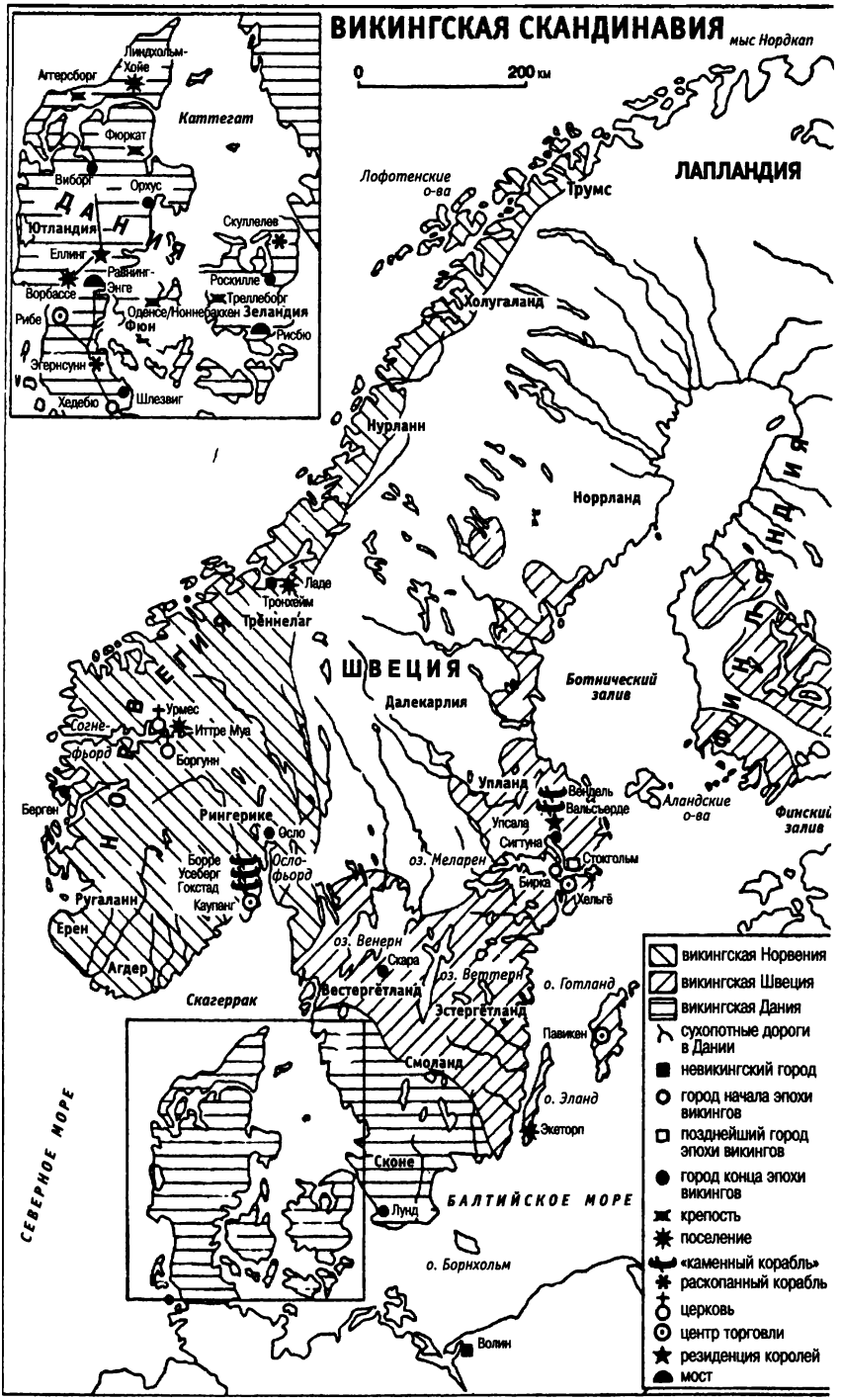
[1] Подробно перечислить их я попытался в статье: Boyer, Régis. Les Vikings et leur civilisation: les mystères qui subsistent sur ces questions // *Comptes-rendus des séances de l'Académie des inscriptions et belles-lettres*. 1989 (133). № 3. P. 782–803.

Ведь, несмотря на очевидное органическое сходство, важно также не смешивать без разбору шведов, датчан, норвежцев, а после исландцев, называя их «скандинавами» или «викингами». Они были и остались представителями разных этносов, несмотря на сравнительную похожесть языков, они имели разные интересы, их образ действия ощутимо различался, даже если судьбе было угодно в те или иные периоды объединять их историю. Например, они действовали в разных регионах, что в основном объясняется географическим положением их стран, но ведь нельзя подходить с одной меркой, описывая их в одинаковых терминах, к маршруту Бьргюн (Берген) — Фарерские острова — Оркнейские острова — Исландия, к медленному каботажу из Лим-фьорда через Северное море, Ла-Манш и Атлантику до Гибралтара и к движению на юг от того места, где сегодня находится Санкт-Петербург, через ряд русских рек и озер до Константинополя.

В-третьих, успех авантюры викингов, то, что П. Г. Фут и Д. М. Уилсон очень удачно назвали *the Viking achievement*[1] [достижение викингов (*англ.*)], ни в коем случае не мог быть следствием взрыва *ex nihilo* [из ничего (*лат.*)], пусть даже ему способствовало воистину исключительное стечение обстоятельств — в Истории, как известно, иногда бывают такие удивительные и уникальные случаи. Все-таки, надо полагать, у него была историческая и культурная основа (в широком смысле), которой вс и объясняется. Кстати, с этого мы и начнем: скандинавы, отчалившие в начале VIII в. от берегов на своих кнорраx, скейдах, снеккьях и т. п., были детьми долгой традиции. У них имелась предыстория, уроки которой мы изучим, они унаследовали дух, который в конечном счете один только по-настоящему и обеспечил им успех. И у них, как и в других местах Европы, «созрела» ситуация для проявления феномена такого рода.

---

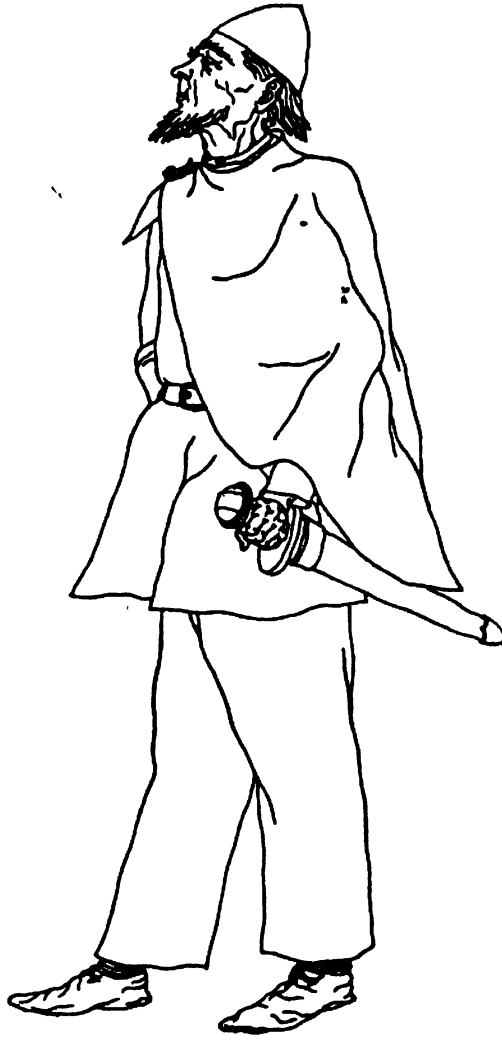
[1] *Foote, Peter G.; Wilson, David Mackenzie.* The Viking achievement: The society and culture of early medieval Scandinavia. London: Sidgwick and Jackson, 1970. Впоследствии несколько раз переиздано. Примечательно, что эта книга входит в авторитетную серию «Great civilizations series». См. также: *Boyer, Régis.* L'Islande médiévale. Paris: les Belles lettres, 2001. [Guide Belles lettres des civilisations; 4.] [Русский перевод: *Буайе, Режи.* Средневековая Исландия. / Пер. А. Н. Степановой. М.: Вече, 2009.]



ВИКИНГСКАЯ СКАНДИНАВИЯ
мыс Нордкап
0
200 км
ЛАПЛАНДИЯ
Лофотенские о-ва
Трумс
Холугаланд
Нурланн
Норрланд
Ладе
Тронхейм
Трённелаг
ШВЕЦИЯ
Ботнический залив
Далекарлия
Урмес
Иттре Муа
Согне-фьорд
Боргунн
Берген
Рингерике
Осло
Борре
Усеберг
Гокстад
Осло-фьорд
Каупанг
Ругаланн
Ерен
Агдер
Скагеррак
Упланд
Вендель
Вальсъерде
Упсала
Сигтуна
Стокгольм
Бирка
Хельгё
оз. Меларен
Аландские о-ва
Финский залив
оз. Венерн
Скара
Вестергётланд
оз. Веттерн
о. Готланд
Эстергётланд
Павикен
Смоланд
о. Эланд
Экеторп
Сконе
Лунд
БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ
о. Борнхольм
Волин
СЕВЕРНОЕ МОРЕ
Каттегат
Линдхольм-Хойе
Аггерсборг
Фюркат
Виборг
Орхус
Ютландия
Еллинг
Равнинг-Энге
Ворбассе
Рибе
Оденсе/Ноннеракken
Фюн
Скуллелев
Роскилле
Треллеборг
Зеландия
Рисбю
Эгернсунн
Хедебю
Шлезвиг
викингская Норвения
викингская Швеция
викингская Дания
сухопотные дороги в Дании
невикингский город
город начала эпохи викингов
позднейший город эпохи викингов
город конца эпохи викингов
крепость
поселение
«каменный корабль»
раскопанный корабль
церковь
центр торговли
резиденция королей
мост

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ИСТОРИЯ



I. НАСКОЛЬКО МЫ ИХ ЗНАЕМ?

Прежде всего надо подробно развить одну из идей, выдвинутых во вступлении: исключено, что движение викингов, какой бы ни была его природа, все двести пятьдесят лет было повернуто к наблюдателям одной-единственной гранью. Действительно, как будто установлено, даже если специалисты могут спорить о переломных датах, что в общих чертах этот феномен прошел через четыре последовательных стадии, по меньшей мере в главных проявлениях. В зависимости от места действия и происхождения участников могли возникать совпадения или наложения, или расхождения, но если не в деталях, то в целом в этой сфере есть некая синхронность, удивительная, хоть и достаточно привычная для того, кто знаком со старинными реалиями Севера[1].

Исходной точкой условно считается набег 8 июня 793 г. на аббатство Линдисфарн (Нортумбрия), где находилась рака святого Кутберта. Процитируем «Англосаксонскую хронику» за 793 г.: «В том году в Нортумбрии явились страшные предзнаменования, напугав и удручив жителей: это были необыкновенные молнии, и в воздухе были замечены свирепые драконы. Вскоре после этих знамений случился великий голод, а через недолгое время в том же году, на январские иды [явная ошибка: дело было в июне], язычники, устроив набег, разрушили церковь Божью в Линдисфарне, творили грабеж и убийство». За этим последовали разграбления монастырей Ярроу (794), Моргануга в Южном Уэльсе и Ионы на священном острове у западного побережья Шотландии, где хранилась рака святого Колумбы, в 795 г.; потом разорили монастыри Рехру (на острове

[1] Напомню, например, о некоем единообразии перехода от старого рунического футарка к новому или о странном параллелизме еще до эпохи викингов, который можно отметить в столкновениях скандинавов и гуннов на востоке, а потом на западе.

Ламбей, в Ирландии), Кинтайр (на острове Мэн) в 797 г., Монквермут близ Сандерленда в 798 г.; наконец, в 799 г. были разграблены разные обители в Аквитании, прежде всего монастырь Сен-Филибер в Нуармутье.

Я сказал — условно, потому что мы обнаруживаем многочисленные признаки активности викингов задолго до 793 года[1] и потому что просто по соображениям здравого смысла невероятно, чтобы это движение началось в 793 г. *ex abrupto* [внезапно (*лат.*)]. Если историки держатся за эту дату, то потому, что хорошо осведомлены о событиях в Линдисфарне благодаря пяти письмам, написанным о них Алкуином. Этот нортумбрийский монах жил во франкской Галлии и позже руководил дворцовой школой в Туре. Это он описал осквернённые раки, «мощи святых, попираемые на улицах ногами, словно мусор», украденные облачения, убитых священников, очевидцев всего этого, которых тащили в плен или за которых требовали выкуп: «Почти триста пятьдесят лет мы и наши отцы жили в этой возлюбленной стране, и никогда еще в Британии не случалось ужаса, подобного тому, какой теперь мы пережили из-за языческого племени, равно как никогда не считалось возможным, чтобы такое вторжение пришло с моря»[2]. Следует отметить, что об этом сообщает клирик, а также обратить внимание на усвоенный тон и слово «языческий».

Так вс началось. Характерными, таким образом, были набеги на богатые и беззащитные поселения. Из широкого распространения этого образа действий, о чем только что говорилось, можно сделать один вывод, который слишком часто упускают из виду: викинги были превосходно осведомлены об условиях жизни будущих клиентов или жертв. Они знали, насколько население того или иного населенного пункта способно сопротивляться, они уже посещали в качестве купцов местности, которые позже при случае разграбят, они ловко выбирали тактику в зависимости от положения противника, наконец, они блестяще умели психологически обрабатывать вероятных жертв заранее. Мы с определенной точностью опишем их тактику — в ней не было ничего беспричинного или стихийного. С той временнбй дистанции, с которой мы смотрим на эти события, можно с удивлением отметить, что эти люди никогда не наносили удар когда придется, где придется и по кому придется.

---

[1] К примеру, морские связи между Норвегией и Ирландией возникли минимум на два века раньше.

[2] *English historical documents. I, c. 500–1042.* Edited by Dorothy Whitelock. 2nd ed. London: Eyre Methuen; New York: Oxford University Press, 1979. № 113.

Уже эти простые замечания показывают, насколько трудно изложить и этот феномен в целом, и многообразие выдвинутых теорий, и периодизацию, которая практически у каждого автора своя. Также сразу скажем, что картина меняется в зависимости от того, какую страну рассматривать — Данию, Норвегию или Швецию. Насколько известно, норвежцы действовали маленькими группами, возглавляемыми вождем или царьком (возможно, это и были знаменитые «морские короли», sækonungar, из саг). Грабившие, если подворачивалась возможность, они прежде всего пытались где-нибудь закрепиться — мы увидим, что их целью в конечном счете была колонизация. Выходя из района Бергена, они по преимуществу выбирали путь прямо на запад, и он их вел к североатлантическим островам (Шетландским, Оркнейским, Гебридским), потом, через западное побережье Великобритании, в Ирландию, Галлию, Испанию, а после 870 г. — в Исландию, Гренландию и (возможно) Северную Америку. Датчане с самого начала были намного лучше организованы, их вожди часто располагали сравнительно многочисленными «флотами». Их прежде всего интересовала финансовая прибыль от походов: богатая добыча, потом материальная дань, которую по имени их народа назвали «данегельд» (датские деньги). Они были авантюристами в небольшой степени, и подоплека их начинаний часто была политической: они рассчитывали, вернувшись домой, увеличить свое богатство и, следовательно, усилить власть. Они выходили из Шлезвига или района Лим-фьорда, входили в Северное море с юго-запада, проходили вдоль восточного побережья Англии (которое позже получило их имя — Денло (Область датского права), Danelaw, то есть территория, подчиненная закону, law, несомненно датчан — Dane: это слово применялось к любому скандинаву) или пересекали Ла-Манш, чтобы высадиться на западном побережье Галлии. Чрезвычайно интересный момент, на который следует обратить внимание: они, таким образом, шли традиционным путем фризских купцов. Что касается шведов, это были по преимуществу коммерсанты, если учесть тот факт — который в конечном счете станет в этой книге чем-то вроде лейтмотива, — что они прибегали к любым средствам, чтобы добыть денег: к торговле как таковой, к грабежу, а также — особенность, которую следует подчеркнуть, — подавались в наемники. Похоже, их первейшая цель состояла в насаждении «факторий». Создается впечатление, что они были очень хорошо организованы, особенно с административной и управленческой точки зрения. Они отправлялись с Готланда, прославленного с давних

времен центра и перекрестка путей[1], на балтийский берег (Гробиня, Апуоле), либо отплывали из Центральной Швеции (Уппланд, Руслаген), проходили весь Финский залив, откуда по сложной сети русских озер и рек добирались до Ладожского озера (где заходили в порт Альдейгьюборг), потом до Новгорода (для них — Хольмгард) и наконец достигали Каспийского моря. Если только не шли по Двине, потом по Днепру (где стоял город Гнздово), через Киев (который они называли Кнугард) и не достигали Черного моря, которое было достаточно пересечь, чтобы попасть в Константинополь. Это не исключало дальних вылазок на Восток, потому что появление шведов отмечено в Ташкенте, Самарканде, Бухаре, Багдаде и т. д.

Эти картины будут описаны подробней — здесь они приведены лишь для общего сведения читателей. То же можно сказать о приблизительной периодизации, которую я сейчас предложу и которая в дальнейшем будет изложена гораздо детальней. Так как главный персонаж у нас — морское царство, я предпочел бы говорить не о «периодах», а о последовательных волнах, поскольку это понятие лучше соответствует идее медленного поэтапного продвижения, которую я уже упоминал. В общих чертах, что бы ни принимать за критерий, получается три волны с заметным перерывом между второй и третьей, что дает нам четыре «периода». С этим согласны почти все, расхождения относятся только к разграничительным датам, зависящим от критерия, который предпочитает наблюдатель. Поскольку — у меня будет возможность обстоятельно объясниться по поводу характеристики, которую я считаю главной, — я оцениваю этот феномен, исходя из того, что викинги руководствовались исключительно коммерческими интересами, в общих чертах предлагаемая мной периодизация имеет следующий вид.

ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНЫЕ ВОЛНЫ

Первая волна шла приблизительно с 800 по 850 г. Коль скоро главная цель данной книги — показать, что викинги были купцами, постепенно и в силу обстоятельств превращавшимися в пиратов, если это было возможно, то можно сказать, что это был разведывательный период. Повторю еще раз: к 793 г. скандинавы, конечно, уже давно поставляли на рынки товары, которые могли продавать и которые их корабли были в состоянии развозить почти повсюду, как

[1] См. превосходное обзорное издание: *Gutar och vikingar:* gårdarna, borgarna... Red.: Ingmar Jansson. Stockholm: Statens historiska museum, 1983.

на Запад, так и на Восток. К рубежу 800 г. они без труда выяснили, что их обычных партнеров уже не поддерживает централизованная и сильная власть. Последовал ряд проверок соперников на прочность, сначала в виде разовых грабежей, которые естественным образом перерастали в набеги все большего масштаба, с зимовками на островах, расположенных близ «интересных» мест. Шведы пытались открыть выгодные торговые пути, норвежцы прощупывали возможности для колонизации, датчане, похоже, закладывали основы экспансии прежде всего политического характера. Мореплаватели повсюду создавали специализированные торговые центры, если угодно, фактории.

Приблизительно с 850 г. и до конца IX в. происходило некое взаимное осознание этого феномена и его возможных последствий. Скандинавская сторона систематично эксплуатировала первые приобретения, на противной стороне формировалась атмосфера ужаса, которую с удовольствием поддерживали клирики, полагавшие, не совсем безосновательно, что близится конец эпохи, — либо, напротив, шла методичная подготовка к сопротивлению. Там, где начиналось последнее (например, в Южной Англии, в Испании), викинги упорства на проявляли. Давайте ясно осознаем: они нигде не были завоевателями в обычном смысле слова (в любом случае это исключала их малочисленность, о которой никогда не следует забывать), им нигде нельзя приписать громкой военной победы. Но там, где они не встречали противников, готовых взять дорогую плату за возможное поражение, они делали то, что выглядит их главной целью, — производили массовое изъятие денег с разоряемых территорий. В отношении данегельда можно отметить, что викингам была важна не столько добыча сама по себе, сколько возможность заставить население платить деньги, и вс бóльшие суммы. Со временем тактика даже стала тоньше: какой-то район облагали данью, а в тот период, за который побежденные могли собрать требуемые суммы, викинги «обрабатывали» другие районы, на которые позже нападут.

Эта вторая волна и была главной, на мой взгляд. Именно тогда викинги осознали свою силу (или скорее слабость противников), организовались, и их действия тут и там стали принимать политическую окраску. В то же время, как будто поневоле, феномен постепенно приобрел намного более милитаризованный облик: в самом деле, на разных фронтах викингам приходилось использовать все более многочисленные военные силы. Однако это ничуть не лишало его коммерческого и, если угодно, хищнического аспекта. Напротив, последний развивался и распространялся вс шире. Мало-помалу мы неминуемо

придем к колонизации на некоторых фронтах (особенно в Исландии). Итак: Дания и Норвегия устраивали на Западе все новые жестокие набеги и систематические грабежи повсюду, где было возможно; шведы шли к созданию того, что станет «русской» (rūs) системой.

Далее последовала долгая передышка, приблизительно с 900 г. (для Исландии она началась почти на четверть века раньше) до 980 г. — период водворения и колонизации, когда определенно стали лучше всего видны цели, которые ставили перед собой скандинавы, — в Исландии, Гренландии, Нормандии, Денло, в окрестностях Киева и Новгорода и в Южной Ирландии. Говорить о последовательной политике, конечно, неуместно. Наблюдатель опять-таки должен принять во внимание силу вещей. Поскольку разоренные страны либо были истощены и неспособны дальше платить, либо были дезорганизованы и осознали неоспоримые административные способности викингов, они позволили последним прочно обосноваться, принять руководство всеми делами, основать государства и попытаться получить официальное признание местных суверенов. Те в основном ставили три условия: пусть скандинавы позволят себя окрестить, на что те в большинстве соглашались, более из политических соображений, чем по убеждению; пусть они приспособятся к существовавшим до них феодальным порядкам, что те в основном и сделали, хотя и с существенными нюансами, благодаря которым появились многие государства нового типа; пусть они действенно участвуют в обороне уступленной им территории, в частности, от других викингских ватаг, на что те повсюду соглашались добровольно. Главную роль во всем этом сыграли датчане — в сотрудничестве с норвежцами или без него, в зависимости от конкретного места, — в то время как шведы обосновались на Руси, где позже слились с местным населением.

Тогда-то викинги и сыграли важнейшую роль в истории Европы: их более или менее корыстное обращение в христианство включило Север в западный мир и породило перворазрядные литературу и искусство; данегельд, вынуждая князей и высших церковных сановников опустошать свою казну, ввел в обращение огромную массу драгоценного металла, дав толчок международной торговле для развития в новых направлениях; оригинальный тип управления, организации, законодательства, принесенный пришельцами, окончательно придал развитию Запада то направление, благодаря которому он позже приобрел современный облик.

Третья волна, которая, таким образом, пришлась на четвертый период и шла примерно с 980 по 1050 гг., вс еще плохо объяснена. По-настоящему она включает только действия датчан (и лишь на

Северо-Западе) и шведов (исключительно на Юго-Востоке). Имеются в виду масштабная попытка установить датскую гегемонию во всей Скандинавии и в Великобритании, с одной стороны, и великий загадочный шведский поход в мусульманскую Азию — с другой. Потому что Норвегия при попытке обеспечить себе власть над Ирландией потерпела поражение под Клонтарфом и была вынуждена довольствоваться осью Исландия — Гренландия — (вероятно) Винланд.

Если считать, что смысл существования всего феномена викингов с самого начала был финансовым, похоже, у этой последней стадии есть лишь одно приемлемое объяснение — поиск новых торговых путей (Серкланд, Средиземноморье, Гренландия) и формирование новых торговых центров (Англия). Однако по разным причинам, которые мы рассмотрим позже, феномен необратимой кристаллизации и необратимой ассимиляции (скандинавов было слишком мало, а их удивительное умение приспосабливаться некоторым образом обрекало их на слияние с местным населением, куда более многочисленным) закреплял викингов на новом месте, если они осуществляли колонизацию, либо, напротив, возвращал их разбогатевшими домой, следствием чего стали внутренние политические процессы в Скандинавии, пресекшие это движение. Даже если оно, в виде кратких и одиночных вспышек, еще продолжалось до середины XII в., по ряду причин можно полагать, что феномен викингов как таковой завершился к 1030, самое позднее к 1050 г. Завоевание Англии Вильгельмом Незаконнорожденным, которое иные авторы считают крайним пределом этой авантюры, — уже не викингский и не скандинавский феномен.

Вот грубо, только в самом общем виде, ради удобства читателя, набросанная картина, в детали которой ему и предлагается углубиться в настоящей книге. Должно быть, чувствуется, что некоторые утверждения были мной высказаны осторожно. Потому что, и на этом надо настаивать и настаивать, — как ни парадоксально, мы очень мало и очень плохо осведомлены о реальных фактах, очень немногие из наших источников можно принимать за чистую монету, и поэтому историку важно подвергнуть безжалостному критическому рассмотрению все «документы», какими он располагает, чтобы развеять мифы о викингах.

КАКИМИ ИСТОЧНИКАМИ МЫ РАСПОЛАГАЕМ?

Пусть это заявление парадоксально и противоречит почти нерушимым представлениям, но письменные источники, за редким исключением, — не самые интересные. Они настолько неинтересны, что

в принципе можно утверждать: по-настоящему приемлемы и способны помочь в дальнейшем изучении данного вопроса только следующие три вида источников.

Археология

Что бы ни говорили, но археологию следует считать первой, если не единственной наукой, которая способна пролить свет на эту проблему. При условии, что в своих выводах она учитывает нюансы и что эти выводы подкрепляются данными из других сфер (филологии, например, и отдельных письменных источников, правильно оцениваемых в свете археологических находок[1]), она может дать надежные основы, позволяющие воссоздавать реальность[2]. Это не значит, что надо слепо доверять всему, что могут заявить археологи, или что надо закрывать глаза на несовершенства археологии[3]: так, находки, сделанные в земле, часто даже самыми современными методами (так называемым улучшенным радиоуглеродным) трудно датировать достаточно точно, чтобы быть уверенным в принадлежности объекта к периоду викингов — по археологическим меркам очень короткому. Эти находки сами по себе крайне «разнородны», потому что почти всегда сделаны в местах, где люди жили долгое время, из-за чего связать тот или иной объект с конкретным слоем затруднительно. К тому же на месте многих поселений викингов находятся современные города, как Берген (Норвегия), Оденсе (Дания), не говоря уже о Квентовике во Франции. Вероятно, бóльшую часть реликвий еще предстоит обнаружить: каждый год приносит новый урожай благодаря то перестройке набережной (Берген[4]), то градостроительным работам (Йорк[5]). И уточним, что найденные объекты

[1] Например, текста, хоть и в высшей степени легендарного, «Саги о йомсвикингах» (французский перевод: *Vikings de Jómsborg* / trad. de l'islandais de Régis Boyer. Bayeux: Heimdal, 1982) и воссоздания *in situ* [на месте (*лат.*)] некоторых укрепленных лагерей, как лагерь Треллеборг в Дании.

[2] Библиография обширна. Ее объем можно оценить по изданию: *Graham-Campbell, James.* The Viking world. London: Frances Lincoln, 1980.

[3] Хорошо показанные Сойером: *Sawyer, Peter Hayes.* Kings and Vikings: Scandinavia and Europe, A.D. 700–1100. London; New York: Methuen, 1982.

[4] Liestøl, Aslak. Runer frå Bryggen // *Viking* (Oslo). 27 (1964). P. 5–53.

[5] См.: *Roesdahl, Else.* Vikings in England, and in their Danish homeland. London: Anglo-Danish Viking Project, 1981 и работы Р. Холла, упоминаемые в этом издании. См. также: *Smyth, Alfred P.* Scandinavian York and Dublin: the history and archaeology of two related Viking kingdoms. 2 v. Dublin: Templekieran P., 1975–1979.

зачастую имеют плачевное состояние, а данные, полученные от «нашедших лиц», порой грешат невежеством[1].

П. Сойер отмечает, что многие поселения были разрушены, а потом отстроены и уже представляют собой отнюдь не оригиналы, а многие другие не были раскопаны целиком и методично. Он приводит в пример город Хедебю в Дании, об огромной важности которого я еще скажу: там раскопали всего 5% местонахождения. И тем не менее добыча внушительная: останки 250 тыс. животных, в том числе 100 тыс. свиней, в общей сложности 540 кг стеатита в виде 3400 фрагментов, а также около 4 тыс. оленьих или коровьих рогов. Эти огромные цифры удивляют: создается впечатление огромной свалки, где ценные объекты — редкость и где трудно понять, что имеет отношение к торговле викингов. В порту обнаружено 69 монет и кожаный мешок, содержащий 42 разных бронзовых матрицы, предназначенных для изготовления серебряных, золотых и других предметов; это куда более интересная находка, из которой можно было бы заключить, что город отдал лишь то, что там выбрасывали в отходы, а порт более показателен! С другой стороны, в местах, которые разделяет более ста метров, нашли фрагменты одного и того же керамического изделия в слоях, расположенных в двух метрах друг над другом. Таким образом, в крайне мелком масштабе, который приходится выбирать, стратиграфия не дает никаких убедительных данных. Если разные деревянные постройки позволяет датировать дендрохронология, то некоторые предметы керамики, поспешно причисленные к славянским из-за формы или отделки, на самом деле имеют местное происхождение, судя по материалу, из которого сделаны. Итак, слишком категорических утверждений допускать нельзя. И я уже не говорю о местонахождениях, которые были частично исследованы век назад, но которые только теперь решили изучить систематически, таких, как Бирка в Швеции.

Тем не менее только археология может похвалиться столь бесспорными успехами, как обнаружение кораблей викингов (кнорр в Гокстаде, Норвегия), идентификация и реставрация важнейших торговых центров (Хельг, Хедебю), интерпретация кладов после их открытия (Терслев, Каупанг), воссоздание индивидуальных или коллективных захоронений (Еллинг, Линдхольм-Хойе), укрепленных лагерей (Треллеборг, Оденсе, Аггерсборг, Фюркат — все в Дании). И она не перестает прогрессировать: уже упомянуты Берген и Йорк,

[1] Во Франции почти обычное дело, когда в местных музеях подлинные мечи викингов названы «меровингскими», и наоборот!

добавим Дублин, ставший в то же время объектом плодотворных изысканий[1].

Нумизматика

Это наука, изучающая монеты и медали; нумизматы за несколько веков, особенно в течение нашего, откопали необыкновенное количество монет разного происхождения, одиночных или в виде «кладов», которые владельцы зарыли ради безопасности[2]. Статистическое исследование этих находок и компетентный анализ полученных графиков предоставляют достоверную информацию как о торговой, так и о военной деятельности викингов. Они дают и ценные сведения хронологического характера: монеты, как правило, датировать довольно просто, и их происхождение часто известно. Например, по арабской монете в могиле 581 в Бирке можно сделать вывод о самой ранней дате, когда могли выкопать эту могилу. Данные нумизматики сами по себе показывают, что в самом конце X в. (что соответствует началу нашего третьего «периода») викинги резко снизили активность: в это время богатые арабские серебряные копи иссякли. К тому времени исчезла одна из главных причин для набегов викингов, и сам феномен, чтобы существовать дальше, должен был вступить в новую фазу (колонизации как таковой).

Филология

К филологии и тем сферам, где она в принципе применима: топонимике, антропонимике и рунологии — следует относиться с осторожностью. Нет ничего проще, чем придать какому-то слову «викингский» смысл, и в Нормандии эта порочная склонность присуща многим нормандцам. Здесь, как и в других случаях, к названиям мест и именам людей следует подходить крайне осмотрительно и запретить себе всякий разгул воображения, а главное, всегда проверять, насколько древен рассматриваемый термин. Приведем всего один пример[3]: внимательное исследование топонимов и прежде всего микротопонимов (названий небольших местных объектов) Нормандии как будто выявляет глубокое укоренение скандинавов в этой про-

[1] См. работы Э. Т. Лукаса.

[2] Этот сюжет необъятен, его изучали М. Долли и прежде всего Б. Мальмер.

[3] Этой ссылкой я обязан Ж. Адигару де Готри: *Adigard des Gautries, Jean.* Les noms de personnes scandinaves en Normandie de 911 à 1066. Lund: C. Blom, 1954. Есть превосходный критический очерк Жана Рено: *Renaud, Jean.* Les Vikings et la Normandie. Rennes: Ouest-France, 1989.

винции. Но утверждать это — значит забывать, что фьеф Роллона за добрых пятьсот лет *до* поселения здесь викингов подвергся нашествиям саксов. А ведь старосаксонский и древний скандинавский языки, оба германские, в X в. еще не имели принципиальных различий, так что невозможно с уверенностью сказать, что тот или иной топоним — обязательно скандинавский, а не саксонский! Выводы филологического характера можно учитывать, только когда с ними согласуются другие свидетельства. В таком случае филология может даже внести ценный вклад. Так, основателя Новгородского-Хольмгардского княжества звали Хррек, в славянизированном варианте Рюрик, его сына — Хельги (по-славянски Олег), внука — Ингвар (по-славянски Игорь), а сына последнего — Святослав (возможных скандинавских соответствий нет); этого достаточно, чтобы утверждать, что за три поколения скандинавы (в данном случае шведы) славянизировались, и сделать вывод о том, с какой скоростью ассимилировались варяги (varègues; это название викингов, которое применялось на Востоке, но не на Западе). Или же: достаточно отметить, где на карте Англии находятся названия вероятного скандинавского происхождения, чтобы с примечательной точностью провести границы Денло. И напротив, интересны противные случаи: если Корк, Лимерик, Уотерфорд, Уэксфорд в Ирландии — названия вполне скандинавские, то Дублин (Dubh-Linn, по-кельтски «черный залив») — чисто кельтское, и скандинавизированным вариантом этого слова (Дюфлинн из саг) злоупотреблять не следует.

Есть раздел, если угодно — подотрасль, филологии, которой мы уделим большое внимание, но которой тоже надо пользоваться с величайшей рассудительностью: рунология. Ведь, не считая нескольких эддических или скальдических поэм, нет других «письменных» свидетельств, принадлежавших самим викингам и приходившихся как раз на время их походов, кроме рунических надписей. Специалисты[1] сумели точно датировать эти эпиграфические памятники, они показали[2], какие сведения о разных сферах деятельности можно оттуда извлечь, особенно о походах — как на Запад, так и на Восток. Локализация таких находок — а возможности их найти еще далеко не исчерпаны — тоже может дать полезную информацию, как и изучение

[1] См.: *Musset, Lucien.* Introduction à la runologie. 2e éd. Paris: Aubier-Montaigne, 1980, а также специальный номер журнала: *Études germaniques.* 4/1997 (Les runes).

[2] Как С. Б. Ф. Янсон: *Jansson, Sven Birger Fredrik.* The Runes of Sweden / transl. by Peter G. Foote. Stockholm : Norstedt & Söner, 1962.

декоративных мотивов, какими их предпочитали украшать, ведь такие мотивы в основном диктовала эволюция скандинавского искусства, которая нам известна. Однако, даже если не обращать внимания на неизбежный вздор, который постоянно кто-нибудь несет по поводу этих надписей (например, якобы они обязательно имеют магический характер, хотя магическими могли быть только надписи на старом футарке, которые не относятся к эпохе викингов, или якобы они имеют апотропеическое значение), все-таки расшифровывать их обычно трудно, их лаконичность не всегда позволяет сделать однозначные выводы, а их главное назначение — сохранение памяти об одном или нескольких умерших — может делать их историческими источниками как таковыми разве что случайно. Тем не менее других аутентичных продуктов «интеллектуальной» деятельности викингов нет.

Письменные источники

Они бесчисленны и являются истинной причиной всех наших бед, сколь бы необходимыми эти источники ни были. Поскольку их упрямо используют без разбору и поскольку именно они породили то, что нужно решительно назвать мифом о викингах, я несколько задержусь на них.

Прежде всего — несколько принципиальных положений.

В огромном большинстве эти источники[1] написаны церковниками, которые, как правило, в то время одни умели писать, а значит, составлять анналы, хроники и т. д., которые нам нужно использовать. А ведь эти клирики почти никогда не были объективны (даже когда не писали откровенный бред, как ирландцы). Пойдем для начала *a contrario* [от противного (*лат.*)]: примечательно, что документы, составленные арабскими наблюдателями[2], которых феномен викингов непосредственно не коснулся и которые, кстати, умели от них защищаться, представляют образ «гордых сынов Севера» радикально другим, чем записи западноевропейских клириков. Те, кого описали дипломаты обоих халифатов (Кадисского и Багдадского), выглядят коммерсантами-идолопоклонниками, ловкими купцами, энергичными мореходами, но очень мало похожи на воинов и еще меньше — на

[1] Гвин Джонс: *Jones, Gwyn.* A history of the Vikings. London; New York; Toronto: Oxford university press, 1968 [Русский перевод: *Джонс, Гвин.* Викинги. Потомки Одина и Тора. / Пер. З. Ю. Метлицкой. М.: Центрполиграф, 2004] приводит очень полезный их список на с. 439 и далее.

[2] Ссылки — в книге, упомянутой в предыдущей сноске, на с. 439–440. Некоторые тексты существуют во французском переводе.

организованную армию. Возразят, что они наблюдали прежде всего варягов (varégues), но какой оттенок отличает последних от викингов, мне не удается понять. Обратимся к Западу: уже отмечалось, что викинги нападали прежде всего на аббатства, монастыри, коллегиальные церкви, открытые города, где беспардонно захватывали священные сокровища, пользуясь внезапностью набега, тщательно подготовленного, после чего немедленно убегали, устроив пожар. Комментаторы испытывали искреннее возмущение, не в силах понять, как «дикие» (по выражению Аббона Сен-Жерменского) язычники могут посягать на святыни, но очень скоро они усмотрели в этих людях бич, коим сам Бог карает христиан за грехи. Дерзких грабителей, которые могли брать только хитростью и энергией, а не бог весть каким техническим или «военным» превосходством, очень быстро окружили воистину сатанинским ореолом. Им объясняются искажения, преувеличения, на которые с легким сердцем шли очевидцы, особенно что касалось численности нападавших и их жестокости. Еще шаг, и вот перед нами устоявшиеся представления, которые продержатся до наших дней (как рассказ о питье крови из черепа врага[1]), несокрушимые легенды и весь тот хлам чрезвычайно «варварских» картин, красочных или жутких, из-за которых в конечном счете в горячие молитвы войдет знаменитая просьба: «От ярости норманнов спаси нас, Господи!» и которые в начале XIX в. воспримет, поддержит и раздует скандинавский романтизм, беременный национализмом (датчанин А. Эленшлегер или шведы Э. Тегнер и особенно Э. Г. Гейер). Рискнем даже утверждать, что некоторые из текстов, рассказывающих о викингах, — набор выдумок чистой воды, имитаций классических или агиографических источников и что воспринимать их буквально — просто глупо, чисто из соображений здравого смысла. Например, прочтите, что писал перепуганный ирландский хронист в IX в.:

> Даже если бы на шее у каждого было по сто голов из каленого железа, а во рту каждой головы — по сто заостренных медных языков, бесстрашных и никогда не ржавеющих, а каждый язык издавал бы по сто болтливых голосов, звучных и никогда не смолкающих, они никогда не смогли бы передать, или рассказать, или перечислить все горести, и раны, и ущерб, каковые потерпели все ирландцы, мужчины и женщины, миряне и священники, старые и молодые, свободные и несвободные, в каждом доме от этих смельчаков, грубиянов и в полной мере язычников.

[1] Объяснение, откуда он появился, см. в конце настоящей главы.

Ведь одна из особенностей этого жанра состоит в том, что такие источники, авторы которых желали лишь показать «варварство» грабителей, напрочь умалчивают обо всем остальном — фактах культуры, которые интересовали викингов, образе жизни, а главное — о других исторических событиях, совпадавших во времени с вылазками скандинавов. Например — и я считаю важным это подчеркнуть, — из франкских источников следует, что славяне, бретонцы, сарацины, венгры вызывали куда больший страх, чем викинги. В «Бертинских анналах» за 862 г. автор сообщает прежде всего о столкновениях Людовика Немецкого с вендами (славянами): «Датчане опустошили огнем и мечом немалые части его [Людовика] страны. Но и другие враги, доселе неизвестные их населению — венгры, разорили его государство». А в отношении сарацин тот же текст за 842 г. отмечает: «Мавританские пираты, достигшие Арля по реке Роне, также опустошили всю окрестность и удалились, нагрузив корабли добычей». О венграх, которые в IX в. действительно были одним из главных бичей Европы, в своих «Анналах» Флодоард Реймский пишет:

> 926 год. Венгры тоже, перейдя Рейн, разорили земли до самого пага Вонк [в Арденнах] грабежами и пожарами. <...> Мощи святого Ремигия и реликвии других святых, опасаясь венгров, переправили из их монастырей в Реймс. <...>
>
> 933 год. Венгры разделились на три группы: одна из них добралась до Италии, вторая вторглась в землю Генриха за Рейном. <...>
>
> 935 год. Венгры рассыпались по Бургундии, опьяненные грабежами, поджогами и убийствами. <...>
>
> 937 год. Видели, как часть неба пылала огнем, и за этим последовал набег венгров во Францию с той самой стороны; они опустошали селения и поля, пожгли дома и церкви, увели множество пленных <...>[1]
>
> 951 год. Венгры пересекли Италию, перешли Альпы и ворвались в Аквитанию, а там задержались почти на все лето, грабя, убивая и разоряя эти места; затем они через Италию вернулись в свои края <...>[2]
>
> 955 год. Венгры многочисленными отрядами и огромной толпой вошли в Баварию, намереваясь вступить во Францию[3].

Вопрос в том, чтобы выяснить, почему викинги оставили в коллективном бессознательном столь глубокий след. На это уже дан ответ: их тактика казалась более неожиданной и эффективной, притом что они имели очень конкретные цели, и церковь, вдохновлявшая

[1] Флодоард. Анналы // *Рихер Реймский*. История. М.: РОССПЭН, 1997. С. 194.
[2] *Там же*. С. 205.
[3] Цит. по [кроме мест, на которые уже сделаны ссылки]: *Mollat du Jourdin, Michel; Desanges, Jehan*. Les Routes millénaires. Paris: Nathan, 1988. P. 146.

авторов, которым мы вынуждены внимать, из-за большей уязвимости становилась главной жертвой викингов. Об этом можно было бы говорить бесконечно. Скандинавы ценили драгоценные металлы на вес, качество обработки их могло и не интересовать. Поэтому у них был обычай рубить золото и серебро топором (получая hacksilfr, рубленое серебро) и взвешивать — несомненное варварство, отягченное святотатством, в глазах просвещенного жителя каролингской империи. Так что в проклятиях и сетованиях монахов Ордерика Виталия или Аббона Сен-Жерменского нет ничего удивительного.

К тому же эти источники не проводят никаких различий между разными аспектами того феномена, который неистово поносят: простые налеты отдельных пиратов, экспедиции политического характера, вылазки прежде всего коммерческие и высадки с целью колонизации в равной мере становятся объектами проклятий и порождают одни и те же гиперболы. Современный историк, добиваясь объективности, должен проделать очень терпеливую работу, сличая, сопоставляя и находя соответствия, чтобы не принять банальный набег на Нант в день большого праздника за хорошо организованный поход.

Изложив эти основные положения, приведу краткий перечень жанров, к которым могут принадлежать письменные источники, находящиеся в нашем распоряжении.

Прежде всего это франкские (каролингские, а потом нормандские) источники, которые можно также назвать континентальными. Они делятся на две категории: некоторые из них притязают на «историзм», как всевозможные анналы, Эйнхард, сборники актов, например, Карла Лысого или Карла Простоватого. Самое мягкое, что можно о них сказать, — что объективность их авторам была неведома. Например: долгое время считалось, что сочинение «Об обычаях и деяниях первых герцогов Нормандии» Дудона Сен-Кантенского[1] достойно доверия. Современные историки и в первую очередь Люсьен Мюссе (назвавший его «отвратительным автором»[2]) доказали, что это произведение, к тому же заказное, имело династический характер: Дудону заплатили за то, чтобы он доказал и прославил благородство Нормандского дома. Из этого следует, что многие высказывания,

[1] *Dudon de Saint-Quentin*. De moribus et actis primorum Normanniae ducum. Éd. par Jules Lair. Caen: Typ. F. Le Blanc-Hardel, 1865. [Mémoires de la Société des antiquaires de Normandie (Collection); 23.]

[2] В сборнике: *La Chronique et l'histoire au Moyen Age*: colloque des 24 et 25 mai 1982. Organisé par le Département d'études médiévales de l'Université de Paris-Sorbonne; textes réunis par Daniel Poirion. Paris: Presses de l'Université de Paris-Sorbonne, 1984.

которые он приводит (наподобие: «У нас нет вождя, мы все равны», притом что из этих слов, совершенно немыслимых в среде викингов, уже выросла целая литература удручающего качества), или сцены, которые описывает (один из помощников Роллона отказывается целовать ступню сюзерена), — просто-напросто вымысел. Еще менее надежна другая категория — многочисленные рассказы агиографического характера[1], жития (vitae), где на сцену выводится святой, спокойную жизнь которого нарушили столкновения с викингами. Жанр житийной литературы, бесспорно, самое популярное чтиво от Сульпиция Севера до конца Средневековья и позже, хорошо известен[2] и следует установленным правилам. Само собой разумеется, что святой обязательно становился объектом бесчинств «варваров» и столь же обязательно торжествовал над последними. Так что тексты Эрментария, биографа святого Филиберта, или Римберта, биографа святого Ансгария, не говоря уже о Титмаре Мерзебургском, епископе, надо читать между строк, чтобы извлечь нечто существенное. Это не значит, что такие тексты не имеют никакой ценности: «Житие Ансгария», например, — документ первостепенной важности, но к нему надо уметь найти подход.

Те же недостатки в целом свойственны англосаксонским или кельтским источникам, причем авторы последних имели выраженную склонность к свободному полету воображения. Однако ирландскими, шотландскими, уэльскими анналами пренебрегать не следует, надо только умело их анализировать, равно как и «Англосаксонскую хронику», и даже «Панегирик королеве Эмме», и даже эпическую поэму такого качества, как «Беовульф». Зато добавления, которые сделал к своему переводу «Всеобщей истории» Орозия король Альфред Великий, чрезвычайно интересны.

Что касается балто-славянских источников, выделим прежде всего знаменитую русскую «Первоначальную летопись» («Повесть временных лет»), т. н. «Несторову летопись», составленную, отметим эту дату, в начале XII в. Об этом тексте здесь будет говориться много,

[1] См.: *D'Haenens, Albert.* Les invasions normandes, une catastrophe? Paris: Flammarion, 1970.

[2] Эти тексты хорошо изучили И. Делеэ: *Delehaye, Hippolyte.* Les légendes hagiographiques. 3e éd. revue. Bruxelles: Société des Bollandistes, 1927 и Туэ Гад: *Gad, Tue.* Legenden i dansk Middelalder. København: Dansk Videnskabs Forlag, 1961. Есть обзорный очерк Р. Бойе: Boyer, Régis. An attempt to define the typology of medieval hagiography // *Hagiography and medieval literature*: a symposium. Edited by Hans Bekker-Nielsen et al. Odense: Odense University Press, 1981. P. 9–26.

потому что это главный источник наших знаний о феномене «русов»; однако прежде всего отметим, что, как нам сегодня известно, Нестор писал династический труд, как и Дудон Сен-Кантенский, только для Рюриковичей.

Зато, как я говорил, в настоящей книге я буду часто обращаться к арабским источникам, то есть к отчетам, которые писали в эпоху, интересующую нас, дипломаты халифатов, «служившие» в варяжских местностях, а также к текстам арабских историков и географов. Ибн Фадлан, Ибн Руста, Ал-Масуди — качественные источники информации, но их, к сожалению, сложно интерпретировать из-за того, что они нередко предлагают арабское толкование реалий, которые не понимают.

На последнем месте — собственно скандинавские источники, которые требуют отдельного подхода. Их можно сгруппировать по жанрам, которые надо рассматривать по отдельности. Но напрашивается одно замечание общего характера. Скандинавские письменные источники, сообщающие что-либо напрямую или обиняками о викингах либо независимо от воли автора дающие о таковых ценные сведения, за немногими исключениями принадлежат к тому феномену, который вполне обоснованно принято называть исландским чудом: чудом по причине несравненных достоинств этого огромного комплекса произведений, не имеющего никаких аналогов на Западе, чудом из-за того, что оно до сих пор не поддается никаким попыткам истолкования, наконец, чудом — и это я говорю с досадой! — потому что эта богатейшая литература, хотя ее несколько десятилетий беспощадно просеивают, не является надежным историческим свидетельством, даром что создает иллюзию аутентичности в этом качестве.

Так, до нас дошло некоторое количество скандинавских кодексов законов, которые все могут восходить к эпохе викингов, например, Ютландские законы, законы Сконе и т. д. или исландский «Грагас», готландская «Сага о гутах» и прочие. Не поддаваясь искушению гиперкритицизма[1], скажем: сегодня нам известно, что версия этих текстов, которой мы располагаем, датируется более поздними временами, чем эпоха викингов (в основном самое меньшее на век-два), и могла испытать влияние римского права и даже Библии. Это не значит, что они не имеют никакой ценности, но слишком слепо

[1] Которого не избежал в последних работах М. Якоби, особенно в книге: *Jacoby, Michael.* Bibeltradition und Bibelsprache zwischen Mittelalter und 20. Jahrhundert im nordgermanischen Raum: der Einfluss der Scholastik aus Paris und der Lutherbibel. New York; Berne; Frankfurt am Main; Paris: Lang, 1988.

доверять им не стоит. То же можно сказать обо всех скандинавских историографических произведениях времен зарождения там историографии[1]. «Извлечение из саг о норвежских королях» (Ágrip af Nóregs konunga sögum), «Книгу об исландцах» (Íslendingabók) священника Ари Торгильссона Мудрого (1056–1133), считающегося отцом исландской литературы, так же как работы датчанина Свена Аггесена, надо изучать, принимая во внимание личность их авторов, вероятные намерения последних и точное время написания: Ари, возможно, собирался составить вступление к истории церкви своей страны. Этим объясняются не только его предвзятость, но и его умолчания, слишком краткие упоминания событий, чрезвычайно важных для нас, но не для него. Опять-таки, эти произведения приобретают ценность лишь при сравнении с другими источниками и по возможности — при сопоставлении с объектами, если таковые нам известны. Возьмем один пример: в «Книге об исландцах» Ари, церковная и националистическая пристрастность которого очевидна, отмечает, что первые скандинавские колонизаторы Исландии нашли остров пустынным, за исключением нескольких «рараг» (ирландских монахов), которых изгнали, — долгое время считалось, что те находились там в соответствии с одним из уставов кельтского монашества. Но исландские археологи теперь находят доказательства давнего и прочного кельтского присутствия на острове задолго до 874 г. Понятно, что Ари этой темы избегал: он хотел прославить добродетели национальной исландской церкви, церкви годи (goðarkirkja), к которой принадлежал и которой, так сказать, «жаловал дворянские грамоты». Но коль скоро мы знаем, что кельтам этот остров был известен с давних пор и что, следовательно, они могли способствовать формированию исландской культуры, это заставляет нас посмотреть на сюжет другими глазами.

То же относится к исландским сагам, в настоящее время одному из главных источников, к которым обращаются, чтобы получить представление о викингах. Не слишком задерживаясь на этом вопросе[2],

[1] См.: Boyer, Régis. L'historiographie medievale islandaise // *La Chronique et l'histoire au Moyen Age*: colloque des 24 et 25 mai 1982. Organisé par le Département d'études médiévales de l'Université de Paris-Sorbonne; textes réunis par Daniel Poirion. Paris: Presses de l'Université de Paris-Sorbonne, 1984. P. 123–136.

[2] *Boyer, Régis.* Les sagas islandaises. 3e éd. Paris: Payot, 1992, или длинное вступление к изданию: *Sagas islandaises*. Textes traduits, présentés et annotés par Régis Boyer. 2e éd. Paris: Gallimard, 1991. [Bibliothèque de la Pléiade, 338], или также: Boyer, Régis. Les sagas islandaises sont-elles des documents historiques? // *Recueils d'études en hommage à Lucien Musset*. Caen: Annales de Normandie, 1990. [Cahiers des Annales de Normandie; 23.] P. 109–126.

скажу, что саги — не исторические документы в том смысле, какой мы придаем этому слову. Однако они выводят на сцену подлинных викингов (таких, как Эгиль Скаллагримссон, герой саги, носящей его имя, или король Олаф Трюггвасон[1]), а некоторые из саг, называемые королевскими (konungasögur), сокровищница которых — сборник под названием «Круг земной», составленный великим писателем Снорри Стурлусоном (1179–1241), претендуют на отображение радостей и бед скандинавских стран именно в IX и X вв. Но если хочешь найти здесь историчность, этот жанр надо беспощадно освобождать от мифов, возникших вокруг него. Короче говоря, саги, все саги, датируемые самое раннее 1150 г., самое позднее — 1350-м, появились через век-три *после* эпохи викингов. К тому же современные исследователи[2] после долгих споров сошлись на том, что эти тексты написаны как усердное подражание библейской и классической историографии, а также средневековой агиографии. Даже если они имеют облик «исторических» работ, это произведения, «выписанные» очень продуманно, произведения искусства, литературные шедевры, не имеющие равных. Усматривать в них что-либо другое значило бы искажать их смысл. Я не говорю, что вс в них ложь, — напротив. Это богатейшие кладези сведений во всех сферах, но нужно уметь читать в них между строк и понимать: если что-то в них бесспорно исторично, так это менталитет их авторов, их отношение к традициям, которые они, как принято считать, воспроизводят, и, вероятно, образ человека, жизни и мира, который они создают.

Достаточно одного примера: прекраснейшая из этих королевских саг — несомненно сага о святом Олафе Харальдссоне[3], герое многих других текстов. Сегодняшние издатели этого текста обязаны отметить влияния, которые она отражает, пристрастность Снорри Стурлусона, ее автора, значение для исландцев того политического образца, который он отстаивает. И опять же это не значит, что черты викинга у Олафа, особенно в молодости, вымышлены, но читать эту сагу надо с учетом намерений Снорри, а не как хронику, беспристрастно излагающую факты.

---

[1] Первая фигурирует во французском переводе «Исландских саг» (см. предыдущую сноску), вторая появилась в их французском переводе в издании Imprimerie Nationale 1992 г.

[2] Boyer, Régis. Vita — historia — saga: Athugun formgerðar // *Gripla* (Reykjavík). VI (1984). P. 113–128.

[3] Французский перевод Р. Буайе: *La Saga de saint Óláf*: tirée de la «Heimskringla» de Snorri Sturluson. Introd., trad. et notes de Régis Boyer. Paris: Payot, 1992. [Petite bibliothèque Payot; 77.]

Это я говорил только о так называемых королевских сагах. Другие категории этих текстов нас не интересуют: «саги о современности», samtíðarsögur, действие которых происходит в Исландии в XII и XIII вв., или «рыцарские саги», riddarasögur, представляющие собой адаптации наших героических песен — бретонского цикла, цикла об Александре или романов Кретьена де Труа; есть и такие, которые, по откровенному признанию самих авторов, обычно анонимных, представляют собой чистый вымысел. Это так называемые легендарные саги, на самом деле саги о древних временах, fornaldarsögur, авторы которых по разным причинам, в которых разбираться здесь не место, стремились идеализировать своих героев; именно они больше всех способствовали формированию мифа о викингах — подвиги знаменитого Рагнара Лодброка, реально существовавшего викинга, эти тексты непомерно преувеличили. Таким образом, при написании истории викингов опираться на сагу, какой бы она ни была, нельзя — это решительно исключено. К ней можно по многим поводам обращаться, ссылаться на нее в подтверждение других аргументов; лучше обоснованных, находить совпадения ее текста с другими свидетельствами, часто показательные, и т. д. Но при современном состоянии знаний текст ни одной саги, по-моему, не позволяет писать историю викингов или даже создавать типологию викинга. Для краткости отмечу, что то же самое можно сказать об эддических и даже скальдических поэмах[1], хотя некоторые из последних появились в период с IX по XI в.

Я хорошо сознаю, что все это сильно разочарует любителя северных древностей в традиционном их понимании и рьяного поклонника викинга или викингов. Поэтому, чтобы мне не приписывали иконоборческого ража, я должен объясниться. Как и многие мне подобные, я устал от чудовищного вздора, который городят и распространяют об этом сюжете веками и особенно в нашу эпоху, претендующую на название просвещенной. Не думаю, что викинги потерпят урон из-за моих стараний развеять мифы о них, — напротив! Но очевидный интерес, какого эти люди заслуживают, должны вызывать иные образы, чем непобедимый сверхчеловек, бич Божий, ужас Запада и даже основатель рыцарства, равно как и прочие ложные представления, которые кто-то пожелал создать о викингах. Довольно одной иллюстрации: не правда ли, хорошо известно, что викинги любили пить кровь из черепа врага — ведь эта картина прочно запечатлелась в на-

[1] См.: *Boyer, Régis*. La Poésie scaldique. Paris: Éd. du Porte-glaive, 1990, в частности, главу IV: «Valeur historique des poèmes scaldiques».

шем коллективном бессознательном? Отсюда их лютое варварство, устрашающая жестокость и т. д. Однако сюда вкралась небольшая ошибка: в поэме, ошибочно приписываемой ему, уже упомянутый Рагнар Лодброк хвалится, что пил пиво (пиво, а не кровь!) на «кривой ветви черепа» — это кеннинг, то есть непременная речевая фигура в поэзии такого типа, означающий «рог [бычий]», который служил чашей викингов. Этого и хватило, чтобы комментаторы понесли дикую чушь.

Вот почему подход к источникам, поверхностное или торопливое чтение которых породило столь гротескные преувеличения, должен быть критическим. В приведенном выше списке я опустил два важнейших текста. Прежде всего произведение, которое долго считали образцовым, — «Деяния епископов Гамбургской церкви» (Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum) Адама Бременского (около 1075 г., то есть вскоре после окончания эпохи викингов, см. новый французский перевод Жана-Батиста Брюне-Жайи: *Adam de Brême.* Histoire des archevêques de Hambourg. Avec une description des îles du Nord / trad. du latin, présenté et annoté par Jean-Baptiste Brunet-Jailly. Paris: Gallimard, 1998. [L'aube des peuples.]). Адам Бременский тоже пытался доказать выдающиеся качества Гамбургско-Бременского архиепископства, которому одно время подчинялась вся церковь недавно обращенного Севера. А ведь я только что отмечал, насколько важно выявлять возможную пристрастность авторов, к которым приходится обращаться: оказывается, Адам питал очень сильную неприязнь к Норвегии, потому что она не желала повиноваться Гамбургу. Вот как он описывает Олафа Трюггвасона, хотя и признает, что тот первым евангелизовал свою страну:

> Иные говорят, что Олавус был христианином, иные — что он отрекся от христианства. Все однако утверждают, что он был ловок в деле гадания, наблюдал, как будет брошен жребий, и возлагал всю надежду на предсказания, какие дают птицы. Вот почему также он получил свое прозвище: его назвали Краккабен. Воистину говорят, что он также предавался колдовству и держал в качестве приближенных, среди людей своего дома, всех чародеев, каковые обитали в его стране, и что, обманутый их запугиваниями, он погиб (II, 40).

Этот текст заслуживает внимания: он признает (до вышеприведенного пассажа), что Олаф был обращен в христианство в Британии, факт для нас примечательный, и свидетельствует о важности магии в скандинавском язычестве. Но следует признать, что подход к герою,

предложенный автором, крайне узок и, по всей вероятности, не соответствует реальности.

Датский клирик Саксон Грамматик, «секретарь» грозного архиепископа Абсалона, по заказу последнего тоже составил около 1200 г. свои примечательные «Деяния данов» (Gesta Danorum) в шестнадцати книгах, из которых девять первых, посвященных далекому, а потом близкому прошлому, должны были бы нас интересовать. Я не дойду здесь, подобно П. Сойеру[1], до утверждения, что это произведение, как и «Краткая история королей Дании» (Brevis historia regum Daciae) Свена Аггесена, друга Саксона, *completely unreliable and untrustworthy* [совершенно ненадежно и не заслуживает доверия (*англ.*)]: у Саксона вообще и в том, что он говорит о мифических датских древностях, в частности есть на что обратить внимание и что использовать, как блистательно показал Жорж Дюмезиль[2]. Но Саксон подобен Ари Торгильссону: он занят восхвалением церкви своей страны, и все, что он излагает, деформировано его пристрастным подходом. Кроме того, при его воображении и культуре он никогда не может удержаться от удовольствия пристегнуть к преданиям (возможно, подлинным) реминисценции из классики, с которой этот *bene litteratus* [очень просвещенный (*лат.*)] клирик был основательно знаком (особенно из Вергилия). Главное, что Саксон и Свен — отчаянные националисты, искажающие «реалии», из которых исходят, если только есть возможность показать их с выгодной для датчан стороны. И, опять-таки, их допустимо использовать только при сопоставлении с другими источниками, либо если довольствоваться рассмотрением их как представителей некоего менталитета, например в сфере литературы или языческой религии. Безусловно, действительно полезны для нас только произведения, авторы которых — наблюдатели по-настоящему беспристрастные, поскольку не заинтересованные раскрашивать факты на свой лад: опять же я подразумеваю арабов или трактат «Об управлении империей» (ок. 950) басилевса Константина Багрянородного.

Чтобы покончить с важнейшим вопросом об источниках, коснусь примера Ирландии и существенных трудностей, которые создает использование ирландских документов: ни одной оригинальной рукописи

[1] *Sawyer, Peter Hayes.* Kings and Vikings. Op. cit. P. 17.

[2] *Dumézil, Georges.* La saga de Hadingus: (Saxo Grammaticus I, V–VIII). Du mythe au roman. Paris: Presses universitaires de France, 1953.

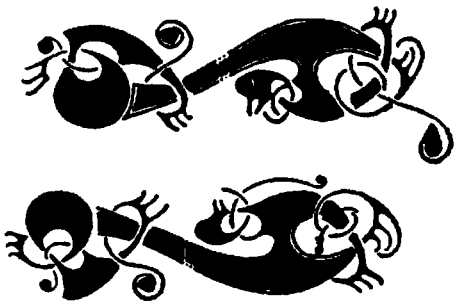
этих источников не существует, во всяком случае, из тех, которые повествуют о викингах, мы располагаем лишь явно позднейшими копиями. А если обратиться к исландским текстам, посвященным ирландскому материалу, мы должны вспомнить, что они написаны в лучшем случае не ранее второй половины XII в. (Ари Торгильссон, книги о заселении[1], некоторые саги). Что касается ирландских анналов, они в лучшем случае появились через два века после событий, о которых рассказывают. Некоторые — это копии XVII в. , не говоря уже об «Анналах четырех мастеров», которые в 1627 г. были просто-напросто «переписаны»! Знаменитая «Война ирландцев с чужеземцами» (Cogadh Gaedhel re Gallaibh) — произведение фантастическое, истину о событиях, о которых в нем идет речь, восстановить почти невозможно. И, чтобы закончить с ирландскими анналами, надо отметить, что принятая в них система датировки крайне прихотлива: годы обозначаются то по фериальному номеру (то есть дню года, пришедшемуся на 1 января), то по эпакте (возрасту Луны на 1 января) и т. д. Это приводит к чрезвычайной путанице. И даже археология оставляет нас здесь *a quia* [в тупике (*лат.*)]. Очевидно, что постоянные связи с Севером, а именно с Норвегией, поддерживались там задолго до конца VIII в. Это настолько явно, что феномен «исландского чуда», уже отмеченный, мог быть обязан своим возникновением удачному слиянию двух культур, всегда столь плодотворному в истории цивилизаций. Как после этого отличить, что отнести к скандинавскому влиянию и что было привнесено кельтами? И это не единичный случай: напомним, какую растерянность у нас вызывает очень похожий факт бесспорного сотрудничества фризов и скандинавов, в частности, в сфере торговли.

Да простят мне такое внимание к проблеме, которую создают для нас источники. Повторю — оно объясняется тем, что я ставлю перед собой двойную задачу: конечно, попытаться найти истину, но еще и покончить с ворохом легенд или легкомысленных искажений, из-за которых мы теперь превратно понимаем весь феномен. Только когда источники, на основе которых мы составляем мнение, согласуются с неким культурным фактом (в широком смысле слова), событием,

[1] *Livre de la colonisation de l'Islande*: selon la version de Sturla Þórðarson (Sturlubók) / trad. de l'islandais ancien, annoté et commenté par Régis Boyer. Turnhout: Brepols, 2000.

персонажем, — мы имеем право утверждать, что опираемся на твердую почву. Все остальное — плод воображения, легенд, мифов!

Но я должен сразу наметить перспективу, которой намерен следовать, чтобы попробовать удовлетворить законное любопытство читателя. И чтобы наконец ответить на четкие вопросы, которые были поставлены.



II. КТО ОНИ И ОТКУДА ВЗЯЛИСЬ?

Феномен викингов, даже освобожденный от легенд, остается одним из важнейших в истории Запада. То, что эта горстка людей могла разъезжать по всей Западной и Восточной Европе, что они благодаря обстоятельствам оказались способны поселиться и жить во многих местах как на Западе, так и на Востоке, что они способствовали переходу нашего мира к новому типу государств и отношений, — бесспорный факт, даже если викингов следует считать скорей невольными носителями этой перемены, чем ее сознательными творцами.

Я уже дал понять, что за строгую хронологию событий цепляться не надо. Эпоха викингов была лишь завершением долгого и постепенного процесса, который можно постичь, только ясно представляя происхождение скандинавов и постепенное формирование того, что можно назвать их цивилизацией, благодаря которой и стал возможен «успех викингов». Далее мы рассмотрим непосредственные причины появления феномена викингов — вопрос, тоже вызывающий бурные споры. И, более того, будем иметь в виду, что взрыв IX и X вв. наверняка вызревал очень долгое время.

УРОКИ ПРЕДЫСТОРИИ

Предыстория Скандинавии начинается приблизительно за десять тысяч лет до нашей эры и условно заканчивается в 800 г. нашей эры. В дальнейшем не будем забывать, что терминология, используемая на Севере, не соответствует нашей. А именно северной терминологией я и стану пользоваться.

Палеолит

Он приходится на время от 10000 до 3000 г. до н. э., то есть начался по окончании ледникового периода. Нужно отметить, что до тех

пор «Скандинавия» составляла одно целое с материком и Великобританией — только около 6000 г. до н. э. Атлантический океан отделил Данию от Великобритании[1]. Впрочем, это данные гипотетические, и их надо считать приблизительными.

Археологи обнаружили следы существования трех культурных слоев, имеющих разное происхождение.

Около 10000 г. до н. э. в Аллерде (Дания) и Фосне (Норвегия) жили рыболовы-охотники-собиратели, использовавшие грубые кремневые орудия и, похоже, пришедшие с юга. У них были кожаные лодки с деревянным каркасом.

Приблизительно 7000 г. до н. э. датируются найденные в Клостерлунне (Дания) следы охотничьих племен, пришедших с юго-востока. Они пользовались кремневыми топорами и имели более совершенные жилище и орудия.

Около 6000 г. до н. э. появилось племя, называемое конгемозе (Дания), наложившее отпечаток на так называемый период эртеблле (Дания), который продолжался приблизительно с 5000 по 3000 гг. до нашей эры. Именно в ту эпоху растаял ледник и сформировались Зунд и Бельт. Что касается эртеблле, или висте (Норвегия), то этот период называется по-датски культурой кьккенмддингов (køkkenmøddingerna, куч кухонных отбросов, некоторым образом аналога современных общественных свалок), представляющих собой кладезь данных для археологов. Во всяком случае, присутствие людей в те времена обнаружено на Зеландии, в Сконе, Вестфолле, Эстфолле, Трннелаге — и почти на всех побережьях.

Неолит

Именно тогда двумя волнами, первая — несомненно около 3000 г. до н. э. (но, возможно, гораздо раньше), вторая —около 1500 г. до н. э., в Скандинавию хлынули племена бесспорно индоевропейского происхождения, характерные для неолита (то есть периода с 3000 по 1500 гг. до н. э.). Эти захватчики, или поселенцы[2], принесли с собой явно восточные влияния: появились земледелие и скотоводство,

[1] См. интересную карту в издании: *Boyer, Régis; Jeannin, Pierre; Gravier, Maurice.* Mers du Nord et Baltique: l'héritage de l'Europe du Nord. Paris: Arts et métiers graphiques, 1981. P. 10.

[2] Потому что я не уверен, что есть реальные основания говорить о «вторжении» индоевропейцев, и предпочел бы видеть в этом феномене нечто вроде контаминации, аналогичной той, которую сейчас порождают во всем мире Соединенные Штаты Америки. См.: Boyer, Régis. Relire Dumézil // *Mediaevistik.* 8 (1995). P. 13–26.

особенно со второй волной, похоже, пришедшей из Южной России через Финляндию, а потом через Швецию. Она принесла с собой лошадей, представляющих собой главное свидетельство ее индоевропейского происхождения, важность которых на Севере, особенно в языческой культуре, останется первостепенной. Техника обработки камня развивалась и испытала ощутимый прогресс, возникло оружие — кинжал. Главное, что появилось характерное жилище, тип которого сохранился надолго, — длинные и узкие дома с наклонными стенами и торфяной крышей, довольно похожие на перевернутый корабль. Наконец, если прежде погребения, похоже, не знали, теперь возникли круглые или продолговатые курганы — коллективные захоронения, возможно, свидетельствующие о существовании культа предков или мертвых. С приходом второй волны они постепенно уступили место индивидуальным захоронениям. Эти племена были способны создавать художественные изделия неоспоримо высокого качества, такие, как копьеметалка с рукоятью в форме головы лося, найденная в Швеции[1], или рог с вырезанным на нем изображением связанного человека, возможно, свидетельством магии уз, о которой еще придется много говорить (Норвегия)[2].

Бронзовый век: петроглифы

Бронзовый век (1800–400 до н. э.), наступивший следом, был одной из главных эпох в истории Севера. Достаточно мельком глянуть на знаменитую солнечную повозку из Трундхольма (Дания) или на великолепные луры (староскандинавское lúðr, разновидность музыкального инструмента — бронзового рожка, обычно сдвоенного, каждая часть которого очень похожа на альпенхорн), чтобы понять: для создания таких произведений требовалась интенсивная деятельность — практическая и культурная. Очень красивые украшения микенского типа наводят на мысль, что эта культура могла быть уделом аристократии, пришедшей из Малой Азии[3]. Это возможно, но такая гипотеза по-прежнему плохо обоснована. Обнаруживается

[1] Иллюстрацию см. в издании: *Ström, Folke.* Nordisk hedendom: Tro och sed i förkristen tid. Göteborg: Gumperts, 1961. Вкладка 2 или же: *Boyer, Régis.* L'art viking. Tournai: La Renaissance du livre, 2001. P. 32–33.

[2] Фотографию см. в издании: *Davidson, Hilda Roderick Ellis.* Scandinavian mythology. London: Hamlyn, 1969. P. 38.

[3] Что могло бы оправдать хитроумную этимологию, которую предложил Снорри Стурлусон в главах I и II своей «Саги об Инглингах», чтобы произвести слово «ас» (бог, староскандинавское ass) от «Азия», писавшееся как ásía.

также новый способ погребения — кремация[1], наводящий на мысль, что люди, практиковавшие его, верили в возможность существования души[2]; однако этот обычай не мешал распространению курганов, которых во всей Скандинавии насчитывается тысяч сто. Лошадь теперь играла роль первого плана в домашней жизни и в религии. В качестве практических занятий распространились прядение и ткачество.

Но настоящим шедевром, созданным в тот период, стали знаменитые наскальные изображения, разжигающие огромное любопытство у искателей[3] и представляющие собой свидетельства первостепенной важности для изучения скандинавской культуры от зарождения до наших дней. Их можно встретить в значительных количествах по всей Скандинавии, где огромные скальные стены, отполированные ледниками, предоставляли резчикам готовые «холсты». Особенно их много в Бохуслене (Танум), Уппланде, Эстергтланде, Смоланде и на Эланде (Швеция), в Вестфолле, Эстфолле, Ругаланне и Трннелаге (Норвегия), на Зеландии и Борнхольме (Дания). Их сходство с гомологичными петроглифами на побережьях Онежского озера или Белого моря изрядно смущает ученых. Не исключено, что надо различать несколько (собственно, три) типов этих резных изображений: первый — созданный охотничьими племенами, второй — земледельцами-скотоводами, третий — моряками-рыболовами, хотя удивительное единообразие символов вплоть до неизменности штриха могут навести на мысль, что подобная таксономия не нужна.

Ведь основные характеристики, выявляемые при обзорном исследовании этих свидетельств, как будто ясны; похоже, они позволяют уверенно создать чрезвычайно связную систему с одинаковыми критериями толкования. Символика имеет откровенно религиозный, а точнее, культурный смысл; в ее основе лежит около десятка знаков, всегда одних и тех же и всегда одинаково изображенных. Эти рисунки свидетельствуют о существовании развитого общества — конечно, по меркам своей эпохи, — культурного и богатого, связи которого с Востоком или по меньшей мере с Южной Европой отрицать невозможно. В этих изображениях господствуют три начала, обеспечивая

[1] Опять же согласно тому же тексту того же автора, прологу (brunaöld, на смену которому приходит haugsöld: век сожжения, потом век курганов).

[2] См.: Boyer, Régis. Hamr, fylgja, hugr: l'âme chez les anciens Scandinaves // *Heimdal*. 33 (1981). P. 5–10.

[3] На их изучение я и опирался, описывая скандинавскую религию в целом в книге: *Boyer, Régis*. Yggdrasill: la religion des anciens Scandinaves. 2e éd. Paris: Payot, 1992.

их единство: солнце[1]; плодородие-плодовитость, проявляющаяся, в частности, в итифаллизме (наличии эрегированного фаллоса) почти у всех мелких персонажей и, конечно, в культе Матери-Земли; и магия, заступнического или заклинательного типа, характерная для охотников-рыболовов-собирателей. При наблюдении, имеющем более типологический характер, легко выделить триаду богов, в которую входят бог-топор-солнце (который, возможно, позже станет Тюром или Тором), бог-меч (фаллос)-плодородие (первый облик Фрейра) и бог-копье-магия (архетип Одина). Выделяются боги-близнецы, местная версия Диоскуров, которые, в частности, могли в будущем стать парами Нертус-Ньрд или Фрейр-Фрейя; бог-змей, возможно, предвосхищавший Мидгардорма; и бог-солнце-птица, несомненно заимствованный из Центральной или Восточной Европы, который, похоже, продолжения в позднейшей религии не имел.

Поскольку вс это входит составной частью в историю древнескандинавской религии, позже (к 1200, 1220 г.) систематизированной двумя великими мифографами Севера — Саксоном Грамматиком и Снорри Стурлусоном, то попытка кратко описать основные из этих знаков[2], представив их по мере убывающей важности и ограничившись двенадцатью главными, будет полезна для оценки того, что нужно назвать этой цивилизацией.

Прежде всего — солнце, одно или несколько, с лучами или без них, всех размеров, которое любили изображать вместе с кораблем или человеком, в последнем случае как его тело, или же на колесах, как бы в рамках отправления процессионного культа, часто оно было связано с топором. По окончании бронзового века оно не исчезнет — его можно обнаружить в свастике так называемой эпохи великих переселений и, разумеется, в символике больших праздников, по-прежнему вовсю отмечаемых на Севере (даже если их смысл теперь утрачен), которые посвящены зимнему (йоль, юль) и летнему (мидсоммар) солнцестояниям.

Далее — корабль, которых изображено бесчисленное множество при удивительном постоянстве формы: всегда вытянутый, всегда с приподнятыми носом и кормой, всегда схематично изображенный

[1] См. еще «Речи Высокого» из «Старшей Эдды» в старейшей части: «Eldr er beztr með ýta sonum ok sólar syn», «Драгоценен огонь для сынов человека и солнца сиянье» [*Старшая Эдда*. СПб.: Наука, 2005. С. 21].

[2] Я здесь опираюсь на примечательный очерк П. Джеллинга и Хильды Эллис Дэвидсон: *Gelling, Peter S.; Davidson, Hilda Roderick Ellis.* The chariot of the sun: and other rites and symbols of the Northern Bronze Age. London: Dent, 1969.

со шпангоутами, из-за чего выглядит «кораблем-гребнем». Похоже, он был непременным атрибутом при отправлениях культа (почитание богов? вотивные приношения? просьбы о плодородии?), поскольку рядом с ним изображены солярные диски, топоры, змеи, итифаллические прыгающие человечки. Может быть, это был ночной или зимний гелиофор, тогда как днем или летом эту роль брал на себя конь? Этот образ будет встречаться постоянно: «каменные корабли» — skibssætninger, дома-корабли и т. п.

Потом — разное оружие, церемониальные топоры и молоты, копья, выглядящие скорей оружием стражи, чем воинов, мечи или кинжалы с явным сексуальным смыслом (как кинжал, направленный к половым органам свиньи), луки, причем сцены с лучниками изображены очень живо; отпечатки ног или рук, которые здесь, как и в других местах, могут быть только иерофаническими символами; многочисленные змеи, которые надолго останутся основным декоративным мотивом (рунические надписи, резьба на дереве в ставкирках); всевозможные животные, прежде всего конь, образ которого надо связывать с солнцем[1] и магией[2], вслед за ним или вместо него — разные оленевые или, в более низком варианте, козлы и козы; редко бык и время от времени кабан, всегда напрямую связанный с культом мертвых.

Отдельное место надо выделить мотиву *иерос гамос*, или священного брака, очевидным образом связанного с плодородием-плодовитостью, и образу Богини-Матери, представленной в виде глаз или вульвы. Это образ не вездесущий, но явно центральный, а его сравнительная редкость объясняется только тем, что он имел в высшей степени сакральный характер.

Добавим отдельные интересные аграрные изображения, обычно связанные с деревом, — мы знаем, что оно занимало центральное место в религии германцев (Иггдрасиль).

Остаются отдельные сюжеты, вызывающие у нас недоумение: например, ритуальный костюм, какой как будто носят многие персонажи-люди (маски, парики, крылья) и который, видимо, был связан с какой-то обрядовой драмой либо ритуальным ряжением; или птицы,

---

[1] Согласно «Эддам», солнце везут два коня — Арвак, Рано Просыпающийся, и Альсвид, Очень Быстрый.

[2] Конь играл важную роль в магических ритуалах, таких как воздвижение хулительной жерди, níðstöng; с ним связан любопытный рассказ «Прядь о Вльси», перевод которого входит в книгу: *L'Edda poétique*. Textes présentés et traduits par Régis Boyer. Paris: Fayard, 1992. P. 89 и далее; конь играет роль первого плана и в «Саге о Храфнкеле Годи Фрейра» (конь Фрейфакси, то есть Грива Фрейра).

которых, может быть, слишком поспешно причислили к восточным заимствованиям; или же мотив Диоскуров, в виде людей или в любом другом, который вполне может напомнить уже упоминавшуюся пару солярный корабль — солярный конь: они сохранятся до конца язычества и позже[1].

Этого беглого обзора нам должно хватить, чтобы осмелиться сделать важный вывод. Петроглифы бронзового века несомненно отражают целостный и упорядоченный комплекс верований, настолько укоренившихся, что некоторые не исчезли из коллективного бессознательного и по сей день — юльшинка (рождественский окорок) и соломенный козел современного скандинавского Рождества существуют уже более трех тысяч лет! Эти наскальные изображения свидетельствуют о явственно солярной космогонии, об этике плодородия-плодовитости, в конечном счете связанной, как и положено, с культом мертвых, и о мифологии, свидетельством которой станут тексты, появившиеся через добрых два тысячелетия! Поразительная преемственность, если вдуматься! В «Песни о Хюмире» из «Старшей Эдды» (XIII в., оригинал — несомненно XII в.) описан бог Тор, держащий в вытянутой руке корабль, и на петроглифах этот сюжет уже есть, а *иерос гамос* — как раз тема «Поездки Скирнира» из той же рукописи. Поневоле приходится делать вывод о чрезвычайной живучести этого отдаленного фона — которая несомненно объясняется слабой восприимчивостью этой культуры к южным влияниям, что может быть связано с удаленностью этих мест или же с ее внутренним единством. Отметим также факт, важность которого трудно переоценить: эти рисунки отражают заботы гораздо в большей степени «экономического» характера (плодородие, магия), чем военного. Наконец и прежде всего, художественная ценность всего комплекса неоспорима, и она выдерживает сравнение с другими достижениями разных культур на сходных стадиях развития: твердость руки резчика, выразительность, живость и динамика, пластичность в сочетании с таким искусством стилизации и таким чувством композиции, что некоторые памятники (например, в Тануме) пытались трактовать как обширные фрески, смысл которых для нас утрачен. Я предлагаю уже здесь обратить внимание на то, что кажется мне наиболее любопытным: смешение, непрерывно процветавшее с тех пор на Севере и даже ставшее характерным для него (знаменитые «скандинавские формы»),

[1] Алки у Тацита в его «Германии», Хенгист и Хорса, Ньрд и Скади как чередующиеся пары, Вили(р) и Ве, Гунн и Гндуль, Улль и Уллин, Од и Один, Фрейр и Фрейя — или даже Фрейр и Бальдр, ведь имя обоих означает «господин».

откровенного натурализма, особенно в изображении животных, абстрактной символики — свидетельства высокой стадии развития (некоторые из этих знаков явственно предвосхищают руны, которые появятся тысячелетием позже) и геометрического схематизма — признака чрезвычайно уверенного владения изобразительной техникой (повозка с четырьмя колесами изображена «в проекции на плоскость», как на чертеже), смешение, которое останется характерным для скандинавского духа до самой эпохи викингов включительно.

Это говорит о важности бронзового века и *ipso facto* показывает, что мнимые «варвары», позже показавшие себя способными создавать несравненные шедевры в скальдической поэзии или при возведении мачтовых церквей (ставкирок), не вышли из туманов Севера *ex abrupto* [внезапно]. Их память о далеком прошлом, хоть и не зафиксированная в письменных источниках, которые бы отвечали нашим критериям, была насыщенной и содержательной.

Железный век

Следующий период здесь, как и в других местах, называется железным веком (400 до н. э.– 800 н. э.), он подводит нас к самому началу эпохи викингов, и археологи делят его на четыре периода в зависимости от народов, чье влияние ощущалось тогда сильнее всего.

Первым был кельтский железный век (400 до н. э.– 0), называемый так потому, что на Север тогда, похоже, сильно повлияли кельтские племена, поселившиеся в Центральной Европе. Это заметно по многим деталям костюма (например, по ношению штанов), ономастике (хотя эту сферу можно затрагивать только с крайней осторожностью), искусству и религии. Я не считаю необходимым связывать с (некоторым) похолоданием мнимое слияние двух культур, охотничьей (в Норвегии) и аграрной (в других местах). Выявление различий такого рода делает честь воображению их искателей, но они слишком легко забывают, что, кроме крайнего Юга (современный Ерен), Норвегия никогда не была земледельческой страной. Эти четыре века отмечены растущим влиянием корабля во всех сферах. Если мы хотим здесь выйти к викингам, подобное направление исследования просто напрашивается. Можно отметить, что только этого роста влияния и следовало ожидать. С тех пор как скандинавы здесь жили, они неизбежно находились в тесном, постоянном, настоятельно необходимом контакте с водой (моря, озер, рек, болот), которая естественным образом предоставляла им пути сообщения, как летом, так и зимой (коньки, снегоступы, лыжи отмечены здесь с очень дав-

них времен). Поэтому ничего странного нет ни в раннем появлении корабля (мы только что видели его в петроглифах бронзового века, и можно добавить, что «корабль-гребень» неминуемо ассоциируется с каяком эскимосов — умиаком, однако признак какого-то влияния искать в этом не обязательно), этого самого популярного средства передвижения, ни тем более в его постепенном воздействии на все секторы человеческой деятельности, равно как и в его техническом совершенствовании. Во-первых, надо отметить любопытные «каменные корабли» (skibssætninger), то есть коллективные погребения (иногда на сотню покойников)[1], состоящие из менгиров, которые поставлены таким образом, что при виде сверху образуют контур корабля. Во-вторых, вот корабль из Йортспрингкоббеля (Дания): весь деревянный, уже с рулевым веслом на правом борту сзади, без единого гвоздя (доски обшивки соединялись деревянными нагелями), без мачты и киля, а также, что удивительно для путешественников-мореходов, которые не могли не видеть южные парусники, без паруса (как и корабли на наскальных изображениях, hällristningar).

Во всяком случае, скандинавские племена той эпохи уже охватила страсть к перемене мест, которая надолго станет их отличительной чертой. В конце этого периода Страбон («География») сообщал о продвижении кимвров (Kimbri, датчане родом из Химмерланна) и тевтонов (Teutones, уроженцы области Тю в Дании) к югу. Может быть, тогда же тронулись с места лангобарды (несомненно прозвище: сами они себя, вероятно, называли виннилами, Uinnilen, предположительно происходили из Норвегии и были обязаны своим названием не тому, что якобы носили длинные бороды, а тому, что у них были алебарды с длинными «бородками», longobardi), которые через долгое время придут в Северную Италию, так же как бургунды (норвежцы из Боргунна или датчане с Борнхольма, бывшего Бургундархольма?) — в Бургундию (которой дадут свое имя), а оттуда в Швейцарию и в Савойю, не говоря уже о готах (шведах с Готланда или из Гталанда?), позже создавших свою первую империю севернее Черного моря, а потом отхлынувших на запад, и ругиях (уроженцах острова Рюген или норвежского Ругаланна?), которые заселят южное побережье Балтийского моря. Все эти утверждения остаются догадками, как и упомянутые датировки. Единственное, что выглядит бесспорным, — стремление этих людей к переселениям, сезонным или окончательным, о котором будет рассказывать вся эта книга,

[1] Очерк с библиографией см.: *Ohlmarks, Åke.* Gravskeppet: Studier i förhistorisk nordisk religionshistoria. Stockholm: Geber, 1946.

от начала до конца. Тем не менее примечательно, что уже с начала нашей эры любовь скандинавов к путешествиям, их непоседливость были точно такими же, как тысячелетие спустя у викингов, как уже обнаруживалось и стремление перебраться с Севера куда-нибудь, о котором мы еще долго будем говорить. Отличались ли эти племена столь воинственным нравом, какой им приписывают классические свидетельства, сообщающие об этом, — вопрос остается открытым. Насилие — составная часть стереотипного образа варвара в любое время и в любом месте!

Несколько проще иметь дело с римским железным веком (0–400 гг. н. э.), поскольку для него более надежны и многочисленны свидетельства о частых и плодотворных контактах Рима, широко распространявшего свою средиземноморскую культуру, и Севера, с которым он вел успешную торговлю (прежде всего, так и хочется сказать: «уже», покупая янтарь и кожи). Плиний Старший («Естественная история», XXXVII, 45) рассказывает об одном римском всаднике, направленном из Карнунта (в Паннонии, то есть в Венгрии) на Балтику за янтарем, самый большой кусок которого весил около 6,5 килограммов. Археологов поразило обилие предметов, вывезенных в Скандинавию из Римской империи, хотя римского завоевания Севера никогда не было. Прежде всего это стеклянные кувшины и кубки, бронзовые котлы и посуда, серебряные и бронзовые черпаки, керамика, оружие, украшения. Добавьте рабов (уже! это были индивиды обоего пола, захваченные при набегах) и кожу, которая в ту эпоху высоко ценилась. Достаточно обратить внимание на набор взаимных заимствований в языках — он красноречив. Римляне переняли из языка германцев слова reno (шкура [северного оленя]), sapo (мыло), ganta (гусь) и, разумеется, glaesum (янтарь), тогда как германский язык позаимствовал из латыни разные слова, связанные с торговлей, в том числе важнейшую основу caupo (идея покупки или продажи, староскандинавское kaupa), которая обнаружится позже в очень многих скандинавских топонимах, простых, как Каупанг (понятие «фактории»), или в сложных в формах на –кбинг, -чпинг (Нюкбинг в Дании, Норрчпинг в Швеции); самый показательный случай — Копенгаген, Kaupmannahöfn, порт купцов (по-датски København). Вероятно, важную роль посредников в данном случае играли фризы, поскольку главный торговый путь из Ютландии в Северо-Восточную Италию шел по Рейну. Но были и другие маршруты, уже хорошо освоенные: по Дунаю и Чехии, где поселились маркоманны, или же с Готланда, который был процветающим торговым центром (и останется им — смотри Висбю — в течение всего периода существова-

ния Ганзы, то есть еще в Средние века), по Эльбе, Одеру или Висле. И существовал (уже) путь, который через замысловатую сеть русских рек и озер вел к Черному морю. Свидетельства Цезаря («Записки о галльской войне», 51 г. до н. э.) и Тацита (около 98 н. э.) дружно подтверждают, что эти контакты были активными и непрерывными. То же говорят тексты, для которых мы располагаем только позднейшими записями (в основном XII или XIII вв.): поэмы из цикла о Сигурде, Убийце Фафнира[1] или «Сага о Хервр и Хейдреке»[2] свидетельствуют о великих переселениях готов на Восток и бургундов на Запад, как будто симметричных,— возможно, это были кульминации походов, начатых намного раньше. Во всяком случае, в течение этих четырех веков даны, пришедшие из Южной Швеции, поселились в Дании, дав ей свое название (Danemark, территория данов). Они также строили корабли, на сей раз прямые прототипы кнорров, как корабль из Нюдама (IV в., Дания), который имеет в длину 23 м, но по-прежнему лишен мачты и киля.

Появились первые руны, написанные на древнем футарке (так этот алфавит назвали по шести первым знакам), подробней о которых я буду говорить далее, хотя их придумали не скандинавы, а континентальные германцы. Как бы трудно ни было их читать и даже если в конечном счете они были созданы на основе некоего североитальянского письма, я уже говорил, какой интерес надлежит к ним испытывать. Ведь, похоже, они свидетельствуют о религии, где ведущее место занимали женщины, богини[3], и где впервые (справедливей было бы сказать — снова) появилась мужская триада богов (возможно, Тюр-Один-Тор), в которой первое (Tyr<*tiuaz, то есть индоевропейское слово «бог», дневное солнечное небо) и последнее (Þorr<Þundaraz, буквально «гром») слова — вполне паниндоевропейские.

Главное, не будет неправомерным утверждать, что к III в. появились те, кого следовало бы назвать первыми викингами, — герулы (Eruli, Erules), большие знатоки рун[4], упоминания о которых встречаются на всем протяжении маршрута из Дании в Эгейское море через Русь и Евксинский Понт, а потом, в следующий период, на всех западных побережьях Галлии и Испании. Кстати, с III по V вв. широкую активность развернули саксонские пираты, по-видимому,

[1] См.: *Boyer, Régis*. La saga de Sigurdr ou La parole donnée. Paris: Cerf, 1989.

[2] Французский перевод и исследование Р. Буайе: *La saga de Hervör et du roi Heidrekr* / trad. de l'islandais ancien et présenté par Régis Boyer. Paris: Berg international, 1988.

[3] А именно Богиня-Мать, Нертус Тацита («Германия», 40), которая станет «богом» Ньрдом.

[4] Тем не менее не ставшие мастерами магии.

германцы, а не скандинавы, расселившись почти повсюду, где через несколько веков обоснуются викинги (например, в Нормандии и Денло), — такая констатация смущает и вдохновляет, наводя на мысль, что возникла некая традиция, которую викинги как таковые лишь поддержали.

Приблизительно с 400 по 600 гг. длилась неясная и плохо известная эпоха, называемая древнегерманским железным веком, потому что тогда было особо много контактов между скандинавскими племенами и континентальными германскими этносами, или же эпохой великого переселения народов — по-датски folkevandringstid, которая фактически затянулась до 700 г.[1]

В это время жизнь даже на Севере, не говоря уж об остальной Европе, особенно Центральной, была небезопасна. Об этом свидетельствуют множество «кладов», зарытых в землю, очевидно, для спасения от алчности грабителей (как знаменитые золотые рога из Галлехуса в Дании), и основание городов или крепостей-убежищ (tilflugtsborg), развалины которых можно видеть на островах Готланд, Эланд или Борнхольм. Возможно, вследствие этих событий сформировался тип политической и социальной организации, который после этого просуществовал долго и которому не стоит слишком поспешно приписывать военный характер, несмотря на этимологию некоторых территориальных терминов или титулов знати (как херад [hérað] или херсир [hersir], первый из которых имеет приблизительное значение «округ», а второй — «барон», но оба могли произойти от основы herr, войско): даже если это показывает, что существовала структурированная администрация, причины возникновения такого лексикона были скорей семейными (в широком смысле) и экономическими, даже политическими. Так обстояло дело с бюгдом (buggð), непереводимым понятием, по-прежнему существующим в современной Норвегии, которое должно было означать одновременно территорию, занятую «семьей», кланом или этносом[2], и некое единство, где свою роль играли разнородные интересы, как религиозные, так и грубо материальные.

[1] Ее хорошо изучил Л. Мюссе: *Musset, Lucien.* Les invasions: les vagues germaniques. 2e éd. mise à jour. Paris: Presses universitaires de France, 1969. [Русский перевод: *Мюссе, Люсьен.* Варварские нашествия на Европу: германский натиск. / Пер. А. П. Саниной. СПб.: Евразия, 2008.]

[2] См. конец настоящей главы, а также статью –bygd в издании: *Kulturhistorisk leksikon for nordisk middelalder fra vikingetid til reformationstid = Kulturhistorisk leksikon for nordisk middelalder fra vikingtid til reformasjonstid = Kulturhistoriskt lexikon för nordisk medeltid från vikingatid till reformationstid (KLNM).* København; Malmö; Oslo: Rosenkilde og Bagger, 1956–1978. 22 v.

Есть соблазн предположить, хотя никаких доказательств этого не существует, что именно бюгд создал в высшей степени оригинальный институт, называемый тингом (þing), сезонное собрание свободных людей, где обсуждался комплекс вопросов, интересующих всех. Нам он известен только по норвежским и исландским текстам литературных времен, но вс наводит на мысль, что он был очень древним. Весьма вероятно, что бюгды мало-помалу объединялись в херады, или фюльки (fylki), или фьордунги (fjórðungar), в зависимости от страны, а вследствие этого позже, в результате централизации, несомненно под влиянием южных образцов, сформировались рики (riki — государства, королевства), и этому понятию очень трудно дать определение или опознать его, поскольку с ним соперничали другие, как ланд (land), марк (mark), означающие территорию как таковую, о которых речь еще пойдет. В тех же V и VI вв. в Швеции, в Упланде, на землях, окружающих современную Гамла Уппсала (Старую Упсалу), уже, возможно, существовало Свиарики (государство, или королевство, свеев, которое даст название современной Швеции — Sverige), где царствовали короли из рода Инглингов. Но тут мы опять-таки движемся наугад, и любая попытка строгой датировки может быть подвергнута критике. Есть только ощущение, что можно вполне обоснованно утверждать: так или иначе, за два этих века Скандинавия приобрела бесспорно эффективную организационную систему.

Ведь свидетельств о Севере в эту беспокойную эпоху вполне хватает. Они несколько сумбурны: Кассиодор (ум. 526), министр Теодориха и, кстати, автор, у которого списывал Иордан (гот, написавший около 550 г. «Гетику»), уже упоминает некоторые племена, в которых можно угадать финнов (Screrefennae, «скользящие финны», потому что они ходили на лыжах), и утверждает, что даны (Dani), пришедшие из Сконе, окончательно изгнали из Дании герулов. Тот же Иордан мимоходом приводит интересную подробность о способе, каким вели торговлю скандинавы, в данном случае шведы (свеары [в русском переводе суэханс]): они «славятся великолепной чернотой своих мехов» и пересылают «посредством торговли через бесчисленные другие племена сапериновые шкурки для потребления римлян»[1]; зная, какие обширные торговые сети создавали на своих маршрутах викинги, в этом сообщении нельзя усмотреть ничего неправдоподобного. Григорий Турский (ум. ок. 594) упоминает «короля» данов Хлохилаиха, имя которого филологи без всякого труда идентифицируют

[1] *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов (Getica). / Пер. Е. Ч. Скржинской. СПб.: Алетейя, 2001. С. 64.

со староскандинавским Hugleikr [Хуглейк], то есть с Хигелаком из «Беовульфа»: он якобы совершил набег на Фризию около 520 гг. О том, что Фризия была театром особо активных военных действий, говорит и Венанций Фортунат, епископ Пуатевинский (ум. 609). Он упоминает о поражении флота (?) данов около 565 г.[1] Ряд более или менее легендарных источников учитывать не обязательно, но когда намного позже Титмар Мерзебургский (X в.) рассказывает, что в Дании обосновались даны, сделав своей столицей город Лейре (близ Роскилле), и упоминает о возможном существовании лица, для нас не более чем мифического, — Хрольфа Краки (ум. около 550), эти предания можно принять во внимание. Как и сообщения Прокопия Кесарийского (ум. ок. 562), византийского историка, обычно хорошо осведомленного, который сопровождал Велизария в походах на вандалов и остготов: он говорит о поражении герулов от лангобардов около 505 г.

Действительно, внешний наблюдатель может заблудиться в этом хаосе данных, иногда любопытным образом напоминающем картину I в. Хороший пример ситуации, способной привести историка в замешательство, дают как раз герулы. Вот они (возможно) в III в. покинули Ютландию и направились к Черному морю. Но в 289 г. они также обнаруживаются в Галлии, готский король Эрманарих вынуждает их перебраться в Испанию, где они появляются около 450 г., другой гот, Теодорих, разбивает их около 490 г., а римский военачальник Нарсес громит в 556 г. Вопрос в том, во всех ли случаях речь идет об одном и том же племени. Точно так же «Беовульф» и Григорий Турский дружно утверждают, что франки нанесли поражение готам около 520 г. Что касается англов (возможно, происходивших с полуострова Ангельн в Южной Ютландии), известно, что они в союзе с саксами около 450 г. завоевали Англию — об этом свидетельствуют Беда Достопочтенный и Альфред Великий. Мы уже говорили, что саксы скандинавами не были: возможно, в их лице мы имеем прекрасный пример одной из тех конфедераций, краткосрочных или длительных в зависимости от обстоятельств, какие станут характерными для германских племен.

Новогерманский железный век (600–800), хоть и ближе к нам, немногим ясней предыдущего. Отмеченная ранее неопределенность продолжалась: за редкими исключениями, такими как Прокопий Кесарийский, писавший вроде как о том, что видел, по сути создается

[1] Согласно Л. Мюссе (*Musset, Lucien.* Les invasions: les vagues germaniques. Op. cit.) — в 574 г.

ощущение, что наши источники неточны, а их сообщения о событиях — часто скорее смутные воспоминания, чем должным образом зафиксированные факты. Все, что мы можем утверждать, — лангобарды окончательно поселились в Северной Италии, их король Агилульф царствовал с 590 по 616 гг. и обратился в христианство, со всем своим народом, как было заведено, в 607 г. Для нас этот жест, во всяком случае, имеет особую важность: с момента, когда народ переходил в католичество[1], он выходил из «варварства». В то же время свидетельства, которые некоторые из его сынов привели о себе, перестали быть достоверными, они засорены искажениями, гиперболами и литотами, которые мы уже отмечали в начале и которые характерны для агиографии. Точно так же готы либо совсем исчезли — это случай остготов[2], — либо обосновались в Испании (столица Толедо, в середине VI в.), прежде чем в свою очередь перейти в католичество (конец VI в.). Вот и вс, что можно рискнуть сказать.

Тем не менее оба века, которые мы рассматриваем здесь и которые непосредственно предшествуют эпохе викингов, представляли собой блистательную стадию, исполненную экспансии. Прежде всего подчеркнем, что именно тогда появились торговые центры Линдхольм-Хойе и Хедебю в Дании, о которых у нас будет возможность поговорить более обстоятельно; именно за тот период археологи собрали богатый урожай находок в почве почти всей Скандинавии, что открывает для нас гораздо более надежные перспективы интерпретации событий, чем для более ранних времен. Для удобства изложения я рассмотрю страны по отдельности.

В Дании друг за другом царствовали два персонажа, в высшей степени мифических, но все-таки упомянутых в «Саге об Инглингах» («Круг Земной») Снорри Стурлусона: Ивар Видфадми, а потом Харальд Хильдитнн[3], убитый, согласно Саксону Грамматику, своим племянником Хрингом [Кольцо] (или Сигурдом Хрингом, поскольку практика замены имени на прозвище отмечена очень часто) в сражении при Бравеллире (Бровикене близ Норрчпинга в Швеции), факт которого история тоже не подтверждает. Около 700 г. состоялась первая христианская миссия в Дании, которую возглавил нортумбриец

[1] Даже если позже обращался в арианство, как и случилось с лангобардами.

[2] Отметим, что надо покончить с абсурдной этимологией, делающей остготов восточными готами, а вестготов — западными. Похоже, слово Ostrogoth означает «славный гот», а Visigoth — «мудрый», или «ученый гот».

[3] Их прозвища не получили удовлетворительного объяснения, несмотря на совершенно нелепые предложения вроде «Широкие Объятия» или «С Боевым Зубом»!

Виллиброрд; он якобы нанес визит королю Онгенду (Ангантюру; о существовании этого человека есть надежные свидетельства, и так же надо читать имя «Онгентеов» в «Беовульфе», хоть это и не одно и то же лицо), «более лютому, чем дикий зверь, и более твердому, чем любой камень», — утверждает Алкуин. Согласно записи в «Анналах королевства франков»[1] за 777 г., вождь саксов Видукинд, бежавший от Карла Великого, укрылся у «норманнского» (то есть, в данном случае, датского) вождя Сигфреда (Сигифреда), о котором нам известно, что он умер около 800 г. Так что, похоже, в Дании были созданы структуры сильного «государства», и ее история была довольно бурной.

Очерк положения в Норвегии более интересен. Она явно испытала двоякое влияние. Прежде всего западное, со стороны франков, через посредство, конечно, фризских купцов: о нем свидетельствует переход от местного двулезвийного меча к однолезвийному франкскому скрамасаксу и от легкого копья, метательного оружия, к тяжелому копью с широким наконечником — колющему оружию. Это влияние было особенно заметным в Вестланне, то есть на юге страны, который вскоре станет одной из территорий, где викинги будут активнее всего. Но в то же время сильным было давление и с востока, со стороны Швеции. Холм Борре близ Осло, видимо, был последним пристанищем норвежской ветви семейства (скорее семейства, чем династии) Инглингов, имевшего, вероятно, шведское происхождение; из нее произошел знаменитый Харальд Харфагри (Прекрасноволосый). К тому же именно в VIII в. норвежцы начали морскую экспансию, которая приведет их сначала на острова в Северной Атлантике или Северной Британии (Шетландские, Оркнейские, Гебридские), а потом на Фарерские острова, по пути в Исландию. То есть оставалось только обзавестись кораблем «викингского» типа.

Что касается Швеции, она находилась на полном подъеме и вела особо блестящую торговлю — с Норвегией, но также с нынешними странами Прибалтики и с областью в устье Вислы. Она переживала знаменитый вендельский период (Vendeltid, по названию местности в Упланде, где раскопали выдающийся могильник) или период Вальсъерде (по аналогичной причине), для которого засвидетельствованы тесные связи с Южной Германией: найденные украшения, поясные пряжки, шлемы тех времен — великолепные произведения искусства.

[1] Датский перевод — в издании: *Vikingerne i Franken*: skriftlige kilder fra det 9. århundrede. Oversat af Erling Albrectsen. Odense: Odense Universitetsforlag, 1981.

Вс говорит об утонченном вкусе, и этот факт, не подталкивая к выводу о существовании аристократической касты, который не соответствовал бы тому, что нам известно об обществе и менталитете той эпохи, вынуждает нас допустить, что этот народ мог быть богатым и культурным.

В ту же эпоху на острове Готланд воздвигли большие камни в характерной форме разрезанных вдоль грибов, покрытые рисунками. На них изображены батальные или мифологические сцены, до сих пор не получившие удовлетворительного толкования, и, главное (на камне в Хаммарсе, Лербру), — корабли с большим прямоугольным парусом, как есть ладьи викингов[1]. К тому же, как показывает «Сага о гутах»[2], Готланд стал перекрестком активной торговли на Балтике, каким и останется еще на века. Именно с Готланда выходят или выходили купцы (либо шведские, либо готландские, либо те и другие, но надо отметить, что Готланд имел собственную культуру и даже свой язык, гутнийский), которые основали или оснуют фактории: на Волине, в устье Вислы [Одера]; в Гробине, местечке, расположенном сегодня к востоку от Лиепаи в Латвии, — там обнаружено кладбище, где покоятся как шведские воины, так и готландские торговцы, похороненные с 650 по 800 гг.; в Апуоле, в 40 км к юго-востоку от Гробини, на сей раз в Литве, где найдены захоронения такого же смешанного состава. Возможно, Гробиню в качестве фактории оттеснил Вискяутен, находившийся на побережье, в 150 км к югу, — эта фактория сохранит активность в IX и X вв. и будет поддерживать торговые отношения с черноморским побережьем по Днепру, а позже уступит место фактории Трусо, согласно Вульфстану[3], — вероятно, на месте современного Эльблонга (бывшего Эльблинга), расположенного еще южней. В общем, все создает впечатление жизни активной, разнообразной и неизменно сосредоточенной на торговле.

---

[1] Примечательные изображения и очерк — в издании: *Gotlands Bildsteine*: gesammelt und untersucht von Gabriel Gustafson und Fredrik Nordin. Nach erneuter Durchsicht und Ergänzung des Materials hrsg. von Sune Lindquist. 2 Bd. Stockholm: Wahlström & Widstrand, 1941–1942.

[2] См. коллективный труд: *Gutar och vikingar:* gårdarna, borgarna ... Red.: Ingmar Jansson. Stockholm: Statens historiska museum, 1983, в который входит перевод «Саги о гутах» на современный шведский (со с. 470). Французский перевод Ж. М. Майефера: Maillefer, Jean Marie. Guta Saga: Histoire des Gotlandais. Introduction, traduction, commentaires // *Études germaniques*. 40 (1985). P. 131–140. [Русский перевод: Сага о гутах. / Пер. с древнегутского и прим. С. Д. Ковалевского // *Средние века*. 1975. Вып. 38. С. 307–311.]

[3] Рассказ которого будет приведен далее в переводе.

Как бы то ни было, прогресс очевиден во всех сферах: распашка нови (очевидная по многочисленным топонимам на -rud [Kumperud], -ryd [Femsryd], -röd [Ulleröd], -red [Oppreda] и т. д., соответствующим нашему «раскорчеванный участок»), основание деревень или целых местечек, появление новых орудий труда, таких как железный топор или плуг с отвалом, plógr, сменивший соху (arðr). В сфере искусства звериные мотивы постепенно избавлялись от римского влияния, очень заметно сближаясь с восточными стилями («скифским» искусством, или искусством степей), которые готы, должно быть, усвоили на Южной Руси и широко распространили.

Руны

Но самый очевидный показатель уровня совершенства этой предвикингской культуры и цивилизации — это руны, которым я посвящу краткий обзор[1].

К 200 г. они появились на землях германцев почти повсюду. Самые ранние встречаются в Стабю (Норвегия, к северу от Осло), в Мосе (Готланд), на разных объектах в Вимосе (Дания), на умбонах щитов в Торсбьерге (Шлезвиг), то есть по всему Северу. Вскоре они стали использоваться для составления довольно длинных текстов на менгирах, пришедших на смену bautasteinar (несомненно мемориальным камням, но лишенным текста), какие встречаются в Вальдресе (Норвегия) с IV в., и наконец ими стали записывать настоящие тексты, иногда весьма важные, как на знаменитом Ркском камне (IX век). Первый полный алфавит, или футарк, появился на Готланде в конце IV или начале V в. Вот он:

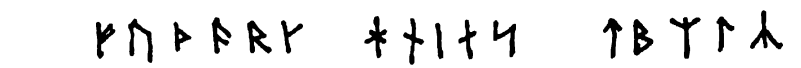
ᚠᚢᚦᚨᚱᚲᚷᚹ ᚺᚾᛁᛃᛇᛈᛉᛊ ᛏᛒᛖᛗᛚᛜᛞᛟ

Эти знаки постоянно использовались во всей Скандинавии, где им скоро стали отдавать особое предпочтение, и так было до самого конца нашего Средневековья и позже. Причина проста: высекать руны было трудно, и для фиксации длинных текстов они подходили мало. Зато латинское письмо давало для этого все возможности. Германия, вскоре обратившаяся в христианство, очень рано перешла на латинскую письменность, а Север, ставший христианским только на рубеже тысячного года, сохранил руны по самое начало второго

[1] Тем, кто ищет больше подробностей, порекомендую только мастерское исследование Л. Мюссе: *Musset, Lucien.* Introduction à la runologie. Paris: Aubier-Montaigne, 1965.

тысячелетия. Еще раз повторим, что эти знаки вырезались острым и твердым предметом на камне, дереве, металле, кости, коже, потом на монетах, а в христианскую эпоху — на крестах, колоколах, календарях, даже записывались на пергаменте или бумажных рукописях, содержащих целые тексты.

Их происхождение долгое время было предметом увлеченных изысканий. Эти знаки, конечно, — не скандинавские, а именно германские, по крайней мере в старом варианте, который содержит двадцать четыре знака, разделенных на три «семьи» (aettir, то есть три группы по восемь, átta, знаков); около 800/850 г. этот алфавит сократился до шестнадцати знаков (новый футарк), попрежнему делящихся либо на два эттира по восемь знаков каждый, либо на три эттира соответственно из пяти, пяти и шести знаков. Швед Отто фон Фризен полагал, что их образовали из греческого алфавита при посредстве готов, расселившихся в начале нашей эры на побережьях Черного моря, но современные исследователи, восприняв и уточнив открытия норвежца Карла Марстрандера, уже не сомневаются, что руны произошли от алфавитов Северной Италии, в которой бывали в тех же I и II вв. германские племена. По сравнению с прототипами форма рун обязана своей оригинальностью тому, что их приходилось вырезать на твердой основе острым предметом. Объяснение их эволюции, на мой взгляд, реальных проблем не создает. Это такое же письмо, как всякое другое, со множеством вариантов (шведские руны, датско-норвежские, фризские, англосаксонские, тайные, называемые хельсингскими, и прочие). Их упрощение (переход от 24 знаков к 16):



произошедшее, как ни парадоксально, как раз когда фонематика староскандинавского языка усложнилась и обогатилась, следует объяснять возникновением феномена, сходного с нашей современной стенографией. Правда, некоторые новейшие исследователи стремятся опровергнуть эту (удобную) теорию, доказывая, что эта странная перемена произошла в результате обычной эволюции фонематики. Не более достоверно и утверждение, что, хотя руны были прежде всего средством коммуникации, они использовались только купцами и в чисто утилитарных целях. Ведь это бесспорно было средство коммуникации, которое применялось в самых разных целях (не только

мемориальных, но и юридических и даже религиозных), что подтверждается его чрезвычайно широким распространением по всей Скандинавии, а потом, впоследствии, по всей территории, где происходила викингская экспансия, от Гренландии до Черного моря. Рунических надписей насчитывается около 500 в Дании, 750 в Норвегии, более 3000 в Швеции (добрая тысяча из которых — в одной только провинции Упланд), не говоря о 300 рунических крестах на Оркнейских островах или на острове Мэн. Их редкость в Исландии объясняется исключительно тем, что лава для резьбы такого рода не годилась. Они бывали специализированными, иногда их вырезали мастера-резчики, гордо подписывавшие свои имена, причем некоторые резчики могли быть авторами нескольких десятков надписей, могли создать свой стиль и даже основать то, что можно было бы назвать школами. Руны часто украшены, расписаны, иллюминированы, декорированы животными мотивами, причем самым расхожим приемом было вписывание рун в вытянутое изображение змеи, кусающей себя за хвост. Их художественная ценность, самих по себе или с учетом обрамляющих мотивов, неоспорима. Исследователи очень стараются выяснить связь между текстом и украшением — иногда она ясна, но чаще всего непостижима для нас. Тем не менее это прекрасные объекты, часто впечатляющих размеров, который не могли не привлекать взгляд и, значит, доносили весть, которая была в них вложена.

Содержание этих надписей — самое разное. Огромное большинство имеет мемориальный характер, такого рода: «Бьрн и Игульфрид возвели этот камень в память Отрюгга, их сына. Он был убит в стране финнов» (Сдербю-Карл, Упланд, X в.). Но, как показывает конец этой надписи, мы можем также извлечь из них всевозможные сведения, которые искусно сопоставил С. Б. Ф. Янссон[1]: информацию о походах викингов, о Восточном и Западном путях, вероятных сражениях, а также о повседневной жизни этих арендаторов-рыбаков, их религии, языческой, потом христианской, их законодательстве, их человеческих идеалах. Резчик мог придать своему тексту поэтическую форму либо использовать известный отрывок из литературного произведения. Как я уже сказал, руническим надписям надо уделить величайшее внимание, потому что, не считая скальдической поэзии, только они и представляют собой созданные самими викингами письменные документы, которые есть в нашем распоряжении, — все остальное либо возникло намного позже, либо, если могло существо-

[1] Английский перевод: *Jansson, Sven Birger Fredrik.* The Runes of Sweden / transl. by Peter G. Foote. Stockholm: Norstedt & Söner, 1962.

вать в эпоху викингов, то известные нам версии уже не оригинальны, за исключением отдельных скальдических поэм.

Остается затронуть щекотливую проблему — их смысла, якобы магического по определению. Прежде всего: само собой разумеется, что любые знаки приобретают эзотерическое значение, если их используют лишь немногие посвященные. Но слово *rūna* действительно может иметь два значения: одно из них — письменный знак, о котором и идет речь, но другое, как создается впечатление, — тайна, которую сообщают шепотом, более или менее магический секрет (таков смысл этого слова в готском языке). Похоже, староскандинавский язык уже подразумевал оба этих варианта. Поэма «Речи Сигрдривы» из «Старшей Эдды» как будто весьма двусмысленно указывает на амбивалентность этого понятия. В пользу этого же предположения говорит и использование рун в действиях с сознательными магическими намерениями, таких как воздвижение хулительной жерди, níðstöng, не говоря уже о таком руническом заклинании, как *Buslubœn*, «Молитва Буслы», в (легендарной) саге о Боси. Верно и то, что, согласно «Эдде», руны созданы Высшими силами (reginkunnar), что «изобретателем», отцом и мастером рун считается Один, получивший это знание благодаря суровому инициационному испытанию, на которое есть явственная ссылка в «Речах Гримнира» («Старшая Эдда»), верно, наконец, что наши тексты отличают «хорошие» руны, которые якобы спасают, исцеляют, обеспечивают победу и т. д., от «плохих» и что, ограничусь этим, Саксон Грамматик называет рунические тексты *carmina* [песнями (*лат.*)].

Но я скажу, что это вс — откровенные измышления, бесспорно порожденные Библией или классическими текстами. Я решительно присоединяюсь к мнению Л. Мюссе, который в этом был последователем А. Бекстеда[1]. А именно: руны — такое же письмо, как любое другое, пригодное, чтобы сопровождать магические действия, но не созданное специально для этого. В пользу такого мнения говорят два типа соображений[2]. Первые — чисто технические: рун вполне

[1] *Bæksted, Anders.* Målruner og troldruner: Runemagiske studier. København: Nordisk forlag, 1952.

[2] Когда речь идет о старом футарке, возможно, следует отметить важный нюанс. Похоже, большинство надписей, сделанных на нем, имело смысл заклинательный, апотропеический, вотивный или отчетливо религиозный. Нельзя сказать, что такими были все надписи, и следует уточнить, что их создание тогда могло быть только уделом отдельных посвященных лиц. Но это вс догадки, и в любом случае к новому футарку, который как раз и использовался во времена викингов, они отношения не имеют.

достаточно для передачи всех фонем староскандинавского языка, пусть даже руны не имеют супрасегментных знаков, знаков препинания и т. д. Поэтому они превосходно служили для изложения мыслей. Второе соображение уже неявно излагалось выше: рунические надписи использовались во всех возможных сферах человеческой деятельности. Непонятно, какое магическое значение можно придать такому тексту на камне в Мервалле (Сдерманланд, Швеция, X в.): «Он часто ходил до Земгалии [в Латвии, на Даугаве], огибая Домеснес [Колкасрагс, северную оконечность Курляндии], на своем драгоценном кнорре». От романтических или псевдонаучных подходов, только сбивающих с толку, нужно отказаться: руны — превосходное средство коммуникации, и этим вс сказано.

Зато они свидетельствуют о культуре безусловно высокого уровня. Не только благодаря подробным сведениям о действиях, о которых они сообщают, и об обществе, волнениях, заботы и идеалы которого воспроизводят, но и сами по себе как литературные тексты. Они явно свидетельствуют о существовании «литературы» или, скорее, разработанного способа литературной записи. Так, великолепный Ркский камень (IX в.) содержит, в частности, посвященную Теодориху Великому строфу, написанную форнирдислагом [«размером древних слов»], большим эддическим размером, а на медной коробочке, найденной в Сигтуне, в Упланде, есть надпись дротткветтом, самым сложным из скальдических размеров[1]. Еще два примера, и достаточно. Надпись на камне в Юлефорсе (Сдерманланд, Швеция, XI в.) сообщает:

Hann austarla	К востоку он бороздил [море]
arði barði	носом [своего корабля]
ok á langbarda	и умер в стране
landi andaðis	лангобардов

Уже простое чтение вслух выявляет здесь искусность стихосложения, наличие конечных и «внутренних» «рифм» (innrím, или графических повторов, здесь -arð- и -að-), фонетических повторов, аллитераций (на a и l) и виртуозное владение размером. Конец надписи в Валлентуне (Упланд) еще более изыскан, он состоит из трех строчек, где каждая следующая короче предыдущей:

Hann drunknaði á Hólms hafi,
Skreið knörr hans í kaf,
þrír einir kvómu af.

[1] См.: *Boyer, Régis.* La Poésie scaldique. Op. cit.

Он утонул в Хольмском море[1],
Его кнорр пошел ко дну,
Спаслось только трое.

и где надо отметить окончания -afi, -af, af.

Не развивая эту идею далее, уже можно сказать, что руны на свой лад свидетельствуют о высоком уровне культуры. Как написал резчик на камне в Рунбю (Упланд), имея в виду несомненно как событие, о котором шла речь, так и собственную надпись:

Þat skal at minnum manna
meðan menn lifa

Об этом будут помнить,
Пока будут жить люди

ПРОБЛЕМА СКАНДИНАВСКОГО ЕДИНСТВА

Прежде чем завершить эту главу, надо обратиться к вопросу, уже давно мучающему исследователей, — вопросу скандинавского единства, поскольку очень похоже, что оно сформировалось как раз в ходе железного века.

Это деликатная проблема, породившая в течение веков всевозможные невнятные или приблизительные решения[2]. Ведь бесспорного критерия в качестве основы для такого единства нет.

Недопустимые критерии

Например, не существует этнического единства северян. Миф о скандинавской «расе» следует отправить на склад товаров сомнительного качества. В действительности на Севере всегда сосуществовало два типа людей: высокий долихоцефал со светлыми волосами и голубыми глазами, привычный для нас образ, а также низкорослый брюнет с темными глазами, скорей мезоцефал. Оба прекрасно представлены в эддической поэме «Песнь о Риге»[3] и прежде всего в большой саге об Эгиле Скаллагримссоне[4]. Отметим мимоходом, что

[1] Хольмское море — северо-восточная часть Балтийского моря — (прим. пер.)

[2] Еще сегодня по-прежнему необходимо уточнять, что, например, финны — не скандинавы, а Исландию вс еще путают с Ирландией. См. об этом специальный номер: *Études germaniques*. 4/1993 (De l'identité nordique).

[3] У которой подозревают кельтское происхождение.

[4] Перевод в издании: *Sagas islandaises*. Textes traduits, présentés et annotés par Régis Boyer. Op. cit. P. 3 и далее.

знаменитый норвежский король Харальд Харфагри (Прекрасноволосый, т. е., вероятно, светловолосый) был сыном Хальвдана Сварти (Черного), а среди его сыновей были Хальвдан Хвити (Белый) и Хальвдан Сварти (Черный). И я уже не говорю об исландцах, которые заведомо появились в результате смешения скандинавов и кельтов.

Не более удовлетворителен и географический критерий. Прежде всего потому, что в Средние века скандинавские страны имели не совсем те же территориальные границы, что теперь; к тому же чувство «национальной» принадлежности, по преимуществу возникшее в Новое время, было этим людям незнакомо. С большим или меньшим основанием можно утверждать, что и в наши дни существуют не только датчане, но и ютландцы, не только норвежцы, но и нурланнцы, не только шведы, но и далекарлийцы. Население Ютландии в век викингов представляло собой специфическую смесь данов, фризов, саксов и даже вендов, которые принадлежали к славянам. Кстати, под властью «датчан», то есть, следует уточнить, людей, говоривших на стародатском, находились также Сконе, Халланд, Блекинге (сегодня в Швеции) и Гольштейн (сегодня в Германии)[1]. Могла существовать такая территория, как Гталанд, общая для Норвегии и Швеции. С другой стороны, безмерные равнины Ютландии, горы (fjell) и фьорды Норвегии и бесконечный лес, прореженный озерами, из которого состояла Швеция, в географическом плане были никак не связаны. Горная цепь Хьлен, частично разделяющая Норвегию и Швецию, долгое время составляла непреодолимое препятствие для установления отношений между двумя этими регионами. И два народа остаются загадкой — финны, очень долго жившие в тесном, во всех смыслах, контакте со скандинавами, особенно шведами[2], а еще в большей мере — саамы (лопари), которые, возможно, были тем таинственным автохтонным субстратом, на который наложились индоевропейцы: саамы сместились очень далеко на юг и, возможно, лишь постепенно были оттеснены на свою нынешнюю территорию. Озадачивает и тот факт, что словом Finnr (саам) в сагах называется маг и что многие черты древней религии северян, кстати, буквально

[1] Дания потеряла эти провинции лишь недавно, первые — в XVII в., а последнюю — всего немногим более ста лет назад.

[2] Тот факт, что в сагах словом Finnr обычно называется саам, отнюдь не проясняет эту проблему.

пропитанной магией[1], прежде всего шаманистского типа, встречаются в религии саамов[2].

Однако у этих стран бесспорно были общие физические качества: холодный климат, долгие и темные зимы, огромные расстояния (особенно по меркам эпохи) и существенные природные преграды, вездесущность воды, особенно болот: эти территории были скорей неблагоприятны для жизни людей и, кстати, очень мало населены, не то что в наши дни, так что чувство изоляции, даже заточения, всегда было очень сильным и уже само по себе могло оправдать желание или потребность бежать отсюда. Тем не менее не факт, что в то время существовали связи между островом Фиония (Фюн, Дания) , где всегда можно было хорошо прокормиться, диким и суровым норвежским Финнмарком и негостеприимными, бóльшую часть года обледенелыми берегами Северной Балтики. Скандинавии как единого географического целого по-настоящему не было.

Не существовало и исторического единства. В Дании, похоже, один или несколько могущественных родов богатых королей-купцов появились только с IX (в лучшем случае с VIII) в. Эта страна состоит из значительного числа островов всех размеров, к которым добавляется полуостров Ютландия. Очень долгое время никакой «центральной» власти там не было. Еще более отчетливо это видно для Норвегии, разгороженной фьордами и фьельдами на совсем маленькие территории, где царствовали «короли» (konungar), если их можно считать таковыми, — фактически царьки или мелкие местные вожди, хотя некоторые сумели организоваться в подобие династий, как ярлы Хладира (Hlaðajarl) или «короли» Трннелага. Но этот феномен отмечен не ранее IX в. Возможно, в Швеции ситуация была немного другой. Там, похоже, довольно долго сосуществовало два народа, отношения между которыми не были безоблачными: свеи (давшие свое название Швеции) в Упланде, на территориях, центром которых была Старая Упсала[3], и гты (гауты «Беовульфа») в районе

[1] См.: *Boyer, Régis*. Le Monde du double: la magie chez les anciens Scandinaves. Paris: Berg international, 1986.

[2] Оценить значимость этого факта можно, прочитав «Vatnsdoela saga» (Сага о людях из Озерной Долины, *Sagas islandaises*. Textes traduits, présentés et annotés par Régis Boyer. Op. cit. Chapitre 12), где, в частности, фигурирует редкое слово Semsveinar — молодые саамы.

[3] Напомним, что Стокгольма, порождения Нового времени, тогда не существовало.

двух больших озер — Веттерн и Венерн[1]. Подобие единства как будто появилось только к тысячному году, при короле Эйрике Победоносном. Отметим, что, если говорить об Исландии, то она, вопреки одному из самых стойких представлений, никогда не была ни «демократией», ни республикой, это была олигархическая плутократия. Видно, что попытка подогнать эти страны под общий исторический знаменатель выглядит тщетной. Тем более что ход событий напрочь вс запутывал. Бывали времена, когда над Норвегией царствовали датчане, и другие, когда власть над Данией принадлежала шведам, норвежский король Магнус Добрый был сувереном Дании, а датчанин Кнут Великий задолго до Маргариты был близок к тому, чтобы объединить под своим скипетром все скандинавские страны, а также Великобританию. Эту безнадежную путаницу большей частью порождали междинастические браки, а если речь идет о простых викингах — встречи вследствие походов. Исландец (но этот термин имел политический смысл только с 930 г.) Хроар Тунгуготи [годи из Междуречья] был сыном Уни Датчанина (чьим отцом был Гардар Швед, один из открывателей Исландии) и Торунн, дочери Лейдольва Воина, одного из первых колонизаторов острова, норвежца!

Так что же принять за критерии?

Однако надо иметь в виду один факт: нескандинавы, к какому бы народу ни принадлежали, всегда опознавали скандинавов, называя их одинаково, кем бы те ни были. Если сами последние имели образ настолько расплывчатый, что и сегодня мы вс еще неспособны выяснить, был ли, например, Гнгу-Хрольф (Роллон) датчанином, что вероятней всего, или норвежцем, или оркнейцем, или даже шведом, то мнения внешних наблюдателей почти никогда не расходились. Для франков скандинавы были норманнами (Nor[th]manni, то есть людьми с Севера), для англосаксов — данами (Dani, что объясняется преобладанием датчан в формировании земель Денло в Англии), для континентальных германцев — аскоманнами (этот термин так и не

[1] Объяснить причины паронимии здесь чрезвычайно трудно, и старинные источники ничуть не проясняют вопроса. Различия между готами, гтами, гетами, ютами менее всего можно назвать четкими; из-за написания Гталанд нетрудно перепутать с Готландом, и т. д.

получил удовлетворительного разъяснения[1]), для ирландцев — гейл (иноземцами) или лохланнах (северянами), для славян — русами (rūs, это слово я позже попытаюсь определить точней, греческое соответствие — росы, □ῶς)[2], для византийцев — варягами (varégues, βάραγγοι по-арабски варанк, это слово позже я тоже прокомментирую. Оно применялось *stricto sensu* [в узком смысле (*лат.*)] к викингам, когда они оказывались на Востоке, а не на Западе, то есть это четкий эквивалент слова víkingr; его не надо путать с Варягом с прописной буквы — бойцом личной гвардии басилевса, это слово получит «право гражданства» лишь позже, хотя их семантическое родство и явственно), для арабов — маджус (вероятно, «колдунами»[3]). Отсюда очевидно, что скандинавы воспринимались как некая целостная, недифференцированная сущность. И что единство тех, кто ее образовал, вполне существовало. Но на каких же принципах оно зиждилось, коль скоро этнический, географический и исторический критерии я отверг?

Я предложу четыре критерия, которые фактически пересекаются и преимущество которых состоит в том, что они дают довольно хорошее представление об этой цивилизации.

Первый критерий — социологического порядка и связан с семьей (aett) в широком смысле, в которую входили кровные родственники всех степеней, а также приемные родители, побратимы, «клиенты», иждивенцы (ǿmagi) и т. д., итого минимум сотня лиц, если не больше. Это была главная ячейка общественной жизни, самое средоточие существования. Человек самоопределялся не как индивид, а как член семьи. Кто был неспособен перечислить членов рода в нескольких поколениях, не имел юридических прав. Возможно — соблазнительная теория — в этом надо усматривать отправную точку старосканди-навской литературы, начало которой могли положить генеалогические

---

[1] То есть люди Аска (Askr): могло иметься в виду как имя человека, так и слово «ясень» — либо потому, что корабли викингов делались из этого дерева, чего данные археологии практически не подтверждают, либо потому, что они поклонялись этому дереву; действительно, в древнесеверной космогонии доминирует великолепный образ ясеня Иггдрасиль... Правда, последний считают также тисом и даже дубом!

[2] Можно отметить, что по-фински шведов называют Ruotsi.

[3] Однако см.: Pritsak, Omeljan. Did the Arabs call the Vikings "Magians"? // *Poetry in the Scandinavian Middle Ages*: The Seventh International Saga Conference. Atti del 12° Congresso internazionale di studi sull'Alto Medioevo, Spoleto 4–10 settembre 1988. Spoleto: Centro italiano di studi sull'alto medioevo, 1990. P. 463–478.

поэмы, саги, которые благодаря неправомерному, но показательному обобщению названы «родовыми»[1], может быть, порожденные желанием увековечить подвиги конкретного клана. Во всяком случае, семья была фундаментом и знаком права. В случае оскорбления ее члена принцип компенсации, лежавший в основе этого права, bót, по-немецки Wehrgeld (вергельд), требовал, чтобы ущерб был возмещен не только пострадавшему, но и всем кровным родственникам согласно строгой систематизации, расписанной в кодексах законов («Baugatal», или «Подсчет колец»[2], или «Vígslóði»). Термин skyldr означал одновременно «родственник того-то» и «ответственный за...». Возможно, это понятие возникло в сфере религии, в виде хамингьи (hamingja)[3] — особой удачи или судьбы данного клана: она служила основой его чести и мотивировала священное право (право, а не долг) мести. Кстати, семья была основной религиозной ячейкой, местом отправления частного культа, «жрецом» которого был глава клана. Не исключено даже, что можно поверить Тациту, сделавшему семью первичным подразделением армии. И *a contrario* [напротив (*лат.*)], возможно, существуют этимологические связи между словами frændi (родственник) и friðr (мир), остававшийся высшим идеалом скандинавов, так как семья была сообществом, где без риска можно было отбросить оружие. Во всяком случае, ярый индивидуализм, желание порвать все связи и бунт против своих там не встречались. «Сага о Стурлунгах», детальная хроника повседневных событий в Исландии с 1116 по 1264 гг., и в наши дни по-прежнему считается скандальным текстом, потому что подробно описывает братоубийственные распри и бурные семейные ссоры.

На второе место следовало бы поставить политический критерий, который, по правде говоря, точно определить намного трудней, чему виной ужасная полисемия (особенно при диахроническом подходе) слова *ланд* (land), не имеющего точного перевода на французский (его более или менее приблизительные значения: провинция, округ, регион, поместье). Ланд был территориальной единицей, имевшей границы естественные или, как, похоже, бывало чаще, проведенные

[1] Так называть их не всегда можно, потому что многие из Íslendingasögur (саг об исландцах) не были родовыми сагами. См.: *Sagas islandaises*. Textes traduits, présentés et annotés par Régis Boyer. Op. cit.

[2] Серебряных, они использовались в качестве «монеты».

[3] Изображалась в виде женщины великанского роста, олицетворявшей удачу данного клана, см. «Сагу о Глуме Убийце»: Saga de Glúmr le Meurtrier // *Sagas islandaises*. Textes traduits, présentés et annotés par Régis Boyer. Op. cit. Note 36, chapitre 9.

с учетом отношений свойства между разными кланами или же по добровольному соглашению между лицами, занимающими эти земли, обычно из экономических соображений. Это я давал понять выше, говоря, что не было ни датского, ни норвежского, ни шведского, а было то, что относилось к Ютландии (ланду ютов), Вестланну (ланду Запада) или Сдерманланду (ланду людей Юга — то есть не к Упланду, разумеется, ланду Верха). Опять-таки нельзя напрочь отвергать гипотезу, что у этого понятия была военная составляющая: в ланде, разделенном на хунды, хундаре — части территории, которые могли поставить и содержать «сотню» (hundrað, фактически 120) боеспособных мужчин, — в случае нападения или для организации рейда (посредством лейданга, leiðangr[1]) можно было быстро набрать необходимых бойцов. То же может относиться и к понятию, по всей видимости, равнозначному, — херад (hérað), херред (herred), от herr — войско. Сколь бы вероятным это ни было, я не считаю нужным особо выделять такую коннотацию — из-за своего глубоко укорененного убеждения, которое отстаиваю и здесь, что скандинавы были больше купцами, чем воинами. И в равной мере, поскольку воинственным образом викингов злоупотребляют настолько, что это становится смешным. Поэтому я предпочитаю определять ланд как территорию, в центре которой находилось место отправления публичного культа (святилище на открытом воздухе, ве (vé), хрг (hörgr), почти наверняка не храм, возможно, за отдельными исключениями), где главным жрецом, игравшим в этом ве ту же роль, что и в клане, был на своем хуторе глава семьи; а главное — как округ, на территории которого было место для тинга, сезонного собрания свободных людей с целью совместного принятия решений по вопросам, представляющим общий интерес, при надобности для провозглашения законов, для улаживания неоконченных судебных тяжб и рассмотрения важнейших экономических сделок — уступок земли, перевозки товаров, браков детей (эти браки всегда были сделками) и т. д. В этом смысле ланд совпадает с лагом, -lag (этот суффикс означает «закон» и всегда присоединяется к названию территории либо клана, либо местонахождения тинга): так возникли названия Гуталаг, лаг (ланд) гутов (на Готланде), Трннелаг, лаг или ланд трендов, жителей местности Трандхейм (сегодня Тронхейм), а еще

[1] См.: Boyer, Régis. La notion de leiðangr (levée régulière des troupes dans l'ancien Nord) et son évolution. Armement, tactique, esprit // *Inter-Nord*. 12, 1972. P. 271–281.

красноречивей название Фростатингслаг — лаг, где находился тинг местности Фрости в Юго-Западной Норвегии.

Какое бы объяснение ни принять, военное, религиозное, юридически-экономическое — а на самом деле все три могут сочетаться, — нужно понять смысл этой организации, постичь дух теоретического и практического управления у древних скандинавов в малом масштабе, принципы которого могли непосредственно, если можно так сказать, переноситься на больший масштаб.

Тем не менее главный критерий единства, которое мы пытаемся выявить, — лингвистический. Как и для многих других этносов с нерезкими границами, например, кельтов[1]: скандинавы — германцы, без труда понимающие друг друга.

Такая характеристика требует некоторых кратких пояснений[2]. Скандинавские языки образуют северную ветвь германской семьи, произошедшей от индоевропейской. Эта семья была единой, пока не разделилась на западную, восточную и северную: тот язык, от которого произошли скандинавские языки, мы назовем праскандинавским (urnordisk). Как и все германские языки, праскандинавский перенес первую согласную мутацию (переход от *bh*, *dh*, *gh* к *b*, *d*, *g* или от *p*, *t*, *k* к *f*, *þ*, *h* и т. д.), за которой по так называемому закону Вернера последовала вторая согласная мутация. Кроме того, праскандинавскому были свойственны такие исторические фонетические феномены, как метафония (умлаут), апофония (аблаут) и преломление (брехунг), по которым специалисты определяют склонения существительных и прилагательных и спряжения глаголов. Языки, произошедшие от праскадинавского, приобрели также силовое ударение на первом слоге слова, к которому добавилось музыкальное ударение, а последнее породило так называемое вторичное ударение в шведско-норвежском, датский «толчок» (stød) и исландскую гортанную смычку. Прилагательные и существительные в них приобрели сильное или слабое склонение в зависимости от присутствия или отсутствия определения; оригинальность их заключается в том, что определенный артикль при существительном может находиться в постпозиции (húsið, где

[1] Эти проблемы хорошо поставили Ф. Леру и К. Гюйонварх в книге: *Le Roux, Françoise; Guyonvarc'h, Christian J.* La civilisation celtique. Rennes: Ouest-France, 1990. [Русский перевод: *Гюйонварх, Кристиан; Леру, Франсуаза.* Кельтская цивилизация. / Пер. Ю. Н. Стефанова, Г. В. Бондаренко. СПб.: Культурная инициатива, 2001.]

[2] См.: *Wessén, Elias.* De nordiska språken. Stockholm: Filologiska Fören. vid Stkh. Högskola, 1941. — *Boyer, Régis.* Eléments de grammaire de l'islandais ancien. Göppingen: Kümmerle, 1981.

hús- — «дом», а -ið — артикль среднего рода), а в так называемом слабом спряжении глаголов при образовании претерита и причастия прошедшего времени не меняется корневая гласная (как в так называемом сильном спряжении), а добавляется суффикс, содержащий зубной звук. Как флективные языки они имеют намного более свободный синтаксис, чем наш. Праскандинавский очень скоро разделился на восточный староскандинавский, включавший стародатский и старошведский, и западный староскандинавский, в состав которого вошли старонорвежский, старофарерский (это совершенно самостоятельный язык) и староисландский. Различия были связаны с автохтонными субстратами, на которые наложились эти новые языки, а также, возможно, с непосредственным влиянием языковой среды.

Мы располагаем исключительным свидетельством этой эволюции, не имеющим аналогов в мире: староисландским языком. Исландию колонизировали с 874 по 930 гг. по преимуществу юго-западные норвежцы, принесшие на остров родной язык. Волей исторических и географических обстоятельств староисландский тысячу лет сохранялся, так сказать, нетронутым: с некоторыми различиями житель Рейкьявика говорит сегодня на языке Ингольва Арнарсона, первого поселенца в стране. А ведь именно этот язык, с ничтожными местными различиями, служил в качестве койне для всей Скандинавии около 900 г., то есть как раз в эпоху викингов. Дальше стали быстро нарастать различия[1], так что исландский язык, который не изменился, можно по отношению к другим скандинавским языкам считать тем же, чем для романских языков была латынь. Значит, можно считать, что к 800 или 900 г. вся Скандинавия говорила на языке, похожем на староисландский. Поскольку этот язык, который в сагах называют dönsk tunga («датский» язык) или norrænt mál (северная речь), еще не очень отличался от разных германских наречий, распространившихся по всей Европе, вполне понятно, что при своих перемещениях викинги не сталкивались с непреодолимыми языковыми преградами. Здесь не будет неуместным небольшое отступление. Оно связано с констатацией, которой никогда не делали, но на которую следовало бы обратить внимание. Куда бы ни направлялся викинг, от одного конца Европы до другого, от Севера до Юга и от Запада до Востока, — похоже, у него никогда не было проблем языкового характера. Как

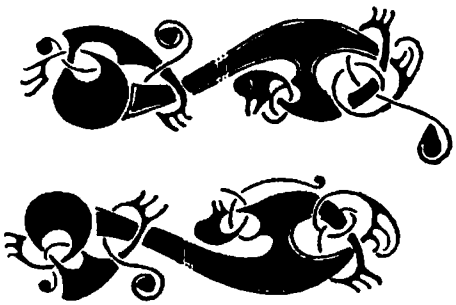
[1] Хотя даже в наше время, когда три континентальных скандинавских языка стали очень «изношенными» и упрощенными, говорящие на них люди очень легко понимают друг друга, и знание одного из этих языков позволяет читать на обоих других.

будто староскандинавский понимали по всему континенту, хотя известно, что это достаточно трудный язык. Для этого возможно единственное объяснение, которое кажется мне крайне важным, поскольку идеально укладывается в ту концепцию, которую я пытаюсь доказать в настоящей книге: викинг, хороший коммерсант, прекрасно организованный, у которого были свои маршруты, свои формы сделок, свои фактории, располагал и своими, скажем так, торговыми агентами, а вероятно, и устными переводчиками. Кстати, что характерно, существительное tolk, толмач, было позаимствовано у славян! Поскольку язык всегда является залогом, носителем и показателем культуры, понятно, что такой языковой общности было достаточно, чтобы обеспечить скандинавское единство и даже очертить контуры цивилизации. Которая, как сказано, доказала свои выдающиеся качества, дав такие несравненные шедевры, как скальдические и эддические поэмы и исландские саги. Рунические надписи на новом футарке, хоть иногда и появились на полтысячелетия раньше саг, написаны на том же языке — *grosso modo* [в общих чертах (*лат.*)], разумеется.

Из этого следует, что в качестве залога единства с полным правом можно указать культурный критерий. Все сведения, которые мы можем собрать о скандинавах, где бы они ни жили, показывают, например, что их религия образовала единую совокупность верований, мифов и ритуалов, что они имели одни и те же обычаи, одно и то же Weltanschauung [мировоззрение (*нем.*)] — единообразие воистину примечательное с учетом разбросанности во времени, кратко описанной в настоящей главе, и значительных расстояний в пространстве — между Севером Скандинавии и Югом Ютландии или между Новгородом и Гренландией. *A contrario*, тем же можно объяснить пассивное сопротивление христианизации, которая в Дании официально произошла только в 980 г. (при Харальде Синезубом), в Исландии — в 999 г., в Норвегии — в 1000 г. (при Олафе Трюггвасоне) и в Швеции — около 1100 г. Таким же образом Север объединяло, как уже упоминалось, одинаковое пристрастие к судам и кодификации, сходный тип законов, в основе которых лежали где компенсация, где изгнание и высылка — смертной казни не существовало. Еще можно сказать, что повсюду была сходной практическая культура — в жилище, одежде, питании, орудиях труда, вооружении. И, несмотря на неизбежные нюансы, обусловленные временем и пространством, одни и те же заботы проявлялись во всей литературе, в основном сосредоточенной на Истории, и везде создавались похожие художественные произведения, находящиеся на

полпути от реалистического изображения животных к геометрической полуабстракции, как уже было отмечено в отношении петроглифов бронзового века.

Можно с уверенностью сказать, что некая скандинавская реальность, отличавшаяся немалой стойкостью и однородностью, существовала. Мы уже видели, что нет ничего абсурдней, чем именовать ее «варварской». И я повторяю, что эта дальняя, глубинная, оригинальная и разнообразная подоснова была необходима для возникновения феномена викингов, к рассмотрению которого мы теперь непосредственно приступим.



III. ПРИЧИНЫ И ПЕРВЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ ЭКСПАНСИИ ВИКИНГОВ

Почему явление викингов возникло именно в конце VIII в.? Это затруднительный, очень спорный вопрос, по которому главное, возможно, еще не сказано. Мы рассмотрим возможные причины этого события и увидим, что они неравноценны. Я хотел бы только, чтобы максимальное внимание обратили на роль случайности, а главное — на роль стечения обстоятельств.

Сразу же отвергну некоторые объяснения, иногда встречающиеся, которые заведомо недостаточны или неприемлемы.

Иногда, например, настаивали на том, что в Северном полушарии с IX по XI вв. было потепление. Оно якобы упростило мореплавание и, к примеру, очень способствовало переходам между Норвегией и Исландией или же между Исландией, Гренландией и Северной Америкой. Мало того, что факт указанного потепления, в точности ограниченного тремя веками, ничем не подтвержден, но похоже, что в реальности произошло обратное!

Говорили еще и о сильном голоде или эпидемиях, якобы погнавших скандинавов за пределы родных земель. Такие события не упомянуты ни в одном документе, и, главное, по крайней мере в течение первого века экспансии викинги уходили в поход с тем, чтобы вернуться.

ЧАСТНЫЕ ПРИЧИНЫ

Приведем же некоторые частные причины (в целом четыре), из которых минимум две, последние, должны были сыграть определенную роль.

Понятие из заведомо романтического лексикона, но отнюдь не заслуживающее, чтобы об него вытирали ноги, — то, что принято

называть зовом Запада (для варягов[1] — Востока), непреодолимый порыв, словно бы органически присущий человеческому существу (вспомните одержимость Дальним Западом в США в Новое время), способен объяснить передвижения в начале нашей эры, уже странно похожие на походы викингов: переселения готов и герулов в восточном направлении, англов, саксов и других германских племен — в западном. В предыдущей главе я отметил, что почти все пути, по которым пойдут викинги, как морские, так и речные, к 800 г. были известны и давно освоены. Кстати, повторы можно отметить и в истории самих викингов. Между стадией конца IX в. и стадией конца X в. есть удивительные аналогии, где политическая подоплека одна и та же, а ход событий почти идентичен: за внезапными нападениями следовали долгие переговоры, которые обычно заканчивались обменом заложниками и даже выплатой требуемых выкупов. В промежутках между набегами викинги поселялись на острове в устье большой реки. Такое поведение было типичным, например, для набегов на Эльбе в 880 г., а потом в 994 г., или для вторжений в Британию приблизительно в те же годы. Единственное различие состояло в том, что в первый период этим занимались, по всей видимости, неорганизованные банды, тогда как во второй участники были уже хорошо организованы и сознавали, какие цели преследуют.

Не следует пренебрегать и тем, что представляет собой особо популярный аспект явления, указанного в предыдущем абзаце, и по нашим представлениям входит в тот же романтический арсенал: жаждой приключения (-ий) и славы, для чего нужны были смелость, воля и, возможно, хоть это слово не входит в число ментальных категорий, характерных для этих людей, — героизм. Казалось бы, наличие у них этих качеств подтверждается внушительным числом рунических надписей. Однако эти надписи требуют внимательного подхода: даже если они действительно восхваляют храбрость того или тех, чьей памяти посвящены, они особо подчеркивают, что такой-то (или такие-то) ушли далеко, рискуя жизнью, «чтобы приобрести богатства».

Не совсем безосновательна мысль, что потребность в славе как высшей ценности в этике древних скандинавов, о чем недвусмысленно говорят знаменитые строфы 76 и 77 из «Речей Высокого»:

[1] Я буду поступать так: если слово «варяг» написано с маленькой буквы, оно означает викинга, только действующего на Востоке, а не на Западе. Если я пишу его с большой, я имею в виду телохранителя басилевса.

Гибнут стада,
родня умирает,
и смертен ты сам;
но смерти не ведает
громкая слава
деяний достойных.
Гибнут стада,
родня умирает,
и смертен ты сам;
но знаю одно,
что вечно бессмертно:
умершего слава[1],

выражавшаяся, таким образом, в опасных предприятиях[2], в конеч ном счете имела религиозное объяснение. Утверждают, что подобны экспедиции якобы были инициационными ритуалами для молодог воина: этим может объясняться загадочная «ver sacrum» (весн священная), о которой говорит Дудон Сен-Кантенский, источник конечно, не очень надежный. Не найдя на это ни одной ссылки, даж завуалированной или неявной, я в религиозный аспект подобно практики не верю. Я скорей поверю в более прозаичный вариант — что такие путешествия входили в состав «классического воспитания молодого человека[3], памятуя также, что прилагательное heimski означало одновременно «домосед» и «глупый»!

Вот почему я не чувствую себя обязанным соглашаться в этом с Л. Мюссе. Еще и еще раз: мне не кажется, что идеология воинског подвига находилась у викингов на первом плане. И я считаю нужным решительно отвергнуть религиозный аргумент, в основе которог лежит какой-то непонятный одиновский прозелитизм (исходящий и того, что Одина надо считать богом-воином, а это крайне сомнитель

[1] *Старшая Эдда.* / Пер. А. И. Корсуна. СПб.: Наука, 2005. С. 22.

[2] Только надо разобраться, были ли эти предприятия, за редкими исключениями по-настоящему опасны. Не стоит принимать энергичность (конечно, незауряд ную), какой требовал набег викингов, за почти сверхчеловеческий героизм. Эт несравненные мореходы ходили хорошо изведанными маршрутами, по крайне мере, как правило, и редко совершали настоящие авантюры, реальные прыжк в неведомое. Не надо их путать с великими норвежцами новейших веков Нансеном или Амундсеном. Похоже, историки уже установили: если викинг оказались способными на столь необыкновенные набеги, как те, которые буду описаны в настоящей главе, то они методично шли к этому методом про и ошибое.

[3] Это достаточно ясно дает понять образ Гуннара с Конца Склона в «Саге о Нья ле», глава 28.

но: Один[1], похоже, был покровителем хитрости и коварства, но никак не блестящих подвигов). Опять-таки сведения из легендарных саг (fornaldarsögur), целиком пропитанных влиянием классических или библейских образцов, нельзя принимать за историческую истину. Это иногда не исключает проявления в них религиозного антагонизма, направленного против христианства. Но я настаиваю, что скандинавское язычество — и, говоря это, надеюсь сокрушить столь устоявшиеся представления, что они кажутся неодолимыми, — отнюдь не отдавало предпочтения второй дюмезилевской функции (воинам).

Аргумент, согласно которому массовый и регулярный исход энергичной молодежи был вызван перенаселением Севера, при всей его надуманности тоже заслуживает того, чтобы на нем остановиться. Это мнение древнее и прочно укоренившееся, ведь еще Иордан (VI в.) в своей «Гетике» дал Северу определение, которое до сих пор впечатляет: *officina gentium* и *vagina nationum* (мастерская, изготовляющая племена, и утроба, порождающая народы). Должно быть, на честного готского клирика, как и на его современников, произвело впечатление непрестанное, схожее с потопом движение германских племен по всей Европе в эпоху великих переселений. Сколь бы бедной ни была почва Скандинавии и скудными ее ресурсы — что, впрочем, еще надо доказать, — Скандинавия, насчитывающая сегодня всего восемнадцать миллионов душ, никогда не могла быть «перенаселена». Полигамия (под ней мы понимаем обычай, позволявший мужчине легально иметь несколько наложниц, кроме законной супруги), из-за которой возникали многодетные семьи, и законы о наследовании, предписывавшие передавать вотчину (одаль) неделимой одному наследнику, действительно могли вынуждать «лишних людей» искать удачи в другом месте и даже удаляться в изгнание. Топонимика показывает, что в Норвегии с VIII в. населенная территория расширялась, и вс наводит на мысль, что как раз в течение трех викингских веков Север пережил мощную демографическую экспансию — настолько мощную, что можно осмелиться сказать: к 900 г. все пространство, пригодное для жилья, уже использовалось.

Тем не менее этих доводов недостаточно. Чтобы компенсировать недостаток ресурсов, проще было бы интенсифицировать рыболовство

[1] Я попытался дать обзор этого вопроса, именно затем, чтобы вернуть его мнимую военную функцию на надлежащее место, в статье: Boyer, Régis. Óðinn d'après Saxo Grammaticus et les sources noroises: étude comparative // *Festschrift für Oskar Bandle*: zum 60. Geburtstag am 11. Januar 1986. Hrsg. von Hans-Peter Naumann unter Mitwirkung von Magnus von Platen und Stefan Sonderegger. Basel; Frankfurt a.M.: Helbing & Lichtenhahn, 1986. S. 143–158.

(в Норвегии), распахивать больше нови (в Швеции). И факт тот — как мы уже отмечали, — что по окончании рейда викинги возвращались домой. Как бы то ни было, их ограниченная численность никогда не могла придать этому феномену облик исхода. На это можно возразить, что после века первых шагов стало очевидно — одной из целей их походов было приобретение новых земель (Исландия или Гренландия) или откровенная колонизация (например, Денло или Нормандии); если они не захватывали территорию силой, они приумножали капитал за счет торговли или добывали деньги грабежом, чтобы покупать имущество и земли на родине. Однако это замечание верно лишь для Норвегии и Дании, но не для шведов, которые, похоже, всегда были только торговцами. И касается только начальной стадии феномена, при всех напрашивающихся оговорках. Так что этот аргумент можно принять только как второстепенный.

Более пристального внимания заслуживают политические причины, связанные как с внешней, так и с внутренней политикой. Похоже, с первых десятилетий IX в. Норвегию и Данию сотрясали жестокие междоусобные войны. Даже если мы знаем, что не следует верить Снорри Стурлусону, согласно которому эмиграция изрядного количества норвежских вождей в Исландию была вызвана их стремлением выйти из-под деспотической власти Харальда Прекрасноволосого[1], не будет неразумным предположить, что первые викинги были мятежниками против короля или вождя, более сильного, чем они[2], или недовольными лишением владений, или же высланными либо изгнанниками, против которых, судя по исландским сагам, их особо кляузные племена без конца возбуждали процессы[3]. В общем, они уезжали, чтобы захватить на чужбине богатства, каких их лишили на родине. Они возвращались, чтобы добиться признания, став сильней благодаря приобретению не только богатств, но и людей, что побуждает поставить проблему «рабов», которую я рассмотрю дальше. Конечно, такой подход может грешить, так сказать, излишней сентиментальностью. Однако надо добавить, что к этому феномену могло сопут-

[1] См. глубокое исследование П. Сойера: Sawyer, Peter H. King Harald Fairhair and the British Isles // *Les Vikings et leur civilisation: problèmes actuels* rapports scientifiques. Publiés sous la direction de Régis Boyer. Paris; La Haye Mouton, 1976. P. 105–109.

[2] В принципе это можно понять по первым главам «Саги об Эгиле, сыне Грима Лысого».

[3] Возможно, в конечном счете так отплыл и Эйрик Рыжий, открывший после этого Гренландию.

ствовать клановое соперничество (не решаюсь написать «классовое», поскольку этим обществам такое понятие было заведомо чуждо). Мы уже видели, какое капитальное значение имела семья. Те, кто попадал в неблагоприятные условия, люди необеспеченные могли чувствовать, что должны уехать, чтобы избежать нетерпимости, угнетения (бесчестия) со стороны более богатых кланов-соперников. В конце концов, нет оснований отвергать в этом отношении свидетельство «Саги о Стурлунгах», уже упомянутой, которая, возможно, применительно к исландскому микрокосму показала положение вещей, характерное для всей Скандинавии. И потом: сколь бы скромное значение ни следовало приписывать скандинавскому понятию «король», все-таки мы бесспорно имеем дело с индоевропейским обществом. Вождю, ярлу, херсиру, «могучему бонду», «королю» следовало быть богатым, он был настоящим «властелином колец»[1], серебряных или золотых, которые носил на запястье и ломал, чтобы щедро раздавать подданным. Щедрость была его непременным качеством. Король должен был иметь возможность вознаграждать спутников. Поэтому ему приходилось непрестанно заботиться о приобретении тех богатств, которые он при желании расточал, — чтобы не только соответствовать своему определению, но и просто остаться на своей должности. Поскольку, если он не выполнял своих функций, его могли сместить и даже убить. Вот для меня простейшее объяснение понятия, породившего столь же плохую, сколь и примитивную литературу, — понятия «сакральный король», которого избирали равные ему, чтобы он обеспечил подданным урожайный год и мир (ár ok friðr), и которого низлагали или даже безжалостно приносили в жертву, если он этого не сделал[2]. Следовательно, нетрудно согласиться, что ему постоянно приходилось выискивать ресурсы — при помощи хоть коммерции, хоть грабежа. Процитируем главу XXIV «Саги об Инглингах», где речь идет о короле рунде, царствовавшем в (Старой) Упсале: «Он правил страной, а летом часто бывал в походах (í hernaði). Каждое лето он отправлялся[3] со своим войском в Данию».

[1] На самом деле кольцедробителем, или раздатчиком колец, hringbroti или hringdrifi — это расхожие скальдические кеннинги для обозначения государя, короля.

[2] Обратите внимание, как Снорри Стурлусон в «Саге об Инглингах» старается интерпретировать таким образом то, что вычитал в «Перечне Инглингов» Тьодольва из Хвинира, — например, историю Домальди в главе XV.

[3] В русском переводе: «Одним летом он отправился» (*прим. перев.*).

Эти реалии часто сочетались с политическими интригами, которые свойственны не только скандинавам и игнорировать которые было бы неверно. Мишле первым заметил, что викинги часто нанимались на службу к иноземным вождям за значительное вознаграждение и что в этом случае даже бывало, что им приходилось сражаться друг с другом. Еще раз подчеркну, что я настаиваю: они не ставили перед собой иных целей, кроме как раздобыть денег, и хороши были любые средства. Обратите внимание на то, что произошло в Аквитании около 850 г., когда датчане (несомненно они), беспокоившие берега Юго-Западной Франции и Северо-Западной Испании, вошли в Гаронну и стали грабить Тулузу. Оказывается, этот регион был охвачен междоусобной войной между Карлом Лысым и его племянником Пипином, который хотел стать независимым королем Аквитании: историки установили, что Пипин, похоже, в своих целях воспользовался помощью викингов[1].

Тут встает грозная проблема (которую мы затронем лишь поверхностно) иноземного наемничества, перебежчиков и т. п., игравшая, без малейшего сомнения, важную роль в истории викингов. Достаточно одного примера: он относится к Ирландии и касается гейл-гедхилов (Gall-Gaedhil, «чужеземных ирландцев»), которые могли быть лишь норвежцами, если только это не были ирландцы-ренегаты, — они сначала примкнули к вождю викингов Тургейсу, а в конечном итоге образовали собственную армию и, как сообщают ирландские тексты, «были наихудшими из всех "чужеземцев"». Очень возможно, что это был смешанный отряд, частично скандинавский, частично кельтский, готовый на вс для того, кто больше заплатит.

Таким образом, эти элементы политического характера надо, конечно, принимать во внимание, чтобы судить о феномене в целом.

Тем не менее всех четырех только перечисленных причин недостаточно. Теперь назовем

РЕШАЮЩИЕ ПРИЧИНЫ

Я вижу их три равнозначные и, чтобы обеспечить связность изложения, представлю разными гранями, привлекая, когда сочту это уместным, чисто исторические элементы сюжета. Вот эти причины: отсутствие серьезного противодействия происками скандинавов; разные технические преимущества, какие могли использовать викинги, прежде всего их знаменитый корабль; и потребность в коммерции, которая всегда останется для них главной.

[1] Бертинские анналы, 855 и 858 г.

Отсутствие серьезного противодействия

Поскольку этот вопрос известен хорошо, я лишь бегло остановлюсь на том, что было важнейшей причиной успеха викингов, — на отсутствии серьезного противодействия со стороны Запада. Шотландия, Ирландия, Уэльс, Англия и, особенно с 840 г., Франкская империя были совершенно неспособны оказать сплоченное сопротивление. Дезорганизованные, расчлененные, расколотые нескончаемым внутренним соперничеством территории совершенно распавшейся каролингской империи были не в состоянии выступить единым фронтом. Энергичные и смелые, а также очень наблюдательные купцы, знавшие, что хороший удар двулезвийным мечом часто оказывается куда более эффективным, чем долгие речи и сделки, в конечном счете поняли: позволив себе там вместо свободного обмена прибегнуть к силе и коварству, они не встретят никакого серьезного сопротивления, — и явление викингов институционализировалось.

Карл Великий, напомним, умер в 814 г., успев заметить, согласно знаменитым словам Алкуина, какую опасность представляют собой викинги. Его сын Людовик Благочестивый (умер в 840 г.) активно пытался, хорошо предвидя последствия в долгосрочной перспективе, христианизировать Данию и сдерживать пиратов. Но перед смертью ему пришлось иметь дело с соперничеством троих сыновей — Лотаря, Людовика Немецкого и Карла Лысого: тогда и произошел распад Франкской империи. Не случайно, что после того как осенью 833 г. Людовик Благочестивый был низложен сыновьями, скандинавы перешли к масштабным действиям: летом 834 г. они совершили первое нападение на Дорестад, потом на Шеппи, Антверпен, Витлу, в 836 г. разорили побережья Ла-Манша, и в том же году община Нуармутье была вынуждена покинуть свой монастырь. Людовик Благочестивый вернулся к власти в 834 г. и был повторно коронован в 835 г., но через пять лет умер.

Дальнейшее известно: распри между сыновьями Людовика Немецкого и детьми Карла Лысого, потом медлительность Карла Простоватого, о которой еще будет возможность поговорить. Однако Людовику Благочестивому хватало здравомыслия: с 837 г. он понял, что одно из эффективных средств сопротивления — строительство фортов в уязвимых местах, и принялся осуществлять этот план (который так хорошо удастся Альфреду Уэссекскому). Но хаос, воцарившийся после его смерти, заранее, так сказать, обрек эти меры на провал. В самом деле, известно, что три сына Людовика Благочестивого в конечном счете завершили свои войны подписанием знаменитого

Верденского договора 843 г. после разгрома Лотаря при Фонтенуа. По условиям этого договора Лотарь сохранял титул императора, Италию, Бургундию и территории до самой Фризии и Северного моря. Более восточные территории отошли Людовику Немецкому, то есть Бавария, Тюрингия, Франкония и Саксония. Западные территории причитались Карлу Лысому — в общих чертах это была современная Франция между Атлантикой и границей, идущей по Роне, Соне, Маасу и Рейну, а также Испания до Эбро. Но Бретань — с одной стороны, и Аквитания — с другой пытались отделиться.

Нет необходимости еще раз подчеркивать крайнюю уязвимость этой «империи», которую к тому же постоянно терзали междоусобицы, и, как следствие, все более частое и успешное появление викингов на этом «фронте» огромной протяженности.

Зато повсюду, где существовала сильная власть — у мусульман, в Византийской империи, — повсюду, где энергичный король — Альфред Уэссекский, Бриан Бору или даже, на франкской территории, король Людовик III, нанесший тяжелое поражение викингам в 881 г. при Сокуре, в устье Соммы, за что удостоился хвалебной поэмы, дошедшей до нас, «Песни о Людовике», — решался пойти на вс, чтобы оказать сопротивление, викинги не проявляли упорства. Они ограничивались торговлей либо уходили искать удачи в других местах.

Эти соображения настолько очевидны, их истинность так просто проверить, что я не могу понять, почему даже современные исследователи упорно вторят стенаниям средневековых монахов об ужасе Запада, биче Божьем, жестоких язычниках с Севера. Почитайте арабские источники: их авторы испытывали, так сказать, этнологический интерес к таким чужеземцам, как скандинавы. Заметьте, что вызывало любопытство упомянутого выше короля Альфреда: он отмечал, что викинги (Вульфстан, Охтхере) способны совершать необыкновенные морские путешествия. Загляните в текст Нестора: он ценит в русах организационные и управленческие достоинства. Где ужас писак-монашков из наших сожженных монастырей? Где наигранное и столь картинное отчаяние ирландцев?

Так что бесспорно: будь у нас на месте Карла Лысого или, скажем, Карла Толстого правитель, готовый к решительному отпору, *furor Normannorum* просто-напросто не появился бы на свет!

Некоторые технические преимущества

Далее я остановлюсь на некоторых технических преимуществах, имевших, на мой взгляд, решающий характер: корабле, вооружении, практической организации и тактике.

Прежде всего корабль[1] и знание навигации, благодаря которому он появился и мог использоваться. Почти не приходится сомневаться, что для той эпохи он был чем-то вроде «абсолютного оружия», хотя, надо сказать, не мог преодолеть эффективное сопротивление (налаженную береговую оборону, цепи, натянутые поперек рек, и т. п.). Мы рассмотрим несколько вероятных этапов его становления: похоже, высшего совершенства (как образцы из Гокстада в Норвегии или Скуллелева в Дании) он достиг только к середине IX в. Некоторые проблемы, которые он ставит перед историками, еще не решены. Например, поскольку ясно, что «эффективным» он стал только с тех пор, когда приобрел парус, а мы знаем, что основные параметры этого корабля отмечены задолго до 800 г., то непонятно, почему парус не возник раньше: стало ли его появление результатом торговли с Западом и подражанием обычным средиземноморским судам? Использовался ли этот корабль на Балтике с VII в. как усовершенствованный вариант плоскодонного фризского когга? Как им управляли? С какими традициями связаны технология его изготовления, удивительное хитроумие в деталях, сделавших его столь исключительным? И так далее... Понятно, что от уже упоминавшейся большой лодки из Нюдама (IV в.) классический кнорр принципиально отличает появление цельного киля и мачты, несущей парус, — трех элементов, тесно связанных между собой. Кнорр или его прямой предок ходили по Балтике, перевозя грузы, за добрый век до Линдисфарна: на больших камнях Готланда отмечены изображения кораблей с веслами и парусом с полной оснасткой, относящиеся еще к VI–VII вв.

На примере знаменитого Гокстадского корабля, который был обнаружен век назад и которым, великолепно расположенным, можно полюбоваться в музее кораблей викингов на Бюгде близ Осло, можно сделать краткий обзор вопроса.

---

[1] Библиография, как можно догадаться, огромна, особенно число работ скандинавских авторов. Выбор сделать трудно. Однако я полагаю лучшими работы датчанина Оле Крумлин-Педерсена: Crumlin-Pedersen, Ole. Das Haithabuschiff // *Berichte über die Ausgrabungen in Haithabu*. Bericht 3. Neumünster: Wachholtz. 1969 или в сотрудничестве с О. Ольсеном: *Crumlin-Pedersen, Ole; Olsen, Olaf*. The Skuldelev ships: a report of the final underwater excavation in 1959 and the salvaging operation in 1962. Roskilde: Vikingskibshallen, 1968. Кроме того: *Osebergfundet*; utgit av den norske stat. Under redaction av A. W. Brøgger, Hj. Falk, Haakon Schetelig. 4 vol. Kristiania; Oslo: Univ. Oldsaksamling, 1917–1928. — *Shetelig, Haakon*. Tuneskibet. Kristiania: A. W. Brøgger, 1917. См. также статьи из *KLNM*: Skeppsgård; Skibstyper; Skipreide; Skipskost. Наконец, серьезное исследование на французском языке: De l'archéologie à la navigation: la réplique d'un bateau viking // *Chasse-marée*. N° 30 (juillet 1987). P. 17–45.

Этот несравненный корабль имеет длину 23,3 м, его максимальная ширина — 5,25 м, высота от киля до верхнего пояса обшивки — 1,95 м. Его собственный вес — 9 т, с грузом — 18 тонн. Существенный момент: он вмещал самое большее 70 человек. Другая важная деталь: его осадка составляет 90–95 см, что позволяло ему ходить практически по любому водному пути — по морю, озеру, а также по самой мелкой речке.

Сделан он в основном из дуба, рангоут и весла (которые имеют длину от 5,3 до 5,8 м и могли убираться внутрь ладьи, поскольку весельные порты благодаря своей форме пропускают рукоять и лопатку весла) — из сосны, но это не значит, что могли использоваться только эти два вида древесины. Доски обшивки соединены внакрой, то есть частично перекрывают друг друга, как черепицы кровли; они скреплялись деревянными нагелями либо связывались и уплотнялись с помощью корней, пропитанных смолой. Поскольку киль Т-образной формы — цельный, вся конструкция отличается предельной маневренностью, легкостью и, более того, эластичностью. Это корабль не сталкивается с волной в лоб, он принимает ее, некоторым образом подчиняется ее колебаниям, что производит сильнейшее впечатление на того, кому довелось ходить на нем; название «змей», которое за внешний облик получат некоторые из этих ладей, полностью ему подходит. Его максимальная скорость составляла около десяти узлов, но, поскольку палубы этот корабль не имел, находиться на нем среди скопления людей, товаров и, можно добавить, коней было не слишком комфортно.

Особое внимание надо обратить на мачту высотой 10–13 м (сегодня стволы хвойных деревьев, подходящие по размеру для таких мачт, надо искать в Южной Америке)[1]. Одна гениальная находка значительно повысила упомянутую выше «эластичность»: мачта крепилась к корпусу при помощи своеобразного деревянного изделия в форме рыбы, что обеспечивало ей люфт в продольном и поперечном направлениях. Поэтому мачта и парус не противостояли ветру жестко, а тоже как будто стремились приноровиться к нему. Сам парус, прямоугольный, шириной 11 м, длина которого была чуть больше ширины, делался из длинных вертикальных полос разного цвета, сшиваемых по краю, из грубой и чрезвычайно прочной шерстяной материи, которая называлась водмол. С приподнятыми

[1] Как известно, скандинавы время от времени пытаются повторять подвиги далеких предков. Так, в последние годы кругосветные путешествия совершили «Сага Сиглар» и «Роар Эге».

и почти симметричными носом и кормой, с гармоничными формами, имевшими безупречные закругленные контуры, которые сравнивали с бедрами женщины или шеей лебедя, с раскрашенными яркими красками круглыми щитами вдоль каждого борта, с носовой фигурой в виде головы зверя или чудовища, искусно вырезанной (похоже, она предназначалась для того, чтобы напугать духов-хранителей, ландветтир, той земли, к которой собирались причалить, и обеспечить тем самым успех экспедиции; вот почему ее снимали, когда приближались к своей или дружественной территории, ведь она была съемной), корабль имел горделивый вид. На фоне прозрачного фьорда или бурного моря он выглядит по-прежнему впечатляюще. Он был снабжен также якорем продуманной формы.

Его маневренность остается образцовой. Он мог повернуть через фордевинд за несколько минут. Это связано с другой из его оригинальных особенностей — рулем, представляющим собой простое весло с короткой рукоятью, к которой подвижно крепился перпендикулярный румпель, и очень широким пером, зафиксированным с помощью кожаного крепления сзади по правому борту; таким образом, управлять кораблем можно было одной рукой[1]. Очевидно, у этого маленького технического чуда все-таки были свои недостатки. Очень широкий и низкобортный, кнорр или его вариации черпали бортом много воды, из-за чего экипаж был вынужден активно ее вычерпывать. К тому же корабль не имел палубы, что делало жизнь на борту нелегкой — людям приходилось жить в страшной тесноте, причем среди груза, багажа, запасов провианта, бочек с питьевой водой (относительно пригодной для питья) и, бывало, коней или скота. Переход из Бьргюна-Бергена в Рейкьявик отнюдь не был увеселительной прогулкой. Наконец, этот корабль не мог лавировать по ветру, поэтому ему приходилось ждать попутного ветра, чтобы отчалить, — мотив, часто упоминаемый в сагах и, как можно догадаться, не раз создававший неприятные ситуации!

Правда, мы ничего не знаем о средствах, которые использовали эти изумительные мореходы, чтобы ориентироваться в пространстве. Разговоры об удивительном инстинкте или бог знает каком неведомом устройстве — очевидный детский лепет. Само собой разумеется, что компаса они не знали. Очень много шума было по поводу соларстейна (sólarsteinn, солнечный камень), кристалла, якобы способного указывать положение солнца даже в пасмурную погоду; все

[1] *Ramskou, Thorkild*. Solstenen: primitiv navigation i Norden før kompasset. København: Rhodos, 1969.

свидетельствует о том, что это был драгоценный камень, некоторые из наших текстов так его и называют. Возможно, скандинавы особо глубоко разбирались в астрономии: один исландский текст хвалит за это некоего Стырну-Одди (Звездного Одди), жившего в XI в. От таких знаний при дневных переходах пользы не было. Рейка с делениями, обнаруженная в Кентербери, таблицы церковных календарей, которые можно было использовать в качестве таблиц азимутов и которые входят в число древнейших фрагментов пергамента, найденных в Исландии, градуированный (возможно) диск, обнаруженный в Гренландии и восстановленный, тоже не помогают нам понять больше. Исследование морских течений, которым некоторое время занимались ученые именно в связи с плаваниями между Гренландией и Винландом, было прекращено: эти потоки явно меняются из века в век, и из их нынешней конфигурации никаких серьезных выводов сделать нельзя. Присутствие на мачтах флюгеров, причем некоторые были настоящими произведениями искусства, наводит на мысль, что скандинавы обращали большое внимание на направление ветра. Кроме того, они могли внимательно следить за полетом птиц, перемещениями косяков рыб, а также получать устным путем очень подробные и практические сведения о разведанных маршрутах. Тем не менее, если в целом их плавания были в основном каботажными, например, от берегов Скандинавии до Византии они старались идти как можно ближе к побережью Западной Европы, а потом Средиземного моря, если на «восточном пути» навигация по рекам и озерам не создавала особых проблем, то для того, чтобы выйти из Бьргюна-Бергена и достичь Рейкьявика, даже «скачками» от одного острова к другому, требовалась исключительная смелость. А ведь саги, дружно и без пафоса, свидетельствуют, что такой переход как в одном направлении, так и в другом был привычным делом и требовал не больше дюжины дней. При нынешнем состоянии наших знаний нам придется сознаться в невежестве, поскольку если иногда корабли и терпели крушение, все-таки чаще всего они благополучно добирались до места — по всей видимости, без затруднений!

Но, в конечном счете, быстрота, маневренность, управляемость викингского корабля объясняются сочетанием паруса, глубокого киля, весел и руля. Этот корабль был способен пройти повсюду. Можно добавить, что самые маленькие суда экипаж мог переносить на плечах — например, на некоторых участках Восточного пути, — и что скандинавы умели перевозить их по суше на катках, бревнах круглого сечения, которые грузили на борт при отплытии. Он мог ходить на парусе, на веслах

и на том и другом одновременно, откуда его способность двигаться в любую погоду. А его многочисленные технические достоинства напрямую иллюстрирует тот факт, что французский, английский, ирландский и другие морские лексиконы имеют в немалой части скандинавское происхождение: beitiás превратился в bitte [кнехт (*фр.*)? скорее betas — рея (*норм.*)], festr — в feste [канат (*норм.*)], húna [húnn?] — в hune [марс (*фр.*)], höfuðbenda — в hauban [штаг (*фр.*)], rif — в ris [риф (*фр.*)], stag — в estac [étai? — штаг (*фр.*)], skip — в esquif [ялик (*фр.*)], snekkja — в esnèque [шнека] и т. д.[1]

При всем том существовало несколько типов викингских кораблей[2]. Прежде всего безжалостно покончим с абсурдным и чудовищным французским словом drakkar[3]. Поскольку, вопреки всякому здравому смыслу, оно того и гляди окончательно войдет в наш язык, уточню, что его существование не оправдано ни с лексикологической, ни с грамматической точек зрения. Выше я говорил о носовой фигуре. Случалось, что это была голова дракона, по-староскандинавски dreki, и в результате метонимии по этой носовой фигуре называли весь корабль. То есть: он отплыл на своем dreki (своем драконе)[4]. Но абсолютно невозможно перейти от dreki к drakkar (с его первым «a», двумя «k» и таким окончанием).

Типичный корабль викингов назывался кнорр (knörr), с вариациями, несколько различающимися по размерам или назначению: скейд (skeið), снеккья (snekkja), термины более общего характера — лангскип (langskip, длинный корабль) или хафскип (hafskip, морской корабль). При меньших размерах это была эйкья (eikja, разновидность маленькой лодки для перевозки с берега на берег) или ферья (ferja, более широкая лодка, ср. ferry). Маленькое одномачтовое судно (катер) называлось скута (skúta), большая лодка или баркас — бат (bátr). Помимо уже упомянутой ферьи, такие названия, как бюрдинг (byrðingr, от понятия «груз», byrðr), кугг (kuggr, от фризского когга), собирательный термин каупскип (kaupskip), то есть торговое судно (skip), похоже, относились к более крупным и более тяжелым судам для перевозки товаров. Словом «карфи» (karfi), как и «скута», могло бы называться судно, так сказать, для любых надобностей. Также

---

[1] См. работы О. Жаля, прежде всего его «Морской словарь»: *Jal, Auguste*. Glossaire nautique: Répertoire polyglotte de termes de marine anciens et modernes. Paris: Firmin Didot frères, 1848.

[2] Подробности — в KLNM, статья «Skibstyper».

[3] Происхождения которого я при всех стараниях найти не смог, выяснив только, что это слово определенно появилось в романтическую эпоху.

[4] Или на своем «змее», ormr, «норке» [зубре?], visundr, «баране», hrútr, и т. д.

бывало, что эти ладьи характеризовались количеством скамей (банок) для гребцов: сексринг (sexoeringr, шестивесельный), тольфринг (tólfoeringr, двенадцативесельный), фимтансесса (fimtánsessa, пятнадцать скамей для гребцов) и т. д.

Саги дают понять: с одной стороны, корабль представлял собой некоторое богатство, — для оплаты его постройки часто складывались несколько человек, — с другой, внушал, и, можно сказать, обоснованно, всем гордость и восхищение. Таким удачным работам, как «Длинный Змей» (Ormr inn langi) знаменитого норвежского короля Олафа Трюггвасона, посвящали почти любовные описания и оценки[1]; к тому же этот корабль был украшен искусной золоченой резьбой[2]. Техников нашего времени по-прежнему восхищает это великолепие, одновременно эстетичное и функциональное.

Еще одна деталь, на которой абсолютно необходимо задержать внимание. Размеры и параметры кнорра и его разновидностей делали его непригодным для перевозки большого числа людей — средний экипаж составлял от 40 до 70 человек, — а также тяжелых товаров в больших количествах. Он годился лишь для погрузки роскошных изделий, не слишком громоздких. Пусть читатель запомнит этот факт. Кроме того, поскольку его изготовление было трудным в техническом отношении и поэтому товарная ценность — высокой, его не могли выпускать «серийно». Преувеличения ирландцев или франков, писавших об огромных викингских флотах, просто невообразимы. Наконец, и на это надо обратить достаточное внимание, ковер королевы Матильды из Бай[3] показывает, что викинги любили брать с собой коней. Как опять-таки подтверждают саги, они были превосходными всадниками, питавшими к лошадям страстную привязанность, которая, похоже, возникла в давние времена, — достаточно увидеть украшенные поводья, шпоры искусной работы, чрезвычайно продуманные стремена и роскошно расписанные или декорированные седла, найденные археологами. Этих верховых животных подковывали — для движения по обычной почве и по льду. Уточним, что

[1] См., в частности, главу LXXXVIII саги об этом короле.

[2] Как и Усебергский корабль, находящийся в том же музее, что и Гокстадский, но первый был не ладьей, предназначенной для мореплавания, а погребальным кораблем, чем несомненно и объясняется пышность его резных украшений.

[3] Это превосходный источник, дающий сведения о викингском корабле как в целом, так и в деталях конструкции. См. прежде всего: *Bertrand, Simone.* La Tapisserie de Bayeux et la manière de vivre au onzième siècle. Saint-Léger-Vauban: Zodiaque, 1976. Иллюстрации 8–9, 10–11, 12–13, 54, 68–69, 72–74 и прежде всего посвященные тому, о чем идет речь здесь, — 82–83 и 86–87

в Скандинавии лошади были малорослыми, как большие пони, вроде тех, что и сейчас живут в Исландии. Таких животных обычно брали в поход — они позволяли совершать те самые набеги, молниеносные рейды, которые очень скоро стали характерными для викингов. И если их не привозили из Скандинавии, первой заботой викингов было разжиться конями на месте.

В начале этого рассуждения я говорил об «абсолютном оружии». Конечно, современники викингов так и воспринимали корабль, о котором идет речь: внезапно появляющийся на высокой скорости, маневрирующий с поразительным проворством и быстротой, способный пройти где угодно и уйти от любого преследования, ускользающий прежде, чем появится какая-либо возможность вступить с ним в бой, он бесспорно был способен внушать ужас. Не требуется раскованного воображения и для того, чтобы понять: осознав возможности этого транспортного средства и научившись виртуозно им управлять, викинги его широко использовали. Поэтому есть основание сказать, что викинга создал прежде всего корабль.

Несколько меньших восторгов, хотя некоторые их и выражают, заслуживает оружие викингов. Это, конечно, не значит, что им не стоит интересоваться, ведь оно тоже было эффективным и функциональным, но не настолько, как корабль.

Мы хорошо о нем осведомлены, поскольку кодексы законов четко указывают, из чего состояло основное вооружение: в Швеции в его состав входили щит, копье, меч, шлем, кольчуга, лук и стрелы, в Норвегии — еще и боевой топор. Отметим уточнение, приводимое здесь *cum grano salis* [с долей иронии (*лат.*)], которое дала в XIII в. (но, конечно, исходя из более старинного оригинала) «Хирдскра» (Список норвежской [королевской] «дружины»): «Оружие есть безопасность и защита на войне, честь и отличие в мирное время, и оно представляет собой хорошее вложение средств, пригодное во всех нуждах, какие бы ни возникли».

Боевой топор, по преимуществу местного производства, был грозным оружием, метательным (handöx) или для ближнего боя, обычно с одним лезвием и с шипом на обухе. Он мог быть широким с длинной рукоятью (öx vida), иметь «рога», т. е. железко с дугообразным лезвием, заканчивающееся двумя остриями (snaghyrnd), очень длинное древко (тогда он назывался bolöx). Железко часто было отделано насечкой (mál) из серебра (silfrrekinn). Но гордостью владельца был знаменитый длинный (с клинком около метра) двулезвийный меч. Однако закалка железа оставляла желать лучшего, и в текстах не

раз описаны бойцы, вынужденные во время перерывов выпрямлять клинок, надавливая на него пяткой. Вот почему лучшими считались клинки, вывезенные из Рейнской области, с горделивыми клеймами изготовителей (Ульфберта, Инглерии). Рукоять длиной добрых десять сантиметров, обычно ограниченная с обоих концов двумя параллельными плоскими гардами (hjölt), чрезвычайно характерна, хотя верхняя гарда допускала разнообразные варианты формы и отделки, равно как и ножны. Однолезвийный сакс близок к франкскому скрамасаксу, или к косарю, или к глефе и мог считаться разновидностью меча. Что касается копья (geirr) и рогатины (spjót), метательного и колющего оружия, они имели типичный удлиненный наконечник ромбической формы. Наконечник крепился к древку копейными гвоздями (geirnaglar), имевшими юридический и, возможно, также религиозный смысл. Они тоже украшались насечкой, как на наконечнике, так и на втоке (aurfalr). Лук (bógi) и стрелы (örr) как будто встречались реже.

Что касается защитного вооружения, упомянем броню (брюнья, brynja) — кольчугу из переплетенных металлических колец, которая вытеснила трейю (treyja) или панцари (panzari), то есть кирасы из шерсти или кожи. Шлем (hjálmr) не имел рогов (обычай их носить восходит к очень древним временам и имел чисто декоративный или ритуальный смысл), а также остроконечных завершений или крыльев! Конический, с наносником, типа «морион» (stálhúfa), с горловой защитой (hálsbjörg) и нащечниками (kinnbjargar), он часто отделывался металлическими пластинками с рисунком. Если говорить о щите, сначала он был круглым (buklari, наш рондаш), с кожаным ручным ремнем и умбоном в центре, потом стал продолговатым (skjöldr, наш écu), прямоугольным, заостренным снизу, плоским или выгнутым. Это был предмет большой ценности, очень часто расписанный или украшенный сценами, которые, как в гомеровских поэмах, могли быть описаны в произведениях скальдов, например, в «Драпе о Рагнаре» Браги Боддасона Норвежца или в поэме «Хаустлнг» Тьодольва из Хвинира, обе IX в.

Важное замечание, не позволяющее впасть в заблуждение: внешность викинга в боевом облачении, которую с восхитительной точностью воссоздали Б. Альмгрен и его группа[1], абсолютно не соответствует стереотипам, распространенным у нас. Бóльшая часть его вооружения (особенно лук), его стремена и пуговицы на его одеж-

[1] *Vikingen*. Idé och utforming: Ewert Cagner; huvudmedarbetare: Bertil Almgren. Göteborg: Tre Tryckare, 1967. Прежде всего с. 204–205 и 229.

де, даже украшения, которые он носил, свидетельствуют о сильном венгерском влиянии (племена венгров хлынули из Азии в начале VIII в.). То есть вооруженный викинг больше походил на восточного воина, чем на бойцов с ковра королевы Матильды (которые в любом случае уже не были викингами). Может быть, успех их военных предприятий был связан с уроками, которые некоторые из них (варяги) могли извлечь из контактов с Востоком? Дать ответ невозможно, но вопрос заслуживает, чтобы его поставили.

Я сейчас написал достаточно, чтобы почувствовать себя в состоянии сразу же ответить на ключевой вопрос, который ставят часто и, увы, тенденциозно: образовали ли скандинавы общества военного типа, не этим ли объясняется их успех?

Дилемма «воины или торговцы» уже была кратко обрисована. Варианты ее разрешения подкрепляются суждениями некоторых авторитетных людей — Ж. Дюмезиля, например, который был убежден, что германские общества, начиная с индоевропейского модуля, эволюционировали в военном направлении. Или текстами, которые сами крайне сомнительны, но систематически используются для подтверждения предрешенных мнений, такими, как знаменитая сага, полулегендарная, полуисторическая, о викингах из Йомсборга («Сага о йомсвикингах»)[1].

Поставлю проблему как можно проще: если скандинавы, похоже, отличались особыми организационными способностями, где надо искать причину этого — в военной сфере, социальной (понятия службы и братства-побратимства) или в торговой? Я уже неявно ответил (но это утверждение требуется еще доказать, в чем и состоит одна из главных целей настоящей книги), что эволюция имела направленность от торговли к войне, а не наоборот. Тем не менее можно ли обсудить противоположный вариант? Иначе говоря: в какой сфере прежде всего, или по преимуществу, или предпочтительно проявлялось коллективное сознание, о котором уже столько было сказано?

Утверждение, что в скандинавских обществах, от природы или в результате развития, тон задавала воинственность, побуждает рассмотреть три понятия. Они безусловно представляют собой три разных отправных точки, и, что любопытно, каждое создает принципиальную проблему выяснения, когда его внедрили или усвоили,

[1] Jómsvíkinga saga. Французский перевод: *Vikings de Jómsborg* / trad. de l'islandais de Régis Boyer. Bayeux: Heimdal, 1982, с многочисленными иллюстрациями.

потому что во всех трех случаях речь идет о заимствованиях и адаптациях, а не о том, что возникло на месте.

Первое понятие — гильдии (gildi)[1], которым посвящено столько исследований и рассуждений. Как свидетельствуют некоторые рунические надписи, гильдии представляли собой купеческие союзы, связанные торжественными клятвами, предписывавшими взаимопомощь и сотрудничество. Этот институт был очень древним, и ему предстояла еще долгая жизнь — он в свое время породит германскую Ганзу. Вопросы, которые с ним связаны, помимо вопроса о его происхождении, сводятся к выяснению, были ли это союзы купцов-воинов или воинов-купцов: который из двух этих видов деятельности имел преимущество перед другим, определял и осведомлял его? И еще: надо ли видеть в этих союзах языческие, вполне северные явления или же христианские, пришедшие с Юга? Вслед за М. Каэном[2] многие специалисты усматривают в них древнюю и балтийскую специфичность. В самом деле, есть сильное искушение поставить гильдии в тесную связь с возлиянием — религиозным обрядом, характерным в основном для жертвенного пира, блотвейцлы (blótveizla; действительно, в семантическом плане слово «вейцла» понемногу приобрело смысл «пир»), который устраивался ради сплочения участников союза, поскольку помещал их под покровительство покойных предков и богов (drekka minni — пить, поминая того-то[3]). Поскольку такой пир, судя по сагам, часто сопровождался многозначительными жестами, трудноисполнимыми клятвами[4], символической защитой некоего «витязя», принимаемого за образец («сравнение мужей», mannjafnaðr), остается сделать всего шажок, чтобы напрямую связать этот тип религиозных или магических жестов с другим сравнительно хорошо известным обрядом[5] — побратимства, или fóstbrœðralag. Мужчины, которых

[1] Хороший обзорный очерк — статья «Gildi» в KLNM, с подробной библиографией, в которой прежде всего можно выделить работу: Johnsen, Oscar Albert. Gildevæsenet i Norge i middelalderen. Oprindelse og utvikling // *Norsk Historisk Tidskrift*. 5. række. 5 (1924). S. 73–101.

[2] *Cahen, Maurice.* La libation, études sur le vocabulaire religieux du vieux-scandinave. Paris: H. Champion, 1921.

[3] Непосредственно отсюда происходит современное скандинавское skål, имеющее смысл «бокал, из которого пьют и который поднимают, чтобы произнести тост».

[4] См. пример, возможно, гиперболизированный, из «Саги о йомсвикингах»: *Vikings de Jómsborg*. Op. cit. Главы XXVII и далее, со с. 86.

[5] Он представлен в «Саге о Гисли Сурссоне» и прежде всего в «Саге о названных братьях», которой дал название. Подробное исследование Р. Буайе: *Boyer, Régis*. Le Monde du double: la magie chez les anciens Scandinaves. Op. cit. P. 187 и далее.

«связал» такой обряд, были обязаны непременно поддерживать друг друга во всех сферах, хоть в торговой, хоть в военной. Деятельность гильдий подчинялась строгому закону.

Но после того как А. О. нсен обратил внимание на то, что большинство известных нам гильдий поместило себя под эгиду святых, укрепилась тенденция видеть в них союзы, преследовавшие прежде всего правовые и мирные цели, коль скоро в них могли участвовать женщины и даже дети; на собраниях, назначавшихся на определенные даты, оружие и ссоры строго запрещались, и каждый участник был обязан вносить свой вклад в их снабжение. Взаимопомощь была столь же обязательной, как и при предыдущем допущении. См., например, отрывок из устава гильдии Южного Хордаланна (в Норвегии):

> Если наш брат по гильдии убит человеком, не связанным с нами гильдией, все должны идти к тому, в чьих руках находится [его] дело, и оказать ему всю возможную помощь: те, кто этого не сделает, будут наказаны. То же касается тех, кто пойдет к истцу [чтобы содействовать ему], но на самом деле будет мешать ему, если только это не родственники убийцы в четвертом колене или не его свойственники, то есть не женаты на его матери, дочери или сестре; в таком случае они будут содействовать той из двух сторон, какой сочтут нужным[1].

Возникает также вопрос, не было ли прямой преемственности между гильдиями и неким институтом, который выглядит близким к ним, судя по тому, как он описан в любопытном документе «Bjarkeyjarréttr» (праве людей моря Бирки, в Швеции); если она была, это могло бы значить, что некогда существовало древнее право людей моря именно в сфере общинной собственности, людей и груза на корабле, а также специальные законы, которые действовали на борту. Но здесь мы опять-таки находимся в сфере изначально торговой, к которой запросто могли добавиться военные реалии, но не наоборот; в общем, то же самое надо сказать и о понятии «фелаг» (félag, обобществление имуществ), которое мы рассмотрим в удобный момент.

Проблема — и существенная — заключается в том, что вопреки всему трудно поверить в скандинавское происхождение этих сообществ. Сейчас существует тенденция искать их прототипы

[1] Storm, Gustav. En gammel Gildeskraa fra Trondhjem // *Sproglig-Historiske Studier tilegnede professor C.R. Unger*. Kristiania: H. Aschehoug & co., 1896. S. 216–226.

у фризов[1] или даже у итальянцев, а то и у торговцев нынешней Южной Франции[2]. Думаю, как бы там ни было, у гильдий или тому подобных организаций и в положениях их уставов трудно усмотреть изначально воинственные намерения. Опять же — и я буду повторять до бесконечности, что это, вероятно, лучшее определение викинга, — члены гильдий были купцами, которые при случае и при благоприятном стечении обстоятельств не гнушались становиться воинами. Ведь мотивировочные части всех их текстов, какими мы располагаем, говорят о мелкой и крупной торговле, о перевозках, а не о грабеже.

Обращаясь к комплексу *дротта* (drótt) — *хирд* (hirð), мы как будто вступаем в более понятную сферу. Дротта — явно северный вариант континентальной германской трусты: антрустион был свободным человеком, добровольно поступившим на службу к вождю, чтобы стать его телохранителем или бойцом элитного отряда[3]. Это почтенный институт, он упоминается еще Тацитом, который говорит о *comes*'е [в русском переводе — дружинник] («Германия», XIII, 3–5). Употребление этого слова как такового на Севере засвидетельствовано мало, если не считать его производных (дроттинн, dróttinn, то есть господин, вероятно — военный вождь; дротткветт, dróttkvætt, поэтический размер, используемый скальдом в стихе, обращенном к дротте; ср. современное скандинавское drottning — королева), но с ним можно сопоставить слово, часто присутствующее в рунических надписях, сделанных до 1050 г., — лид, lið (сообщество, к которому принадлежал тот или иной викинг, умерший на чужбине и упоминаемый в надписи), буквально «свита», «дом» вождя. Была ли это личная гвардия, которую содержал монарх и для вступления в которую требовалось совершить ритуал и пройти инициационные испытания? Не будь знаменитые законы викингов из Йомсборга[4] столь сомнительны как источник, можно было бы счесть, что это законы дротты — в них несомненно выражен мужественный и воинственный идеал.

Увы, фанатичному приверженцу викингского милитаризма еще раз придется испытать разочарование. К тысячному году термин «дротта»

---

[1] См. исследования С. Лебека, например, *Lebecq, Stéphane.* Marchands et navigateurs Frisons du haut Moyen Âge. 1, Essai. Lille: Presses universitaires de Lille, 1983.

[2] Это столь же сенсационная, сколь и не поддающаяся проверке теория Омельяна Прицака: *Pritsak, Omeljan.* The origin of Rus'. Vol. 1. Old Scandinavian Source's other than the Sagas. Cambridge: Harvard Ukrainian Research Inst, 1981. В конечном счете купцы-русы у него происходят... с Родоса!

[3] Хороший обзор вопроса — у Я. де Вриса: *Vries, Jan de.* L'Univers mental des Germains... / trad. de l'allemand par Jean-Paul Allard. Paris: Éd. du Porte-glaive, 1987. P. 79 и далее.

почти повсюду был заменен на слово, заимствованное из англосаксонского языка, hīred, от которого произошло староскандинавское «хирд», название свиты «короля» или ярла, свиты в широком смысле — у нас в ту эпоху сказали бы «mesnie» [зд. двор], — потому что в нее входили женщины, высокопоставленные чиновники, штатные скальды и еще много народу помимо воинов. Очень скоро хирд стал чрезвычайно специализированным и приобрел тщательно разработанную внутреннюю организацию, своды четких правил («Хирдскру», для которой мы располагаем несколькими версиями), которые, надо сказать, если и упоминают добычу, раздел барыша, жалованье наемников, если и свидетельствуют о строгой внутренней иерархии, то включают также положения, в которых ничего военного нет: о возрастном цензе, о присутствии женщин, о взносах для вступления и т. д. Еще более специальные тексты, как датский «Vederlov» (XII в.), который, вероятно, Саксон Грамматик упоминал в «Деяниях данов», или норвежская «Хирдскра» (XIII в.), явно появились по окончании эпохи викингов; возможно, они отражают фактическое состояние дел и обычаи, свойственные последней аватаре викингского движения (то есть первой половины XI в.), но полученные из них сведения едва ли стоит обобщать.

Какой бы вариант ни рассматривался, в обоих случаях в этом контексте вспоминается слово «дренг» (drengr), «дренг год» (drengr góðr)[1], которым называли члена дротты или хирда и даже просто викинга, памяти которого посвящался рунический камень («это был превосходный дренг»). Камень из Хеллестада (Швеция) даже как будто дает понять, что дренг входил в состав некоего братства: «Drengjar воздвигли камень [...] в память своего брата». В общем это слово применялось к молодому человеку, даже к мальчику. Возлагалась ли на него особая миссия в дротте или хирде либо на корабле? Человека зрелого возраста соответственно называли þegn — словом... англосаксонского происхождения (тэн, thane). Утверждали также, что drengjar — это адаптированное латинское *pueri regis* [букв. мальчики короля (*лат.*)]. Как будто установленно, что слово «дренг» было связано скорее с нравственными качествами, чем с военными понятиями. «Drengir heita vaskir menn ok batnandi», — напишет Снорри Стурлусон: «дренгами» зовутся люди отважные и пробивающие себе

[1] Лучшим исследованием этого термина остается работа С. Окьера: Aakjær, Svend. Old Danish thegns and drengs // *Acta Philologica Scandinavica*. 2 (1927–28). P. 1–30. Я продолжил изучение этого понятия в издании: *Boyer, Régis*. Le Christ des Barbares: le monde nordique (IXe–XIIIe s.). Paris: Cerf, 1987 (последние главы).

дорогу[1]. И, в самом деле, слово «дренг» изначально значило: добрый и верный товарищ, на которого можно рассчитывать, который не пренебрегает своими обязательствами и подает пример качеств, каких ожидают от хорошего человека, — безличное drengskapr в конечном счете переведут романским словом corteisie, предполагавшим ту же совокупность нравственных и физических достоинств, а образцом drengr góðr сделают Христа. Таким образом, ссылаться на это слово и весь спектр его значений в доказательство того, что викинги были воинами, сложно. Зато членам купеческих товариществ особо подобают верность принятым обязательствам, преданность, честность, солидарность.

Возможно, мы окажемся ближе к цели, обратившись к понятию «лейданг» (leiðangr), уже упоминавшемуся, и административным подходам, которые оно отражает[2]. Можно особо не подчеркивать, что это понятие и образ как будто конститутивны для менталитета викингов. Образ — удивит ли это кого-нибудь? — корабля. Некая территория, подвластная одному вождю, буквально (и, разумеется, символически) нарезалась на части для обслуживания корабля. Наименьшая территориальная единица (маннгрд, manngörð) поставляла одного человека и его экипировку; несколько таких грдов (görðir) предоставляли все необходимое, оружие и провиант, принадлежности и т. д., для хара, hár (или хамны, hamna), то есть скамьи гребцов; несколько «скамей» обеспечивали скипрейди (skipreiði, полную оснастку корабля, skiben в Дании, skiplagh в Швеции), и все это вместе, наконец, составляло хунд, уже упоминавшийся. Чтобы защититься от внезапно напавшего врага или организовать поход, достаточно было провести лейданг (лейдунг), запалив костры на условленных возвышенностях, быстро передав из жилища в жилище условный знак — возможно, палочку с вырезанными рунами, рункафли (runkafli), или «ратную стрелу», херр (herör). За очень короткое время экипажи одного или нескольких кораблей собирались в указанном месте, с оружием и багажом и готовые действовать.

Таким образом, здесь мы как будто вполне в военной сфере, и это впечатление усиливают полувоенные, полуморские названия лиц, ответственных за всю эту территорию или за какое-то из перечисленных подразделений: херсир (hersir, от her — войско, высоко-

[1] *Младшая Эдда.* / Пер. О. А. Смирницкой. СПб.: Наука, 2005. С. 94.

[2] Очерк Р. Буайе: Boyer, Régis. La notion de leiðangr (levée régulière des troupes dans l'ancien Nord) et son évolution. Armement, tactique, esprit // *Inter-Nord.* 12, 1972. P. 271–281.

поставленный командир), армад (ármaðr, впоследствии так будет называться королевский интендант, но поначалу это был человек, отвечавший за весло, ár), стюрисмад (stýrismaðr, кормчий, от stýri — румпель, позже «капитан» корабля) и т. д. Бесспорно, подобные ментальные и административные конструкции предполагали умение четко организовать дело, распределить задачи и выстроить иерархию.

Однако Л. Мюссе убедительно показал, что лейданг появился сравнительно поздно — это подтверждает и Снорри Стурлусон, приписывающий его создание приблизительно в 955 г. королю Хакону Адальстейнфостри, который, как показывает его прозвище (воспитанник или приемный сын, fóstri, Адальстейна-Этельстана), поддерживал тесные связи с Англией, — и что это слово, вероятно, имело англосаксонское происхождение. Таким образом, практику лейданга нельзя считать по-настоящему викингской. Конечно, это не значит, что следует отрицать упомянутый организационный талант или тем более постоянную связь всех видов деятельности северян с кораблем, но военное назначение всех этих феноменов, которые мы обсуждаем, снова оказывается под вопросом. Повторим: корабль — отправная точка, и этим вс сказано. Его использование зависело об обстоятельств. Ничто не позволяет утверждать, что он в большей мере был предназначен для войны, чем для коммерции.

Теперь нужно снова вернуться к англосаксонскому влиянию, потому что для полного анализа важнейшего вопроса, который нас занимает, следует поговорить о знаменитых *лагерях и укреплениях*, о которых столько написано[1].

Я не собираюсь говорить ни об укреплениях, появление которых на всем Западе в первом тысячелетии нашей эры объяснимо вполне естественным защитным рефлексом и которые возникали начиная с римского железного века на Эланде (Экмансторп), ни о более или менее укрепленных городах (на самом деле редких), как Бирка, Хедебю, Экеторп, ни о прославленном Даневирке, возведенном около 808 г. для изоляции Ютландии от каролингских территорий[2], ни о Бульверкете на Готланде, на озере Тингстеде, слишком позднем (около 1100 г.), чтобы заинтересовать нас здесь.

Я имею в виду примечательные лагеря, в том числе и очень хорошо сохранившиеся, все — датские, все — конца X или начала

[1] См. статью «Borg» в KLNM, с очень обширной библиографией.

[2] От него сохранились красивые развалины, которые можно посетить. О нем см.: *La Cour, Vilhelm.* Danevirkestudier: en arkæologisk-historisk undersøgelse. København: P. Haase, 1951.

XI в.: Треллеборг (на Зеландии, впечатляет намного сильней прочих), Ноннебаккен (в Оденсе, на Фионии), Аггерсборг и Фюркат Млле, оба в Ютландии. Не углубляясь в долгие объяснения, достаточно сказать, что они были спланированы и построены по образцу постоянных или временных лагерей того же типа в Великобритании (Эпплдора, Бенфлита, Шобери, Баррингтона и т. д.) или в других местах; тот, который описан в «Саге о йомсвикингах», похоже, находился в Волине, то есть в устье Вислы. Их отдаленный прототип не установлен: исследователи колеблются, выбирая между Римом и Византией, хотя нормы, которым соответствовали размеры этих лагерей, составлены в римских футах.

Все четыре имеют идентичную форму: обширная площадка круглой формы с оградой, возможно, двойной, и рвом перед ней, разделенная на четыре одинаковых сектора двумя отрезками по всему диаметру, перпендикулярными друг к другу и тем самым образующими четыре прохода. В каждой из полученных четвертей — от четырех до двенадцати домов, прямоугольных в плане, явно «казарм». В некоторых случаях за оградой рядами расположены другие дома, служившие складами. Крупнейшие из этих лагерей могли вмещать до 5500 человек.

Они не могли существовать долго, и я даже скажу сразу, что в их военном назначении не приходится сомневаться и что они представляют одну стадию, последнюю и краткую, викингского феномена. Ни в коем случае нельзя считать, что они выражают глубинные склонности или постоянное состояние духа викингов. Ведь, похоже, никто не станет отрицать, что их построили по иноземным образцам два датских короля с империалистическими наклонностями, Свен Вилобородый и его сын Кнут Великий, рассчитывая обеспечить себе власть над всей Скандинавией и в то же время над Великобританией. Зная это с уверенностью, можно задаваться вопросами, были ли это учебные базы или плацдармы для подготовки больших походов, какие организовывали оба этих короля, или временные тренировочные лагеря, или же центры обучения хирдменов, специально предназначенные для их отрядов, или даже полевые укрепления, которыми упомянутые суверены хотели располагать постоянно, чтобы решать внутриполитические проблемы. Какой вариант верен, не суть важно: повторяю, что этот феномен возник поздно, нетипичен для всего комплекса, который здесь рассматривается, и что с исчезновением вероятных

авторов этого замысла от него отказались. Правда, эти лагеря — еще одно свидетельство викингских дисциплинированности и организованности, но ведь мы не отрицаем таковых с самого начала этого долгого рассуждения. Скажем так: укрепленные лагеря несомненно демонстрируют чисто военный аспект тех способностей, которые с равной эффективностью могли найти и другое применение.

Читатель, приверженный мифу о викингах, конечно, рассердится на меня за то, что примет за упорное желание «демилитаризировать» его героев. Сейчас я буду громоздить Пелион на Оссу, чтобы уверенно изложить ему известные нам сведения о *тактике* викингов, которые нетрудно извлечь из всех свидетельств, даже самых выспренних или преувеличенных, которыми мы располагаем.

Отметим прежде всего, что викинги показали крайне искусное умение использовать шансы, которые предоставляла ситуация. Это было сказано в общем виде, когда речь шла о распаде каролингской империи, это справедливо и для мельчайшей детали любого их налета. Их силу составляла прежде всего удивительная быстрота, которую им прекрасно обеспечивали корабль и кони, как во время боевой операции, так и при отходе, плюс мобильность, обескураживавшая того, кто попытался бы их преследовать. Прежде всего их главным оружием была хитрость, эффект внезапности, тактика, которую мы назвали бы десантно-диверсионной, действия мелкими группами, многократность ударов, всегда точно рассчитанный «налет» (который они называли страндхгг, strandhögg, то есть удар по побережью, объектом которого могли быть не только строения, в частности, церкви, но также люди или скот), безо всяких задержек или рискованных предприятий после достижения цели. Больших «рейдов» не было, или было очень мало и только при благоприятных обстоятельствах, как не было, надо сказать, и «армий» викингов. Кстати, кроме как при внезапном нападении, если оно выявляло неподготовленность противника, они почти никогда не шли на прямое столкновение. Не будем, бросаясь из одной крайности в другую, усматривать в этом трусость: никогда не надо забывать о численном превосходстве неприятеля. При средней численности экипажа корабля в 50 человек и средней численности «флота» в 10 кораблей что могли сделать на открытой местности и в правильном сражении каких-то пятьсот человек, даже неустрашимых и хорошо обученных? Хитрость, верность глаза,

уловки[1], чрезвычайно быстрая реакция, очень четкое, исключительное понимание поставленной цели — перечитайте наставления из первой части «Речей Высокого» («Старшая Эдда»), текста, который безусловно, что вполне подтверждают саги[2], воспроизводит этику викингов, откажитесь от невежественного бреда и внимательно присмотритесь к образу бога Одина, который, вероятно, лучше всего отражает их мировоззрение: Один никогда не сражался сам, а брал верх благодаря магии и еще чаще — хитрости, даже откровенному коварству. Так, вне всякого сомнения, вели себя и «непобедимые дети Севера». Это не значит, что геройства или красивых затрещин у них не было совсем, но это не было нормой, и в их языке даже появилось слово «gargr», означающее фанфарона, у которого мускулы проворней мозгов и которого явно презирали[3].

Итак, вот схема их обычной тактики.

Прежде всего — эффект внезапности. Они, как выразились бы мы, были основательно информированы, они знали уязвимую точку, куда следует ударить, — ни в коем случае не укрепление, разве что в момент, когда его никто не охраняет, — обычно церковь, аббатство, любое беззащитное место, сулящее сокровища или другую добычу. Они причаливали в уединенном месте, обычно на островке в устье большой реки (Танет на Темзе, Уассель или Жфосс на Сене, Нуармутье на Луаре и т. д.). Они поднимали якорь, чтобы быстро и без шума пристать к берегу, выгружали своих коней или спешили захватить тех, которых отыскали на месте, и — фрам! фрам! вперед. Дата обычно тщательно выбиралась: воскресенье или праздничный день, лучше всего во время церковной службы, ярмарочный день (как в Нанте 28 июня 843 г.) или день большого религиозного праздника, например, Пасхи (Париж, 858 г.). Прибыв на место, они хватали все, что имело какую-либо товарную ценность — и что археологи с удивлением обнаружат где-нибудь далеко в Дании или Норвегии, — и не

[1] Пусть даже подвиги такого героя, как Харальд Суровый, вошли в легенду, — впрочем, эти сцены имеют очень литературный характер. См. перевод саги о нем: *Snorri Sturluson*. La Saga de Harald l'Impitoyable / traduite de l'islandais, présentée et annotée par Régis Boyer. Paris: Payot, 1979. Главы 6 и далее. [Русский перевод: *Снорри Стурлусон*. Круг Земной. М.: Наука, 1980. С. 402–464.]

[2] Подробности см. в издании: *Boyer, Régis*. Mœurs et psychologie des anciens Islandais: d'après les «Sagas de contemporains». Paris: Éd. du Porte-glaive, 1987.

[3] Это отражено в «Саге о названных братьях» и уже в наши дни в «Саге о героях» («Герпла»), французский перевод: *Laxness, Halldór*. La Saga des fiers-à-bras / traduit de l'islandais et présenté par Régis Boyer. Aix-en-Provence: Pandora, 1979, где Халлдор Лакснесс дает полную волю своему остроумию.

брезговали брать заложника или заложников, за которых смогут потребовать существенный выкуп. «Бертинские анналы» за 858 г.:

> Бернон [т. е. Бьрн Железнобокий, один из «сыновей» знаменитого Рагнара Лодброка], который был главарем морских пиратов на Сене, прибыл к королю Карлу [Лысому] в замок Вербери [на Уазе], передал себя в его руки и добровольно поклялся а верности[1]. Другая группа этих пиратов захватила в плен Людовика [внука Карла Великого], аббата монастыря Сен-Дени, и его брата Гозлена и потребовала за их освобождение неимоверный выкуп. Чтобы выплатить этот выкуп, по приказу Карла были опустошены сокровищницы многих церквей его королевства.

Потом — подробность, которую часто упускают из виду, — они зажигали огонь, это было одним из самых постоянных их обычаев: ради осады, если требовалось (они грузили на свои корабли солому, которую можно было поджечь, они бросали к подножью стен горящие фашины), но в основном чтобы отвлечь противников и прикрыть свой отход, который они осуществляли немедленно, быстро, с добычей, возможными заложниками или рабами — мужчинами и женщинами и со скотом. Они все грузили на борт и как можно скорей отплывали к месту сбора, откуда вышли, — к острову, о котором мы уже говорили и к списку которых можно добавить Шеппи на Темзе, или Й, или Груа: там они были в безопасности и могли отразить любую атаку. Прочтем запись в «Бертинских анналах» за 843 г.:

> Норманнские пираты пришли в город Нант. Убив епископа, многих клириков и мирян обоего пола и разорив город, они ушли в область Нижней Аквитании [к югу от Луары], чтобы грабить. Наконец они пристали к одному острову [Нуармутье? Й?] и решили, переселившись туда с материка, устроить там открытый зимний лагерь для постоянного проживания.

Эта цитата интересна тем, что показывает: они не исключали возможность зимовки в надежном месте.

В общем, это были хорошие специалисты по тому, что мы сегодня называем психологической войной. Можно допустить, что местное население, обработанное подобным образом, было запугано. Но пусть читатель потрудится внимательно прочесть комментарий, сделанный около 860 г. Пасхазием Радбертом, богословом, к «Плачу» пророка Иеремии, где в качестве примера взяты хищнические действия викингов, происходившие на глазах у автора. Пусть он тщательно

[1] Чтобы обмануть его, см. дальнейшее.

отделит зерна реалий от плевел слов: на какие конкретные факты ссылается Пасхазий? Какие новые сведения может извлечь из этой страницы историк?

Да, как сказано, сей город [Иерусалим] был укреплен помощью Бога и защищен гарнизоном ангелов, пока хранил закон и справедливость, пока в изобилии имел добродетели; и ни один царь, ни одно человеческое существо не могли бы поверить, чтобы в него проник внешний или внутренний враг, ибо Господь укрепил засовы ворот Града и обеспечил ему мир на границе. Но когда те, кого защищали благодеяния Господни, отвратились от Него, божественная охрана их оставила, и стали они добычей врага. То же происходит и с нашей Церковью, согласно мистическому толкованию: ее, так сказать, во всех направлениях раздирают враги. Кто когда-либо мог поверить, кто когда-либо в наших краях мог вообразить, что за столь недолгое время эти края будут удручены бедствиями, которые созерцаем мы все, которые оплакиваем, о которых сожалеем и которых весьма страшимся? И даже сегодня мы не менее опасаемся, что пираты, скопище различных шаек, достигнут территории Парижа и подожгут со всех сторон церкви Христовы, близкие к берегам Сены. Кто когда-либо мог поверить, спрашиваю вас, чтобы разбойничий сброд осмелился на подобные деяния? Кто бы мог подумать, чтобы столь славное, столь укрепленное, столь протяженное, столь населенное, столь могучее королевство было унижено, замарано нечистотой подобных людей? Кто бы мог поверить, чтобы столь низкие существа осмелились, я не говорю — взимать огромную дань, брать добычу, уводить христиан в плен, но просто приблизиться к нашим краям. Нет, не думаю, что еще несколько лет назад какой-либо земной король вообразил бы, какой-либо житель Земли нашей согласился бы услышать, что чужеземец вступил в Париж. Посему надлежит мне не комментировать Иеремию, а плакать и сетовать, ибо, как покажет следующий стих, причиной сих многочисленных бедствий стали грехи народа, беззаконие пастырей и князей. Ведь воистину с давних пор и, так сказать, откровенно суждения праведных не ставятся ни во что; родич проливает кровь родича; все ею замараны и повсюду творят обман и плутовство. Вот почему в этих стихах скорей уместны плач и стенание, нежели толкование красноречивой диалектики. Поиск тройного значения бесполезен, когда всеобщие напасть и разорение не имеют равных. Посему сердечная боль должна быть выражена, как я и делаю, в криках и стонах, дабы мы могли совместно с пророком оплакать наши дурные деяния: Бог потрясает Своим мечом, Он грозит им нашим выям, и секира при корне дерева, ибо дух наш возмутился против блага. Вот причина, по коей свирепствует меч варваров — меч из ножен Господних. Вот почему, сколь бы мы ни были жалки, сколь бы бессильны ни были в своей жизни против

> лютости язычников, против войн жестоких соплеменников, против разбоя расхитителей, против соблазнов, против подлогов, однако мы что ни день подстрекаем друг друга к величайшим преступлениям[1].

Буду беспощаден до конца: я говорил, что у нас почти нет примеров настоящих правильных сражений с участием викингов. Зато, и об этом нельзя забывать, викинги часто сражались между собой, для чего обнаруживались тысяча и одна причина. Вот как в общих чертах происходило такое столкновение судя по подробному описанию в документе, более достойном доверия, чем многие подобные тексты, — «Саге о Стурлунгах»[2]. Во всех случаях бой начинался градом камней (grjótburðr, grjóthríð, grjótflaug) — похоже, особо смертоносным. Дальше обычно следовала очень беспорядочная рукопашная, где, насколько я понял, грубая сила была важней искусства: сама массивность длинного меча или широкого боевого топора затрудняла применение изощренных приемов.

Возможно, однако, внедрялись и более передовые методы боя, но и здесь трудно отличить нечто местное от заимствований из литературных источников или подражания зарубежному опыту. Боевое построение (фюлькинг, fylking, от fylkja [строить, выстраивать]), вероятно, было линейным или V-образным, в последнем случае острие буквы V называлось brjóst (буквально «грудь»). Это было место командира, по обе стороны от которого располагались фланги фюлькинга (fylkingararmr). Встречались всевозможные тактики: фронтальный удар (как раз «грудью»), равномерное движение всего фюлькинга, охват одного или обоих флангов, обход и т. д. Некоторые документы сообщают, что существовали резерв (deildarlið), арьергард (halaferð)

---

[1] Paschase Radbert. Expositio in lamentationes Jeremiae // *Saeculum IX. Sancti Paschasii Radberti,... Opera omnia*, juxta editiones Sirmondi, Mabillonii, Martini recognita et diligentissime emendata. Accurante J.-P. Migne. Tomus unicus. Parisiis: excudebatur et venit apud J.-P. Migne editorem, 1852. [Patrologia latina. V. CXX.] Col. 220. Перевод Ф. Лота — в издании: *Lot, Ferdinand*. La Grande invasion normande de 856–862. Nogent-le-Rotrou: impr. de Daupeley-Gouverneur, 1908. P. 14–15. Воспроизведен в издании: *D'Haenens, Albert*. Les invasions normandes, une catastrophe ?Op. cit. P. 84–85.

[2] Подробное исследование P. Буайе: Boyer, Régis. La guerre en Islande à l'Iâge des Sturlungar (XIIe–XIIIe siècles): armement, tactique, esprit // *Inter-Nord*. XI (1970). P. 184–202. Я предпочел обратиться к «сагам о современности» — категории, к которой относится в первую очередь «Сага о Стурлунгах», — поскольку, как мне кажется, они меньше подвержены «загрязнению» иностранными образцами.

и элитные подразделения, мобильные, которые при необходимости могли перемещаться в горячие точки.

Надо отметить, что гибель вождя, короля и т. д. *ipso facto* влекла за собой немедленное прекращение боя и бегство (flótti). Вот почему упомянутый вождь был окружен «заслоном из щитов» (скьяльдборгом, skjaldborg), которые держала его элитная охрана, состоявшая из «диких воинов», либо берсерков (berserkir, буквально «медвежьи рубахи/туники»), либо ульфхединов (úlfheðnar, ед. ч. úlfheðinn, «волчья шуба»), однако не следует воспринимать эти образы слишком буквально. Каким бы ни было их происхождение[1], очень похоже, что перед нами популярный литературный сюжет и, кстати, объект насмешек в большинстве саг, особенно легендарных: убийство разъяренного берсерка, обычно столь же глупого, сколь и сильного, и легко уязвимого, представляет собой эпизод детства героев, выглядящий прямо-таки обязательным. Далее, определенно существовали и стандартные маневры, такие как kví, состоявший в том, чтобы зажать противника между двумя сходящимися рядами воинов, защищенных щитами. Столь же сомнителен свинфюлькинг (svinfylking), или боевое построение в форме кабаньей головы, fylkja hamalt: бойцы строились клином без острия, переднюю оконечность которого, рани (rani, собственно «кабанье рыло»), образовало несколько отборных бойцов, и все вместе беглым шагом устремлялись на врага, прорывая его ряды действительно как клин и издавая боевой клич (œpa herбp). Эта картина слишком похожа на *caput porcinum*, знакомый Цезарю или Тациту, чтобы легко принимать ее описание за чистую монету. Тем не менее и здесь существовал порядок, единая диспозиция.

Морские сражения чаще происходили между самими скандинавами, чем между скандинавами и иноземцами. Вс точно так же начиналось с града камней, разного метательного оружия, дротиков, метательных топоров, стрел. Корабли сцеплялись меж собой, образуя линию, ряд, равномерно двигавшийся на противника. *In extremis* [в последний момент (*лат.*)] их расцепляли, чтобы пойти на абордаж или заклинить между ними вражескую ладью, которую часто поджигали. Цель состояла в том, чтобы обрушить мачту. Важную роль играли два человека — стюрисмад, или рулевой, ловкие маневры

[1] Несомненно лучшее исследование этого сюжета, о котором сказано не слишком много, но который на самом деле происходит от феномена Wut [ярость (*нем.*)] (староскандинавское óðr [исступление]), каковой подвержен бог Один (и обязан своим именем и своей шаманской природой), принадлежит Г. Куну: Kuhn, Hans. Kappar og berserkir // *Skírnir*. 123 (1949). P. 98–113.

которого могли помочь расстроить вражескую атаку или нанести решающий удар, и отборный боец, т. н. стафнбуи (stafnbúi, воин на носу корабля), задававший тон при обороне или атаке.

Независимо от природы сражения или вида грабежа существовало очень строгое правило: добычу делили по нормам, зафиксированным обычаем, чаще всего в зависимости от ранга, значимости викинга. Это называлось «bera alt til stanga», где слово «stöng» (предлог «til» требует родительного падежа: stanga) означает штандарт, реальный (merki) или условный (слово «stöng» буквально значит «колышек»), вождя. То есть: нести вс к штандарту. Дальше происходил дележ.

Но, чтобы завершить эти соображения, повторю, что сама по себе война, подвиги в чистом виде никогда не были первостепенной заботой викингов. Этот идеал появился лишь позже (конец XII, начало XIII в.), вне всякого сомнения — под влиянием рыцарских романов, французских героических песен и близких к ним рассказов, получивших в переводе название «рыцарские саги», riddarasögur[1]. Иными словами: не война ради войны, но в лучшем случае война ради славы (редкий случай), а обычно ради выгоды. Обратим внимание на конец рунической надписи на камне в Грипсхольме (Швеция), который одна женщина, Тола, возвела в память своего сына Харальда, брат которого, Ингвар Великий Путешественник, удостоился посвященной ему саги. Этот текст сводится к утверждению, подтверждающему изложенные здесь взгляды: «Они храбро (буквально: как drengir) отправились далеко за золотом и на Востоке накормили орла. Умерли на Юге, в Серкланде». Видно, что поход за золотом — первый из их подвигов, который упоминается, и он сам по себе непроизвольно вызывает восхищение.

Теперь мы как будто достаточно осведомлены, чтобы приступить к чисто исторической части нашей книги. Читатель понял, что вс только что сказанное относится по преимуществу к двум первым стадиям (800–850, потом 850–900) развития викингского феномена, парадигматическим для нашего представления о вещах. Итак, сначала посмотрим, что же происходило с 800 по 850 гг. (даты приблизительные).

[1] «Рыцарским сагам», riddarasögur, посвящен сборник «Актов V международной конференции по сагам», которая состоялась в Тулоне в 1982 г.: *Les sagas de chevaliers = Riddarasögur.* Actes de la Ve conférence internationale sur les sagas, Toulon, juillet 1982; présentés par Régis Boyer. Paris: Presses de l'Université de Paris-Sorbonne, 1985.

ИСТОРИЯ ПЕРВОЙ СТАДИИ: ОК. 800 — ОК. 850

Напомним, что это период проб и ошибок, «прощупывания» возможных противников, период «зондажа», если можно так сказать. Ради удобства изложения я буду описывать события, происходившие сначала с одной скандинавской «нацией», потом с другой, но строго этот принцип применяться не будет, потому что очень часто все три этноса действовали совместно, особенно датчане и норвежцы. Место действия приблизительно соответствует географическому положению страны: у норвежцев была тенденция продвигаться прямо на запад, от своего бесконечного северного побережья, датчан скорей интересовали вест-зюйд-вест или направление прямо на юг, шведы решительно повернулись лицом к востоку или направлению ост-зюйд-ост. Дальше, там, где эти данные будут уместней, я буду приводить точное описание главных маршрутов.

Датчане

Они свирепствовали в основном на трех главных фронтах, которые методичности ради будут рассмотрены по отдельности, хотя их можно было посетить поочередно в ходе одного похода: в Великобритании, во Фризии и в Западной Европе.

Великобритания к концу VIII в. представляла собой конгломерат мелких независимых королевств: Мерсии, Уэссекса, Эссекса, Кента, Восточной Англии, Нортумбрии. Самой могущественной в то время несомненно была Мерсия, король которой Оффа, умерший в 796 г., принял титул Rex Anglorum [короля англов (*лат.*)]. После его смерти начался в некотором роде хаос, продолжавшийся до 825 г., когда Эгберт Уэссекский обеспечил себе подобие верховной власти над всей Юго-Восточной Англией. Это не мешало датчанам неоднократно устраивать там интервенцию, в частности, в Хэмвике в 840 г. Что касается Нортумбрии и Шотландии, они были неспособны защитить себя. После Линдисфарна (793) жертвами целой серии стычек, грабительских рейдов, устрашающих налетов стали монастырь Ярроу (тоже Нортумбрия), Морганут (Южный Уэльс), Кинтайр, остров Мэн, остров Иона (795), где находился знаменитый монастырь святого Колумбы, одна из святынь христианства в этой части мира (его «повторно посетили» в 802 и 806 гг.), Монквермут (близ Сандерленда, 794) и т. д.

Еще больше пострадала Ирландия — ее положение было хуже, чем у Англии. Она состояла из множества мелких королевств, истерзанных

внутренними междоусобицами и ожесточенно воюющих меж собой. Первое прибытие датчан, упомянутое в источниках, якобы приходится на 851 г., но ему безусловно предшествовали, и за долгое время до этого, всевозможные вторжения, например, на остров Ламбей в 795 г. С другой стороны, мы знаем, что между норвежцами и островом велась торговля, имевшая многовековую богатую историю, и это может служить объяснением, почему ирландские анналы проводят различие между норвежцами и датчанами. Нужно отметить, что Ирландия была не столь легкой добычей, как Англия: в 811 г. в Ольстере и в 812 г. в Конноте и в Керри отмечено сопротивление.

Из совокупности этих фактов вывод о продуманной политике сделать, похоже, трудно: это действительно была эпоха, когда викинги лишь мало-помалу осознавали эффективность своих вторжений.

Разве что королю Годфреду, который наследовал королю Сигфреду около 800 г., можно приписать более последовательные замыслы, но к Великобритании они отношения не имели. В самом деле, похоже, он сознательно, ради обеспечения безопасности на границах или в откровенно воинственных целях, начал военные действия во Фризии. С самого начала этой книги то и дело упоминалась Фризия и цивилизаторская или инициационная роль, какой она не могла не играть по отношению к Северу, особенно в сфере торговли. В 804 г. Годфред предпринял нечто вроде отвлекающего наступления, морем и сухопутным путем, на Слисторп (или Слиасторп, то есть «деревню», thorp, на заливе Шлей, Slie) — это несомненно фризское или саксонское название Хедебю. Насколько известно, Карл Великий не отреагировал. После этого в 808 г. Годфред вторгся в землю ободритов, вендского племени, которое было союзным Карлу Великому и которое последний поселил в Восточном Гольштейне. Годфред их подчинил, захватил их вождя Дросука, которого казнил, и разрушил их город Рерик (который, должно быть, находился близ современного Любека?). Карл Великий, поглощенный войнами, которые вел в Испании и Италии, реагировал вяло: он послал своего сына Карла с карательной экспедицией, которая оказалась безуспешной. Вероятно, по этой причине Годфред решил возвести Даневирке, уже упоминавшийся, — укрепление, которое бы загородило Ютландию и шло от Слисторпа как от восточной точки. Вот что сообщают «Анналы королевства франков» за 808 г.:

> Годфред со всей армией приплыл в порт Слисторп. Там он провел несколько дней и решил укрепить границы своего королевства с Саксонией при помощи вала, который бы шел от восточного залива,

называемого данами Балтикой, до западного океана параллельно Эйдеру: вдоль всего его северного берега должно было протянуться укрепление, прерванное единственными воротами, через которые могли бы входить и выходить повозки и всадники. Распределив эту задачу среди своих вождей, он вернулся к себе.

Сооружение оказалось примечательным и сохранилось на века. Впрочем, его постройка завершилась только к 1160 г. В целом оно состоит из четырех последовательных стен, из которых только одна часть, о которой, кстати, спорят, восходит к временам Годфреда[1], что, заметим мимоходом, еще раз позволяет оценить степень достоверности наших источников! К главному валу (Хоуэдволль, Hovedvold, около 15 км длины) добавился «связующий вал» (Форбиндесволль, Forbindesvold, 4 км), а вслед за ним Ковирке (Kovirke, около 8 км) и Эстерволль (Østervold, 3,5 км). Средняя высота составляла два метра, ширина — пятнадцать метров. Преемники Годфреда, в том числе Вальдемар Великий, методично продолжали укреплять эту стену. Хотя ее прообраз, вероятно, был римским, эта постройка немало говорит о том, каким могло быть инженерное дело — в современном военном смысле слова — в тогдашней Дании. Даневирке надолго остался эффективным укреплением, став превосходной защитой для населенного пункта Хедебю, обведенного окружной стеной и находившегося на восточной оконечности сооружения.

Говоря об этом, мы отклоняемся от своего сюжета о викингах *stricto sensu* [в строгом смысле слова (*лат.*)], — строительство Даневирке было связано с внутриполитическими проблемами Дании. Зато в 810 г. Годфред предпринял рейд: если верить «Анналам королевства франков», якобы 200 (!) кораблей «из Нордманнии» причалило во Фризии (Фрисландии) и разорило острова вдоль побережья, наложив на население дань. Но тогда же Годфред был убит, а его племянник и преемник Хемминг процарствовал всего год; он успел в 811 г. подписать с Карлом Великим мирный договор, признавший южную границу Дании по Эйдеру.

Последовал период внутренних распрей ради захвата власти. Людовик Благочестивый, сын Карла Великого, воспользовался ситуацией, чтобы в 815 г. вторгнуться в Ютландию («Анналы королевства

[1] К тому же с помощью данных дендрохронологии недавно выяснилось, что существовала более ранняя стена, относящаяся к 737 г.; значит, какой-то из предшественников Годфреда задолго до него задумал то же самое — вероятно, чтобы защитить свое государство от вторжений Карла Мартелла.

франков» говорят о Сисленди, а это слово могло означать только Южную Ютландию, Sønderjylland), но успеха не добился.

Следующая дата — около 825 г. Некий Харальд Клак Хальвданссон выдвинул притязания на власть, оспаривая права официального потомка Годфреда. Старший сын последнего, Хорик, изгнал его из Ютландии и Людовик Благочестивый даровал Харальду феод в Рюстрингене, во Фризии, в низовьях Везера; тот сохранил свое положение до 852 г. Харальд царствовал там вместе с братом Рриком — скорее всего это не был Рюрик Русский. Что касается Хорика, он царствовал в Дании до 854 г.

С 834 г. на очень важный торговый центр Дорестад во Фризии начали нападать, причем иногда с немалыми силами. Датские рейды стали ежегодными (например, они случились в 836 и 837 гг.). В 837 или 838 г. (другие источники говорят о 841 г.) Лотарь, сын Людовика Благочестивого, был вынужден оставить остров Валхерен в устье Шельды братьям Хорику и Харальду Клаку. А в 845 г. Хорик разграбил Гамбург, приведя флот численностью... в 600 кораблей, согласно «Бертинским анналам»! Возможно, в этот самый период фризы построили на побережье знаменитые круглые форты Бркбург (сегодня Бурбур в Северной Франции), Синт-Виноксберген (там же), Врне, Остбург, Саубург, Мидделбург, Бург он Схаувен, Ден Бург он Тексел — предвосхитившие, конечно, укрепленные лагеря, о которых шла речь выше.

Беглый обзор «Бертинских анналов» просветит нас:

> 834: Также тем временем во Фрисландию пришел флот датчан, и они опустошили часть страны. Они прошли через Vetus Treiectum [Утрехт] и дошли до торгового центра Дорестада, повсюду грабя и убивая некоторых жителей; других они увели в плен и сожгли часть города.
>
> 838: Император [Людовик Благочестивый, только что организовавший нападение на Валхерен] созвал всеобщее собрание и провел публичное расследование действий сановников, которым прежде поручил охрану побережья. Из обсуждения стало ясно, что, отчасти из-за полной невыполнимости задачи, отчасти из-за неповиновения некоторых людей, оказать какое-либо сопротивление нападавшим было невозможно. К тому же деятельные аббаты и графы были направлены на подавление строптивых фризов [...] Он [император] дал также приказы, чтобы флот был готов как можно скорей предпринять преследование противника в любом направлении.

Лучше нельзя проиллюстрировать и тактику викингов, и неспособность Каролингов дать отпор.

Театр военных действий был намного обширней, но в отношении западноевропейского фронта нужно отметить лишь некоторые характерные детали. Там первые стычки, похоже, произошли в 819 (устье Луары) и 820 гг.: согласно «Анналам королевства франков», викингам удалось высадиться на Буэне (выше Нуармутье). В. Фогель[1] утверждает, что это были норвежцы, отплывшие из Ирландии. В том же году грабители появились в устье Сены. К 835 г. объектом их посещений стал Нуармутье, и остров Шеппи в устье Темзы был захвачен и опустошен.

Похоже, с 840 г. датские, а также норвежские (или совместные) набеги на Францию стали интенсивней. К норвежцам мы вернемся позже. Вот что говорит запись в «Бертинских анналах» за 841 г.:

> Тем временем датские пираты напали на Руан [Rotunum, другая рукопись дает Rotomagus. Согласно анналам Фонтенеля, это произошло 14 мая, под командованием некоего Oscheri = Асгейра?], прибыв из Северного моря по Ла-Маншу; они устроили грабеж, пользуясь огнем и мечом; уничтожали город, монахов и прочее население, убивая и захватывая в плен людей; разоряли все монастыри, равно как и все жилые дома по берегам Сены, или отпускали запуганных жителей, заставив их отдать много денег.

Этот текст чрезвычайно показателен и, как мне кажется, подтверждает в деталях взгляды, высказанные выше. В 842 г. датчане были в Квентовике, то есть в Этапле, в Па-де-Кале, в нескольких километрах к югу от Булони; далее он, как известно, стал одним из их важнейших опорных пунктов, но поскольку в этом местонахождении позже находился населенный пункт, ни одни раскопки здесь до сих пор не увенчались успехом.

Несомненно около 845 г. появился знаменитый Рагнар Лодброк (В-Штанах-с-Длинным-Ворсом), очень скоро ставший легендарной фигурой, как для нас[2], так и, отметим этот факт, для скандинавов, которые посвятят ему (легендарную) сагу, написанную под непосредственным влиянием великой «Саги о Вльсунгах»[3] и прежде всего

---

[1] *Vogel, Walther.* Die Normannen und das Fränkische Reich bis zur Gründung der Normandie (799–911). Heidelberg: Winter, 1906.

[2] Boyer, Régis. Le thème de Ragnarr Lodbrók dans les lettres françaises // *Rencontres et courants littéraires franco-scandinaves*: Actes du 7e Congrès international d'histoire des littératures scandinaves, Paris, 7–12 juillet 1968. Paris: Lettres modernes, 1972. P. 41–53. — *Boyer, Régis.* Le Mythe viking dans les lettres françaises. Op. cit. Последний абзац каждой главы.

[3] Существует во французском переводе: *Boyer, Régis.* La saga de Sigurdr ou La parole donnée. Op. cit.

образа героя Сигурда Убийцы Дракона (он же Зигфрид), на чьей дочери Аслауг, как считалось, Рагнар женился. Вполне определенно, что существовал некий Рагнар, пришедший грабить Париж — в смысле: остров Сите — 28 марта 845 г. Эта дата любопытна, как и сам факт, потому что они побудили Карла Лысого совершить роковую ошибку. С риском повториться замечу: разве, проявив некоторую предусмотрительность, организованность и энергию, этот нерешительный, малодушный и вялый суверен не мог бы изгнать грабителей или не впустить их? Но прочитаем запись в «Бертинских анналах» за этот год:

> Карл снарядился для боя, но, поскольку он предвидел, что одержать победу будет для него невозможно, он помешал им продвигаться дальше, заключив некоторые соглашения и подарив им семь тысяч ливров серебра, и тем самым добился, чтобы они удалились.

Этот жест, который явно совершали не впервые, на сей раз был сделан великим сувереном, известным на всем Западе, сумма была значительной, и прием, благодаря которому добились отступления викингов, теперь будет встречаться вс чаще.

Кстати, на 844 или 845 г. приходится большой датский рейд к берегам Западной Европы; им якобы руководили мнимые сыновья Рагнара Лодброка, Бьрн Ярнсида (Железнобокий) и Хастинг, то есть Хастейн: они замечены в Аквитании, они поднялись по Гаронне до Тулузы, на которую не напали — как раз в связи с этим случаем некий Пипин сыграл сомнительную роль, о которой мы упомянули ранее (см. с. 74), — а потом обнаружились на побережье Астурии, где встретили сильное и организованное сопротивление, не позволившее им взять Ла-Корунью. Поэтому они вошли в Гвадалквивир и атаковали Севилью. Но твердый отпор, который дал им Абд ар-Рахман II, стоил им частичного поражения, и они не стали упорствовать. Обратимся еще раз к «Бертинским анналам»:

> 844: Норманны проникли в Гаронну до Тулузы и повсюду безнаказанно грабили. Когда они удалились оттуда, часть их напала на Галисию, но погибла, с одной стороны — от выстрелов катапульт, с другой — по причине бури на море. Некоторые добрались до дальней Испании. Но, приняв несколько упорных боев с сарацинами, они были побеждены и отступили[1].

[1] См. об этом: *Christensen, Aksel E.* Vikingetidens Danmark: Paa oldhistorisk baggrund. København: Gyldendal, 1969. P. 142.

Норвежцы

Мы видели, что норвежцы, когда не действовали вместе с датчанами, направлялись прямо на запад к североатлантическим островам. С 780 г. это несомненно были Оркадские (Оркнейские), Шетландские (Ялътландские) и Гебридские (Судрейские) острова.

На Фарерских островах они высадились, вероятно, около 800 г. На этих островах, возможно, уже обитали ирландские отшельники, судя по достаточно похожей ситуации в Исландии около 870 г. По свидетельству ирландского монаха Дикуила в трактате «Об измерении круга Земли» (De mensura orbis terrae, около 825), эти отшельники бежали от норвежских пиратов. Согласно «Саге о фарерцах»[1], первым колонизатором этих «островов баранов» (таков смысл слова Færeyjar) был некий Грим Камбан. Однако, судя по его кельтскому прозвищу, он прибыл скорей из Ирландии, чем непосредственно из Норвегии.

Это не мешало норвежцам проявлять интерес и к Фризии — но надо подчеркнуть, что эти викинги искали прежде всего возможности поселиться на новых землях, чем заняться грабежом. Обратимся к Фризии. «Бертинские анналы» (называющие их «норманнами»), «Фульдские анналы» (так же) и «Ксантенские анналы» (где говорится о «язычниках») дружно отмечают, что в 835 г. они атаковали и разграбили Дорестад. Точно так же для 836 г., когда их бесчинствами полнилась вся Фризия, «Фульдские анналы» утверждают, что они сожгли Антверпен и порт Витла в устье Мааса, а также взимали дань. Все анналы отмечают их присутствие на Валхерене в 837 г., где они требовали дани, а потом в Дорестаде.

Однако главным местом приложения их активности в тот период была Ирландия. Напомню, что остров был в высшей степени уязвимым и заманчивым. Средоточием жизни там были великие монастыри, сказочно богатые благодаря громадному интеллектуальному авторитету. В политическом отношении власть несомненно принадлежала «верховному королю» (ard'rí), живущему в Таре; семь «королевств» (Коннот, Манстер, Лейнстер, Мит, Айлех, Ольстер и Ориэль) в принципе были обязаны ему оммажем, но на самом деле застарелый антагонизм, разделявший их по линии юго-запад — северо-восток, постоянно сталкивал их между собой и исключал возможность выступления единым фронтом против врага. Мы не

[1] Перевод на французский: *La Saga des Féroïens* / trad. de l'islandais par Jean Renaud. Paris: Aubier Montaigne, 1982. [Русский перевод: Сага о фарерцах. / Пер. В. Циммерлинга // *Исландские саги*. Т. 2. М.: Языки славянской культуры, 2004.]

забыли, что еще в 795 г. норвежцы напали на остров Ламбей к северу от Дублина. Авторы анналов проводят различие между «белыми чужаками» и «черными чужаками», финн гейл (Finn Gail) и дуб гейл (Dubh Gail). Похоже, первое название относилось к норвежцам, а второе — к датчанам. Но в начале периода, о котором мы говорим, здесь действовали несомненно норвежцы: кроме литературных источников и топонимики это доказывают и данные археологии. В захоронениях IX и начала X вв. в Норвегии содержатся многочисленные предметы и украшения ирландского происхождения; в Дании и Швеции подобные находки — редкость. И напротив, крупнейшее из викингских захоронений в Ирландии, Айлендсбридж (в Килмейнхеме, рядом с Дублином), — норвежское, там найдено 40 мечей, 35 наконечников копий, 20 умбонов щитов, несколько боевых топоров и наконечников стрел, а также украшения, веретена и ключи.

С другой стороны, очень разветвленная речная сеть в Ирландии давала возможность для быстрых вторжений вглубь острова, о которых не умалчивают анналы. Вскоре берега уже кишели грабителями. К 820 г. были разрушены или разрушались Инишмюррей, Инишбофин, Бангор (к 821 или 824 г.), Скеллиг (в 823 г.). Другого объяснения для массового исхода — который по большей части уничтожил необыкновенную ирландскую культуру, в частности, интеллектуальную жизнь страны, — ирландских клириков в Льеж, Лан, Реймс искать не приходится. Известно, что эллинист Иоанн Скот[1] Эриугена в конечном счете поселился в Люксе, в монастыре, основанном тремя веками раньше его соотечественником святым Колумбаном. Часто цитируют четверостишие, написанное одним из этих изгнанников на полях книги:

Ветер этим вечером резок,
Он ерошит седые волосы моря.
Этим вечером я не боюсь жестоких воинов из Норвегии,
Которые терзают Ирландское море.

Тогда-то на сцене и появился один из самых знаменитых персонажей, а также легендарных героев истории викингов, — норвежец (вероятно) Тургейс или Торгейст, то есть скорее Торгисль (или Торгильс), как считает Хольм, нежели, согласно Л. Мюссе, Торгест. Истину на его счет выяснить крайне трудно — о нем очень скоро сложилось нечто вроде мифа, за несколько десятков лет сделавшего из него дьявола во плоти!

[1] Этим прозвищем в ту эпоху называли ирландцев.

Это якобы он, согласно анналам, командовал флотом или флотами (появление одного отмечено в реке Бойн, другого — в реке Лиффи), которые пришли около 836 г., пристали в Ат Клиате, где войска встали лагерем, а главное — в Дуб Линне (буквально «Черный пруд»), где они укрепились: это место отныне будет служить им оперативной базой, норвежцы на сто пятьдесят лет сделают его одной из богатейших торговых факторий Дальнего Запада. Возможно, Тургейсу помог король Манстера, захватив Арму, важнейший церковный центр острова и одну из главных святынь западного христианства. «Cogadh Gaedhel re Gallaibh» [Война ирландцев с чужеземцами] (война гедхилов и гейлов, нечто вроде исторической книги), источник небезупречный, поскольку, как и другим встречающимся здесь свидетельствам, этому тексту, написанному в XII в. в пропагандистских целях для королевской династии О'Брайенов, определенно недостает объективности, тем не менее приводит «пророчество» в отношении Тургейса:

Язычники придут через пресное море,
Они смутят мужей Эрина,
Среди них будет аббат для каждой церкви,
Среди них будет король для Эрина.

Как бы то ни было, именно он якобы разграбил Клонмакнойс, Клонферт и разогнал монахов. Однако тексты, говорящие о нем, выглядят сомнительно, поскольку в них, похоже, возникают языческие мотивы, часто несообразные. Так, он якобы учредил культ Тора — бога, существование отдельного официального культа которого, как известно, не подтверждает ни один скандинавский документ, — и, поселившись в Арме после изгнания аббата, сделался верховным жрецом этого места, но языческим! В то время как в Клокмакнойсе его жена Ота (Ауд?) якобы колдовала и произносила оракулы на манер вльвы[1]. Вс это вполне может быть легендами, которые распространяли монахи — малодушные, но достаточно хорошо осведомленные о некоторых религиозных скандинавских традициях. Однако надо обратить внимание на настораживающий документ, написанный одним арабом, Ибн Дихьей, который сообщает[2], что суверен Гвадалквивира, мавр Абд ар-Рахман II, послал в 845 г. посольство во главе с Аль-Газалем, привезшее отборные дары «царю маджусов» и его жене,

[1] Иначе говоря, вела себя как вльва, пророчица, вроде той, которой принадлежит «Прорицание вльвы» в «Старшей Эдде».

[2] См.: *Allen, William Edvard David*. The poet and the spae-wife. An attempt to reconstruct al-Ghazal's embassy to the Vikings. Dublin: Figgis; London: Viking society for Northern research, 1960.

названной именем Нод (или Ноуд). Сказано, что этот северный царь живет на большом острове в океане, с садами и целебными водами. Поблизости находятся другие острова, населенные маджусами, а в трех днях плавания — континент, где этот царь обладает властью; это посольство могло быть направлено к Хорику в Данию или, что более вероятно, к Тургейсу. Его целью могли быть переговоры о торговле мехами и прежде всего рабами.

Также не исключено, что прибытие загадочного Тургейса надо соотнести с основанием викингами, фактом на сей раз практически бесспорным, почти всех крупных городов-факторий Ирландии за исключением Дублина, который, как сказано, существовал раньше всех них, но которому они позволили пережить значительный подъем: Аннагассан, Уотерфорд, Уэксфорд, Корк и Лимерик своим появлением обязаны викингам. Четыре последних носят вполне скандинавские названия, под которыми иногда упоминаются в сагах, как Лимерик = Hlymrekkr.

Похоже, во всяком случае, что после 842 г. норвежцы потерпели ряд поражений, поскольку в 844 или 845 г. Тургейс якобы был захвачен в плен Маэл Сехнайллом, королем Мита, и ритуально утоплен в озере Лох Овел в Западном Мите.

Какими бы сомнительными ни были сведения о Тургейсе, они имеют определенное историческое основание, поскольку можно предположить: как раз с момента, когда, как считается, он начал свирепствовать, Ирландия стала чем-то вроде оперативной базы для других экспедиций норвежцев — на Фарерские острова, как мы видели, а потом в Исландию, заселение которой, и это надо особо подчеркнуть, в немалой части происходило напрямую из Эрина. А также экспедиций в Англию и во Францию. Наши источники — анналы и хроники — иногда сообщают о вестфальдингах, которыми могли быть только норвежцы из Вестфолла. Эти тексты упоминают вторжение их 67 кораблей в Луару в 842 г., уточняя, что они пришли из Ирландии, а не прямо из Норвегии. В 844 г. их видели в Бретани, в 849 г. — в Периг (где они грабили и, отметьте продолжение, «где устроили пожары, а потом безнаказанно вернулись к себе на корабли»[1]): возможно, их пригласил мятежный вассал Карла Лысого, граф Ламберт, замышлявший захватить Нант, — он якобы дал им лоцманов, чтобы провести их среди песчаных отмелей Луары, и они действительно, как утверждается, напали на Нант 24 июня, воспользовавшись таким большим праздником, как Иванов день. Потом они

[1] Согласно «Бертинским анналам».

якобы удалились, ночью, с добычей и пленниками, чтобы укрыться на Нуармутье. Что вполне правдоподобно: этот остров был не только надежным убежищем для грабителей, но также с незапамятных времен центром торговли солью, крайне ценным товаром в ту эпоху во всей Западной Европе. То есть это была надежная военная база, расположенная недалеко от мест, которые выгодно грабить, и крупный торговый центр. Этакое идеальное место жительства для викингов. Здесь авторы анналов впервые, не сознавая этого, описывают подобную тактику. Второй пример относится к 850 г. и к Англии. Эта практика вскоре широко распространится.

Интересно на основе положения в Ирландии около 850 г. рассмотреть некоторые его характерные или образцовые аспекты. Например, уже отмеченную проблему численности, в частности, гейлов и гедхилов: почти исключено, чтобы викинги могли действовать сами одновременно на всех фронтах. Во-вторых, внимание должен привлечь их способ внедрения: они почти никогда не селились где-либо, кроме побережья. Внутренние территории оставались в руках туземцев. И эти места поселения использовались прежде всего для торговли, их выбирали в расчете на нее. В-третьих, не стоит преувеличивать грабежи, которые совершали норвежцы: если клирики, приходя в ужас, часто бежали, то интеллектуальная и особенно художественная деятельность в Ирландии никогда полностью не прекращалась, даже когда ее как будто сильно подрывали и ослабляли. Я уже говорил, что ирландскую культуру[1] викинги как бы остановили на взлете, но такой феномен, как «исландское чудо», упоминаемое сразу после «ирландского чуда», был бы невозможен без решающего вклада детей Эрина. В-четвертых и в-последних, роль скандинавов была, конечно, во многих отношениях решающей для развития Ирландии, но не будет ни выдумкой, ни *a fortiori* [тем более (*лат.*)] преувеличением, если мы обобщим это утверждение, отнеся ко всей Западной Европе: они создали и подняли только что упомянутые города в стране, до тех пор исключительно аграрной и скотоводческой. Дублин им обязан международным значением, которое подтверждают не только норвежские источники, но также арабские, английские и исландские документы. Ведь эти люди насадили в нем торговлю, что было для

[1] То есть язык и определенный тип цивилизации, как лаконично отметили К. Гюйонварх и Ф. Леру в книге: *Le Roux, Françoise; Guyonvarc'h, Christian J.* La civilisation celtique. Rennes: Ouest-France, 1990. [Русский перевод: *Гюйонварх, Кристиан; Леру, Франсуаза.* Кельтская цивилизация. / Пер. Ю. Н. Стефанова, Г. В. Бондаренко. СПб.: Культурная инициатива, 2001.]

них характерно, — род деятельности, прежде никогда не игравший важной роли в Ирландии: ранее существовавшие крупные центры были прежде всего религиозными и интеллектуальными. Естественно, это говорится не затем, чтобы высказать оценочное суждение, а только чтобы подчеркнуть тот факт, что скандинавы, как выражаются в наше время, приобщили Ирландию, конечно, неласково, к проблематике эпохи. Так, они приучили ирландцев пользоваться монетами, прежде всего серебряными. Главное, что изгнания и даже исходы, вызванные ими, привели, как раз в интеллектуальном плане, к интенсивному движению, в существенной части обусловившему обновление и распространение нашей культуры: фермент ирландской кельтской цивилизации, экспатриации которой они способствовали, окажет долговременное воздействие, и не только на Скандинавию.

Поскольку эти утверждения можно считать верными для всего западного мира в целом, где викинги тоже «сломали перегородки», не говоря уже о мирах славянском, византийском, ближневосточном, то особо настаивать на этих утверждениях стоило.

Шведы

Последняя фраза дает нам удобный повод перейти к разговору о них. Тут ситуация остается настолько же темной, насколько при прежних рассуждениях мы могли полагать, что у нас под ногами твердая почва. Прежде всего это касается проблемы систематического расширения территории их набегов. Если верить надписи на камне из Спарлсы (она сделана около 800 г. и только частично расшифрована), возможно, некий король Альрик, сын короля Эйрика Упсальского, правил и Вестергтландом, из чего можно сделать вывод о доминировании Упланда во всей стране и о концентрации, дающей возможность больших начинаний. С этим как будто согласуется и свидетельство купца-мореплавателя Вульфстана (см. далее, с. 121[1]), записанное королем Альфредом Уэссекским в конце его перевода «Всеобщей истории» Орозия. И вот его начало:

> Вульфстан сказал, что он вышел из Хедебю (of Hæðum), что он был в Трусо через семь дней и ночей, что корабль весь путь шел под

[1] Я воспроизвожу этот текст, переводя его, по изданию: *Gutar och vikingar*: gårdarna, borgarna... Red.: Ingmar Jansson. Stockholm: Statens historiska museum, 1983. P. 417. См. также: *Lebecq, Stéphane*. Marchands et navigateurs Frisons du haut Moyen Âge. 1, Essai. Op. cit. [В русском переводе частично используется текст: Орозий короля Альфреда. / Пер. В. И. Матузовой // *Английские средневековые источники IX–XIII вв.* М.: Наука, 1979.]

парусом. Справа по борту были земли вендов, а слева — Лангеланн, Лолланн, Фальстер и Сконе; и все эти земли принадлежат Дании. И далее слева от нас был Борнхольм, и у него есть свой собственный король. Далее, за Борнхольмом, слева от нас были те земли, которые называются сначала Блекинге и Мре, потом Эланд и Готланд; и эти земли принадлежат свеям (to Sweon). И земли вендов были справа от нас на всем пути до устья Вислы (Wislemuda).

Мы также знаем, что с очень давних времен существовали торговые связи между Центральной Швецией и Готландом, с одной стороны, и Финляндией, балтийскими землями и Русью (в частности, городами Волином, Трусо, Вискяутеном), с другой.

Сделаем краткий обзор населения земель современной России до появления феномена «рус». Эстонию и территорию, окружающую Ладожское и Онежское озера, населяли финские племена, в «Первоначальной летописи» называемые «чудью». Другие финны жили в окрестностях Ростова — народность меря и Мурома — народность мурома. Территории на Юге делили меж собой Византийская империя и арабский Багдадский халифат. Севернее этих двух империй, то есть на Юге современной России, жило два народа — хазары и булгары, у каждого из которых был свой каганат. Хазары, народность азиатского происхождения, говорившая на тюркском языке, расселились от Кавказа до северного побережья Каспийского моря, а также в Крыму. Их столицей был Итиль в дельте Волги, недалеко от современной Астрахани. Булгары, тоже тюркского происхождения, в основном жили в Булгаре до своего великого переселения с Волги на юг. Добавим печенегов, воинственное племя также тюркского происхождения, которые свирепствовали в низовьях Днепра и проявляли постоянную враждебность к Византии, как впоследствии и к русам. Что касается славян, народностей крайне малоизвестных — они появились в Истории только к V в., и почти полное отсутствие информации о них делает любую гипотезу в их отношении чрезвычайно рискованной, — они, должно быть, первоначально занимали территорию, центром которой служит современный Киев, и состояли из большого количества очень нестабильных племен. С V по VIII вв. они постоянно кочевали до границ Франкской империи (столкновения вендов с Данией уже отмечались) и почти по всей площади Хазарского и Булгарского каганатов. В целом к 800 г. то, что мы теперь называем Россией, выглядело огромным конгломератом разнообразных этносов и политических систем, среди которых по-настоящему доминировала одна Византийская империя.

Эта гигантская область имела первостепенное торговое значение. Ее издавна пересекали или позже пересекут[1] Янтарный путь (от Вислы до Черного моря, он с начала нашей эры был готским маршрутом) и Шелковый путь (надо отметить, что одна из его ветвей проходила от северного побережья Каспийского моря через Бухару и Самарканд, с возможностью захода в Ташкент, то есть через места, о которых нам точно известно, что там бывали шведы!). Монголы, скифы, венгры и многие другие тоже часто посещали эти обширные территории, и поэтому с коммерческой точки зрения последние представляли первостепенный интерес — они зарекомендовали себя с давних пор. Здесь везли кожи, шерсть, пряности в Булгарский каганат; пряности, драгоценные камни, ткани, сталь в халифат; вино, шелк и корабельные снасти в Византию; соль, лен, хмель, кожи и рабов в Хазарский каганат[2]. Прочтем, что сообщает персидский путешественник IX в., Ибн Хордадбех[3]:

> Русы, принадлежащие к славянской расе[4], отправляются из самых дальних областей страны славян на берега Румийского [Средиземного] моря и продают там бобровые и лисьи шкурки, а также мечи. Император [басилевс] довольствуется тем, что берет десятину с их товаров. Русские негоцианты также спускаются по реке славян [Волге], пересекают рукав, проходящий через город хазар [то есть Итиль], где суверен этой страны взимает с них десятину; потом они выходят в Джурджанское [Каспийское] море и направляются к месту, которое заметят. [...] Иногда товары русов перевозятся на верблюдах из города Джурджан до Багдада[5].

---

[1] См. примечательный очерк Жана Дезанжа: Desanges, Jehan. La route de l'ambre baltique // *Mollat du Jourdin, Michel; Desanges, Jehan.* Les Routes millénaires. Op. cit. P. 45–55.

[2] Надо отметить, подтверждая то, что мы сказали, когда речь шла о корабле викингов, что это и были предметы роскоши, не очень громоздкие и перевозимые в малых количествах.

[3] *Mollat du Jourdin, Michel; Desanges, Jehan.* Les Routes millénaires. Op. cit. P. 244.

[4] Я воспроизвожу этот текст в переводе, содержащемся в книге Молла, которая указана в предыдущей сноске. Разумеется, интересно было бы знать, что в арабском оригинале понималось под славянской «расой». Мой друг Оливье Гуше, которого я благодарю, уверяет, что под этим следует понимать просто-напросто «люди», «племя», но никакой биологической коннотации используемый термин не имеет.

[5] В русском издании тот же отрывок выглядит так: «Если говорить о купцах ар-Рус, то это одна из разновидностей *(джинс)* славян. Они доставляют заячьи шкурки, шкурки черных лисиц и мечи из самых отдаленных [окраин страны] славян к Румийскому морю. Владетель *(сахиб)* ар-Рума взимает с них десятину *(ушр)*. Если они отправляются по Танису — реке славян, то проезжают мимо Хамлиджа, города хазар. Их владетель *(сахиб)* также взимает с них

Арабский географ Ал-Масуди веком позже уточнит:

> Из страны буртасов [в месте слияния Волги и Оки] вывозят шкурки чернобурой лисы, роскошь князей этих неарабских народов. Этот товар продается в областях Баб ал-абваб [Дербент] и Бердаа [в Армении] и в других краях, таких как Хорасан и Хорезм, где он обрабатывается. Он вывозится также в страны севера, страны славян, с которыми буртасы соседствуют. Оттуда его везут в страны франков, в мусульманскую Испанию и по всему Магрибу.

В последней цитате интересно то, что в ней упоминается Хорезм, мусульманское царство в Центральной Азии, название которого мы видим на шведской рунической надписи в Стура Рюттерн (Вестманланд) XI в., — возможно, она отсылает к экспедиции загадочного Ингвара, о которой у нас еще пойдет речь.

В общем, ни на миг не приходится сомневаться в реальности поездок шведов на юго-восток, а потом прямо на восток. Проблема, столь же сложная, сколь и спорная, связана с тем, как их называли: русами (rūs) или варягами (varègues). Поскольку действительно настоятельной она становится только для следующего периода, я оставлю за собой право рассмотреть ее в два приема, сделав здесь только вступление. Следует исходить из одного важнейшего документа, который я процитирую *in extenso* [без сокращений (*лат.*)] по причине его достоинств. За 839 г. «Бертинские анналы» сообщают, что басилевс Феофил направил к Людовику Немецкому посольство — оно прибыло 18 мая в Ингельхейм (близ Майнца). Речь шла о заключении мира и взаимных обещаниях вечной дружбы и любви.

> Вместе с [послами] он [басилевс] направил также несколько человек, говоривших, что они называются, то есть принадлежат к народу [qui se, id est gentem suam, vocari dicebant], рос (Rhos), каковых людей их король, носящий титул Каган (Chaganus), отправил к нему из дружбы, как они говорили, и [каган] просил в вышеупомянутом письме дозволения, с согласия басилевса, чтобы им дали охранное свидетельство для возвращения домой. Ибо пути, какими они прибыли к нему в Константинополь, шли по землям варварских и страшно диких племен, и он не желает, чтобы они возвращались теми же путями, подвергая тем самым себя большой опасности. Вникнув в причины их поездки, император понял, что они принадлежат к на-

---

десятину. Затем они отправляются по морю Джурджан и высаживаются на любом берегу. [...] Иногда они везут свои товары от Джурджана до Багдада на верблюдах». (*Ибн Хордадбех*. Книга путей и стран / пер. с арабск., исслед., указ. и карты Н. Великановой; АН АзССР, Ин-т востоковедения. Баку: Элм, 1986. С. 125.]

роду шведов [comperit eos gentis esse Sueonum] и что, должно быть, это скорей лазутчики в его и нашем государстве, чем посланцы мира и дружбы, и счел лучшим задержать их у себя до тех пор, пока не выяснится, на самом ли деле они прибыли с честными намерениями или нет. Он сообщил об этом Феофилу через посредство посланников, а также письмом, где писал, что из дружеского расположения к нему охотно взял на себя содержание этих людей и что, если они окажутся достойными его доверия и если предоставится случай безопасно вернуть их на родину, он спешно их отошлет, оказав поддержку. Если нет, они будут отосланы обратно, чтобы тот сам решил, как с ними поступить.

Этот текст важен, потому что представляется ясным: он принадлежит к той части «Анналов», о которой мы знаем, что она была написана епископом Пруденцием Труаским. Читатель, должно быть, также отметил, что если эти «рос» были шведского происхождения, непохоже, чтобы они прибыли непосредственно из Швеции!

Я пользуюсь этим случаем, чтобы представить фундаментальную проблему, все еще вызывающую жаркие споры, которую ставит этот сюжет. А именно: насколько глубоко в реальности скандинавы проникли на Русь? Основали они на русских реках города, из которых выросло Русское государство, или нет? Произошла или не произошла колонизация?

Уже не менее века две школы ведут научный спор, в отношении которого можно сожалеть, что его омрачают националистические, политические, идеологические или просто эмоциональные пристрастия. Это филолого-историческая школа, называемая «норманистской» (nordiste), и историко-социологическая школа, иначе говоря, марксистская (советская)[1].

Первая, основываясь на письменных источниках, на данных филологии и археологии, опирается прежде всего на «Несторову летопись» (или «Повесть временных лет»), написанную на древнерусском языке в Киеве в XII в., которая приводит явно северные имена (Рюрик, Игорь, Олег); потом — на два договора с Византией, за 912 и 945 гг., где некоторые из подписантов с русской стороны носили скандинавские имена, и на отрывок из трактата «Об управлении империей» (950) Константина Багрянородного, где басилевс описывает опасный спуск по днепровским порогам, который способны совершать росы; он упоминает семь из этих порогов, в том числе приводя для пяти и славянские, и «росские», и греческие названия. Вот каковы

[1] Библиография вопроса для обеих сторон дана у О. Прицака: *Pritsak, Omeljan.* The origin of Rus'. Vol. 1. Op. cit. P. 3–7.

«росские» названия: Эссупи (определенно от глагола supa, пить, или sofa, спать, то есть ei supi или ei sofi — «ни в коем случае не пить», или: не спать), Улворси (hólmfors, порог островка), Геландри (gjallandi, крикун), Варуфорос (bárufors, порог, где надо переносить корабль, глагол bera — bar — bárum, нести), Леанди (hlæjandi, смеющаяся), Струкун (от struk, strok, понятие движения) и прежде всего Аифор (ei-fors, непроходимый порог, не-порог). Я говорю «прежде всего», потому что рунический камень в Пильгорде (Готланд, около 1000 г.) был возведен четырьмя мужчинами в память их брата Рафна, который «добрался далеко на Аифор». Добавим, что епископ Кремонский Лиутпранд, описывая народы, живущие к северу от Византийской империи, в своем «Антаподосисе»[1] — он был послом в Константинополе в 968 г., — написал, что встречал русов, *russios quos alio nos nomine Nordmannos appellamus* [русов, которых мы называем другим именем — норманнами]. Пока я этим ограничусь, напомнив, что Русь по определению обладала огромной притягательностью благодаря мусульманским деньгам: действительно, как раз к середине IX в. сюда произошел наплыв дирхемов. Торговля мехами и рабами, в частности, между Константинополем и Киевом, была очень активной, их обменивали на товары, поступающие с Юга или Востока. Данные археологии показывают, что скандинавы жили на Руси (и умирали — это подтверждают раскопки, которые недавно производили на кладбищах): там обнаружили «каменные корабли», свойственные только скандинавам. Их найдено около десятка в Плакуне, близ Ладоги, причем в одной из могил похоронена женщина. Что касается рунических камней, свидетельствующих о шведском присутствии на Руси, они очень многочисленны. Особенно важна как свидетельство деревянная дощечка, датируемая IX в., на которой как будто нанесен скандинавский метрический текст, из Старой Ладоги (южнее озера, на Волхове), носившей скандинавское название Альдейгьюборг.

Историко-социологическая школа исходит из феномена зарождения и развития городов: последние якобы возникли благодаря расширению первоначальных крестьянских сообществ, где по мере развития возникло ремесло, что повлекло за собой прогрессирующее внедрение служб, распределяющих товары. В этих зачатках городов якобы возникло нечто вроде класса администраторов и в то же время воинов, которые обеспечивали защиту людей и имущества. В результате

[1] Antapodosis // *Die Werke Liudprands von Cremona* (Liudprandus episc. Cremonensis: Opera). 3. Aufl. hrsg. von Joseph Becker. Hannover & Leipzig: Hahn, 1915. I, 11 или V, 15.

якобы зародились маленькие «государства» с четкими границами, ядро каждого из которых составлял торговый, ремесленный и административный центр. Отсюда следует: если вмешательство северян все-таки произошло (так как мы увидим, что самый знаменитый отрывок из «Несторовой летописи», см. далее, с. 156, оспорить трудно), оно могло случиться лишь в позднейшее время, и они перехватили власть, первоначально принадлежавшую местным уроженцам.

Не развивая и не подвергая нападкам теории, отмеченные пещерным национализмом, которые несколько десятков лет назад имели большой успех[1], заметим только, что этой теории сильно не хватает доказательств, найденных в земле. Зато после археологических открытий, сделанных в окрестностях Ладоги, в Гнездово (близ Смоленска), в Киеве и в Новгороде, глубокое влияние северян почти не вызывает сомнений. К тому же этот диспут, который был очень жарким, сегодня закончен. Русские ученые нового поколения не сомневаются, что их государство основали варяги.

Я вернусь к этому сюжету дальше, потому что, по всей логике, он получил полное развитие только на второй и третьей стадиях викингского феномена, но хотел бы заключить этот краткий обзор одним соображением, сделанным с точки зрения здравого смысла, которое приводят очень редко. Мы видели, что шведы, датчане и норвежцы, несмотря на бесспорную специфику отдельных народов, составляли единое целое и что в их истории, как давней, так и новой, есть очень характерные аналогии[2]. Эпоха викингов, конечно, началась у всех трех в одно и то же время, по одним и тем же причинам, которые мы как раз изучаем, и в одной и той же форме. В самом деле, для этого феномена настолько характерна удивительная симметрия во всех сферах без исключения, что разделение истории на четыре периода, которое я предлагаю здесь, относится в равной мере к западной группе (Дания и Норвегия) и к восточной (Швеция). Варьируются только области, в которых происходили соответствующие события. А если так, то с какой стати предполагать, что шведы при столь же благоприятном стечении обстоятельств, какое досталось датчанам

[1] Их, в частности, отстаивал Борис А. Рыбаков, издававший в Москве с 1966 г. журнал «Археологические открытия».

[2] Например, они обратились в католичество, потом в лютеранство почти в одно и то же время, синхронно перешли в век Просвещения и к деспотизму, сообща провели у себя урбанизацию и индустриализацию, в одни годы стали социал-демократами и т. д. Разве не говорят там в шутку, что, когда датчанин чихает, какой-нибудь швед или норвежец всегда сморкается, поскольку три этих названия наций взаимозаменяемы!

и норвежцам, вели себя иначе? Грабители по случайности, потом со знанием дела, потом основатели государств — эти определения верны по отношению как к одним, так и к другим. Непонятно, почему то, что было нормой в одном месте, не должно было встречаться в другом. В скандинавской экспансии есть некая внутренняя логика, которая представляется мне очевидной и *ab ovo* разрушает теории школ.

В качестве заключения к очерку об этой первой стадии я ненадолго задержусь, чтобы высказать еще одно соображение. Оно относится к христианизации Севера, которая в дальней перспективе станет одним из решающих факторов, определивших гибель викингского движения. Мы уже видели, что около 700 г. нортумбриец Виллиброрд как миссионер попытался обратить датского короля Ангантюра. В 823 г. Людовик Благочестивый послал в Данию папского легата Эббона Реймского; результаты этой миссии по-прежнему плохо известны — может быть, она привела к крещению Харальда Клака в 826 г.? Во всяком случае, последний взял с собой в Данию в 826 г. Ансгара (святого Ансгария). А Бьрн, король Бирки, якобы отправлявший к Людовику Благочестивому послов с просьбой прислать миссионеров, в 829 г. пригласил Ансгара в Швецию. Миссия этого монаха из Корби, судя по тому, как ее описал его биограф Римберт, прошла с переменным успехом. Сказано, что в 850 г. он предпринял вторую. Добавим, что за старания Ансгар был рукоположен в архиепископы Гамбургские (и его архиепископство вскоре слилось с Бременским), получив власть над зарождающейся церковью всего Севера[1].

Эти факты невозможно переоценить. Из них следуют два вывода, кардинально важных для нас. Первый по направленности точно вписывается в наш сюжет: язычник в принципе не имел права торговать с христианином, не получив *primasignatio* [оглашение], то есть не совершив ритуал, конечно, очень простой, но предполагавший знание, пусть элементарное, духовных реалий западного мира. А ведь как саги, так и «Житие Ансгария» свидетельствуют, что викинги безропотно подчинялись этому требованию[2]. То есть они умели вступать с христианами в другие отношения, кроме войны! Еще интересней второй вывод. Какими бы ни были отношения скандинавов со своими партнерами (или жертвами), первые по мере

[1] Этот вопрос подробно, со всеми необходимыми оговорками, рассмотрен в книге: *Boyer, Régis.* Le Christ des Barbares: le monde nordique (IXe–XIIIe s.). Op. cit.

[2] См. некоторые ссылки в только что упомянутой книге: *Boyer, Régis.* Le Christ des Barbares: le monde nordique (IXe–XIIIe s.). Op. cit. P. 64–65.

знакомства, даже частичного, с христианством и христианами явно выказали восприимчивость к новым верованиям, обрядам и обычаям. В результате они мало-помалу подпали под влияние христианства, которое — современная наука обнаруживает вс больше признаков этого, даже в сферах, которые долгое время считались чисто туземными, как литература и искусство, — прочно окрасило, если во многих отношениях не сформировало, их цивилизацию. Помимо того, что все скандинавы, которые с XII в. писали о своих предках-викингах, были христианскими клириками, христианские мотивы занимают значительное место в рунических надписях, написанных в память о событиях, современных для создателей надписей. Не будем слишком спешить с выводом, что представление о викингах оказалось искаженным, но наши критерии оценки «мифа о викингах» важно пересмотреть.

Теперь мы имеем возможность подступить к пятой и, на мой взгляд, абсолютно определяющей причине возникновения викингского феномена, которую сейчас рассмотрим.

ГЛАВНАЯ ПРИЧИНА: ЖАЖДА ДЕНЕГ, ТОРГОВЛЯ

Повторим прежде всего, что серебро в течение всех Средних веков обладало высокой ценностью, большей, чем золото; что вс из того, что мы можем знать о скандинавах, и это утверждение осталось верным вплоть до наших дней, доказывает их сильное пристрастие к торговле, даже если иногда кажется, что ее больше любят датчане и шведы, чем норвежцы; что их положение было очень выгодным для занятия этим видом деятельности, так как у них на родине были шкуры и янтарь — товары высокой ценности, и что они очень скоро проявили интерес к торговле рабами, шелком и к другим очень прибыльным операциям.

Также без чрезмерного риска ошибиться можно сказать, что в ту эпоху для всех способов приобретения имущества была характерна полная неразборчивость в средствах — к ним принадлежали, конечно, торговля по всем правилам, заключение сделок или обмен, но также воровство и грабеж. Не стоит переносить на те времена современное понятие о коммерции — во всяком случае, индивидуальной! Купец, не обладавший средствами для защиты или охраны своего добра и для обеспечения материального успеха своих сделок, был обречен на немедленное разорение.

Обогащение за счет торговли

Повторим: наряду с руническими надписями, превозносящими вероятные воинские подвиги, очень многие из них выдвигают на первый план умение данного человека раздобыть богатства. Характерными можно считать надписи в Веде (Упланд): «Торстейн воздвиг [этот камень] [в память] Асмунда, своего сына, и купил это поместье и приобрел богатство в Гардах [на Руси]» или в Улунде (тоже Упланд) в память некоего Хорсы (прочтение ненадежно), который «смело путешествовал, приобрел богатства далеко в Греции для своего наследника», не говоря уже о тех, которые восхваляют доблесть викингов, один или несколько раз собравших на Западе «данегельд». А обратите внимание на чванливую надпись в честь знаменитого (ему посвящено несколько камней) Ярлабанки в деревне Тебю (Швеция, Упланд): «Ярлабанки велел возвести этот камень в честь самого себя, при жизни. Он совершенно один владел всем Тебю!»

Вот почему я поддерживаю теорию, которую в 1937 г. в книге «Мухаммед и Карл Великий» (Mahomet et Charlemagne) выдвинул бельгийский историк Анри Пиренн. Коротко: в течение тысячелетий между Западом и Востоком благодаря Средиземному морю существовали торговые связи, чем и объясняется блистательная цивилизация, которую создали народы, жившие по берегам этого моря. Но в эпоху Карла Великого мусульмане перерезали этот тысячелетний путь. Стуре Болин[1], а потом П. Сойер[2] отмечают, как и Пиренн, что после этого, поскольку по жизненно важным причинам эти связи не могли прерваться, связующая линия сместилась к северу, став маршрутом, который начинался в Византии, проходил в основном через Русь, выходил на Балтику и продолжался до Северного моря, а потом в Ла-Манш и Атлантику. Торговля не прекратилась, она ушла на другие широты, и связующими звеньями стали скандинавы, народы с балтийского побережья и фризы.

Эти представления кажутся мне разумными и соответствуют тому, что внушал я на предыдущих страницах.

Впрочем, на такой же вывод может натолкнуть сообщение, которое об одном из своих путешествий, приблизительно в 890 г., норвежец Оттар (в тексте — Охтхере) сделал Альфреду Уэссекскому,

[1] Bolin, Sture. Mohammed, Charlemagne and Rurik // *Scandinavian Economic History review*. I, 1 (1953). P. 5–39.

[2] *Sawyer, Peter Hayes*. The age of the Vikings. London: E. Arnold, 1962. [Русский перевод: *Сойер, Питер*. Эпоха викингов. / Пер. А. П. Саниной. СПб.: Евразия, 2006.]

тем самым подтвердив отчет, уже упоминавшийся, который тому же суверену передал другой мореплаватель, возможно, не норвежец, как первый, а англосакс — Вульфстан. Оба дали понять, что между Востоком и Западом существовали торговые связи и транзит проходил через скандинавский Север. Только если Вульфстан вышел из Трусо, чтобы пристать к берегу Дании, Оттар поднялся к северу вдоль норвежского побережья и закончил путь, углубившись далеко в Белое море. Обоим был хорошо знаком путь в Англию соответственно из Дании и Норвегии[1]. Поскольку оба документа для нас особенно ценны, я приведу тот и другой.

Ссылка на сообщение Вульфстана, по крайней мере на его первый абзац, уже давалась (выше, с. 111). Вот дальнейшее:

> Висла [Vistule] — очень большая река, и она разделяет Витланд [находящийся несомненно к востоку от Вислы] и землю вендов [славян]. Витланд принадлежит эстам. А Висла вытекает из земли вендов и впадает в Эстмере; а ширина Эстмере не менее пятнадцати ль. Далее на востоке в Эстмере впадает Эльбинг [Ilfing] из моря, на берегу которого стоит Трусо; и они вытекают вместе в Эстмере, Эльбинг с востока от Эстланда, а Висла с юга от земли вендов. И далее Висла лишает Эльбинг его названия и вытекает из Эстмере на северо-запад, доходя до моря; и поэтому называется это устье дельтой Вислы.
>
> Эстланд очень велик и там очень много городов, и в каждом городе есть король. И там очень много меда и мест для рыбной ловли. И король и самые богатые люди пьют кобылье молоко, а бедные и рабы пьют мед. И между ними царит большая вражда. И эсты совсем не варят пива, но у них достаточно меда.
>
> И есть у эстов обычай, что, когда человек умирает, он лежит в своем доме, несожженный, со своими родственниками и друзьями месяц, а иногда и два. А король и другие люди высшего сословия — еще дольше, в зависимости от того, насколько они богаты; иногда они остаются несожженными в течение полугода. И они лежат на земле в своих домах. И все то время, пока тело находится в доме, они должны пить и участвовать в состязаниях, до того дня, когда его сожгут. Затем в тот день, когда они понесут его на костер, они делят его имущество, которое осталось после возлиянии и состязаний, на пять или шесть, а иногда и больше частей, в зависимости от количества его имущества. Затем они кладут самую большую часть его на расстоянии одной мили от города, затем другую, затем третью, пока оно все не

[1] Lebecq, Stéphane. Othere et Wulfstan: deux marchands-navigateurs dans le Nord-Est européen à la fin du IXe siècle // *Horizons marins, itinéraires spirituels (V^e^–XVIIIe siècles)*. Vol. 2: Marins, navires et affaires. Études réunies par Henri Dubois, Jean-Claude Hocquet, André Vauchez. Paris: Publications de la Sorbonne, 1987. P. 167–181.

будет разложено в пределах одной мили; а последняя часть должна лежать ближе всего к городу, где находится покойник.

Затем на расстоянии примерно пяти или шести миль от имущества должны быть собраны все люди, которым принадлежат самые быстрые кони в этой земле. Затем все они устремляются к имуществу; тогда человеку, владеющему самым быстрым конем, достается самая первая и самая большая часть; и так одному за другим, пока не возьмут это все; и меньшую часть берет тот, кому достается имущество, лежащее ближе всего к городу. И тогда каждый едет своей дорогой с имуществом и может всем им владеть; и поэтому самые быстрые кони там невероятно дороги. И когда его имущество таким образом разделено, его выносят и сжигают с его оружием и одеждой. И чаще всего все его состояние они растрачивают за то долгое время, пока покойник лежит в доме, и тем, что они кладут на дороге, за чем устремляются чужаки и забирают.

И у эстов в обычае, чтобы люди каждого племени сжигались; и если кто-то найдет одну несожженную кость, они должны совершить большое приношение. И есть среди эстов племя, которое может создавать холод; и поэтому покойник лежит так долго и не разлагается, ибо они навлекают на него холод. И если поставить две бочки, полных пива или воды, они делают так, что и то и другое замерзает, будь то летом или зимой[1].

Я не мог удержаться и не процитировать этот отрывок *in extenso*, с его любопытным описанием нравов эстов. Рассказ Оттара намного ясней и длинней, но вы увидите, что он тоже заслуживает того, чтобы привести его целиком:

Охтхере сказал своему Господину, королю Альфреду, что он живет севернее всех норвежцев. Он сказал, что живет в стране, лежащей на севере, на западном [Норвежском] море. Он сказал, однако, что страна эта простирается очень далеко на север оттуда; но она вся необитаема, за исключением нескольких мест, где то тут, то там живут саамы (финны), охотясь зимой, а летом ловя рыбу в море.

Он сказал, что однажды захотелось ему узнать, как далеко на север лежит эта земля и живет ли кто-нибудь к северу от этого необитаемого пространства. Тогда он поехал прямо на север вдоль берега, и в течение трех дней на всем пути оставлял он эту необитаемую землю по правую сторону от корабля, а открытое море — по левую. И вот оказался он на севере так далеко, как заплывают только

[1] Орозий короля Альфреда. / Пер. В. И. Матузовой // *Английские средневековые источники IX–XIII вв.* М.: Наука, 1979. С. 27–28. [В тексте сделаны небольшие изменения, прежде всего в именах собственных, чтобы приблизить его к переводу, приведенному в книге Р. Буайе.]

охотники на китов. Тогда он поплыл дальше прямо на север, сколько мог проплыть под парусом за следующие три дня. А там то ли берег сворачивал на восток, то ли море врезалось в берег — он не знал; знал он только, что ждал там западного или северо-западного ветра и поплыл дальше на восток вдоль побережья столько, сколько смог проплыть за четыре дня.

Потом он должен был ждать прямого северного ветра, потому что то ли берег сворачивал прямо на юг, то ли море врезалось в берег — он не знал. И поплыл он оттуда прямо на юг вдоль берега столько, сколько он смог проплыть за пять дней. И там большая река вела внутрь земли. [Возможно, это была Северная Двина.] Тогда вошли они в эту реку, но не осмелились плыть по ней, боясь нападения со стороны местных жителей, ибо земля эта была заселена по одной стороне реки. До этого не встречал он никакой обитаемой земли, с тех пор как покинул родной дом. И на всем его пути была справа от корабля необитаемая земля, если не считать стоянок рыбаков, птицеловов и охотников, и все они были саамы; а слева от него было открытое море. <...>

А бьярмийцы[1] очень хорошо возделали свою землю; они же не решились на нее ступить. Зато земля терфиннов [саамов] была вся необитаема, если не считать останавливающихся там охотников или рыбаков, или птицеловов. Многое поведали ему бьярмийцы как о своей родной земле, так и о близлежащих землях; но он не знал, насколько правдивы эти рассказы, потому что сам этого не видел. Показалось ему, что и саамы, и бьярмийцы говорят почти на одном и том же языке.

Вскоре он поехал туда не только для того, чтобы увидеть эти края, но и за моржами, потому что у них на зубах очень хорошая кость — несколько таких зубов они привезли королю, — а кожа их очень хороша для канатов. Этот вид кита значительно меньше других китов; он не длиннее семи локтей. У него же на родине лучшая охота на китов: там они бывают сорока восьми локтей длиной, а самые большие — пятидесяти локтей. Там, сказал он, он убил шестьдесят китов за два дня шестью гарпунами.

Он [Оттар] был очень богат тем, в чем состоит для них богатство, то есть дикими животными. Кроме того, как он ответил королю, ему принадлежало шестьсот прирученных оленей, которых он вырастил сам. Этих оленей они называют «северными оленями»; среди них были шесть, использовавшиеся как приманка — они очень ценятся

[1] Boyer, Régis. Le Bjarmaland d'après les sources scandinaves anciennes // *Peuples et pays mythiques*: actes du Ve colloque, Chantilly 18–20 septembre 1986. Du Centre de recherches mythologiques de l'Université de Paris X; réunis par François Jouan et Bernard Deforge. Paris: Les Belles Lettres, 1988. P. 225–236.

у саамов, так как с их помощью те заманивают диких оленей. Он [Оттар] был в числе самых влиятельных людей этой страны, хотя у него было всего двадцать голов крупного скота, двадцать овец и двадцать свиней. А то немногое, что он пахал, он пахал на лошадях. Но доход его состоит в основном из податей, которые платят ему саамы. Эта подать состоит из оленьих шкур, и из птичьих перьев, и из китовой кости, и из канатов, сделанных из китовой и из тюленьей кожи. Каждый платит согласно его средствам. Самые богатые должны платить пятнадцатью шкурками куниц и пятью северными оленями, и одной медвежьей шкурой, и сорока буасо перьев, и туникой из медвежьей шкуры или шкуры выдры, и двумя канатами, каждый по шестьдесят локтей длиной, один, сделанный из китовой кожи, другой — из моржовой.

Он сказал, что земля норвежцев [Nordmanna land] очень длинная и очень узкая. И вся земля, пригодная для пастбищ или для пахоты, лежит близ моря; однако в некоторых местах она очень каменистая. И лежат дикие горы на востоке и по всему пространству этой необитаемой земли. На горах этих живут саамы. Заселенная на востоке земля эта шире всего, а чем ближе к северу, тем уже. На востоке она, должно быть, шестидесяти ль шириной или несколько шире; и посередине тридцати ль или шире; а к северу, сказал он, она уже всего, должно быть, не шире трех ль. И кроме того, в некоторых местах горы так широки, что их можно пересечь за две недели, а в некоторых местах — за шесть дней.

А за этой землей к югу, с другой стороны гор лежит Швеция [Sweolaland], простирается эта земля на север; а с другой стороны на севере — земля квенов [Cwena land = Финляндия?]. И иногда квены [финны?] ходят в грабительские походы к норвежцам, пересекая эти горы, а иногда норвежцы нападают на них. И за теми горами очень большие озера со свежей водой. И квены перетаскивают свои лодки по земле до этих озер, а оттуда идут в грабительские походы на норвежцев; лодки их очень маленькие и очень легкие[1].

Охтхере сказал, что провинция, где он жил, называлась Хальголанд [Холугаланд]. Никто, сказал он, не жил севернее него. Потом, на юге страны [Норвегии], есть порт, который называют Скирингссаль [Каупанг, в Осло-фьорде]. Он сказал, что достичь этого места можно за месяц каботажного плавания, идя вдоль побережья, если только ночью останавливаться на стоянку, а каждый день будет попутный ветер.

[Морской путь] в Ирландию, по его словам, поначалу идет направо. Потом [путь на Оркнейские острова], расположенные на полпути для тех, кто направляется в Ирландию или в эту страну [Англию].

[1] До этого места также дан перевод из издания: *Орозий короля Альфреда*. Цит. соч. С. 25–26, с некоторыми изменениями.

> И наконец прямая дорога в эту страну [Англию] в последней части плавания в Скирингссаль <...> все время вдоль самого норвежского берега по левому борту. На юге от Скирингссаля в землю врезается очень обширное море; оно столь широкое, что никто не может увидеть другого берега. А по другому борту Готланд [Ютландия] , а потом Силленде [восточный берег Южной Ютландии]. Это море врезается на север в землю на несколько сот ль.
>
> А из Скирингссаля, сказал он, он дошел до порта, известного под названием æt Hæþum [Хедебю], за пять дней. Тот находится среди мест, где живут венды [Winedas], и саксы, и англы, и принадлежит данам. Когда он вышел из Скирингссаля, направляясь туда, Дания была у него по левому и по правому борту, три же дня открытое море; и далее, за два дня до подхода к Хедебю, по правому борту от него были Ютландия, и Силленде, и много [датских] островов.
>
> В этих землях англы жили прежде, чем пришли в эту страну [Англию]. И оба этих дня по левому борту у него были острова, принадлежащие Дании.

Доказательств, что движение на Севере было таким активным, чрезвычайно много — монеты и предметы, которые нашли в кладах, зарытых в земле, и даже рожь, неизвестная в Дании и, видимо, ввезенная туда с Руси. Рост интенсивности этих перевозок точно совпадает с ростом активности викингов, и она снизилась, лишь когда разомкнулись мусульманские тиски в Средиземноморье. Достаточно обратить внимание на города-фактории, которые создали или развитию которых способствовали скандинавы, торговавшие с халифатом: они выходили оттуда, чтобы пройти по северным водам, а потом направиться на юго-юго-восток. Эти фактории располагались в стратегических точках больших торговых путей той эпохи. А ведь Хедебю в Дании, Бирка в Швеции, Скирингссаль-Каупанг (последнее слово означает собственно «фактория», от глагола kaupa, торговать) в Норвегии были основаны как раз тогда, когда начиналась торговля с Востоком.

К тому же можно показать и другим способом, что скандинавы чрезвычайно высоко ставили торговлю, считая ее одним из главных видов своей деятельности: слово farmaðr (путешественник по морю, моряк, бродячий купец) отнюдь не было бранным, а его частичный синоним kaupmaðr (негоциант, купец) в исландских сагах даже означал просто-напросто «норвежец»[1]. Конечно, не надо впадать в другую

[1] См., например, для слова farmaðr, в частности, «Сагу о Ньяле», гл. 61, или «Сагу об Эгиле, сыне Грима Лысого», гл. 154, а для слова kaupmaðr — «Сагу о Ньяле», гл. 124, или «Сагу о людях с Песчаного Берега», гл. 140.

крайность и видеть в викинге антипод образа, созданного нашим мифом о викингах, — образа непобедимого героя-воина. Напомним слова Адама Бременского: «Ipsi vero pyratae, quos illi Wichingos appellant, nostri Ascomannos» [сами же пираты, которых там называют викингами, а у нас аскоманнами (*лат.*)]. Но лучше присмотримся, как Снорри Стурлусон в главе XLVI «Саги об Олаве сыне Трюггви» (в «Круге Земном») изобразил некоего Торира Клакку, который «var löngum í víking, en stundum í kaupferðum, ok var víða kunnigt fyrir» — «долго был викингом, но ездил также и в торговые поездки и вообще был человеком бывалым»[1]. Ярл Хакон Сигурдарсон Могучий из Хладира «послал этого человека на запад за море [то есть в Британию — такая формулировка обычно значила именно это], велел ему поехать в торговую поездку в Дюплинн [Дублин], как многие тогда ездили»[2]. У меня сложилось впечатление, что в эпоху, когда предположительно происходили эти события, то есть в конце X в., таких людей, к которым можно было отнести определение Снорри: í víking, í kaupferðum, в зависимости от обстоятельств, — было очень много. Из эволюции, на которую явственно указывают обе приведенных выше цитаты, причем столь разного происхождения, как будто вырисовывается такая последовательность: торговля — торговля вместе с пиратством — пиратство вместе с торговлей или без нее. Но обязательно торговля.

В конце концов, надо ли возвращаться к утверждениям, которые здесь уже были сделаны? Повторять, что на Севере вс делало торговые заботы первоочередными — географический субстрат, вездесущность воды, изрезанность берегов, бесчисленные острова, трудный доступ вглубь материка из-за непроходимых лесов, изоляция поселений и значительные расстояния между ними, невообразимая экономическая автаркия даже в самых благоприятных регионах и т. д.? Волей-неволей еще здесь же, на Севере, приходилось всю жизнь поддерживать обменные отношения, а связываться друг с другом можно было только водным путем. Среди массы археологических находок наблюдателя поражает количество предметов, связанных непосредственно и исключительно с торговлей, особенно по сравнению с тем, что наблюдается в других местах, у народов, преследовавших тогда же аналогичные цели, например, у сарацин, — обилие гирь и мерок, весов, монет всяческого происхождения, рубленого серебра, товаров на продажу и т. д. Вот из чего состоят эти находки — таких изделий среди них гораздо больше, чем оружия или воинского снаряжения.

[1] *Снорри Стурлусон.* Круг Земной. Цит. соч. С. 127.
[2] *Там же.* С. 127–128.

Не будем забывать, что корабль викингов был прежде всего инструментом, в совершенстве приспособленным для перевозки ценных товаров в малых количествах и для торговли типа «дверь в дверь», каботажной. Зато на нем бесполезно было бы искать устройства, отражавшие воинственные намерения как таковые (тараны, катапульты, абордажные крючья и т. д.). Мы еще поговорим о маршрутах; мы отметили, что они почти всегда проходили через торговые центры. Это не всегда были стратегические пути. Ко всему этому я еще вернусь. Я только хотел бы поразмышлять здесь еще о понятии «фелаг» (félag), уже упоминавшемся.

Оно остается очень важным в таких исландских кодексах законов, как «Грагас» или «Йоунсбок», но они появились гораздо позже, когда феномена викингов уже не существовало. Речь идет об объединении (глагол leggja [класть], откуда отглагольное существительное lag) имущества (fé, филологический и семантический эквивалент греческого pokos, латинского pecus [скот]) двух или нескольких человек, причем участники, или фелаги (félagi), должны были защищать интересы другого или других в случае смерти, или отъезда в чужие земли, или изгнания. Они действовали вместо него или от его имени в случае убийства. Этот термин невозможно понять, не связав с постоянными поездками и активной торговлей. Саги также дают понять, что фелаг считался очень характерным для викингов. Будучи шире обычного современного понятия «меркантилизм», он включал в себя также идею продвижения молодежи, поскольку фелаги поначалу был молодым человеком, которому предстояло испытать себя в чужих землях, и фелаг вовсе даже не исключал представления об отваге. Случалось даже, что слова «фелаги» и «дренг» использовались как синонимы, например, в сложном слове fardrengr (fardrengr góðr) — дренг (этот термин рассмотрен выше), который находится в поездке. Добавим, что, возможно, поначалу фелаг означал переход на более высокое положение в обществе. Он не был уделом лишь высокородных людей: так, один исландец, который «не был знатен», в конечном счете стал другом короля Олафа — в большой мере потому, что «много путешествовал», а это следует понимать: был богатым купцом («Сага об Олаве Святом», глава LXXXV). Бывало даже, что король заключал фелаг с простым бондом — так поступили сам Олаф Харальдссон (святой Олаф) и исландец Халль Тораринссон из Соколиной Долины[1].

[1] Пролог к изданию: *Sturluson, Snorre.* Heimskringla. Reykjavík: Íslenzk fornritafélag, 1943. P. 6–7. [*Снорри Стурлусон.* Круг Земной. Цит. соч. С. 10.]

Что за торговля?

Итак, мы будем говорить о торговле, поскольку она была главным или, во всяком случае, привилегированным видом деятельности скандинавов, которых мы называем викингами или варягами.

Нелишне будет сказать несколько слов о внутренней торговле. Она вполне процветала, и о ее наличии свидетельствуют очень многочисленные топонимы, заканчивающиеся на -каупанг (торговый город, торговое место — это название, как мы знаем, существовало в Норвегии само по себе, оно также входит в состав многих слов, обычных еще и в наши дни), на -чпинг (Йнчпинг в Швеции), на -кбинг (Нюкбинг в Дании) или на -торг (смысл: рынок, ярмарка, потом — крепость), не говоря уже о многочисленных «мостах» (бру), возведение которых многие рунические надписи с восхищением приписывают тем, в чью память эти надписи выбиты; на самом деле это были наведенные по болоту пешеходные или проезжие дороги, проложенные, чтобы облегчить связь между двумя точками. Внутренний рынок существовал прежде всего за счет норвежского стеатита (продававшегося в две других страны), железа (в Норвегии и Швеции, продававшегося в Данию), зерна (датского). Вероятно, эта экономика была обменной, хотя нельзя сказать, что монеты были еще неизвестны. Вс свидетельствует о том, что особая активность наблюдалась вдоль побережий и на водных путях — по которым из шведского Упланда можно было добраться до норвежского Вика (в области Осло). Важной транзитной зоной был Бохуслен, причем несомненно с давних времен, чем, возможно, объясняется обилие в нем культурных памятников, таких как петроглифы бронзового века. Эти несколько замечаний на основе очевидных фактов просто указывают, что подобный род деятельности уже существовал и на местном уровне.

Можно даже не говорить, что более непосредственно нас интересует внешняя торговля. Я уже отметил, присоединяясь к Пиренну и его позднейшим последователям, что с момента, когда линия, связывающая Восток и Запад, сместилась с 40-й параллели на 55-ю, Север стал одновременно транзитной территорией и местом встречи экономических и культурных потоков.

Мы можем вычертить большие дороги, по которым из Скандинавии шли викинги. Обычно их выделяют две — западный и восточный пути. Я добавлю еще две, которые по причинам, непостижимым для меня, редко привлекают внимание комментаторов.

Прежде всего дорога собственно через Балтику, где очень оживленный товарооборот существовал с давних пор, — например, между

Швецией и Финляндией либо Швецией (Готландом) и балтийским побережьем, как мы видели. Охтхере-Оттар во втором своем путешествии, подтвержденном рассказом Вульфстана, шел из Скирингссаля-Каупанга (Норвегия) в Хедебю (Дания) с заходом в Трусо (недалеко от современного Гданьска). Ансгар, согласно Римберту, около 850 г. направился из Хедебю в Бирку морем. И не приходится сомневаться, что в этой торговле важную роль играли большие острова, усеявшие Балтику, — Готланд, а также Эланд, Аланды, Борнхольм: Ганза не ошибется, сделав Висбю (на Готланде) одним из своих главных портов приписки.

Далее, существовал Северный путь (norðrvegr), по которому как раз и шел Охтхере. Он начинался в Холугаланде, то есть на севере Норвегии, огибал мыс Нордкап, выходил в Белое море и мог спуститься дальше на юг к Онежскому и Ладожскому озерам. Безусловно, этот путь был древним: он шел вдоль земель саамов, с которыми скандинавы вели выгодную торговлю шкурами и мехами. Великие короли, как Олаф Святой, взимали дань этой «монетой», как свидетельствует «Сага об Олаве Святом». Не в других местах, а только на этом пути надо искать таинственную Бьярмию (страну пермяков), о которой слышал Саксон Грамматик и которая была сюжетом многих легендарных повествований. Доказательством того, что между Северной Норвегией и Мурманской и Архангельской областями были установлены постоянные связи торгового характера, служит диалект под названием руссенорск, на котором еще в нашем веке говорят жители побережий этих двух областей[1]. И поскольку здесь торговали теми же товарами, которые перевозили, обменивали или продавали викинги, не приходится сомневаться, что norðrvegr имел большое значение.

Vestrvegr, или Западный путь, известен намного лучше. С многочисленными вариациями, которые здесь подробно рассматриваться не будут, под этим термином фактически понимаются три основных маршрута, объединяет которые только то, что они шли в Западную Европу. Первый начинался в устье Рейна (где стоял Дорестад, крупнейший торговый центр этого региона, намного более важный, чем

[1] Очерк в издании: Broch, Ingvild and Jahr, Ernst Håkon. Russenorsk: a new look at the Russo-Norwegian Pidgin in northern Norway // *Scandinavian language contacts*. Edited by P. Sture Ureland and Iain Clarkson. Cambridge; New York; Sydney: Cambridge University press, 1984. P. 21–65. — Руссенорск — не диалект, а пиджин, искусственный язык, на котором общались русские и норвежские купцы и моряки между собой. Появился в XVIII в. и к викингам отношения не имеет (*прим. перев.*).

остальные) и вел в Северную Италию через сеть рек и речушек бассейнов Рейна и Роны. Второй был в основном морским: он шел вдоль побережья Нидерландов, Франции и Испании, давая возможность углубиться внутрь материка по главным рекам (Сене, Луаре, Гаронне), и мог при случае продолжиться через Гибралтарский пролив (Ньорвасунд), позволяя достичь Средиземноморья, Италии и даже Византии. Третий шел прямо на запад в направлении Великобритании, североатлантических островов (Оркнейских, Шетландских, Гебридских, с заходом на кельтские территории, остров Мэн, Шотландию и Ирландию), потом, с 870 г., в Исландию, а оттуда в Гренландию и даже в Северную Америку. Об этих маршрутах больше всего свидетельств, и они лучше всех нам известны, что не значит, что они были самыми исхоженными.

Ведь движение по Восточному пути, austrvegr, определенно было не менее интенсивным, но свидетелей этому меньше — прежде всего это арабы и византийцы. Масса документов, посвященных ему, куда менее значительна, чем та, которую образуют наши анналы, западноевропейские хроники или саги, очень редко повествующие о шведах, к которым, что любопытно, авторы саг питали, если использовать эвфемизм, смешанные чувства. Здесь маршруты чаще всего через определенное время сходились или пересекались, и определить их главные оси крайне трудно.

Тем не менее предложим три направления. Первый маршрут начинался в Бирке (Швеция, к югу от современного Стокгольма) и шел на север по Балтике до Ладоги, города Старая Ладога (по-староскандинавски Альдейгьюборг), или до озера Белое (к югу от Онежского озера), где находился город Белоозеро, — этих мест можно было достичь также по Белому морю по дороге, представлявшей собой вероятное ответвление norðrvegr'a, — потом проходил через Новгород (по-староскандинавски Хольмгард), спускался на юг к Гнездову по Западной Двине, а далее по Волге через Булгар достигал Каспийского моря в Итиле. Там скандинавы вступали в прямой контакт со всем арабским миром. Они могли воспользоваться тысячелетними караванными путями. В таком случае маршрут вел в Бухару, Самарканд или Ташкент. Если нет, он пересекал Каспийское море и доходил до Горгана, откуда другие караванные тропы вели опять-таки на север к Бухаре и т. д. или прямо на юг к Багдаду. Все эти места более или менее открыто упоминаются в источниках, говорящих о русах-варягах. Второй обобщенный маршрут выходил из устья Вислы (из Волина, он же, должно быть, Йомсборг или Юмне).

Он вел к Черному морю по сети центральноевропейских рек. К Черному морю он выходил в Березани, на косе Крымского перешейка[1]; достаточно было пересечь море, чтобы пристать в Византии. Туда же можно было добраться, спустившись не по Днестру, а по Одеру и далее по Нейсе. Третий вариант, частично совпадающий, как только что говорилось, с двумя другими, около 950 г. описал Константин Багрянородный в трактате «Об управлении империей»: он подробно расписал маршрут из Гробини (близ современной Риги), идущий по Западной Двине до Гнездова, оттуда прямо на юг по Днепру в Киев (по-староскандинавски Кнугард) и Березань. Рассказ Константина настолько интересен, при этом, похоже, настолько хорошо документирован и в разных отношениях настолько существенно подкрепляет утверждения, сделанные в данной книге, что я приведу из него довольно обширный отрывок[2]:

> Зимой жизнь русов сурова. В начале ноября вожди всех русов совместно покидают Кнугард и едут в свои малые круглые укрепления [NB: можно также читать: отправляются в полюдья — что означает «объезд» — текст неясен] в область... к славянским племенам, которые обязаны им данью. Там они проводят зиму, но в апреле, когда растает лед на Днепре, возвращаются в Киев.
>
> [Чтобы ходить по рекам, они заменяют свои корабли местными лодками.]
>
> В Киеве они уничтожают свои старые изношенные лодки и покупают новые у славян, которые изготавливают таковые зимой, рубя деревья в лесах. Они забирают черпаки, скамьи и оснастку со старых лодок и помещают на новые. В июне они выходят в поход в Грецию [Византию]. В течение нескольких дней флот купцов собирается в Витичеве, крепости русов под самым Киевом ниже по течению. Когда флот оказывается в полном составе, они все отходят вниз по течению, чтобы вместе противостоять трудностям дороги.
>
> [Главные из этих трудностей — ряд страшных водопадов и порогов на Днепре, близ нынешнего Днепропетровска. Константин описал их семь. Первый не слишком опасен:]
>
> Посреди [реки] есть высокие обрывистые скалы, напоминающие острова; когда их достигает вода и обрушивается на них, она, откатываясь, производит оглушительный и ужасающий шум. Поэтому русы не решаются идти меж этих скал. Они ставят суда на якорь вдоль берега и высаживают людей на сушу, оставляя груз на борту. Потом

[1] Березань — остров при входе в Днепровский лиман (*прим. перев.*).

[2] Этот трактат существует в русском издании: *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. / Пер. под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. М.: Наука, 1991, но его текст настолько далек от пересказа Р. Буайе, что я не счел возможным его использовать (*прим. перев.*).

они совсем голыми входят в воду, щупая дно ногой, чтобы не споткнуться о камни; при этом они толкают лодку вперед, отталкиваясь шестами, одни впереди, другие посреди судна, остальные с кормы. Со всеми предосторожностями они продвигаются в воде через эти первые пороги, у самого берега; едва пройдя эти пороги, они возвращают на борт остальной экипаж и продолжают путь.

[Но бывает и труднее:]

У четвертых больших порогов <...> все они приближаются к берегу со своими судами, и высаживаются люди, задача которых — нести стражу. Эти караульные необходимы из-за печенегов, которые всегда здесь рыщут и подстерегают. Другие выгружают из лодок товары и ведут рабов, скованных, по суше шесть миль, пока не минуют пороги. После этого они переправляют лодки за пороги, иногда волоком, иногда перенося на плечах, после чего снова опускают в воду, заново нагружают и продолжают путь.

Надо признать, что этот «репортаж» тем более ценен потому, что как будто хорошо подтвержден документами. Надо также отметить, что три больших зоны проникновения во внешний мир, о которых только что шла речь, могли по-разному пересекаться меж собой. Читатель правильно поступит, если попытается проследить все эти маршруты на подробной карте. Он очень скоро заметит, что викинги, или варяги, как на Востоке, так и на Западе, скажем так, «разделили на зоны» буквально весь известный им мир.

Что касается товара, которым они торговали, так он уже мимоходом упоминался несколько раз. Сделаем беглый обзор, снова повторив, что торговля была их первой заботой; обратите внимание на Питрский капитулярий 864 г., запрещавший продавать скандинавам оружие. В 873 г., согласно «Бертинским анналам», Карлу Лысому удалось в Анжере принудить викингов к повиновению: они прислали к нему вождей, которые «принесли все клятвы, каких он домогался, и выдали всех заложников, каких он требовал, пообещав, что в назначенный день уйдут из Анжера и, пока живы, не возьмут и никого не побудят взять никакой добычи. Но они попросили, чтобы он им позволил жить на острове на Луаре [несомненно Нуармутье] до февраля и заниматься там торговлей [*et mercatum habere liceret*]». За тот же 873 г. «Фульдские анналы» сообщают о соглашении между датскими королями Сигфредом и Хальвданом и саксонцами, «чтобы купцы, когда ездят по обоим государствам с товарами, могли их покупать или продавать в мире [*ut negotiatores utriusque regni invicem transeuntes et mercimonia deferentes emerent et venderent pacifice*]».

Кратко перечислим то, что они перевозили, покупали и продавали. Читатель будет удивлен, узнав, что это были прежде всего рабы, то есть мужчины, женщины и дети, которых они захватывали в плен по пути или сами ездили покупать в места, специально предназначенные для такой торговли. Этот «товар» повсюду высоко ценился. Установлено, что Хедебю специализировался на нем — до такой степени, что стал одним из главных рынков рабов в Западной Европе. Главными покупателями были арабы, и их показания совпадают. Ибн Хордадбех около 844 г. отмечал: русы продают «евнухов, рабынь, рабов, бобровые и куньи шкурки и другие меха». Ибн Хаукаль, более века спустя: они захватывают славянских рабов, которых перепродают в Испании и Египте (об этих «рабах» см. далее, со с. 234).

Далее идут, как нам известно, ценные товары, перевозимые в малых количествах, — всевозможные меха, о которых только что можно было прочесть и за которыми, как мы видели, они ездили. Через очень долгое время Олаус Магнус Шведский в великолепных гравюрах на дереве в своей «Истории северных народов» (1540–1555) изобразит охотников на куниц, соболей и серых белок. Потом — канаты, которые эти моряки умели искусно плести; строевой лес редких пород; моржовая кость; водмол, сушеная рыба, мед. Домой они возвращались с грузом шелка — одного из самых ходовых товаров на всем Западе, соли, пряностей (путь пряностей и благовоний вел в Византию, как и одно из ответвлений шелкового пути, обычно шедшего через Итиль на северном берегу Каспийского моря), вина, оружия, украшений и стеклянных изделий, керамики. В Бирке нашли даже шахматные пешки, возможно, египетского происхождения, а в Хельг — бронзовую статуэтку V в. индийской работы, изображающую Будду. Это не значит, что викинги добирались до тех мест: такая находка сама по себе свидетельствует о существовании обменной экономики. Зато одно из креплений дужки бадьи, найденной на Усебергском корабле, — типично ирландская перегородчатая эмаль. Можно сказать, что в скандинавских захоронениях или кладах эпохи викингов, которые раскопали археологи, оставил следы весь известный в то время мир.

Наше маленькое расследование следует дополнить очень беглым обзором монет. Это сюжет огромный[1] и будет изложен только в виде

[1] Оценить его масштаб можно, обратившись к статье «Myntbilder» в KLNM, а также к целому ряду статей, связанных с этим вопросом, в т. 12 этого издания. Самыми авторитетным специалистами здесь являются Б. Мальмер и М. Долли, авторы многочисленных очерков или книг.

наброска. Но сколь бы приблизительными ни были выводы, сделанные к настоящему времени, мы увидим, что они весьма поучительны.

Я уже говорил, что обычным средством обмена в чужих землях, если исключать меновую торговлю, было серебро, ценившееся выше золота, впрочем, редкого. Как платежное средство оно использовалось в разных формах — монет, хаксильфа (hacksilfr, рубленого серебра) или браслетов, которые мы поочередно и рассмотрим.

Монету в Скандинавии чеканили с начала IX в., но больших масштабов эта практика достигла только приблизительно после 975 г. В Хедебю первые монеты были выпущены в обращение около 800 года. В них не было ничего оригинального, по содержанию металлов и весу они копировали каролингские образцы. Впоследствии по всей Скандинавии появились монеты, стандарты изготовления которых поражают многообразием: видимо, на Севере подражали тому, что поступало извне, и это разнообразие даже позволяет определить виды и географическое распространение известных в ту эпоху финансовых операций. Впрочем, скандинавы чеканили монеты не только дома, но, например, в Ирландии или в Денло. Кроме того, они без разбора пользовались европейскими или арабскими монетами. У читателя саг создается впечатление, что при этом монеты ценились не столько сами по себе, сколько по весу, по крайней мере там, где происходило действие, на Севере. Тем не менее любитель может получить полезные сведения, бросив взгляд на приведенную ниже таблицу, где воспроизводятся данные П. Г. Фута и Д. М. Уилсона[1]. В ней указано количество монет, найденных археологами в Скандинавии за несколько десятков лет:

Норвегия	400	2600	2500
Швеция	52 000	30 000	58 500
Дания	3500	5300	9000

С учетом того (важного) факта, что новая история Дании была намного более бурной, чем у Норвегии и тем более у Швеции и что, следовательно, категоричных выводов из подобного обзора делать нельзя, общая картина все-таки вырисовывается отчетливо. Швеция, которая всегда была самой населенной из трех стран, демонстрирует абсолютное превосходство — выходцы из нее были самыми крупны-

[1] *Foote, Peter G.; Wilson, David Mackenzie.* The Viking achievement. Op. cit. P. 198.

ми коммерсантами на Севере, далеко опередив остальных. С другой стороны, эта таблица наглядно показывает предпочтения каждой из трех стран в торговле: Швецию намного больше, чем других, интересовал арабский мир, Норвегию скорее привлекали англосаксы, а Данию каролингская Европа — эти утверждения подтверждаются и историческими данными. Если такой же статистический анализ произвести по времени, оказывается, что огромное большинство находок, относящихся к периоду до конца X в., составляли арабские, в меньшей степени византийские монеты, тогда как после тысячного года преобладают континентальные германские или англосаксонские монеты. Значит, в конце первого тысячелетия произошла резкая смена зоны активности скандинавов. На этот вывод нас наталкивает и изучение истории.

Эти данные позволяют получить лишь общие представления, поскольку практика рубки серебра (хаксильф) для оплаты им по весу, похоже, была распространена как минимум не меньше, чем использование монет. Так что если было найдено нечто вроде кошелей или даже предметы, которые следовало бы назвать бумажниками с отделениями, причем каждое было приспособлено к разным размерам ходовых монет той эпохи, то обнаружено и некоторое количество весов (с двумя чашками), причем конструкция некоторых, которые могли складываться и помещаться внутри «чашек» (собственно, полусфер), на удивление хитроумна. Впрочем, чтобы успокоить некоторых чувствительных людей, которых могла бы покоробить варварская практика разрубания красивых вещей на куски с тем, чтобы использовать их просто как весовой металл, уточним, что существовала и другая практика, надежно засвидетельствованная, — переплавки серебра и отливки из него браслетов (или колец) стандартного, единого веса, которые настолько успешно служили разменной монетой, что им придали официальный характер, включив в кодексы законов (так, компенсации, которые ответчик платил истцу, приведены в тексте под названием «Baugatal», то есть «Подсчет колец» [серебряных, которые раздавали всем, кто по закону имел право их получить]). Тем не менее существовала система мер и весов, которую трудно описать точно, поскольку она варьировалась в зависимости от времени и места. Если исходить из пеннинга (penningr) как стандартной серебряной монеты, то за 240 пеннингов получали 24 эртуга (ørtug, мн. ørtugar), 8 эйриров (eyrir, мн. aurar) или одну марку (mörk). Дальше я заходить не решаюсь; марка в эпоху викингов должна была весить порядка 200 г — эта цифра приводится здесь единственно для

того, чтобы показать порядок величин. Добавим, что в Норвегии, а потом в Исландии ходячая монета была не металлической — ей служила грубая шерстяная ткань, которая ткалась на знаменитом вертикальном станке, называлась водмол (vaðmál) и мерилась на локти. Похоже, водмол был самой ходячей разменной монетой и в самих скандинавских странах — номинальную стоимость серебряной монеты викинги признавали только в стране происхождения этой монеты. Но, и к этому я вернусь, нельзя пренебрегать существованием меновой торговли, и мы не знаем, по каким критериям столько-то собольих шкурок (например) считались равноценными стольким-то туазам (faðm) шелка.

Последняя деталь: много проблем создает наличие в скандинавской земле кладов, которые время от времени еще выкапывают археологи. Те, кто копил эти сокровища, и те, кто их зарывал, — были ли это одни и те же люди? И, каков бы ни был ответ, надо ли видеть в этом предусмотрительность? или скупость — кстати, порок, очень характерный для скандинавов тех времен?[1] или же защитный рефлекс в очень неспокойные времена? Последняя гипотеза могла бы подойти для Дании, но к Норвегии и Швеции ее применить трудней! Брита Мальмер и Улла Линдер[2] констатировали любопытный факт. Количество сокровищ, зарытых в земле, значительно сократилось в период с 875 по 900 гг., на который как раз приходятся сильный натиск викингов на Запад и проникновение русов в Новгород и Киев, о чем мы скоро поговорим («Вторая стадия», со с. 142). Следует ли это понимать так, что скандинавы открыто брались за оружие, когда чисто мирная торговля встречала затруднения?

СМЫСЛ СЛОВА VÍKINGR

Ко всему, что было только что сказано, осталось сделать последнюю иллюстрацию, исследовав смысл самого слова víkingr.

Ясно, что если бы мы с уверенностью знали точный смысл слова víkingr на староскандинавском языке, немало загадочных и раздражающих аспектов вопроса, который рассматривается здесь, ушло бы. Напомним, что словом мужского рода víkingr (где –ingr — суффикс принадлежности) назывался мужчина, существительное женского

[1] См. *Boyer, Régis.* Mœurs et psychologie des anciens Islandais. Op. cit.

[2] *Malmer, Brita.* Nordiska mynt före år 1000. Bonn: Rudolf Habelt; Lund: C. W. K. Gleerup, 1966. [Acta archaeologia Lundensia. Series in-8°. 4.]

рода víking применялось к его действиям: vera, fara í víkingu — находиться в викингском походе, отправляться в таковой.

Как только берешься его изучать, отбросив многовековые заблуждения и избитые представления, натыкаешься, напомним, на два неоднозначных принципиальных момента: эти люди были недюжинными личностями и тем не менее как будто подчинялись стеснявшим их коллективным правилам; и, как мы уже не раз говорили, трудно четко решить, были ли это воины, для которых коммерция оставалась дополнительным занятием, или прежде всего торговцы, без колебаний бравшиеся за оружие, когда появлялся повод. У каждого из вариантов есть свои защитники, и в пользу каждого можно привести серьезные аргументы. Но какую-то позицию нужно занять. Поэтому я хотел бы попытаться доказать, что, на мой взгляд, действия этих людей, поначалу и прежде всего торговцев, во многом определяла организация очень коллективистского характера.

Не буду задерживаться на том факте, что в текстах XIII в., переводившихся с оригиналов на латынь, слово víkingr передавалось как *tyrannus*. В этом сказывается клерикальный настрой, уже неоднократно отмеченный, и последствий это не повлекло. Отброшу также три толкования, не кажущиеся мне приемлемыми. Одно якобы выявляет связь между vík- и víg- (убийство, бой) и несостоятельно по филологическим причинам; второе отсылает к слову wikan — тюлень, но на каком основании? Потому что эти люди якобы носили обувь из тюленьей кожи? Третье устанавливает ложную связь с глаголом víkja — быстро передвигаться, крутиться на месте, в связи с чрезвычайной маневренностью кнорра.

По общепринятым представлениям, слово víkingr происходит от vík — бухточка, маленький залив. В таком случае викинг — это человек, идущий из бухты в бухту, чтобы грабить, или встающий на якорь в бухте, чтобы внезапно напасть на встретившегося противника, на врага или купеческое судно. То есть это «человек из бухты, человек, относящийся к бухте». Заметив, что эта интерпретация, естественная для Норвегии, вызывает больше сомнений применительно к Дании или Швеции, где береговая линия намного менее изрезана, остается выяснить, как формулирует Л. Мюссе, достаточно ли убедителен этот аргумент в семантическом смысле, чтобы это слово в конечном счете приобрело значение «пират», хищник. И можно ли назвать викингом любого бродячего купца в наши дни, если он ходит в каботажное плавание вдоль берегов Норвегии или Исландии. Важно также отметить: если слово Вик с большой буквы в наших скандинавских текстах

применяется к бухте Осло, то эти тексты называют обитателей ее побережья Víkverjar (людьми Вика), а не víkingar. Факт, что викинги, насколько известно, никогда не устраивали своих укрепленных лагерей в бухтах, а только на островках или островах, как Жфосс на Сене, Нуармутье на Луаре, Груа в Бретани, Камарг на Роне, Валхерен на Шельде, Танет и Шеппи на Темзе и т. д. Остров по-староскандинавски — ey, и в таком случае надо было бы говорить «eyingar», а не «víkingar»!

Тогда остается объяснение, которое сделало бы víkingr словом иностранного происхождения, делающим акцент на торговой активности этого индивида. К этому мы придем, но я хотел бы сначала отметить, что точное соответствие слову víkingr, когда действие происходит на Востоке, а не на Западе, — væringi, мн. væringjar, из чего мы сделали varègue. К X в. это слово стало применяться прежде всего к телохранителям басилевса, несомненно потому, что они первоначально набирались в основном из скандинавов[1], — во всяком случае, преемственность здесь явная. Термин получил широкое распространение, его находят в славянском языке — варяг, в греческом — βάραγγος, в арабском — варанк. Неприятность — ожидаемая! — заключается в том, что этимология этого слова столь же неоднозначна, как и слова víkingr. Væringi может происходить от vara, товар, или от várar, торжественная клятва. В первом случае мы возвращаемся к значению «купец», во втором (который отнюдь не исключает первого) приходим к представлению о клятвенном братстве купцов, вроде знакомой нам гильдии. Как в том, так и в другом случае к значению «воин» прийти трудно. Славянское слово «варяг» в текстах применяется в равной степени к шведам, готландцам, норвежцам и «аглянам». Говоря о коллективных захоронениях в Трусо и Вискяутене, мы подчеркивали, что там явно обнаружены останки готландских купцов и шведских воинов. Может быть, слово «варяги» отсылает к некоему братству, в которое входили купцы, находившиеся под защитой особого охранного подразделения? Если свидетельства некоторых арабов, как Ибн Руста, Ибн Фадлан, Ибн Хордадбех, изображают варягов негоциантами, продающими товары, прежде всего меха, за серебро, шелк (дибаг) или пиво (набид), и практикующими работорговлю, то географ, тоже арабский, Ал-Масуди рассказывает о войнах, которые русы вели на Каспийском море, в выражениях, которые странным образом напоминают описания викингских налетов на Западе.

[1] Но эта особенность не сохранилась. Позже Варягами вполне могли быть также нормандцы или англосаксы.

Вот мы и снова оказались в треугольнике, похоже, неизбежном: торговля — грабеж — война; эти три вида деятельности либо происходят одновременно, либо чередуются в зависимости от обстоятельств. Но создается впечатление, и неотступное, что один из них, торговля, был изначальным и основным.

Поскольку — вот мы и вернулись к слову víkingr — возможна еще одна этимология этого слова. Оно может происходить от латинского vicus — так назывался сначала городской квартал, потом сам город и даже провинция. Общегерманский язык мог перенять это слово в форме wik, vik, по преимуществу в составе сложных слов и в смысле «рынок», «торговая площадь». Во всяком случае, в дискуссии, в которую я не вижу смысла вступать здесь, было высказано мнение, что сначала это слово было германским. В. Фогель[1] полагал, что первоначально этот термин означал что-нибудь вроде склада или места выгрузки; отсюда произошло значение «рынок», потом «город», и это понятие стало настолько весомым, что применялось и к уже очень развитым городам, как Лондон, в документах VIII в. называемый Londonwich, где королевские таможенники и сборщики именовались wicgerefa. По мнению автора, только к тысячному году это слово было вытеснено другим — portus, порт.

Э. Эннен[2] предпочитает различать три стадии: оппидумы (oppida) германских племен и эмпории (emporia) северной торговли; потом вики (wik) и епископские города (civitates); наконец, средневековые города с бюргерским правом как таковым, независимые в экономическом отношении. Из этого она делает вывод, без дальнейших обсуждений, что вторая стадия соответствует эпохе, когда викингский феномен уже вполне развился, и что тогда взяло верх воинское значение слова víkingr — якобы это были разорители виков. А. Рупрехт[3], со своей стороны, считает нужным заметить, что рунические надписи первых десятилетий XI в. прославляют почти одни военные подвиги — более мирные и христианские надписи появились лишь позже. Он также полагает, что слово víkingr возникло в первый из этих периодов, и заключает из этого, что только с XI в. викинги, первоначально аристократы и воины, пристрастились к коммерции. Вот наглядный пример, что выходит, если к документам обращаются

[1] Vogel, Walther. Wik-Orte und Wikinger. Eine Studie zu den Anfängen des germanischen Städtewesens // *Hansische Geschichtsblätter*. Vol. 60 (1935). S. 5–48.

[2] *Ennen, Edith.* Frühgeschichte der europäischen Stadt. Bonn: Röhrscheid, 1953.

[3] *Ruprecht, Arndt.* Die ausgehende Wikingerzeit im Lichte der Runeninschriften. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1958.

предвзятые люди. Прежде всего: в нашем распоряжении есть не все, и далеко не все, рунические надписи, которые могли существовать. Далее, все надписи, которые нам известны, следовало бы расположить в строгой диахронической последовательности, помня при этом, что наши критерии датировки, сколь бы изощренными они ни были, часто допускают возможность погрешности. Наконец, и это главное, такое мнение прямо противоречит археологическим данным: находки IX в. не обнаруживают никакого более меркантильного или более военного характера, чем находки X или XI вв.

Впрочем, Рупрехт невольно играет нам на руку, когда, вполне обоснованно, отмечает, что столь восхваляемый víkingr часто изображался как heimþægi (тот, кто соглашается жить у другого человека) и, что нам известно, как фелаги — последнему понятию выше были даны подробные разъяснения. Коль скоро слово fé отсылает к «имуществу», «деньгам», мы не уходим от представления о бродячих купцах, способных превращаться в воинов, если подворачивается случай. Люсьен Мюссе прав, говоря, что термин væringi (но я не вижу, чем он отличается от víkingr) «этимологически означает торговцев, но быстро стал применяться к солдатам — искателям приключений»[1]. Вернем слову «солдаты» (soldats) его первый смысл, подходящий только для варяга, который нанимается к басилевсу за жалованье (solde), и скажем, что слово víkingr этимологически означает «купец», но быстро стало применяться к пирату — искателю приключений.

Вернемся к вику (wik, vicus)[2]. Хедебю в тексте Римберта — это не что иное, как Шлезвиг (Slesvig) (то есть датский вик), точно так же как «вик» Квентовик во Франции или Вейк-бей-Дюрстеде (Wijk bij Duurstede), то есть Дорестад, рядом с Килем: торговые центры, достоверно известные и очень активные. Очень соблазнительно предположить, что слово «вик» могло означать «деревню-улицу», те самые én-gade-byer (населенные пункты, состоящие из единственной улицы), временные или постоянные, которые обыкновенно строили на берегу моря для погрузки и разгрузки судов и которые по сути состояли в основном из пакгаузов. Первоначально они не были защищены

[1] *Musset, Lucien.* Les invasions. [2], Le second assaut contre l'Europe chrétienne (VIIe–XIe siècles). Paris: Presses universitaires de France, 1971. [Nouvelle Clio; 12bis.] P. 121. [Русский перевод: *Мюссе, Люсьен.* Варварские нашествия на Западную Европу: вторая волна. / Пер. А. П. Саниной. СПб.: Евразия, 2001. С. 89.]

[2] Не к слову vík в смысле «бухта» (*прим. перев.*).

стенами, и, может быть, Я. Дондт[1] не ошибался, полагая, что они возникли в результате процесса, довольно схожего с тем, который более века назад привел к появлению американских «бумтаунов».

Также, возможно, надо различать два вида купцов, связанных между собой договором или клятвой и, следовательно, образующих некое братство, куда могли входить как торговцы в чистом виде, так и другие лица, на которых была более непосредственно возложена задача защиты и обороны первых. Раскопки в Каупанге как будто показали, что там находились одновременно *mercatores frequentantes* [посещающие торговцы (*лат.*)] и *mercatores manentes* [остающиеся торговцы (*лат.*)]. Допустим, понемногу образовалась некая промежуточная категория, что вполне вероятно, — вот мы и пришли другим путем к несколько более нюансированному, но по сути тому же самому определению. В таком случае викинги были людьми, которые вели торговлю между виками/викусами и которые, поначалу при удобном случае, а потом пользуясь обстоятельствами и (или) формируя их, достаточно систематично перешли от торговли к грабежу, а от грабежа к выгодной войне.

Иначе говоря, чтобы сделать окончательные выводы, надо только дождаться взвешенного и честного исследования. Я не мог бы усомниться, что скандинавы были особо предрасположены к торговле: они такими и остались минимум через тысячу лет после того, как История позволила им занять видное место. Потому что они нуждались в деньгах, в новых землях (испытывали к ним тягу) и потому что их корабль дал им желанную возможность утолить жажду приключений, которая вообще присуща человеку, но на этих широтах смогла проявить себя более непосредственно. Толика романтизма позволит нам воздать должное констатации хорошего английского историка Гвина Джонса, который, однако, не всегда умел противостоять соблазнам мифа: «Fame, profit, change, adventure, land, women, danger, destruction, service, comradeship, command, irresponsibility [...] And the North now had the ships»[2].

---

[1] Dhondt, Jan. Les problèmes de Quentovic // *Studi in onore di Amintore Fanfani*. Milano: Giuffrè, 1962. V. 1. P. 183–248.

[2] *Jones, Gwyn*. A history of the Vikings. Op. cit. P. 202 [*Джонс, Гвин*. Викинги: потомки Одина и Тора. Цит. соч. С. 89]: «Слава, прибыль, риск, земли, женщины, опасность, разрушение, служение, братство, власть, безответственность <...> И к тому же у норманнов теперь были корабли». Сама разнородность этого перечня позволяет судить о его ограниченности. Но некоторые из этих понятий нельзя отвергнуть.

Теперь мы можем вернуться к Истории *stricto sensu*. «Лоскутность», какую предполагает избранный мной метод, и прежде всего неизбежные частичные наложения или повторы не ускользнут от внимания читателя. Но я предпочитаю излагать «динамичную» историю викингов, уловленную в развитии, поскольку мне кажется, что это не самый худший способ описывать их реальность — которая не могла бы в течение двухсот пятидесяти лет иметь незыблемый и единый фасад!

ИСТОРИЯ ВТОРОЙ СТАДИИ: 850 — ОК. 900

Приблизительно с 850 г. весь скандинавский мир пришел в движение. Период «проб и ошибок» закончился. Силы противников оценили, их очевидную уязвимость в тех или иных местах выявили. Соответственно походы стали организованными, их участники осознали свои цели, какими отныне стали просто-напросто завоевание (для датчан и норвежцев), захват власти (для шведов) и даже постоянное поселение (феномен, относившийся сначала к Исландии, но имевший дальнейшие перспективы). Несмотря на очевидные случаи сотрудничества датчан и норвежцев, особенно в Ирландии и во Франции, по-прежнему ради ясности изложения удобнее описывать события для каждого народа отдельно.

Датчане

Прежде всего надо отметить удивительную скудость их внутренней истории — словно бы вся их энергия в этот период сконцентрировалась на внешней деятельности. Единственное, что можно осмелиться утверждать, — что около 853–854 г. умер король Хорик, сын Годфреда. Его сменил один из сыновей (?), тоже по имени Хорик. Последний, похоже, никогда не обладал большой властью у себя дома. Впрочем, великими викингами стали не эти короли, а скорей вожди довольно легендарных шаек, как знаменитый Рагнар Лодброк, уже упоминавшийся, и его «сыновья» Бьрн Железнобокий и Ивар Бескостный.

География деятельности этих хищников не поменялась: англосаксонский мир, Западная Европа и Фризия. Рассмотрим эти регионы поочередно для большей ясности, но никогда не следует упускать из вида, что викинги действовали одновременно в разных местах, а также тот факт, что один и тот же отряд мог переходить из одного лагеря в другой.

При обзоре англосаксонского мира по тем же причинам нам придется обратиться сначала к Англии, а потом к Ирландии.

Англия. В 850 г., возможно, впервые, датчане зазимовали на Танете, разграбив Кентербери и Лондон. Но в следующем году их вождь Ррик был разбит королем Уэссекса Этельвульфом. В 855 г. они снова провели зиму на месте, но на сей раз на Шеппи, выше по течению Темзы. Около 860 г. Рагнар Лодброк как будто совершил набег на королевство Йорк, о чем мы еще будем говорить. Опять-таки в 865 г. «армия» (от 500 до 1000 человек, по разным источникам) под командованием трех сыновей Рагнара (Ивара Бескостного, Убби и Хальвдана) напала на Восточную Англию и вела военные действия в окрестностях Йорка. Утверждается, что местные короли, Осберт и Элла, которые попытались вмешаться в события, в 867 г. были убиты. Датчане прибрали к рукам Дейру, то есть часть Нортумбрии, ставшую датской. Там они якобы собрали первый данегельд, который вскоре стал, как мы говорили, их главным «оружием» и возможность взимать который объясняется откровенной слабостью как англосаксонских, так и франкских суверенов. В 869 г. Ивар и Убби совершили рейд в Восточную Англию и расправились (в Тетфорде?) со святым королем Эдмундом, убив его особо жестоко, поскольку мемуаристы очень долго вспоминали об этом[1]. Таким образом, под их властью оказались Восточная Англия и Дейра.

В следующем году Хальвдан один напал на Уэссекс и вторгся в Рединг. Но жители Уэссекса оказали сопротивление и одержали победу при Эшдауне — вероятно, в этом заслуга Альфреда, которого позже назовут Великим, тогда как его брат Этельред умер в этом году.

В 874 г. датчане заняли также Мерсию, после чего их армия разделилась — Хальвдан вернулся в Дейру, в то время как в Восточной

[1] Не знаю, надо ли упоминать здесь слишком знаменитый blóðörn — зверский прием, заключавшийся в том, что человеку вскрывали спину, чтобы извлечь легкие, которые после этого расправляли, как крылья, откуда и название — «кровавый орел». Этот жест (обряд?) действительно иногда упоминается в сагах, но из категории легендарных; некоторые наскальные изображения бронзового века также могут навести на мысль, что это обычай очень древний и мог иметь религиозный смысл. Тем не менее никакая осторожность не может стать излишней. Возможно, на староскандинавскую литературу огромное влияние тут оказала агиография. При чтении саг, не принадлежащих к легендарным, ни одного свидетельства подобных варварских зверств у древних скандинавов не найдешь. Если же возвратиться к святому Эдмунду, то на изображении его мученичества он привязан к столбу и утыкан стрелами — что отсылает к чрезвычайно популярному сюжету мученичества святого Себастьяна.

Англии обосновался некий Гутрум. С тех пор начался медленный процесс колонизации как таковой, который завершился образованием Денло (Danelaw, Denelagu): такое название позже дали области, в состав которой входили Восточная Англия, Мерсия и Нортумбрия и где на постоянное жительство селились датчане. Можно отметить несколько интересных деталей. В 876 г. было основано королевство Йорк и просуществовало до 954 г. Невозможно найти лучшей иллюстрации для той крайней путаницы, которую порождал феномен викингов там, где он не был совершенно свободен (как в Исландии) или жестко направлен (как в Нормандии). Л. Мюссе[1] упоминает ряд эфемерных «королей», которые там правили, — датчан, норвежцев, англичан, в целом около дюжины за последних шестьдесят лет. Именно они, соперничая по всевозможным поводам, непрестанно порождали междоусобицы — источники, в частности, «Англосаксонская хроника», ориентируются в этом с величайшим трудом. Однако для глобальной оценки феномена викингов, которую мы должны сделать, эта данность крайне важна. Скоро мы покажем, как на Юге англичане сумели дать отпор дезорганизованным действиям датчан. Констатация этого факта несомненно и побудила королевство Йорк, измученное многочисленными неурядицами, сдаться суверенам Уэссекса, чтобы больше не страдать от хаоса. Непосредственно в результате этого акта в Англии возникло чувство национального единства, и, поскольку аналогичные наблюдения мы сделаем для Франции и Руси, читателю предлагается обратить внимание на неожиданное для него последствие викингских набегов!

Вернемся в Северную Англию: в 877 г. в Восточной Англии было создано другое датское государство — в него вошли Пять бургов (Five Boroughs: Линкольн, Стамфорд, Лестер, Ноттингем и Дерби) — которое как целое сохранится до 917 г., а некоторые более локализованные его «продолжения» доживут до 942 года. В целом глубокое проникновение датчан в Денло поставить под сомнение невозможно, топонимический аргумент не оспоришь: названия, кончающиеся на -торп (thorp, хутор), -твайт (thwaite, распаханная зона), -бек (beck, ручей) и т. д. происходят из староскандинавского. Но со временем этот феномен претерпел радикальные перемены. Это материал следующей главы, здесь этот факт мы только упомянем.

[1] *Musset, Lucien.* Les invasions. Le second assaut... Op. cit. P. 140 и далее. [*Мюссе, Люсьен.* Варварские нашествия на Западную Европу: вторая волна. Цит. соч. С. 106.]

В 878 г. Гутрум напал на Уэссекс. Это обошлось ему дорого: Альфред навязал ему сражение при Эддингтоне, в Уилтшире, и заставил подписать Уэдморский договор, по которому Гутрум соглашался также принять христианство под именем Этельстана, — мы уже отмечали, что для дальнейшей истории это был акт решающего значения. Тем не менее в 879 г. Гутрум-Этельстан объявил себя властителем всей Англии от Темзы до Тиса, на уровне современного Миддлборо, что впервые четко показывает нам границы Денло! Далее в течение доброго десятка лет (до 892 г.) активность викингов в Англии сравнительно снизилась.

Альфред Великий укрепил свою власть в Уэссексе. Уже в 886 г. вместе со своим зятем Этельредом он отбил Лондон, находившийся в руках датчан. Потом, с 892 г., он организовал планомерную оборону своей территории. Он объединил всех «свободных» англичан, то есть не подчинявшихся датчанам, потом сформировал армию, половина которой поочередно была постоянно мобилизована. В то же время он возвел ряд крепостей с постоянными гарнизонами — эти крепости служили укрытиями для населения, которое за это должно было их содержать и предоставлять воинов: такая система очень похожа на лейданг, уже рассмотренный нами. Наконец, Альфред оснастил флот, чтобы застигнуть датчан на их собственной территории.

Сделав это, он начал войну и с 892 по 896 гг. в результате систематических действий одержал ряд побед. Умерший в 899 г. Альфред был, конечно, первым настоящим противником викингов. Его преемник Эдуард Старший (the Elder) продолжил его дело с помощью своей сестры Этельфледы, прозванной «госпожой мерсийцев», которая умерла в 918 г., но прежде позволила ему вернуть под свою власть всю Мерсию.

По смерти Альфреда в 899 г. вся Южная Англия была свободной, включая Лондон, помещенный под опеку Уэссекса. Но Денло оставался датской территорией, где викинги селились, возделывали землю, навязывали свои законы, обычаи и язык.

Положение в Ирландии было более запутанным из-за непрерывных пересечений ее истории с историей Англии. Можно вспомнить, что к 850 г. остров *grosso modo* был в руках норвежцев, сосредоточенных прежде всего на побережьях. Анналы сообщают о приходе около 850 г. дуб гейл, о которых мы знаем, что это были датчане; таким образом, они напали на финн гейл, норвежцев, и отобрали у них в 851 г. Дублин, войдя в Карлингфорд-Лох. Норвежцы попытались взять реванш в 852 г. при Карлингфорде, но были разбиты датчанами после трех дней сражения.

В 853 г. Амблайб — возможно, это был Олаф [Белый], о котором мы поговорим, когда перейдем к норвежцам, — высадился на острове, взял Дублин и навязал свою власть всем — датчанам, ирландцам и, разумеется, норвежцам. На этот раз датчане отплыли назад в Англию, откуда пришли. Когда Ивар, брат и преемник Олафа, как мы увидим, захотел захватить Дейру и напал на короля этой земли Хальвдана, последний в отместку в 877 г. атаковал Дублин, но безуспешно: он погиб при Странгфорд-Лох. На самом деле более подробно положение в Ирландии будет рассмотрено, когда мы будем говорить о норвежцах, потому что больше всех в историю этого острова в ту эпоху вмешивались именно они. Только что упомянутые факты должны были только показать своеобразные отношения между датчанами и норвежцами, так же как между Восточной Англией и Ирландией.

Рассмотрим теперь, методичности ради, Западную Европу и Фризию.

Около 856 г. Бьрн Железнобокий[1] вошел в Сену со своими кораблями и обосновался на острове Уассель (немного выше Руана). Карл Лысый, трусость которого, как уже говорилось, в немалой мере виновата во всем, что случилось дальше, не посмел на него напасть и предпочел вступить в переговоры — так началась постыдная политика, позже ставшая широко распространенной и создавшая роковые инциденты. Ведь когда появилась другая шайка во главе с неким Веландом (несомненно Влундом), Карл Лысый предложил ему три тысячи ливров серебра... чтобы тот избавил его от Бьрна! Веланд не стал отказываться, он даже заломил цену в пять тысяч ливров! Узнав об этом, люди Бьрна, которых было меньше, предложили ему шесть тысяч ливров, чтобы он позволил им скрыться. Они ушли в 862 г., тогда как Карл Лысый вполне мог бы их уничтожить, после того как мост в Трильбарду (на Марне, западней Мо) был восстановлен. Веланд впоследствии позволил себя окрестить, поступил на службу к Карлу, но был убит в поединке одним из спутников.

Вернемся в 858 г. Похоже, в этом самом году вместе с Хастейном (Хастингом наших текстов) и 62 кораблями Бьрн предпринял длиннейший рейд, довольно фантастический. Якобы он прошел вдоль испанского побережья, совершив безрезультатную вылазку в Гвадалквивир, миновал Гибралтарский пролив[2], разорил Альхесирас, Мурсию и Балеарские острова. По пути он высадился в Северной

[1] Которого Гильом Жюмьежский как раз и называет *Bier costæ ferræ*.

[2] Который действительно был хорошо известен авторам исландских саг под названием Ньорвасунд.

Африке, в Марокко (Некор в наших староскандинавских источниках), и захватил нескольких бламенн (blámenn), то есть чернокожих, которых отослал в Ирландию, где они вызвали величайший интерес[1]. В Средиземном море Бьрн якобы прошел к северу вдоль испанского побережья, потом тревожил берега Руссильона, разграбил (возможно) Нарбонн, встал лагерем на острове Камарг, разорил Арль, так же как Ним и Валанс, после чего поднялся по Роне. «Бертинские анналы» за 859 г.: «Датские морские пираты долго шли между Испанией и Африкой и прорвались в Рону. Разорив несколько городов и монастырей, они обосновались на острове Камарг!»

После этого они оказались в Италии — в Лигурии, в Пизе, которую опустошили. Они якобы дошли даже до Рима, который тоже разграбили, если верить Дудону Сен-Кантенскому и Бенедикту де Сен-Мору[2]. Оба рассказывают о знаменитой хитрости Хастейна — в Луне, которую викинги приняли за Рим: Хастейн якобы выдал себя за мертвого, у церковных властей попросили похоронить его в церкви, куда гроб торжественно внесли его воины; в ходе богослужения мертвый ожил, его спутники выхватили оружие, которое прятали под одеждами, и набросились на напуганных клириков и присутствующих. Оценить степень достоверности этого деяния можно, прочитав главу X «Саги о Харальде Суровом»[3], где та же хитрость приписывается Харальду Суровому, жившему двумя веками позже.

На самом деле в этом средиземноморском «десанте» вс неясно. Как будто установлено, что в этом году викингский флот был разбит маврами в Гибралтаре. Тем не менее уцелевшие атаковали Памплону, и это они же якобы были в 862 г. в устье Луары. «Якобы», которыми усеяны предыдущие абзацы, не означают, что в сохранившихся сообщениях вс ложно. Отрицать реальность викингских бесчинств не приходится, только масштаб их надо оценивать более разумно. В начале этой главы отмечалось, что грабители с Севера безусловно были большими специалистами по психологической войне.

---

[1] Хотя очевидно, что наши староскандинавские источники знали о существовании этих народов, лучше не слишком спешить принимать это утверждение на веру. Под видимым влиянием агиографических текстов слово blámaðr («синий», то есть черный, человек) часто использовалось в смысле «колдун», «чародей» и означало даже дьявола!

[2] Но, в дополнение к очень серьезным оговоркам, сделанных в начале этой книги по поводу ценности сообщений Дудона, надо учитывать, что Бенедикт писал уже в самом XII в.

[3] Входит в состав «Круга Земного» Снорри Стурлусона, есть отдельное издание: *Snorri Sturluson*. La Saga de Harald l'Impitoyable; traduite de l'islandais, présentée et annotée par Régis Boyer. Paris: Payot, 1979.

Потрудимся прочесть эти строки Эрментария из Нуармутье, чтобы оценить полученный результат:

> Число кораблей вс растет, бесконечный поток пиратов хлещет не переставая. Народ Христов повсюду становится жертвой побоищ, пожаров и грабежей. Пираты подчиняют вс, что встречается у них на пути, и ничто не может им противостоять. Они вторгаются в Бордо, Периг, Лимож, Ангулем, Тулузу; Анжер, Тур и Орлеан обращены в пустыню. Бесчисленные корабли поднимаются по Сене, и от одного конца страны до другого бедствие усугубляется. Руан опустошен, разграблен и сожжен; взяты Париж, Бове, Мо, крепость Мелн снесена, занят Шартр, разорены Эвр и Бай, и каждый город окружен[1].

Далее последовала краткая передышка, несомненно связанная с поражением Гутрума в бою с Альфредом Уэссекским, которое упоминалось выше. Датчане, изгнанные из Англии и, вероятно, соединившиеся с норвежцами, отступили на континент и развязали то, что выглядело прямо-таки генеральным наступлением на Францию, Бельгию, Фландрию и Западную Германию. Оно продолжалось с 878 по 891 гг., но только что использованное выражение «генеральное

[1] Отдадим должное изложенному и прежде всего обобщениям. Впрочем, в «Бертинских анналах» викинги в 857 г. оказываются в Париже, где «поджигают церкви Сен-Пьер и Сент-Женевьев и многие другие, за исключением Сент-Этьена, Сен-Венсана и Сен-Жермена, а также Сен-Дени, за которые, чтобы их не сожгли, была заплачена изрядная сумма денег. <...> В Шартре епископ Фротбальд, которого датчане преследовали в этом городе, бежал пешим и попытался пересечь реку Эр вплавь, но погиб в потоке». Читатель уже, конечно, отметил, что я не затруднил себя изучением Бретани. Она недавно стала темой образцового во многих отношениях, уже чисто по методологическим причинам, исследования Нейла С. Прайса: *Price, Neil S.* The Vikings in Brittany. London: Viking Society For Northern Research, University College London, 1989. Из него можно понять, несмотря на отдельные безапелляционные утверждения автора вроде «великая армия», «огромный флот», что история викингов в Бретани была бесконечно запутанной, ее усложняли постоянные сделки и самые настоящие происки вождей Бретани, потом герцогов Нормандии при более или менее частом, более или менее корыстном вмешательстве королей Франции. Так что, чем погрязать в достаточно причудливых деталях исторических событий и *Periodisierung*, лучше обратимся к выводу на с. 93: «There is nothing in the social organization and the institutions of Brittany after 939 that is specifically due to Scandinavian influence. To take this line however, is to ignore the massive impact of the Vikings as a catalyst for political coalition and the formation of an independent Brittany» («В социальной организации и институтах Бретани после 939 г. нет ничего, что возникло бы непосредственно под скандинавским влиянием. Однако принять эту позицию значило бы обойти молчанием мощное воздействие викингов в качестве катализаторов создания политического союза и формирования независимой Бретани»).

наступление» не надо понимать превратно. Для действий, которые мы перечислим, были характерны некоторая беспорядочность или скорее явное отсутствие общего плана. Но это не изменило произведенного эффекта. Прочтем хронику: «Не было дороги, которая не была бы усеяна мертвецами, священниками и мирянами, женщинами, детьми и новорожденными. По стране распространялось отчаяние, казалось, весь христианский народ обречен на гибель».

В 879 г. датчане поднялись по Шельде до Гента. В 880 г. они были на Эльбе. В 881 г. король Людовик III, внук Карла Лысого, разгромил «великую» армию при Сокуре (к югу от устья Соммы), но он вскоре умер (в 882 г.). В том же 882 г. Карла Толстого, сына Людовика Немецкого, который собирался сражаться при Эльслоо, близ Маастрихта, где укрепились викинги, «оставило мужество» («Бертинские анналы»), и он предпочел позорные переговоры[1]. За 2800 ливров серебра он купил отступление датской лиги, которую возглавляли вожди Годфред, Сигфред и Вурм (Орм), и назначил Годфреда сувереном части территории Фризии; правда, в 885 г. он подослал к нему убийцу за то, что Годфред, принявший крещение, нарушил данное ему слово. Не исключено, что поведение Годфреда и следствие, которое оно повлекло, резко пресекли развитие ситуации по пути, аналогичному тому, что случилось в Нормандии с 911 г. Часть Фризии между югом Валхерена, районом Дорестада на востоке и северо-западным побережьем Зйдер-Зе (Кеннемерландом) вполне могла стать скандинавской колонией — наблюдателю не очень легко понять, почему эта территория, совсем близкая одновременно к Дании и Денло, не испытала судьбы последнего.

Возможно, происки викингов действительно сопровождались излишним шумом и яростью. Ведь, как мы сказали, это был период, когда хищники, рассредоточившись, активно рыскали почти по всей территории современных Франции и Бельгии. Викингов можно было встретить на Шельде, Маасе, Сомме, Марне, Сене, Луаре, Майне, Эне, Вире, Уазе. Разорены, или разграблены, или сожжены (или вс вместе) были Кльн, Ахен, Трир, Льеж, Руан, Париж, Суассон, Бай, Сен-Ло — это почти случайная подборка. Тут самое время вспомнить Васа и его «Роман о Ру» (то есть о Роллоне), датируемый, конечно, уже XII в., но хорошо показывающий реакцию жертв:

Было в обычае у оркнейцев,
Обитателей Норвегии и датчан,

[1] Это подтверждают «Ведастинские анналы» и «Хроника» Регинона.

И других людей Севера ходить
Вдоль многих побережий,
Повсюду творя великий урон.
Они называли себя норманнами,
Те, кто пришел морем с Севера.
Много великих гонений,
И много великих разрушений,
И много вреда, и много войн
Творили норманны на многих землях,
И многажды вторгались во Францию[1].

С ноября 885 г. по октябрь 886 г. был осажден Париж — Аббон из монастыря Сен-Жермен оставил патетическое сообщение об этом на своей забавной школьной латыни[2]. Граф Эд и аббат Гозлен героически защищали город[3]. Однако Карл Толстый, которого позвали на помощь, дал викингам проход по Сене, позволил им разграбить Бургундию и, кроме того, пожаловал семьсот ливров серебра! Это стало одной из главных причин, по которым франки в 888 г. его низложили. Тем не менее Париж взят не был. И вот еще одно неожиданное последствие викингских набегов, которое, однако, полезно отметить: они, конечно, способствовали росту географического и политического значения Парижа. Известно, какое будущее имела эта констатация фактического положения!

Упорное сопротивление датчане встретили не только в Париже. Например, в 891 г. Арнульф, внебрачный сын Карломана, король восточных франков, разбил их на реке Дейле близ Лувена. Процитируем Регинона:

> Когда происходили эти события, король Арнуль [Арнульф] был вынужден находиться в глубине Баварии, где он сдерживал нападения славян; когда ему доложили о поражении его людей и о победе врагов, он сначала оплакал потерю верных и разразился плачем и стенаниями, потому что франки, доселе непобедимые, обратили спину к неприятелю; далее, поскольку постыдность этого события взволновала его храброе сердце, он воспламенился гневом на врага и, собрав армию в восточных частях своего королевства, пересек Рейн и разбил лагерь на берегах Мааса. Через несколько дней норманны, гордые своей великой победой, выступили, чтобы с прежним

[1] *Wace*. Roman de Rou. T. I. Vers 123 и далее.

[2] См. *Boyer, Régis*. Le Mythe viking dans les lettres françaises. Op. cit. Chapitre premier.

[3] См. подробное исследование Н. Скьюм-Нильсена: *Vikingerne i Paris*: Beretninger fra 9. århundrede. Oversat og forklaret af Niels Skyum-Nielsen. København: Munksgaard, 1967.

неистовством разорять земли; король решил двинуться на них со своей армией. Когда войска приблизились к реке, называемой Дейле, они [норманны] укрепились, по своему обычаю, за земляным валом и частоколами и стали задевать врага насмешками и бранью, повторяя с издевкой и смехом, что пусть-де те вспомнят и Галлию, и свое позорное бегство, и побоище, какое случилось; и вскоре, мол, их ждет та же участь. Король, разгневавшись, велел своим людям покинуть седла и пойти в пешую атаку. Спешившись быстрее, чем нужно времени, чтобы это сказать, они издали громкий клич, чтобы поддержать друг друга, и преодолели вражеское укрепление. Поскольку Бог с небес посылал им силы, они сражали врагов своим оружием и истребляли, так что из несметного количества последних осталось весьма немного, чтобы принести дурную весть их флоту. После столь счастливого завершения дела Арнуль вернулся в Баварию[1].

Таким образом, побежденные отступили и отплыли в Англию. На Темзе отмечено появление Хастейна-Хастинга с 80 кораблями. Далее дело обернулось для них плохо: чума и голод сократили большие «армии» викингов во Франции в 892 г. Впрочем, это не помешало им в 896 г. высадить новый десант на Сене.

В общем, на взгляд беспристрастного наблюдателя, страха было больше, чем настоящих бедствий. Единственное, что для этого периода можно сказать о датчанах, — что они вс прочней обустраивались в Денло.

Норвежцы

Они кажутся более неприметными, как будто не выходили на авансцену наряду с датчанами. Но это только видимость: помимо того, вероятного, факта, что они часто смешивались с датчанами на разных «фронтах», они вдалеке, а именно в Исландии, делали дела, которые в дальней перспективе произведут более сильное впечатление.

Их внутренняя история обнаруживает одну интересную черту — усиление централизации власти. Этого добился Харальд Прекрасноволосый (Харфагри), сын Хальвдана, родившийся, вероятно, около 850 г. в Вестфолле. Его биография, искаженная легендой, по-прежнему неясна. Тем не менее похоже, что он предпочел вести

[1] *Regino abbas Prumiensis*. Reginonis abbatis Prumiensis Chronicon cum continuatione Treverensi. Recognovit Fridericus Kurze. Hannoverae: impensis bibliopolii Hahniani, 1890. S. 118, где, несмотря на все латинские кальки (с «Георгик» Вергилия), нужно отметить гиперболы («несметное количество»), а также любопытную деталь, на которую редко обращают внимание: викинги укрепились «по своему обычаю».

объединительную политику, руководствуясь, конечно, примером более южных государств Запада. Ясно, во всяком случае, что в неизвестном году между 872 и 890 гг. он одержал над коалицией местных царьков и ярлов достопамятную морскую победу при Хафрс-фьорде (напротив современного Ставангера), благодаря которой получил верховенство и царствовал до 932 г. Можно не придавать значения притворным сетованиям какого-нибудь Снорри Стурлусона или других исландских sagnamenn [рассказчиков саг] на его «тиранию», но он обладал очень сильным политическим и административным чутьем. Он поощрял создание стабильных организаций, в частности, созыв тингов; возможно, это он придал официальный характер лейдангу, тем более что сам побывал викингом на Британских островах и был в курсе дела. Но П. Сойер[1] показал, что в оценке этой фигуры не надо слепо доверять ни книгам о заселении Исландии, ни сагам. Тем не менее Харальд открыл путь к тому типу правления, который пережил расцвет при святом Олафе.

При этом за пределами страны норвежцы проявляли активность в двух вполне конкретных регионах.

Первым была Ирландия. Вспомним, что около 850 г. датчане дали сражение при Карлингфорд-Лох, проигранное ими, и что в том же месте поражение потерпели норвежцы в 852 г.

Важным событием был приезд на остров в 853 г. некоего Амлайба (Олафа [Белого]), сына «короля Норвегии» (Лохланна). Но какого «короля»? Выяснить это трудно. Возможно, этот Олаф принадлежал к семье, или клану, того самого Тургейса, которого мы уже представляли и который, похоже, замышлял подчинить себе остров. Во всяком случае, так его воспринимают «Ирландские анналы». Согласно Х. Шетелигу[2], Олаф был чем-то вроде вице-короля, управлявшего заморскими территориями от имени отца, остававшегося в Норвегии. В этом нет ничего невозможного, ведь он дважды возвращался в Норвегию, словно бы по вызову для отчета. К тому же из Дублина, который был его уделом, он совершил несколько походов в Англию и Шотландию. Вопрос в том, был ли это тот самый Олаф Хвити из исландского предания, который много раз упоминается в некоторых сагах и в «Книге о заселении Исландии». Ничто не мешает их отождествить, они оба жили в одно время, но

[1] Sawyer, Peter H. King Harald Fairhair and the British Isles // *Les Vikings et leur civilisation: problèmes actuels*: rapports scientifiques. Op. cit. P. 105–109.

[2] *Viking antiquities in Great Britain and Ireland*. Edited by Haakon Shetelig. 6 vol. Oslo : H. Aschehoug, 1940–1954.

тексты не наделяют их ни одной и той же женой, ни одной и той же смертью. Их идентичность, если бы ее удалось установить, существенно обогатила бы особо интересное досье тайных связей между Норвегией, Ирландией и Исландией.

Как бы то ни было, Олаф добился признания своей власти со стороны норвежцев, датчан и ирландцев, плативших ему подати. Он поселился в Дублине, а его брат Ивар — в Лимерике. Его первое возвращение в Норвегию датируется 856 г. (в Дублин он вернулся в 857 г.), а второе — 871 г. Анналы отмечают: «[Он] отправился из Эрина в Лохланн, чтобы помочь своему отцу Гудрду бороться с лохланнцами, начавших против последнего войну». В ходе этой поездки он и погиб, в сражении, в самой Норвегии. Его «царствование», конечно, было одним из самых беспокойных, коль скоро в ту эпоху хронист в красочных выражениях описал бедствия ирландцев, не поддающиеся описанию ни на каком языке.

Ему наследовал его брат Ивар, провозглашенный в 871 г., как пишет хроника, «Rex Nordmannorum totius Hiberniæ (традиционное латинское название Ирландии) et Britanniæ» [королем норманнов всей Иберии и Британии (*лат.*)]. Эта формулировка любопытна. Она как будто дает понять, что дублинские короли претендовали на власть над норвежцами, поселившимися на Северо-Западе Англии.

Царствование Ивара стало для Ирландии периодом относительного спокойствия, несомненно благодаря открытию и началу заселения Исландии, в которую хлынули искатели приключений и престиж которой в то время был очень высок. Тем не менее на острове тут и там подняли голову разные ирландские вожди, и зародилось движение «реконкисты», которое заметные масштабы примет нескоро. Но, главное, Ивар, ссылаясь, возможно, на родство, выдвинул притязания на Дейру. Он мобилизовал все силы для сражения с Хальвданом, королем Дейры. Последний несомненно штурмовал Дублин в 877 г. и, как мы видели, погиб при Странгфорд-Лох.

Как несколько раз говорилось в начале книги, вс побуждает не
ом подчеркивать «викингскую» манеру поведения норвежцев
андии. Я указывал, что между обеими странами существовали
давние связи, и это, нравится этот факт анналистам или нет,
ало «устрашающий» аспект феномена. Действительно, квазиги
гические распри, которые мы мимоходом упомянули, показыва
го норвежцы скорей хотели обосноваться на месте, где впервые
лись очень давно.

Впрочем, похоже, это была постоянная подоплека их действий. Вот почему очень значительное большинство поселенцев Исландии составили они.

Сообразно общей структуре нашей книги я отложу подробное рассмотрение этого вопроса до следующей главы. Кстати, он весьма масштабный, ведь можно утверждать, что он представляет собой самую яркую жемчужину викингского феномена. Пока что только отметим, что остров, где все последние археологические находки ставят под сомнение утверждения «Книги об исландцах» Ари Торгильссона Мудрого и «Книги о заселении Исландии», доселе считавшиеся бесспорными, мог быть известным и обитаемым задолго до 874 г. — даты, которой Ари пометил высадку на месте, соответствующем современному Рейкьявику, норвежца Ингольва Арнарсона, первого колонизатора страны: похоже, кельты — вероятно, ирландцы, — знали этот остров задолго до скандинавов.

И еще отметим, что колонизация продлилась лет шестьдесят. Датой ее окончания считают 930 г.

Шведы

Поскольку феномен «русов» окончательно оформился именно в этот период, мы попытаемся окончательно разобраться с этим вопросом, с учетом уже сделанных сообщений, чтобы, если это возможно, корректно поместить его в диахронический ряд. Было сказано, почему проблема русов-росов возбуждала столько страстей, — следует уточнить, без должного основания.

Правда, период этот темный, даже в отношении сведений по внутренней истории Швеции. Мы знаем, что единственный документ, способный нам помочь, — это «Житие Ансгария» Римберта (написанное между 870 и 880 гг.), слабости которого — ведь это агиография, где угол зрения строго однозначен, — очевидны. Тем не менее оно сообщает, что около 850 г. Ансгар второй раз вернулся в Бирку, первый раз приходится на 829 г.; что королем Бирки тогда был некий Олоф, только что завоевавший Курляндию (Ливонию) и заставивший куршей платить дань. Это как будто дает понять, хотя никаких доказательств у нас нет, что шведское «королевство» могло быть могущественным, богатым и прочным. Римберт также указывает, что архиепископ Эббон Реймский (возможно, сакс), также отправившийся к свеям по велению папы, «стал покупать мальчиков датского и *славянского* происхождения [выделение мое; имеется в виду, что Эббон хотел их освободить, поскольку они были рабами:

лишнее подтверждение, отметим мимоходом, интереса скандинавов к торговле подобным товаром], а также освобождать пленников, чтобы обучать их для службы Богу» (глава 15). Только что было сказано, что королевство практиковало работорговлю, но — обратите внимание на двусмысленность, постоянно связанную с этим вопросом, — «пленники» тут же соотносятся с военной добычей...

Поговорим же о русах.

Первое упоминание о них в «Повести временных лет», так называемой «Несторовой летописи», за 852 г. сообщает:

> В год 6360 (852), индикта 15, когда начал царствовать Михаил [император Византии], стала прозываться Русская земля. Узнали мы об этом потому, что при этом царе приходила Русь на Царьград [Константинополь], как пишется об этом в летописании греческом[1].

Ошибка в датировке — Михаил III Калафат[2] вступил на трон в 842, а не в 852 г., — сразу же побуждает относиться к тексту с осторожностью. Эта летопись называется Несторовой, так как долгое время считалось, что ее автором был монах Нестор из Киево-Печерского монастыря; она якобы увидела свет около 1100 г., то есть через долгое время после событий, которые подробно описывает. Однако современные исследования наводят на мысль, что Нестор был только «издателем», то есть одним из компиляторов этого текста, который мог восходить к более ранним источникам, тоже написанным на древнерусском языке. Это было популярное произведение: нам известны две версии, вариант монаха Лаврентия (Лаврентьевская летопись, конец XIV в.) и вариант из Свято-Ипатьевского монастыря в Костроме (Ипатьевская летопись, середина XV в.).

А мы, опираясь на литературные и археологические подтверждения (Вискяутен, Гробиня и т. д.), неоднократно настаивали, что шведы посещали Русь задолго до 852 г. Старейшее упоминание русов, известное нам, фигурирует в гомилиях патриарха Фотия за июнь 860 г. в связи с нападением, которое те якобы совершили.

За 859 г. «Несторова летопись» пишет: «Варяги из заморья взимали дань с чуди, и со словен, и с мери, и с кривичей»; эти названия именяются к разным славянским или финским племенам. Этот ывок примечателен в том отношении, что здесь не фигурирует

овесть временных лет. / Подготовка текста, перевод и комментарии О. В. Твоогова // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ. СПб: Наука, 997. Т. 1: XI–XII вв.

Роду Калафатов принадлежал Михаил V, а не Михаил III (*прим. перев.*).

термин «русы», замененный «варягами». Дальнейший текст из «Несторовой летописи» заслуживает, чтобы его привести:

> Идоша за море к варягом, к руси. Сице бо звахуть ты варягы русь, яко се друзии зовутся свее [то есть, очевидно, свеи, шведы], друзии же урмани [возможно, норвежцы, но, похоже, скорей вообще жители Севера], аньгляне [англосаксы], инѣи и готе [либо готы с Готланда, либо жители Гталанда], тако и си.

Но вот главное место, которое надо прочесть с величайшим вниманием. 860–862:

> Изгнали варяг за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть, и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И сказали себе: «Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву». И пошли за море к варягам, к руси.

Далее следует место, только что приведенное. Задержимся ненадолго: нельзя скрыть, что в нем имеется некоторая неоднозначность. Если слово «варяги» как будто применяется ко всем скандинавам, — хотя датчане не упоминаются и возникают англосаксы, но можно не сомневаться, какая этническая реалия имеется в виду под «аньгланами»: в конце концов англы, давшие Англии ее название, были именно датчанами, — то проведение различия между «русью», «свее» и «готе» не проясняет ситуации. Вернемся к нашему тексту:

> Сказали руси чудь, словене, кривичи и весь: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами». И избрались трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю русь, и пришли, и сел старший, Рюрик [Хррек], в Новгороде, а другой, Синеус [Снр?], — на Белоозере, а третий, Трувор [Торир? Торвард?], — в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля. Новгородцы же — те люди от варяжского рода, а прежде были словене. Через два же года умерли Синеус и брат его Трувор. И принял всю власть один Рюрик, и стал раздавать мужам своим города — тому Полоцк, этому Ростов, другому Белоозеро.

Ипатьевский список предлагает важное разночтение:

> И избрались трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю русь, и пришли прежде всего к славянам [словѣномъ]. И поставили город Ладогу [сегодня Старая Ладога, о которой мы говорили, что по-староскандинавски она называлась Альдейгьюборг, а первая часть этого названия, альд-, также имеет значение «старый»]. [...] Через два года умерли Синеус и брат его Трувор. И принял всю власть один

Рюрик и пришел к Ильменю, и поставил город над Волховом, и назвал его Новгород.

Продолжим чтение «Несторовой летописи», прерванное обращением к этому варианту:

И было у него (Рюрика) два мужа, не родственники его, но бояре [вожди], и отпросились они в Царьград со своим родом. И отправились по Днепру, и когда плыли мимо, то увидели на горе небольшой город. И спросили: «Чей это городок?» Те же ответили: «Были три брата, Кий, Щек и Хорив, которые построили городок этот и сгинули, а мы тут сидим, их потомки, и платим дань хазарам». Аскольд [Хскульд] же и Дир [Дюри] остались в этом городе, собрали у себя много варягов и стали владеть землею полян. Рюрик же княжил в Новгороде.

То есть так были последовательно основаны Новгородское-Хольмгардское и Киевское-Кнугардское королевства (или государства). Очевидно, что по-прежнему факты и имена собственные, приведенные здесь, оспаривать проще всего; можно также особо отметить очень литературную, очень беллетристическую форму этого текста, указав хотя бы на постоянно используемую схему — три брата на Севере, три брата на Юге. Я предпочту привлечь внимание к тому, что ведь автор не говорит: русы *основали* Новгород или Киев, или другие упомянутые города, — они поселились там в качестве суверенов.

Трудность состоит в том, чтобы определить вероятный смысл слов «варяг» и особенно «рус». Я уже (см. выше, с. 138) рассматривал слово væringi и его переводы на русский, греческий и арабский. Добавлю, что русское «варяг» имеет значение «торговец-разносчик»! Мы только что прочли, что Нестор понимал под словом βάραγγοι скандинавов «из-за моря». Речь может идти только о Балтийском море, по-русски Варяжском, — этот термин, похоже, появился на Руси лишь довольно поздно (в X в.?). Надо ли тогда считать, что понятия «варяги» и «русы» применялись к разным реалиям и под варягами понималась вторая скандинавская (шведская?) волна, датируемая эпохой Владимира (около 980 г.)? Это маловероятно, по меньшей мере по семантическим причинам, ведь словами væringi и víkingr называли один тип людей, и им свойственна, как мы видели, равная неоднозначность.

И потом... текст, правда, еще более поздний, чем «Несторова летопись», а именно «Сага о гутах» (Сага о жителях Готланда, для которой мы располагаем версией, записанной ок. 1350 г.), отмечает, что в эпоху великого переселения (VIII в.) готландцы покинули

родину «и поплыли на один остров близ Эстланд [Эстонии], который называется Даг, и поселились там, и построили там борг, остатки которого видны еще и теперь. Но и там они не могли себя прокормить и поплыли к реке, которая называется Дюна [Западная Двина], а по ней — через Рюцаланд [Русь]. Они плыли так долго, что приплыли в Грекланд [Грецию = Византию]»[1]. Действительно, мы видели, описывая «Восточный путь», что этот маршрут начинался в Рижском заливе (в Курляндии, то есть Эстонии), шел по Западной Двине, потом по Днепру, миновал Киев и пересекал Черное море. Таким образом, мы находимся на знакомой территории.

Что касается слова «рус»... Давно принятая гипотеза связала это слово с финским ruotsi (что значит «шведский»), эстонским ruotsi, которое в свою очередь восходит к староскандинавскому róðr, означающему греблю на веслах, налегание на весла, выход на веслах в реку. Считается, что Ruotsi — это были róðsmenn, люди, которые гребли или часто ходили по рекам. Еще точней — жители шведской провинции, которая сегодня называется Руслаген (прямо к югу от современного Стокгольма), то есть Róðslagen, провинция, где действует закон (lag) Весла. Ничего несообразного в этом названии нет, мы же знаем, что существовал Bjarkeyjarréttr, Право людей Бьяркея, древней Бирки (тоже южней Стокгольма). И Руслаген — это по определению часть Швеции, лучше всех знакомая финнам: достаточно посмотреть на карту. Также не надо забывать, что окрестности Ладожского озера населяли прежде всего финны. Если, как это сделал Э. Йерне[2], допустить, что róðr = весло (путем метонимии), róðsmenn = моряки из Руслагена, а Руслаген — Закон Весла, придешь к тому же результату.

В. Томсен[3] и Г. Вернадский[4] выдвинули гипотезу, что скандинавы позаимствовали название «рус» у аланского племени рукс; это маловероятно, пусть даже аланы, народ иранского происхождения, распространившийся по всей Западной Руси, не мог не вступать в частые контакты со шведами.

---

[1] Сага о гутах. / Пер. с древнегутского и прим. С. Д. Ковалевского // *Средние века*. 1975. Вып. 38. С. 307–311.

[2] Hjärne, Erland. Roden: Upphovet och namnet: Området och jarlen // *Namn och bygd*. 35 (1947). 1–96.

[3] Thomsen, Vilhelm. Det russiske Riges Grundlæggelse ved Nordboerne // *Samlede Afhandlinger*. 1 (1919). P. 231–414.

[4] Vernadsky, George. Ancient Russia // *Vernadsky, George; Karpovich, Michael*. A history of Russia. V. 1. New Haven: Yale University Press; London: H. Milford, Oxford University Press, 1943. [Русский перевод: *Вернадский Г. В.* Древняя Русь. Тверь: ЛЕАН; М.: Аграф, 1996.]

Также не случайно исландские тексты иногда называют Русь Svíþióð hin milkla — Великой Швецией или Svíþióð hin kalla — Холодной Швецией[1], хотя самое распространенное название, которое они к ней применяют, — все-таки Гардарики, государство (или королевство) гардов (garðar, ед. ч. garðr), то есть круглых оград (русское «город»), окружавших города или крепости, — может быть, потому, что ни то, ни другое (ни garðr, ни город) распространены на Севере не были и наибольшее впечатление на скандинавов произвели на Руси?

Но я все-таки думаю, что последнее слово, на мой взгляд, очень убедительное, в этом споре произнес С. Сдерлинд в очерке, опубликованном в коллективном труде под названием «Скандинавские языковые контакты»[2]. Изложу краткое содержание этого примечательного очерка, основанного, впрочем, на догадках датчанина В. Томсена конца прошлого века. Сдерлинд начинает с готов, в отношении которых все согласны, что это были восточные германцы, осевшие в начале нашей эры в низовьях Вислы. К III в. они переселились на берега Черного моря, где основали первое большое готское государство, самым знаменитым сувереном которого был Эрманарих — рмунрекк древнесеверных героических поэм[3]. Эта империя погибла под ударами гуннов между 370 и 380 гг. Готские племена, постепенно отделявшиеся от остальных германцев, как северных, так и собственно скандинавских, обратились в арианство. Но с падением гуннской империи они воспрянули и основали второе большое готское королевство, в чем им сильно помогли варяги — братья по языку и даже по этническому происхождению. А ведь те и другие отличались характерной физической чертой, видимо, не очень привычной для славян: они были рыжими[4]. Поэтому их соседи, а потом подданные — славяне назвали их Rūs, рыжими людьми. Можно —

[1] Эти выражения несколько раз использует Снорри Стурлусон в «Прологе» к «Кругу Земному», а также в «Саге об Инглингах».

[2] Söderlind, Stefan. The realm of the Rus': A contribution to the problem of the rise of the East-Slavic kingdom // *Scandinavian language contacts*. Op. cit. P. 133–170.

[3] См. «Подстрекательство Гудрун» в «Старшей Эдде» или «Песнь о Хлде» в «Саге о Хрвер и Хейдреке».

[4] Я уже оспаривал миф о высоком белокуром скандинаве с голубыми глазами — эти черты на самом деле более свойственны кельтам. Об этой особенности свидетельствуют бесчисленные прозвища, в том числе в исландских сагах, хотя те повествуют о населении, где скандинавский тип был и остается сильно перемешанным с кельтским: Эйрик Красный, Орм Красный (в смысле: Рыжий) и т. д. Тем не менее не следует бросаться и в другую крайность. Я не утверждаю, что все готы и скандинавы были рыжими, но распространенность этой черты должна была поражать внешних наблюдателей.

пусть мне простят эту педантичность — несколько детализировать этот вопрос и выстроить вероятную хронологию. Приблизительно между 150 и 350 гг. на основе протославянского *rūsŭ/rūdŭ (красный, рыжий) появилось слово *Rusi, *Rudi, рыжий (народ). К 450 г. возникла палатализованная протославянская форма «русь» или «рудь» (собирательное существительное женского рода единственного числа, см. названия других народов — «весь», «чудь», «пермь»), и этим словом славяне обычно называли готов. Так что[1] к 400–600 гг. готы сами усвоили это название в виде *raupʃ (произносится го :þs] в том же смысле. Это в любом случае паниндоевропейское слово, но так становится понятней, почему его не использовал Ульфила в своем знаменитом переводе Библии на готский язык (около 369 г.). Позже, между 600 и 800 гг., греки и финно-угры широко применяли это слово, называя им, разумеется, готов, но и всех остальных варягов, в отношении которых мы уже много раз говорили, что это были прежде всего шведы. Отсюда греческое rhōs, эстонское roots, финское ruotsi. Арабы заимствовали славянскую форму этого слова — ар-Рус, русы. Так что с начала IX в. финны и славяне русами называли шведов — см. абзац «Несторовой летописи» за 862 г., выше, с. 156. На древнерусском языке любой народ германского или скандинавского происхождения отныне назывался «русь», но это слово вс в большей мере относилось к тем скандинавам, которые поселились в Новгороде и в Киеве. Слившись, оба королевства русов (Новгородское и Киевское) стали способны бросить вызов Византийской империи. Государство русов достигло высшей точки развития к концу первого тысячелетия.

Если я нахожу эту аргументацию вполне убедительной, то, в частности, из-за выводов, которые делает С. Сдерлинд и которые точно совпадают с духом «Несторовой летописи». В государстве русов, русском, готы «продемонстрировали те же качества основателей государств, как и готы[2] в других местах: несравненную военную и морскую мощь в сочетании с примечательной неспособностью сохранить культурную и политическую независимость». Я не раз выражал сомнения относительно этой «несравненной военной мощи», но у нас еще будет возможность убедиться, насколько соответствует истине окончание этой цитаты.

Столь длинное доказательство показалось мне необходимым, чтобы попытаться покончить с проблемой, которую я никогда не считал

[1] Но, возможно, это слабое место в аргументации.

[2] Можно было бы написать — скандинавы в целом, но он, разумеется, имеет в виду остготов и вестготов.

реальной. Ведь мы можем изменить угол зрения и обратиться к свидетельствам другого рода, чтобы проверить, на самом ли деле русы, основатели Русского государства, были скандинавами. Возьмем три вида таких свидетельств.

Во-первых, арабские «репортажи», о которых мы уже много говорили. Они изобилуют сведениями об образе жизни русов, опознать которых для нас не составляет ни малейшего труда. Знаменитое описание похорон вождя русов на берегах Волги в 932 г., какими их увидел Ибн Фадлан, — слишком длинное, чтобы приводить его здесь[1]. С учетом того, неудивительного, факта, что Ибн Фадлан не понял всех деталей долгой, тщательно разработанной церемонии, происходившей перед его глазами, и что он, естественно, проявил тенденцию к «исламизации» того, смысл чего от него ускользал, совсем несложно, зная религиоведение и историю культуры, поместить этот грандиозный обряд в скандинавский контекст. Причем некоторые подробности даже проясняют для нас ситуацию, как образ той зловещей старухи, которая душит рабыню, добровольно решившую последовать за господином в иной мир, и которую идентифицировали с dauðafylgja исландских саг, персонажем, о котором мы знаем очень мало. Тем не менее надо отметить одну незначительную деталь, из которой дальше вырастет важная тема для размышлений: шведы-русы, представленные нам в этом исключительном рассказе, уже весьма славянизированы; вождь русов, которого торжественно хоронят, одет в тунику с пуговицами — аксессуаром одежды, неизвестным скандинавам X в.!

Ибн Руста писал почти в ту же эпоху. Все, что он говорил о русах, совпадает с тем, что нам известно о скандинавах. В начале он уточнил, что их основной деятельностью является охота на рабов — мы говорили то же самое!

> Они не имеют возделываемых земель, но зависят, чтобы жить, от того, что могут извлечь из страны сакалиба (славян). [...] У них нет владений, ни деревень, ни полей; единственное их занятие — добыча соболей, серых белок и других мехов, а деньги, которые они выручают от продажи таковых, они хранят в поясе.

[1] Французский перевод Мариюса Канара: *Ibn Fadlān, Ahmad*. Voyage chez les Bulgares de la Volga / trad. de l'arabe, présenté et annoté par Marius Canard. Paris: Sindbad, 1988. P. 77 и далее. Перевод в издании: *Les Religions de l'Europe du Nord*. Textes traduits et présentés par Régis Boyer et Éveline Lot-Falck. Paris: Fayard: Denoll, 1974, сделан с английского перевода, поэтому лучше предпочесть перевод М. Канара. [Русский перевод: *Ибн-Фадлан, Ахмед*. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. / Пер. и коммент. А. П. Ковалевского под ред. И. Ю. Крачковского. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1939.]

Они беспрерывно странствуют и ведут войну на кораблях; они очень смелы и очень коварны. Впрочем, они красивы, опрятны и хорошо одеты: Ибн Руста описывает то подобие брюк-гольф, которое мы обнаруживаем на резных камнях или на скандинавских коврах. Он также отмечает, что эти люди очень гостеприимны, но сварливы и склонны к поединкам — исландские саги менее всего противоречат любому из этих утверждений. Знатоку труднее согласиться с арабским наблюдателем, когда тот замечает, что у русов есть священники[1], но он не может возразить, когда Ибн Руста уточняет, что они приносят человеческие жертвы, убивают для этого мужчин и женщин, а также закалывают скот. Это сообщение опять-таки показывает, что речь идет именно о шведах, обращенных в христианство заметно позже других скандинавов, поскольку, если мы уверены, что на Севере были такие обычаи, их исчезновение, надо сказать, совпадает с обращением в христианство. И в довершение всего мы узнаем, что эти жертвоприношения совершались путем повешения — это самый настоящий одинический обряд. Последняя деталь: русы никогда не расстаются с оружием, даже когда отправляют естественные надобности. То же самое говорит об исландцах «Сага о людях с Песчаного Берега».

Мы предполагаем, что оба дипломата, к рассказам которых мы только что обращались, говорят о новгородских русах. А вот это очень интересное замечание, сделанное Истахри тоже около 950 г. , относится скорей к киевским: «Русы бывают трех видов. Царь тех, что ближе всех к Булгару, живет в городе, называемом Киев. Другой вид, далее этих, называется Славия, и есть вид, называемый Артания, царь которого живет в Арте». Артания — это эрзя, финское племя, осевшее на берегах Суры, притока Волги, западней Булгара. Что касается Славии, непохоже, чтобы это слово могло означать что-либо иное, кроме как «славян», несомненно новгородских русов, которые, конечно, славянизировались быстрей киевских.

Во-вторых, внушительную поддержку этой точке зрения дала археология: речь идет прежде всего о тех многочисленных кладбищах, которые раскопаны на российской территории и не отличаются от своих шведских аналогов. Так, в Гнздово (под Смоленском) нашли три тысячи захоронений с деревянными погребальными камерами, оружием и вотивными либо искупительными предметами, совершенно идентичные захоронениям в Скандинавии. В Старой Ладоге шведское присутствие в X в. очевидно, пусть даже при финской или славянской основе; доказательством этому служат дома из бревен круглого сечения, построенные по-другому, чем славянские, фрагмент лука с длин-

[1] Это понятие будет рассмотрено далее, когда речь пойдет об Исландии и годи.

ной рунической надписью, выполненной скальдическим размером (IX в.), четыреста курганов, традиционных для Севера. В Новгороде тоже легко можно обнаружить некоторый вклад шведов в развитие этого места, при славянской основе. Но здесь найдены также одна руническая надпись и несколько скандинавских фибул IX и X вв.

В общем, отрицать скандинавское присутствие на Руси неразумно. Настоящий ученый спор может идти только о их роли, но я полагаю, что она была куда более значительной, чем считает Л. Мюссе[1], сводящий ее к «проходу через Русь шведских искателей приключений, готовых пойти на любое выгодное дело». Последнее выражение — удачное, оно отражает характерную, на мой взгляд, черту викингов и варягов: жажду денег, ради которых они шли на вс. Но оно слишком преуменьшает их роль, как будет видно по следующей главе. Эти искатели приключений — шведские или другие — сочли более «выгодным» постоянно поселиться там, где их организационные способности творили чудеса.

Правда, многочисленные рунические надписи в Швеции, говорящие о Руси в том или ином виде, сообщают только о поездках, а не о поселении. Но объяснение элементарно: в огромном большинстве эти надписи выбиты в память о смерти дорогого человека. Ту или иную личность, постоянно поселившуюся в Новгороде или Киеве, не с чего было восхвалять. Посмотрим, к примеру, на Грипсхольмский камень: «Тола воздвигла этот камень в память своего сына Харальда, брата Ингвара. Они храбро поехали очень далеко в поисках золота; на Востоке они дали пищу орлам. Они умерли на Юге, в Серкланде [стране сарацин]»; или камень в Эстаберге, Сдерманланд, Швеция: «[Сигвид] пал в бою в Хольмгарде, капитан корабля, со своим экипажем»; или, чем и ограничимся, на камень в Шусте, Упланд: «[Спьялльбоди] нашел свою смерть в Хольмгарде». Но другого нечего и ожидать. Это просто подтверждение, что шведы часто и постоянно посещали те места.

Впрочем, пора вернуться к Истории. Она сообщает, что отношения между русами и Византией не всегда были мирными: около 860 г. флот под командованием Аскольда и Дира — которых мы уже упоминали в связи с Киевом — якобы обратился в бегство от стен города. Также похоже, что около 880 г. между скандинавами, основавшими Киевское государство, и теми, что поселились в Новгороде, происходили сильные раздоры. Поскольку Рюрик был вынужден уступить свое место в Новгороде Олегу (явно славянизированное

[1] *Musset, Lucien.* Les invasions. Le second assaut... Op. cit. P. 272. [*Мюссе, Люсьен.* Варварские нашествия на Западную Европу: вторая волна. Цит. соч.]

староскандинавское Хельги), который, возможно, сам пришел из Старой Ладоги и по пути якобы подчинил несколько городов, в том числе Смоленск. После этого он навязал свое верховенство Киеву. «Несторова летопись» говорит:

> И сел Олег, княжа, в Киеве, и сказал Олег: «Да будет это мать городам русским». И были у него варяги, и славяне, и прочие, прозвавшиеся русью. Тот Олег начал ставить города и установил дани словенам, и кривичам, и мери.

Кроме того, похоже, около 880 г. варяги предприняли первый рейд в Иран. За ним последовало еще несколько.

Достаточно ли мы сказали, чтобы убедить: проблема, поставленная в начале этого долгого рассуждения, — по-настоящему не капитальная? Аргументы и всевозможные цитаты должны были позволить читателю оценить спор, не заслуживающий таких стараний. Нужна значительная доза патриотизма, окрашенного наивной идеологией, чтобы отвергнуть «норманистскую» теорию, потому что-де она «отказывает славянским народам в способности сформировать самостоятельно независимое государство»[1].

Картину может искажать один факт, который относится ко всему феномену викингов в целом и на который никогда не обращали достаточного внимания. Не думаю, что, зная о неизбежно ограниченной численности викингов или варягов, поверхностный наблюдатель вправе сделать вывод, что они были способны только проходить через чужие территории, возможно, сея ужас. И, значит, они ничего не колонизовали (мы несколько страниц доказывали обратное), не основали прочных поселений и *a fortiori* [тем более (*лат.*)] не оставили глубоких следов в культуре и повседневной жизни. Утверждения такого рода противоречат очевидности.

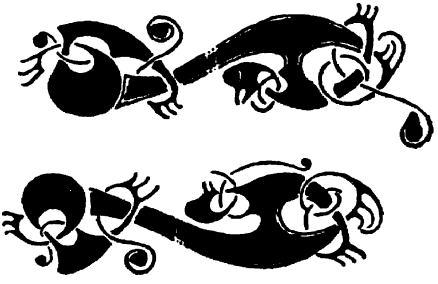
Но они объяснимы с другой точки зрения. Бросаются в глаза крайняя простота, поразительная быстрота адаптации и ассимиляции скандинавов повсюду, где они оседали[2]. Возможно, в этом состоял их главный талант. Очень скоро — особенно это заметно на Востоке, в отношении как готов, так позже и русов, — они отказывались от своей национальной идентичности, покидали свою религию, отрекались от своего языка, остатки которого приходится искать

[1] Яковлев Н. Н. О преподавании отечественной истории // *Большевик*. 22 (1947). Цит. по: *Pritsak, Omeljan*. Op. cit. P. 4.

[2] Разумеется, кроме Исландии. Но опять-таки можно напомнить, до какой степени смешанным было происхождение заселявших ее мужчин и женщин — это были как скандинавы, так и кельты. А за несколько поколений произошло настолько полное слияние, что современным наблюдателям с трудом удается распознать, что относится к одной культуре и что к другой!

в топонимике или в специальном словаре, и меняли культуру. Это, разумеется, был не просто отказ от корней, а редкая способность мирно сочетать память о древнем и недавно усвоенное новое. Я говорил о русах; через несколько десятков лет русов больше не было, были только русские. Сын Игоря-Ингвара, упоминавшийся выше, носил имя Святослав, и искать староскандинавский эквивалент его имени значило бы терять время. Славянизация и «византинизация» были полными. Пренебрегать этим бесспорным фактом значит постыдно принимать на веру все преувеличения, часто смешные, иногда опасные, мифа о викингах. Позвольте им, этим самым викингам, постоянно поселиться на Востоке или на Западе, дайте им прожить там два-три поколения, окрестите их (условие *sine qua non* [необходимое (*лат.*)]), и скандинавов уже нет, есть только англичане, нормандцы, фризы, русские. Я не хочу тем самым сказать, рискуя впасть в упрощенчество, что они теряли свою душу. Мы увидим, что некоторые важные ее компоненты они сохраняли. Но они переставали быть скандинавами.

Чтобы покончить с темой русов, укажем, что Олег основал династию Рюриковичей, царствовавшую на территории по оси Волхов — Ловать — Днепр до XVI в. Другой же род русов, род Рогволода (Ргнвальда), создал собственное владение на параллельном пути, в Полоцке (в верховьях Двины), сохранившееся более века. Но это материал следующей главы, где я еще раз вернусь к феномену русов. Я только хотел помочь читателю постепенно, в диахронической форме, понять реалию, которая вызывает столько напрасных споров. Оригинальность викингского феномена, рассмотренного под таким углом, на Востоке состояла в том, что он дал коренному населению правящих князей[1].



[1] С большей последовательностью этот вопрос комплексно рассмотрен Режи Буайе в работе: Boyer, Régis. La Russie a-t-elle été fondée par les Vikings? // *Études germaniques*. 4, oct.-déc. 1991. P. 429–450.

IV. ЭПОХА КОЛОНИЗАЦИИ И ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ (900–980), А ПОТОМ БОЛЬШИХ РЕЙДОВ (980–1050)

При изложении поневоле приходится все упрощать. На самом деле викингское движение, каким мы его видели, особенно с 850 г., продолжалось еще долго и обладало теми же качествами, о каких мы говорили. Оно бы не умерло, если бы внешний фактор — Запад, наконец решившийся перейти к систематической обороне, — соединившись с внутренним фактором — формальным и реальным обращением скандинавов в христианство, — не лишил этот феномен «жизненной силы».

Однако наблюдатель вправе утверждать, что на рубеже 900 г. — формулировка «на рубеже» имеет смысл, так сказать, чисто статистический, поскольку в реальности это произошло где в 874 г. (Исландия), где в 911 г. (Нормандия), — началось некое общее затишье, продолжавшееся приблизительно до 980 г. Причины этой передышки выглядят довольно ясными, тогда как оживление 980 г. создает серьезную проблему. С одной стороны, к тому времени в Исландии, Денло, Нормандии, на Руси скандинавы поселились постоянно. Следует повторить, что цель викингов состояла прежде в том, чтобы добывать деньги, любыми путями, а после этого — чтобы найти места, где жить удобнее, чем на Севере, и осесть там. После доброго полувека проб и ошибок, после другого полувека «проверок на прочность» настали времена либо для настоящей колонизации, либо для внедрения посредством *modus vivendi* [временного соглашения (*лат.*)]. С другой стороны, как в этом вопросе было всегда, явное изменение вида действий могло иметь экономическую причину. Около 900 г. Север был вынужден перейти от меновой торговли, для которой годились по преимуществу предметы роскоши в малых

количествах и на которой он специализировался, к торговле нового типа. Это выразилось в том, что при обмене вс более возрастал примат монеты — западноевропейской или арабской. Впрочем, Север и сам, причем вс активней, начал чеканить монету. И бесспорно, что некоторые из его крупных торговых центров, как, например, Бирка, испытали относительный упадок.

Добавим одну культурную причину, которая уже отмечалась, но которой понадобится много времени, чтобы глубоко укорениться и изменить менталитет, — христианизацию. Около тысячного года Скандинавия стала христианской, Швеция слегка запоздала (1050), что объясняется скорей ее удаленностью и стечением обстоятельств, чем большей стойкостью шведского язычества. Тем не менее с момента, когда викинг становился христианином[1], он терял как драчливость, поскольку теперь грабил, жег или насиловал единоверцев, так и устрашающий ореол, поскольку больше не был приспешником Сатаны. Этот феномен неизбежно должен был принять политическую окраску, которая стала явственной в Дании — как раз к 980 г. Я даже скажу — и это причина, по какой я объединил в одной главе обе стадии, 900–980, а потом 980–1020 гг., — что последний период (980–1020) представляет собой один из тех отчаянных скачков, какие совершает История, когда гибнет какая-то важная тенденция.

Попробуем себе представить: эпоха викингов растянулась на десять поколений. Это много для явления, сопряженного с насилием (даже если не в большинстве случаев) и, главное, беспорядочного и разсеянного в пространстве. В конце концов, схожие набеги других народов, венгров, сарацин, совпадение которых во времени мы уже отмечали, кончились точно так же вплоть до деталей и, более того, иногда до поразительных аналогий — колонизацией, захватом ранее существовавших государств, взятием власти в них и т. д. Таким образом, в истории викингов есть нечто само собой разумеющееся — вправе ли я сказать: неизбежное? Лишь наше воображение, распаленное мифами, предпочло бы видеть в ней что-то исключительное.

Ради удобства изложения и верности принципу, которому я следую во всей книге, я рассмотрю каждую страну отдельно.

[1] И добрым христианином. См.: *Boyer, Régis*. La Vie religieuse en Islande, 1116–1264: d'après la «Sturlunga saga» et les «Sagas des évêques». Paris: Fondation Singer-Polignac, 1979, в частности, главу III: «Christianisme et la vie courante» [Христианство и повседневная жизнь].

ЭПОХА КОЛОНИЗАЦИИ И ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ (900–980)

Норвегия

Несмотря на небольшой исторический сдвиг[1], уже отмеченный, я считаю нужным подробно изложить здесь исландскую ситуацию — поскольку, и этим аспектом слишком часто пренебрегают, она составляет неотъемлемую часть викингского феномена, наглядно показывая, как выглядело последнее проявление экспансии викингов, и поскольку ее создали в основном норвежцы, пусть даже тут придется сделать некоторые оговорки.

Хотя почти бесспорно, что Исландия не была «Последней Туле» (Ultima Thule) Пифея[2], она не осталась неизвестной Беде Достопочтенному[3], равно как и Дикуилу, ирландскому монаху, написавшему около 825 г. «Книгу об измерении круга Земли», в которой он упомянул страну на западе, где ночи некоторую часть года настолько светлы, что можно искать вшей на рубахе! Когда Ари Торгильссон Мудрый в своей «Книге об исландцах» отметил, что скандинавы, причалив к острову, нашли на нем *papar*, ирландских отшельников, которые удалились оттуда, потому что не захотели жить вместе с язычниками, — он, должно быть, говорил правду: современные археологи нашли следы кельтов, датируемые временами задолго до 874 г., прежде всего в юго-восточной части острова, к тому же топонимика, аскетические уставы ирландских отшельников, практика мореплавания — все наводит на мысль, что Ингольв Арнарсон и его судовой экипаж были не первыми обитателями этой земли.

Мы хорошо осведомлены об открытии острова скандинавами благодаря разным «книгам о заселении», которые сохранились[4]. Около 850 или 860 г. норвежец Наддод, шедший из Норвегии на Фа-

---

[1] Действительно небольшой: колонизация как таковая происходила с 890 по 930 гг., то есть как раз в период, рассматриваемый здесь.

[2] По последним научным данным, Пифей имел в виду либо Оркнейские, либо Лофотенские острова.

[3] *Beda Venerabilis*. Historia ecclesiastica gentis Anglorum. VIII в.

[4] Напомним: имеются в виду любопытные произведения, детально рассказывающие о заселении Исландии в соответствии с топографическим принципом, состоящим в том, что автор начинает с какой-то точки на побережье острова и описывает берег по часовой стрелке, останавливаясь на каждом месте, где обосновался колонист, и сообщая здесь все полезные сведения, касающиеся как лично колониста, так и его предков, а то и потомков. См. частичный перевод Р. Буайе: *Livre de la colonisation de l'Islande*. Op. cit.

рерские острова, якобы сбился с пути и оказался в районе восточных фьордов. Утверждается, что он окрестил эту землю Снеландом (Snæland), Землей Снега. Несколько позже или, может быть, в то же время швед Гардар Свавaрссон, ничего не зная об экспедиции Наддода, якобы также причалил к берегу в Эйстфирдир (Austfirðir, Восточных фьордах), а потом обогнул весь остров, скромно назвав его Гардарсхольм (островок Гардара!). Он даже зазимовал в северной части острова, в Хусавике. Норвежец Флоки Вильгердарсон, услышавший об этих путешествиях, якобы отплыл приблизительно в 870 г., взяв с собой вс необходимое для поселения. Сообщается, что вóроны, которых он взял с собой, и дали ему знать о существовании острова; из-за них Флоки получил прозвище Хравна-Флоки (Флоки-с-воронами). Он тоже пристал к земле в Восточных фьордах, но обосновался на противоположном берегу, в Брейда-фьорде, на самом западе. Якобы он там пережил суровую зиму, во время которой его худой скот пал, что вынудило его вернуться в Норвегию. Но именно он дал острову его окончательное название — Исландия, Земля Льда[1]. Впоследствии он вернулся, поселился на острове насовсем и умер на его севере, на побережье Скага-фьорда. Не факт, что «открыватели» были здесь перечислены в правильном порядке[2]; может быть, следует предпочесть последовательность Гардар — Наддод — Флоки. Новейшие исследования[3], как и усилия по восстановлению местной природы, очень пострадавшей, особенно за последнюю тысячу лет, от извержений вулканов, от землетрясений и экстенсивного овцеводства, не оставляют сомнений в правоте первых свидетельств, согласно которым Исландия имела обширные леса, богатые фауну и флору, реки, изобилующие рыбой, и значительные морские природные богатства (прежде всего китов и тюленей). Тем не менее дифирамбы этих первых текстов, вдохновленных

[1] Надо ли уточнять, что это название, которое, видимо, дали зимой, — не совсем заслуженное? Хотя в Исландии есть большие ледники, это не холодная земля — благодаря Гольфстриму, который охватывает ее широкой петлей, — и не земля, покрытая льдом.

[2] См. *Livre de la colonisation de l'Islande*. Op. cit. Chapitre S 284.

[3] Фундаментальные работы на эту тему написал Сигурдур Тораринссон, в частности: *Thorarinsson, Sigurdur*. Tefrokronologiska studier på Island: þjórsárdalur och dess förödelse: akademisk avhandling. Stockholm: Esselte, 1944. Превосходный обзор есть в издании: *Saga Íslands*; samin að tilhlutan Þjóðhátíðarnefndar 1974. Ritstjóri Sigurður Líndal. V. 1. Reykjavík: Hið Íslenzka Bókmenntafélag, 1974. P. 29–99.

Библией[1], надо воспринимать осмотрительно: ведь вулканическая почва страны явно не могла сделать из нее эльдорадо!

Вероятно, поэтому в 874 г. норвежец, уроженец юго-западной части своей страны Ингольв Арнарсон и его побратим Хьрлейв Хродмарссон отплыли в Исландию — они покинули Норвегию из-за неприятной истории, поссорившей их с ярлом Атли. Они тоже пристали к побережью фьордов на восточном берегу. Ингольв там и остался, тогда как Хьрлейв отправился в викингскую экспедицию в Ирландию, где захватил трофейный меч. После этого оба вернулись в Норвегию и решили на сей раз переселиться по всем правилам. Они взяли с собой жен и детей, товары, скот, мебель, не забыв и священные столбы, öndvegissúlur, от почетного сиденья хозяина дома. Ингольв причалил в месте, позже названном Ингольвсхвди (мыс Ингольва), Хьрлейв — в Хьрлейвсхвди (мыс Хьрлейва), то и другое на юге острова. Весной Хьрлейв решил вспахать и засеять землю, для чего запряг в плуг рабов, а те, рассердившись, убили его и попытались найти убежище на островках к юго-западу от Исландии, которым дали свое имя — Вестманнаэйяр, острова «людей с запада», то есть ирландских [рабов]. Тем временем Ингольв послал собственных рабов на поиски своих öndvegissúlur, которые ранее по языческому обычаю выбросил за борт, как только завидел берег: где столбы выбросит на побережье, там он и собирался обосноваться. Рабы Ингольва узнали о смерти Хьрлейва. Ингольв направился на поиск убийц побратима, нашел их и убил. Потом он нашел свои öndvegissúlur в месте, которое назвал Рейкья(р)виком (Бухтой дыма [дымов], то есть паров от горячих источников, многочисленных в этой местности), и поселился там. Археологи недавно нашли это место. Ингольву оставалось провести границы той территории, которую он присвоил, и дать земли спутникам. «Книга о заселении Исландии» подробно приводит описания обрядов, совершавшихся при принятии земли во владение: при помощи огня, стрелы, борозды и т. д.[2] Нам сейчас трудно судить, были ли это действительно древние обычаи или их ввел Харальд Прекрасноволосый, как утверждают некоторые из наших текстов.

---

[1] Можно предположить, что их авторы зачитывались Библией; должно быть, сильное впечатление на них произвело, в частности, открытие Ханаанской земли. Обратите внимание на прозвище одного персонажа, Торольва Смра (smjör — масло): ведь он якобы утверждал, что в этой стране текут молоко и мед и каждая былинка сочится маслом!

[2] См. очерк по этому вопросу в издании: *Livre de la colonisation de l'Islande*. Op. cit. P. 114 и далее.

С этого и началось массовое движение, в ходе которого за шесть десятков лет в Исландию прибыло около 430 поселенцев, если верить «Книге о заселении», где они скрупулезно перечислены. Так что к 930 г. население острова уже насчитывало около 35 тыс. человек. Описаны способы присвоения земель: помимо использования уже упомянутых обрядов, пришельцы могли договариваться с прежними владельцами, чтобы те подарили им земли, могли покупать участки, а то и присваивать их силой, спровоцировав хозяина на поединок. Ни в одном случае не идет речи о сгруппированном поселении — нормой оставались рассеянные жилища.

Особо надо подчеркнуть крайне смешанный состав поселенцев. Ведь население далеко не состояло исключительно из скандинавов. Конечно, большинство составляли северяне и в том числе норвежцы, прежде всего выходцы из провинции Агдир в Согне — филологический аргумент (язык, который назовут староисландским и который очень похож на старонорвежский язык юго-западной части Норвегии) выглядит убедительно. Но были также датчане и шведы, а кроме того — фламандцы, саксы и англы. Главное, что значительную долю составляли кельты (хотя точные цифры привести невозможно). Кельты прибывали прежде всего из Ирландии и с североатлантических островов (Оркнейских, Шетландских, Гебридских), даже с острова Мэн или из Северной Шотландии, где колонизаторы высадились уже давно и захватили наложниц и рабов, быстро ставших вольноотпущенниками. Можно считать, что «средняя» семья, состоявшая из трех десятков человек, в доброй половине случаев была кельтской. Кстати, многие исландцы IX и X вв., упомянутые в сагах, носили кельтские имена: Ньяль [Ниалл], Кормак и т. д.

Этот факт крайне важен, потому что изначально предопределил своеобразие исландского народа и его истории. Им объясняется прежде всего физический тип жителей, который и по сей день отличается от типа континентальных скандинавов. Этот факт также оказал непосредственное влияние на формирование и развитие оригинальных культуры и цивилизации в самых разных сферах — религии, права, кусства и особенно литературы. Случилось, как мы говорили, сландское чудо»; оно непредставимо без слияния двух этносов, х традиций, двух образов жизни и мышления, слияния, которое изошло в конечном итоге. Это не значит, что исландцы — не скан-ивы: одного лишь факта, что они говорили на староскандинавском же сохраняли этот язык более тысячи лет, достаточно, чтобы ждать обратное. Но это другие скандинавы, и иностранным

влиянием, которое они восприняли, нельзя пренебречь. С другой стороны, выводы, которые можно сделать из исландских реалий, распространять на всю Скандинавию не следует. Непосредственно к нашему сюжету относится один пример: похоже, что исландцы бывали «викингами» только по случаю, и этот феномен в обычном представлении, каким его описываем здесь мы, интересовал их лишь изредка и даже, судя по текстам, которые нам о них говорят (принадлежащих sagnamenn, или авторам саг), — как некая дань моде. Зато если чем они вполне похожи на викингов, так это способностью, очень важной, акклиматизироваться и закрепляться на новом месте: я не устаю напоминать, что эта способность была составной частью викингского характера.

Что касается причин массового исхода в Исландию, о них сказано слишком много, и я не думаю, что этот вопрос заслуживает долгого разговора. Мы уже отмели старую добрую теорию, столь дорогую Снорри Стурлусону, согласно которой этих поселенцев изгнал из Норвегии деспотизм Харальда Прекрасноволосого. Ведь по духу эта страница Истории в точности соответствует всему, что мы до сих пор могли сказать о движении викингов. Помимо авантюризма и зова океана, их могли привлекать туда новые земли в стране, считавшейся богатой и к тому же приспособленной к традиционному северному образу жизни, то есть к занятиям скотоводством и рыбной ловлей. Не знаю, что еще могло бы потребоваться.

Внимательно рассмотрим облик, тоже очень оригинальный и очень неожиданный, того общества, которое сформировалось в Исландии: смешение, характерное для него, очень интересно, поскольку предопределило политические судьбы острова и не имело аналогов на Севере. Действительно, в его состав входили могучие бонды (stórboendr)[1], то есть крупные свободные землевладельцы, иногда королевского рода (как Гейрмунд Хельярскин, Ингимунд Старый или Грим Лысый); среди них встречались и женщины (например, авторитетная Ауд Дьюпйдга), нередко также крупные купцы или, что то же самое, прославленные или даже богатые викинги, сумевшие очень быстро сколотить состояние на месте, в Исландии (как Гудмунд Могучий). Строго говоря, их можно было бы определить как аристократов, если бы в их социальном контексте такой термин не был бы несколько нелеп. Они безусловно представляли собой элиту или, если использовать классовую терминологию, высший слой общества. Но это общество не имело внутри жестких перегородок.

[1] Подробно это слово будет рассмотрено во второй части нашей книги, в главе V

Я бы особо подчеркнул, что Исландия не была ни настоящей демократией, ни подлинной республикой. Но в силу обстоятельств она выглядит в наших глазах весьма демократичной; мы хотим сказать, что социальные различия там, возможно, были не столь глубокими, как в других местах. Встречались «выскочки», сумевшие «подняться наверх», и очень высоко, как Снорри Годи или, позже, Стурла Тордарсон из Хвамма.

Далее шли малые бонды (smáboendr), часто люди, которым меньше повезло с происхождением, менее удачливые или ловкие, а также вольноотпущенники. Обычно арендаторы или испольщики у первых, они менее активно участвовали в политической или административной жизни, хотя ограничений не было. Для бондов всех видов было характерным постоянное жилище. В противном случае речь шла о einhleypingar (буквально: людях, бегущих в одиночку, в смысле: не имеющих собственного дома), то есть бедняках, хоть и «свободных», или бродягах, — они надолго остались язвой этой страны.

Внизу социальной лестницы находились рабы и сервы. Но пусть читатель не относит к ним свое представление о таковых. Первоначально рабом (трэлем, þræll) становился военнопленный или просто человек, захваченный во время викингского рейда либо купленный на рынках Гасара (на севере острова) либо Эйрара (на юге), а также ребенок раба. Но высказывания из саг, очевидные кальки с иностранных источников, не следует понимать буквально. Трэль отнюдь не был сервом. Он имел много возможностей выкупить себя — заплатив назначенную сумму или просто совершив доброе дело. Тогда он становился вольноотпущенником (leysingi, frjálsmaðr), и тем самым его дети уже считались свободными.

На самом деле форма социального расслоения, только что вкратце описанная, была как нельзя более размытой. К тому же, как известно, выполнение религиозных, политических, социальных функции не включало человека в состав иерархии. Это опять-таки не значит, что мы имеем дело с эгалитарным обществом! Просто, хоть наличие могучих бондов и побуждает говорить о плутократической олигархии, из-за стечения исторических и местных обстоятельств всякая жесткая классификация здесь исключалась.

Определенный интерес может представить изучение биографий некоторых знаменитых колонистов. Вот Грим Лысый, сын Квельдульва (Вечернего Волка, прозванного так за зловещую способность

становиться оборотнем[1] с наступлением вечера), имевший характер очень непростой, но человек чрезвычайно искусный. Он не смирился с утратой любимого брата Торольва и отомстил за него королю Харальду Прекрасноволосому; это якобы стало причиной его бегства в Исландию. Он поселился на западе, в Борге, в том месте, где прибило к земле гроб его отца, умершего во время перехода, гроб, который он велел спустить за борт, — в этот сюжет мы здесь вникать не будем, но такая замена для öndvegissúlur заслуживает внимания. В Борге он основал три хутора: один для ловли лосося, еще один ниже, где он возделывал землю, и третий, оборудованный для охоты на тюленей и китов. К тому же это был великий smiðr — это слово в первом приближении можно передать как «кузнец», но фактически оно означало «искусный ремесленник», — умело добывавший гематит из болота и ковавший изделия из железа. Как многогранно одаренный человек, он мог быть скальдом, когда хотел, и этот дар наследует его сын Эгиль, величайший поэт независимой Исландии.

Ауд Дьюпйдга (djúpauðga, «очень богатая», можно прочесть также djúpuðga, «мудрая») была дочерью человека, которого король Харальд якобы изгнал из Норвегии и который поселился на Гебридах. Там она якобы вышла за великого sækonungr («морского короля», но мы толком не знаем, что означает это выражение, очень часто встречающееся в наших текстах) Олава. У них родился сын, после ставший королем Шотландии. Уехав в Исландию с двумя десятками вольноотпущенников и рабов, она обосновалась также в западной части острова, на побережье Хваммс-фьорда. На склоне лет эта знатная женщина, прославившаяся гостеприимством, устроила собственный погребальный пир, прежде чем умерла. Примечательный момент: она была христианкой, как утверждает «Книга о заселении Исландии»[2], и пожелала, чтобы ее похоронили не в исландской земле, еще языческой, а на той полосе, которую обнажает море во время отлива (flæðarmáli, у нас — ватты). Упоминание о ней встречается в таких больших сагах, как «Сага о Снорри Годи», «Сага о людях из Лососьей Долины» или «Сага о Гисли».

Что касается Гейрмунда Хельярскина (буквально «Адская Кожа», в смысле — смуглая), он был сыном «короля» Хьра и провел молодость в викингских походах. Отказавшись покориться королю

[1] Hamrammr, или eigi einhamr. Об этом интересном понятии см.: *Boyer, Régis.* Le Monde du double: la magie chez les anciens Scandinaves. Op. cit. Прежде всего p. 40–43.

[2] *Landnámabók.* S. 93 и далее.

Харальду, он направился в Исландию и поселился в северной части острова, в Странднр, где возвел четыре роскошных жилища.

Хельги Магри (Тощий) явно имел ирландское происхождение. Рассказывается, что он женился на дочери Ауд Дьюпйдга и также обосновался на севере, на берегу Эйя-фьорда. О нем говорят, что он имел «очень смешанную веру» (mjök blandinn í trúnni), потому что обращался поочередно, в зависимости от нужды, то к Христу, то к Тору.

Что касается Уни Дански (Датчанина), он якобы приходился сыном Гардару Свавaрссону Первооткрывателю. И сам король Харальд направил его в Исландию, чтобы он присвоил землю именем короля. Сказано, что исландцы его изгнали, а потом убили; его история очень смахивает на легенду, но тем не менее одной из самых оригинальных особенностей этой страны остается тот факт, что она так и не признала ни короля, ни вождя, несмотря на разные поползновения со стороны норвежцев, до 1262–1264 гг.

Это лишь несколько примеров. Саги, называемые «исландскими» (Íslendingasögur) или, несколько произвольно, «родовыми», рассказывают о радостях и бедах этих мужчин и женщин, которым нельзя отказать ни в смелости, ни в энергии.

Ведь — несмотря на заманчивые слухи, какие могли распространять первооткрыватели, — ресурсы острова, хоть и не ничтожные, не превращали его в рай. Пришельцы поначалу жили за счет экстенсивного разведения рогатого скота, прежде всего овец. Рассказывается об одном бонде, который якобы имел 2400 овец. Лугов и выгонов хватало, и очень скоро возник обычай использования общих пастбищ, или альменнингов (almenningr) — которые, впрочем, стали источниками бурных ссор. Это скотоводство давало многочисленные молочные продукты, такие как скир (skýr)[1], вяленое мясо (хангикьот, hangikjöt), шерсть — сырье для незаменимого водмола, а также шкуры, кожи, пергамент. Одна из теорий, пытающихся объяснить исландское чудо в сфере литературы, исходит из того, что велень был изобильным и дешевым. Земледелие, особенно на Юге, главным образом разведение гречихи, было возможным, но ограниченным. Зерно так и осталось необходимой статьей экспорта. Другим важным ресурсом была рыба — речная (лосось и форель) и морская (треска и сельдь). Она и в наши дни остается важным источником доходов. К этому добавлялись охота на тюленей и китов, в частности,

[1] Несомненно разновидность кислой сыворотки, во всяком случае, напиток, а не очень жирный творог, который называют этим словом сегодня.

ради добычи моржовых бивней. Высушенная на характерных стойках в виде перевернутой буквы V рыба (skreið) могла долго храниться в виде harðfiskr [сушеной трески] и составляла основной продукт питания. Остается упомянуть ремесло, которым занимались люди обоего пола, — прядение, ткачество, вышивку, а также обработку дерева и железа и резьбу по кости, в том числе моржовой. Важное место, как следовало ожидать, занимала торговля. Порты-фактории, такие как Эйрар в Боргар-фьорде и Гасар в Эйя-фьорде, поддерживали регулярные связи с Норвегией (Бьргюном-Бергеном и Трандсхеймом, на самом деле Нидаросом-Тронхеймом), Англией (Лондоном) и Ирландией (Дюфлинном-Дублином). Ввозили строевой лес, зерно, железо, деготь, вино, роскошные одежды и произведения искусства в обмен на водмол, шерсть, жир и кожи. Этот обмен был в буквальном смысле жизненно важен, потому что Исландия напрочь не могла жить в условиях автаркии. Как только постройка необходимых кораблей постепенно перешла в руки норвежцев из-за нехватки дерева, независимости острова пришел конец.

Весьма примечательно, что горсть мужчин и женщин, поселившихся в Исландии с 874 по 930 гг., сумела самостоятельно организоваться, чтобы наладить приличную и, насколько известно, обеспеченную жизнь.

Но самой удивительной остается в высшей степени оригинальная форма правления, которую они сумели создать. К сожалению, если мы достаточно хорошо представляем его прерогативы и функционирование, его происхождение и истинная природа остаются малопонятными. Речь идет о так называемых годи (goði, мн. ч. goðar). В этом институте нет ничего исландского, и он определенно заимствован из Норвегии. Но что представлял собой годи? Делать из него «жреца» значит идти вопреки очевидности, особенно с учетом того, что мы сегодня понимаем под этим словом. Как известно, древнесеверная «религия» (это термин сам по себе некорректный, потому что в языке существовало только понятие «siðr», означавшее отправление культа, обычай, обряды как таковые, но не было ни одного слова, соответствующего нашему «религия») не знала ни догм, ни связной доктрины, ни «касты» жрецов, прошедших инициацию и пользующихся сакральными прерогативами либо воспринимаемых как хранители эзотерического знания или могущества. Весьма легко показать, что все сказанное о них в сагах, — калька с библейских или классических образцов. Попытка сделать из годи хранителя храма, соответственно собирающего особую подать, или hoftollr, вызывает сомнения такого

же рода. Очень похоже, вопреки Адаму Бременскому, «Саге о людях с Песчаного Берега» или другим, еще менее надежным текстам, что древний Север не знал храмов: при всех необходимых оговорках можно утверждать, что в столбовые ямы, найденные в Старой Упсале, в Швеции, были вставлены столбы почетного сиденья (öndvegissúlur, уже упоминавшиеся) короля, главы семьи или клана, а не опоры храма. А описания храма, приведенные, например, в «Саге о людях с Песчаного Берега», глава 4, слишком явно воспроизводят христианские представления, чтобы их можно было принимать всерьез.

Однако неоспоримо, что слово «годи» этимологически напрямую связано с одним из терминов, означающим «бог», — goð или guð[1]. Пойдем другим путем, чтобы подступиться к этому понятию. Пойдем, отметив, что, если древнесеверная религия не соответствовала нашему представлению о религии, то для нее были характерны (в предельном случае она к ним сводилась) значимые жесты, ритуальные практики разного рода (жертвоприношения, пророчества, вотивные или искупительные пиршества), которые совершал вождь племени («король»), глава клана или семьи; что сакральность и право были нераздельны или, точнее, что право было сакральным и для того, чтобы «говорить закон», требовался исполнитель или глашатай. Из этого следует, что с незапамятных времен вполне мог существовать обычай, делавший вождя (короля или ярла, если культ был общественным, главу семьи, если частным) обладателем сакральных прерогатив, позволявших как приносить жертвы, так и провозглашать закон. Эти сановники и назывались годи (goðar). Их статус был одновременно достаточно расплывчатым, чтобы допускать индивидуалистические и свободолюбивые притязания (умеренные, не доходившие до анархии или лаксизма, — в ту эпоху представление о порядке главенствовало, и не только в германском регионе; в других местах оно породит знаменитую теорию *ordines*[2], которая на Севере никогда не приобретет социальных коннотаций [какие приобрела на Западе] для столь сильных личностей, какими были скандинавы), и достаточно четким,

[1] Очень хорошее исследование по этому вопросу сделал М. Каэн: *Cahen, Maurice*. Le mot «dieu» en vieux scandinave. Paris: E. Champion, 1921.

[2] Напомним, что речь идет о концепции, очень распространенной в Средние века, согласно которой Богу угодно общество, состоящее из трех «сословий» (*ordines*): тех, кто молится, тех, кто обеспечивает защиту общества, и тех, кто занимается ручным трудом, позволяя всем выживать. Для этой теории находили разные соответствия, например, в животном мире: агнцы, собаки и быки. Схема, которая сюда относится, явно повлияла на Ж. Дюмезиля и его учеников, таких, как Ж. Гресвард.

чтобы все-таки внушать почтение, ощущение различия. Таким образом, годи были одновременно «понтификами» в этимологическом смысле слова[1] и законодателями, но, похоже, не имели светской власти, чем, возможно, объясняется, почему с них взимали подать за отправление их функций. Возможно, они, что сомнительно, образовали некое духовное сообщество, хотя — я на этом настаиваю — не могли быть связаны, например, с друидами. Их функция глав сообщества (функция королей, но в Исландии таковых просто не было, в чем состоит главное своеобразие тамошнего общества, притом что это отсутствие еще не нашло объяснения; или функция глав семей, поскольку, что столь же достоверно, одной из основ этой религии был культ предков), традиционно сакральная, *ipso facto* [сама по себе (*лат.*)] обеспечивала им религиозное и юридическое первенство. Не исключено, судя по прозвищам некоторых из них, как Freysgoði, годи Фрейра, что они служили каким-то отдельным божествам. Более вероятно, что их должность была наследственной и, главное, они могли принадлежать только к «классу» бондов. В любом случае именно годи с самого начала образовали административный, если угодно — исполнительный, безусловно законодательный и юридический костяк общества, сформировавшегося в Исландии на рубеже 900 г.

Впоследствии — похоже, очень скоро, — если несколько забежать вперед, годи стал фигурой, играющей решающую роль на тинге (þing). Последнее слово означает сезонное собрание всех свободных людей, где решение вопросов, представлявших общий интерес, к какой бы сфере они ни принадлежали, принималось сообща. Понятно, что у годи в одиночку не было возможностей добиться своего. Поэтому у него довольно скоро появились тингмены (þingmenn, ед. ч. þingmaðr — «человек тинга»), то есть спутники, верные (я сознательно избегаю слов «клиент» и тем более «вассал», влекущих за собой представление о феодализме — институте, которого Север никогда не знал), люди, сопровождавшие и поддерживавшие его на тинге, чтобы помогать ему проводить решения, которые он считал важными. В результате скоро появилось также чрезвычайно оригинальное понятие — «годорд» (goðorð), а от него произошло «годордсмен» (goðorðsmaðr). Слово «годорд» означало власть, которую осуществлял годи; это было некоторым образом моральное понятие, то есть не предполагавшее географических ограничений. Оно относилось к семье или к месту; любой, кто хотел присоединиться, любой, кто желал стать тингменом данного годи, мог это сделать. Тогда он должен был

[1] Они служили «мостами» (pont) между нашим миром и сферой сакрального.

принести нечто вроде клятвы на верность; после этого годи и тингмен были обязаны взаимной помощью и покровительством, причем в обязанности годи входило поддержание мира между тингменами. Сообщество годи — тингмены тоже могло называться годордом, а обладатель этой власти в конечном счете получил название «годордсмен». Годорд не был пожизненным, владелец мог его продать частично или целиком, передать наследникам или не передавать. Тингмен не был обязан оставаться на службе у своего годордсмена, он мог расторгнуть договор (segja sik úr þingi). Это годи, а потом годордсмен, назначал цену за товары, выгружаемые в порту с судов; что касается тингменов, они были обязаны давать приют своему годи и платить ему þingfarakaup — компенсацию расходов для прибытия на тинг. Таким образом, мы можем говорить о свободном союзе, и это не самая неоригинальная черта данного института.

Но потребности изложения вынудили меня забежать вперед. Вернемся в 925 г. Рост и сравнительная стабилизация населения (количество земель, пригодных для эксплуатации, было не бесконечным; можно сказать, что к тому времени почти вс, что годилось для колонизации, было занято) сделали ощутимой потребность в судебной инстанции, одновременно постоянной и единообразной — ведь это сообщество грешило склонностью к ссорам, часто переходившим в кровопролитные стычки. В частности, чтобы улаживать разногласия между годи, а также разрешать тяжбы, когда годи за границей. Поэтому некоему Ульвльоту было поручено отправиться в Норвегию для подробного изучения действующих там законов, в частности, законов Гулатинга и Фростатинга. Ульвльот отсутствовал три года. Вернувшись в 930 г., он основал альтинг (alþing), или всеобщий тинг, на основе принципов, согласно которым тинги действовали на всем Севере. Его сводный брат, Грим Козлиная Борода, чрезвычайно удачно выбрал для него расположение на Тингвеллире (Полях Тинга): это место, находящееся километрах в семидесяти к югу от современного Рейкьявика, по природной конфигурации превосходно подходит для собрания такого рода. Там были обнародованы законы Ульвльота, впоследствии передававшиеся устно в течение двух веков, пока их не записали в «Хафлидаскру» (Список Хафлиди, XII в.), а потом — в кодекс под названием «Грагас» (конец XII в.).

Так как, насколько нам известно, ничего подобного альтингу в других местах не было, мы немного задержимся на его описании. Он собирался во второй половине июня и длился две недели. Он выполнял три разряда функций, а при его открытии и закрытии,

вероятно, проходили религиозные обряды, но о них мы слишком плохо осведомлены, чтобы осмелиться что-то говорить: он улаживал вопросы, представлявшие общий интерес, вопросы законодательного и зачастую юридического характера (это не был исполнительный орган, ведь у независимой Исландии никогда не было ни армии, ни полиции, ни милиции), распространял новости, интересующие всех, поступавшие, в частности, из-за рубежа, и служил обширной ярмаркой, где производились все сделки, уступки земель, купля и продажа, заключались браки и т. д. Там заседало 36 годи (в 965 г. их количество дошло до 39), и каждому ассистировало два советника, один из которых сидел впереди него, а другой сзади. Они избирали на три года, с возможностью продления этого срока, некоего председателя, законоговорителя (lögsögumaðr) — буквально «человека, говорящего закон», потому что он действительно должен был в течение трех заседаний своего мандатного срока провозгласить целиком кодекс Ульвльота. Таким образом, считалось, что никто не может не знать закона. Кроме того, законоговорителю полагалось выносить решение при спорных юридических казусах.

Законодательная власть принадлежала лгретте (lögrétta) — так называлось собрание 36 (позже 39) годи и их советников, которое вносило поправки в законы, отменяло законы или разрабатывало их. Решения должны были приниматься единогласно, притом что правилом была абсолютная свобода слова для всех свободных людей. Законоговоритель находился на возвышении, или Лхберге (Скале Закона), расположенном точно напротив лавового утеса, так хорошо отражавшего звук его речей, что все члены лгретты могли их слышать без труда. По деликатным вопросам можно было обратиться за помощью к лгменам (lögmenn, lagamenn) — людям, особо сведущим в законах. «Сага о Ньяле», сколь бы ни приукрашивала она ситуацию в этом отношении, убедительно показывает, особенно в последней части, как происходили эти действия.

Покончив с вопросами законодательного характера, альтинг превращался в суд, и так было с самого начала. Система усовершенствовалась в 965 г.: Исландия получила административное деление на «четверти» (fjórðungar), с собственным судом для каждой четверти; в 1005 г. по инициативе Ньяля был создан Верховный, или Пятый, суд (fimmtardómr), чьи приговоры были окончательными, а численность годи увеличилась с 39 до 48. Состав каждого суда определяли годи. Процедура соблюдалась с предельной и иногда поразительной тщательностью, важней было соблюсти букву закона, чем... отстоять

правое дело. Обвинение и защита выступали поочередно. Приговоры выносила коллегия (kviðr, búakviðr). Добавим, что результаты часто разочаровывали. В силу этики, которую мы рассмотрим в данной книге, эти гордецы с трудом соглашались признавать свои ошибки, так что саги часто рисуют удручающую картину, когда после процесса, ход которого внушал невольное восхищение, происходила всеобщая драка, служа ему настоящим завершением. Надо сказать, что в отсутствие всякой исполнительной власти исполнять решение суда надлежало тому, кто выиграл процесс. Это придавало всей системе нестабильность, но вместе с тем порождало то хитроумное и достойное уважения сочетание всевозможных похвал, балансирования, равновесия между соперничающими группировками, которое требовало изрядной дипломатичности и совершило чудо, сумев в течение трех с половиной веков сохранять статус-кво!

Прежде чем покинуть альтинг, уточним, что он включал еще и элементы народного празднества. Уладив все общественные и серьезные дела, там играли, танцевали, занимались всевозможными видами «спорта» и прежде всего устраивали бои коней (hestavíg), которые исландцы обожали, даже если те часто приобретали неприглядный вид, переходя в грубые побоища. И, разумеется, там декламировали стихи — эддические и скальдические, надо полагать, — читали саги, наизусть или по записанному тексту. В общем, за две недели это собрание, которое готовили заранее в округах на весенних тингах (вартингах, várþing) и решения которого воспроизводил осенний тинг (лейд, leið или leiðarþing), совершало чудо, укрепляя и подогревая дух маленького сообщества. Альтинг завершался церемонией роспуска (vápnatak, þingslausn).

Таков краткий очерк начальной истории Исландии, того периода, который интересует нас. Я несколько задержался на ней, потому что в ней есть нечто парадигматическое: по ней видно, что могли совершить викинги. Мы ушли далеко от хроник перепуганных клириков Запада — к которым сейчас вернемся. Конечно, после века викингов в Исландии станет укрепляться плутократическая олигархия, и предвестия этого ощущались с самого начала. Но невозможно отрицать такие достоинства, как организованность, солидарность, свободное согласие, давшие возможность для возникновения этой маленькой страны. Она могла существовать главным образом потому, что была основана на законе. Как гласит пословица, встречающаяся и в норвежских текстах, и в «Грагасе» или в «Саге о Ньяле», «með lögum

skal land byggja en með ólögum eyða», «страна строится законом, а разрушается беззаконием».

История Исландии — прекраснейшая жемчужина викингского феномена. На нее следовало обратить особое внимание.

Мы видели, что важнейшую роль в этой истории сыграла Норвегия. Поэтому пора обратиться к другому фронту, на котором норвежцы проявили себя в ту эпоху.

Обращаясь к фронту Ирландия — Нортумбрия, мы отчасти возвращаемся к тому, что не встречалось, когда речь шла об Исландии: ко всевозможным нападениям, оборонам и ко всеобщей неразберихе.

Кербалл Лейнстерский отбил в 902 г. у норвежцев Дублин и удерживал его до 919 г. Около 912 г. викингский флот, сформированный, вероятно, норвежцами, вновь опустошил Ирландию. Далее он направился в Англию, но попутно снова захватил Лимерик и Уотерфорд. Им командовал некий Ингимунд, выдвинувший также невнятные притязания на Северный Уэльс и Честер; там он получил отпор. Есть впечатление, что эти агрессоры, кем бы они ни были, пытались закрепиться на новых землях. История с неким Ргнвальдом, случившаяся в 914 г., еще более неясна. Он потревожил Уотерфорд и Лимерик. Трудно понять, был ли это норвежец или, что вероятней, датчанин, действовал ли по собственному почину или был как-то связан с ирландцами.

Во всяком случае, бесспорно около 915 г. в Нортумбрию нагрянуло множество норвежцев из Ирландии. Похоже, они даже хотели создать нечто вроде полуирландского, полунортумбрийского королевства. Может быть, ради этого норвежцы в 916 г. дали бой датчанам при Конфи в Ирландии. Но в 919 г. прибывший из Ирландии Ргнвальд захватил Йорк и провозгласил себя его королем. В том же году норвежцы совершили второй рейд в Ирландию и перебили множество островитян при Климасхоге.

В 921 г. Ргнвальда сменил некий Сигтрюгг (по-староанглийски Ситрик), который отбил Дублин и убил ard'rí (верховного короля) Ниалла. У Сигтрюгга был сын Олаф, ставший королем Нортумбрии, и брат либо шурин Гудфрид, наследовавший ему в Дублине. Делать категорические выводы из наших источников, которые противоречат друг другу или путаются в именах собственных, бессмысленно. Единственный достоверный факт опять-таки сводится к тому, что норвежцы постоянно пытались закрепиться на всех этих территориях.

Наша неуверенность вызвана тем, что и положение с английской стороны не было ясным. После смерти Эдуарда в 924 г. его сын

Этельстан — Адальстейн староскандинавских источников, его приемным сыном, fóstri, станет Хакон, сын Харальда Прекрасноволосого, — неизвестно в каком году, возможно, в 925-м, вытеснил Олафа, сына Сигтрюгга, в Ирландию; на сей раз похоже, что норвежцы и обитатели кельтских территорий пытались создать нечто вроде конфедерации. В течение десяти лет точно не известно, кто и где царствовал, хотя около 927 г. Этельстан отвоевал Нортумбрию и Йорк. Бесспорно только, что в 937 г. Этельстан и его брат Эдмунд, то есть армии Уэссекса и Мерсии, сошлись в грандиозной битве с коалицией, в которую входили ирландские норвежцы под командованием Олафа, сына Гудфрида (не путать с упомянутым выше Олафом, сыном Сигтрюгга), шотландцы во главе с неким Константином и валлийцы из Стрэтклайда, которых возглавлял некто по имени Евгений. Место сражения называлось Брунанбургом, оно не идентифицировано, и на его счет выдвинуто много гипотез, — возможно, это Винхейд, упомянутый в «Саге об Эгиле, сыне Грима Лысого». Кельто-норвежская коалиция была разгромлена. Это сражение знаменует конец притязаний скандинавов — выходцев из Ирландии на йоркский трон. С самого начала этой книги я выразил немало сожалений по поводу скудости источников, с которыми приходится работать. Угодно красноречивый пример? Вот в каких словах «Ирландские анналы» комментируют события, которые мы только что попытались описать более или менее методично:

> Тогда выжившие северяне, истекая кровью от копейных ударов, бежали на своих подбитых гвоздями кораблях [cnearoum, сказано в тексте, и в этом слове мы опознаем кнорр] на Дингесмер за глубокие воды, чтобы еще раз атаковать Дублин — Ирландию, снова поражаемую в сердце. Оба брата, король и благородный наследник совместно, в равной мере защитили собственную страну, страну саксов Запада, ликующую от возможности взяться за оружие. Позади них остались, радуясь при виде падали, черный ворон с крючковатым клювом и темным оперением, и орел с мягкими перьями и хвостом с белой каймой, ненасытный сокол битвы, готовый петь отходную мертвецам, и волк, серый зверь из леса. Никогда доселе, как повествуют нам книги и мудрецы былого, не было на этом острове большего избиения войска мечами с тех пор, как англы и саксы, высадившиеся на Востоке, напали на бриттов из-за обширных морей, гордых кузнецов войны, которые завоевали валлийцев, на воинов, жадных до славы, которые нашли здесь родину.

Увы, Этельстан в 939 г. умер. Его брата Эдмунда, сменившего его, с ним было не сравнить. Рейды сразу возобновились. Олаф, сын

Гудфрида, в 940 г. разорил окрестности Йорка и Мидленд. Он заложил основы того, что могло бы стать норвежским государством в Англии: сохранились монеты, которые он чеканил в 940 г. в Йорке (на них фигурирует его имя — Anlaf).

Отметим, что в 948 г. Эйрик Блодкси («Кровавая Секира»), сын Харальда Прекрасноволосого, был изгнан из Норвегии и воцарился в Йорке. Оттуда его изгнали в 954 г., он дал сражение при Стейнморе, в Нортумбрии, где и погиб. Англичане вновь заняли Йорк и лет двадцать пять жили в мире. В результате объединить Дублинское и Йоркское королевства стало невозможно — Олаф Куаран в 951 г. окончательно отказался от этой мысли. Действительно, достаточно просто взглянуть на карту, чтобы убедиться, что такой замысел был почти неосуществим. Но все-таки можно сказать, что в царствование Олафа Куарана Ирландия была по-настоящему, хоть и частично, колонизована норвежцами. Процитируем «Анналы», зная теперь, что их авторы склонны преувеличивать: «В каждой провинции был король-норвежец, в каждом клане — вождь, в каждой церкви — аббат, в каждой деревне — управитель, в каждом доме — воин». Сколь бы преувеличенным ни было утверждение об «аббате в каждой церкви», оно, вероятно, содержит долю истины: при том же Олафе Куаране среди норвежских викингов стало распространяться христианство — сам Олаф кончил свои дни монахом в Ионе в 981 г. В связи с этим ирландцы воспряли духом: в 980 г. они нанесли норвежцам тяжелое поражение при Таре[1].

Впрочем, те же тенденции: к христианизации, оседлости, централизации — возникли и в самой Норвегии. Вернемся немного назад: около 932 г. умер Харальд Прекрасноволосый. Ему наследовал сын Эйрик Кровавая Секира, которого изгнали вместе с женой Гуннхильдой (или Рагнхильдой?) изгнал брат Хакон Добрый, прозванный Адальстейнфостри (приемный сын Этельстана, которого мы уже встречали); вероятно, Хакон был превосходным королем, что подтверждает его прозвище. Похоже, это он, великий законодатель, придал официальный характер законам Гулатинга и Фростатинга. Стратег и умный защитник своей страны, это он, как считается, развил и систематизировал лейданг, возможно, введенный его отцом по иностранным образцам. Но ему было нелегко отражать натиск датского короля Харальда Блотанда («синезубого», то есть чернозубого; впрочем, этот перевод не бесспорен) в юго-западной части страны. Он в свою очередь предпринял поход на Данию и был убит — между

[1] Обратите внимание на цитату, приведенную несколькими строчками выше: она показывает, как следует понимать слово «король».

960 и 965 гг. — при Фитьяре сыновьями Эйрика Кровавой Секиры, которые обосновались в Норвегии и предводителем которых был Харальд Грофельд (Серая Шкура). Внук Харальда Прекрасноволосого Олаф Трюггвасон, о котором мы еще будем говорить, родился, должно быть, в 968 или 969 г.

Пример Норвегии показателен: видно, что времена налетов, хищнических рейдов и т. д. шли к концу, хотя это не помешало норвежцам в 968 г. совершить набег на Компостелу. Но, как мы сказали выше, ветер переменился: теперь на повестке дня стояла колонизация — удавшаяся в Исландии, более или менее успешная в Ирландии, провалившаяся в Нортумбрии, а прежде всего — формирование сильного и централизованного государства у себя дома, в Норвегии.

На землях датчан происходила довольно сходная эволюция, хотя, строго говоря, не совсем такая же.

Дания

Там тоже при разных вождях дело шло по-разному: то действия были разрозненными и успехи заметно снижались, то делались робкие поползновения закрепиться на новой земле, а с царствования Харальда Синезубого короли вновь энергично принялись наводить порядок во внутренних делах.

Первым примечательным событием этого периода была потеря — в политическом отношении — Денло, что не исключило, как мы сказали, глубокого укоренения там скандинавов со сравнительно быстрой ассимиляцией. У этой потери были две причины: во-первых, вопиющее отсутствие политического чутья у датчан. Им следовало бы вступить в союз с Нортумбрией и норвежцами, а они не сумели воспользоваться в своих интересах притязаниями норвежцев на Йорк, только что описанными выше. Во-вторых, целый ряд английских королей был исполнен решимости вернуть свои государства. К 918 г. Эдуард, сын Альфреда, построил цепь крепостей для защиты от датчан — в частности, в Хертфорде, Уитхеме, Бекингеме, Бедфорде, Мэлдоне они были воздвигнуты с 911 по 916 г. С 916 г. он начал систематичную борьбу с датчанами и почти неизменно одерживал победу. После его смерти (924) его дело продолжил сын Этельстан. Это он вернул Нортумбрию, а в 927 г. город Йорк. Он умер в 939 г. Его брат Эдмунд продолжил его дело, но был убит в 946 г. человеком, [illegible]рого поставил вне закона.

[illegible] тех пор английские короли изменили политику, проявив [illegible]ательную прозорливость. Брат Эдмунда Эдред (946–955), потом

Эдвиг «the All-Fair» [Красивый] (955–959), потом брат последнего — Эдгар (959–975) больше не искали сражений с датчанами: они пытались жить в добром согласии с ними, их цель заключалась в том, чтобы превратить датчан в подданных. И им это удалось с легкостью, которая нас уже не удивляет с учетом эпохи, до которой мы добрались. На смену Эдгару пришел его сын Эдуард (975–978), который был убит и позже канонизирован, а его сменил брат, неумелый Этельред «the Unready» («никогда не готовый» [Нерешительный]) (978–1016), на царствование которого пришлись всевозможные беды Англии и о котором мы здесь говорить не будем — он относится к следующему периоду. Еще следует уточнить, что виновниками упомянутых бед были не датчане, жившие в Англии, а флоты, прибывшие из Дании. Можно сказать, поскольку мы в целом говорим о временах поселенцев, что, пусть даже Денло в конечном счете осталось английским, глубокое внедрение датского элемента стало там свершившимся фактом.

Гораздо более сильное впечатление, особенно на нас, французов, производит «колонизация» Нормандии[1], которую совершили именно датчане, какие бы препирательства, тщетные и выдающие плохую осведомленность, ни вызывала фигура «Роллона», из которого делали то датчанина, то норвежца, то оркнейца и даже шведа! Мы утверждаем, что это не суть важно, хоть бы Гнгу-Хрольф[2] и не был датчанином, что надо еще доказать. Его армия, во всяком случае, была датской. И данные археологии, топонимики, истории культуры и институтов — все наводит на мысль, что колонизаторы Нормандии прибыли из Дании.

Эта история хорошо известна, даже если, как сказано, абсолютно не следует принимать за чистую монету сознательные вымыслы Дудона Сен-Кантенского, Васа и прочих... Гнгу-Хрольф бесспорно был прежде всего викингом в обычном смысле слова. Он, конечно, несколько лет разорял Францию. Но в 911 г. он безуспешно осаждал Шартр. Карл Простоватый, малодушие которого нам известно, несомненно решил прибегнуть к политике, которую еще

[1] Очень хорошее исследование принадлежит Жану Рено: *Renaud, Jean.* Les Vikings et la Normandie. Op. cit., с хорошей библиографией.

[2] Не «Хрольф Пешеход», как говорят в силу устоявшейся ошибки — якобы он был настолько высокого роста, что не нашлось достаточно высокого коня, чтобы его выдержать! А именно «бродяга», потому что он не имел постоянного места жительства; göngu- — первая часть слова göngumaðr (где maðr = человек), бродяга, странник. В самом деле, похоже, каким бы ни было его происхождение, о котором идут бурные споры, Хрольф был «безземельным».

в 876 г. предпочел его дед Карл Лысый, согласно «Бертинским анналам»: «по возможности заключать как можно более выгодные соглашения с норманнами». В 911 г. в Сен-Клер-сюр-Эпт он назначил Хрольфа правителем «земли Ко», то есть территорий будущих департаментов Нижняя Сена, Эр, Кальвадос, Ла-Манш и части департамента Орн, к которым в 924 г. добавились Бессен и Мен, а потом, в 933 г., Котантен и Авраншен — то есть того, что мы сегодня еще называем Нормандией. Это решение было разумным и напоминает подход, которую в ту же эпоху применяли английские государи в отношении Денло. Судьбе было угодно, чтобы Гнгу-Хрольф — Роллон в своем новом государстве проявил великолепные политические и административные способности. Он понял, что не может быть признанным властителем, если не будет христианином, и в 912 г. крестился. Он принес оммаж Карлу Простоватому и обещал защищать свою землю... от себе подобных! Поэтому он сразу же взялся за управление провинцией и создал специально для нее оригинальные законы, которые будут действовать долго. Династия, основанная им, утвердилась прочно, и Нормандия до самого конца Старого порядка оставалась одним из прекраснейших бриллиантов во французской короне. Но здесь еще раз есть возможность отметить один особо важный факт. Никакого «завоевания», а тем более «вторжения» скандинавов в Нормандию не было. Север принес то, что мы бы назвали управленческими кадрами, и всю административно-законодательную систему. Опять-таки скандинавов было слишком мало, чтобы можно было говорить о колонизации *stricto sensu*. Это заметно с самого восхождения Роллона на трон. «Нормандское» общество имело аристократический и феодальный характер, какого совершенно не знали не только Дания, но даже Денло. В Нормандии не было ни тинга, ни хундрада, и местные структуры остались неизменными. Привнесены были приемы управления, новый дух. То есть произошло внедрение, но не колонизация. Иными словами, датчане, помогавшие Роллону, интегрировались в среду французов так же быстро, как русы — в среду славян. Собственно датская история Нормандии составляет от силы несколько пятилетий. Далее мы попадаем во французскую среду, и по этой причине дальнейшая история Нормандии перестает быть предметом нашей книги[1].

[1] Позже я очень бегло упомяну Робера Гвискара и завоевание Южной Италии и Сицилии, чтобы уточнить, что викингский феномен тут был ни при чем, поскольку речь идет о нормандцах из Нормандии.

Ведь если упомянуть только известнейшее ее событие — завоевание Англии Вильгельмом Незаконнорожденным, прямым потомком Роллона, то его совершили французы, уже не имевшие отношения ни к Скандинавии, ни *a fortiori* [тем более (*лат.*)] к викингам.

Впрочем, и во Франции активность датчан на других фронтах снизилась. Около 919 г. викинги еще попытались обосноваться в Нанте и создать там датское государство, которое кое-как прозябало, пока не рухнуло в 937 г. Это были времена «ликвидаций». На 926 г. приходится последняя выплата большой дани викингам во Франции; из Бретани их окончательно изгнали в 936 г.

Ведь — параллель с Норвегией уже проводилась — ситуация изменилась в самой Дании.

Действительно, в 936 г. в Дании на престол вступил Горм Старый, муж некой Тюри и отец Харальда Синезубого. Горм и его сын хорошо известны благодаря прославленным руническим камням в Еллинге. Надпись на первом из них гласит: «Король Горм возвел этот монумент в память Тюри, своей жены, Danmarkar bót»[1]. Толкуя два последних слова, исследователи состязаются в проницательности. Эти слова можно понять как «слава Дании» или «улучшение Дании», и с синтаксической точки зрения это выражение может относиться как к королю, так и к его жене. Эту формулировку допустимо интерпретировать как хвалу Горму, возродившему былое величие Дании. Но поскольку адресат посвящения — Тюри, королева, я все-таки считаю, что под «славой Дании» понимается его супруга: в староскандинавском языке есть схожие выражения, относящиеся к женщинам, например, bekkjarbót, «слава скамьи»[2]. Во всяком случае, нет сомнений, что Горм значительно способствовал усилению своего государства и укреплению королевской власти. В частности, он пресек шведские притязания на Данию.

После его смерти около 950 г. ему наследовал сын, Харальд Синезубый. Это он приказал высечь надпись на втором руническом камне в Еллинге с таким содержанием: «Король Харальд велел возвести этот монумент в память Горма, своего отца, и Тюри, своей матери, тот Харальд, который приобрел всю Данию и Норвегию и который сделал датчан христианами». Действительно, признано, что Харальд

[1] Исчерпывающая библиография содержится в издании: *Musset, Lucien.* Introduction à la runologie. Op. cit. P. 419.

[2] То есть скамьи в главном доме (скаули). Заметьте, что я отвергаю ребяческую гипотезу: якобы легенду, согласно которой Тюри инициировала перестройку Даневирке, в чем и состояло «улучшение» Дании, надо принять на веру!

был величайшим королем, которому удалось объединить Данию и приобрести нечто вроде сюзеренитета, на самом деле эфемерного, над несколькими южными провинциями Норвегии. С его царствования начался период благосостояния. Это Харальд заложил основы мощной военной державы, успехи — и неудачи — которой относятся к следующему периоду. Торговля в его царствование процветала. Этому есть два свидетельства: король способствовал развитию купеческого вика Орхус, основанного полувеком раньше; а араб Ал-Тартуши, прибывший из Кордовского халифата, около 950 г. составил отчет о своем путешествии в Хедебю, который описал как город активный и процветающий.

Но, главное, около 960 г. под влиянием епископа Поппона, присланного в Данию Оттоном I, Харальд обратился в христианство — чем и объясняется конец надписи на втором камне в Еллинге. Я уже несколько раз говорил, что на этот факт следует обратить внимание. Церковь не только принесла свой духовный авторитет и культуру своих клириков, она благоприятствовала укреплению власти того типа, которая с давних пор там зарекомендовала себя. Иначе говоря, Харальд отныне чувствовал ее поддержку в своих попытках установить централизованную и сильную власть с расчетом на создание монархии по божественному праву. Политическое значение этого поступка нельзя недооценить. И действительно, несомненно по наущению кого-то из своих он напал на норвежца Хакона Доброго, сначала был разбит, потом одержал победу. После смерти Хакона при Фитьяре он в 960-е гг. в самом деле некоторое время царствовал над Норвегией и Данией. Ему приписывают также набеги на Швецию и в земли вендов — он женился на вендской принцессе и якобы основал Йомсборг на славянских землях (что это — Юмне? Волин?). Будь последний факт доказан, он был бы важным: это значило бы, что у Харальда были ясные военные планы и что он пытался создать единый плацдарм, чтобы проводить свою политику. Ведь масштабные походы Свена Вилобородого и Кнута Великого не могли начаться *ex abrupto* [внезапно (*лат.*)] — надо полагать, им предшествовала долгая подготовка. К несчастью, как мы видели, единственный источник, который мы можем использовать здесь, хоть и очень старинный по сравнению с другими сагами, «Сага о йомсвикингах», слишком загрязнен и насыщен легендами, чтобы можно было себе позволить принимать вс написанное в нем на веру.

Тем не менее Харальд, конечно, создал систему, которой пользовались и его преемники. Он подверг всю страну, как сказали бы

мы, неизбежной модернизации. В том, что его амбиции были велики, слишком велики, сомневаться не приходится, но наши источники не дают ясных ответов: совершил ли он поход в Гольштейн около 973 г. и вызвал ли ответное нападение Оттона II, якобы подступившего к Даневирке? Его смерть загадочна: якобы против него восстал его сын Свен, вынудив его бежать к вендам (в 984 или 985 г.), где он вскоре нашел погибель.

Но его роль, как и роли похожих на него норвежского и шведского королей, была определяющей в истории феномена викингов. Сделав искателей приключений оседлыми, существенно развив торговлю, он уничтожил главные стимулы викингского движения...

Швеция

Параллели всего этого в истории Швеции в принципе показательны. Сильная власть внутри страны, закрепление в избранных колониях за ее пределами — основная схема одна и та же!

Период, о котором идет речь, для Швеции был периодом большого могущества и высокой активности. Внутри страны царило полное благоденствие, и, например, Бирка переживала счастливые времена, особенно в первой половине X в.

Вот почему в истории этой страны выделить особо нечего, кроме тех беспорядочных распрей с Данией, которые мы только что бегло упомянули. На деле объяснение этому напрашивается само — вся энергия шведов была сосредоточена на «восточном пути», что, на наш взгляд, делает их историю несколько маргинальной.

Итак, около 900 г. шведы напали на датчан в самой Дании и стали бесчинствовать в южной части этой страны. Это происходило, если верить Адаму Бременскому, в царствование некоего короля Олафа, опознать которого нам трудно. Какое-то время они контролировали столь крупный центр, как Хедебю. Контролировали настолько плотно, что в 934 г. шведский король Хедебю, некий Гнупа (но как это слово можно связать со шведской антропонимикой, понять трудно), был упомянут в рунической надписи на Хедебю: «Асфрид возвела этот монумент в память Сигтрюгга, своего сына и сына Гнупы» — это подтверждает вторая надпись, найденная в том же месте. Этот Гнупа якобы напал также на Фризию; согласно Видукинду («Деяния саксов»), Генрих I Птицелов, атаковав Хедебю в 934 г., разбил «Хнубу» и вынудил его креститься. Во всяком случае, шведская власть над этой частью Дании кончилась при Харальде Синезубом, как мы видели. И, похоже, к 970 г. благополучие Бирки пошло на спад.

Ведь интересы шведов, как я сказал, были тогда сосредоточены на Руси, где они развивали бурную активность.

Кратко упомянем, чтобы покончить со столь часто встречающейся путаницей, о Варягах в качестве императорской гвардии басилевса в Византии — подразделения, которое, похоже, появилось только в конце (более вероятно, чем в начале) X в. Византийские документы дают немало сведений о них, об их уставе, об их походах на Крит, в Южную Италию, в Месопотамию, в Далмацию. Но здесь они упоминаются лишь для справки. Они имеют отношение к феномену викингов лишь постольку, поскольку свидетельствуют об одном из интересов тогдашних скандинавов — склонности к наемничеству ради получения прибыли. Но соображения численности, на которые мы столь часто ссылались, не позволяют считать варяжскую гвардию по-настоящему скандинавской реалией. Может быть, северяне долго поставляли в нее «кадры» — известно (из саги), что там некоторое время служил знаменитый (будущий) норвежский король Харальд Суровый (Хардради), — но это если принимать на веру связанные с ним рассказы, где немалую долю составляют легенды. Эту гвардию набирали из самых разных народов (англичан, нормандцев, фризов), и ее история как таковая выходит за пределы тематики нашего исследования.

Вернемся к русам. Непохоже, чтобы они жили с Византией в добром согласии. Возможно, одно столкновение случилось в 907 г., хотя сообщение о нем настолько фантастично, что из соображений самого элементарного правдоподобия к нему следует отнестись с осторожностью: флот в две тысячи кораблей, везущий восемьдесят тысяч человек, якобы преодолел знаменитые цепи Босфора благодаря тому, что суда поставили на колеса и протащили корабли за цепи вручную! Какое-то столкновение, однако, должно было произойти, коль скоро «Несторова летопись» приводит за 911–912 гг. чрезвычайно интересный текст договора между русами и Византией. Вот его начало, где явно северный характер имен действующих лиц не требует комментариев:

> Мы от рода русского — Карлы [Карли], Инегелд [Ингьяльд], Фарлаф [Фарульф], Веремуд [Вермунд], Рулав [Хродлейф?], Гуды [Годи], Руалд [Хроальд], Карн [Карни], Фрелав [Фридлейф], Руар, Актеву [Ангантюр?], Труан [Транд], Лидул [Лейдольф], Фост [Фасти], Стемид [Стейнвид?] — посланные от Олега [Хельги, руса, который объединил Новгород и Киев], великого князя русского, и от всех, кто под рукою его, — светлых и великих князей, и его великих бояр, к вам, Льву, Александру и Константину, великим в Боге самодержцам, царям

греческим, для укрепления и для удостоверения многолетней дружбы, бывшей между христианами и русами...

Далее идут статьи об убийствах, кражах, кораблекрушениях, грабеже, выкупах, наследствах и т. д.

Кстати, араб Ал-Масуди сообщил о большом походе русов в том же 912 г. через Каспийское море до Баку и Азербайджана. Поход закончился полным провалом, но неотвратимо напоминает некоторые из больших рейдов викингов на Западе.

В 922 г. дипломат халифата Ибн Фадлан составил необыкновенно интересный репортаж, уже упоминавшийся, о русах на Волге[1].

И я не видел (людей) с более совершенными телами, чем они. Они подобны пальмам, румяны, красны. Они не носят ни курток, ни хафтанов, но носит какой-либо муж из их числа кису [одежду], которой он покрывает один свой бок, причем одна из его рук выходит из нее[2]. С каждым из них (имеется) секира, и меч, и нож, и он (никогда) не расстается с тем, о чем мы (сейчас) упомянули. Мечи их плоские, с бороздками, франкские. И от края ногтя (ногтей) кого-либо из них (русов) до его шеи (имеется) собрание деревьев и изображений (вещей, людей?) и тому подобного [деталь, которая не может не удивить, поскольку почти нигде не упоминается, даже если предположить, что араб принял рисунок за татуировку]. А что касается каждой женщины из их числа, то на груди ее прикреплено кольцо или из железа, или из серебра, или (из) меди, или (из) золота, в соответствии с (денежными) средствами ее мужа и с количеством их. И у каждого кольца — коробочка, у которой нож, также прикрепленный на груди. На шеях у них (женщин) (несколько рядов) монист из золота и серебра, так как если человек владеет десятью тысячами дирхемов, то он справляет своей жене одно монисто (в один ряд), а если владеет двадцатью тысячами, то справляет ей два мониста, и таким образом каждые десять тысяч, которые у него прибавляются, прибавляются в виде (одного) мони-

[1] Этот текст приведен в изданиях: *Brøndsted, Johannes Balthasar.* The Vikings / translated by Kalle Skov. Harmondsworth, Middlesex, England; New York, N.Y., U.S.A.: Penguin, 1965. P. 264 и далее. — *Jones, Gwyn.* A history of the Vikings. Op. cit. P. 164 и далее [Русский перевод: *Джонс, Гвин.* Викинги. Потомки Одина и Тора. / Пер. З. Ю. Метлицкой. Цит. соч.]. — В комментированном французском переводе (с английской версии): *Les Religions de l'Europe du Nord.* Op. cit., или в переводе непосредственно с арабского на французский: *Ibn Fadlān, Ahmad.* Voyage chez les Bulgares de la Volga. Op. cit. P. 77 и далее. [Цит. по: *Ибн-Фадлан, Ахмед.* Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. / Пер. и коммент. А. П. Ковалевского под ред. И. Ю. Крачковского. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1939. С. 78–79.]

[2] Деталь, подтвержденная археологическими данными. См. точные реконструкции в работе Б. Альмгрена и других: *Vikingen.* Op. cit.

ста у его жены, так что на шее какой-нибудь из них бывает много (рядов) монист. Самое лучшее из украшений у них (русов) — это зеленые бусы из той керамики, которая находится на кораблях. Они (русы) заключают (торговые) контракты относительно них, покупают одну бусину за дирхем и нанизывают, как ожерелья, для своих жен. Они грязнейшие из тварей Аллаха, — (они) не очищаются от испражнений, ни от мочи, и не омываются от половой нечистоты и не моют своих рук после еды, но они как блуждающие ослы[1]. Они прибывают из своей страны и причаливают свои корабли на Атиле, а это большая река, и строят на ее берегу большие дома из дерева, и собирается (их) в одном (таком) доме десять и (или) двадцать, — меньше и (или) больше, и у каждого (из них) скамья, на которой он сидит, и с ними (сидят) девушки — восторг для купцов. И вот один (из них) сочетается со своей девушкой, а товарищ его смотрит на него. Иногда же соединяются многие из них в таком положении одни против других, и входит купец, чтобы купить у кого-либо из них девушку, и (таким образом) застает его сочетающимся с ней, и он (рус) не оставляет ее, или же (удовлетворит) отчасти свою потребность.

Далее следуют отталкивающие подробности о том, как они поочередно совершают омовения в одном и том же сосуде, потом — подробности их религиозных обрядов и, наконец, знаменитое место, где с впечатляющей пышностью описано погребение вождя русов.

Это свидетельство озадачивает современного исследователя. Наряду со вполне подтвержденными наблюдениями некоторые записи заставляют задаться вопросом (помимо того, не взяло ли воображение наблюдателя верх над научной строгостью), не были ли среди русов, которых он здесь описал, кроме скандинавов, еще и рабы, которыми скандинавы успешно торговали. Однако в целом и в некоторых пунктах, важных для нас, этот примечательный документ не оставляет сомнений. Во всяком случае, как самый полный и самый обстоятельный из всех, какие есть в нашем распоряжении. В конечном счете этот текст, особенно по сравнению с другими в том же жанре, должен бы привлечь гораздо больше внимания, чем было до сих пор. Ибн Хордадбех, например, однозначно изображает русов купцами, тогда как у Ибн Фадлана они наполовину торговцы, наполовину воины.

[1] М. Канар: *Ibn Fadlān, Ahmad*. Voyage chez les Bulgares de la Volga. Op. cit. P. 120, note 268, уточняет, что другой арабский наблюдатель, Масуди, «просто отмечает, что они не соблюдают никакого религиозного закона». Это странная подробность, и ее следует воспринимать просто как реакцию правоверного мусульманина.

Вернемся к истории. В 941 г. флот под командованием князя Игоря (Ингвара) снова атаковал Византию, но безуспешно — он был уничтожен греческим огнем. Рецидив отмечен в 945 г., но агрессоров ввела в заблуждение дипломатическая хитрость Византии. В результате появился новый договор, подписанный пятьюдесятью русами, но — интересный факт, подтверждающий наблюдение, которое было уже неоднократно сделано в настоящей книге, — теперь многие из подписантов носили типично славянские имена! В силу этого договора русы больше не имели права зимовать ни в Византии, ни даже на Березани, но должны были каждую осень возвращаться в Киев. Не исключено, что это был тот самый флот, о котором говорили арабские очевидцы: он якобы вошел в 943 г. в Куру, реку, протекающую южнее Баку, достиг города Бердаа, но мусульмане якобы отразили его натиск, а среди его экипажей распространилась дизентерия.

Около 950 г., как мы знаем, василевс Константин Багрянородный написал трактат «Об управлении империей», которым мы уже воспользовались (см. выше, с. 131). Напомним, что он описал караваны кораблей росов, спускающихся по Днепру до Березани, а потом идущие в Византию, причем они выходили из Новгорода и шли через Киев. Здесь стоит отметить интересную деталь, поскольку она показывает, что росы уже прочно поселились на новых местах и усвоили привычки, больше не имеющие ничего общего с обычными разбойничьими нравами: Константин обращает внимание, что по дороге они собирали дань, которую им должны были платить разные славянские племена — монетами, мехами и рабами.

У Игоря-Ингвара от жены Ольги-Хельги был сын Святослав, который в 955 (или в 957) г. пришел в Византию, чтобы получить крещение[1]. Не отрицая капитально важного значения, которое во всех отношениях имел этот поступок, я просто отмечу, что это недвусмысленный признак идущей полным ходом ассимиляции. В 965 г. Святослав захватил крепость хазар в Саркеле. Главное, что он дал Новгороду в князья своего сына Владимира-Вальдимара, а Новгороду — другого сына, Ярополка. В то самое время, в 968 г., Лиутпранд Кремонский и встречал росов, которых считал теми же людьми, «которых называют норманнами»: значение последнего слова, конечно, достаточно расплывчато, но к славянам он не стал бы его применять ни в коем случае. В 971 г. Святослав встретился на Дунае с василевсом Иоанном Цимисхием, с которым подписал договор. Он был

[1] По-видимому, автор перепутал князя Святослава, так никогда и не принявшего христианство, с его матерью, Ольгой, которая, согласно сообщению «Повести временных лет» прибыла в Константинополь и прошла там обряд крещения (*прим. перев.*)

убит в 972 г. печенегами и оставил, как мы видели, двух сыновей, Владимира и Ярополка. Владимир захватил всю власть, устранив брата, но эти события относятся к последнему периоду, который нам предстоит изучить.

Напрашивается одно замечание: в последней четверти X в. заметно очень явственное сокращение объема арабского серебра в Скандинавии — это, конечно, было первой причиной упадка Бирки, уже упомянутого. Причины этого феномена точно не известны: может быть, булгары перекрыли путь по Волге? Или истощились арабские серебряные копи? Или исламский мир переживал тяжелый монетный кризис? Ответа нет, но последствия были самыми серьезными. Главный стимул для действий викингов со времен их появления на исторической сцене еще раз переместился в пространстве. Они разовьют новую активность на Западе, в континентальной Германии и в Великобритании, а также в более далеких землях. Значит, нам, представляя историю викингов, нужно переходить к новому периоду.

Но период, с которым мы теперь расстаемся, бесспорно был золотым веком скандинавской коммерции, не благодаря разбойничьим действиям викингов — время таких действий в основном прошло, — а как прямое следствие их постепенного оседания на Днепре, в Юлине на балтийском побережье, в Нормандии, в Денло, в Ирландии, на североатлантических островах, в Исландии. Археологи повсюду находят куфическое золото, Бирка пережила подъем, не имевший равных, проникновение скандинавов затронуло Польшу, Хедебю чеканил монету.

Но это постоянное поселение, условие *sine qua non* [необходимое (*лат.*)], сказал бы я, для подобного взлета, повлекло за собой также важнейшее последствие: повсюду полным ходом шла ассимиляция скандинавов в среде населения, которое они подчинили или которым управляли. Мы достигли приблизительно 980 г.: те викинги, деятельность которых мы видели раньше, уже немногим менее века как исчезли.

980–1050: БОЛЬШИЕ РЕЙДЫ

Заголовок этого подраздела, может быть, имеет несколько излишне общий характер: на самом деле речь может идти только о Дании (применительно к Англии) и, по всей вероятности, о Швеции (применительно к Азии). Некоторые возможные объяснения, почему облик викингского феномена так изменился, мимоходом я уже давал. В нашем исследовании при его направленности можно в принципе допустить

только одно объяснение столь радикальной эволюции — поиск новых торговых путей, в англосаксонском мире, в Средиземноморье и «Серкланде», в крайнем случае в направлении Гренландии и дальше. Не забудем также, что между тремя странами, откуда в конце X в. выходили викинги, уже почти не было связей, а за двести лет до того такие связи существовали. Эта перемена связана с сочетанием разных факторов.

Как обычно, я рассмотрю этот вопрос поочередно для трех фронтов экспансии — для Исландии, новой здесь страны, для Дании и Норвегии совместно, потому что их судьбы отныне соединились, и для Швеции. Но и здесь, я думаю, читателя поразит синхронность, характерная для этого феномена на протяжении почти нескольких десятков лет.

Исландия, Гренландия, Винланд

Исландия, даже если бы вопрос экспансии в западном направлении не рассматривался, заслуживала бы отдельного изучения из-за ее христианизации и из-за удивительных последствий, которые в долгосрочной перспективе последняя повлекла в сфере литературы.

Мы оставили эту страну после 930 г., когда завершилось заселение и были созданы административная, законодательная и судебная системы. Капитально важное событие произошло в 999 г. — единодушный переход острова в христианство, переход, в котором не было ничего ни чудесного, ни странного. С самого начала, как известно, остров был словно пропитан христианством, хотя бы благодаря самой природе населения, полукельтского, полускандинавского, которое его заселило, а также благодаря непрерывным контактам, которые его жители неизбежно должны были поддерживать с христианским миром, прежде всего с кельтским. Я мог когда-то написать, что религия, усвоенная исландцами в 999 г., имела политический характер[1], — эта формулировка, конечно, неверна, но можно держать пари, что ко всем исландцам в конце X в. можно было бы применить выражение, каким «Книга о заселении Исландии» охарактеризовала колониста Хельги Тощего: они имели «смешанную веру».

Решающий толчок был получен из Норвегии, от великого короля, обращавшего и евангелизировавшего страну, — Олафа Трюггвасона (который царствовал приблизительно с 995 по 1000 гг.). В 997 г. он

[1] Это положение отстаивается в книге: *Boyer, Régis.* La Vie religieuse en Islande. Op. cit. Главы I и II первой части: «De la religion politique à la politique religieuse» [От политической религии к религиозной политике].

прислал на остров с миссией немецкого священника Тангбранда. Нрав Тангбранда был не совсем мирным, и даже если он обратил нескольких человек, нельзя сказать, что его непререкаемый авторитет мог способствовать безоговорочному привлечению масс к христианству[1]. Но возможность манипулировать исландцами имел сам Олаф Трюггвасон. Само собой разумелось, что любой юный исландец из хорошей семьи наносил визит родственникам в Норвегии и завершал в этой стране «детские годы» — в основном участвуя в каком-то викингском походе. Таким образом, в Норвегии постоянно находились дети важных персон из Исландии. Два могучих бонда, Хьяльти Скеггьясон и Гицур Белый (inn hvíti), направились в страну предков, где встретились с королем Олафом, который, по всей вероятности, предъявил им то, что следует назвать ультиматумом: либо вы добиваетесь, чтобы вся Исландия официально обратилась в христианство, либо я оставлю здесь, в Норвегии, в заложниках детей всех видных исландцев. Я [автор] убежден в таком объяснении, потому что, коль скоро к нашим источникам, для которых агиографическое искушение было слишком большим, питать полное доверие нельзя, я не вижу, как иначе можно объяснить дальнейшее единодушие. Запретить всякую связь с Норвегией означало перерезать пуповину! Поэтому Хьяльти и Гицур вернулись в страну и стали проповедовать христианскую веру. Исландцы типичным для них образом решили обсудить этот вопрос на ближайшем альтинге — в июне 999 г. Опустим детали, в толковании которых кое-кто проявляет тенденцию к подгонке фактов под теорию. В конечном итоге собрание, расколовшееся пополам, положилось на решение одного человека — Торгейра, годи людей Льосаватна. Тот после долгого размышления, уточнив, что выскажется лишь в случае, если будет уверен в единодушной поддержке собрания, объявил, что отныне все исландцы будут христианами, крестятся[2], потому что — прошу читателя обратить самое пристальное внимание на последующую цитату — «надо, чтобы у всех нас был один закон и одна религия. Потому что, если мы будем глумиться над законами, получится, что мы нарушим и мир». Лучше не

[1] Лучшее исследование на эту тему принадлежит Дагу Стрмбеку: *Strömbäck, Dag*. The conversion of Iceland: a survey / translated from the Swedish by Peter Foote. London: Viking Society for Northern Research, University College, London, 1975, и оно основано на критическом анализе текстов Ари Торгильссона, Kristni Saga («Саги о христианстве»), «Саги о Ньяле» и т. д.

[2] Один текст дополняет: если кто-то захочет по-прежнему приносить жертвы языческим богам, это не будет запрещено, при условии, что у этого не будет свидетелей! Однако есть основания усомниться в этом утверждении, см. выше, примечание 1 к этому разделу.

выразишь, что первостепенной ценностью у этой маленькой общины был мир, что отправной точкой для всего был закон и что считалось: местом для связки закон — религия в германской среде является старинный фундамент сакральных ценностей. Иными словами, в декларации Торгейра вкратце выражалось все древнее скандинавское Weltanschauung [мировоззрение (*нем.*)]. Он получил единогласное одобрение со стороны соотечественников — и вот Исландия стала христианской безо всяких драк и кровопролития.

С самого начала исландская церковь приобрела совершенно оригинальный вид, в точности соответствовавший тому духу, который мы описали выше. Она стала góðakirkja (церковью годи), а также þjóðkirkja (национальной церковью). Мы хотим сказать, что была обеспечена преемственность: христианскими священниками стали годи или побудили к этому сыновей[1], они же сделались хозяевами церквей и церковных владений. Эта тесная связь духовного и светского сохраняла господство могучих бондов на острове и в то же время давала возможность для развития культуры «аристократического» типа (во всяком случае, рассчитанной на элиту). Хорошо заметна важнейшая роль, какую играли первые епископы: сначала иностранцы (в том числе несомненно один француз, Хродольв), которые основали монастыри, распространяли знание латинского алфавита, поощряли обучение чтению и письму. Потом первые епископы из местного населения: Ислейв Гицурарсон, получивший образование в Германии, рукоположенный в 1056 г. и занимавший кафедру в Скалахольте (сегодня Скальхольт) в юго-западной части страны, потом его сын Гицур Ислейвссон, тоже воспитанный в Германии, рукоположенный в 1082 г., который ввел десятину и очень способствовал развитию Исландии в направлении плутократической олигархии; наконец, Торлак Торхаллссон (епископ Скалахольтский с 1178 по 1193 г.), который позже был канонизирован и показал себя пламенным, даже неумолимым защитником грегорианской реформы; его коллега по кафедре в Холаре (втором исландском епископстве, на северо-западе), Йон Эгмундарсон, тоже канонизированный, отстаивал (он, вероятно, был рукоположен в 1106 г.) дух, более близкий к духу нищенствующих орденов.

[1] Напомним, что церковного целибата по закону еще не существовало; это требование примут лишь позже. Так что не будем удивляться, что епископ Гицур был сыном Ислейва, тоже епископа. Только при епископе Торлаке Торхаллссоне, рьяном сторонникe грегорианской реформы, это положение, не без затруднений, обретет силу закона. См. «Сагу о Палле» в составе «Саг о епископах».

Наблюдателя поражает чрезвычайная быстрота, с какой духовенство распространилось в Исландии — менее чем за век, так же как быстрое создание школ (разумеется, в Скалахольте, в Холаре, но также в Одди или в Хаукадале: эти настоящие «культурные центры» распространяли все важные сочинения, написанные за границей) и монастырей (Тингейрар, Мдрувеллир, Мункатвера, Хельгафелль, Видей и т. д.), *скриптории* которых стали настоящими питомниками sagnamenn, то есть авторов саг и тому подобных текстов. Нет другого объяснения тому, откуда взялась ritöld («эпоха письменности»), рассмотрение которой выходит за рамки данной книги, но в которую была записана «Старшая Эдда», сочинены скальдические поэмы, саги и вся удивительная «научная» литература, о которой с некоторыми подробностями речь пойдет дальше.

Такими, если их описать очень вкратце, были среда и атмосфера, где развивалось действие одной из самых примечательных глав истории Запада.

Открытие Гренландии

Любопытно, что сюжет, к которому мы приступаем, с давних пор вызывает у французов бурные эмоции. Не очень понятно, почему, — ведь наши соотечественники, как правило, очень плохо осведомлены об этих реалиях и внесли большой вклад в распространение мифа о викингах. Во всяком случае, на тему «открытие Гренландии и его последствия» появляются все новые теории, диссертации, откровенные глупости, а также мистификации.

Выдвину несложное утверждение, которое следует из самого беглого взгляда на планисферу: викинги, очень умелые мореплаватели, регулярно ходили как на запад, так и на восток внутри сектора, заключенного между шестидесятой (Берген, Шетландские острова, Фарерские острова, мыс Фарвель в Гренландии, возможно, северная часть Лабрадора — и, в другом направлении, Упсала, Ладога, Финляндия) и семидесятой параллелями (мыс Нордкап, Белое море, Мурманск, а в обратном направлении — Диско в Гренландии и море Баффина). Здесь, скажу я, находилась их вотчина; никто, как известно, не заходил сюда, чтобы стать их соперником. Поэтому естественно, что их продвижение как в том, так и в другом направлении было почти неудержимым и что открытие Северной Америки вписалось бы в эту логику вещей. Я счел нужным постулировать это заранее, так как, хоть здравый смысл и наводит на мысль, что обосновавшиеся в Гренландии исландцы вполне могли открыть Америку лет почти за

пятьсот до Христофора Колумба, научных и неопровержимых доказательств этого по-прежнему нет. Не в обиду будь сказано любителям романтики и создателям псевдонаучных досужих вымыслов!

Но я забежал вперед. Поговорим сначала о Гренландии, открытие которой, а потом заселение не вызывают ни малейших сомнений и подтверждаются всевозможными источниками, в том числе данными археологии, которым я в принципе придаю решающую роль.

Между 900 и 930 гг., точнее указать нельзя, некий Гуннбьрн, направлявшийся из Норвегии в Исландию, сбился с пути из-за ветра и заметил за Исландией группу островков, которые окрестил Гуннбьярнарскер (скалы Гуннбьрна); возможно, это были острова, близкие к современному Ангмагссалику, расположенные точно напротив Снефелльснеса (в Исландии). Он не причалил к ним, но сообщил об этой новости в Исландии.

В 985 г. исландский могучий бонд Эйрик Рауди (Красный, то есть Рыжий) был изгнан за то, что совершил недоброе дело. Он решил выйти из Брейда-фьорда, на берегу которого жил, и отправиться на поиск Гуннбьярнарскер; в результате он достиг Гренландии (буквально — зеленой страны, grœn-land; один текст утверждает, что ее наименовали так, чтобы внушить желание туда приехать! Хотя на ее берегах летом действительно можно увидеть пятна красивого зеленого цвета и хотя филология позволяет придавать слову grœnn смысл «роскошный», «великолепный», это «объяснение» сомнительно и хромает. Изучение этого вопроса недавно получило новый импульс, когда в архивах Ватикана нашли название «страна Крона» [pays de Kron] — хотя что это за «крон», неизвестно) в районе, который позже назвали Эйстрибюгд, Восточное поселение, но который фактически находился на западном побережье Гренландии, как и другой округ, тоже колонизованный, который получит название Вестрибюгд (Западное поселение). Эйстрибюгд располагался на юго-юго-западе, тогда как Вестрибюгд — на западе. Эйрик Рыжий вернулся в Исландию, чтобы сообщить об этом, твердо решив привлечь в «Зеленую страну» (Groenaland или Groenland) других авантюристов. И действительно в следующем году, в 986-м, он отплыл с намерением колонизовать эту страну; в море вышло 25 судов, но только 14 дошло до цели. Колонисты поселились в Эйстрибюгде (в окрестностях нынешнего Юлианехоба) и дали названия местам, где обосновались: Братталид, Гардар, ставший центром этой колонии. Все поселенцы были исландцами. Они основали государство, во всем — в плане законов, религии, образа жизни — построенное по исландскому образцу. Известны

главные населенные пункты, где они жили: Херьольвснес (Игикаит), Кетильс-фьорд (Тасерминт), Хравнс-фьорд (Агдлуитсок), Альпта-фьорд (Сермилик), Сиглу-фьорд (Унарток), Эйнарс-фьорд (Игалико) и т. д. Итого колония вскоре насчитывала 190 хуторов, 12 церквей, в том числе собор (в Гардаре), монастырь и женскую обитель.

Из Вестрибюгда они предпринимали экспедиции на север вдоль западного побережья Гренландии, к месту, которое они назвали Нордсет. Вся остальная территория представляла собой óbygðir, необитаемые земли. Какими были отношения пришельцев с эскимосами, известно плохо. Мы еще будем говорить о скрелингах, причем нельзя с уверенностью сказать, к какой этнической реалии относится это слово. В Вестрибюгде было явно меньше населения, чем в Эйстрибюгде, что могло объясняться как климатическими причинами, так и враждебностью туземцев. Правда, эскимосы (инуиты) были и остаются людьми глубоко мирными, так что в рассказы, представляющие их созданиями недоброжелательными, поверить трудно. О том, что гренландцы, то есть осевшие в Гренландии исландцы, заходили далеко на север, свидетельствует рунический камень на Кингигторссуаке, 72°58' северной широты, сообщающий об экспедиции в Нордсет[1].

Как бы странно это ни звучало, похоже, жизнь в Гренландии не была ни трудной, ни тем более драматичной. Один норвежский текст XII в. (в первой редакции), «Королевское зерцало», или «Konungsskuggsjá» (недавно переведенное [на французский] Эйнаром М. Юнссоном в издательстве «Esprit ouvert» [*Le miroir royal* / trad. du vieux norvégien par Einar Már Jónsson. Lausanne: Esprit ouvert, 1997]), утверждает, что существование там было приятным. Надо сказать, что меха и шкуры там имелись в изобилии и что жители могли продавать веревки, кость нарвала или моржа, шерсть, тюлений жир и особо ценимые в те времена товары — белых медведей и белых соколов. Зато им приходилось ввозить дерево, железо, зерно и бóльшую часть товаров повседневного потребления. Иными словами, поскольку местные ресурсы, не считая объектов охоты и рыболовства, ограничивались травой и некоторыми злаками, Гренландия целиком зависела от своей внешней торговли, без которой не могла бы выжить. В меньшей степени это относилось и к Исландии.

[1] См. *Musset, Lucien.* Introduction à la runologie. Op. cit. P. 443, n° 167: «Эрлинг, сын Сигвата, Бьярни, сын Торда, и Эйндриди, сын Одда, в субботу перед Молебственными днями возвели этот курган и расчистили почву...» Надо отметить, что надпись, похоже, датируется XIV в.

Вероятно, этим и объясняется трагическая судьба этой маленькой колонии. Этот сюжет выходит за хронологические рамки, установленные для нашей книги, но мы упомянем о нем для полноты впечатления, а также потому, что здесь заключена тайна, по-прежнему остающаяся неразгаданной. Вестрибюгд просуществовал только до середины XIV в., Эйстрибюгд — до начала XVI в. Далее эта колония полностью вымерла. Для этой ситуации можно найти несколько объяснений, из которых наиболее вероятным является постепенное исчезновение кораблей, принадлежащих гренландцам. Вследствие событий, достаточно похожих на те, какие произошли в Исландии после 1262 г., небрежение со стороны Норвегии, а потом Дании могло оказаться роковым. С другой стороны, много жителей здесь никогда не было — максимум составлял три тысячи. Эпидемии и (или) голод могли сломить и самых стойких. Не следует пренебрегать и феноменом климата, который надо учитывать и при разговоре о Винланде. Нам точно известно, что с IX по XI в. в Северной Атлантике происходило заметное потепление: сегодня было бы невозможно совершить те же путешествия в тех же условиях, какие совершили Эйрик Рыжий и его дети. После 1200 г. начался «малый ледниковый период» с расширением площадей припая и значительным ростом численности айсбергов. Возможно, этого было достаточно для гибели жителей, и эта причина гораздо вероятней, чем появление, на котором настаивают некоторые, с начала XIV в. эскимосов дорсетской культуры, а потом культуры туле: я уже сказал, что не верю в кровожадность этих племен. Во всяком случае, Вестрибюгд в последний раз был упомянут в 1342 г. Эйстрибюгд просуществовал дольше — возможно, потому, что имел больше населения и не был окружен столь бесплодными землями. Рим полностью утратил интерес к Гренландии после 1377 г., даты назначения последнего епископа Гардарского, а Дания, каждый год фрахтовавшая для похода в эту страну судно «Грнланд кнрр», после его уничтожения в 1367 или 1369 г. не стала его заменять. Вместо того чтобы принимать на веру заявления из исландских «Готтскальксанналл», обвиняющих «скрелингов», я, как и Гвин Джонс[1], считаю, что исследователям лучше было бы внимательней изучить эскимосские предания, в которых идет речь о скандинавах:

[1] Это утверждение приведено в издании: *Jones, Gwyn.* The Norse Atlantic saga: being the Norse voyages of discovery and settlement to Iceland, Greenland, America. London; New York; Toronto: Oxford University Press, 1964 [Русский перевод: *Джонс, Гвин.* Норманны. Покорители Северной Атлантики. / Пер. Н. Б. Лебедевой. М.: Центрполиграф, 2003] как одно из самых оригинальных положений.

может быть, там можно найти ключ к этой таинственной трагедии и ко многим другим загадкам, связанным с Гренландией. То есть относящимся к Винланду[1], до которого мы наконец добрались.

Винланд

Наши основные источники — исландские и относятся к гораздо более поздней эпохе, чем события, о которых они повествуют: разница составляет самое меньшее полтора века. Это «Книга об исландцах» (Íslendingabók) Ари Торгильссона Мудрого, «Книга о заселении Исландии» и прежде всего три саги, называемые Винландскими: «Сага об Эйрике Рыжем», которая особое внимание уделяет Торфинну Карлсефни, «Сага о гренландцах», где речь идет о Бьярни Херьольвссоне, и «Прядь о гренландцах», иначе называемая «Прядью об Эйнаре, сыне Сокки», существующие только в позднейших версиях, поскольку оригиналы утрачены. Остальные документы вторичны и затрагивают этот сюжет только косвенно.

Я разделю текст на две части: сначала реконструирую вероятные факты по только что названным источникам, а потом подведу итог, сделав выводы из настоящего исследования.

Около 986 г. исландец Бьярни Херьольвссон, выйдя из Гренландии, направился на вест-зюйд-вест. Он заметил берега и леса неизвестной земли, не рискнул к ней пристать и вернулся в Гренландию, где недавно поселился его отец. Его путешествие якобы длилось четыре дня. В 999 (или 1000) г. Лейв Хинн Хеппни (Счастливый), сын Эйрика Рыжего, решил вновь найти землю Бьярни. Он последовал тем же маршрутом и сначала причалил к земле, которую якобы видел Бьярни: горы, ледники, голая земля, ни травинки. Он назвал ее Хеллуланд (Земля плоского камня). Потом он двинулся вдоль берегов, покрытых белым песком, плоских, с лесом на горизонте, и окрестил эту землю Маркландом (Землей лесов). Далее он достиг мыса, перед которым находился остров. Этот мыс он и назвал Винландом — Promontorium Winlandiæ с карты 1590 г., приписываемой исландцу Сигурдуру Стефанссону!

Сделаем отступление. Первый вопрос состоит в том, содержится ли в этом Vin- долгое «и» (которое пишется как í) или краткое. Если это í, название надо понимать как «Земля Винограда», если i краткое, то «Земля Лугов». Присутствие винограда на этих широтах не может не удивлять, и рассказ о двух рабах Лейва, отправившихся на вылазку

[1] О них идет речь в «кратком предисловии» (notice) к «Сагам о Винланде» в издании: *Boyer, Régis*. Les sagas islandaises. Op. cit. P. 1607–1617.

вглубь материка и вернувшихся с виноградом, слишком напоминает открытие земли Ханаанской, чтобы не вызвать недоверия. Однако Жак Картье в 1530 г. обнаружил виноград на обоих берегах реки Святого Лаврентия: не надо забывать, что климат в этих прибрежных районах в то время мог быть мягче, чем сейчас. Если имеются в виду луга, то стоит отметить, что Хельге и Анне Ингстад сделали свое открытие, о котором мы сейчас будем говорить, в месте, названном Ланс-о-Мидоуз (L'Anse-aux-Meadows, Бухта-в-Лугах). Правда, сейчас существует тенденция делать из этих meadows бывших «медуз», то есть L'Anse-aux-Méduses. Эта небольшая подробность позволяет понять, насколько неоднозначен весь сюжет.

Но вернемся к Лейву: он провел зиму в Винланде, где построил поселение из деревянных бараков, назвав его своим именем, Лейвсбудир, а потом возвратился в Гренландию.

В следующем, 1000 или 1001 г. в путь отправился его брат Торвальд. Он достиг Винланда, нашел Лейвсбудир и провел там зиму и лето. Потом он двинулся на север к Маркланду и обогнул мыс, который назвал Кьяларнес (Килевой мыс) и который теперь отождествили с мысом Поркьюпайн на Лабрадоре. Там он и встретился со скрелингами.

Здесь необходима вторая остановка, потому что здесь лексикон тоже заполонили легенды и искажения. Skrælingr (в единственном числе) означает «хилый», «тщедушный», «кособокий». Похоже, это слово в равной мере применяли как к эскимосам, так и к индейцам. Г. Джонс полагает, что это были алгонкины, и любопытно отметить, что в 1930 г. археолог Оге Русселл в Санднесе, в Вестрибюгде, то есть в местах, которые вполне мог посетить Торвальд Эйрикссон, судя по сообщениям, которые мы излагаем, нашел кварцитовый наконечник стрелы, аналогичный тем, какие использовали индейцы в окрестностях озера Мелвилл. Кроме того, Торвальд якобы видел лодочки скрелингов, и сказанное о них больше подходит к алгонкинским каноэ, чем к эскимосским каякам. Добавим, что название «Хвитраманналанд» (Страна белых людей), о которой мы сейчас упомянем, вполне могло быть связано с индейцами наскапи, вплоть до нашего века носившими белые одежды из шкуры серны. Во всяком случае, во встрече со скрелингами Торвальду не поздоровилось: в ходе карательной экспедиции он убил нескольких из них, но сам погиб от стрелы. Его экипаж вернулся в Лейвсбудир, зазимовал там и в 1003 г. возвратился в Гренландию. Брат Торвальда, Торстейн,

также попытался предпринять путешествие, но сбился с пути из-за непогоды на море.

Тогда-то Торфинн Карлсефни (его прозвище показывает, что он вполне мог быть человеком храбрым) Тордарсон, родственник Эйрика Рыжего, и отплыл с намерением колонизовать новую землю. Он отправился в путь на трех судах, имея при себе, похоже, около ста пятидесяти человек, скот и «движимое имущество». Он прибыл в Хеллуланд (на Баффинову Землю?), потом в Маркланд, прошел вдоль побережья, которое назвал Фурдустрандир (Удивительные Берега; это выражение, как первым заметил Фритьоф Нансен, ассоциируется с Блаженными островами нашего Средневековья[1]), обогнул некий Кьяларнес, должно быть, тот же, что огибал и Торвальд, и вошел в Страум-фьорд (Оточный фьорд), который Гвин Джонс помещает на северном входе в пролив Белл-Айл, севернее Ньюфаундленда. Он там тоже встретил скрелингов, а потом вернулся в Гренландию и оттуда в Исландию.

Остается экспедиция, которую около 1010 г. предприняла Фрейдис, дочь Эйрика Рыжего: она причалила в Винланде и встретила скрелингов, которых страшно напугала, обнажив грудь. Но она ухитрилась спровоцировать вражду между членами собственного экипажа, которые перебили друг друга, и вернулась в Гренландию; этот эпизод крайне литературен и вызывает сомнение.

Таковы «факты»! Добавим, что за 1121 г. исландские анналы («Королевские анналы», Konungsannáll) отмечают: «Епископ Эйрик Гренландский отправился на поиски Винланда», а за 1347 г. другие исландские анналы («Скальхольтские анналы», Skálholtsannáll) сообщают: «Из Гренландии пришло судно, меньшего размера, чем маленькие исландские лодки; оно вошло в Страум-фьорд [в Исландии] и не имело якоря. На его борту было семнадцать человек. Они совершили путешествие в Маркланд, но потом шторм загнал их сюда». Это последняя исландская запись на эту тему, но можно упомянуть еще

[1] Может быть, небесполезно процитировать, что на эту тему написал Исидор Севильский: «Блаженные острова называются потому, что там в большом количестве произрастают всевозможные блага, словно бы эти земли благословлены изобилием плодов. Они по преимуществу поросли лесами, каковые дают ценные плоды; холмы снизу доверху покрыты виноградом, который растет сам. Злаки и овощи вырастают там словно бы из травы. Отсюда проистекает заблуждение язычников, как и авторов мирских поэм, якобы эти острова — Рай, коль скоро они так плодородны. Они находятся в Океане напротив западного побережья "Мавритании" и отделены друг от друга протоками» (Этимологии. XIV. 6. 8).

Адама Бременского, цитирующего датского короля Свена Эстридсена (который умер в 1076 г.): «Он мне также сказал, что существует и другая земля, открытая в океане многими людьми, которую называют Виноградная из-за того, что виноград растет там сам по себе и дает лучшее из вин».

Итак, сделаем вывод, что Винланд, Vinland it góða (Винланд Добрый), должен был располагаться между 64 и 58 градусами северной широты и мог находиться на Лабрадоре или на Ньюфаундленде.

Первое, что наводит на серьезные подозрения, — невероятные истории или чудеса, о которых сообщают наши тексты. «Сага о Людях с Песчаного Берега», например, в главе 64 рассказывает о великом путешественнике Бьрне Бойце Широкого Залива из «Страны белых людей» (Hvítramannaland), в которой герою почти чудом удалось остаться в живых. Интересно уточнить, что автор текста, похоже, не делает различия между Страной белых людей и «Великой Ирландией» (Irland it mikla). Словно бы воспроизводится кельтская легенда, позаимствованная из Ирландии и, вероятно, имеющая связь с «Плаванием святого Брендана» и даже с имрамами, о которых еще пойдет речь. В других местах упоминаются монстры, знакомые всему Средневековью, например, унипеды [одноногие]. Или же «червивое море», или hafgerðingar — волны чудовищных размеров. Разумеется, воображение исследователей во всех случаях нашло объяснения для этих чудес, но я не буду на них задерживаться. Равно как на грубых мистификациях, вроде знаменитой «карты Винланда», представляющей собой всего лишь умелую фальшивку, или Кенсингтонского камня, или упоминания о «Сюзи Белокурой» и т. д.

Зато открытия Хельге и Анне Ингстад заслуживают уважения. Они раскопали в Ланс-о-Мидоуз, близ залива Эпав, севернее Ньюфаундленда, местонахождения больших домов скандинавского типа, где нашли разные предметы, в том числе наковальню и стеатитовое пряслице. Но, помимо того, что датировка посредством «усовершенствованного» радиоуглеродного метода не дает удовлетворительной точности, не следует исключать возможность перемещений объектов благодаря меновой экономике, практикуемой эскимосами (то же относится к кварцитовому наконечнику стрелы или сундукам из древесины лиственницы, найденными в Херьольвснесе, то есть Икигаите в Гренландии, которые могли попасть туда с Лабрадора или Ньюфаундленда). Так же как «дома» Ингстадов — не обязательно скандинавские: эскимосы, особенно дорсетской культуры, могли взять за образец жилища, которые видели в Гренландии, и построить похожие

на более милосердных широтах, чем те, к которым они привыкли. Опять же ключ к разгадке, вероятно, находится в руках эскимосов.

Мне остается наскоро профильтровать сами тексты, на которых обычно основывается изучение этого сюжета[1]; современная критическая мысль неопровержимо доказала, что, вопреки представлению, прочно укоренившемуся даже у специалистов, базовым текстом, который нужно для этого использовать, является не «Сага об Эйрике Рыжем» (кстати, названная неправильно — ее следовало бы назвать «Сагой о Торфинне Карлсефни»), а «Сага о гренландцах» (то же замечание: подходящее название для нее — «Сказание о гренландцах»). А ведь последний текст сообщает о пяти путешествиях в Винланд, тогда как первый упоминает только два, используя совершенно противоречивые выражения. Поскольку нет сомнений, что автор «Саги об Эйрике Рыжем», судя по деталям, которые он счел нужным упомянуть открыто, был клириком, полагают, что в своем рассказе он сознательно воспроизводил иностранные источники — рассказы о Блаженных островах, как говорилось, или же, опираясь на вполне живые кельтские традиции, — всевозможные легендарные истории, истоки которых были кельтскими и которые надо бы искать в «Плавании святого Брендана», тексте чрезвычайно популярном в Средние века, и даже в имрамах, которые в конечном итоге образовали самостоятельный жанр. Как бы то ни было, утверждать, что исландцы из Гренландии открыли Северную Америку, было бы неосторожно. Очень вероятное предположение — еще не очевидность, и, коль скоро археологи не дали для него неопровержимого доказательства, будет разумней считать эти саги особо удачным разработками сюжетов, которые использовал весь Запад; впрочем, во многих отношениях это можно сказать о любой хорошо сложенной саге.

Вернемся на более надежную почву и восстановим связь с реальной Историей.

Датчане и норвежцы вместе: Англия

Период 980–1050 гг. прежде всего отмечен мощными датскими и отчасти норвежскими походами на Англию. Их предвестия мы уже отмечали в предшествующие десятилетия. Мы имеем дело с новым типом викингских экспедиций, имеющих мало общего с тем, к чему мы привыкли. Ответственны за это выдающиеся личности — Свен Вилобородый и его сын Кнут Великий в Дании, Олаф Трюггвасон,

[1] Я здесь кратко пересказываю мысли из своего очерка: *Boyer, Régis*. Les sagas islandaises. Op. cit. Note 33.

Олаф Харальдссон Святой, Харальд Суровый в Норвегии: эти короли стали великими прежде всего потому, что сумели извлечь уроки из того, что увидели за рубежом. Их действия довели викингский феномен до его предела, сделав соответственно из Дании и Норвегии сильные государства, способные противостоять вызовам нового мира.

В то же время большие торговые пути и торговые центры тоже стали другими. Если на Востоке, как мы видели, связи с халифатом ослабли — что, возможно, стало причиной упадка Бирки, то отношения с Византией активизировались; они прервались только после вмешательства печенегов в 1068 г. События на Западе способствовали притоку англосаксонского серебра. Это было очень насыщенное время, когда возникли или пережили расцвет такие города, как Роскилле, Лунд (Дания), Сигтуна, Скара (Швеция), Тнсберг, Нидарос (Норвегия).

Если отдельно рассматривать Швецию нетрудно, то крайняя запутанность истории Дании и Норвегии, тесно переплетенной, где каждая из стран поочередно имела верховенство над другой, побуждает не разделять их. Поэтому я буду исходить из диахронического принципа, опять же рассматривая ряд событий как «волны», на которых поднимается тот суверен, который на время становится в некотором роде движущей силой Истории.

Период 980–1014 гг. прошел под знаком Свена Вилобородого. Около 980 г. мы наблюдаем всеобщее и почти систематическое возобновление викингских рейдов, но приобретших больший размах. Причины этой перемены очевидно были многообразны. Некоторые уже бегло упоминались: истощение серебряных копей халифата, перекрытие путей, которые вели туда? Конец эпохи колонизации в форме занятия всех земель, пригодных для обработки (Исландия), или в форме поглощения скандинавов коренным населением (Денло, Нормандия)? Или же доведенные до совершенства Харальдом Синезубым, а потом его сыном Свеном знаменитые укрепленные военные лагеря, которые мы представили выше? Или первое проявление того, что до наших дней осталось мечтой северян и что называют скандинавизмом[1], — стремления объединить под одним скипетром не только скандинавские страны, но и все земли, где северяне обосновались?[2] Ответа нет. Но, если взять только один случай, интересный в этом

[1] Он вновь расцветет в эпоху романтизма, в частности, в произведениях датчанина Эленшлегера, норвежца Бьрнсона или шведа Тегнера.

[2] Это особенно относилось к Англии со времен англов до захватчиков Денло.

отношении, любопытно, что в 983 г. датчане отбили Шлезвиг и оттеснили на юг занимавших его немцев[1].

Также в 983 г. норвежец Хакон Сигурдарсон, ярл Трннелага, разорвал союз, который ранее заключил с королем Харальдом Синезубым и который обеспечивал ему власть над провинциями юго-западной Норвегии. Он дал Харальду знаменитую битву при Хьрунгаваге (к югу от современного Олесунна) и нанес поражение датчанам и их союзникам вендам. Сразу после этого, в 984 или 985 г., Харальду Синезубому пришлось бежать от собственного сына Свена Tjúguskegg (Двойнобородого, или Вилобородого), который распространил свою власть на всю Данию. Похоже, Свен очень скоро вознамерился обеспечить себе такое же господство над Англией.

В 986 г. впервые упоминается имя прославленного норвежца Олафа Трюггвасона — настоящего воплощения легендарного викинга для самых романтичных сердец! Им очень рано заинтересовались многие историки. В Новое время его часто путали с его тезкой Олафом Харальдссоном (святым Олафом), по меньшей мере столь же колоритным персонажем, хотя бы потому, что тот и другой были энергичными евангелизаторами. Поэтому к приключениям, которые ему приписывают почитатели, начиная со Снорри Стурлусона, посвятившего ему одну из самых прекрасных саг в «Круге Земном», надо отнестись с некоторой критичностью. Олаф Трюггвасон якобы был потомком Харальда Прекрасноволосого, в раннем детстве ему пришлось бежать из родных мест вместе с матерью, он якобы стал рабом, потом, освободившись за выкуп, попал в милость к знатной даме на Руси и пережил в молодости все приключения, какие мы охотно приписываем «настоящему» викингу. Так, в 986 г. он якобы совершил типично викингский набег на остров Борнхольм. Возможно, это он в 991 г. командовал норвежцами во время знаменитой битвы при Мэлдоне с англичанами — это столкновение вызвало к жизни поэму на староанглийском языке, восхваляющую героизм Бюрхнота, элдормена Эссекса. Может быть, это было первое из целого ряда больших сражений с Этельредом Нерешительным, трусом, каких поискать, который согласился выплатить викингам данегельд в размере 10 тыс. фунтов, что стало началом долгого ряда выплат, общая сумма которых составила, согласно Э. Альбректсену, 158 тыс. фунтов[2]. Такая практика, как мы знаем, была давней. Первое упоминание о ней относится к 810 г. — тогда фризы заплатили сто фунтов Годфреду.

[1] Шлезвиг останется датским до 1864 г.

[2] *Albrectsen, Erling*. Danmark i Oldtiden. København: Schønberg, 1949. P. 154.

К этому средству считали возможным прибегать, в частности, французы (845), бретонцы (847), Карломан (884). Таким образом в течение IX в. сокровищницы Каролингов покинуло минимум 44 250 ливров золота (один ливр золота стоил десять-двенадцать ливров серебра). О последствиях, которые вызвал на Западе этот переход драгоценного металла в обращение, еще пойдет речь.

Но вернемся к датчанам. В 994 г. они перешли в наступление на Эльбе. В том же году коалиция, объединившая Олафа Трюггвасона и Свена Вилобородого, напала на Лондон, но не смогла его захватить: англичане заплатили за свое спокойствие 16 тыс. фунтов. Якобы в связи с этим событием Олаф обратился в христианство. Обстоятельства имеют мало значения, чрезвычайно важен сам факт. Не только из-за его религиозных и культурных последствий, но и с политической точки зрения. Олаф вернулся в Норвегию покрытый славой и полный решимости объединить страну путем христианизации. Тем самым он закладывал фундамент постройки, которую немного позже Олаф Харальдссон пожелал обеспечить политическим и идеологическим фасадом. Ведь какими бы ни были используемые им методы, Олаф Трюггвасон очень скоро сумел осуществить свои намерения. Он организовал поход против ярла Хакона, которого разбил, и в результате стал единственным королем всей Норвегии. Вскоре он женился на Тюри, сестре Свена. Мимоходом отметим, что приблизительно в 995 г. родился Олаф Харальдссон inn digri (Толстый), который в свое время будет канонизирован.

Датчане одни напали на Уэссекс, который систематически разоряли с 997 по 999 г. Я не могу сделать ничего лучшего, чем процитировать начало записи в «Англосаксонской хронике» за 999 год. Она особо наглядно позволит читателям понять, почему злосчастный английский король Этельред был прозван Нерешительным, поскольку будет видно, что он так и не решился на открытое столкновение:

> Тогда разбойничье войско [викингов] пришло в Темзу и поднялось вверх по течению Медуэй к Рочестеру. Против них выступило кентское ополчение, и два войска решительно сошлись в битве, но — увы — слишком быстро кентцы дрогнули и побежали, поскольку они не получили помощи, которую должны были получить. Даны завладели полем битвы, добыли коней и ездили повсюду, где хотели; они разграбили и разорили почти весь западный Кент. Тогда король и его уитэны [советники] решили выставить против данов флот и ополчение, но когда корабли были готовы, медлили день за днем, а несчастные люди на кораблях досадовали. Постоянно, когда нужно было выступать, это тянулось час за часом; постоянно они по-

> зволяли вражескому войску благоденствовать, постоянно оставляли открытым море, а потом начинали преследование, и, в конце концов, не принес этот поход ничего — только тяготы и денежные траты, а врагам — поощрение[1].

Перелом случился около тысячного года. При Свльде, в проливе Эресунн, если не на широте острова Рюген, в Балтийском море, произошла страшная битва между Олафом Трюггвасоном и коалицией, в которую входили Свен Вилобородый, Олаф Шткоунг — король Швеции и ярл Эйрик, сын Хакона Сигурдарсона. Силы были неравны, и Олаф Трюггвасон утонул. Можно задаться вопросом, почему в это дело вмешался шведский король. Может быть, потому, что Тюри, жена Олафа Трюггвасона, сначала была выдана за поляка Болеслава и Олаф хотел завладеть приданым Тюри? Свльд был важным событием: поражение и гибель Олафа Трюггвасона сделали Свена Вилобородого королем Дании и всей Норвегии!

В 1002 г. датчане и норвежцы, теперь входившие в единое государство, снова напали на Англию. Как обычно, Этельред выплатил данегельд, на сей раз 24 тыс. фунтов. Он недавно женился на Эмме, сестре герцога Ричарда II Нормандского. Возможно, как говорят английские историки, по наущению герцога Ричарда Этельред 13 ноября 1002 г. и отдал приказ убить всех «датчан», живущих в Англии. Это был день святого Брикция, и события тогда развивались так же неумолимо, как в нашу Варфоломеевскую ночь, с которой он неизбежно ассоциируется. Не то чтобы значение этого события надо чрезмерно раздувать: на самом деле в Денло истребили немногих датчан, но погибло немало скандинавов, включая женщин и детей, в том числе, согласно преданию, Гуннхильд, сестра Свена. Большего несомненно не требовалось, чтобы дать последнему хороший предлог — месть — и позволить ему конкретизировать свои цели.

Ведь с 1003 по 1005 гг. датчане стали все чаще атаковать Англию: к первоначальным корыстным и, вероятно, политическим мотивам добавилось священное право мести. Разорению подверглись многие города, как Эксетер, Уилтон, Солсбери, Норидж, Тетфорд. Успешно оказывал сопротивление — примечательный факт! — только англо-датчанин Ульфкель Сниллинг. Но когда в 1005 г. Англию постиг сильный голод, Свен был вынужден отплыть.

Он вернулся в 1006 г., чтобы творить новые бесчинства. В 1007 г. Этельред выплатил 36 тыс. фунтов. Когда датчане ушли, он вяло

[1] *Англосаксонская хроника.* / Пер. З. Ю. Метлицкой. СПб.: Евразия, 2010. С. 101.

попытался создать систему обороны, немного напоминающую ту, которую когда-то с успехом реализовал Альфред Уэссекский, но она осталась неэффективной, поскольку твердости было проявлено мало. Кроме того, он сделал глупость, назначив элдорменом Мерсии хитрого Эадрика Стреону, для которого личные интересы были важней интересов Англии.

1009 год — очень важная дата. В этом году скандинавы впервые развернули широкое организованное наступление на Англию. Свен внезапно появился с громадным флотом (по меркам той эпохи: мы говорили, что хроники или анналы очень преувеличивают силы противника, я же считаю невозможным указывать количество кораблей или численность людей); он им командовал совместно с неким Торкелем hávi (Высоким), возможно, братом ярла Сигвальди, о котором много говорится в «Саге о йомсвикингах» и в окружении которого упоминаются некий Олаф Харальдссон, а также Хемминг, вероятно, брат Торкеля. Соблазнительно предположить, что это войско выступило из тех тренировочных лагерей, которые мы уже упоминали (см. выше, с. 91): Треллеборга, Аггерсборга и т. д., к которым несомненно можно добавить Йомсборг, поскольку археология датирует самые ранние свидетельства его существования 970 г., самые поздние — 1020-м. В лагерях могло находиться 5 тыс. человек, что дает нам общие представления о численности военных сил. У нас есть доказательства, что через эти лагеря должны были пропускать наемников, происходивших из других скандинавских стран, не из Дании. Никогда не надо забывать о роли, которую в викингском феномене постоянно играло наемничество, независимо от того, были ли наемниками сами викинги или они использовали наемников в своих целях. В любом случае ясно, что Свен хотел захватить власть в Англии. Он без труда нанес поражение «великому флоту», спешно снаряженному Этельредом, и его войска растеклись по всему югу Англии.

В 1010 г. датчане дали англичанам правильное сражение при Рингмере; они не должны были бы его выиграть, и по разным причинам, начиная с вопиющего неравенства сил. Но англичане были расколоты из-за внутренних распрей и не смогли противопоставить противнику единый фронт. Поэтому они отступили, и такой результат боя сделал датчан хозяевами всей Восточной Англии и поверг страну в беспримерное расстройство. Прочитаем «Англосаксонскую хронику» за 1010 г.:

> После этого они [датчане] повернули назад к кораблям с добычей. Когда даны разошлись по кораблям, ополчение должно было быть

в сборе на тот случай, если они захотят высадиться, но ополчение отправилось по домам. И когда даны были на востоке, тогда ополчение собиралось на западе, а когда даны были на юге, наше ополчение было на севере. Тогда всех уитэнов [советников] призвали к королю, чтобы решить, как эту землю защищать, но какие бы решения ни принимались, их исполняли не больше месяца. И уже ни один предводитель не хотел собирать ополчение, каждый бежал при первой возможности, и в итоге даже ни один скир [графство] не хотел помогать другому[1].

Действительно, очень похоже, что положение было именно таким. Но мы по-прежнему должны проявлять осторожность в суждениях. Рассмотрим, например, эпизод с Кентербери, хотя это очень темная история. Датчане захватили крепость в 1011 г. и умертвили позорной смертью святого старца, архиепископа Эльфхеаха. Это как будто установленный факт. Чего нельзя сказать об интерпретации, которую дает столь ненадежный источник, как «Панегирик королеве Эмме»: Торкель Высокий, христианин, возмущенный обстоятельствами этого убийства, якобы перешел на сторону Этельреда, и чтобы отомстить за эту измену, Свен и совершил новое вторжение в 1014 г. Истина заключается в том, что Англия, раздробленная, нерешительная и изнуренная, была легкой добычей, поскольку изнемогший народ стал уже неспособен противостоять ни датчанам с их притеснениями, ни сборщикам дани, которой требовал король, чтобы вынудить захватчиков уйти. Действительно, в 1011 г. Этельред якобы пообещал, и выплатил, данегельд размером в 48 тыс. фунтов!

Сделаем короткое отступление: в 1013 г. Олаф Харальдссон якобы отправился в Руан креститься; это не помешало ему между 1013 и 1015 гг. сходить в викингский поход к берегам Галисии и Аквитании.

Во всяком случае, в 1014 г. Свен один, без союзников, совершил новое вторжение в Англию. На сей раз Этельред бежал в Нормандию к шурину, и Свен стал хозяином Англии, признавшей его единственным королем. Но через пять недель он умер. Ему наследовал сын Кнут (Канут) Великий (inn mikli), которому тогда было восемнадцать лет.

Кнут, который получит прозвище Великий, царствовал с 1014 по 1035 г. Начало оказалось трудным. Кнуту пришлось в том же 1014 г. отплыть в Данию, потому что английская знать, узнав о смерти Свена, вновь призвала Этельреда. Кстати, Кнуту хватало забот в самой

[1] Англосаксонская хроника. Цит. соч. С. 107–108.

Дании, чтобы обеспечить за собой наследие отца. Он воспользовался союзом со своим зятем Эйриком Хаконарсоном, ярлом Хладира, женившимся на его сестре Гюде, а также поддержкой Торкеля Высокого, вновь перешедшего на сторону датчан.

В 1015 г., обеспечив свое положение в собственном государстве, Кнут вновь перешел в наступление в Англии, по-прежнему неспособной преодолеть внутренние расколы — особенно двусмысленную роль играл Эадрик Стреона. В 1016 г. Этельред умер от болезни. Ему наследовал сын Эдмунд Железнобокий. Когда датчане осаждали Лондон (безуспешно), Эдмунд попытался их оттеснить, но тщетно. Тем не менее ему удалось внезапно напасть на армию Кнута при Отфорде и разбить ее. Кнут взял реванш при Эшингдоне, в Эссексе, в том же году, благодаря измене Эадрика Стреоны. Это вновь дало ему власть над всей Англией. Но поскольку Эдмунд выжил и оставался опасным, датчанин пошел на компромисс: уступил ему Уэссекс и оставил за собой всю остальную страну. К несчастью, в том же 1016 г. Эдмунд, которому было всего двадцать два года, умер, и вот Кнут снова стал единственным королем всей Англии, Дании и Норвегии. Ему подчинялись ярл Эйрик Норвежский, державший от него Нортумбрию, Торкель Высокий, владевший Восточной Англией, и Эадрик Стреона, сохранивший Мерсию.

1016 г. решительно был важным годом. Оставим ненадолго английские дела и вернемся к Олафу Харальдссону: он воспользовался отсутствием ярла Эйрика, находившегося в Англии вместе с Кнутом, и разгромил при Несьяре, в Осло-фьорде, коалицию других норвежских вождей. Среди побежденных был и его главный соперник, ярл Хакон Эйрикссон. Олаф, который обладал прежде всего перворазрядным политическим талантом и сильным умом, опережавшим его время, обосновался в Нидаросе. К концу года он уже был королем большей части Норвегии. Он, как до него и Олаф Трюггвасон, взялся христианизовать свою страну. Составить точное представление о его намерениях безусловно трудно, поскольку почти все источники (многочисленные), которые говорят о нем, принадлежат к агиографическому жанру со свойственными ему изъянами. Но чрезвычайная популярность, которую он получил после смерти (1030), не только в Норвегии, но и на всем Западе, не позволяет, как мне кажется, сомневаться в искренности его веры и его христианского рвения. Может быть, христианство служило его политическим целям (объединения, централизации, установления монархии по божественному праву, дабы покончить со всеми распрями династического характера)

и он умело пользовался этой религией. Тем не менее он сыграл важнейшую роль, как в христианизации своей страны, так и в качестве законодателя, проявляя, несмотря ни на что, явное пристрастие к миру и безопасности. Он вернул былое значение местным тингам, вносил поправки в законы, сознательно приобщил страну к западной цивилизации, учредив, при помощи своего друга епископа Гримкеля, национальную церковь и введя в ней эффективную иерархию. Если он ради этого должен был ломать традиционные структуры и, в частности, подрывать старинную власть могучих бондов, ответственных за то, что надо назвать норвежским арьеризмом, — это было неизбежностью, которая, впрочем, погубила его[1]. Но усилие, совершенное им, вкупе с очевидными энергией и политическим умом поставили финальную точку на веке викингов в Норвегии и обеспечили этой стране прочное место в сообществе европейских наций.

Мы ненадолго отвлеклись от Англии. Итак, 1017 г. Напомним, что Кнут разделил страну на четыре части, но вскоре вернул себе Мерсию, казнив Эадрика Стреону. Пытаясь примириться с местной знатью, он женился на Эмме, вдове Этельреда Нерешительного. Тем не менее принцип данегельда не исчез — он только утратил свое название, сохранившись в виде податей. Рекорд был побит в 1018 г., когда было выплачено 72 тыс. фунтов, к которым добавились 10,5 тыс. фунтов с одного только Лондона[2]. Кстати, археологи отмечают значительное увеличение количества английских монет в кладах, найденных в Скандинавии, за период с начала X в. до 1050 г.

1018 г.: Кнут передал управление Данией своему брату Харальду, который в том же году умер. Это событие вынудило Кнута отослать свой великий флот в Данию и отплыть туда самому, чтобы обеспечить наследование.

Сделаем еще одну паузу: почти как Олаф Харальдссон в Норвегии, Кнут в Дании был государем большого масштаба, замирившим ее, как и другие страны, где он более или менее долго был королем. Это был также перворазрядный законодатель и администратор, умевший издавать подходящие законы, как английские для англичан, так и датские для датчан; поскольку в этой сфере он был в большей степени реставратором, чем новатором, он старался скорей воссоздавать,

[1] См. перевод Р. Буайе: *La Saga de saint Óláf*: tirée de la «Heimskringla» de Snorri Sturluson. Op. cit., в частности, Введение, где эта проблема рассматривается подробно.

[2] Не надо удивляться мнимому расхождению между этими цифрами и приведенными выше. Здесь расчет был сделан в фунтах серебра, а выше — в фунтах золота.

укреплять и приспосабливать старые структуры, чем придумывать новые. Прирожденный государственный деятель, ловкий политик, он умел пользоваться церковью, чтобы обеспечивать свою власть, заключая соглашения с папой и императором. Ведь он был и превосходным защитником церкви: он добился канонизации святого Эдмунда и святого Алфегия (Эльфхеаха), отстраивал разрушенные монастыри, освящал церкви, поощрял паломничество в Рим и т. д. Параллель с Олафом Харальдссоном просматривается явственно. Не приходится сомневаться в вере как того, так и другого. Мы имеем дело с умными людьми, понимавшими, что для решения проблем своей эпохи без церкви не обойтись, но это не дает оснований усомниться в их искренности.

Кнут вернулся в Англию, поручив в 1024 г. регентство в Дании ярлу Ульфу, женатому на Астрид, сестре Кнута. Олаф Харальдссон воспользовался этим случаем, чтобы попытаться вернуть Норвегии независимость. Для этого он создал коалицию против Дании с Анундом Якобом, сыном шведского короля Олафа Шткончунга: договор о союзе они подписали в Конунгахелле (ныне Кунгахелла), на границе Швеции и Норвегии.

Регент Ульф, похоже, был человеком не очень надежным. Подозревают, что он более или менее открыто потворствовал амбициям Олафа. К тому же — надо ли говорить о личном соперничестве? — он пытался сделать единственным королем Дании родного сына Кнута, Хардакнута.

Поэтому Кнут Великий был вынужден вернуться из Англии. Далее следует период, сведения о котором особенно запутаны: вероятно, в 1027 г. в Восточном Сконе, при Хельгео, произошло большое сражение, результаты которого неясны, кроме того, что Анунд Якоб бежал в Швецию[1], Ульф был предательски убит по приказу Кнута в соборе Роскилле[2], а Олафу пришлось вернуться в Норвегию. Вновь овладев ситуацией, Кнут обеспечил себе верность высших норвежских сановников (херсиров) и в 1028 г. отплыл в Норвегию. Олаф Харальдссон, поняв, что всякое сопротивление бесполезно, бежал на Русь к Ярицлейфу Вальдамарсону (Ярославу), который дал ему приют. Тогда Кнут препоручил Норвегию ярлу Хакону Эйрикссону и снова

[1] Нельзя забывать, что Сконе входило в состав Дании и отошло к Швеции только в XVI в.

[2] Если читатель хочет познакомиться с колоритной фантазией на тему этих событий, пусть обратится к «Саге о героях» [Герпла] Халлдора Лакснесса, написанной в его неподражаемом стиле: французский перевод — *Laxness. Halldór.* La Saga des fiers-à-bras. Op. cit.

возвратился в Англию, передав управление Данией своему сыну Хардакнуту. Сохранилось загадочное послание от 1027 г., адресованное английскому народу, где Кнут характеризуется как *Rex totius Angliæ et Dennemarchiæ et Norregiæ et partis Suavorum* [король всей Англии, и Дании, и Норвегии, и части шведов (*лат.*)]. Последний элемент создает проблему: надо ли понимать, что Сконе и Блекинге считались шведскими? Или вместо *Suavorum* следует читать *Slavorum* [славян]? Но почему? Какие славяне имеются в виду: венды — восточные соседи Дании, новгородские русские или поляки, те и другие — из-за династического родства? Как бы то ни было, этот документ явственно отражает притязания Дании на широкую гегемонию над побережьями Северного и Балтийского морей и, конечно, ее сознательные амбиции.

И вот 1029 г. Ярл Хакон Эйрикссон, регент Норвегии, утонул. Кнут немедленно отправил своего внебрачного сына Свена от наложницы Эльгифу, чтобы возглавить королевство.

Но в 1030 г. из Руси в Норвегию вернулся Олаф, чтобы вернуть себе королевство, и попытался собрать своих сторонников. Ему это не удалось. По причинам, речь о которых шла, могучие бонды, херсиры, издавна пользовавшиеся прерогативами, не признавали его модернистских и абсолютистских притязаний. Они сумели поднять против него народ. 29 июля 1030 г. он был разбит и убит при Стикластадире, в Трннелаге. Потомки его не забыли, очень скоро он прослыл святым и был канонизирован. Эта популярность способствовала тому, что в 1035 г. ему наследовал сын Магнус, прозванный Добрым, hinn góði, за которым послали на Русь к Ярицлейфу. Но Кнут снова остался единственным хозяином на корабле.

Ненадолго: 12 ноября 1035 г. он умер в Англии и был похоронен в Винчестере.

На 1035 г. приходится конец империи, правду сказать, очень раздробленной и разнородной, которую Кнуту Великому кое-как удалось объединить. Последствия этого я кратко перечислю. В Англии сменил отца и в 1037 г. был избран королем внебрачный сын Кнута (от Эльгифу) Харальд [Гарольд] Заячья Лапа. В Норвегии Магнус Добрый изгнал Свена и Эльгифу и добился своего провозглашения королем. В Дании воцарился Хардакнут. Таким образом, все три королевства опять разделились. Что касается королевы Эммы, в 1037 г. ее изгнали во Фландрию. На этом кончилась эпопея Кнута Великого, в отношении которой надо отметить, что, независимо от реальных достоинств этого суверена, она стала возможной только вследствие крайней неразберихи, царившей в эти годы на всем севере Европы.

Конечно, как мы увидим, еще не вс ясно, но читатель сможет задаться вопросом, можно ли относить дальнейшие события к викингскому феномену *stricto sensu* [в узком смысле этого слова (*лат.*)].

Последний период 1036–1050 гг. был периодом «ликвидации». Действительно, на политической шахматной доске произошли неожиданные потрясения. Так, в результате забавного поворота событий на первый план в этот раз вышла Норвегия.

Начнем с 1038 г.: у Хардакнута, царствовавшего в Дании, были все основания считать, что единокровный брат Гарольд Заячья Лапа отнял у него Англию. Поэтому он заключил соглашение с Магнусом Олафссоном (Добрым) Норвежским, чтобы отвоевать Англию и вернуть себе права. Но в 1040 г. Гарольд Заячья Лапа умер от болезни. Хардакнут немедленно отправился в Англию и потребовал данегельд в 32 тыс. фунтов, который ему и выплатили в 1041 г. В 1042 г. он сам внезапно умер во время попойки. По словам «Англосаксонской хроники», «в этом году Хардакнут умер, когда собирался пить, и внезапно упал на землю в страшных судорогах. Те, кто был рядом, подхватили его, но он так и не вымолвил ни слова и 8 июня скончался». Результат оказался неожиданным: троны Англии и Дании опустели. Поэтому трон Дании присвоил Магнус Олафссон, тогда как англичане избрали королем Эдуарда Исповедника, сына Этельреда Нерешительного и Эммы. Магнус Олафссон, отдававший приоритет собственному королевству, назначил регентом Дании своего кузена Свена Ульфссона (обычно называемого Эстридсеном, по матери), сына того самого Ульфа, которого Кнут Великий приказал убить в Роскилле.

В следующем, 1043 г., на сцену вернулись венды, о которых мы уже говорили несколько раз. Они создали угрозу Дании. Магнус организовал против них карательную экспедицию, в ходе которой взял и разрушил Волин — который, напомним, мог быть Йомсборгом из саги. Однако тем самым еще не было покончено с вендами, вторгшимися в Ютландию: он дал им сражение при Люрсков-Хеде, где вышел победителем.

Нам остается вывести на первый план того, кто несомненно был последним викингом, который соответствовал образу, созданному нашими пылкими романтиками, — Харальда harðráði, Харальда Сурового, которого Адам Бременский назвал «молнией Севера». И опять-таки какой размах, какой легендарный ореол! Снорри Стурлусон не обманулся, посвятив ему самую вдохновенную сагу своего «Круга Земного». Он был единоутробным братом Олафа Святого и помогал

ему отвоевать Норвегию[1]. Появившись при Стикластадире, где был ранен, он потом оказался в Византии, где, возможно, был командиром Варягов басилевса. При этом он был смельчаком, хитрецом, любимцем красавиц. И большим любителем поэзии, причем великолепным скальдом. Мы увидим, как вопреки своему желанию он надолго изменил течение Истории.

Мы снова встречаем его в 1045 г., когда он, вернувшись из Византии, высадился в Швеции. Он соединился со Свеном Эстридсеном, чтобы разорить Зеландию и Фюн (Фионию). Но когда в 1047 г. Магнус Добрый умер (возможно, от падения с коня), Свен Эстридсен был провозглашен королем Дании — и останется им до смерти в 1074 г. Харальд Суровый сразу же обратил оружие против него. Это стало началом долгой войны, которая закончилась только в 1064 г., когда Харальд признал Свена королем Дании. В ходе этих враждебных действий Харальд в 1050 г. разграбил, а потом сжег Хедебю. Но вернемся в 1047 г.: Харальд объявил себя королем Норвегии как наследник Магнуса. Как и его единоутробный брат, позже он пытался объединить королевство, с переменным успехом.

Теперь бросим взгляд на Англию. Эдуарду Исповеднику в 1052 г. удалось избавиться от англо-датской партии, не соглашавшийся с его замыслами в отношении Англии. Но 5 января 1066 г. он умер. Ему наследовал Гарольд Годвинсон Уэссекский.

1066 год — дата, достаточно известная в истории Запада, чтобы не было необходимости надолго на ней останавливаться. Я довольствуюсь тем, что брошу свет на важнейшее событие, которым слишком часто пренебрегают. Гарольд стал королем, но Харальд Суровый не принял этого во внимание: он считал, что имеет законное право претендовать на английский престол. Поэтому он, собрав внушительные силы, организовал поход в Англию, высадился недалеко от Йорка и двинулся на город. Для начала он разбил армии эрлов Эдвина Мерсийского и Моркара Нортумбрийского.

Тут-то и случилось важнейшее событие, более важное, чем Гастингс, который был всего лишь его последствием. Король Гарольд Годвинсон выступил из Южной Англии со знаменитой элитной армией — хускерлами, чтобы положить конец бесчинствам Харальда Сурового. Столкновение произошло близ Йорка, при Стамфорд-Бридже. Норвежцы оказались не в состоянии справиться с хускерлами,

[1] См. перевод Р. Буайе: *La Saga de saint Óláf*: tirée de la «Heimskringla» de Snorri Sturluson. Op. cit.

которые устроили настоящую гекатомбу; здесь 25 сентября 1066 г. простился с жизнью и сам Харальд Суровый[1].

Вскоре Гарольд узнал, что на юге Англии высадился с армией Вильгельм Бастард Нормандский (Вильгельм Завоеватель): я говорил, что эта важная страница Истории уже не имеет отношения к феномену викингов. И Гарольду пришлось со своими хускерлами форсированным маршем вернуться на юг, чтобы встретить нового врага. Дальнейшее известно: 14 октября 1066 г. Вильгельм разгромил его при Гастингсе и тем самым проторил себе путь к английскому трону. Как кажется мне, если бы Гарольду не пришлось сначала идти до Стамфорд-Бриджа и выдерживать тяжелое сражение, если бы Харальд Суровый не вмешался в ход Истории, битва при Гастингсе наверняка могла иметь другой исход, рискнем даже сказать: изменилось бы лицо европейской истории, поскольку ничто не позволяет думать, что хускерлы были бы неспособны отразить натиск захватчика.

В любом случае Стамфорд-Бридж знаменует конец скандинавских притязаний на Англию. Можно также допустить, что эта дата завершает эпоху викингов. Ведь вс дальнейшее недвусмысленно. Бегло перечислим последние отзвуки этого события: в 1069 г. Свен Эстридсен послал в Англию флот под командованием двух своих братьев. Вильгельм Завоеватель сделал так, чтобы флот не смог действовать — разорив Денло, он не дал датчанам возможности пополнить там запасы. Флот был вынужден вернуться, не попытавшись что-либо предпринять. Новая датская морская экспедиция, в которой участвовало порядка 200 кораблей, направилась в Англию в 1075 г.; этот флот крейсировал близ Йоркшира, но Вильгельм быстро вынудил его уйти. В 1085 г. дело выглядело более серьезным. Кнут II Святой вместе с тестем, графом Робертом Фландрским, и норвежцем Олафом kyrri (Тихим) собрали флот в Лим-фьорде; он двинулся в поход на Англию, но восстание в Дании сорвало все планы, и Кнут погиб в ходе этого восстания. Последняя попытка датируется самым концом XI в. или началом XII в.: Магнус Голоногий (berfœttr) направился на Гебридские и Оркнейские острова, спустился оттуда к югу до острова Мэн и Уэльса, но нашел смерть в Ирландии. На том датским и норвежским притязаниям на Великобританию навсегда был положен конец. Впрочем, в этих последних предприятиях уже не было ничего викингского, они относятся к другой эпохе и для нас знаменуют завершение этой истории.

[1] Полноты ради добавим, что в Норвегии ему наследовали сыновья Олаф kyrri (Тихий) и Магнус Харальдссон, а с 1069 г. Олаф правил единолично.

О судьбе некоторых викингских анклавов

Однако, чтобы картина была полной, мы можем кратко резюмировать то, что надо знать о судьбе некоторых викингских анклавов.

Так, Ирландия и кельтская часть Великобритании представляют собой хороший пример феномена, отмеченного несколько раз, — регенерации после глубинной ассимиляции скандинавского элемента. Мы уже указывали на типичный случай Олафа Куарана, умершего в 981 г. монахом в монастыре Ионы.

На рубеже тысячного года ярл Сигурд Толстый (digri) после женитьбы на дочери шотландского короля Малькольма один контролировал не только Оркнейские острова, где царствовала старая династия норвежских ярлов[1], но также Гебридские острова и Мэн.

Около 980 г. Олафу Куарану в Ирландии наследовал его сын Сигтрюгг Силькискегг (Шелковая Борода), но не нашлось никого, кто бы помешал усилению Маэл Сехнайлла на Севере и особенно Бриана Бору (или Боройме, что значит Дань) на Юге и попыткам отвоевать свои земли, которые они предпринимали. Последний, хоть и был низкого происхождения, в конечном счете низложил в 1002 г. ard'rí (верховного короля) Маэл Сехнайлла II и объединил всю страну, собрав огромную дань, чем и объясняется его прозвище! Здесь мы еще раз имеем дело с особенностью викингского феномена — народ, в данном случае ирландский, вновь обрел чувство национального единства. В 1014 г., как раз в период, когда после смерти Свена Вилобородого скандинавы попытались обеспечить себе верховенство над англосаксонским миром (и на время преуспели в этом благодаря Кнуту Великому), коалиция, которую возглавили Сигтрюгг Шелковая Борода, ярл Оркнейских островов Сигурд Толстый, Бродир с острова Мэн и Маэлморда Лейнстерский, решила, по всей вероятности, воспользоваться ситуацией, чтобы обеспечить себе контроль над Ирландией. В марте 1014 г. они столкнулись при Клонтарфе с Брианом Бору, которого поддерживали его сын Мурхад, Маэл Сехнайлл II и Оспак Мэнский. Реальный ход событий по-прежнему известен плохо, так как исторические и поэтические предания чрезвычайно исказили этот выдающийся подвиг. Во всяком случае, Бриан, как утверждает «Сага о Ньяле», одержал победу, но погиб, как и ярл Сигурд[2]. Эта победа ирландцев ознаменовала конец

[1] См. перевод Жаном Рено «Саги об оркнейцах»: *La Saga des Orcadiens* / introd., trad. et notes de Jean Renaud. Paris: Aubier, 1990. Напомним, что с большой вероятностью потомком этих ярлов был Хрольф (Роллон).

[2] См. главу 157 «Саги о Ньяле».

завоевательной политики скандинавов на острове. Однако их оттуда не изгнали, они еще долго жили в городах, где их по-прежнему называли ostmen (люди с Востока). 1014-му г. можно предпочесть 1052-й, когда Диармайд Лейнстерский окончательно вернул себе Дублинское королевство. Тем не менее с 1014 г. настоящих «викингских» походов в Ирландию больше не было.

Еще отметим, что около 1050 г. Торфинн, ярл Оркнейских островов, потомок шотландского короля Малькольма, расширил свою власть и в конечном счете стал сувереном северо-западной части Шотландии. Не стоит также задерживаться на действиях и поступках некоего Годреда Крована, который с 1080 по 1095 г., похоже, был более или менее признанным королем Дублина и Лейнстера. Мы находимся на кельтской территории, и события такого рода относятся скорей к местной истории, чем к скандинавскому феномену. Тем не менее отметим, что на острове Мэн возникла оригинальная цивилизация смешанного типа, о которой свидетельствуют знаменитые кресты, украшенные руническими надписями.

Не забудем сказать пару слов и о феномене, который, хоть уже и не относится к истории викингов, все-таки показывает, что стремление к приключениям и поселению в новых местах, хорошо нам знакомое, сохранялось и в новых поколениях: речь идет о вылазках из французской Нормандии[1], которые совершали наемники, искавшие удачи в Южной Италии и на Сицилии и сумевшие в 1029 г. во главе с неким Ранульфом получить там фьеф. В 1047 г. после нескольких похожих, но разрозненных попыток гениальный авантюрист Робер Гвискар захватил Кампанию, напал на византийцев и занял в 1060 г. Реджо, Бари и Сицилию.

Шведы

Нам осталось рассмотреть ход Истории на восточном фронте, то есть изучить судьбу шведов.

Мы оставили их, когда их «призвали» принять власть в Новгороде и Киеве. Они обосновались там, и Хельги-Олег подчинил всю территорию «русов». Ему наследовал Ингвар-Игорь, имевший сына Святослава, который дал своему сыну Вальдимару-Владимиру Новгородское государство, а другому сыну Ярополку — Киевское.

Для этого периода здесь, как и в других местах, характерна ликвидация или, точнее, поглощение скандинавского элемента на Руси.

[1] Настаиваем: их совершали нормандцы из Нормандии, а не скандинавы и тем более не викинги.

Проследим за этим процессом, отметив тем не менее, вслед за Х. Арбманом[1], что в хронологии как князей Новгорода, так и правителей Киева еще остаются «провалы».

Проследим сначала за карьерой Владимира, прозванного Великим, или святым Владимиром, который княжил с 980 по 1015 г. Его имя по-славянски означает «государь, который царствует». Староскандинавский вариант отражает почти то же представление: славный своей властью. Омофония более чем настораживающая! Это был человек умный, властный, деспотичный, и его влияние, вопреки всей агиографической литературе, явно было определяющим. Тем не менее напомним, что одним из первых его поступков было убийство брата Ярополка с целью объединить оба государства русов и сделать Киев их столицей.

Обладая совершенно несомненным политическим гением, как и оба Олафа (Трюггвасон и Харальдссон) в Норвегии, он очень скоро понял объединяющую роль христианства. Несомненно по этой причине он принял в 982 г. католицизм[2] и далее проявил колоссальную энергию, возводя церкви и христианизуя народы, которыми правил, без учета их происхождения и различия языческих религий, которые они исповедовали. Он сделал Новгород и Киев активными христианскими сообществами, и именно он навязал своей церкви славянский язык, конечно, в старинной версии. Тем самым он открыл будущую Россию византийскому влиянию — известно, насколько важным это решение стало не только для религии, но и для образования, культуры, искусства и торговли. Непосредственным поводом для его обращения несомненно стала существенная военная помощь, которую он оказал императору Василию II Болгаробойце при подавлении мятежа Варды Фоки. В благодарность Василий отдал ему в жены сестру — не без колебаний с ее стороны, ведь у Владимира было великое множество наложниц и рабынь! Тем не менее Владимир после смерти в 1015 г. был канонизирован. Если не прислушиваться к различным пристрастным спорам, трудно решить, следует ли его рассматривать еще как скандинавского деятеля или уже как славянского.

Уточним, что в своих действиях он исходил из своеобразного консенсуса, не только европейского, но в равной мере и панскандинавского: в своем государстве он не делал ничего такого, чего бы не совершали в своих его датские и норвежские современники, не

[1] *Arbman, Holger.* The Vikings / translated and edited with an introduction by Alan Binns. London: Thames and Hudson, 1961 [Русский перевод: *Арбман, Хольгер.* Викинги. / Пер. Н. В. Ерминой. СПб.: Евразия, 2003].

[2] Так у автора: catholicisme и 982, а не 988 год (*прим. перев.*).

говоря уже о шведских. На рубеже тысячного года в Швеции царствовал Олаф Шткопунг Эйрикссон, персонаж, которого мы уже встречали, скорей загадочный, несомненно из-за недостатка сохранившихся документов, но, должно быть, объединитель своего королевства, коль скоро он первым был назван *Rex Sveorum Gothorumque* [король свеев и готов (*лат.*)]. Это, конечно, был великий правитель: мы видели, что он вступил в союз со Свеном Вилобородым и ярлом Эйриком Хаконарсоном против Олафа Трюггвасона. Вс наводит на мысль, что он принял христианство, но не сумел добиться того же от своего народа, скорей, как мне кажется, по географическим причинам (расстояния в Швеции огромны, а сообщение в ту эпоху было особо затрудненным), чем из-за настоящего сопротивления язычников. Так или иначе, политика Олафа была явственно направлена на включение его страны в сообщество европейских наций. Возможно, еще и потому, что Русь Владимира окончательно отделилась от исходного древа, образовав самостоятельную политическую единицу.

Мы оставили Русь в 1015 г. Далее следовало недолгое междуцарствие. В 1019 г. после отца к власти пришел Ярослав, по прозвищу Мудрый, и сохранил ее до 1054 г. Его резиденция находилась в Киеве, и он проявил редкостную энергию. Тем не менее он сознавал, что имеет шведское происхождение: он женился на Ингигерд, дочери Олафа Шткопунга; он как нельзя лучше принял Олафа Харальдссона, когда тому пришлось бежать, и помог ему, и это он предоставил убежище сыну Олафа, Магнусу Доброму. Он же приютил Харальда Сурового после сражения при Стикластадире, нашел ему командный пост у себя в войске, сделал его своим приближенным и, наконец, дал ему в жены свою дочь Елизавету. Как мне кажется, невозможно найти лучший аргумент, чтобы показать, до какой степени русы вс еще сознавали свою связь со Скандинавией: чисто географические или политические соображения не могли бы объяснить подобной заботливости. Зато мы не удивимся, усмотрев резоны как европейской, так и международной политики в браках, которые Ярослав (Ярицлейф староскандинавских источников) устроил для своих детей: одну из дочерей он выдал за Андрея I Венгерского, другую, Анну «Киевскую», за Генриха I Французского, четырех сыновей женил на знатных византийских или немецких принцессах. Это явно непохоже на мелкие «брачные сделки» эпохи викингов как таковой.

Ярослав сделал большое дело, принеся своему государству мир. Сначала он обезопасил его от набегов печенегов, разгромив послед-

них около 1030 г.; в благодарность Богу он возвел в Киеве первый русский собор, церковь святой Софии, возможно, по образцу константинопольской Софии. Потом он обратил оружие против чуди на севере, заставив ее просить мира. Ему удалось также обеспечить безопасность днепровского пути, значение которого для торговли нам известно. Ярослав был еще и великим монархом — цивилизатором и законодателем. Он значительно способствовал развитию Киева, и именно с его княжения город, благодаря своим школам и монастырям, стал пользоваться тем престижем, который нам знаком. Он также попытался ввести единообразие в законах.

Он совершил всего одну оплошность — в 1043 г., когда предпринял неудачный поход на Византию и потерял флот.

Конец его правления знаменует прекращение влияния скандинавского мира на славянский. Можно сказать, что к 1050 г. полная ассимиляция стала свершившимся фактом. Чтобы покончить с учеными спорами, за перипетиями которых в течение двух веков мы проследили ранее, остается уточнить, что из таких значительных городов, кроме Киева и Новгорода, как Белоозеро, Изборск, Полоцк, Ростов, Смоленск, Белозерск, Чернигов и Муром, некоторые обязаны своим возникновением и безусловно все — подъемом именно шведскому присутствию на Руси. Кстати, у нас есть хороший «барометр» активности русов — количество куфических монет, найденных в захоронениях Бирки[1]:

□□□□ □□□□□□□ □□□□□	□□□□□□□□□□
700–750	12
750–800	14
800–850	17
850–890	4
890–950	42
после 950	1

Наконец, отметим, что в 1068 г. новое и мощное нашествие печенегов[2] окончательно отрезало славяно-скандинавский мир от Балтики. С тех пор история Руси выходит за рамки тематики нашего исследования. Но я не покину Ярослава, не упомянув еще о двух фактах.

[1] Я воспроизвожу цифры, приведенные П. Сойером в издании: *Sawyer, Peter Hayes.* The age of the Vikings. Op. cit. P. 176 [Русский перевод: *Сойер, Питер.* Эпоха викингов. Цит. соч.].

[2] На самом деле половцев (*прим. перев.*).

Первый до крайности загадочен и романтичен. Имеется в виду знаменитая экспедиция, начавшаяся около 1040 г., Ингвара inn víðförli (Великого Путешественника, о нем была сложена и исландская сага из жанра легендарных[1]), который отправился из Швеции в Серкланд — название столь же неопределенное, как и его обычный перевод «Страна Сарацин», — где и погиб со своим войском. Об этом событии мы знаем немного, но, должно быть, это был исключительный подвиг, судя по количеству посвященных ему рунических надписей — около тридцати, и почти все сосредоточены в районе озера Меларен, в Швеции. «Ингваровы камни» регулярно напоминают, что такой-то погиб «на Востоке с Ингваром», в Эстонии, в Серкланде[2] и т. д. Финальная катастрофа, постигшая эту экспедицию, случилась, вероятно, близ Багдада. Действительно, надпись в Грипсхольме гласит: «Тола велела возвести этот камень в память своего сына Харальда, брата Ингвара:

Они храбро поехали
вдаль в поисках золота
и на Востоке
дали пищу орлу,
Умерли на Юге
В Серкланде».

Очевидно, что речь идет о морском походе с целью получения наживы. Ореол легенды, окруживший его, наглядно показывает, какой престиж такие невероятные авантюры сохраняли в глазах викингов последнего поколения. Вероятно, то же самое можно было бы сказать и о другой экспедиции того же рода, которую возглавлял некий Фрйгейр — возможно, командир варяжской гвардии, — якобы умерший в Эстонии, также около 1040 г., но о ней мы знаем недостаточно, чтобы добавить к этому сюжету подробности. В целом, поддерживая

[1] Вот ее английский перевод, сделанный Германом Палссоном, и его же превосходное предисловие, где приведены все оговорки насчет историчности этого текста и ему подобных: *Vikings in Russia*: Yngvar's saga and Eymund's saga / translated and introduced by Hermann Palsson and Paul Edwards. Edinburgh: Edinburgh university press, 1989. Герман известен гиперкритическими позициями; он, конечно, много сделал, чтобы «развеять мифы», связанные со староскандинавскими текстами; но его соображения сколь уместны, столь и полезны.

[2] Заметьте, что это слово может происходить также от латинского *serica*, шелк, староскандинавское *silki*, или, помимо варианта «сарацины» (происходящего от латинского *Sarraceni*), от названия города Саркел на Дону. Представляется разумным помещать Серкланд к юго-востоку от Руси — в Туркестане, Иране и т. п.

идею, уже высказанную в других местах, отметим, что эти легендарные походы вписываются в логику продвижения викингов на восток, симметричного продвижению гипотетических открывателей Винланда на запад.

Другой момент, о котором я бы хотел упомянуть, опять касается Харальда Сурового (harðráði). Он жил на Руси у Ярослава и несомненно принял участие в походе на Польшу в 1031 г. Мы знаем, что в 1034 г. он был Варягом и, возможно, командиром этого элитного корпуса. Мы отмечали, с каким удовольствием Снорри Стурлусон (его слова подтверждает анонимное сочинение на греческом языке, написанное около 1075 г., — «Книга советов императору»[1]) распространяется о подвигах Харальда, его боях в Средиземноморье, в Палестине, на Сицилии и в Болгарии: императрица Зоя даже якобы хотела сделать его супругом!

Упоминания как о Харальде, так и об Ингваре дают мне превосходную возможность сделать заключение для настоящей главы, потому что оба как будто совмещали в себе безмерную отвагу и склонность к легендарным авантюрам. Судя по словам Гвина Джонса, которому эти страницы многим обязаны, эти люди особо способствовали формированию нашего мифа о викингах: они представляли собой «типичных викингов, живущих насилием и грабежом, жаждущих славы, богатства и власти и не слишком разборчивых в средствах»[2]! Однако я постоянно показывал, что этот образ не то чтобы в принципе ложен во всех деталях — он заведомо неполон. В перечне Г. Джонса я выделяю слово «богатство» и по-прежнему убежден, что стремление к таковому и было главным мотивом этих авантюр. Достаточно обратить внимание, насколько, где бы ни поселялись викинги, они повсюду способствовали восстановлению порядка и расцвету — как на Руси, так и в других местах, — чтобы понять, что их нельзя считать просто головорезами, «живущими насилием и грабежом». Возможно, за ними следует признать такие динамичность и энергию, которые были не очень характерны для той эпохи. Конечно, это создало им престиж, а также внушало страх перед ними, о котором столько говорят хронисты. Тем не менее следует отметить, что такие страхи никогда не были свойственны наблюдателям, видевшим викингов на Востоке, а вс наводит на мысль, что и на Западе последние вели себя точно так же.

[1] Видимо, имеются в виду «Советы и рассказы» Кекавмена (*прим. перев.*).

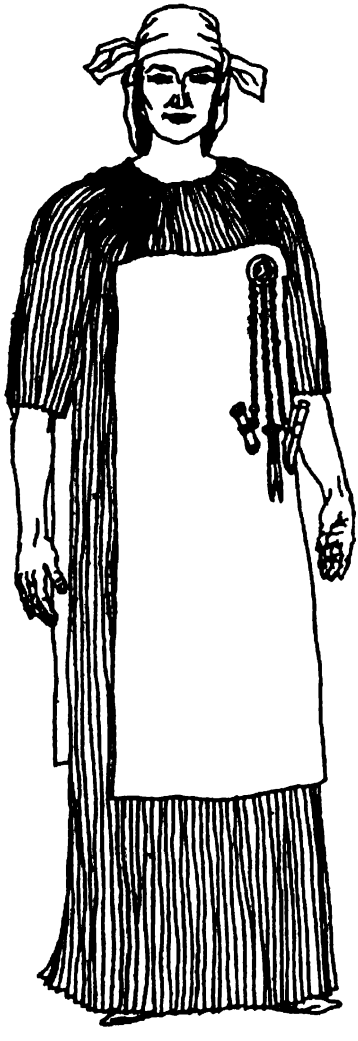
[2] *Jones, Gwyn.* A history of the Vikings. Op. cit. P. 405–406 [*Джонс, Гвин.* Викинги: потомки Одина и Тора. Цит. соч.].

Но миф есть миф, и он особо живуч. Вот какое утверждение делает один из лучших современных британских историков, даром что он располагает богатейшими документальными материалами и чрезвычайно осмотрителен. Различные его работы, лишенные льстивых преувеличений или искажений, относятся к числу самых взвешенных. Но все-таки этот феномен окружен необыкновенной стихией, исключительной атмосферой, и вот П. Сойер, справедливо отказываясь изображать викингов сверхчеловеками, тем не менее усматривает в них... замечательных крестоносцев: «Век викингов начался, когда скандинавы напали на Западную Европу, и кончился, когда эти нападения прекратились. Поскольку Запад был для них закрыт, скандинавам пришлось искать новых способов приобретения славы и богатства, и многие этого добились, став крестоносцами. Некоторые, как норвежский король Сигурд [то есть Сигурд Крестоносец, действительно совершивший паломничество в Иерусалим, откуда его прозвище] — в Иерусалиме, в то время как другие продолжали более "викингскую" традицию и ходили в крестовые походы против славян, балтов и финнов, еще остававшихся язычниками»[1]. Неожиданный вывод, в котором проявляется стремление сделать из «пиратов Севера» бесстрашных и несравненных воинов.

[1] *Sawyer, Peter Hayes.* Kings and Vikings: Scandinavia and Europe, A.D. 700–1100. Op. cit. P. 6.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЦИВИЛИЗАЦИЯ



Во второй части я попытаюсь дать представление о том, что без колебаний надо назвать викингской цивилизацией, — я в начале книги отметил, что в конечном счете только она объясняет появление феномена викингов как такового. Повторим: если скандинавы смогли некоторым образом навязать свое присутствие тогдашнему миру, поселиться в нем и основать стабильные государства, это произошло потому, что они были носителями прочно установившихся ценностей и структур. Скандинавская цивилизация непохожа на другие, современные ей, и ее динамичность бесспорно объясняется степенью завершенности, какой она достигла. Значит, нужно потрудиться и изучить ее подробнее[1].

[1] В последующих главах я постарался дать полное представление о скандинавской цивилизации, не пренебрегая ни одним аспектом. Эта тема обширна и редко рассматривалась в целостном виде, образцом жанра остается книга П. Г. Фута и Д. М. Уилсона: *Foote, Peter G; Wilson, David Mackenzie.* The Viking achievement: The society and culture of early medieval Scandinavia. London: Sidgwick and Jackson, 1970, многократно переиздававшаяся. В отдельных местах могут воспроизводиться отрывки из двух других работ автора данной книги: *Boyer, Régis.* La vie quotidienne des Vikings : 800–1050. Paris: Hachette, 1992, неоднократно переизданной, и *Boyer, Régis.* L'Islande médiévale. Paris: les Belles lettres, 2001. [Guide Belles lettres des civilisations; 4.] [Русский перевод: *Буайе, Режи.* Средневековая Исландия. / Пер. А. Н. Степановой. М.: Вече, 2009], хотя та и другая книги были написаны с разными целями. Собственно, все три этих произведения должны дополнять друг друга.

V. СТРУКТУРЫ ВИКИНГСКОГО ОБЩЕСТВА

Я намерен воспроизвести здесь идеи, уже отчасти изложенные, когда речь шла об Исландии[1]. Однако не надо забывать, что остров саг представляет собой особый, в высшей степени оригинальный макрокосм и что его нельзя делать парадигматическим — из-за «смешанной» природы. В настоящей главе я собираюсь рассмотреть древнюю Скандинавию в комплексе. Если представится необходимым повторить что-то из того, что было сказано в связи с Исландией, это будет сделано под другим углом зрения.

ОБЩЕСТВО

Одна из неоспоримых особенностей древнего скандинавского общества заключается в том, что в его структуре доминирует понятие «бонд». Необходимо, как мне кажется, вернуться к понятиям, которыми до сих пор слишком пренебрегали. Я имею в виду знаменитое трехчастное деление «рабы — свободные люди — ярлы (или короли)», которое, хоть и привлекло внимание Жоржа Дюмезиля, требует вдумчивого пересмотра. Равно как, если оставаться в рамках дюмезилевской модели, и мнимый трехфункционализм, якобы царивший в религии викингов. У меня есть ощущение, что это хороший пример намеренной проекции предвзятых идей на рассматриваемую реальность и что некоторые понятия, считающиеся общепринятыми,

[1] См. выше, со с. 176. Бесспорно, Исландию нельзя приравнивать к другим скандинавским странам, особенно к Норвегии, откуда в большинстве происходило ее чисто скандинавское население. Не думаю, что из этого надо делать поспешные выводы. Чтобы объяснить это различие и эту оригинальность, хватит двух факторов: прежде всего, как говорилось много раз, кельтского вклада в ее заселение, который мог ограничить (или уравновесить) и даже изгладить влияние германского вклада, а потом, и это главное, малочисленности жителей.

надо пересмотреть. Точно так же как я должен был отвергнуть понятия демократии и республики в применении к Исландии, которые кое-кто слишком поторопился счесть обоснованными, я считаю, что надо заново обратиться к нашим источникам, чтобы понять социальные структуры древней Скандинавии.

Трудности порождает одна из поэм «Старшей Эдды», «Песнь о Риге», которую в числе прочих прокомментировал Ж. Дюмезиль. Это текст довольно темный, загрязненный вставками и во многих отношениях загадочный[1]. Старейшая его версия, которой располагаем мы, датируется самое позднее XIV в., хотя популярны гипотезы, согласно которым он появился на три века раньше. И, главное, как будто вполне доказано, что эта поэма отражает чисто кельтские влияния, если не доминирование кельтской культуры. Начиная с названия: «Rígsþula» значит перечисление (или перечень — þula) потомков, которых якобы имел бог Риг (которого отождествляют с богом Хеймдаллем, вполне скандинавским). Но ведь Риг — это ирландское rí, король, в соответствии с древней индоевропейской основой (от которой также произошло слово rex, откуда roi [король (*фр.*)]), а в староскандинавском языке она в таком применении не встречается.

Содержание «Песни о Риге» можно изложить кратко. Бога Рига, отправившегося в путешествие по миру, три вечера подряд принимают в трех разных домах. Каждый раз он проводит ночь с хозяйкой дома и тем самым зачинает Трэля (буквально «Раба»), потом Карла (Человека) и наконец Ярла. Каждый из троих, достигнув зрелости, находит себе достойную подругу. Так возникло три общественных слоя или класса: рабов, свободных людей и ярлов (или королей). Поэма с готовностью уточняет имена персонажей и их детей и их занятия. Бесспорно, автор текста или традиция, которую он выражал, очень явственно стремились внушить мысль о трехчастном делении общества. Вопрос в том, зиждилось ли такое представление на местной скандинавской реальности. Лично я в этом сомневаюсь. Но для удобства изложения будет проще описать эту схему и исследовать ее.

Итак, Риг-Хеймдалль якобы породил первую категорию, рабов, от близости с Эддой (Прабабкой), супругой Аи (Прадеда). Ребенок, Трэль (Раб), якобы женился на Ти (Рабыне), а их потомство, носившее столь

[1] Немногие поэмы из «Старшей Эдды» вызвали к жизни столько комментариев. Чтобы оценить их объем, можно обратиться к изданию: *Old Norse-Icelandic literature*: a critical guide / edited by Carol J. Clover and John Lindow. Ithaca (N.Y.); London: Cornell university press, 1985, особенно с. 94–97.

изысканные имена, как Деревенщина, Грязь, Вонючий и Навоз, занималось всевозможным низким трудом. Авторские презрение, грубая сатира бросаются в глаза и напоминают позицию авторов некоторых саг, например, «Саги о Людях с Песчаного Берега».

И не без основания: подобная позиция выглядит слишком литературной и могла быть присущей только жанру или моде, существующим в среде если не аристократической, то в любом случае высшей. Не отрицая, что менее благоприятствуемый — менее богатый или менее родовитый, то есть имевший более короткую родословную, — социальный слой на Севере существовал, я не замечаю там «класса» рабов в том смысле, какой мы обычно придаем этому термину. Разумеется, я провожу здесь различие между настоящими рабами, то есть рабами как товаром, продажей которых викинги занимались широко и которые были пленными, военной добычей — славянами, балтами, финнами, англосаксами, франками, кельтами, захваченными в ходе экспедиций, чтобы быть перепроданными на почти специализированных рынках вроде Хедебю (и в этом плане такая торговля могла способствовать любопытному смешению народов — тоже следствию викингского феномена, хоть и второстепенному), и «рабами», упоминаемыми в сагах и текстах законов. С другой стороны, логично: если викинг уезжал на время ради торговой или разбойничьей деятельности, кто-то должен был оставаться дома и заниматься необходимым трудом (земледелием, скотоводством, охотой, рыболовством), без которого хозяйство пришло бы в упадок. Но, чтобы признать это фактом, в принципе надо исходить из того, что викинг отсутствовал дома дольше, чем, скажем, несколько месяцев. А ведь нет никаких доказательств, что он уезжал на более долгий период, чем как раз на месяцы (с июня по октябрь), после того как, завершив жатву (то есть сенокос) и закончив необходимые работы, он освобождался. И действительно в языке было много названий для таких мужчин и женщин: трэль (þræll) и ти (þý), как мы только что видели, но также ambátt, þerna, deigja (слово, ассоциирующееся с тестом, которое месят), и даже, как собирательные понятия, словно этим людям отказывали во всякой индивидуальной ценности, — man, потом hjú, hjón (то есть те, кто зависит от дома). Иными словами, определенно существовала категория людей, о которых мы могли бы сказать, что они были поставлены в неблагоприятные условия, и которые в принципе брали на себя грубую работу.

Но в данном пункте это рассуждение уязвимо. Ведь, с одной стороны, судя по всему, бонд действительно был человеком на все руки,

способным к любому труду, и никакого оттенка уничижительности в описаниях его действий не заметно; с другой стороны, непохоже, чтобы можно было говорить о сервах, которые бы платили оброк и отрабатывали барщину по воле сеньора, которых бы презирали и разрешали убивать, безнаказанно продавали или обменивали, — тексты саг и даже законы, словно бы с готовностью подтверждающие такие мнения, похоже, воспроизводили классические источники или обычаи.

Иными словами, все были бондами, bœndr (мы уже рассмотрели это понятие применительно к Исландии). Просто надо заметить, что у них была довольно строгая иерархия. Существовали «малые» бонды, неимущие, безродные, вынужденные поступать в услужение к более обеспеченным персонам. Однако воспринимать их как рабов недопустимо. Кто-то скажет: это вопрос терминологии. Пусть так. Но со словом «раб» и с образом общества, который с ним ассоциируется, связано слишком много сомнительных коннотаций, чтобы отказаться от соблюдения осторожности.

Допустим в принципе (но я не берусь доказывать это научно, поскольку свидетельств нет), что было две разновидности «рабов»: те, кто заслуживает этого названия по нашим представлениям как современных людей, то есть мужчины, женщины и дети, которых покупали на специальных рынках как товар и перепродавали в других местах; и те, кто на самом деле составлял «военную добычу», то есть уроженцы стран, которые викинги обычно тревожили. Что касается первых, скажу, что в наших текстах они не упоминаются никогда. Приобретаемые где угодно, возможно, негры или арабы, они перепродавались прежде, чем викинг возвращался домой, и я не знаю случаев, чтобы такой «товар» привозили к себе, в Скандинавию. Относительно вторых — не скандинавов, но европейцев либо скандинавов, принадлежащих к другому этносу, чем тот, о котором говорит конкретный текст, — установлен факт, который подтверждают все наши источники: если такие рабы и были, при всех только что сделанных оговорках, они на удивление просто могли освободиться, либо за оказанную услугу, либо из милости, либо за выплату определенной суммы. Прочитаем отрывок из саги, где говорится о могучем бонде Эрлинге:

> У Эрлинга в усадьбе всегда было тридцать рабов и, кроме того, всякая другая прислуга. Днем Эрлинг заставлял своих людей работать на него, а вечером или ночью он давал возможность тем из них, кто хотел, работать на себя. Он давал рабам землю, и они сеяли хлеб

и снимали урожай. Эрлинг устанавливал размер выкупа, и многие рабы выкупали себя через полгода или год, а все, у кого было хоть сколько-нибудь удачи, выкупали себя через полтора года. На эти деньги Эрлинг покупал себе других рабов. Тех, кто становился свободным, он посылал на ловлю сельди или отправлял на другие промыслы. Некоторые расчищали себе участки и селились там, и каждому он чем-нибудь помогал[1].

Согласимся, что это непохоже на нравы плантатора или «господина», как мы их обычно себе представляем. Отметим, что эти «рабы» могли освобождаться с удивительной (для нас) легкостью. Эта церемония включала сложные официальные формальности и целый социальный ритуал. Особое внимание я обращу на выражение leiða í ætt, буквально «ввести в семью» (разумеется, ввести того, кто освободился, и «семья» понималась в широком смысле), которое как будто показывает, что речь идет не о рабстве в строгом смысле слова, а о некой немилости в обществе, где семья была важнейшим элементом. Некоторые тексты различают два этапа этой операции: поначалу вольноотпущенник мог иметь только статус frjálsgjafi — человека, которому дали свободу, но который сохранял некоторые обязанности по отношению к «господину»; следующей стадией был лейсинг (leysingi), уже вполне свободный. Так или иначе, дети вольноотпущенника были полностью свободными людьми (кроме как, может быть, в Норвегии, где окончательная эмансипация могла растянуться на несколько поколений), за исключением особых случаев: ребенок рабыни и свободного мужчины зависел от матери, кроме как в Швеции, где отец мог освободить ребенка. Христианство покончит с этим положением вещей самое позднее в XII в.

Но я, рискуя повториться, выражу несогласие с комментаторами, слишком часто утверждающими, например, что наличие рабов не только позволяло викингам уходить в походы, но и давало свободным людям досуг для занятий «благородными» видами деятельности (войной, торговлей, поэзией, искусством, юриспруденцией): скоро мы снова увидим, что бонд мог заниматься всем и что он редко на чем-либо специализировался.

Подытожим разбор этой деликатной ситуации, в связи с которой пролито немало чернил: существовало два вида «рабов». Первые были товаром, подобно шкурам и мехам, и, насколько мне известно, не принимали участия в домашней жизни скандинавов; вторые,

[1] Сага об Олаве Святом. XXIII // *Снорри Стурлусон*. Круг Земной. Цит. соч. С. 177.

которые были пленниками (захваченными на войне или в рейдах), могли выкупить себя — и, насколько я могу видеть, действительно выкупали — с примечательной легкостью, становясь свободными людьми. Короче говоря, я решительно отрицаю правомерность применения понятия «раб» к этому обществу; его упоминания в текстах, как представляется мне, — литература в чистом виде.

Викингское общество было по преимуществу обществом бондов (bóndi, мн. ч. bœndr), если угодно — свободных людей. Это якобы были, опять-таки согласно «Песни о Риге», дети Рига и Аммы (Бабки), супруги Афи (Деда). Правда, их сына звали не Бонд (в поэме это имя дано одному из их внуков), а Карл — это имя, похоже, тогда имело почти те же коннотации, но идея «проживания», подготовки земли к тому, чтобы она могла приносить плоды (глагол búa, от которого происходит субстантивированное причастие настоящего времени búandi, bóandi > bóndi), в нем отсутствует[1]. В поэме Карл и его жена Снр посвящают себя более благородным видам деятельности, чем Трэль. Их дети тоже носят «говорящие» имена, указывающие на их занятие: Дренг (который нам знаком)[2], Смид (ремесленник, кузнец) и т. д.

Этот социальный слой отличался удивительным единообразием и примечательной однородностью, даже если допускал нечто вроде внутренней иерархии во всей древней Скандинавии. Он составлял характерный элемент тогдашнего общества и позволял разглядеть в перспективе специфические социологические черты Скандинавии современной. Возможно, в самой основе понятия «бонд» лежали свобода личности и свобода слова, которые были унаследованы от родовой (или клановой) системы древних германцев и которыми восхищался еще Тацит. В этом понятии можно видеть также следствие рассеянного поселения на этих широтах в ту эпоху и чувства относительной независимости, порождаемого этим фактом.

Итак, бонд был человеком, который «проживал», имел постоянное жилище, собственных домочадцев (как говорили в Средние века во Франции, «mesnie») и занимался тем, что добивался плодов от своей земли и владений. Потому что той землей, на которой он жил, владел он сам, полностью или частично. Это несомненно было условием и признаком его свободы. В любом случае это был фактор,

[1] Слово karl — явно древнее, более старое, чем bóndi, по которому заметно, что оно образовалось путем аффиксации. В результате семантической эволюции оно приобрело значения «простолюдин», потом «старик», а потом стало эквивалентом нашего разговорного «тип».

[2] См. выше, со с. 89.

обуславливавший его правовой и юридический статус. Я говорил, что понятие «бонд» имело существенные нюансы. Например, если земля принадлежала ему по наследству после нескольких поколений, он был одальсбондом (óðalsbóndi): переведем это слово (приблизительно) как бонд свободного аллода (по-стародатски othelbondœ). Одаль — понятие, конечно, очень древнее. Я только что упомянул аллод: имеется в виду неделимое владение, которое один-единственный держатель мог передавать одному из наследников — права старшинства в текстах законов не существовало, разве что в обычае. Вс наводит на мысль, что понятие одаля (óðal: ó- — приставка, означающая отрицание, -dal происходит от глагола deila, несомненно означающего «делить») сформировалось в древней религии. У нас будет возможность более четко показать, что в основе всего сакрального лежала семья и что религия могла начаться с культа предков. Таким образом, одаль был видимым знаком хранения памяти о великих усопших из данного клана, и обладание им, его удержание были равносильны акту отправления культа. Об этом надо будет вспомнить, когда мы дойдем до темы королевской власти. Вот почему одаль не мог уйти от семьи без ее согласия. Вот почему также термин «одальсбонд» (из него в Исландии, где не могло быть наследственных земельных вотчин, — по крайней мере в эпоху поселения там некоторых могущественных семей, которые позже вершили ее судьбами и которым почти исключительно посвящены так называемые «родовые» саги, — сделали stórbondi, «могучего» бонда), особенно в Норвегии, похоже, был признан синонимом[1] «хольда» (hauldr, мн. ч. hauldar), которого в Британии как будто считали равным ярлам и королям. Слово «хольд», как мне кажется, произошло от глагола halda, holda — держать. Это был человек, державший свою власть, свою землю от предков в материальной форме владений. Если все эти соображения верны, это понятие вписывается в рамки некой религии или этики семейного или кланового характера. Значит, она может де-факто создавать нечто вроде иерархии, чтобы не сказать — аристократии. Бонд был человеком, способным перечислить членов своего рода на протяжении нескольких поколений. Не исключено, что этим может объясняться содержание первых поэм, сохранившихся на Севере, которые имеют генеалогический характер («Перечень Инглингов» Тьодольва из Хвинира, «Перечень Халейгов» Эйвинда Финссона Губителя скальдов, оба норвежцы), и даже саг, перегруженных (на наш взгляд)

[1] По крайней мере так считаю я; мне не кажется, в отличие от некоторых специалистов, что этот термин создает проблему.

бесчисленными генеалогиями, которые не имеют иной функции, кроме как подтвердить если не знатность, то по меньшей мере важность некоего нового персонажа, появляющегося в рассказе.

Вот почему и тексты законов содержат богатую лексику, с интересными нюансами, относящуюся к этой теме. В Дании они говорят о iorthœgœndœ man, буквально — человеке, владеющем землей. Они, собственно, не упоминают различий между свободными людьми, в случае обиды одинаковую компенсацию должны были получать все; разве что в отдельных провинциях требовали выплаты gørsum (gersemi) — дополнительной суммы в зависимости от личности того, кто обижен; косвенное отражение этой практики мы находим в некоторых исландских «сагах о современности», например, в «Саге о Торгильсе и Хавлиди». Впрочем, Исландия, должно быть, признала этот обычай, поскольку там обычно проводили различие между smábœndr, bœndr и stórbœndr (то есть малыми, «нормальными» и могучими бондами). В Норвегии оттенки были еще отчетливей, несмотря на существенные вариации в зависимости от провинции. На Западе различали árbóndi или ættborinn bóndi (название показательно: бонд, который считается таковым, потому что родился в своей семье), обладающего хозяйством на земле, которую он не унаследовал, и одальсбонда, знакомого нам. В Трннелаге иерархизация зашла еще дальше, потому что там различали reksþegn, свободного человека, нанимающегося к другим, árborinn maðr и хольда, перечисленных здесь в порядке повышения значимости. Швеция, похоже, в такие тонкости не входила, там не проводили больших различий между бондами, хотя некоторые тексты дают понять, что материальное богатство человека могло влечь за собой иное отношение к нему.

Я счел нужным особо выделить тот факт, что викингское общество не было эгалитарным или демократическим в строгом смысле слова. Наличие владений, прежде всего земельных, бесспорно порождало иерархию, пусть она не была строгой или не имела сакральных основ (последнее утверждение остается спорным), как в других местах.

Перейдем к практическим уточнениям. С полным правом, какое бонд имел благодаря предкам, богатству, возможно, социальной функции, он мог предъявлять иск в суде; принимать участие во всех общественных делах, то есть в издании и исправлении законов, в принятии решений, касающихся всех; высказывать свое мнение по любому вопросу на тинге; заседать в судах; выступать свидетелем;

входить в состав хреппа[1]; носить оружие и, главное, находиться под полной защитой закона, то есть получать полную компенсацию (bót) в случае обиды, нанесенной ему или одному из членов его семьи, какого бы характера эта обида ни была[2].

То, что этот «класс» в силу своих прерогатив явственно выделялся из остального общества, проявляется в тысяче деталей. Так, в Норвегии после христианизации «Законы Гулатинга» уточняли, что место, положенное покойнику на кладбище, не должно быть случайным. Поскольку кладбище окружало церковь, как еще часто бывает и сегодня, то ближе всего к храму хоронили бондов, потом, дальше, хольдов, потом лейсингов, потом frjálsgjafi[3]. Швеция делала различие только между бондами, с одной стороны, и теми, кто соответствовал нашему понятию «беднота», с другой: fátœkt folk, hussœtu folk, leghu hjón, heimæ hjón и в последнюю очередь нищими, stafkarlar.

Отметим, что были свободные люди, тем не менее не носившие титула «бонд»: управляющие крупными имениями и арендаторы, обычно называемые «брюти» (bryti), от глагола brjóta, то есть тот, кто раздает («разламывает») пищу, в основном вольноотпущенники, число которых, похоже, уменьшалось[4]; сельскохозяйственные рабочие — ведь для свободного человека не было ничего оскорбительного в том, чтобы наняться на хутор, то есть пастухи, волопасы, охотники, рыболовы, лесорубы, рабочие-торфяники и т. д., ничуть не утрачивавшие статуса при найме; и ремесленники (общий термин — smiðr), вероятно, довольно редкие, потому что любой бонд бéз различия был также кузнецом, столяром и т. д.; это понятие распространится, лишь когда получат развитие города и торговые центры, с появлением узких специалистов (например, золотых дел мастеров, тележников).

Существовали ли издавна отдельные профессии? Трудно уверенно ответить на этот вопрос, ведь бонд, напомним, был мастером на все

[1] Это понятие будет объяснено ниже, на с. 247.

[2] К Исландии относятся любопытные уточнения: при условии, что он имеет в полной собственности как минимум эквивалент стоимости одной коровы, kúgildi, и что он выплатил þingfarakaup, то есть дань для приезда на тинг, своему годордсмену.

[3] Напомним, что оба последних термина применялись к вольноотпущеннику. Разница между ними точно не определена: возможно, лейсинг «покупал» свою свободу, а frjálsgjafi получал ее. Глагол leysa имеет значение «освобождать», а gjafi — «давать».

[4] Однако надо сохранять осторожность: словом «брюти» назывался также, но трудно сказать, с каких времен, интендант короля в некоторых из владений последнего.

руки. Однако можно предположить, что должны были выделяться три профессии.

Прежде всего юристы, коль скоро эта цивилизация зиждилась прежде на знании законов и уважении к ним. Исландский пример lögsögumaðr'a (законоговорителя), поднимавшегося для выполнения своих функций на Лхберг (Скалу закона), в комментариях не нуждается; можно полагать, этот обычай изобрели не в Исландии. Саги показывают, насколько последний малый бонд был искушен в тончайших процедурных деталях. Вот почему лагман (lögmaðr), человек, знавший законы и умевший давать разумные и уместные советы, должен был обладать особым статусом. В Швеции в каждой провинции был выборный лагман. Опять-таки коль скоро этот институт безусловно имел религиозный (языческий) фундамент, равно как и семья, оба этих понятия должны были подкреплять и дополнять друг друга.

Во-вторых, в этой беспокойной, если не свирепой среде немаловажную роль должен был играть врач-хирург-костоправ-целитель (термин «лекнир», læknir, соответствует всем эти определениям), и мы увидим, что с языческих времен величайшее значение здесь имела магия, а магия и «медицина» были неразделимы, как здесь, так и в других местах. Возможно, эти функции здесь охотней выполняли женщины; не будет нелепым и предположение, что такие технологии, считающиеся ультрасовременными, как криотерапия, были, с учетом широты, обычным делом для северян. В отличие от положения медиков и хирургов в других местах, статус лекнира повышали положения закона, согласно которым компенсации за раны следовало подсчитывать в зависимости от диагноза и «классификации» последних; таким образом, лекниру платили согласно закону. Прочтем в качестве иллюстрации выдержку из «Законов Фростатинга»:

> Нужно вносить плату за кость (beingjald) всякий раз, когда от раны отделится кость, сколь бы малой она ни была, с момента, когда она прозвучит [когда ее потрясут] на щите: тогда надо заплатить эйрир [врачу]. Платить эйрир будут за каждую кость, числом до шести, но если можно отделить столь большую кость, что в ней можно проделать шесть отверстий, тогда надо платить шесть эйриров, притом что оплата за кость никогда не должна превышать последней суммы. Но если рана требует прижигания, надо платить эйрир — сумму, необходимую всякий раз, когда показано прижигание. На жалованье врача будет выплачиваться эйрир в месяц, а также сумма, равная расходам на его потребности в муке и сливочном масле за два месяца. Платить будет тот, кто нанес рану.

Из этого следует, что должность лекнира должна была пользоваться особым уважением. В Исландии один прославился настолько, что ему посвятили отдельную сагу (в сборной «Саге о Стурлунгах»). Это был Хравн Свенбьярнарсон. Однако от чрезмерного восхищения лучше воздержаться: выяснено, что приемы и методы лечения, упоминающиеся в этом тексте и в некоторых других научных сочинениях (содержащихся в компиляции под названием «Книга Хаука», Hauksbók, начало XIV в.), взяты непосредственно из «Regimen Sanitatis Salernitanum» («Салернского кодекса здоровья»).

Положение «жрецов», годи (goði, мн. ч. goðar), уже рассматривалось применительно к Исландии (см. выше, со с. 176). Не вижу ничего особенного, если отнесу ко всей Скандинавии те же оговорки. Разве что напомню: древнесеверная религия сводилась в основном к актам отправления культа, и совершать эти обряды, похоже, по определению полагалось «королю», когда это был публичный культ, и главе семьи в случае частного культа. Иными словами, показать, что когда-либо существовала «каста» или специальный корпус жрецов, представляется делом затруднительным, а вс, что удается найти в текстах, слишком напоминает библейские, классические или христианские реминисценции, чтобы мы могли безоговорочно принять их на веру. Положения христианских священников, появившихся в Скандинавии только на рубеже тысячного года, мы не касаемся. Скажем только, что за редкими исключениями их паства до XII в. скорей была невелика.

Итак, вот каким был, в кратком описании, общественный класс бондов, который нельзя недооценивать, если хочешь представить себе тогдашнее общество. Мы отмечали, что оно было основано на понятиях собственности и свободы и вписывалось в рамки семьи и права. Я уже несколько раз оспаривал уподобление этого общества некой форме демократии или республики. Я говорил об олигархии и даже о плутократии. Тем не менее, за исключением Исландии, в Скандинавии были «короли», хотя необходимо уяснить себе подлинный смысл, какой это слово имело до XI в. Но, особенно по сравнению с обществами, современными викингам, общество бондов было более эгалитарным, не столь иерархическим, как другие. Мы видели, что бонды любили создавать объединения свободных людей (понятия «фелаг», «гильдия», «хирд»), игравшие первостепенную роль в викингской истории. Ведь викинг «как таковой» чаще всего был бондом.

Теперь надо перейти к теме, о которой было сказано чрезвычайно много и которая, особенно в романтическую эпоху, породила самые

дикие вымыслы: положение женщины. Оставим в стороне измышления, порожденные знакомством с образами некоторых героинь саг (плохо понятыми), вроде Халльгерд из «Саги о Ньяле», или смутное представление о валькириях, для понимания сути которых нужны совсем другие объяснения, чем вагнеровские фантазии при всей их гениальности[1].

По закону положение у жены бонда было ниже, чем у ее мужа, она не имела ни юридических, ни политических прав, самое большее иногда могла выступать как свидетельница. Но она не могла подавать иск[2] и обычно исключалась из числа наследников, кроме как в нескольких округах в Дании, где имела право на половину того, что получал ее брат. В каком-то смысле можно сказать, что она всю жизнь жила под опекой: отца (или брата, или опекуна), а потом мужа. Брак был сделкой, он назывался brúðkaup («покупка» невесты) и был плодом соглашений, уже предвещавших участь крестьянок нового времени (кстати, нормандских) из книг какого-нибудь Мопассана: при этом объединяли земли и скот и, главное, связывали семьи в расчете, что союз их будет выгодным. Выражение *hón var gefin til fjár*, «ее выдали замуж ради денег», в сагах стало достаточно расхожим. Согласия невесты не всегда спрашивали, потому что речь шла об операции прежде всего коммерческой, где чувства не находились на первом плане. Именно женщина должна была приносить с собой приданое (heimanfylgja), уравновешивавшееся выкупом (mundr) за него, который давал супруг и которое оставалось ее собственностью; понятно, что некоторым выскочкам, как Снорри Годи из «Саги о Людях с Песчаного Берега», удавалось подняться до верха социальной лестницы, всего лишь выгодно выдав замуж дочерей.

Когда женщина становилась супругой, на нее возлагали всевозможные обязанности. Ей полагалось, даже при многочисленной прислуге, заниматься приготовлением пищи, домом, стиркой и детьми, а также молочным хозяйством, полевыми работами, в которых она часто участвовала, и еще тканьем (вся одежда была домотканой) и вышивкой, ковроделием и т. д.

---

[1] Некоторые уточнения см. в статье: Boyer, Régis. Les valkyries et leurs noms // *Mythe et personnification*: actes du Colloque du Grand Palais, Paris, 7–8 mai 1977 / organisé par le Centre de recherches mythologiques de l'Université de Paris X; publiés par Jacqueline Duchemin. Paris: Les Belles Lettres, 1980. P. 39–54.

[2] Из-за физической слабости, если верить «Саге о Людях с Песчаного Берега». Действительно, чтобы успешно участвовать в процессе, надо было сочетать силу с сознанием правоты.

Женщина не имела никакой сексуальной свободы. Если бы она пошла на адюльтер, это стало бы тяжким преступлением. Однако она имела, естественно, до христианизации, право на развод из-за явного бессилия мужа, оскорблений или побоев. Тогда ей было достаточно заявить при свидетелях, что она расстается с супругом. Но развод был делом деликатным, потому что, воспринимаясь семьей мужа как тяжкое оскорбление, мог вызвать одну из тех непримиримых ссор, о которых с удовольствием рассказывают саги. Кроме того, супруга должна была терпеть наложниц (ед. ч. friðla или frilla), обычно входивших в число домочадцев. Их присутствие не влекло никаких последствий, оно ни в чем не подрывало ее власти, символизируемой связкой ключей (от нескольких сундуков, содержавших основную движимую собственность), которую она носила на поясе. Любые сексуальные вольности сурово карались законом — бесстыдство, блуд, похищение, изнасилование и даже согласие женщины, чтобы в ее честь сочинялись любовные песни, или mansöngr. В обществе, считавшем всерьез, что собственную природу нужно уважать (для мужчины было позорно переодеваться женщиной, а оскорбительнее всего было прослыть ragr'ом или argr'ом — так назывался пассивный гомосексуалист), «вести себя по-мужски» женщине запрещалось, кроме как в крайних случаях.

Такое положение на первый взгляд кажется приниженным и явно не совпадает с нашими клише. Но не будем торопиться с выводами. Мы же говорили о важнейшей роли семьи или дома. А ведь душой его была женщина, мужчина же, если можно так выразиться, только руками. Рассмотрим этот вопрос подробней.

На практике женщина пользовалась уважением, и это она в конечном счете обладала реальной властью. Она, если можно использовать этот глагол, царила innan stokks («за бревном», stokkr, которое служило порогом и имело в язычестве сакральный смысл, символизируя вход в «дом», откуда эквивалентное выражение innan húss), а мужу полагалось заниматься «внешними» делами. То есть «благосостояние», прежде всего материальное, семьи зависело от нее, не говоря уже о воспитании детей или раздаче указаний слугам. Но она была также хранительницей традиций — как собственного клана, так и клана мужа. Может быть, поэтому ей охотно приписывали знакомство с «темными» занятиями, такими, как магия или колдовство (которые, однако, не были только уделом женщин), а также, как мы только что видели, с «медициной». Поэтому же ей надлежало хранить в памяти и напоминать домочадцам генеалогические сведения (ættartölur), об

отзвуках которых в поэзии, как и в прозе, мы говорили. Может быть, по этой причине женщина или женщины играли столь важную роль в героических поэмах, особенно в поэмах из цикла о Сигурде Убийце Фафнира, а также в некоторых эддических поэмах, как «Песнь о Хюндле», «Сны Бальдра» и особенно «Прорицание вльвы». Еще шаг, и вот перед нами носительница и строгая хранительница семейной чести: она поддерживала память о подвигах предков, при случае пророчествовала, иногда даже разжигала ненависть между мужчинами или напоминала мужчинам своего дома о священном праве мести; вс это прекрасно передано в образе Бергторы, персонажа «Саги о Ньяле». Не исключено, что ее бессознательно считали воплощением той самой Великой Богини, или Богини-Матери, или Матери-Земли, которая бесспорно была первым божеством, знакомым скандинавам, судя по петроглифам бронзового века, и черты которой отчасти воплотили три великих богини северного пантеона — Фрейя, Скади и особенно Фригг. Возможно, этим и объясняется, почему Тацит приписывал германской женщине сакральные свойства.

Женщина, в частности, обеспечивала правильное ведение хозяйства в отсутствие мужа, отправившегося í vikingu, в викингский поход; значит, она должна была иметь необходимые качества и прерогативы! В обществе, представление которого о роли женщины не имело никакого отношения к эгалитаристским притязаниям наших современных феминисток, но вполне логично вытекало из представления о взаимодополняемости сексуальных ролей без их иерархизации, она, как мне кажется, была одним из важнейших составных элементов «класса» свободных людей. Она была залогом прочности этого общества, воспитательницей, хранительницей духа и традиций.

Однако в юридическом плане, как можно догадаться, властью над весьма многочисленными детьми обладал отец. Право «выноса» новорожденного (útburðr, состоявшее в том, что ребенку позволяли погибнуть от непогоды и диких зверей, если он был нежелателен) в языческую эпоху, конечно, существовало. Ребенок имел право на существование только в случае, если это право было признано отцом. Не знаю, существовал ли на самом деле обычай обливания или окропления водой, часто упоминаемый в сагах (ausa barn vatni, слишком напоминающий римский обряд или христианское крещение), но похоже, что наречение ребенка именем считалось важным актом: это было привилегией отца, выбор никогда не был произвольным и соответствовал обычаям, которые могли варьироваться в зависимости

от места и времени[1], но явно были связаны с культом предков[2]. Эту интронизацию закреплял tannfé — подарок, который ребенок получал, когда у него прорезывался первый зуб. Любопытная деталь: воспитывать ребенка не обязательно должны были родные родители. Существовал обычай (но, может быть, тут сказалось кельтское влияние?) «fóstr», заключавшийся в том, что ребенка в младшем возрасте доверяли друзьям, свойственникам, чтобы те его вырастили. Это было способом расширить сферу влияния клана, что впоследствии оказывалось полезным для воспитанника. Ребенок достигал совершеннолетия в разном возрасте в зависимости от эпохи и места: самое раннее — в двенадцать лет, самое позднее в пятнадцать-шестнадцать[3]. Так или иначе, в этом обществе быстрая карьера молодежи была обычным делом[4]. В заключение добавим, что законы проводили строгое различие между законным ребенком (skilgetinn) и внебрачным (óskilgetinn, обычно рожденным от наложницы): последний, как правило, не имел права на наследство, хотя была возможность, если отец соглашался, официально включить его в семью при помощи ритуала эттлейдинга (ættleiðing). Этот обряд, с учетом сакрального характера семьи, на котором мы особо настаиваем, и ее значимости во всех отношениях был чрезвычайно важным. Ввести (leiða) нового члена в данную семью (ætt) значило *ipso facto* предоставить ему права и прерогативы, положенные членам семьи, а если знать, что в этой среде царила прямо-таки принудительная солидарность, становится понятным, что этот ритуал разрабатывался тщательно. Вот что говорят об этом, с очень колоритными деталями, законы Трннелага (Норвегия):

> Полный эттлейдинг происходит, когда отец вводит сына в семью с согласия тех, кто приходится ему ближайшими наследниками. Надо сварить пиво из трех мер [солода] и забить трехлетнего бычка. Надо снять кожу с задней правой ноги [быка] выше колена и сделать из

[1] Ребенку либо давалось имя, отчасти похожее на имя отца и отчасти на имя матери — дочь Сигурда и Дагни могла быть названа Сигни (см. *Keil, Max.* Altisländische Namenwahl. Leipzig: Mayer & Müller, 1931), либо выбиралось имя, прославившееся в данном клане, по крайней мере для старшего сына (см. в «Саге о Стурлунгах» Эгиль у Боргфирдингов, Стурла у Стурлунгов, Кольбейн у Асбирнингов и т. д.).

[2] Это не значит, что здесь надо говорить о вере в реинкарнацию, хоть такая гипотеза и не исключена.

[3] См.: Boyer, Régis. Les grandes dates de la vie chez les anciens Scandinaves // *Actes du Colloque du Centre d'Études médiévales de Paris-Sorbonne.* Paris: PUPS, 1992.

[4] Хотя не надо забывать, что там, как и в других местах, средняя продолжительность жизни была незначительной.

нее башмак[1]. Отец [если он сам вставляет ногу в башмак] должен держать на руках законных детей, не достигших совершеннолетия, а взрослые сыновья вступят в башмак сами. Если нет законных сыновей, вступить в башмак после него должны те, кто приходится ему ближайшими наследниками. Мужчину, который вводится в семью, должны держать на коленях мужчины и женщины. Последние могут наравне с мужчинами свидетельствовать, что эта персона была [таким образом] полностью введена в семью, равно как и башмак, в который они вступили, если он сохранился.

Я не покину категорию свободных людей, не упомянув об одной из обязанностей, которые возлагал на них закон, — содержании бедных. Это один из самых оригинальных аспектов данного общества и заслуживает некоторого внимания. Понятие «бедняк» в высшей степени изменчиво, но нам может помочь словарь: бедняком на староскандинавском языке назывался fátaekr (мало получающий) или félítill (мало имеющий), félaus (неимущий) или ómagi (лишенный возможностей).

Содержание бедняков (и стариков, которые обычно к ним приравнивались, поскольку человек в возрасте — по определению и этимологически ómagi) рассматривалось как общественный долг, возможно, в силу германского принципа клановой солидарности. Во всяком случае, эта практика, похоже, появилась до христианства. Дания и Швеция были знакомы с flætføring — ситуацией, когда некто возлагал заботу о своем обеспечении на другого. Тогда он в основном оказывался на иждивении своей семьи, но не обязательно. Если по той или иной причине семьи не было, заботу о нем могли взять на себя округ, провинция или весь ланд. Или хрепп.

Этот чрезвычайно оригинальный институт, истоки которого по-прежнему неясны, похоже, был известен прежде всего в Норвегии и в Исландии, которая его узаконила. Речь идет об организации, похожей на нашу систему пенсий по старости и вообще на наши страховые компании, потому что она боролась с бедностью, но также старалась помогать в случаях потери скота, ущерба от пожаров (в те времена, когда строения были почти исключительно деревянными, пожары были настоящим бичом); наконец, она следила, чтобы не нарушались границы полей, а также зон рыбного промысла. В состав хреппа входило двадцать или более бондов, плативших þingfarakaup. Географически сфера его действия отличалась от площади, на которую

[1] Возможно, пропущена фраза: первым в башмак вступает тот, кого принимают в семью? (*Прим. пер.*)

распространялся годорд. Руководило им пять бондов, избиравшиеся равными им, — хреппсокнармены (hreppssбknarmenn), остальные члены назывались просто хреппсменами (hreppssmenn). Хрепп также контролировал раскладку и сбор налогов (особенно десятины после ее введения, потому что четверть от нее полагалась бедным), и именно он распределял среди бедных даровую пищу (matgjafir), названную в церковном лексиконе kristfé (Христово имение), потому что церковь, конечно же, взяла хреппы под свое крыло. Много раз задавались вопросом, следует ли эти разные способы облегчить положение бедных объяснять деятельностью церкви или они возникли до ее появления. Я склоняюсь ко второму варианту, потому что различные упомянутые организации, как мне кажется, вполне совместимы с коллективизмом, типичным для древнего скандинавского общества вообще и для бондов — в частности, значение и качества которых хорошо известны. Это был общественный слой, представлявший бóльшую часть общества, хорошо структурированный и глубоко организованный. Пытаться говорить о викингах без детального изучения бондов было бы заблуждением.

Однако «Песнь о Риге», к которой нужно вернуться в последний раз, на этом не заканчивается. На последнем этапе своего путешествия Риг поселился у Фадира (Отца) и Модир (Матери), с которой зачал сына, получившего имя Ярл, а тот женился на Эрне. Их дети стали знатными особами, посвятили себя очень изысканным занятиям, и Риг лично занялся воспитанием одного из них, Кона, прозванного Кон юный (konr ungr, откуда konungr, король[1]), который стал королем. В принципе, пусть это и вымысел, но в Скандинавии были выдающиеся личности — ярлы и короли, с которыми надо познакомиться поближе, ведь они столь часто появлялись в исторической части нашей книги.

Хотя для слова «ярл» тоже не найдена удовлетворительная этимология — *erilaR в некоторых рунических надписях может означать как «ярл», так и «герулы», а делать из этой народности нечто вроде племени аристократов, навязывающих свою власть повсюду, где бы они ни оказались, представляется нелепым, — похоже, первоначально оно значило «человек высокого положения», «знатный человек». Во всяком случае, это название очень древнее. Впрочем, Истории известны всего две династии ярлов: ярлы провинции Хладир в Норве-

[1] Эта фантастическая этимология — настоящий смысл слова «конунг» будет назван далее — стала одной из причин, заставивших усомниться в подлинности всей поэмы в целом.

гии, Hlaðajarl (они упоминаются с начала IX в.), и ярлы Оркнейских островов, династию которых основал Торф-Эйнар около 900 г. Снорри Стурлусон приписывает им роль администраторов: по его утверждению, Харальд Прекрасноволосый в Норвегии к концу IX в. поставил по ярлу во главе каждого фюлька (административной единицы), подчинив ему не менее четырех херсиров. Это вс, что можно сказать, поскольку характер «знати», тем более аристократии, к которой, возможно, относились ярлы, остается совершенно неясным.

Зато мы лучше осведомлены насчет древнего скандинавского «короля». Чтобы иметь возможность стать королем, надо было принадлежать к конкретному роду; опять-таки критерии, по которым отбирали именно эти семейства, нам неизвестны; возможно, во внимание принималась древность рода. Во всяком случае, само слово konungr происходит от kyn, родня. Ему особенно подобало название, часто встречающееся в сагах применительно к «могучим бондам»: он был ættstórr, большим благодаря своей семье. При этом, что особо важно, никто не был королем по определению. Короля избирали (фактически на выборах) могучие бонды или, в Норвегии, херсиры, причем неизвестно, по каким критериям определялись и могучие бонды, избиравшие короля, и само семейство или семейства, из представителей которых его предстояло избрать. Вероятно, решающее значение имели древность рода и давняя традиция. И даже этого было недостаточно. Избранного таким образом человека должны были признать местные тинги. В Швеции ему следовало направляться на них по определенному маршруту, называемому «дорога Эйрика», Eiríksgata. Только после этого новый король мог принять во владение королевскую казну. Потом он поднимался на священный камень, откуда его могли символически сбросить в случае недовольства подданных. Таким образом, он держал власть от части своего народа, к какому бы семейству ни принадлежал. И оставался подчинен закону, не господствуя над ним. Самое понятие «конунг» крайне запутано, и многочисленные исследования, связанные с ним, только напустили еще больше тумана. Был ли он *primus inter pares* [первым среди равных (*лат.*)]? Надо ли у этих морских народов искать истоки института «права людей моря», которое уже упоминалось? Наши источники в викингском контексте часто упоминают sæconungr, «короля моря», но надо признать, что о нем мы толком ничего не знаем. Во всяком случае, скальдической поэзии было

известно такое количество синонимов (хейти) к слову «король»[1], что приходится сделать вывод: эта фигура вызывала живейший интерес. Тем не менее король подчинялся тем же законам, что и общество, правителем которого он считался. Действительно, прочитаем краткую выдержку из законов Фростатинга: «Никто не должен нападать на другого, ни король, ни кто-либо иной. И если король это сделает, по всему фюльку будет срочно разослана весть при помощи стрелы, и на него нападут и его убьют, если найдут. Если он скроется, он никогда не должен возвращаться в страну». С этим перекликается уже в XI в., то есть после христианизации, речь, вложенная Снорри Стурлусоном в уста могучего бонда Торгнюра (в «Саге об Олаве Святом», глава 80) и адресованная шведскому королю Олафу Штконунгу Эйрикссону, который отказывается прислушаться к данным ему советам примириться с Олафом Харальдссоном Норвежским:

> «Мы, бонды, требуем, чтобы ты заключил мир с Олавом Толстым, конунгом Норвегии, и отдал ему в жены свою дочь. Если ты захочешь вернуть те земли в Восточных Странах, которыми раньше владели твои предки и родичи, мы все пойдем за тобой. А если ты не пожелаешь сделать то, что мы требуем, мы восстанем против тебя и убьем тебя. Мы не хотим терпеть немирье и беззаконие. Так раньше поступали наши предки: они утопили в трясине на Мулатинге пятерых конунгов за то, что те были такими же высокомерными, как ты. А теперь отвечай, каково будет твое решение». Тут бонды стали бряцать оружием, и поднялся сильный шум. Тогда встает конунг и говорит, что он сделает вс, как хотят бонды. Он говорит, что так делали все конунги шведов: они всегда поступали так, как решали бонды[2].

Почти невозможно сомневаться в подлинности этого эпизода, тем более что он вышел из-под пера Снорри, не скупившегося на слова восхищения по адресу королевской власти, как ее понимали на христианском Западе. Ясно, что могущество местных вождей и бондов сильно ограничивало власть короля. Тем самым становятся ясней по меньшей мере две важных стороны истории викингов: прежде всего ее начало, когда не было суверенной и абсолютной власти, которая бы могла остановить этих активных людей, готовых на любые смелые

[1] Dragnir, нечто вроде «чистейшего образца», dróttinn (господин), gœðingr [благородный князь], goði, gramr, harri, hildingr — оба последних имеют воинские коннотации, — hilmir, jöfurr [вепрь], hofðar, mildingr [щедрый], ræsir, stillir, vísi, þjóðann, þjóðkonungr [король народа], óðlingr. Спектр оттенков, содержащихся в этом перечне, поразителен. По сути нет такой сферы, которая не была бы затронута.

[2] *Снорри Стурлусон.* Круг Земной. Цит. соч. С. 220.

действия; и ее дальнейшее развитие, постепенное появление в Скандинавии сильных королей западного типа, в конечном счете покончивших с анархическими замашками подданных — либо направивших их энергию на участие в больших походах, на датский манер.

Ведь функции короля, насколько они нам известны, тоже соответствовали сделанным здесь выводам. Он должен был хранить и приумножать честь, безопасность и благосостояние своего народа. Это не значит, вопреки мнению столь расхожему, что оно кажется неискоренимым, будто он был прежде всего великим военачальником — однако и этот аспект не исключался. Также незаметно, чтобы его прерогативы были прежде всего законодательными или судебными. Зато, если развить соображения, уже высказанные в этой книге несколько раз, могу сказать, что я охотно поверил бы в религиозный, бесспорно архаический, характер его функции. Это он был понтификом, обязанным устанавливать связь между божественными силами и сообществом, облекшим его властью, он был великим жрецом, отправляющим публичный культ. В этом смысле и можно говорить о сакральной королевской власти: развивая мысль Канторовича[1], можно сказать, что король имел «два тела», одно смертное, бренное и послушное подданным, другое бессмертное, функция которого состояла в посредничестве между богами и людьми. А ведь скандинавская религия, древняя, и у нас еще будет повод это сказать, отдавала предпочтение отнюдь не воинской и даже не юридическо-магической функции, а третьей, «растительной», функции плодородия-плодовитости. Наши тексты говорят недвусмысленно: короля избирали til árs ok friðar, ради обеспечения урожайного года и мира. Это было настолько важным, что еще в конце XIII в., через триста лет после христианизации, исландец Стурла Тордарсон, племянник Снорри Стурлусона, историограф великого норвежского короля Хакона Хаконарсона, царствовавшего, когда последние викинги давно исчезли, восторгался правлением этого короля, отмечая, что для него было характерно редкостное благоденствие[2]. Судя по подобному долгожительству, это

[1] *Kantorowicz, Ernst Hartwig*. The king's two bodies: a study in mediaeval political theology. Princeton (N.J.): Princeton university press, 1957. Французский перевод: *Kantorowicz, Ernst Hartwig*. Les deux corps du roi: essai sur la théologie politique au Moyen âge / traduit de l'anglais par Jean-Philippe Genet et Nicole Genet. Paris: Gallimard, 1989.

[2] «Сага о Хаконе, сыне Хакона», глава 20: «Когда король Хакон был сделан королем, в стране был хороший год. То лето было настолько хорошим, что во многих местах плодовые деревья плодоносили дважды, и птицы соизволяли нестись два раза».

представление было особо глубоким и стойким! Настолько, что, если король не обеспечивал свой народ благоденствием и миром, его безжалостно приносили в жертву[1]: нельзя не понять, что смысл этого жеста — попытка умилостивить богов. Я не буду здесь[2] ни входить в обстоятельную дискуссию на эту тему, ни опровергать многочисленные ошибочные мнения. Я приведу только один аргумент, правда, весомый (если вспомнить, что «король» времен викингов в мирное время царствовал над совсем маленькими сообществами ограниченной площади и численности): крайняя легкость, с какой Север обратился в христианство[3], а потом перенял западные обычаи, не нуждается в ином объяснении. Для Библии религия — тоже царское дело, царь — это посредник, толкователь и исполнитель Божьих приговоров, он создан, чтобы призывать благословение Всевышнего на подданных, а Бог сильнее людей, включая царя.

Нужно ли мне напоминать в продолжение темы, широко развитой в первых главах книги, что викингское общество, в основе которого лежали семья и закон, которое в основном представляли бонды, посвящавшие себя получению плодов от своих вотчин, общество, которому служили «рабы», чья роль заключалась в помощи бондам, и которое объединялось вокруг королей, созданных как ходатаи перед богами за урожайные годы и за мир, могло поощрять только деятельность прежде всего торгового характера, благоприятствовать только ей? Конечно, эти люди старались защищать свое имущество и организовали оборону, но вс, начиная с социальной организации, указывает, что заботы скандинавов были прежде всего мирными. Если Истории было угодно, чтобы какое-то время преобладала воинская тональность, это объясняется ее перипетиями, а не характером действующих лиц.

УПРАВЛЕНИЕ

В заключение этой главы скажем несколько слов об управлении скандинавскими странами в эпоху викингов. Этот текст укрепит нас в убеждении, что нормальную жизнедеятельность везде обеспечива-

[1] Так обошлись, например, с Домальди, см. «Сагу об Инглингах», глава XV; этот прозаический текст Снорри составлен в начале XIII в., но основан на строфе Тьодольва из Хвинира, написанной в IX в.

[2] См.: Boyer, Régis. Pagan sacral kingship in the konungasögur // *The sixth International Saga Conference, 28.7.–2.8.1985*: workshop papers. København: Det Arnamagnæanske institut, 1985. V. I. P. 71–87.

[3] См. по этому вопросу: *Boyer, Régis*. Le Christ des Barbares. Op. cit.

ли именно бонды. Рассмотрим этот сюжет по странам, чтобы учесть различия в терминологии. Короли и ярлы будут обсуждаться отдельно, потому что они существовали не везде (например, в Исландии их не было) и потому что, как мы видели, не факт, что они располагали реальной административной властью.

В Дании она принадлежала стюресману (styrœsman), в своем роде вождю, функции которого, вероятно, были прежде всего военными: в каждом херреде (округе) было от одного до четырех стюресманов. Их должность была наследственной. Выше них в херреде стоял хетвартман (hetwarthœman, человек, достойный почестей), иногда называвшийся ландсманом (landsman, человек ланда[1]).

Норвегия, разделенная на фюльки, знала только херсиров (hersir, мн. ч. hersar), несомненно по одному на каждый фюльк, и полномочия их тоже были наследственными. О них мы знаем мало, кроме того, что их титул (от herr — войско?), возможно, тоже указывает на воинские заботы, насколько известно, скорей оборонительного характера, чем наступательного и, вероятно, связанные с лейдангом (как, впрочем, и у стюресмана). К 1200 г. их заменили лендрманы (lendr maðr, мн. ч. lendr menn) — некий аналог наших баронов; похоже, этот титул был не местного происхождения. Лендрман, отвечавший за королевский домен, назывался армадом (ármaðr).

Хуже изученная шведская система, видимо, была идентична датской. Похоже, что там тоже были ландсманы, которым подчинялись херадсхвдинги (heradshöfðingjer, главы округов).

Что касается североатлантических островов, Оркнейских, Шетландских, Гебридских и Фарерских, о них сведений у нас почти нет. Оркнейскими островами и соседними архипелагами несомненно управляла династия ярлов, которым помогали гединги (gæðingar, важные люди), но о прерогативах тех и других мы толком не знаем.

Если говорить об Исландии, то оригинальную организацию, которую она создала для себя, мы рассмотрели выше (с. 172).

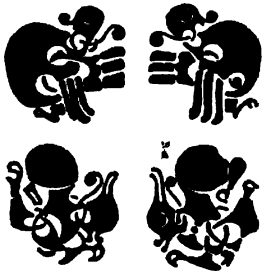
Во всех случаях непохоже, чтобы существовали регулярные вооруженные силы, ополчение (хотя в текстах встречается слово «гест», gestr, которое может иметь подобное значение) или полицейские силы. Эти функции так или иначе выполняли бонды.

Итак, можно составить общую схему, правду сказать, очень приблизительную, иерархии, которая управляла этими обществами:

[1] Напомним, что понятие ланда подробно рассматривалось в начале книги, со с. 62.

	(король) (ярл)	
херсир (лендрман)	хетвартеман	ландсман
	стюресман	херадсхвдинг
бонды	бонды	бонды

Сделать четкие выводы из этой системы мы не в состоянии. Опять-таки кроме одного: бонд брал на себя почти все социальные функции, какие можно представить.



VI. ДОМАШНЯЯ КУЛЬТУРА[1]

Викинги, о которых мы по-прежнему ведем речь, были полной противоположностью «варварам» в расхожем понимании этого слова. Они обладали культурой (в точном смысле этого слова, kultur, который оно имеет в современных скандинавских языках: оно приложимо, если использовать подход, столь любимый Леви-Строссом, ко всем вмешательствам человека в природу), которую можно оценить, даже не обращаясь к высшим ее проявлениям (литературе, искусству или таким великим техническим достижениям, как кнорр). Вот почему мы обратим внимание на сферы, которые в работах, подобных этой, очень часто рассматриваются лишь бегло. Я настойчиво подчеркивал, что викинги обладали примечательной способностью к адаптации повсюду, где оставались жить: к адаптации, но не к растворению. Они могли принести и кое-что свое, и это свое они внедряли везде, где оседали. Именно это придавало оригинальность, и, как правило, надолго, их поселениям. Значит, надо постараться лучше познакомиться с этим их вкладом в культуру.

ЖИЛИЩЕ[2]

Об этом сюжете мы осведомлены хорошо благодаря археологам. Местонахождения Линдхольм-Хойе с впечатляющими следами жилищ (Дания, XI в.), Бергтоурсхваудль [Бергторов Пригорок] (Исландия,

[1] Сведения, приведенные в этой главе, будут иметь скорей схематический характер, за более содержательными описаниями читателю предлагается обратиться к моей книге «La vie quotidienne des Vikings».

[2] При написании этой главы использовались многие статьи из KLNM и из тома XVII энциклопедии «Северная культура»: *Nordisk Kultur*: Samlingsverk / utgitt med støtte av Clara Lachmanns Fond. Erixon, Sigurd Emanuel:17, Byggnadskultur. Stockholm: Bonnier; Oslo: Aschehoug; København: Schultz, 1953. Многим этот текст обязан Вальтюру Гудмундссону: *Guðmundsson, Valtýr*. Privatboligen på Island i sagatiden samt delvis i det øvrige Norden. København: Høst & Søn, 1889

X в.; это было одно из главных мест действия «Саги о Ньяле», шедевра среди саг), а также Флюгюмирр [Мошкарное Болото] (Исландия, XIII в., играет важнейшую роль в «Саге о Стурлунгах») и особенно хутор Стнг (Исландия, превосходно реконструирован Хрдюром Аугустссоном[1]), находки в Бергене, Йорке, Дублине, в Лддечпинге (Швеция), Фьеле (Готланд), Иттре Муа (Норвегия, в Согне), Трумсе (Норвегия), на Лофотенских островах и т. д. дают возможность для ясных выводов. Только в районе озера Меларен исследовано 8500 кладбищ, содержащих в общей сложности порядка 25 тыс. захоронений; этого достаточно, чтобы установить: в этой области Швеции, правда, имеющей особо благоприятные природные условия, в XI в. было приблизительно 4 тыс. хуторов, где проживало не менее 40 тыс. человек.

В грубом приближении для Сервера было характерно несколько типов жилищ. Одно — квадратное в плане, с внутренним двором. Это случай Линдхольм-Хойе; похоже, он был довольно необычным для Северной Европы в ту эпоху и не получил четкого объяснения. Второе — общий тип для всех земель, населенных германцами: продолговатые дома со своеобразными стенами, выгнутыми по вертикали, с соломенными крышами, которые явственно напоминают перевернутый корабль. Такие дома могли стоять в одиночку. Но обычно они группировались, и тогда каждое здание, а размеры у них были разными, имело свою специализацию. Среди них были стова (stofa) , или скаули (skáli) (эти названия применялись к основному жилищу, которое я предпочитаю называть гостевым домом [vivoir]), скемма (skemma) — маленький домик (само слово «дом» — это hús), более изящный, иногда предназначенный для женщин, смидьюбюд (smiðjubuð; buð — тоже общее понятие, нечто вроде нашего «барак», ср. английское booth [будка])[2] — кузница, утибур (útibúr), или сараи,

и Кристьяуну Эльдьяурну: *Eldjárn, Kristján*. Kuml og haugfé: úr heiðnum sið á Íslandi. Reykjavík: Bókaútgáfan Norðri, 1956 (с учетом дополнений, сделанных им к своей диссертации в ежегоднике «Hins íslenzka fornleifafélags» за 1957–1958, 1965 и 1967 г.).

[1] Лучшие исследования, посвященные ему, принадлежат Хрдюру Аугустссону. особенно: Ágústsson, Hörður. Islandsk byggeskik i fortiden // *Nordisk Byggedag*. X, 1968. P. 19–37 и *Ágústsson, Hörður*. Hér stó bær: líkan af þjóðveldisbæ. Reykjavík, 1972.

[2] Слово buð само по себе часто используется, когда речь идет об альтинге в Тингвеллире, в Исландии. Имеются в виду временные барачные постройки: торфяные стены, стоявшие постоянно, накрывали съемной холщовой крышей.

в том числе кладовая для провизии, хлев, féhús, позже fjós — овчарня и т. д. Каждая из этих построек имела свое назначение, и вся эта совокупность домов образовала хутор, или bœr, окруженный частоколом или низкой стенкой, гардом (garðr), юридически значимым, потому что он служил границей законной собственности бонда[1]. Перед скаули — в Скандинавии, в сельской местности, такое можно увидеть и по сей день — расстилался маленький лужок, или тун (tún), объект ревностной заботы, потому что там откармливали скотину — лошадь, а чаще всего свинью, — чтобы принести ее в жертву на большом празднике зимнего солнцестояния (йоль, jól, в современной континентальной Скандинавии юль, jul). На туне также росло священное дерево, по-норвежски tuntre (дерево туна), по-шведски vårdträd («дерево-хранитель»), которое, возможно, ассоциировалось с Великим Мировым древом Иггдрасиль и в отношении которого обитатели хутора были убеждены, что с ним связана удача их клана. Все эти hús'ы были вытянутыми и прямоугольными в плане, круглые или квадратные дома (Линдхольм-Хойе — особый случай) неизвестны. Четвертый тип жилища был вариантом третьего: деревянный пол, gólf, в этих домах занимал не всю внутреннюю площадь, а располагался только вдоль стен (все остальное место занимала утрамбованная земля), образуя ступеньку.

Добавим — если жилище, как бывало чаще всего, стояло на берегу — сарай (naust) для лодки или лодок и мельницу, обычно жернов, вращаемый вручную (он упоминается в «Песни о Гротти» в «Старшей Эдде»), а потом, к концу эпохи викингов, водяную мельницу (mylna), результат, конечно, южных влияний (латинское molinus).

Средние размеры типичного дома составляли 10–30 м в длину и несколько метров в ширину. Стены, как мы видели, были слегка наклонными, а крыша — сильно искривленной. Стены складывались из камней, швы между которыми заполнялись дерном; Исландия разработала любопытную технологию, по которой в ряд укладывались торфяные блоки со скошенными гранями, причем если на одном ряде грани были скошены направо, то на следующем — налево. Из-за сурового климата стены имели значительную толщину. В них можно было проделать только самые маленькие проемы или проходы, из-за чего крайне легко было применять варварский обычай, к сожалению, широко распространенный, — сжигать в доме жителей, не давая им выйти; наиболее печально известный пример изложен в «Саге о Ньяле», в главе 129. Дымовой трубы не было: ее функции выполняло

[1] В «Саге о Вига-Глуме» рассказывается, как тайно передвинули garðr в отсутствие владельца, с чего и начинается сюжет всей саги.

специальное отверстие в крыше, и это дает представление об условиях жизни в доме. Окна, затянутые пленкой, были редкими или выполняли просто функцию слуховых (vindauga или vindgluggr).

Опишем подробней главное строение, или скаули, где жили домочадцы, когда не занимались своими делами снаружи. Скаули (или eldhús, eldaskáli, то есть skáli, где находится огонь, eldr) отчетливо выделялся среди других построек и обычно был тщательней выстроен и имел большие размеры. Это был длинный дом, имеющий хорошо заметный низкий вход с каждого из торцов — но, как правило, с длинных сторон входа не было. В центре дома находилась огневая яма (eldgröf, langeldr), прямоугольная и довольно длинная, где, подкладывая торф или дрова, постоянно поддерживали огонь, служивший для освещения, отопления, приготовления пищи, хотя функцию кухни мог выполнять отдельный дом, смежный со скаули, или особая часть последнего, отделенная перегородкой, ⊣ eldaskáli или eldhús. Вокруг огневой ямы и на некотором расстоянии от нее вдоль продольных стен шли скамьи (ед. ч. bekkr), по сути представлявшие собой очень длинные сундуки с отделениями и крышкой; днем на них сидели, вечером из них вынимали постель, чтобы спать на них. На самих этих скамьях тоже было два возвышения — одно посредине продольной стены, другое напротив. Первое представляло собой почетное сиденье хозяина дома, где на самом деле могло сидеть несколько человек, — öndvegi (слово, этимология которого точно не выяснена, но которое определенно имеет отношение к очень укорененным языческим верованиям) со столбами[1] по краям, вероятно, украшенными резными изображениями божеств[2]; то есть одно из этих почетных сидений полагалось хозяину дома, другое, напротив, — гостю, которого он хотел особо почтить. В некоторых случаях третье возвышение, на сей раз у поперечной стены дома, pallr (hápallr, þverpallr), нечто вроде маленького помоста, могло предназначаться для уважаемых женщин, прежде всего для хозяйки дома (húsfreyja, тогда как хозяин назывался húsbóndi). Постоянных столов не было, только переносные (borð), которые выносили для трапез и крепили ножкой или ножками в отверстиях, специально проделанных с этой целью в полу. Точно так же редкостью были отдельные сиденья — разве что трехногие табуреты. Места (rúm) на скамьях занимали не как придется. Рассаживанию по

[1] Мы видели, что колонизаторы Исландии на них, так сказать, возлагали заботу определить место, где поселятся: завидев берега острова, их бросали за борт.

[2] Может быть, поскольку источники ненадежны, древний Север и не знал других идолов, кроме маленьких амулетов.

рангу древние скандинавы уделяли чрезвычайно большое внимание. Например, описывая пир, сага всегда подробно указывает, кто где сидел, а ссоры из-за такого размещения были обычным делом.

Понятно, что мебели было крайне мало. Она состояла в основном из сундуков — для одежды, для драгоценностей, причем замки, особо хитроумной системы, хотя в основном римского образца, были предметом особых забот; ключи, железные или бронзовые, подвешивались, как мы видели, к поясу хозяйки дома, символизируя ее власть, — и иногда из стенных шкафов (klefi) для хранения съестных припасов, если для последних не выделялось отдельное помещение.

Над скамьями шла декоративная панель, отстоящая на несколько сантиметров от стены, чтобы избежать повреждения. Этой панели придавали особое значение — ее отделка свидетельствовала о богатстве, ранге, вкусе хозяина дома. Она могла быть украшенной, резной, расписной, а чаще всего ее покрывали ценными коврами. В поэме скальда Ульва Уггасона (конец X в.) «Хвалебная песнь о доме» любовно описывается убранство скаули крупного исландского вождя Олава Хскульдссона по прозвищу Павлин. На стены также вешали красивое оружие — предмет гордости викингов: мечи с Рейна, имевшие золоченые навершия и инкрустированные крестовины, ценные кольчуги, к стенам ставили стойки для секир, копий, пик и алебард.

Вдоль одной из стен возвышался самый важный в доме «предмет мебели» — знаменитый вертикальный ткацкий станок, о котором мы еще будем говорить. Освещение было, конечно, скудным, его обеспечивали в основном масляные лампы из стеатита — материала, который в изобилии поставляла Южная Норвегия.

Скаули обычно служил комнатой для всех надобностей, огневая яма здесь выполняла функцию кухонного очага, а сундуки — кроватей. Бывало, что спальня, разумеется, общая, располагалась в отдельном доме; тогда она могла называться стова — впрочем, этот термин применяли и к скаули. Последний также мог разделяться перегородкой на мужскую часть (karlaskáli) и женскую (kvennaskáli). Не были здесь неизвестны и альковы (lokrekkja), запиравшиеся изнутри. Постель состояла в основном из теплого одеяла и пухового матраца.

Если кухня была отдельной, она называлась eldhús. Там были стенные шкафы с необходимой утварью: ведрами и ковшами, разнообразной глиняной посудой (по преимуществу импортной) и металлическими приспособлениями для варки или жарки пищи, например,

своеобразными железными противнями с длинной ручкой, конец которой закручивался улиткой.

Как и всей средневековой Европе, Скандинавии были знакомы бани. Они могли занимать отдельную постройку, бадстову (baðstofa)[1], хотя последнее слово часто применялось к стове и скаули, из чего можно понять, что бани могли входить в их состав. Похоже, викинги были большими любителями бани. Об этом свидетельствуют саги; правда, этому способствовали и природные условия Исландии (горячие источники) — остатки особо изысканных бань, которые Снорри Стурлусон оборудовал у себя в Рейкьяхольте, можно видеть и сегодня.

Случалось, что разные постройки, из которых состоял хутор, были соединены узкими крытыми проходами — то ли затем, чтобы не выходить на двор в плохую погоду, то ли чтобы можно было бежать в случае неожиданного нападения.

В Ярлсхофе, на Шетландских островах[2], раскопали и реконструировали усадьбу, основанную викингами, которые поселились там в давние времена. Этот пример особенно интересен потому, что позволяет проследить за ее постепенным расширением. Ее появление датируется серединой IX в.; к этому периоду восходит всего одно строение, прямоугольное в плане и длинное, включающее в себя skáli и eldhús и окруженное галереей. К 900 г. появилась вторая постройка такой же длины, поставленная под прямым углом к первой; половину в ней занимал скаули, а половину — стойло, отделенные друг от друга толстой стенкой. Впоследствии появилось совсем маленькое, квадратное в плане строение — несомненно уборная, они всегда располагались снаружи. Еще позже на некотором отдалении возникла продолговатая в плане постройка с земляным полом, вероятно, стойло. Наконец, в конце X в. добавилось два новых элемента: кузница с очагом и наковальней и, немного дальше, длинное прямоугольное строение, которое было стойлом или молочной фермой либо тем и другим вместе. Все вместе образует хутор, полностью соответствующий тому, что нам известно как по археологическим данным в масштабе всей Скандинавии, так и благодаря чтению саг.

Что касается концентрации жилищ, составить четкое представление о ней трудно, поскольку ситуация в разных местах явственно

[1] Откуда современное шведское bastu. Напомним, что слово «сауна» имеет финское происхождение.

[2] Описан в издании: *Hamilton, John Robertson Campbell.* Excavations at Jarlshof, Shetland. Edinburgh: Her Majesty's Stationary Office, 1956.

различалась. Кроме как в больших торговых центрах, о которых еще пойдет речь (Хедебю, Каупанг и т. д.), и местах сбора политических сил (Упсала, Берген, Нидарос), жилища, похоже, были разбросаны, очень вероятно — потому, что их жители занимались скотоводством, одним из главных ресурсов, какими викинги располагали у себя дома, а также потому, что они тяготели к семье (aett). Это в меньшей степени было характерно для Дании, открытой и плоской страны, но так дело обстояло долго, потому что Скандинавия, за исключением немногих мест, до нового времени почти не знала городской или даже полугородской концентрации населения.

ИНВЕНТАРЬ[1]

Можно полагать, что скандинавы, которые всегда были искусными ремесленниками, задолго до эпохи викингов могли обеспечить себя орудиями и инструментами, необходимыми для разных видов деятельности, которая поддерживала их жизнь. Я мимоходом упомянул кое-какую домашнюю утварь. Здесь я сосредоточу внимание на двух сферах.

Прежде всего на земледелии и рыболовстве. Бонд был прежде всего крестьянином (этот смысл слово bonde приобрело во всех современных скандинавских языках) и, кроме того, рыбаком, если позволяло место его жительства.

Поначалу он пахал землю деревянной сохой (arðr) с простым и прямым сошником. Впоследствии освоил железный плуг (plógr) с лемехом, ножом и отвалом. Ему была известна борона (herfi): это орудие упоминается в одном из текстов «Старшей Эдды», «Песни об Атли». Он пользовался деревянной лопатой, остроконечной (páll) или квадратной (reka), киркой и заступом и, разумеется, как и повсюду в других местах, мотыгой. Злаки или траву он срезал серпом или косой (ljá), которые точил на точильном камне (brýni); немало таких камней найдено. Наконец, он использовал деревянные вилы и грабли, форма которых оставалась неизменной с тех пор еще век назад.

В рыболовстве его снасти не отличались особой оригинальностью по сравнению с тем, что нам известно в других местах. Рыбу он ловил как удочкой, так и сетью.

Я по-прежнему настаиваю, что викинг владел ремеслами плотника и кузнеца (обобщающий термин smiðr), делавшими из него умело-

[1] Помимо опять-таки статей из KLNM см. произведение Б. Альмгрена и др.: *Vikingen*. Op. cit., с восхитительными иллюстрациями.

го ремесленника, и что он прославился как таковой. Не случайно в скандинавской мифологии особое место занимает версия общеевропейского сюжета о чудесном кузнеце Влюнде, которому посвящен один из самых чарующих текстов «Старшей Эдды» («Песнь о Влюнде») и которого с помощью несколько произвольной генеалогии даже сделали родичем идеального героя — Сигурда Победителя Дракона. Мы уже расхвалили такое чудо техники и искусства, как кнорр; мы должны будем также упомянуть удивительно выполненные украшения, какие носили женщины и мужчины. С другой стороны, норвежские «мачтовые» церкви (ставкирки), хоть они и не относятся к эпохе викингов (они моложе минимум на век), не могли бы появиться на свет в своей необыкновенной завершенности без долгой традиции, которую ничто не позволяет считать заемной.

В Бюланне, в Норвегии, нашли могилу smiðr'a, куда по обычаю был положен большой сундук, содержащий его инструменты и некоторые его работы. То есть: четыре меча, четыре наконечника для копий, семь секир, два умбона для щитов, девять ножей разного размера, тринадцать наконечников для стрел, четырнадцать трещоток (служивших для того, чтобы созывать скот), восемь гвоздей, двое щипцов, молотки разных форм и назначения, маленькую переносную наковальню, пару ножниц для стрижки овец, волочильную доску, два напильника, ковш для разливки расплавленного металла, форму для расплавленного серебра, железный брус, мехи и т. д. Вс это вместе дает полное представление о технических способностях владельца и сложной работе, которой он занимался.

Здесь самое время уточнить, что одним из главных богатств викингской Скандинавии было железо — факт, который слишком часто упускают из вида, на что справедливо обратил внимание П. Сойер[1]. Можно вспомнить шведское железо, которое, как и сегодня, было первосортным, или в первую очередь железо, получаемое из гематита, руды, очень распространенной в этих болотистых странах, в том числе в Исландии — это несомненно был очень ходовой материал. Подсчитано, например, что только на постройку Гокстадского корабля пошло 80 кг железа. Впрочем, месторождения здесь разрабатывали давно, некоторые еще с начала нашей эры. Их обнаружено почти двести, самые ранние из которых разрабатывались с 600 г., самые новые — с 1200 г. В некоторых, как месторождение Мсватн на Хардангервидде, в Норвегии, на высоте 900 м, произвели тщательные раскопки. В каких-то из них было по восемь-девять горнов,

[1] *Sawyer, Peter Hayes.* Kings and Vikings. Op. cit., p. 61 и след.

в каких-то по сотне ям с древесным углем на квадратный километр. Месторождение Мстронн с площади в 275 км^2 могло давать около четырех тонн железа в год. Полученный продукт не всегда имел закалку, выдерживающую любое испытание (саги иногда описывают, как бойцы вынуждены прервать атаку, чтобы распрямить клинок меча или наконечник копья, надавив пяткой), так что лучшее оружие было привозным, а именно из Рейнской области, но это можно сказать почти о всей средневековой Европе.

Зато в распоряжении золотых и серебряных дел мастеров был вполне зарекомендовавший себя материал, чтобы они могли изготавливать изысканные филигранные, черненые, инкрустированные украшения, найденные нами. Достаточно полистать великолепный альбом «Сокровища шведского искусства» Понтуса Грате[1], чтобы убедиться, что эти ремесленники принадлежали к давней и славной традиции (роскошное золотое ожерелье с Оллеберга, VI в., или чудесные гарнитуры из позолоченной бронзы, инкрустированные гранатами и черненые, шлемы, оружие из Венделя, VII в.) и что они показали себя достойными ее: свидетельство этого — гарнитуры из позолоченной бронзы из Бруа (около 800 г.), флюгер из Сдералы, тоже из золоченой бронзы (около 1050 г.), не говоря уже о равноценных достижениях мастеров Дании и Норвегии. Как очень хорошо пишет демонстратор, даже если во многих случаях эта техника зародилась не в Скандинавии — прежде всего в Центральной или Восточной Германии, — тем не менее на Севере она нашла самое прекрасное применение.

То же можно сказать о работе по дереву, для которой существовали все необходимые инструменты (струги, всевозможные топоры, ножовки или обычные пилы, колуны, рубанки, сверла и т. д.). Чтобы вырезать украшения Усебергского корабля и разные предметы, содержавшиеся в нем, нужны были первоклассные художники. Вероятно, существовали «специалисты» — плотники, резчики, скульпторы и т. д., пользовавшиеся бесспорным уважением, коль скоро «Песнь о Риге» назвала их родовым именем, Смид, одного из сыновей Карла — свободного человека. Отметить следует и тех, кто занимался резьбой по кости или оленьему рогу и оставил нам гребни, рукояти, ткацкие инструменты, шкатулки, шахматные фигуры, не уступающие тому, что мы сегодня называем «скандинавскими формами». В самом деле, особо примечательно, что в большинстве случаев эти пре-

[1] *Grate, Pontus et al.* Trésors d'art suédois des temps préhistoriques au XIXe siècle. Publ. à l'occasion de l'Exposition... au Musée du Louvre... 30 mai–1er juillet 1963. Malmö: Allhem, 1963.

красные изделия, на многие века предвосхитившие нормы нашего «дизайна», в то же время безупречно функциональны.

Особо надо выделить изделия из стеатита — занимавшие более важное место и, может быть, имевшие более давнюю традицию, чем керамика как таковая. Я уже говорил о распространенности этого минерала в Скандинавии. Из него делали всевозможную утварь, от которой мы нашли только обломки, ведь этот материал особо хрупок. Зато глиняная посуда по-прежнему окутана тайной: она почти вся была привозной, как и стеклянная, впрочем, встречающаяся редко. Такой импорт по-прежнему остается загадкой для археологов — ведь глины на месте вполне достаточно. Опять-таки большинство таких находок, обнаруженных к настоящему времени, происходят с Рейна или с Востока.

Остаются кожа и, позже, пергамент, которые викинги очень хорошо умели обрабатывать. Поскольку они занимались скотоводством, часто экстенсивным, сырья им, естественно, хватало. Возможно, существовала отдельная профессия кожевника. Знаменитые строки из скальдической поэзии, якобы сочиненные при Харальде Суровом, описывают в мифологических терминах ссору кожевника и кузнеца[1]. Получается, эта сцена происходила в XI в. Надо ли, наконец, добавлять, что обработка мехов, шкур и кож, статьи викингской торговли, важнейшей и в плане качества, и в плане количества, была доведена до такого совершенства, что конечные продукты повсюду высоко ценились?

На предыдущих страницах я часто говорил о специализации; возможно, этот термин неуместен и не нужен. Внимательное чтение саг — авторы которых в этом отношении следовали давней традиции — показало бы, что вывод такого рода [о специализации], вероятно, не является неизбежным. Бонд на самом деле был мастером на все руки: он сеял хлеб, ловил треску, загонял скот в стойло, сушил сено, охотился на лисицу или лося, а также резал по дереву или кости, ковал решетки, не говоря уже о более «интеллектуальных» видах деятельности. Он бесспорно некоторым образом олицетворял всестороннего человека, идеал гуманистов; уже этого было бы достаточно, чтобы придать образу викинга такое богатство и глубину, которые делают смешными наши современные клише, и объяснить удивительную легкость, с какой викинг в разных качествах добился признания на Западе.

[1] Приведены с комментариями в издании: *Boyer, Régis*. La Poésie scaldique. Op. cit. P. 139–140.

ОДЕЖДА, ТКАНЬЕ И ПРЯДЕНИЕ

Викинг был еще и ткачом, и тканью предавались в равной мере мужчины и женщины, когда у них был для этого досуг. Если учесть, насколько важным было это занятие во всех отношениях, вполне возможно, что ему посвящали немало времени. Ведь после неизбежных домашних дел это был основной вид деятельности. Пряли и ткали прежде всего шерсть, во вторую очередь лен, в гораздо больших количествах, чем было нужно для удовлетворения потребностей в одежде и нужд жилища: почти повсюду — это стало чем-то вроде монополии исландцев — грубая ткань из овечьей шерсти, теплая, непромокаемая, прочная, называемая водмол (vaðmál), служила и разменной монетой. В сагах часто описывается, как исландец отплывает в чужую страну, взяв с собой на всякий случай несколько тюков водмола, которые продает, едва прибыв на место назначения. Некрашеный водмол был каштановым или бежевым, но были известны и краски, получаемые довольно примитивными методами — путем измельчения трав и раковин.

Примитивной была и технология прядения — с помощью веретена, деревянной детали с отверстиями, или «dé», куда пропускали нити, которые после этого прикрепляли к грузу, а затем приводили последний во вращение.

Ткали ткани на знаменитом вертикальном станке, который, как мы видели, был важнейшим предметом мебели. Таким образом, он стоял у стены. Челнок, похоже, был неизвестен. Нити, прикрепленные к верхнему краю рамы, вертикально натягивались с помощью грузов — чаще всего обычных камней. Между вертикальными нитями скользило нечто вроде дощечки с горизонтальной нитью, эту нить прибивали колотушкой (fouloir) и разглаживали с помощью лощила. Эти принадлежности упоминаются в зловещей фантазии, составляющей сюжет «Песни Дрруда» — стихотворения, содержащегося в главе 157 «Саги о Ньяле»[1]. Нет никаких сомнений, что древние скандинавы придавали этой деятельности величайшее значение: она отвечала очевидным практическим и экономическим потребностям и оставляла ум свободным для других занятий. Если Р. Перкинс[2] задался вопросом, не могла ли основная канва скальдических стихов возникнуть на основе гипотетических «песен гребцов», которые,

[1] Французский перевод Р. Буайе: Saga de Njáll le Brûlé // *L'Edda poétique*. Op. cit. P. 551 и далее.

[2] Perkins, Richard. A medieval Icelandic rowing chant // *Mediaeval Scandinavia*. 1969. 2. P. 92–101.

конечно, пели викинги, я часто задаю себе вопрос, не мог ли тот же поэтический жанр, имеющий столь правильный и очень характерный ритм, произойти от движений ткача, пусть даже тщательное изучение композиции саг, столь часто построенных по принципу «переплетения»[1], который так любил Пеги, не обнаруживает длительного знакомства авторов с ткацким ремеслом.

Очень популярна была и вышивка. Мы нашли деревянные рамки, на которых ее делали; одна обнаружилась на Усебергском корабле. Из восточного шелка, окрашенной шерсти и даже металлических нитей получались очаровательные изделия, изготовление которых осталось одним из любимых занятий скандинавов вплоть до наших дней и хорошее представление о которых дают ковры, вызывающие наше восхищение в музеях северных стран, — например, ковер из Греньядарстадира в Исландии, который относится к христианской эпохе и посвящен житию святого Мартина, или ковер из Скога, тоже христианской эпохи, в Музее национальных древностей в Стокгольме.

Обычная одежда викингов тем более заслуживает краткого описания, что ее вид тоже не совпадает с нашими усвоенными представлениями.

Мужчина носил нечто вроде рубахи с вырезом на шее, если угодно, тунику (kyrtill), и штаны длиной до лодыжки, вс шерстяное и льняное. Носили штаны-брэ, реже длинные панталоны. Когда мужчина надевал башмаки из единого куска кожи, мастерски сложенного и сшитого, а также подвязки или то, что следовало бы назвать обмотками, его силуэт напоминал силуэт игрока в гольф, какой последние имели несколько десятков лет назад. Кожаный пояс любили отделывать металлическими пластинками, украшенными рисунками или узорами. Пояс мог быть скреплен с туникой. На нем висели кошель и нож — последний можно было также вешать на шею на шнурке. Все носили шапки, войлочные и разной формы, а также перчатки или чаще рукавицы. Сверху мужчина, как правило, надевал плащ, с капюшоном или без, оставлявший руки свободными. Плащ скреплялся на груди брошью. Этот портрет, разумеется, допускает много вариаций.

[1] Детальный и четкий пример в виде схемы я привел в предисловию к французскому переводу «Саги о Снорри Годи»: *La Saga de Snorri le Godi* / trad. de l'islandais, introd. et notes de Régis Boyer. Paris: Aubier-Montaigne, 1973, а также к «Исландским сагам»: *Sagas islandaises*. Op. cit. Paris: Gallimard, 1991. P. 1566 и далее.

Женщина носила очень длинную шерстяную или льняную рубаху, ниспадающую на ступни, и иногда нечто вроде панталон. Эту рубаху над каждой грудью закалывали брошью, которая иногда представляла собой настоящую драгоценность. Достаточно было отстегнуть такую брошь, чтобы начать кормить младенца, ведь беременности у женщин, как и в других местах в ту эпоху, шли одна за другой без перерыва. Она могла нарядиться и в платье с поясом, на котором висели нож, кошель и, напомним, если она была хозяйкой дома, связка ключей. Поверх рубахи или, возможно, платья надевалось нечто вроде фартука — длинный прямоугольный кусок ткани, ниспадавший от груди до икр и имевший симметричные переднюю и заднюю части. К этому «фартуку» крепились мелкие швейные принадлежности. Ко всему комплекту нередко добавлялись косынка или шейный платок, а то и подобие треугольной шали по моде, пришедшей из Византии. Встречались и шерстяные чулки. Волосы у девушек были длинными и распущенными, у замужних женщин собирались в пучок. Встречались всевозможные головные уборы — мода там лютовала так же, как и везде. Самым обычным из них был платок, завязанный на затылке. В торжественных случаях своеобразный накрахмаленный льняной чепец, или faldr, имевший форму широкого изогнутого вперед рога, должен был делать силуэт очень впечатляющим. Фальд был объектом особой заботы, в «Саге о людях из Лососьей Долины» он вызвал непримиримую ссору! Костюм дополнял плащ, иногда с расшитыми отворотами, широкий и без рукавов. Надо ли уточнять, что очень часто носили украшения — ожерелья, браслеты, фибулы и особенно броши? Пуговицы были неизвестны.

Спали обычно обнаженными. Но существовали и ночные рубахи. Напомним, что нижнее белье — изобретение Нового времени.

Последнее настораживающее замечание: если, как мы видели выше, вооруженный викинг, особенно верхом, смахивал на венгра, то викинг в повседневной одежде был очень похож на саама (лопаря) в традиционном костюме! Современная наука не смогла сделать ясных выводов из этих соображений.

ТРУДЫ И ДНИ

Нам осталось посмотреть, как обычно протекала жизнь «среднего викинга». Прежде всего отметим, что на Севере редко различали четыре времени года. Год состоял из зимы и лета, и время характерным

образом считали в зимах. Говорили не «он уехал на четыре года», а «на четыре зимы». Точно так же предпочитали говорить о ночах, чем о днях, даже когда речь шла о хронологии: «это произошло за двенадцать ночей до середины лета», а не «за двенадцать дней». Для того, кто некоторое время прожил на этих широтах, такие обычаи не требуют объяснений.

Названия дней недели — которая у древних германцев насчитывала всего пять дней, но к эпохе викингов этот обычай давно вышел из употребления, — не создают проблем и соответствуют латинским, с интересными вариациями: понедельник — манадаг (mánadagr), день луны, вторник — тисдаг (týsdagr), день Тюра, считавшегося аналогом Марса, среда — одинсдаг (óðinsdagr), день Одина, которого вся классическая античность приравнивала к Меркурию, четверг — торсдаг (þórsdagr), день Тора, или еще фимтудаг (fimtudagr), пятый день недели, потому что по христианскому обычаю неделя начиналась с воскресенья, пятница — фриядаг (frjádagr), день Фригг, имевшей некоторые общие атрибуты с Венерой, суббота — лйгардаг (laugardagr), день купания, или тваттдаг (þváttdagr), день стирки, в честь обычая, несомненно существовавшего с незапамятных времен, и воскресенье — суннудаг (sunnudagr), день солнца. Зато названия месяцев были совершенно оригинальными. В наших источниках они называются по-разному, но можно сойтись на том, чтобы использовать перечень, который привел Снорри Стурлусон в так называемой «Младшей Эдде» (раздел «Язык поэзии»)[1]. Вот как он выглядит, хотя, как сейчас будет видно, ни с нашими названиями месяцев, ни с их порядком искать соответствий не надо (например, гор — не январь). Итак: 1) гор (gormánuðr: mánuðr — месяц, значение слова gor не установлено); 2) фрер [морозный месяц] (frermánuðr; та же ситуация); 3) бараний месяц (hrútmánuðr); 4) торри (þorri; означает маленькое архаическое божество плодородия-плодовитости); 5) гои (gói, другое божество, посвященное тому же); 6) эйн [одиночный месяц] (einmánuðr; значение не установлено); 7) кукушачий месяц и пора посева (gaukmánuðr ok sáðtíð; есть сильные подозрения, что скальд Снорри Стурлусон поддался здесь склонности к поэтическому!); 8) яйцеклад и жарка мяса [выгон ягнят] (eggtíð ok stekktíð; тот же комментарий); 9) солнечный месяц и месяц семян [пора отгона скота на горные пастбища] (sólmánuðr ok sáðmánuðr); 10) сенокос (heyannir, безусловно древнее

[1] *Младшая Эдда*. СПб.: Наука, 1970. С. 92. В квадратных скобках приводится перевод из русского издания, когда он не совпадает с вариантом Р. Буайе (*прим. перев.*).

название); 11) месяц жатвы (kornskurðarmánuðr) и 12) осенний месяц (haustmánuðr). На этом мы задерживаться не будем, но интересно отметить, что этот список связан по преимуществу с сельскими заботами!

Дальнейшее рассуждение я заимствую из примечательного исследования Жаклин Симпсон[1], сокращая его.

Год бонда, каким его описывают календари и анналы, начинался во время таянья снегов, то есть в середине апреля. Таким образом, это был кукушачий месяц, или время посева (sáðtími). Скот выходил из стойл, и его гнали на пастбища (afrétt), начиналась вспашка полей и посев зерновых. Наступала пора добывать торф и рубить лес на дрова, чинить стены и ограды домов и унавоживать поля. Через месяц, к середине мая, надо было собирать яйца диких птиц — этим, разумеется, занимались только в Норвегии и Исландии. Птиц ловили сетью или же их выгонял из гнезд смелый верхолаз, которого спускали с вершины прибрежной скалы на веревке; этот опасный трюк описывают некоторые тексты. Это был еще и lambatíð — время ягнят, которых отнимали от маток и метили, и тогда же стригли овец. После из их длинной ангорской шерсти производили водмол, на важное значение которого мы указывали.

К середине июня начинался перегон овец в горы, на летние пастбища. У каждого хутора был в горах свой приют — по-староисландски sel, по-норвежски setr (на современном норвежском seter). Как и в наши дни, в сетере проводили значительную часть года — многие члены семьи уходили в это убежище, чтобы прожить два летних месяца, когда дни бесконечно длинны, в живой и радостной атмосфере. Вот почему этот месяц, вообще-то называвшийся selmánuðr [месяц сетера], чаще именовали sólmánuðr (от sól — солнце). Тогда же приходила пора делать молочные продукты, а именно скир (skyr), творог, для приготовления которого использовали нечто вроде сывороточной закваски, и неизбежное сливочное масло, обязательно соленое (smjör). Его укладывали в деревянные ящики, где оно хранилось очень долго, и оно входило в запас провизии, который брал в плаванье викинг. Середина июня была также временем больших публичных собраний, тингов (в Исландии существовал альтинг, или общий тинг). Мы уже видели, что там принимались все важные решения. Добавим, что тинг очень ценили и как орган информации:

[1] *Simpson, Jacqueline*. Everyday life in the Viking Age. London: Transworld, 1967. Глава 3 [русский перевод: *Симпсон, Жаклин*. Викинги: Быт, религия, культура. / Пер. Н. Ю. Чехонадской. М.: Центрполиграф, 2005].

там распространялись новости из других стран, привезенные теми, кто только что вернулся из весенних экспедиций. Те, кто намеревался уезжать летом, чтобы, возможно, зимовать в более благоприятном климате, покидали страну после тинга. Если они выбирались лишь на краткую вылазку, то возвращались осенью.

В середине июля начинался сенокос, который мог тянуться восемь недель — до середины сентября. С учетом длительности зимы, интенсивности и продолжительности снегопадов было жизненно важно накосить и собрать как можно больше травы, и этим занимались все, женщины и мужчины. Нехватка сена была настоящим бедствием, как свидетельствует, в частности, и «Сага о Ньяле». На конец этого периода приходился осенний тинг (лейд, или лейдартинг), главная задача которого состояла в том, чтобы подытожить выполнение решений июньского тинга и обсудить события, случившиеся после него. После этого там, где это было возможно, начиналась жатва — в основном приблизительно с середины августа.

Середина сентября была важным временем, потому что осенний месяц (haustmánuðr) некоторым образом завершал активный год и предполагал подготовку к долгим месяцам наступающей зимы — конечно, в смысле заготовки продовольствия. Надо было собрать, загнать в загон и подсчитать скот разных владельцев. Для этого существовали специальные загоны (rétt) с системой оград. Этот многократно описанный процесс, конечно, оживленный и колоритный, часто вызывал горячие споры, как легко представить. Люди, проведшие два месяца в sel'e или setr'e, возвращались на хутор. Это был также самый подходящий период для рыбалки. Рыбу — в основном треску — подвешивали на характерную стойку в виде перевернутой буквы V, или skreið[1], чтобы сушить на открытом воздухе. Полученный продукт мог долго храниться, его собирали, паковали, и он тоже входил в число обязательных пищевых запасов, которые брал с собой викинг.

Середина октября была одним из самых насыщенных периодов. Несомненно, надо было срочно приводить в порядок все дома хутора, пока не начались зимние вьюги, и запасать дрова и другое топливо, которые позволят пережить холодное время года. Но мяса скота, забитого несколькими неделями раньше в количестве, которое зависело от потребностей дома и запаса сена, было в изобилии, и пива к тому времени могли наварить от души. Поэтому именно тогда устраивали

[1] Исландско-русский словарь дает для слова «skreið» название «сушеная рыба» (*прим. перев.*).

празднества, приглашали важных гостей, играли свадьбы, короче говоря, задавали те самые пиры (вейцла, veizla), которые саги никогда не упускают случая описать во всех подробностях, так что становится ясно, что это были яркие моменты жизни людей. Излюбленное время для этих пиршеств, называемое vetrnættr (зимние ночи), приходилось на последние дни октября. Этот обычай явно относился к древнейшим, отмеченным пережитками язычества. Принять приглашение на пир — которое всегда требовало ответного приглашения, — значило проявить самую элементарную вежливость и показать, что ты сознаешь честь, которую тебе оказывают. Кстати, такие празднества длились по несколько дней и служили поводом для демонстрации разного рода чувств.

Остается три зимних месяца, долгих и часто утомительных — торри, гои и эйн. Жизнь должна была сосредоточиться в домах — разумеется, о заточении речь не шла: по-прежнему можно было охотиться, можно было рыбачить, пробивая лед, кататься на коньках или лыжах. Но само собой понятно, что этот период был особо благоприятен для таких занятий, как прядение, ткачество, вышивка и шитье, как и для ремесленной деятельности smiðr'a. И потом, вечером были долгие посиделки — эта форма времяпрепровождения уже упоминалась. Судя тому, каким удивительным талантом рассказчиков отличаются скандинавы с тех пор, как мы их знаем, вероятно, декламация поэм или рассказов уже вовсю распространилась; в главе о досуге мы перечислим все занятия, каким предавались викинги. Они были достаточно разнообразными, чтобы времени скучать не оставалось! Наконец, на зимние месяцы приходился самый главный праздник года — день зимнего солнцестояния, Йоль, происхождение которого теряется во тьме времен. Мы не знаем этимологии этого слова, но вс наводит на мысль, что это был большой праздник плодородия, устраиваемый для того, чтобы вернуть солнце, без которого нет плодов и которое уже столь долго отсутствует. Приносили в жертву животное, специально откормленное, пировали, не считаясь со временем, — праздник Йоля мог продолжаться до двух недель. Примечательно, что разные источники — очевидно, что с веками содержание этого праздника менялось — сходятся как минимум в одном: во время Йоля чествовали наступающий Новый год и мир. Еще более ясно высказывается Беда Достопочтенный, относя к этой дате Ночь Матерей (modranicht): образы Матерей (matræ, matronæ), хоть и могли иметь выраженную кельтскую окраску, в конечном счете ассоциируются с Великой

Богиней или Матерью-Землей и тоже принадлежат к третьей дюмезилевской функции.

Для полноты рассказа я скажу несколько слов о пище викингов постольку, поскольку о ней еще не говорилось на предыдущих страницах.

Ее основу составляли молочные продукты и рыба. Мясо было более редким продуктом; его всегда варили в воде, а потом при возможности жарили. Скандинавы ценили жаркое: они располагали всеми принадлежностями для его приготовления — котлами, вертелами и решетками. Ели его с небольшим количеством соуса, который готовился периодически и служил приправой ко всем блюдам, приблизительно как в наши дни американский кетчуп. Хлеб — выпекавшийся без дрожжей — из ячменя, ржи, даже из гороха и из древесной коры используется в пищу и поныне в виде шведского кнеккебрда или норвежского флатбрда. Имелись печи, и некоторые даже изрядных размеров. Но главным блюдом была и надолго осталась каша (grautr), в повседневной жизни служившая основой всей трапезы. Не то чтобы были неизвестны овощи и фрукты. Кроме гороха и фасоли, речь может идти прежде всего о диких растениях, к которым добавляли разные сушеные водоросли, и особой популярностью пользовались всевозможные разновидности лука, чеснока, порея и дудника; что касается фруктов, то ели различные ягоды, желудевую кашу и, в Швеции и Дании, яблоки, вишни, сливы, землянику, отдавая особое предпочтение лесным и грецким орехам. Однако не надо забывать, что в Норвегии, Исландии и значительной части Швеции ресурсов такого рода не было. Пища викингов была в основном грубой. Впрочем, ей редко посвящались отдельные комментарии, в отличие от напитков (пива, хмельного меда, очень редко вина, всегда привозного).

Обычно в день было два приема пищи: дагверд (dagverðr), после первых утренних работ — около 9 часов — и наттверд (náttverðr), к 16–17 часам, по завершении повседневных дел. Ели из деревянных, стеатитовых или металлических мисок или чашек роговыми или деревянными ложками, не расставаясь с ножом. Разумеется, вилок не существовало.

В целом повседневная жизнь викингов у себя на родине не отличалась коренным образом от жизни их западных или южных современников. Перед нами сельская культура, притом не ведающая городской роскоши и изысканности. Конечно, знакомство с иноземными нравами пробуждало живое любопытство. Оно чувствуется в старательности,

с какой в конце XII в. те, кто здесь переводил и адаптировал наши рыцарские романы, были вынуждены их объяснять. Бесспорно, для характеристики жизни викинга лучше всего подходит слово «простота». Ей удобно объяснять ту крайнюю легкость адаптации викингов, которую я столь часто подчеркиваю в этой книге.

ДОСУГ

Чтобы завершить этот беглый очерк домашней культуры, остается сказать несколько слов о досуге викингов. В первом приближении он сводится к двум словам: выпивка и женщины. Похоже, к досугу такого рода был особо склонным весь Север.

Что касается выпивки, то прежде всего речь шла о пиве, разных сортов, чаще на основе солода, чем хмеля. Но оно показалось бы нам достаточно непохожим на то, что мы понимаем под пивом сегодня; бывало, что его смешивали с медом, и тогдашнее обычное пиво, bjórr или öl, должно, быть, уступало по крепости даже mungát'y, само название которого ассоциируется с лакомством. Кроме пива северяне, как и все индоевропейцы, были знакомы с хмельным медом, mjödr. Вс это пили из бычьих или металлических рогов, часто искусно украшенных. Умение много выпить входило в число качеств, которыми должен был обладать каждый мужчина, достойный этого имени; чтобы в этом убедиться, можно перечитать «Сагу об Эгиле, сыне Грима Лысого», главу 44 (где, как можно заметить, герои не отличаются особой деликатностью: Эгиль изрыгает излишек пива, которое только что поглотил, прямо в лицо сопернику), или «Младшую Эдду», где подробно описаны подвиги, которые пришлось совершить самому богу Тору в палатах Утгарда-Локи. Впрочем, существовали очень строгие ритуалы (в которой участвовали как мужчины, так и женщины!) в зависимости от того, пили ли в одиночку, вдвоем или вкруговую. Прочно укоренился обычай поднимать тосты, имевший религиозную окраску: сначала пили за предков, потом за богов, а после христианизации — за Христа, Деву Марию и святых. Характерно, что термин «вейцла» (пир) допускает синоним drykkja, что значит собственно попойку. Опьянение было настолько нормальным, если не обязательным, последствием попойки, что существовал обычай: перед началом пирушки при свидетелях клялись не придавать никакого значения словам, которые будут произнесены далее! Не надо также забывать, что в «раю», образ которого создала эта мифология,

Valhöll (Вальхалле), высшие наслаждения в представлении викингов состояли в том, чтобы пировать на вечеринке, попивая пиво или мед, которые подносят валькирии.

Вино, хоть и было известно, почти не фигурировало среди продуктов повседневного потребления по очевидным причинам, связанным с транспортировкой.

Что до женщин, то, хоть я и мог когда-то написать, что наши тексты на удивление целомудренны, надо напомнить, что Средневековье, как скандинавское, так и вообще западноевропейское, все-таки не знало пуританства, которое придумали в Новое время. Уже говорилось, что брак был прежде всего «сделкой» — хотя это и не исключало чувств — и что общество не видело ничего зазорного во внебрачных связях. Викинги обладали таким чувством естественного, что в Скандинавии только в XIII в. клирики стали писать тексты, где морализировали в том числе и на темы сексуальных отношений. Эти отношения, как правило, имели так мало последствий, что лишь очень редко вызывали толки. Кстати, даже в сагах, написанных в подавляющем большинстве клириками, нам кажется странным, насколько легко женщины позволяют себя соблазнить. Впрочем, как я только что сказал, речь идет о природных, естественных действиях, сексуальные извращения, похоже, были крайней редкостью, и я уже указывал, что гомосексуализм там считался позором, как и на всем Западе. Надо было дождаться не только христианизации, но и подъема культа Девы Марии с XII в., а также расцвета куртуазной литературы, ставшей его отражением (на Севере почти сразу начали переводить эту литературу и ей подражать), чтобы чувства стали более утонченными, хотя это не означало, что изменились нравы. Отметим, что в Бергене найдена руническая надпись, где священник признается в любви к красавице.

Далее идут игры в кости и в тавлеи, которые очень любили викинги. Кстати, бросание жребия было обычаем очень распространенным, даже в юридической сфере. Существовали всевозможные игры в кости, правил которых мы не знаем и которые, возможно, были привезены из других мест. Возможно, то же относится к игре в тавлеи, поскольку само ее название, tafl, очевидным образом позаимствовано из латыни. Археологи нашли игровые комплекты и шашки, иногда искусно вырезанные. Речь идет об играх хневтавл (hneftafl), довольно похожей на нашу «волк и ягнята», где шашка, делая ход на доске, должна постараться не запереть остальные (эта игра открытым текстом упоминается в поэме «Загадки Гестумблин-

ди», входящей в состав «Саги о Хервр и Хейдреке»[1]), и кватра (kvátra), несомненно разновидности триктрака, наверняка пришедшей из Франции, — в качестве поговорки, означающей «полностью проиграть», «Сага о Стурлунгах» использует выражение «kasta deuss ok áss», выбросить двойку и очко. Была известна игра в шахматы: ее существование отмечено в XII в. в Исландии и ощутимо раньше — в континентальной Скандинавии.

Так или иначе, викинги обожали игры с самого раннего детства, этому есть подтверждения — деревянное оружие, кораблики, миниатюрные глиняные хутора, маленькие бронзовые звери и т. д. Взрослые и дети были страстными любителями пантомимы; надо полагать, ее появление относится к незапамятным временам, поскольку немало сцен, изображенных на петроглифах бронзового века, выглядят как игры с масками и танцами — вероятно, ритуального характера, но не обязательно. Слово leikr (игра) применялось к разным видам развлечений, но прежде всего так назывались пантомимы, по преимуществу сатирические; «Сага о Стурлунгах» сохранила для нас несколько примеров, и этого достаточно, чтобы сделать вывод о популярности жанра. Однако в этом обществе, где мнение другого человека имело решающее значение и чувство чести было особо обостренным, насмешка в какой бы то ни было форме воспринималась очень болезненно и неминуемо приводила к кровопролитным ссорам. Тем не менее в языке есть богатый набор терминов для развлечений такого рода (spótt, flimtán, háð, kanginyrði и т. д.), и все наводит на мысль, что одним из лучших видов пантомимы был танец. Кстати, фольклор свидетельствует о примечательной живучести этих танцев, исполнители которых были способны усваивать иностранные образцы, чтобы адаптировать их (как позже случилось с нашим кароле, превратившимся в danse, а потом в folkevise[2]). Но, очевидно, существовали и танцы местного происхождения: Константин Багрянородный около 950 г. видел ряженых варягов в масках, пляшущих по случаю праздника Йоля. Тем не менее мы ничего не знаем о мелодиях и вообще о музыке, которую исполняли викинги. Правда, археологи нашли луры (lúðr), нечто вроде длинных труб, напоминающих наши

[1] Французский перевод: Énigmes de Gestumblindi // *La saga de Hervör et du roi Heidrekr* / trad. de l'islandais ancien et présenté par Régis Boyer. Paris: Berg international, 1988. P. 51–59.

[2] Boyer, Régis. De la carole à la folkvisa // *Influences*: relations culturelles entre la France et la Suède: actes du colloque tenu à Paris, Centre culturel suédois, du 25 au 27 mars 1987. Publiés par Gunnar von Proschwitz. Göteborg: Société royale des sciences et des belles lettres, 1988. P. 7–21.

альпенхорны, арфы (напомним, что в героическом цикле о Сигурде Гуннар во рву со змеями заклинал рептилий, играя на этом инструменте... пальцами ног), а также инструменты, похожие на скрипку и свирель, но на этом наши знания кончаются, что очень досадно: ведь хочется знать, пели ли скальдические поэмы, ведь такой вывод напрашивается, и если да, то на какие мелодии[1].

На самом деле главным развлечением в закрытых помещениях, видимо, была декламация — стихов, эддических или скальдических, прозаических текстов, которые предшествовали сагам (напомним, что последние появились на свет в том виде, какой известен нам, через доброе столетие после конца эпохи викингов, но не исключено, что их авторы лишь дописали и обработали, следуя чужим историографическим и агиографическим образцам, короткие рассказы, или пряди [þáttr, мн. ч. þættir]), а также игры с загадками, подобными загадкам Гестумблинди, недавно упомянутым, или состязания в знаниях, северный аналог нашей «jeu parti» [«разделенной игры»], наглядные примеры которых есть в некоторых эддических поэмах — «Речах Вафтруднира», «Речах Фафнира», «Речах Альвиса». Эти игры не всегда были безобидны! К примеру, «сравнение мужей» (mannjafnaðr), которое, похоже, пользовалось большой популярностью, во многих случаях могло иметь опасный исход: после того как присутствующие разделялись на два лагеря, игра состояла в том, что каждый лагерь выбирал «героя», местного или иного, и защищал его превосходство всеми возможными средствами, сначала силой ораторского искусства, а потом, очень скоро, и физической силой!

Что касается развлечений на открытом воздухе, их было много, и по типу они явно принадлежали к «спортивным». Не надо забывать, что, если верить Монтескьё и Тациту, суровость этого климата поощряла затраты энергии! Мы уже не говорим об охоте или рыболовстве, которые могли способствовать росту авторитета (многие персоны, называемые veiðimaðr, то есть великий охотник [или рыбак], пользовались в этом качестве большим уважением). Но к числу любимых занятий населения принадлежали также гребля, бег, прыжки, бег на лыжах и на коньках. Самыми излюбленными «видами спорта» были плаванье и борьба. Первое, в котором отличался, например, знаменитый король Олаф Трюггвасон, было непохоже на то, что мы понимаем под этим словом сегодня. Надо было выбрать соперника

[1] В издании «Скальдическая поэзия»: *Boyer, Régis*. La Poésie scaldique. Op. cit. Chapitre I, 3°, я предложил объяснения изощренному синтаксису этих поэм на основе музыкальных трактовок, но это не более чем догадка.

под стать себе и выяснить, кому из двоих удастся дольше пробыть под водой. Возможно, эта игра имела ритуальное происхождение, ведь, как утверждает миф, в нее играли боги Локи и Хеймдалль. Что касается борьбы, глимы (glíma), она тоже имела особый характер. Бойцы носили кожаные ремни на поясе и бедрах; надо было попытаться схватить противника за эти ремни, чтобы резко бросить его на землю! Вне связи с поединками (hólmganga или einvígi) в большой моде были состязания во владении оружием.

Но самым популярным «видом спорта» был кнаттлейк (knattleikr), игра с мячом (на самом деле комом пеньки, обтянутым кожей) и битами: он вполне предвосхищал нашу теку, английский крикет или американский бейсбол. В него могли играть на лугу либо на коньках на льду озера. Эта игра отличалась крайней грубостью, но, похоже, вызывала особый интерес у красавиц!

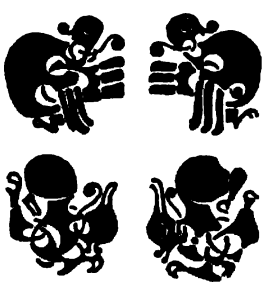
Однако нет сомнения, что ни одно из развлечений на открытом воздухе не знало популярности, сравнимой с популярностью конского боя, hestaát или hestavíg, который тоже постепенно выродился. Это был обычай почтенного возраста: он существовал еще в VI в., что удостоверяет рисунок на камне в Хегебю, в Швеции. Это был обычай несомненно религиозного происхождения и связанный с богом Фрейром, то есть с ритуалами плодородия: еще в XVII в. в Скандинавии были убеждены, что если кони бились хорошо, то и урожай будет хорошим! Напомним, что эти кони фактически были большими пони. Задача состояла в том, чтобы заставить сшибиться двух коней, каждого из которых подгонял дубинкой хозяин — причем этой дубинкой иногда попадало по бокам не коню, а человеку, державшему животное-соперника! Победителем считался тот конь, которому удавалось повалить другого на землю. Саги, сочиненные через века, все еще верно передают страсти, вызванные такими столкновениями, описывают пари, заключавшиеся перед боем, реплики во время боя и после него.

Если я счел нужным задержаться на теме досуга, то сделал это отчасти затем, чтобы поставить под сомнение суровый и жестокий облик, который кое-кто считает нужным придавать викингскому обществу, отчасти затем, чтобы указать в нем на такие качества, как уравновешенность и эклектичность. Похоже, можно сказать, что эти мужчины и женщины любили жизнь, не искали постоянно повода для драк, не пренебрегали ни одной сферой человеческой деятельности. Конечно, взгляд на человека, на жизнь и на мир, характерный для

саг, нам часто представляется мрачным и жестким[1]. Там почти нет ни песни птиц высоко в листве, ни чистого смеха девушки в цвету, ни даже ярко-алой крови на густой траве. Но смех и радость — тоже функции культуры. Абсолютно ничто не позволяет утверждать, что мужчины и женщины, принадлежавшие к этой открытой и уравновешенной цивилизации, не знали настоящей радости жизни.

Кстати, ярл Ргнвальд около 1150 г. с гордостью перечислил — и эту цитату в данных обстоятельствах привести почти необходимо — удовольствия, какие он ценит в этом мире[2]:

Дел я знаю *девять*:
Добрый *висописец*,
Лих в игре *тавлейной*,
Лыжник я и книжник.
Лук, *весло* и славный
Склад мне *рун* подвластны.
Я искусен в *ковке*,
Как и в гуде *гусель*[3].



[1] Рискну сказать, что за редкими исключениями эта характеристика верна для всей скандинавской литературы до наших дней. См.: Boyer, Régis. Lumière du Nord, lumière noire // *Le pessimisme: idée féconde, idée dangereuse*. Actes du colloque organisé par le Centre de recherches germaniques et scandinaves de l'Université de Nancy II, octobre 1992; sous la dir. de Jean-Marie Paul. Nancy: Presses universitaires de Nancy, 1992. P. 177–192.

[2] Важные слова выделены мной.

[3] Перевод С. В. Петрова. Цит. по: *Поэзия скальдов*. СПб.: Наука, 2004. С. 73.

VII. ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

Эта глава написана не затем, чтобы уточнять понятия и факты, изложенные в первой части нашей работы. Она рассчитана на то, чтобы показать, что главным родом деятельности и некоторым образом смыслом существования викингов была и оставалась торговля. С другой стороны, в этой главе я подробно рассматриваю, следуя диахроническому принципу, развитие коммерческой деятельности скандинавов наряду с их воинскими делами либо уделяя больше внимания последним.

На самом деле подходящим названием для этой главы, если бы оно не грозило слишком сузить ее содержание, было бы «Тинг» — очень важное понятие, которое упоминалось уже много раз и существование которого на Севере постоянно подтверждается со времен, когда оно, насколько нам известно, появилось. Мы уже дали ему определение (см. выше, со с. 178) и проследили за его развитием, прежде всего на примере Исландии, документы для которой хорошо сохранились.

Если для очерка о домашней цивилизации в мире, где не знали настоящих «городов», было естественным взять за основу хутор и деятельность его обитателей, то для изображения главных элементов общественной жизни удобно отталкиваться от образа тинга, поскольку этот институт имел касательство к трем сферам: торговой, потому что там заключались важные сделки, потому что тинг обычно выполнял функции ярмарки, или marknaðr'a; юридической, так как там разрешали важные тяжбы, там «говорили закон»; и религиозной, потому что изначально, как доказано на основе находок из местонахождения Еллинг в Дании, тинг был напрямую связан с местом отправления культа (священным деревом, возвышенностью и т. д.), которое называли ве. Тинг-marknaðr, тинг-domr (суд), тинг-vé: торговля, право, религия — это и есть три главных аспекта общественной

жизни, какой она была у викингов. Поэтому я обращусь к трем этим аспектам, впрочем, тесно связанным между собой — ведь право было священным, а «дела» делали под знаком права.

Я счел нужным поместить этот очерк о викингах под знак бонда, настаивая, что бонд был прежде всего торговцем. А ведь самой собой разумеется, что торговля требует установления правил жизни в обществе. Имея дело с обществом, которое открыто отдавало предпочтение взаимосвязанным понятиям урожайного года и мира — ár ok friðr — до такой степени, что обуславливало ими сакральность собственного короля, можно даже задаться вопросом: не был ли тинг в этом обществе первоначально задуман для поддержки, логистической и юридической одновременно, деятельности бондов или в качестве посредника для этой деятельности. В конце концов, слово «hermaðr» (человек войны, воин) встречалось значительно реже, чем «kaupmaðr» (купец) или «farmaðr» (моряк, человек, совершающий морские путешествия в торговых целях). Быть крупным каупмадом или фармадом было весьма почетно, ведь сам Один носил прозвища Фарматюр или Фармагуд — бог, надзирающий за судовыми грузами. Мы знаем, что главной пружиной походов викингов, даже до 793 г., а потом в течение минимум двух веков существования этого феномена, были коммерческие интересы. Никто не считал такую деятельность недостойной или низкой: так, молодой человек, чтобы показать свои способности, отправлялся «в другие страны», и такими делами определенно не брезговали даже короли[1]. Один увлекательный текст, хотя и более поздний (датируется началом XIII в., но основан, по всей очевидности, на более ранних традициях и версиях), норвежское «Королевское зерцало» (Konungsskuggsjá), начинается — еще до обсуждения хирда и потом, как полагается, короля — длинной главой о купце, где можно прочесть такие рассуждения о «купеческом ремесле», неудивительные для нас:

> Я не стану порицать этого занятия, ибо нередко его избирают лучшие люди <...>. Кто хочет быть купцом, тому приходится претерпевать немало опасностей для жизни, порой на море, порой в языческих землях, и особо часто посещать всевозможные неведомые народы, а равно ему следует думать, как себя вести там, где он находится . На море надо быть деятельным, проворным и смелым <...>. Хорошо

[1] См. исследование Акселя Э. Кристенсена, целиком посвященное этому вопросу: *Christensen, Aksel E.* Vikingetidens Danmark: Paa oldhistorisk baggrund. København: Gyldendal, 1969.

разберись во всех законах, но если хочешь быть купцом[1], освой Бьяркейяретт[2]. Если ты знаешь законы, не иди на мошенничество, когда собираешься выдвигать обвинения против тебе подобных. Тогда ты вы во всех случаях сможешь ответить по закону.

Невозможно было бы лучше сказать, что коммерция подчинялась строгим законам, и не видно, где эти законы могли бы вводить, исправлять, упорядочивать, кроме как на тинге, потому что другого юридического органа мы не знаем.

Вот почему я разовью многие из уже затронутых тем, поговорив о «городах».

ГОРОДА

Мы знаем, что в средние века Север не знал настоящих «городов». Похоже, поначалу можно было говорить только о центрах сбора, чаще всего сезонных, где собирались ремесленники, купцы и администраторы — я уже предложил слово «фактория», потому что население почти повсюду было разрозненным. И в этом качестве они едва ли могли появиться раньше 800 г., когда, получив импульс из Фризии, торговля в Северной Европе пережила настоящий подъем. Вместо того чтобы говорить «города», несомненно лучше было бы говорить «центры торговли». Главные из них, которые мы сейчас рассмотрим, возникли не раньше IX в.

Конечно, Хельг на озере Меларен, хорошо защищенный со стороны Балтики, мог существовать с V в. Сегодня это Лиллн в приходе Экер; когда-то это был остров (отсюда Lillön — «островок»), теперь он соединен с сушей. Может быть, о нем забыли, когда появилась Бирка. Во всяком случае, там обнаружили несколько длинных, прямоугольных в плане домов, которые нам хорошо знакомы; археологи[3] установили, что Хельг имел контакты с германцами, славянами, балтами, финнами, Великобританией и даже Средиземноморьем. Там нашли маленького бронзового Будду и ракушки из Индийского океана, которые едва ли могли достичь этого места иначе, чем

[1] Не забудем, что этот текст XIII в. проводит различие между купцом, дружинником (hirðsmaðr) и человеком короля (konungsmaðr), которое, по всей вероятности, тремя-четырьмя веками раньше не имело смысла.

[2] Право людей Бирки, право людей моря, см. выше, с. 158.

[3] *Excavations at Helgö. I, Report for 1954–1956*. Editor Wilhelm Holmqvist in collaboration with Birgit Arrhenius, Per Lundström. Stockholm: Vitterhets historie och antikvitets akademien, 1964, или: *Holmqvist, Wilhelm; Granath, Karl-Erik* (foto). Helgö: den gåtfulla ön. Stockholm: Rabén & Sjögren, 1969.

традиционными маршрутами русов. Эта фактория имела порт — как и все фактории, которые мы упомянем, — со временем затянувшийся илом. Возможно, это стало причиной ее упадка. Удалось установить, что торговая активность процветала здесь еще до эпохи викингов. Следует отметить, что город утратил свой блеск в то же время, что и шведское поселение в Латвии — Гробиня!

Итак, на смену Хельг пришла Бирка, упомянутая Римбертом в «Житии Ансгария» в конце IX в. и Адамом Бременским около 1070 г.[1] Римберт уточняет, что в этих местах часто можно было видеть две категории людей: местных жителей (populi) и купцов (negotiatores). Бьрк — совсем маленький островок, восхитительно расположенный на озере Меларен, всего в пятнадцати километрах от Хельг, и на соединяющей их прямой намного позже был основан Стокгольм. В состав местонахождения входили, на севере острова, укрепленный город, близкий к порту и окруженный стеной, которая считалась неприступной, крепость, которой командовал комендант, назначаемый королем, и тинг. В отдалении расположено несколько могильников, в том числе один огромный по местным меркам. Но особенно ценили этот город за его порт, живший только торговлей — с государством Каролингов, судя по результатам раскопок, и прежде всего, разумеется, со славянами, арабами и Византией. В захоронениях нашли арабские, франкские, английские и византийские монеты. Должно быть, город процветал приблизительно с 800 по 950 гг., после чего мореплавателей стали больше интересовать Сигтуна или Готланд. Этот постепенный упадок происходил, по-видимому, не в результате внешнего насилия, если учесть, что отдельные нападения не повлекли последствий (в том числе нападение в 853 г. шведского короля Анунда при поддержке датского флота). Конец Бирки почти точно совпал со сменой общей направленности викингского феномена, и это подтверждает, что «Periodisierung», которую я принял, правильна.

Раскопки могильников Бирки принесли красноречивые результаты, которые очень хорошо подытоживают наши утверждения. Там нашли

[1] *Vita Anskarii auctore Rimberto* = Accedit vita Rimberti; rec. Georg Waitz. Hannoverae: Hahn, 1884. [Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum ex monumentis Germaniae historicis separatim editi: Reihe 2; 2.] Английский перевод: *Rimbert*. Anskar: the apostle of the North. 801–865 / translated by Charles H. Robinson. London: The Society for the propagation of the gospel in foreign parts, 1921. — *Adamus Bremensis*. Adami (Bremensis) Gesta Hammaburgensis Ecclesiae pontificum ex rec. Johann Martin Lappenbergii. Hannoverae: Hahn, 1946. I. P. 60 — О Бирке: *Arbman, Holger*. Birka: Sveriges äldsta handelsstad. Stockholm: Thule, 1939.

стеклянную и керамическую посуду с Рейна; фризское сукно, очень ценившееся, как известно, в те времена; шелк и парчу из Византии, отдельные образцы даже из Китая (вспомним, что некоторые варианты аустрвега, Восточного пути, отчасти совпадали с большими дорогами восточных караванов); кожаные пояса, отделанные металлическими пластинками, как установлено — персидского происхождения; хрустальные шашки (тавлеи), какие изготавливали на Ближнем Востоке; аметистовое кольцо явно арабской работы; а что касается предметов скандинавского происхождения, янтаря, в самородках или обработанного, моржовых бивней, которые очень ценились, рогов северных оленей и других оленевых, мехов медведя, бобра, куницы, черно-бурой лисы, выдры и т. д., то здесь представлено почти все, за исключением рабов, что привозили викинги. Можно опять же убедиться, что здесь нет ничего ни тяжелого, ни громоздкого и никаких дешевых товаров.

Конечно, могут сказать, что это лишь шведский сектор деятельности викингов, если только не подходить ко всем их делам с позиций откровенного панскандинавизма. Но и в Хедебю, в Дании, ситуация ничем не отличалась.

Ведь Хедебю, бывший Хайтабу[1], который в некоторых текстах называют также Слисторп или Слиасвик (обратите внимание на -вик!), поскольку он стоял на заливе Шлей в Ютландии, напротив современного города Шлезвиг, — место, которое несомненно чаще всех упоминали современники викингов, и оно было им лучше всех известно. Черты сходства с Биркой поразительны, разве что размеры явно больше — того же полукруглого вала, открывающегося к порту, того же форта или крепости внутри. Заслуживает внимания более подробное описание, которое предложил Т. Рамскоу[2]:

> Город был разделен на разные кварталы в зависимости от ремесла, которым занимались их жители. Одну из этих групп домов населяли по преимуществу гребенщики, в другой жили сапожники, в третьей — те, кто производил бронзовые изделия, судя по многочисленным литейным формам, найденным на этом месте. Изучение этих форм позволяет заключить, что значительная часть украшений, обнаруженных в Швеции, как и в Норвегии, была сделана в Хедебю, где, однако, не найдено ни одного украшения, предназначенного для экспорта.

[1] По-прежнему базовым трудом остается издание: *Jankuhn, Herbert*. Haithabu: Ein Handelsplatz der Wikingerzeit. 4., erg. Aufl. Neumünster: Wachholtz, 1963.

[2] *Ramskou, Thorkild*. Vikingetiden: skibet, sværdet og vægten. København: Vendelkær, 1965. P. 84.

Хедебю, конечно, мог функционировать с 800 г., согласно Г. Янкуну, благодаря торговле между фризским побережьем и Балтикой. Его описания оставили многие нескандинавские путешественники, прежде всего хронист Этельверд (X в.), а потом Адам Бременский (Gesta Hammaburgensis I, 57). Особенно интересно записанное ок. 950 г. свидетельство араба Ал-Тартуши. Он отметил, что это место было очень населенным и поддерживало торговые связи со всей Европой, прежде всего благодаря деятельности ремесленников, очень известных. Но послушаем его:

> В городе есть колодцы с пресной водой. Его обитатели — поклонники Сириуса, кроме небольшого числа, которые являются христианами и имеют там церковь. Они справляют некое празднество, на которое все собираются, чтобы почтить бога и вдоволь поесть и попьянствовать. Тот, кто закалывает жертвенное животное, сооружает у дверей своего жилища столбы и укладывает на них жертвенное животное, будь то бык, или баран, или козел, или свинья, чтобы люди ведали, что он это жертвует в честь своего бога. Город беден добром и жизненными благами. Основное пропитание его жителей составляет рыба, потому что она здесь в изобилии. Если у кого-нибудь из них рождаются дети, то он бросает их в море, чтобы уберечь себя от расходов. Далее рассказывает он, что право развода у них принадлежит женам: женщина разводится, если она этого пожелает. Также имеются у них искусно изготовленные притирания; если они их применяют, то красота никогда не убывает у них, как у женщин, так и у мужчин. Также сказал он: никогда не слышал я пения более отвратительного, нежели пение шлезвигцев, и то рычание, что исходит из их гортаней, подобно лаю собак[1].

Читатель может обнаружить в этой цитате подтверждение целого ряда зявлений, которые делались в данной книге с самого начала.

Хедебю, несомненно, был первым городом на Севере, начавшим чеканить монету: там найдены полубрактеаты[2], относящиеся к последним временам существования этого города. Он был сожжен около 1050 г. — похоже, Харальдом Суровым, а потом, в 1066 г.,

[1] Цит. по: *Славяне и скандинавы.* / Пер. с немецкого. Общ. ред. Е. А. Мельниковой. М.: Прогресс, 1986. С. 74–75.

[2] Брактеаты — монеты, отчеканенные с одной стороны тонкого листа металла, так что изображение получается выпуклым на аверсе и вогнутым на реверсе. Север обладает богатым собранием брактеатов, многие из которых украшены более или менее загадочными рисунками и краткими руническими надписями. Их великолепные изображения см.: *Anker, Peter; Andersson, Aron.* L'art scandinave. 1 / trad. de l'anglais par Dom Norbert Vaillant. La Pierre-qui-Vire, Yonne: Zodiaque, 1969. Вкладки 1–9.

разграблен вендами. Во всяком случае, он пришел в упадок. Но он все равно представляет для нас объект первостепенного интереса: его следует считать типичным виком (wik), сильно зависимым от внешней торговли, а его угасание в точности совпадает по времени с иссяканием арабских источников серебра, что подтверждает точку зрения, которую мы отстаиваем с начала книги. Его богатство не было безвозвратно утрачено — оно досталось Шлезвигу, стоявшему напротив. В различии и, следовательно, в связи между обоими этими населенными пунктами разобраться трудно. Вот почему Г. Янкун полагал, что Хедебю и Шлезвиг — просто два разных названия, одно датское, а другое принятое у континентальных германцев, одного и того же места, что подтверждается и записью Этельварда: этот город «саксы называют Слесвик, а датчане — Хайтабу». Я бы охотно поддержал этот тезис, он предоставляет мне весомый аргумент. Специалисты по скандинавской топонимике дружно утверждают, что очень многочисленные поселения, названия которых кончаются на -by, — в некотором роде фирменный знак эпохи викингов, и один из доводов в пользу этого — многочисленность географических названий, заканчивающихся, на -by, которые обязаны своим существованием скандинавам, в Англии. Приравнивание -by (haitha значит «ланды») и -wic (sle значит «река») хорошо соответствует направленности данной книги. Можно только удивиться точности, с какой упадок Хедебю, который как Охтхере, так и Вульфстан описывали как один из центров скандинавской торговли (см. выше, с. 111), совпал с концом эпохи викингов.

Швеция (Хельг, Бирка), Дания (Хедебю): остается Норвегия, в которой тоже имелся важный центр, хоть и менее известный — Скирингссаль (в написании короля Альфреда Уэссекского Sciringes healh), который располагался в Вестфолле, на берегу Осло-фьорда, и который по названию хутора, находящегося там сейчас, именуют Каупанг. Этот населенный пункт был меньше Бирки (наполовину) и Хедебю (втрое), но это был типичный вик, с портом (без окружного вала) и двумя могильниками за пределами поселения. Он обеспечивал местную и внешнюю торговлю, как показывают результаты раскопок, и в нем активно трудились ремесленники. Это там, и, похоже, лучше, чем где-либо в другом месте, можно обнаружить фермеров-купцов, которые при надобности были воинами, — точное определение бонда, а следовательно, и викинга. В общем, это был образец местных рынков, развивавших международные связи, каких в Скандинавии с IX по XI в. должно было встречаться много.

Мы не исчерпали список этих городов-факторий, служивших базами для всякого истинного викинга. Но для того, чтобы осветить эту тему, хватит и четырех упомянутых. Для полноты сюжета надо бы добавить центры на Готланде: Висбю, который очень разбогатеет в ганзейскую эпоху, пока такой значительностью не обладал. На Готланде в середине X в. особенно процветал Вестергарн. Готланд, хоть и был естественным этапом на Восточном пути, но в эпоху викингов, между далеким прошлым, бесспорно славным, и не менее славным близким будущим переживал некоторый упадок. Правда, этот вопрос по-прежнему изучен плохо: обилие сокровищ, найденных на острове, наводит на мысль, что он мог играть более важную роль, чем позволяют утверждать наши знания.

Обязаны викингам рождением или испытали подъем благодаря им такие места, как Сигтуна, Скара, Лунд и Сдертелье в современной Швеции, Рибе, Орхус, Виборг, Ольборг, Рингстед и особенно Роскилле в Дании, Осло, Берген и Тронхейм в Норвегии — в общем, почти вся городская инфраструктура Скандинавии.

Не надо забывать и о зарубежных странах, где викинги основали фактории, ставшие впоследствии важными городами, или способствовали значительному росту населенных пунктов, существовавших до них. Перечисление этих мест — ведь большинство последующих названий уже в разной связи появлялось на этих страницах — достаточно красноречиво, чтобы не требовать комментариев.

В Ирландии все главные порты: Корк, Лимерик, Уотерфорд, Уэксфорд — были основаны викингами и быстро стали международными рынками. Дублин, существовавший на окраине западного мира до них, обязан им богатством. Там скандинавы с 955 г. чеканили монету. Я несколько раз отмечал, с одной стороны, что оперативную базу викингов можно поместить — очень приблизительно — между 55-й и 60-й параллелями, с другой стороны — что для всего феномена характерна поразительная симметрия (ось которой проходит по полуострову Ютландия). Пока не начались вылазки на запад, восток и юг, викингская зона, главная область их промысла, заканчивалась в Новгороде и в Дублине. И поскольку я убежден, что эта деятельность, как в том, так и в другом направлении, происходила задолго до 800 г., что викинги вышли на авансцену истории только благодаря достаточно неординарному стечению обстоятельств, я считаю, что надо бы углубленно исследовать как ирландский, так и русский «фронт», чтобы наконец дать правильную оценку всему феномену и покончить с клише, связанными с ним.

Для совокупности Англия-Нормандия только что высказанные соображения относятся также к Йорку, Стамфорду, Ноттингему, Линкольну, Дерби, Лестеру, а также Руану, не говоря уже о неприступном Квентовике.

Не менее интересна балто-славянская область (не считая Руси). Мы упоминали Трусо близ Гданьска, Апуоле в Литве (у Римберта — Апулия), Гробиню в Латвии (Зеебург для Римберта; мы недавно говорили, что она исчезла в период между 800 и 850 гг.), Воллин близ современного Щецина, он же, возможно, Юмне Адама Бременского или Йомсборг из саги; существование всех этих викингских поселений, постоянных или временных, свидетельствует, что все балтийское побережье, «пригодное для использования», тоже было знакомо викингам.

Повторим, что и на Руси Старая Ладога, Новгород, Киев, Изборск, Белоозеро, Чернигов, Ростов, Смоленск без væringjar наверняка не были бы тем, чем стали, пусть даже раскопки — например, в Старой Ладоге или в Гнздове — выявляют не скандинавское, а славянское доминирование. Мы уже обращались к этому аргументу: нигде (кроме как в Исландии, разумеется, которая была безлюдна) не могло быть и речи о «завоеваниях» или осадах.

Я не мог бы лучше завершить эти соображения, чем привести перевод одного любопытного исландского документа, датируемого 1387 г. в той версии, какой располагаем мы (ÁM 194, 8°), но явно возникшего раньше, хотя его автор был, по всей очевидности, христианином, и волновали его прежде всего паломничества[1]. Он перечисляет «пути» (leiðir), которыми могли часто ходить его современники. В начале упоминается только Исландия, но дальнейшее показывает, насколько прямым потомкам последних викингов были еще знакомы главные европейские маршруты. Такое знание было безусловно характерно не для воинов, а для купцов, имевших представление, куда и как направляться, чтобы сбыть товар:

> Из Норвегии от Стада (Стадсбюгд) четыре дня плавания до Фарерских островов, а оттуда три дня до Исландии, до Хорна в восточной четверти, один день плавания от Хорна до мыса Хьрлейва, еще один до Рейкьянеса, третий — до Барда, четвертый — до Западного

[1] Приведено в издании: *Alfræði íslenzk*: islandsk encyklopædisk litteratur. 1, Cod. mbr. AM. 194, 8vo. Udgivet ved Kr. Kålund. København: Møllers bogtr., 1908. P. 44–45.

Хорна, пятый — до Скаги, шестой — до Длинного мыса, седьмой — до Хорна[1].

Как считается, Исландию из конца в конец можно проехать за 20 дней летом и за четыре дня — поперек.

Семь дней плавания отделяют Исландию от середины Норвегии[2] (юго-западное побережье Норвегии), а из Норвегии сушей ездят на восток в Гаутланд и далее в Швецию, а оттуда в Данию — в Сконе.

Эйрарсунд отделяет Сконе от Зеланда, а Бельт (Большой Бельт) — Зеланд от Фюна, а Медальфарар-сунд (Малый Бельт) — Фюн от Ютландии.

Из Ютландии сушей ездят в Саксланд (Германия) и Фракланд (Франция), в Лангбардаланд (Ломбардия) до Ромаборга (Рим).

Из Саксланда сушей ездят в Унгараланд (Венгрия), а оттуда можно ехать и в Гарды на восток, и в Грикланд вплоть до Миклагарда, и дальше до Иерусалима.

Ромаборг называется Римом, а Миклагард — Константинополем, а Йорсалаборг — Иерусалимом[3].

ПРАВО

Итак, первая функция тинга, помимо всех прочих видов деятельности, которые предполагало его проведение, состояла в том, чтобы «говорить закон». Само собой, разумеется, — согласно всеобщей старинной заповеди, выраженной по-латыни в хорошо известной формуле «*ubi societas, ibi jus*» [где общество, там право (*лат.*)], но также, конечно, потому, что скандинавы — и, несомненно, германцы вообще — придавали этому понятию особое значение, возможно, большее, чем остальные (индо)европейские культуры, кроме латинской. К этому вопросу нельзя подступиться, не поставив одну проблему: авторы недавних исследований[4] стремятся доказать, что многие скандинавские кодексы законов, унаследованные от эпохи ви-

[1] Восточного, то есть если обогнуть остров.

[2] Til Nóregs miðs, то есть, вероятно, от Бергена.

[3] Цит. по: Древнескандинавские итинерарии в Рим, Константинополь и Святую землю. / Пер. Е. А. Мельниковой // *Древнейшие государства Восточной Европы. 1999 г. Восточная и Северная Европа в средневековье*. М.: Восточная литература, 2001. С. 425–426.

[4] Например, Михаэль Якоби: *Jacoby, Michael.* Germanisches Recht und Rechtssprache zwischen Mittelalter und Neuzeit unter besonderer Berücksichtigung des skandinavischen Rechts: Gegenthese zu J. Grimm und zu romantischer Auffassung im 20. Jahrhundert. New York; Berne; Frankfurt am Main: Lang, 1986. [Jacoby, Michael. Lexemdistribution und Lexemverhalten in Textsorten und Dialekten innerhalb historischer Sprachstufen; 1.]

кингов или изданные немногим позже, в своих формулировках удивительно напоминают латинские или библейские образцы. Конечно, не следует отвергать эти аргументы с порога — серьезные сомнения в «специфике» Севера высказывались за последние десятилетия не раз. Тем не менее проявлению этого менталитета в правовой сфере присуще нечто, от этого менталитета неотъемлемое, и этот вопрос надо постараться по возможности раскрыть.

Прежде всего, сакральное существовало; точнее, священным было право. Это легко сказать, но такое утверждение требует доказательства. Я буду его доказывать методом последовательных приближений, исходя из другого понятия, еще более священного, чем право, потому что право существовало и осуществлялось во имя него, — из понятия семьи. Дальше мы увидим, что трудно выяснить, началась ли древняя скандинавская религия с культа предков или с почитания великих сил природы. Очень похоже, что истине соответствует первый вариант.

Скандинавы считали высшей из основных ценностей, стоящей выше любого индивидуализированного или антропоморфизированного божества, Судьбу[1], у которой было бесчисленное множество лиц. Эта судьба выражалась для каждого индивида в форме удачи, которая ему дана (существительное gæfa или gifta от глагола gefa, давать, имеющее смысл «судьба») и представляет собой его честь — некоторым образом священный вклад, благодаря которому он знает, что Высшие силы проявили к нему интерес с рождения, — и которую он должен принять, опознать, какую бы окраску в его глазах она ни приняла, и смириться с ней. Но это упрощенческий подход. На самом деле индивид существовал только как функция своей семьи или клана, и его gæfa входила составной частью в более широкие, а также более глубинные перспективы всей его семьи. Они имели название — хамингья (hamingja), что означало также успешность, удачу, которая присуща человеку и проявляется в его действиях (máttr ok megin, как написано в текстах, причем то и другое — отглагольные существительные от глагола mega, немецкое mögen, английское may); она принадлежала всей семье и могла передаваться из поколения в поколение. Наглядная иллюстрация содержится в одной исландской саге XIII в. — «Саге о Глуме Убийце». После того как глава семейного

[1] Я самым подробным образом развивал эту мысль во многих произведениях. В частности, в издании: *L'Edda poétique*. Op. cit., в открывающем книгу очерке о «Сакральном у древних скандинавов», или во вступлении к «Саге о вождях из Озерной Долины»: *La Saga des chefs du Val au Lac* / traduite de l'islandais, présentée et annotée par Régis Boyer. Paris: Payot, 1980.

клана умер в Норвегии, хамингья этого клана в облике гигантской женщины является во сне назначенному наследнику этого главы, живущему в Исландии; тот понимает, что таким образом произошла передача полномочий и, значит, его дед в Норвегии только что умер, что подтвердится с приходом из Норвегии ближайшего корабля. Иными словами, понятие, которое выглядит абсолютно священным для древних скандинавов — Судьба, — изначально имело коллективную природу и, по всей вероятности, соотносилось с семьей или кланом.

А ведь боги, во-первых, были подвластны приговорам Судьбы, как и люди; во-вторых, они тоже воспринимались как группа, поскольку их название, имеющее много вариантов (guð, goð, höpt, bönd, regin, rögn), всегда было существительным во множественном числе. Один вымысел, несомненно позднейший, даже разделяет их на две «семьи», асов и ванов. Это не суть важно: первая посылка данного рассуждения заключается в том, что священная судьба в равной мере распространяется на богов и на людей как на сообщества, пусть даже потом нам придется вновь спуститься на индивидуальный уровень.

Вторая посылка следует из очевидной констатации: не все Высшие силы были «добрыми», были и «злые». Я здесь ставлю слова «добрые» и «злые» в кавычки, потому что коннотации, которые имеют эти слова для нас, неприменимы, как известно, в древнесеверной этике. Несомненно, лучше говорить о порядке и беспорядке, о хаосе и организации — понятиях, соответствующих менталитету тогдашних людей и отраженных во многих мифах или в категориях сверхъестественных существ: великаны были виновниками беспорядка или воплощениями хаоса, асы-ваны — силами жизни (в этом, конечно, состоит смысл слова áss, имеющего санскритскую основу asu) и упорядочения.

А ведь существует воистину основополагающий миф, чрезвычайно важный здесь, если принять теории Мирчи Элиаде. Он посвящен антагонизму Тюра и Фенрира. Если последний, волк, олицетворял силы беспорядка, то Тюр, архаическое божество, имя которого означает просто-напросто «бог» (общегерманское *tiuaz, греческое ζεύς, санскритское dyauh, латинское deus, кельтское dí, наше слово dieu), представлял Силы порядка, нормального хода вещей во всем мире. Очевидно, что оба этих сверхъестественных существа были в корне враждебны друг другу. Их конфликт, по рассказу Снорри Стурлусона, разрешился так, как сообщает миф — столь важный, что я приведу его целиком:

> Волка [Фенрира] взрастили асы у себя, и лишь Тюр отваживался кормить его. И когда боги увидели, как быстро он рос со дня на

день, — все же пророчества говорили, что рожден он им на погибель, — решили они изготовить крепчайшую цепь. И прозвали ее Лединтом и принесли к волку и подбили его испытать тою цепью свою силу. А волку подумалось, что он ее осилит, и он дал надеть ее на себя. И лишь уперся волк, сразу же лопнула цепь, и так избавился он от Лединга.

Тогда асы изготовили вторую, а потом третью цепь, причем последняя имела магические свойства и называлась Глейпнир.

Путы были гладки и мягки, как шелковая лента, а насколько прочны они были, это ты сейчас услышишь. <...> Асы показали ему [Волку] эту шелковую ленту и подбивали, чтобы он ее разорвал, и говорили, что-де крепче она, чем можно судить по ее толщине, и передавали ее друг другу, и испытывали силою своих рук, но она не рвалась. «Но, — говорили они, — Волк ее все ж таки порвет». Тогда отвечает Волк: «Как погляжу я на эту ленточку, не стяжать мне через нее славы, хоть бы и разорвал я ее на куски. Если же есть в ней секрет или хитрость, хоть и кажется лента маленькой, не бывать ей на моих ногах!». Тогда асы сказали, что ему легко разорвать столь тонкую шелковую ленточку, если прежде он поломал толстую железную цепь. «А если не удастся тебе порвать эту ленту, то уж и богов ты не напугаешь, и мы тебя тогда отпустим». Волк отвечает: «Если вы свяжете меня так, что мне не вырваться, то поздно мне будет ждать от вас пощады. Не по душе мне, чтобы вы надевали на меня эти путы. И, чем обвинять меня в трусости, пусть лучше один из вас вложит мне в пасть свою руку в залог того, что все будет без обмана».

Тогда переглянулись асы и подумали, что вот прибавилось им заботы: никому не хотелось лишаться руки. И лишь Тюр наконец протянул правую руку и вложил ее Волку в пасть. И когда Волк уперся лапами, путы стали лишь крепче, и чем больше он рвался, тем сильнее они врезались в его тело. Тогда все засмеялись, кроме Тюра: он ведь поплатился рукою («Младшая Эдда». «Видение Гюльви»)[1].

Понятно: равновесие в мире проистекает из договора между силами жизни и силами беспорядка. И этот договор скреплен священным залогом — правой рукой Тюра[2]. Договор, залог — чисто юридические термины. Мы понимаем, что боги («бог») — гаранты права.

[1] *Младшая Эдда*. Цит. соч. С. 31–33.

[2] Я не обсуждаю здесь того факта, что вся эта операция была изначально построена на обмане, Тюр очень хорошо знал, что путы магические и что он, следовательно, лжет. См.: Boyer, Régis. La dextre de Týr // *Mythe et politique*: actes du Colloque de Liège, 14–16 septembre 1989. Organisé par le Centre de recherches mythologiques de l'Université de Paris X et le Centre d'histoire des religions de l'Université de Liège; études rassemblées par François Jouan et André Motte. Liège: Bibliothèque de la Faculté de philosophie et lettres de l'Université de Liège, 1990. P. 33–43.

Из этого мифа, чрезвычайно содержательного, можно было бы сделать бесчисленные выводы. Предложим три: из этого сюжета следует, что право было сознанием причастности к сакральному, потому что символ права — десница (правая рука) Бога. Во-вторых, что в основе этого права лежали коллективный договор или коллективное соглашение (как минимум — коллективное поведение). Отдал в залог правую руку, конечно, только один Тюр, но ведь в сцене, результатом которой стал этот решающий поступок, участвовали все боги, и ради них (ради нас) он совершил жест, сделавший его героем из героев. Впоследствии так же повел себя тот, кого по праву считают ипостасью Тюра, — Сигурд (Зигфрид) Фафнисбани (убийца дракона Фафнира): он принес побратимскую клятву, которая *ipso facto* обязывала его королевский клан; он сохранил ей верность до смерти. Третий вывод возвращает нас в общество людей: право на правосудие имел каждый индивид, которого сообщество признавало причастным к сакральному, то есть любой свободный человек, принадлежавший к данной семье — а также, добавляли кодексы законов, имевший законное жилище, чтобы при необходимости вызов на суд, сделанный на тинге, можно было направить по месту жительства.

Теперь назовем другое важнейшее следствие: всякое нарушение закона было посягательством на сакральный характер обиженного индивида, а значит, на его семью, без которой он не существовал (если только это был не einhleypingr, «человек, идущий в полном одиночестве»), а значит, на сообщество, к которому он принадлежал. Такое посягательство или, по терминологии наших текстов, ущерб («брешь», skarð), следовало компенсировать — ведь смертная казнь применялась только в самых крайних случаях (óbótamál)[1], потому что исчезновение обидчика ничего не решало. Убрав того, кто осквернил святыню, ее тем самым не «очищали» — для ее реставрации требовалось восстановить нарушенную связь, чего путем удаления, естественно, достичь было нельзя. Тут виден врожденный прагматизм скандинавов. В языке было очень ясное понятие — mannbœtr, компенсация за человека, то, что мы по-немецки называем вергельдом, и ее сумму законы ставили в жесткую зависимость от тяжести оскорбления.

То же исследование можно было провести по-другому — исходя из понятия helgi, одного из двух слов, означающих священное, святость, присущую кому-либо или чему-либо (человеку — mannhelgi, культовому месту — hofshelgi, тингу — þingshelgi и т. д.). Памятуя сказанное на предыдущих страницах, мы не увидимся, обнаружив

[1] Описанных на с. 293.

этимологические связи этого слова с heill — удачей, счастьем (чем-то вроде божественной избранности, если логически продолжить приведенные здесь соображения). Словом «heilagr» (которое впоследствии стало значить «святой»: немецкое heilig, английское holy, шведское helig) называли вс, что тем или иным образом могло притязать на принадлежность к сверхъестественному, выходящему за пределы наших категорий по определению, или, что то же самое, на принадлежность к распорядку жизни, для которого мы всего лишь временные поверенные и исполнители. Цепь полномочий Судьбы, судьбы семьи или клана, судьбы индивида, принадлежащего к этой семье, нельзя было рвать — это было в буквальном смысле святотатством.

Это настолько верно, что, хоть смертная казнь была неизвестна, но санкции, применявшиеся помимо компенсации или в дополнение к ней, достаточно показательны. В общих чертах они сводились к двум категориям: высылке, обычно на три года (fjörbaugsgarðr), и окончательному изгнанию, или skóggangr (которое, как показывает само слово, предполагало, что осужденный будет низведен до положения лесного человека, skógr = лес), представлявшему собой полное и окончательное удаление из общества: осужденного (skógarmaðr) нельзя было ни приютить, ни покормить, ни подвезти под страхом тяжелых кар. Он утрачивал свою helgi, священную неприкосновенность, это был уже не человек, а «волк» (vargr) — настолько сильным было ощущение, что принадлежать к какому-то сообществу, прежде всего семейному, абсолютно необходимо. Крайними были óbótamál — случаи, когда не могло быть речи даже о возможной компенсации: тот, кто совершал такое преступление, больше не заслуживал имени человека, он напрочь и необратимо отсекался от сакрального, исключался (будем осторожны с возвратным глаголом) из сообщества. Это были те, кто совершил изнасилование, постыдное убийство (например, убил человека, лежащего на земле или спящего в собственной постели; это называлось юридическим термином morð, в отличие от víg, «нормального» убийства, если можно так выразиться) или, в бедных странах, вроде рассматриваемых нами, грабеж. Таких людей забрасывали камнями, бросали в болото и т. д. Схожая реакция, но реже, проявлялась по отношению к людям, поступившим так, что за ними не могли признать fullréttr, полноправия.

Я настаиваю — поскольку непонимание этого может ввести нас в заблуждение, когда мы читаем исландскую сагу, — на том, что в правовой сфере семья или клан представляли собой по-настоящему компактное, монолитное целое. «Брешь», о которой я только что

говорил, ощущалась как таковая не индивидом, который был обижен, а всем его кланом. Следовательно, компенсация ущерба должна была произойти — брешь следовало заделать — за счет виновного или кого угодно из членов его семьи, невзирая на личность. Опять-таки: я существую только постольку, поскольку принадлежу к своей семье. Такой подход иногда порождал цепную реакцию мести, когда мстили не самому обидчику, как в «Саге о Ньяле», где после того, как А оскорбил Б, Б чужими руками убивает слугу А, который в свою очередь провоцирует убийство управляющего хозяйством Б и так далее. Прочтите такой текст, хоть и позднейший (конец XIII в.), из норвежского свода законов:

> В этой стране с давних времен существует дурной обычай: когда человека убивают, его родня нападает на любого из родичей убийцы, на кого ей удобней, — даже если убийство совершилось без ведома последнего или вопреки его воле и он не принимал в нем участия, — и не мстит убийце, даже когда это легко было бы сделать.

С другой стороны, мы понимаем, почему компенсации должны были выплачиваться не только обиженному, но и определенному числу его родичей — количество и степень родства которых тщательно оговаривают такие тексты, как «Vígslóði» или «Baugatal». Ясно, что скандинав считал так: мы (моя семья) существуем, значит, я есмь.

Теперь становится понятным значение и точный смысл понятия réttr — право, закон. Скажем так: понятия права на определенное отношение со стороны себе подобных, права, каким данный индивид обладал от природы или вследствие избрания, и легитимности его притязаний на некую форму возмещения ущерба, нанесенного его чести, то есть очень сильному чувству сопричастности, через посредство семьи или клана, к святости, к священному порядку, учрежденному и гарантируемому Высшими силами. Это и называлось fullréttr, полное право, в отличие от hálfréttr («половинного права»), которым означенный индивид обладал только в случаях, когда его совесть была в буквальном смысле нечиста! Этим же мы объясняем и месть — так сказать, естественный термин в диалектическом соотношении судьбы и чести, которую мы рассмотрели выше. Месть была не священным долгом, и незачем впустую рассуждать на эту тему — это ничего не даст по причине, которая разумеется сама собой. Это было священное право, порожденное очень сильным ощущением, что святотатство терпеть невозможно.

Священное право, право сообщества, право, так сказать, обращаемое в монету. Оно и было фундаментом и душой тинга (þing).

Как после этого удивляться, что латинская надпись, которую на Адриановом валу вырезали фризские когорты, была посвящена Марсу þincsus'у — ведь Марс был латинским аналогом Тюра!

Мы знаем о тинге достаточно, чтобы понять, почему древнейшие из наших письменных скандинавских источников — тексты законов, я не исключаю и рунические надписи, значительная часть которых представляет собой юридические документы. Этими кодексами мы располагаем по преимуществу в поздних редакциях (самое раннее — XII в.), но настолько очевидно, что они основаны на более ранних традициях, несомненно устных (напомним, что главной функцией исландского законоговорителя было «говорить закон»), что их древность не вызывает сомнений, по крайней мере принципиальных. Не знаю, следует ли их происхождение связывать с земельным и аграрным правом (бондалаг) или, во что я верю охотней, с морским и торговым (Бьяркейярретт), и спорить об этом кажется мне напрасным. Мне достаточно констатации, что в начале был закон. Это хорошо видно по Исландии, где, стоило возникнуть общине колонистов, первой заботой ее руководителей стало обзавестись законами, и они отправили своего представителя Ульвльота в страну своего происхождения, Норвегию, чтобы он собрал материалы и привез обратно свод законов. Заметить зарождение коллективной организации в какой-то провинции, ланде, фюльке можно по появлению там тинга, издающего законы: Фростатинга (Frostaþingslög, то есть законы тинга Фрости, возможно, учрежденного в X в. Хаконом Добрым), Гулатинга (Gulaþingslög, якобы обязанные своим появлением Харальду Суровому в ту же эпоху), Эйдсиватинга (Eiðsivaþingslög) и т. д. в Норвегии. В Швеции это Вестгталаг, Гуталаг и т. д. — напомним, что из этой страны происходит и Бьяркейярретт, упомянутый выше. В Дании — Jydske Lov [Ютландское право] (Ютландия), Sjællandske Lov [Зеландское право], Сконелаг и т. д.

Теперь перейдем к самому тингу как институту.

Место для него старательно выбирали. Похоже, первоначально он располагался рядом с местом отправления культа, ве или хргом (последнее слово, вероятно, применялось к «высокому месту», возвышенности). Тинг мог иметь или не иметь ограду, должен был располагать ровной площадкой для проведения ярмарки, о которой мы уже говорили, пригорком, естественным или искусственным, для оратора или ораторов, и специальными местами, скамьями или чем-то

другим, где бы заседали суды[1]. Не исключено, что для демонстрации святости этого места (þingshelgi) тоже что-нибудь предусматривалось, как возможно, что особо важным моментам собрания предшествовали ритуальные церемонии. Некоторые тексты упоминают «холм тинга», þingbrekka, где принимались официальные решения, и «сага о современности», «Сага о Торгильсе и Хавлиди», согласуясь в этом с одной из саг об исландцах — «Саге об Эгиле, сыне Грима Лысого», придает месту, где находился суд, священный характер — так было здесь, в Норвегии, согласно последнему тексту:

> Местом суда было ровное поле, окруженное вехами из орешника. Между вехами была протянута веревка. Она называлась границей суда [у Р. Б.: vébönd (узами святилища)]. А в кругу сидели судьи: двенадцать из фюлька Фирдир, двенадцать из фюлька Согн и двенадцать из фюлька Хрдаланд. Эти судьи разбирали тяжбы (глава 56)[2].

Итак, тинг был собранием всех свободных людей, судивших и принимавших решения с единодушного согласия. Я уже говорил, что незачем торопиться с выводом о существовании там, выводом иногда анахроничным, некоего демократического или республиканского менталитета, даже в Исландии, где никогда не было херсиров, ярлов или королей. Эти свободные люди были бондами, в основном могучими бондами; очень интересный текст, «Сага об исландцах» Стурлы Тордарсона (входящая в состав «Саги о Стурлунгах»), показывает, что они умели найти общий язык, исходя из здравого учета семейных интересов, и что, вопреки видимости, тон задавало меньшинство (как мы говорили, олигархия). Тем не менее была вполне гарантирована свобода слова, хоть бы и неуместного. Возможно, единодушное согласие выражалось ударами одного оружия о другое. Я бы удивился, если бы какое-то правило запрещало являться на тинг с оружием. Заблуждение, если это заблуждение, несомненно порождено античными реминисценциями: слово «вапнатак» (vápnatak «взятие оружия») встречается в «Саге о Храфнкеле Годи Фрейра»

---

[1] «Камень Тора», на котором якобы ломали хребет тем, кто предназначался в жертву богам, надо считать выдумкой автора «Саги о Снорри Годи» [«Саги о людях с Песчаного Берега»], очевидно, христианского клирика, очень старательно воспроизводившего библейские описания: даже если человеческие жертвоприношения и не были неведомы древним скандинавам, то они происходили задолго (за тысячу лет!) до времени написания саги — то же самое, кстати, можно сказать и о его подробном описании «храма», на удивление похожего на наши постройки доримских времен. Напомним, что эта сага датируется XII в.

[2] Сага об Эгиле / Пер. С. С. Масловой-Лашанской // *Исландские саги*. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956.

но в смысле «завершение тинга» (момент, когда снова берут в руки оружие). Однако когда этот институт усвоили в Англии, слово «уэпентейк» (wapentake) приобрело значение «тинг».

Впрочем, со временем тинг претерпел заметные изменения. С годами тингов становилось вс больше, и между ними возникали иерархические отношения. Так, в Норвегии от тинга на каждый фюльк перешли к одному тингу на два фюлька, потом на четыре, потом на восемь (таким был Эйратинг), а Фростатинг в конечном счете стал уже тингом всего Трннелага. С другой стороны, вс наводит на мысль, что последовательность трех тингов: весеннего, или вартинга (várþing), готовившего главный тинг (по-исландски альтинг), июньский, решения которого в свою очередь сказывались на деятельности осеннего тинга, или лейда (leið, или leiðarþing), была придумана не в Исландии. Как бы то ни было, тинг вписался в структуру пирамидального типа — позже ее вершиной будет король, когда короли станут стремиться к абсолютной власти, — вполне сообразную с тем, что мы говорили об управлении.

Тем не менее общинный и сакральный характер, какой имел этот институт, даже после христианизации, не может вызывать сомнений. В юридической сфере это абсолютно ясно: решение о виновности или невиновности принималось с взаимного согласия. Как пишут П. Г. Фут и Д. М. Уилсон, «право было на стороне человека, если на его стороне было сообщество»[1]. В результате было абсолютно необходимым вызывать свидетелей на каждой стадии процесса и приносить присяги коллективного характера, как tylftareiðr, или клятва двенадцати, когда двенадцать соприсяжников, так сказать, ручались честью, что данный человек не солгал, давая клятву. Такое участие других людей, неизбежное на всех этапах, исключало всплески или эксцессы индивидуализма. Нигде, от коммерческой сферы до религиозной, включая правовую, викинг никогда не был одинок. Сегодняшнему человеку это трудно представить, но это бесспорно было так. И это во многом объясняет всю историю скандинавских стран вплоть до наших дней.

Перейдем к закону, который был, таким образом, жестко связан с тингом и продиктован не в меньшей, если не в большей мере опытом, чем абстрактными и возвышенными великими принципами и соответствовал тем представлениям о человеке, жизни и мире, какие были описаны в начале параграфа. Закон учреждался с коллективно-

[1] *Foote, Peter G.; Wilson, David Mackenzie.* The Viking achievement. Op. cit. P. 373.

го согласия — это одна из главных прерогатив свободных людей. Он создавался в устном виде, и вс наводит на мысль, что в этой форме он должен был сохраняться долго. Аллитерация в его формулировках, упрощающая их запоминание, как будто подтверждает эту теорию[1].

Надо особо подчеркнуть, сколь чрезвычайную важность придавали соблюдению буквы закона — проистекавшую, конечно, из изначально сакрального характера последнего. Исландские саги изобилуют примерами крайнего формализма, тщательного выбора формулировок: кто не умел правильно говорить, считался виновным, будь он даже невинен. Достаточно прочесть «Сагу о Ньяле», чтобы в этом убедиться. Из этого, само собой разумеется, следуют важное значение лагманов и выдающаяся роль законоговорителя в Исландии. Наконец, процесс был публичным, причем с начала до конца. Ему были неведомы секретные статьи, предвосхищение основания, мысленные оговорки и прочие риторические хитросплетения.

Что больше всего поражает наблюдателя, так это крайнее разнообразие законов, показывающее, насколько эта культура была внимательна ко всем жизненным реалиям. Немного углубимся в детали. Существовали законы по регламентации деятельности, учреждению, проведению и завершению тинга (мы скажем, что это естественно), а также определяющие последовательность процедур, надзор за выполнением приговоров, обеспечивающие защиту судей; законы, разрешающие разногласия в сфере частного права, — о соблюдении границ владений, о праве охоты и рыболовства, об использовании обломков кораблей, выброшенных на берег, о рубке деревьев, о сборе валежника, о праве пастьбы, а именно на общественных угодьях и т. д.; законы, защищающие личную неприкосновенность — от насмешек, сатиры, клеветы, песен эротического характера, пасквилей, рассчитанных на то, чтобы обесчестить женщину, диффамации магического характера, такой, как хулительные стихи (нид); законы о защите личной собственности — о подсчете овец, о качестве молочных продуктов, о защите пчел; законы о защите — очевидно, самые многочисленные и наиболее детально разработанные — личности от физических посягательств: оценка природы и тяжести ранений (и здесь своды законов выказывают поразительные скрупулезность и дотошность — они отличают, например, ранение, при котором кость только задета, но не сломана, svöðusár, от ранения, при котором

[1] См., чтобы в этом убедиться, формулу, которую применяли для установлени перемирия между врагами; французский [русский] перевод и оригинал, в от рывках, приведены далее, на с. 339–340.

кость поражена, beinhögg; они уточняют, можно ли поместить в рану один, два или три пальца; в случаях перелома костей, находившихся под вогнутой поверхностью металлического щита, по которому ударили, — на каком расстоянии от щита был слышен звук удара, и т. д.), обстоятельства и вид убийства (каковых существовал целый ряд; мы уже отмечали, например, различие между morð и víg), вид нанесенного увечья и его последствия, мотивы поджогов, повлекших человеческие жертвы, и т. д. Другие законы касались прежде всего коллектива, боролись с безнравственностью — разумеется, в соответствии с нормами жизни в этом обществе, — оценивали ущерб от похищений, определяли наказание за страндхгг, то есть за разбой на побережье, который был одним из привычных занятий викингов в чужих странах, но которого, очевидно, не желали терпеть в своем отечестве, карали за rán — родовое понятие, подразумевавшее любой вид грабежа. Существовали законы, регулирующие перемещения, уточняющие порядок торговых сделок, расписывающие в деталях ход главных событий в жизни человека — свадьбы, вступления в наследство и т. д. В религиозном плане объектами законодательства были богохульство, святотатство и осквернение, соблюдение священных дат и уважение к святым местам. Существовали даже оговорки, относящиеся к чужеземцам! Задача состояла в точном определении наказаний, назначаемых в зависимости от преступления: это были штрафы разной величины, которые следовало платить в деньгах, металле, водмоле или натурой, высылка, изгнание и, в случае ðbótamál, казнь. Действительно, трудно сказать, чего право не предусмотрело; Исландия даже дала образец закона, назначающего компенсацию за високосный год (sumarauki, «удлинение лета», которое состояло в том, что к лету раз в семь лет добавлялась дополнительная неделя).

Вывод можно сделать тот же: предусматривалось все, чтобы защитить достоинство индивида сообразно представлению этой цивилизации об этом достоинстве, то есть через его посредство защитить честь его семьи и, следовательно, неприкосновенность сообщества, к которому они принадлежали.

Теперь составим себе представление о судебной процедуре. У нас есть первоклассные свидетельства — исландские саги, в отношении которых позволительно сказать, что очень во многих случаях это просто усердно записанные, подробные протоколы процессов. Возражение, что это только исландская ситуация, несостоятельны: сопоставление и сравнение их с менее обработанными документами,

составленными в континентальной Скандинавии, показывает, что в этих сагах отражается весь Север — кстати, временами действие там нередко происходит в Норвегии, Дании или Швеции.

В случае обиды истец имел на выбор четыре возможности: он мог воспользоваться своим правом мести (hefnd) и отомстить за себя сам. Такой вариант встречался, но это решение было не лучшим, поскольку могло положить начало бесконечной веренице отмщений, упоминаемой во многих текстах; более предпочтительным было вмешательство общины. Пострадавший мог также потребовать (или обидчик — предложить) sjálfdœmi (или eindœmi), то есть чтобы обвиняемый предоставил истцу одному (ein) или самому (sjálf) судить (dœma) о санкциях, которые следует применить. Предложить истцу sjálfdœmi значило оказать ему большую честь; в этом случае был шанс, что приговор будет мягче, но этим гордецам нелегко было согласиться на то, что они считали унижением. Третья возможность состояла в том, чтобы согласиться на арбитраж (görð) мудрецов, которых саги часто называют góðviljamenn, людьми доброй воли. Мы не удивимся, узнав, что это тоже оговаривалось в законе, который даже предусматривал назначение дополнительного арбитра (oddamaðr) в случае, если арбитров четное число и их мнения разделятся пополам. Четвертым вариантом решения, самым расхожим и в каком-то смысле самым нормальным, был процесс по всей форме, с обвинением (sókn) и защитой (vörn), как в наши дни. Опять-таки процедура была скрупулезно разработана. Вот ее основные этапы.

Сначала назначали судей, причем некоторым из них обвиняемый имел право дать отвод, и присяжных (kviðr), которыми могли стать соседи истца (búakviðr). Потом подробно излагалось дело, предъявлялись вещественные доказательства, если они были, на каждой стадии процесса вызывались свидетели. Потом выслушивали защиту, опять же с приглашением свидетелей. Далее суд подробно подытоживал дело, излагая доводы обвинения и доводы защиты. После этого он выносил приговор. Вот в качестве иллюстрации длинный отрывок из старинных законов Вестроготии (Вестгталанда, то есть шведских) детализирующих эту процедуру[1]:

[1] Переведен также Футом и Уилсоном в издании: *Foote, Peter G.; Wilson David Mackenzie.* The Viking achievement. Op. cit. P. 384–385. — Существует русский перевод этого текста: Закон вестътов. / Пер. А. В. Фоменковой // *Из ранней истории шведского народа и государства.* Первые описания и законы. М.: РГГУ, 1999. С. 188–189, но он слишком сильно расходится с переводом Р. Буайе (*прим. пер.*).

Об убийстве. — Если человек убит и лишен жизни, об убийстве должно быть объявлено во время собрания и о смерти сообщено наследнику, и это объявление должны повторить на следующем собрании. И на третьем собрании он [основной истец, aðili] должен возбудить дело, иначе процесс не состоится. Потом убийца должен явиться на собрание, и держаться за пределами места, где происходит собрание, и отправить на собрание людей с просьбой об охранном свидетельстве [grið]. Люди тинга должны позволить ему присутствовать на собрании. Он должен признать убийство.

Потом наследник должен назвать имя убийцы. Если убийц несколько, ему следует отнести убийство за счет любого из них по своему усмотрению. Если наследник — ребенок, одновременно с ним должен назвать убийцу ближайший родственник мужского пола со стороны отца. Если у женщины ребенок столь мал, что она держит его на коленях, назвать убийцу должна она. Потом должны быть названы люди, причастные к убийству, и люди, присутствовавшие при убийстве. Их должно быть не более пяти, и одного человека можно обвинить, что он задумал человекоубийство.

Потом будет принято решение собраться в доме [обвиняемого], в день, какой единогласно назначит все собрание. Когда все соберутся, будет представлено свидетельство людей тинга: «Я был на собрании, и всего нас было шесть. Решение, принятое относительно тебя, состояло в том, что ты должен явиться сегодня сюда и представить объяснения в связи с обвинением в убийстве [такого-то], дав клятву вместе с двумя дюжинами присутствующих. Да будет Бог милостив ко мне и моим свидетельствам, если о твоем деле было принято такое решение, как я теперь свидетельствую».

Потом должен поклясться наследник: «Да будет Бог милостив ко мне и к моим свидетельствам, что ты поразил его [убитого] острием [оружия], и что ты его настоящий убийца, и таково название, которое я дал тебе на собрании». Потом наследник должен предстать перед второй дюжиной [соприсяжников] и дать ту же клятву. В каждой дюжине должно быть двенадцать человек, и каждая дюжина должна произнести одни и те же слова. Эти слова должны содержаться в каждой «клятве двенадцати»: да пребудет на нем милость или гнев Бога.

Потом наследник должен прийти на следующее общее собрание <...> и свидетельствовать вместе с ранее присутствовавшими, прося Бога быть милостивым к нему и к его свидетельствам, если на собрании в доме [обвиняемого] он сделал вс для обеспечение безопасности обвиняемого, как предписывает закон. Потом он должен снова предстать перед собранием и добиться, чтобы его [обвиняемого] лишили всяких гарантий безопасности со стороны наследника и истца, и без компенсации. Тогда он [осужденный] будет исключен из мира — чтобы за утренней трапезой в день этого собрания он был у себя дома, а в час ужина — в лесу. Глава херреда подлежит штрафу в двенадцать марок, если изгнанник останется там, где есть, а он

этим не обеспокоится, и сорок марок должен заплатить херред, и три марки — человек, который ест и пьет с ним и его посещает <...> Если, с другой стороны, он добился, чтобы за него выплатили компенсацию, он может безнаказанно есть свой ужин [в своем доме].

Если они захотят принять компенсацию, компенсация наследнику составит девять марок, а семье — двенадцать марок. [Из этих двенадцати марок] шесть будут выплачены наследником [убийцы], шесть — семьей, то есть три родни со стороны отца и три родни со стороны матери. [Эти шесть марок] распределятся так: ближайший родственник должен заплатить двенадцать эйриров, следующий по родству — шесть эйриров, следующий — три, следующий — полтора эйрира. Так должны будут платить все и так должны будут получать все, и в каждом ряду сумма будет уменьшаться вдвое, до родственников шестой степени включительно.

Текст явно темный и архаичный, к тому же носит отпечаток христианизации. Но, опять-таки, нет никаких оснований сомневаться, по крайней мере в отношении общей картины, что эти положения были древними.

В упомянутом приговоре к штрафу следует отметить «семейный» подход. Остается уточнить — и в этом состояла одна из явственных слабостей системы, — что приводить приговор в исполнение должен был истец; нередко это сильно усложняло исполнение закона. Известны и другие виды наказаний: физические (в Исландии редкие и отнсящиеся только к случаям ǫbǫtamál, более, может быть, распространенные в континентальной Скандинавии), как калечение (в основном отсечение руки), отрубание головы, повешение (похоже, вешали прежде всего воров), побивание камнями, утопление или сбрасывание в болото (похоже, так поступали главным образом с явными магами и колдунами). Остаются высылка (fjörbaugsgarðr) — у осужденного в распоряжении было три лета, чтобы убраться, он должен был отсутствовать три зимы, мог пользоваться иммунитетом, признанным в определенных территориальных границах, которые указывались в приговоре, — и изгнание (skóggangr в Исландии, útlegð, слово буквально соответствующее нашему «объявлению (legð) вне (út) закона»), о суровости которого мы говорили, но которое могло быть просто изгнанием из округа (héraðssekt) или, в Исландии, из «четверти страны (fjórðungsútlegð). Там, где оно действовало, изгнанник был ǫ́æll (его нельзя было кормить), ǫ́ferjandi (его нельзя было перевозить через реку), ǫ́ráðandi (ему нельзя было давать совет), он не имел права возвращаться (eiga eigi útkvæmð). Все эти блага отбирались в ходе специального ритуала, называемого féránsdǫ́mr (суд с целью «расхищения» этих благ), который проводил основной истец, или aðili. Таков

приговор был особо жестоким, и те, кому в этих условиях удавалось выжить, становились людьми настолько исключительного закала, что лично им были посвящены две саги: о Гисли Сурссоне, прожившем в изгнании четырнадцать лет, и о Греттире Асмундарсоне Сильном, прожившем в изгнании девятнадцать лет.

Добавим, что существовало три возможности снятия обвинения: первая состояла в том, чтобы дать клятву[1] при поддержке свидетелей. Второй возможностью, вероятно, считавшейся разновидностью ордалии, был поединок, hólmganga[2], который мог существовать в языческую эпоху — похоже, к тысячному году его запретили на всем Севере; но здесь надо сохранять осторожность: тексты, сообщающие о нем, такие, как «Сага о Кормаке», которые даже ссылаются на мнимые «законы о поединке», по-прежнему не вызывают доверия. Точно так же не факт, что в состав скандинавских институтов входила ордалия[3]. Похоже, она имела христианское происхождение и, кстати, была упразднена Латеранским собором 1215 г. Она могла заключаться в том, что обвиняемый должен был достать камень со дна котла, наполненного кипящей водой (ketiltak), а чаще всего — пронести на некоторое расстояние раскаленную докрасна железку (járnburðr), возможны и другие испытания того же рода. Напомним: невиновность испытуемого доказывал не тот факт, что он выходил невредимым из испытания, а состояние его травмы, которое оценивали «специалисты», считающиеся компетентными. Любопытны уточнения, сделанные на этот счет в Законах Сконе:

> Если человек должен нести железо, он должен вымыть себе руку и далее не касаться ей ничего, ни волос, ни одежд и чего бы то ни было другого, пока не коснется железа и не поднимет его. Если человек несет «железо для бросания» (kastjárn?), он должен сделать девять шагов, прежде чем бросить его. Если он бросает его раньше, он будет осужден. Если некоторые говорят, что он осужден, а другие — что нет, пусть два человека свидетельствуют, что он пронес его на полное расстояние и честно. Если человек несет «железо в чан», чан должен находиться в двенадцати шагах от исходной позиции, и человек, который должен его [железо] нести, должен бросить его в чан. Если железо падает мимо чана, человек должен его подобрать

[1] У нас есть пример двусмысленной клятвы из «Саги о Глуме Убийце».

[2] Называвшийся так потому, что противники должны были отправиться на островок, hólmr, и сразиться на ограниченной площади, которую занимала расстеленная на земле бычья шкура.

[3] См.: Boyer, Régis. Einige Überlegungen über das Gottesurteil im mittelalterlichen Skandinavien // *Das Mittelalter — unsere fremde Vergangenheit*: Beiträge der Stuttgarter Tagung vom 17. bis 19. September 1987. Hrsg. von Joachim Kuolt. Stuttgart: Helfant-Ed., 1990. S. 173–194.

и снова бросить в чан <...> После того как железо пронесено, на руку надо надеть рукавицу и опечатать ее, и рукавица будет вскрыта в воскресенье. Рука не будет освобождена, пока не прибудет истец, а ждать его будут до конца срока, назначенного собранием. Если он не придет, присутствующие освободят руку и вынесут решение, виновен обвиняемый или нет в том, в чем его обвинили. Если обвинение ему подтвердили, <...> он выплатит свою виру священнику; если обвинение с него сняли, виру ему выплатит истец.

Три вывода напрашиваются в заключение этого обзора права, которому я хотел придать определенную масштабность, поскольку считаю это понятие фундаментальным в менталитете как викингов, так и их предшественников и преемников. Первый: уважение к закону, — которое считают обеспеченным, поскольку право и святость были нераздельны, — действительно было характерно для этого общества, пусть даже и здесь, как и в других местах, встречались нарушения закона и злоупотребления им. Второй вывод: осуществление права было полностью публичным и официальным и не допускало отступлений даже для короля, как мы видели по эпизоду с Торгнюром и королем Олафом Шткопунгом (см. выше, с. 250). Над законом никто не стоял, потому что никто не был выше своей судьбы; никто не существовал без своей семьи, которая вмещала и утверждала любую индивидуальную судьбу. Третий вывод — прагматизм, чтобы не сказать реализм (иногда гнусный, на наш взгляд) этого права. Возможно, этот реализм был главной чертой викингов: он мог способствовать их первым предприятиям, оправдывать их метод расселения. Когда им стало его недоставать, с конца X в., они исчезли с мировой арены; тогда их право некоторым образом утратило свою эффективность!

РЕЛИГИЯ

Я не сумел бы здесь ни исчерпать, ни даже сколько-нибудь подробно раскрыть тему, отличающуюся столь устрашающей сложностью[1] и к тому же усложняемую соображениями идеологического или эмоционального характера, которые отнюдь не проясняют ее. К ней в особой

[1] Библиография по вопросу огромна. Можно обратиться, например, к изданию: *Old Norse-Icelandic literature*: a critical guide / edited by Carol J. Clover and John Lindow. Op. cit. Chapter «Mythology and Mythography». Базовым остается труд: *Vries, Jan de.* Altgermanische Religionsgeschichte. 2., völlig neu bearbeitete Auflage. Bd. 1–2. Berlin: de Gruyter, 1956–1957. На французском языке последняя из опубликованных работ — *Boyer, Régis.* Yggdrasill: la religion des anciens Scandinaves. Op. cit.

мере относятся оговорки и меры предосторожности, которые я сделал в начале книги, чтобы обезопасить себя. В самом деле, существует тысяча способов описания религии древних скандинавов, и ни один из них не гарантирует, что описание будет соответствовать реальности. Что касается меня, я дважды пытался описать ее по всей форме: первый раз — в издании «Старшей Эдды» (L'Edda poétique), где применил феноменологический подход: сначала обратился к имеющимся текстам, а потом рассмотрел людей, исповедовавших эту религию, и обратил особое внимание на три их типа, которые казались мне главными, — выдающиеся поэты, люди действия и маги. Преимущество этого подхода состояло в том, что предметом рассмотрения были непосредственно викинги, первые авторы текстов, имеющихся в нашем распоряжении, недостатки же заключались в пренебрежении диахронией и в том, что я намеренно не опускался на уровень глубинных структур. Вот почему, опираясь на непререкаемый авторитет Мирчи Элиаде и Г. Башляра, я в книге «Иггдрасиль, религия древних скандинавов» отважился на вторую попытку, сделав исходной точкой культ, точней, культ великих сил природы, который выглядел конститутивным для древнескандинавского менталитета и еще вполне существовал во времена викингов. Эта вторая попытка тоже подверглась критике, в частности, за то, что я использовал источники, довольно трудно поддающиеся проверке *stricto sensu*, и обращался к реалиям, в отношении которых всегда можно сказать, что автор привлекает их *pro domo* [исходя из личных интересов (*лат.*)].

Ведь для этой темы характерна обескураживающая сложность: поверх известных истоков накопилось слишком много слоев, чтобы при их изучении можно было добиться некоего единого результата; автохтонная основа усвоила слишком много внешних влияний (ведь для этих народов мобильность очень долго была постоянным свойством, и мы постоянно подчеркивали их удивительную способность адаптироваться), о которых мы можем только строить догадки. Так, несмотря на блистательные исследования Ж. Дюмезиля, наши представления о вкладе индоевропейцев, хоть его наличие и не вызывает сомнений, очень далеки от истины, и до сих пор не удалось удовлетворительно определить роль классических и христианских влияний (первых через посредство вторых) на тексты, имеющиеся у нас, которые все написаны христианами либо пропитаны христианской культурой. Так что нет и речи о том, чтобы раскрыть здесь эту тему заново по всей форме или претендовать на открытие нового пути, который позволил бы ее исчерпать, и подобная заявка была бы даже

смехотворной. Просто в перспективе этой книги я хотел бы предложить некоторые подходы к реалии (причем оригинальной: я имею в виду, что ее нельзя смешивать с той же реалией у континентальных германцев, как слишком часто делают), которая, вероятно, у викингов была душой и главным смыслом жизни.

Например, мы видели, что семья (в широком смысле — aett, kyn) имела в этом мире фундаментальное значение: понятие общества было не почти абстрактным, как в наше время, а означало совокупность семей, и из этого правила не исключались даже семьи богов. Семья была прежде всего сообществом, где в принципе можно было безбоязненно насладиться миром, friðr, где можно было снять с себя оружие, чтобы перейти к делам, которые обеспечат процветание и «благо». Это значит, что она была тесно связана с плодородием-плодовитостью; в этом качестве она, в обществе по преимуществу сельском, олицетворяла понятный идеал мира и процветания.

Исходя из этого мы смогли показать, каким образом эта семья заложила основы права — другого священного понятия, метафизически обоснованного договором между силами блага и силами беспорядка, договором, гарантией которого стала потеря правой руки Тюра. На существовании такого договора и зиждилось понятие священной неприкосновенности личности, или mannhelgr, знакомое нам, а следовательно, и система компенсаций или возмещений, благодаря которой в обществе должно было поддерживаться незыблемое равновесие; это было условие *sine qua non*, которое делало человеческое существо friðheilagr — неприкосновенным, буквально «[живущим в условиях] священного мира». Обратим внимание на очень показательную формулировку в Законе вестгтов: «Если человека ударили и *мир в нем нарушен* (выделение мое), он должен добиться, чтобы засвидетельствовали: его честь попрана и его mannhelgr нарушена». Поэтому можно допустить, что годи — будем ли мы ассоциировать его со своим представлением о «жреце» или нет, все равно очевидно, что его функции были связаны с сакральным, — мог одновременно выполнять юридические и административные функции. И идея сакрального короля была просто переносом той же концепции на несколько более высокий уровень: короля избирали и, следовательно, наделяли особой харизмой, чтобы он был ársæll («благословлен» урожайными годами) и friðsæll («благословлен» мирным царствованием). Если он был еще и sigrsæll («благословлен» победой), это очевидным образом следовало из двух предыдущих преимуществ: если он хранит мир и процветание для своего народа, то в случае конфликта это скажется

и он одержит победу, — но в обратном направлении эта диалектика не работала! В противном случае, как мы знаем, его ритуально приносили в жертву, то есть в конечном счете возвращали тем Высшим силам, заповеди которых он выполнил плохо.

Таким образом, от него ожидали действий; значит, эту религию надо рассматривать не под догматическим и не под метафизическим, а под культовым углом зрения. Фактически только в этом плане мы ее и знаем, и здесь следовало бы проявлять больше осторожности[1]. В ней не было ни свода догм, ни даже аналога какой-нибудь книги Левит, а только действия, жесты, значимые ритуалы. «Религия» обозначалась словом siðr, «в миру» по-настоящему означавшему «практика», «обычай», — после христианизации в текстах появилось противопоставление inn forni siðr (древней практики, язычества) и inn nýi siðr (новой практики, то есть христианства). В эту картину вписывается и очень вероятное отсутствие храмов. Главные ритуалы происходили на открытом воздухе, возможно, в особых местах, у источников, водопадов, в рощах, на каменистых пригорках, в болотах и т. д., что широко подтверждается топонимикой, но не в специально построенных зданиях. Даты, когда отправлялся этот культ, тоже связаны с природными реалиями, в частности, с солнцестояниями (dísablót или álfablót — жертвоприношение дисам, божествам плодородия-плодовитости, или жертвоприношение альвам[2] на зимнее солнцестояние, sumarblót — летнее жертвоприношение, в конце июня), и одной из самых частых, а также лучше всего засвидетельствованных практик были процессии. В этом сходятся все свидетельства, от Тацита до короткой þáttr («пряди»), вроде «Пряди об Эгмунде Битом» (Ögmundar þáttr dytts): участники этих процессий бродили по полям (возможно, проносили идола, но здесь ясности нет), стараясь умилостивить богов, что в точности соответствует нашему обряду Рогаций. Невозможно найти более красноречивое изображение, чем повозка (бронзового века) из Трундхольма: лошадь тащит солнечный диск.

Впрочем, жертвоприношение, или блот (blót), к которому сводится эта религия, нам достаточно хорошо известно, чтобы мы могли его реконструировать без особого риска ошибиться. Прежде

[1] Boyer, Régis. Le culte dans la religion nordique ancienne // *Inter-Nord*. 13–14 (1974). P. 223–243.

[2] Не путать с эльфами — выродившейся формой, которую альвы приняли в фольклоре, видимо, под влиянием христианства. Есть хорошее исследование: *Lecouteux, Claude*. Les Nains et les elfes au Moyen Âge. Paris: Imago, 1988.

всего обратив внимание на очень показательную грамматическую конструкцию с использованием глагола blóta (приносить в жертву): по-староскандинавски говорили blóta guð hesti, что мы переводим как «приносить лошадь в жертву богу», но буквально это значит «приносить в жертву бога (guð, в винительном падеже) через посредство лошади (hestr, здесь в творительном падеже)». Невозможно лучше выразить идею, что власть бога следовало укрепить всей эффективностью жертвы. В самом деле, было важно, чтобы реальная и деятельная сила этого бога могла и далее проявляться в пользу сообщества, которое ему служит — скорее служит, чем поклоняется, так как глагол «поклоняться» непереводим на староскандинавский, в сообществах, где жизненная сила, высшая ценность, в буквальном смысле питалась торговлей.

Итак, блот. Его главным исполнителем, поскольку я не считаю себя обязанным писать «жрец», был глава семьи, если речь шла о частном культе, или «король» в случае публичного культа. Блот включал в себя разные ритуалы, в первый ряд среди которых следует поместить жертвоприношение — несомненно, поначалу (и, во всяком случае, еще в начале нашей эры) в жертву приносили человеческих существ, а в эпоху, которая занимает нас, — животных, то есть лошадей, если верить Адаму Бременскому, и свиней, согласно скандинавским источникам. Возможно, их также сбрасывали в «колодцы жертв», вроде найденного в Бусене, в Дании; вероятно, был также обычай в случае войны бросать туда сломанное оружие побежденных. Вернемся к кровавому жертвоприношению: кровь жертвы или жертв, hlaut, собиралась в сосуд *ad hoc*, может быть, в котел, такой, как великолепный экземпляр из Гундеструпа, украшенный декоративными бронзовыми пластинами. Можно только строить догадки о смысле изображений на пластинах, служащих ему отделкой, особенно изображения гигантской женщины, бросающей человека в котел; однако оно напоминает, что культовые действа часто поручали женщинам (gyðja, мн. ч. gyðjor). В этот котел, называемый hlautbolli, бросали деревянные палочки, hlautteinar; по их расположению на поверхности жидкости специалисты делали выводы о приговорах Судьбы. Не исключено, что, как утверждают некоторые из наших источников, этой кровью окропляли присутствующих, хотя к *interpretatio christiana*, которую часто практикуют наши информаторы, надо относиться с осторожностью: они по-своему переосмысляют традиции, о которых рассказывают. Несомненно надо принимать во внимание и другие ритуалы, описанные в текстах, хоть и поздних, как курьезная «Прядь

о Вльси»[1], где целая семья, мужчины и женщины, передают из рук в руки забальзамированный пенис коня, произнося надлежащую формулу. Во всяком случае, похоже, что жертвоприношение или жертвоприношения совершались прежде всего затем, чтобы добиться благосклонности божеств плодородия-плодовитости и задать вопросы Силам Судьбы.

Кстати, именно ради этого совершалось второе действо (если оно не входило в состав первого, как мы только что видели), которое, впрочем, могло существовать до блота или даже независимо от него, а в конечном счете первоначально блот мог просто сводиться к нему, — гадание авгуров, столь сильно поразившее еще Тацита у германцев как таковых («Германия», X, 1: «Нет никого, кто был бы проникнут такою же верою в приметы и гадания с помощью жребия, как они»). Я говорил, что, по моему мнению, очень сакральным верховным богом (и поэтому никогда не имевшим единственного титула) была Судьба; достаточно бегло пролистать «священные» тексты или даже те, где через детали повседневной жизни выражается Weltanschauung [мировоззрение (*нем.*)] этих мужчин и женщин, чтобы понять это. Поэтому представляется естественным (в подробности здесь мы вникать не будем), если в моменты жизни, важные для индивида или коллектива, проводились действа, ритуалы «гадательного» характера. Это называлось ganga til fréttar (где слово frétt и означало собственно «гадание о будущем»), fella blótspan (бросать «жертвенные стружки»; речь идет, очевидно, об установленном ритуале, который, возможно, состоял в бросании hlautteinar в жертвенную кровь, о чем мы только что говорили) и т. д. Действительно, современного наблюдателя может только удивить фантастически изобильный поток предсказаний, в котором «купается» эта религия. Мы вернемся к этому вопросу в разговоре об этике, но поступок Одина, предчувствовавшего печальную судьбу своего сына Бальдра и обратившегося за разъяснением к провидице (вльве), нельзя обойти вниманием — в конце концов, как можно предположить, именно тогда, когда был составлен текст, рассказывающий об этом поступке, «Сны Бальдра» из «Старшей Эдды», Один поднялся на вершину пантеона, и его неспособность выяснить интересовавший его вопрос понять трудно. Нам остается только сказать, что магия здесь гораздо чаще имела характер гадания (sejðr), чем заклинания или попытки умилостивить богов.

Вернемся к жертвоприношению, блоту. Коллективным обрядом, неизбежным здесь, как и в других местах, был пир (veizla, blótveizla),

[1] Французский перевод Р. Буайе в издании: *L'Edda poétique*. Op. cit. P. 89–93.

в ходе которого, вероятно, поедали мясо принесенных в жертву животных и прежде всего пили пиво, более или менее крепкое (öl, bjórr, mungát), в соответствии с подробно разработанным ритуалом. Если такие поступки, как signa full (жест, когда чашу для питья метили знаком, который некоторые идентифицируют как молот Тора), не обязательно были местного происхождения, то не должно быть сомнений, что возлияния (мы бы сегодня сказали: «тосты»), с которых пир начинался и которые периодически совершались на нем, были вполне оригинальны. Пили в память предков (drekka minni), потом за богов, и, похоже, не наоборот, потом за присутствующих. М. Каэн[1] превосходно изучил эти ритуалы. Ясно, что они были рассчитаны на укрепление связей сообщества с великими усопшими и на то, чтобы подчеркнуть характер пира как причащения, поскольку такое собрание не знало ни различий, ни разрывов, привычных для нас, с одной стороны — между сверхъестественным и естественным, с другой — между жизнью и смертью. Жертвоприношение всегда было важным элементом ритуала, и оно никогда не исчезало из религии насовсем. А ведь я сказал: то, что мы расматриваем здесь, задумывалось, а в крайнем случае и существовало исключительно как функция жестов, из которых оно состояло. Вот почему я уделяю жертвоприношению величайшее внимание. Кстати, тут вс верно поняла и церковь. Даже если не задаваться вопросом о поразительном сходстве между ее собственным ритуалами и этим[2], надо отметить, что она очень быстро «переняла» некоторые структуры, которые могли существовать до ее появления, не изменив в них ничего по существу. Я также имею в виду ритуал heitstrengning (чтобы можно было приписывать ему очень древнее происхождение, он слишком подозрительно напоминает наши христианские «обеты»), описанный в тексте «Саги о йомсвикингах», хоть ее много раз переписывали: присутствующие на пиру берут на себя торжественные обязательства совершить подвиги, героические поступки, тем более обременительные, что выглядят невыполнимыми. Тем не менее смысл этих речей очень понятен: эти люди показывали, что достойны великих предков, сохранившихся в памяти именно за деяния образцовые, söguligr (достойные описания в саге).

[1] *Cahen, Maurice.* Etudes sur le vocabulaire religieux du vieux-scandinave: la libation. Paris: H. Champion, 1921.

[2] Или если не пренебрегать тем фактом, что почти все сведения мы черпаем из источников, записанных в христианскую эпоху, так что нам не следует слишком спешить с выводами о подлинно «языческом» характере описываемых действий.

Заклание жертв, поедание их мяса, значимые ритуальные возлияния, торжественные клятвы — вс это делалось, чтобы чувство единения испытали сами участники собрания, где благодаря жестам, которым придавалась большая важность, возникало впечатление тесной взаимозависимости сверхъестественных и человеческих сил. Я не хочу сказать, будто это подразумевало воздействие на силы рока, которым придется корректировать свои решения или что-то менять, — «никто не избегнет норн приговора»[1], как вполне ясно сказано в поэме. Думаю, людям надо было в некотором роде убедиться, удостовериться, что жизненный поток, текущий по воле этих сил, по-прежнему доступен и желанен. Ведь, насколько мы знаем, этой религии были неведомы самоубийство (кроме откровенно ритуального), отчаяние, бунт и особенно сомнение или абсурд. Это была религия Жизни — просто-напросто религия для живых.

Вот почему я считаю, что за отправную точку при любом описании религии викингов следует принимать семью. Я скажу, что в религиозную сферу органично вписываются не только ее ритуалы и верования, но даже ее непроизвольные реакции. Мы уже встречали понятие хамингьи, указав на его чрезвычайную важность. Остается отметить, что оно происходит от hamr, слова, которое по сути означает «форму», какую судьба дала индивиду и его жизни, — это еще и одно из возможных объяснений происхождения нашего «âme» [душа][2]. А ведь в физиологическом смысле hamr значит также «плацентарная мембрана» (кстати, примечательно, что другим воплощением «души» являеся fylgja — буквально: то, что «следует» за человеческим существом, «сопровождает» его, в некотором роде его ангел-хранитель, — и что слово fylgja означает ту же плаценту), вместе с которой новорожденный исторгается из материнской утробы: это его внешняя «форма». Лексикологическая и тематическая связь hamr — hamingja достаточно показательна. Непохоже, чтобы она могла быть случайной, — значит, найдено еще одно непереводимое слово в староскандинавском языке.

Именно так, непременно через посредство семьи, судьба — сакральное — проявляет интерес (в том смысле, какой этому существительному придают финансисты нашего времени) к человеку: перечитаем строфу 72 «Речей Высокого» в «Старшей Эдде». Конечно, в этой поэме есть много всякого, но в первой части (куда входит эта строфа)

[1] Цит. по: Речи Хамдира // *Старшая Эдда*. Цит. соч. С. 157.

[2] Boyer, Régis. Hamr, fylgja, hugr: l'âme chez les anciens Scandinaves // *Heimdal*. 33 (1981). P. 5–10.

она, судя по всему, описывает лучшее, что было в менталитете людей того времени. А ведь строфа 72 устанавливает почти естественную связь между семьей, культом мертвых и репутацией:

Сын — это счастье,
хотя бы на свете
отца не застал он;
не будет и камня
у края дороги,
коль сын не поставит[1].

Тем не менее не следует полагать, что религия викингов существовала только в виде ритуала. Из совокупности «Эдд», скальдических поэм и эссе — поздних, XIII в., — двух великих мифографов, датчанина Саксона Грамматика и исландца Снорри Стурлусона, можно сделать выводы о космогонии, теогонии и эсхатологии, которые мы здесь изложим лишь в самых общих чертах.

Начнем с космогонии. В начале была только пустота, «зияющая пустота», Гинунгагап, где существовало два «мира». На севере — мир холода и мрака, Нифльхейм; на юге — мир огня, Муспельсхейм или Суртсхейм. При столкновении обоих миров возник великан-гермафродит Имир, который из левой подмышки родил мужчину и женщину, а потерев стопы ног одна о другую — сына. Так появился род хримтурсов, или инеистых великанов. В то же время — это другой миф, и наши источники пытаются согласовать оба — корова Аудумла, лизавшая камни, тем самым вызвала к жизни гиганта Бурра, родившего некоего Бора, который в свою очередь совокупился с примитивным созданием Бестлой; их потомство и составило первую триаду богов — Одина, Вили и Ве. Повторяю, что я только излагаю мифы и не намерен их подробно комментировать, но знаток индоевропейской мифологии быстро обнаружит соответствия или даже черты сходства, дающие понять, что мы идем по знакомым местам. Едва эти три бога были созданы, как они сочли самой неотложной задачей убить Имира, из жидкостей и частей тела которого образовали составные части мира: его кости стали горами, кровь — морем, волосы — лесами и т. д. Из его ресниц боги сделали ограду территории для обитания людей, Мидгарда (среднего огороженного пространства). По том другая божественная триада, Один, Хнир и Локи, создала человеческие существа из двух древесных ветвей, выброшенных на бере

[1] *Старшая Эдда.* Цит. соч. С. 21.

моря: Аска (собственно «ясеня») и Эмбли (несомненно виноградной лозы). Эта первоначальная пара была еще ørlögslauss, то есть не имела судьбы, но именно ей предстояло населить Мидгард. Не обошлось без трудностей, поскольку им пришлось защищаться от великанов, явно воплощавших силы хаоса и разрушения. Вот почему, как рассказывается в мифе, боги с особым тщанием возвели в центре Мидгарда крепость для самих себя, Асгард (Огороженное пространство асов). Так создается представление о «плоском» и концентрическом мире с Асгардом в центре, окруженным Мидгардом, вокруг которого простирается Утгард (Внешнее огороженное пространство), где бушует изначальное Великое Море, в котором свернулся змей Мидгардорм, замкнувший Мидгард в кольцо своего тела, а «несколько восточней и ниже» находится мир великанов, или тунхейм. В дальнейшем история этого мира трактуется, во вполне «викингской» перспективе, как перманентный конфликт сил добра и сил беспорядка, поскольку для этой вселенной были естественны динамичность и энергия. «Добрыми» силами были боги — асы и ваны, силы беспорядка, помимо великанов, были представлены тремя символическими существами: змеем Мидгарда, волком Фенриром и безобразной Хель, хранительницей мира, где обитают мертвые.

К этой концепции мира добавляется или накладывается на нее — по сути сочетается с ней — другое представление, на сей раз вертикальное. В соответствии с ним существует колоссальное дерево (тис, ясень или дуб, согласно текстам, к которым возможно обращаться) Иггдрасиль (буквально — Конь Игга, т. е. Одина), о котором Мирча Элиаде очень хорошо сказал, что оно было идеограммой этой религии. Оно абсолютно симметрично относительно поверхности земли: его видимая часть — источник и вместилище активной жизни, которую представляет многочисленная фауна, постоянно снующая в нем; подземная часть — точная копия надземной, но связана с разумом и судьбой через посредство источников, бьющих у его корней и служащих вместилищами знания (памяти — источник Мимира) и всей судьбы (источник Урд, близ которого сидят норны, управляющие всеми судьбами[1]). Допустимо и крайне соблазнительно объединить

[1] Снорри Стурлусон, видимо, следуя греческому образцу, уверяет, что их было три, и дает им имена, как минимум два из которых (Скульд — Будущее и Верданди — Настоящее) явно придуманы им и только третье, Урд, похоже, имеет древнее происхождение. На самом деле, видимо, считалось, что норн столько же, сколько и человеческих существ.

две этих версии мироздания[1] и получить суммарную схему в форме сферы — как известно, универсального символа совершенства (см. рисунок на следующей странице).

Даже удивительно, что в эпоху, когда человечество считало землю плоским диском, скандинавы, прирожденные мореплаватели, как будто[2] смогли создать себе трехмерное представление о нашем мире в целом.

Вот основное. Разумеется, сюда добавляются многие другие мифы, в частности, «объясняющие» возникновение звезд, солнца и луны[3]; в этой религии, как и в других, пышным цветом цвели также этиологические мифы — представление о них можно получить, прочитав «Младшую Эдду»[4].

Приступим к теогонии, предварительно напомнив два положения. Первое: если, как думаю я, этой религии первоначально был знаком исключительно культ предков, идею «бога» выражало собирательное существительное, не состоявшее из многих слов. Согласно второму мнению, богами, напротив, сначала были силы природы, со временем претерпевшие постепенную антропоморфизацию и индивидуализацию. В таком представлении нет ничего фантастического, поскольку известно, что боги носили имена Гром (Тор), Неистовство (Один), Солнце (Соль), Океан (Эгир), Земля (рд или Фольд), Воздух (Лофт = Локи?) и т. д. Это не считая «говорящих» составных имен, как Столп Мира (Хеймдалль, который мог быть персонификацией Иггдрасиля) или Тот, Кто Покровительствует Жизни (Фьргюн[н][5], кстати андрогин и бесспорно архаический образ). Однако известно, какие опасности и крайности может повлечь за собой такая теория, и я на ней останавливаться не буду.

---

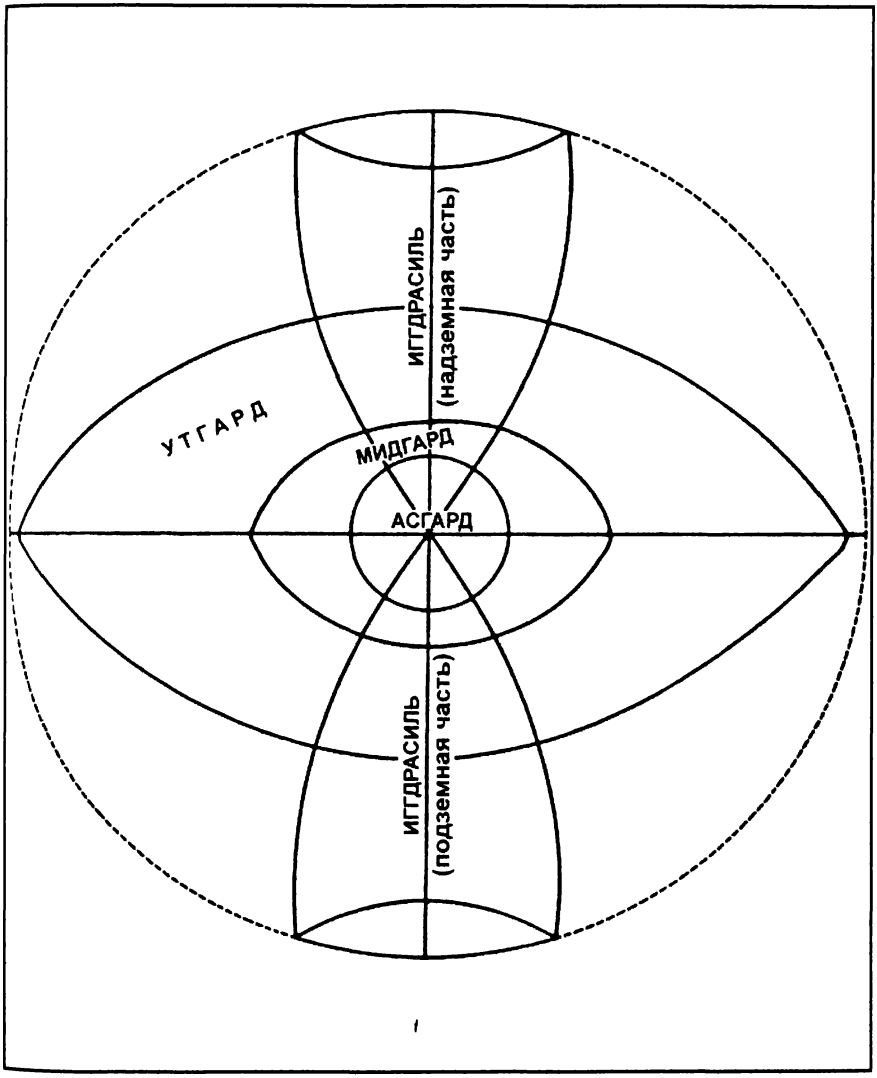
[1] Эту идею я развил в статье: Boyer, Régis. Sur la construction d' Ásgarðr // *Journal of Indo-European Studies*. Monographs 9: Perspective Indo-European Language, Culture and Religion. T. II (1992): Studies in Honor of Edgar C. Polomé P. 406–426.

[2] Предположительный тон объясняется тем очевидным фактом, что идея, которую я высказываю, — не более чем логическое заключение, у нас нет источников, которые бы ее подтверждали.

[3] Подробно описан Р. Буайе в статье: Boyer, Régis. Naissances astrales: Mythe cosmogoniques de la Scandinavie ancienne // *Mediævistik*. 1988, 1. P. 9–22.

[4] Есть превосходный английский перевод: *Snorri Sturluson*. Edda / translated and edited by Anthony Faulkes. London: J. M. Dent, 1987.

[5] Boyer, Régis. Fjörgyn(n) // *Mort et fécondité dans les mythologies*: actes du colloque de Poitiers, 13–14 mars 1983. Organisé par le Centre de recherches mythologiques de l'Université de Paris X; publiés par François Jouan. Paris: Les Belles Lettres, 1986. P. 139–150.



Я предпочитаю рассматривать богов викингов такими, какими они стали, когда приобрели, если можно так выразиться, человеческое лицо и сравнительно ясные функции — при этом рассмотрении опять-таки не исключая влияний, полученных или навязанных теми, кто говорил об этих богах, а именно влияний греческого или латинского мира. Поэтому очень неполный перечень, который будет приведен далее, следует соотносить именно с периодом, о котором идет речь. Надо также

считаться и с хронологической эволюцией. Так, например, существа вроде Улля или Хнира, отошедшие в текстах эпохи викингов на второй план, до этого пережили период более счастливый, судя по топонимике; значимость других, таких, как Тор, в интересующую нас эпоху была, вероятно, по очевидным причинам «раздута»; сказались также паронимия (Фрейя/Фригг), постепенное изменение функций (особенно связанных с магией) или мутации (прежде всего это относится к Локи); напомним, наконец, о калькировании, подражании, эффекте переноса, объектами которых становились греческие, латинские, кельтские или библейские образы. Иными словами, не думаю, что описание этого пантеона, главное свойство которого — размытость, неоднозначность и часто даже просто-напросто непонятность, может быть безупречным и не допускающим возражений.

Первым следует представить Одина — не то чтобы он был самым древним[1] или самым важным (первоначально), но в век викингов он бесспорно выдвинулся на первый план, особенно в Дании. Он имел очень много обликов, отраженных в многочисленных именах, и не поддается дюмезилевской классификации, потому что мог брать на себя любую из трех функций — даже если, по крайней мере в самом известном воплощении, как будто отдавал предпочтение первой функции (юридическо-магической и функции властителя). На самом деле, чтобы его представить, достаточно назвать его имя. Слово «Один» происходит от слова «Од»[2] (Óðr), буквально означающего «неистовство» (в смысле, какой имеют латинское слово furor и германское *wut). То есть он олицетворял то состояние транса, почти безумной ярости, которое при некоторых обстоятельствах охватывает мага, влюбленного, воина, поэта и удваивает или умножает его силы, делая его способным на подвиги, с точки зрения здравого смысла невозможные для простых смертных. Он становился «вопящим» (Hroptatýr), существом, чья магическая сила, в немалой степени связанная с шаманским экстазом (см. «Речи Гримнира» в «Старшей Эдде»), форсирует ход событий в зависимости от их природы; или же неотразимым любовником, несмотря на уродство (он был одноглаз, стар и нелюбезен) и коварство, ведь это был крайне хитрый и лживый бог, но перед ним не могла устоять ни одна женщина, и поэтому он по традиции

[1] Хотя об этом можно спорить: на камне в Литслебю, в Швеции, в бронзовом веке был высечен великан с копьем, который мог быть прототипом или архетипом Одина.

[2] Впрочем, персонаж с таким именем, похоже, существовал сам по себе, — так звали супруга Фрейи.

считался родоначальником (по-шведски stamfader) всех великих родов; а еще богом победы, Сигтюром, Сигфдром (богом победы, а не богом войны). Это он обучал людей стратегическим секретам, обуславливающим благоприятный исход военных действий (так, ему приписывалось изобретение знаменитого построения клином), придумывал хитрости, уловки и приемы, которые могли обеспечить победу. Поэтому он был «скрывающимся по маской» (Гримниром) и не брезговал изменой и вероломством. Для него цель оправдывала средства, в том числе самые жестокие, — то есть его менталитет целиком соответствовал менталитету викингов, о которых нам известно, что хитрость для них была гораздо предпочтительней прямого столкновения и что они охотно прибегали к средствам, в которых не было ничего рыцарского (краже, похищению, поджогу, страндхггу). Викингом он был и как бог судовых грузов (Фарматюр), персонаж, очень привлекательный для мореходов-купцов. Кстати, по этой причине наблюдатели отождествляли его с Меркурием: ведь оба бога покровительствовали торговле. Впрочем, его характер был поэтическим и даже в какой-то мере аристократическим — это был «патрон» скальдов, обязанных ему вдохновением; никто лучше не сказал об этом, чем Эгиль Скаллагримссон в своем шедевре «Сонаторрек»[1]. Возможно, из-за скальдов мы и склонны придавать ему особое значение; скальды его восхваляли и были вполне объективны — они знали, что он циник, женоненавистник и немного брюзга в синем плаще, с длинной бородой и в шляпе с опущенными полями, из-под которой выглядывает единственный глаз; он был непостоянен и переменчив, как вдохновение! Но он был и хранителем знания, потому что оставил другой глаз в источнике бога-великана Мимира (Памяти), чтобы приобрести знание обо всем. Впрочем, этот бог, носивший копье и любивший, чтобы ему приносили жертвы, вешая людей (это был бог повешенных, hangaguð), и, если верить некоторым источникам, любивший зверские пытки (как «кровавый орел», blóðörn), во многих отношениях и, может быть, в большей мере, чем собратья, обусловил склонность к пророчествам, которую я считаю по-настоящему основополагающей для этой религии, — ведь он знал судьбы всех, в том числе и свою, хотя был неспособен ничего в ней изменить; он старался (тщетно, поскольку все равно погибнет) населить свою Valhöll (Вальхаллу) отборными воинами (эйнхериями), которых в день Исполнения Судеб Сил (Рагнарк) бросит против сил

[1] «Утрата сыновей». Французский перевод — в издании: Egill Skallagrímsson. L'irréparable perte des fils // *L'Edda poétique*. Op. cit. P. 650 и далее.

хаоса. Именно чтобы наполнить Вальхаллу, он посылал своих валькирий (valkyrior, буквально: тех, кто выбирает [kyrja, от глагола kjósa] мужей, только что павших в бою [собирательное существительное valr]) на поле битвы[1]. Этот бог был персонажем странным и весьма мало соответствующим нашим клише, персонажем, тесно связанным с судьбой, — ведь она была такой же полуслепой, непредсказуемой и неотвратимо-жестокой, как и он.

Зато Тор как покровитель бондов и воплощение воинских доблестей, вероятно, был намного ближе викингам. Хотя сегодня его принято представлять простодушным и даже простоватым, поскольку он был объектом грубых шуток и поскольку его рыжая борода и непомерный аппетит были излюбленными темами застольных бесед, тем не менее его образ намного сложней и даже тоньше, чем кажется. Так, это он научился у карлика Альвиса лексикологическим изыскам, которые применяли скальды. Похоже, это собирательный персонаж, «присвоивший» в течение веков черты, принадлежавшие другим божествам. Сначала, как показывает имя, он был олицетворением грома (þórr < < *þundaraz, ср. английское thunder и немецкое Donner); отсюда его «молот», символизирующий молнию, повозка, запряженная козлами, чье блеяние в небесах и воспринимается как гром. То, что он был у викингов самым популярным из богов, особенно в Норвегии и Исландии, показывают антропонимика и топонимика, а также подвиги, которые приписываются ему во многих мифах. Он отнял у Тюра атрибуты воинственности, переосмысленные как проявления физической силы. Но он не чужд магии, он умеет воскрешать козлов, только что убитых для съедения их мяса, и ему «посвящено» немало рунических надписей. В эпоху, которую мы лучше всего знаем и которой посвящена эта книга, он выполнял прежде всего функции покровителя — боролся с великанами, олицетворением сил зла, и помогал людским начинаниям. Тор как воплощение силы (скорей грубой, чем утонченной) и воли и Один, воплощавший хитрость и эзотерическое знание образуют то, что лингвисты назвали бы контрастивной парой.

Фрейр и его паредра Фрейя — и в целом «семья» ванов, к которой они принадлежат, — намного «ясней». Они связаны почти исключительно с третьей функцией, растительной, и, похоже, их особо почитали шведы. Очевидно, что это земледельческие божества и в этом качестве их любят связывать с близнечными мифами (это случай Фрейра и Фрейи), отмеченными на Севере с очень давни

[1] Отметим, чтобы исправить распространенную ошибку, что валькирии не сами выбирали жертв, они были только исполнительницами приговоров Одина.

времен, или с мифами об андрогинии («бога» Ньрда, отца Фрейра-Фрейи, еще Тацит описывает как богиню, *Nerthus id est Terra Mater* [Нертус, то есть Мать-Землю (*лат.*)]). Это боги любви и плодородия-плодовитости, как дает понять миф, изложенный в очень красивом тексте «Поездка Скирнира» из «Старшей Эдды»; они могли ассоциироваться с фаллическим культом, особо широко представленным в Швеции, и с жертвоприношениями, в ходе которых происходило заклание их излюбленных животных — свиньи, лошади и быка. Также хорошо установлены их связи с культом мертвых, что не мешает им иногда принимать довольно неожиданную воинственную окраску. Богиня Скади (хоть и носит мужское имя[1]) считается супругой Ньрда, но ассоциируется с идеями холода, охоты и боя, отчего она выбивается из этого ряда.

Остаются — если ограничиться ими — три загадочных бога, которые выглядят очень древними, но чьи образы бросают вызов проницательности исследователей. Первый, Хеймдалль, упоминание о котором мы встречали уже два раза, первый — под именем Рига, считающегося основателем «классов» этого общества, второй — в связи с великим деревом Иггдрасиль, — может быть, имеет важнейшее значение. Хотя в эсхатологии этой религии он играет роль первого плана, немногие мифы, где он фигурирует, слишком темны, чтобы дать возможность для однозначных выводов. Бальдр Добрый со своим восточным обликом (он удивительно напоминает Адониса, Таммуза или Баала, чье имя похоже на его имя) и квазихристианской окраской обоих мифов, где он появляется (о его смерти и о его погребении), выглядит в этом ряду чужеродным. Что касается Локи, о котором написано больше, чем о ком-либо из его собратьев, то его присутствие здесь раздражает точно так же, как его поведение в большинстве рассказов, где он действует. Бесспорно, в его образе сочетается несколько последовательных слоев: архаичный, где он, возможно, был великаном, участником создания человеческого рода и хранителем изначального знания (может быть, соответствующим Утгарда-Локи у Саксона и Снорри, который соответственно правит в ином мире и бросает вызов Тору); второй, более поздний, где он играет роль трикстера, какой встречается во всех мифологиях; третий, вероятно, сформировавшийся в результате библейских и христианских влияний (то есть Луки-фер, а потом Сатана Трисмегист, по вине

[1] Это, конечно, очень древнее божество. Возможно, ей обязана названием сама Скандинавия (считавшаяся в античности островом, Скандзой древних): *skaþinauja, остров Скади.

которого происходит апокалиптический конец времен, здесь — Рагнарк), где он неким синтетическим образом воплощает зло во всех значениях слова. Некоторые мифы придают ему облик, странным образом похожий на одиновский, другие как будто делают из него анти-Тюра. Во всяком случае, это он мешает миру быть счастливым.

Это лишь беглый обзор. Следовало бы уточнить, например, значение образа Богини-Матери (или Великой Богини, или Матери-Земли) в этой религии, в историческую эпоху воссоздающей эту фигуру в виде трех образов: Фригг (супруги Одина), Фрейи и Скади, которые совместно воспроизводят все главные оттенки этого богатого мотива. К ним следовало бы добавить рда (Землю) и Соль (Солнце, в этих языках существительное женского рода).

В целом этот пантеон, даже изображенный в основных чертах, выглядит откровенно сборным. Единственная заметная общая черта, которую представляется возможным выделить в этой несколько барочной группе, — некое подобие равновесия противоборствующих сил, постоянно находящегося под угрозой. Ни медитация, ни созерцание, ни тем более лиризм, похоже, не участвовали в создании этой религии. Зато динамичность и энергия в этом мире главенствуют, что я непрестанно повторяю с самого начала книги.

Это же следует из рассмотрения, даже краткого, мифической истории и эсхатологических перспектив, описанных в наших источниках. Этот мотив имеет несколько версий, и самую красивую из них предлагает жемчужина «Старшей Эдды» — «Völuspá», или «Прорицание вльвы». Надо особо подчеркнуть, что во всех случаях нарушение нормального хода вещей в мире и конец времен становится следствием виновного действия в юридическом смысле — отступничества, клятвопреступления или измены богов. Всякий раз важнейшую роль играет Локи в том или ином обличье, и всякий раз в центре драмы оказывается Женщина (как таковая или с чертами колдуньи) либо самка животного (кобыла, а на самом деле превратившийся в нее Локи). В истории рокового столкновения между асами и ваннами, описанной в «Прорицании вльвы», ее зовут Гулльвейг (возможно, это имя значит «жажда золота»), но фантастические сюжеты могут сильно варьироваться.

Этот неискупимый поступок приводит к апокалиптическому конфликту, который «Прорицание вльвы» описывает в величественных образах и который по одной версии называется Ragnarøkkr, сумерки богов, а согласно более общепринятому и более удовлетворительному варианту чтения — Ragnarök, исполнение судеб Сил. Огонь и силы

мрака в союзе с земными, водными и подземными чудовищами уничтожают видимый мир, в то время как боги и люди истребляют друг друга. Известно, как эту дантовскую фреску прославил гений Рихарда Вагнера.

Однако важно уточнить, что тем не менее это не был абсолютный конец всего. Этот вариант Страшного Суда, это возвращение в пустоту и хаос, эта манихейская картина, которой хотели приписать иранское происхождение, не представляют собой финал Истории, потому что за Апокалипсисом следует возрождение. У подножия дерева Иггдрасиль, не полностью исчезнувшего в катаклизме, чудесным образом спаслась пара людей, Лив (Жизнь) и Ливтрасир (Живучая). Возвратятся и некоторые «добрые» боги, в том числе Бальдр. Они воссоздадут и вновь населят мир, освобожденный от времени и известных нам невзгод. Таким образом, Рагнарк надо рассматривать как чудовищный катарсис. Собственно говоря, утверждать, что этот мотив порожден позднейшими христианскими влияниями, не стоит. На первый взгляд может показаться, что он чужд умонастроениям, преобладавшим «здесь и сейчас», но «Прорицание вльвы», которое его излагает и которое следует датировать рубежом тысячного года, вполне могло зиждиться на древних преданиях. Возможно, здесь нашел превосходное воплощение, путем сублимации, культ предков, на существовании которого я столько раз настаивал.

МАГИЯ И КУЛЬТ МЕРТВЫХ

Кстати, существование культа предков и побуждает меня особо выделить то, что составляло, может быть, доминирующую черту религии викингов, — значение, которое она придавала магии, понимаемой здесь как набор практических операций, посредством которых маг заставляет потусторонние силы с той или иной целью вмешаться в естественный ход событий. Мифы, ритуалы и легенды: наблюдателя может только поразить величайшая важность, какую в этой религии имеет магия[1]. Чтобы не углубляться в слишком долгий и неуместный здесь анализ, лучше приведу отдельные общие положения.

[1] Из недавних работ см.: *Boyer, Régis*. Le Monde du double: la magie chez les anciens Scandinaves. Op. cit. В конце имеется библиография.

Выше (см. с. 311) я уже упоминал понятия hamr и fylgja, приблизительно соответствующие нашему «душа»[1], убеждая, что они находились в тесной, почти физической связи с судьбой. Существовало и третье слово, hugr, довольно близкое к полинезийскому понятию «мана» (в других местах — «оренда», «маниту»), или «душа мира», — нечто, если использовать термин Тейяра де Шардена, вроде ноосферы, окружающей наш мир. Она могла обнаруживать себя для человека в особых обстоятельствах (тогда говорили: вот что говорит мне hugr, *svá segir hugr mér*, переведем так: у меня предчувствие, что...); некто, знавший пароль, мог и заставить ее отвечать, выясняя, что и как надо делать. Скажем так: если hamr и fylgja — внутренние и субъективные компоненты духовной жизни человека, то hugr — скорей внешний и объективный. Я считаю, что три этих представления прямо связаны с мертвыми, а значит, с судьбой. Hamr — это «форма», которую они как предки передали человеку; fylgja — внешний облик этой формы, который «следует» за ней; hugr — нечто вроде большого тайного резервуара, который доступен и к которому можно обращаться: это вся их «память». То есть между обоими мирами, миром живых и миром мертвых, существует постоянный кругооборот. Впрочем, это тонкое различие почти не имело смысла в этой цивилизации. Мертвый мог в любой момент вмешаться в жизнь живого (во сне, например, или явившись, или в виде целого ряда знаков и символов), чтобы дать ему совет, напомнить о долге, подвергнуть опасности — в последнем случае это был зловещий персонаж, драуг, то есть привидение со всеми известными нам физическими качествами, чаще всего зловредное, обезвредить которое было чрезвычайно трудно[2]. И напротив, живой мог вызывать мертвого ради целей, которые считал полезными.

Из этого следует целый ряд выводов. Прежде всего, для сверхъестественных и естественных существ была характерна удивительная мобильность, способность к превращениям, — специалистами в этом, так сказать, были Один и Локи, но и человек мог превратиться в хамрамма (hamrammr), мы бы сказали — «оборотня», то есть временно стать волком, быком, орлом и т. д., приняв облик их hamr'a. С другой стороны, магия в немалой мере сводилась к непроизвольному или вынуж-

[1] Уточню, что для передачи этого понятия было еще два термина, помимо hugr: это sál, ср. английское soul или немецкое Seele, позаимствованное из языка континентальных германцев, и önd, буквально «дыхание», явно взятое из христианского лексикона.

[2] Пример такого персонажа — Глам в «Саге о Греттире». Хорошее исследование: *Lecouteux, Claude.* Fantômes et revenants au Moyen âge. Paris: Imago, 1986.

денному общению с мертвыми, которые давали информацию, помогали или осуждали и даже убивали. Поскольку мертвые были хранителями клана, стражами, залогами его плодородия-плодовитости, эта связь никогда не прерывалась, и ее воплощал пророк (ármaðr, spámaðr), также как и драуг, — если конкретней, то, как мы сказали, она определяла выбор имени для новорожденного, никогда не случайный. Вот почему погребальные обряды имели такое значение и всегда принимали вид общинного и культового действа. Показателен знаменитый «репортаж» араба Ибн Фадлана, упоминавшийся уже несколько раз: рабыня, вызвавшаяся быть принесенной в жертву, чтобы сопровождать господина в смерти, говорит в ходе церемонии, предшествующей казни, когда ее поднимают над неким подобием обвязки ворот: «Вот я вижу моего отца и мою мать [...] вот все мои умершие родственники сидящие»[1]. Кстати, существование «каменных кораблей», skibssætninger, отчетливо ассоциируется с идеей перехода; назначение стоячих камней (bautasteinar), рунических стел было прежде всего мемориальным. Мы только что настаивали, что обязательные погребальные обряды (после похорон полагалось пить erfiöl, «наследное пиво»), церемония эттлейдинга, или введения в семью нового наследника, тосты, поднимаемые на пиру в память умерших, — все это было направлено на сохранение преемственности.

Надо ли в таком контексте удивляться тому поразительно большому месту, какое занимала магия? Я бы рискнул сказать, что на наш взгляд она не имела по-настоящему «магического» характера. Действительно, это была почти естественная реакция на события, а нам она кажется необычной потому, что обуславливалась другим взглядом на реальность.

Поэтому не будем удивляться никаким формам, какие принимала эта магия и какие описывают, зачастую наивно, наши тексты: это шаманизм, когда речь идет об инициации (см. «Речи Гримнира» или «Речи Высокого» в «Старшей Эдде»), экстазе, переселении душ; это гадание в магии sejðr, в основном сводящееся к выпытыванию секретов у мертвых, может быть, потому, что последние якобы имели связь с миром богов, или же потому, что они и были богами. Церкви, когда она начала борьбу с магией и колдовством, пришлось нелегко, — детали запретов, которыми изобилуют кодексы законов христианской эпохи, в этом смысле красноречивы. В конечном счете большинство мало-мальски странных действий, о которых сообщают тексты, можно было бы связать с магией.

[1] *Ибн-Фадлан, Ахмед.* Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Цит. соч. С. 82.

В завершение этого краткого описания религии викингов (возможно, подтвердившего, что она была безукоризненно продуманной, полноценной и пригодной для формирования человеческого существа) достаточно обратить внимание на два термина в староскандинавском языке, способных выразить идею сакрального. Первый — это heilagr (*hailagaz), ассоциирующийся с представлением о судьбе, участи, удаче (heill). Второй — vé (*uihaz, ср. немецкое Weihnacht), содержащий представление об обрядах, культе. Сакральное воспринималось как heilagr, а актуализировалось в виде vé. Оба были необходимы и уравновешивали друг друга. Конечно, викинг, человек действия, любивший действенные ценности, вероятно, предпочитал аспект vé. Но это потому, что аспект heilagr подразумевался. Сакральности мертвых, великих усопших, великих предков никто не оспаривал. Оставалось подчеркнуть ее важность с помощью значимых жестов.

ЭТИКА

Здесь мы приступаем к теме одновременно сложной и важнейшей. Сложной потому, что сам по себе очерк нравов в некой конкретной культуре всегда чреват приблизительностью оценок или, хуже того, недопониманием: нет ничего рискованней, чем пытаться проникнуть в менталитет людей, удаленных от нас во времени и в пространстве. Можно рассчитывать, что удастся выделить некоторые факты, опираясь строго на документы викингских времен, какими мы располагаем; сколь бы краткими, обрывочными и сложными эти документы ни были, внимательный наблюдатель все-таки сможет что-то в них найти. Но с ментальностью и этикой дело обстоит совсем иначе! Чтобы подступиться к ним, нам необходимы длинные и обстоятельные тексты, из которых можно понять, как мужчины и женщины жили изо дня в день. А ведь у нас нет других документов такого рода, кроме сводов законов, скальдических поэм и саг. Первые здесь уже широко применялись; вторые принадлежат к жанру слишком специфическому, слишком связанному условностями, чтобы принести реальную пользу. Остаются саги, в отношении которых я достаточно много раз повторял, что это не викингские документы; они слишком поздние при прочих равных, и слишком многим обязаны не туземным образцам. Однако, если вступить в эту сферу, некоторые саги могли бы заинтересовать нас более, чем другие: это так называемые саги о современности (samtíðarsögur). Не то чтобы они были старше (они датируются XIII в., в крайнем случае, некоторые, концом XII в.

но, как показывает их название, они не посвящают себя фактам, затерянным в более или менее далеком прошлом, из них составляется хроника событий, современных для авторов, и, главное, они охотней выводят на сцену простой народ, показывают его поведение, его систему взглядов, его идеалы. За немногими исключениями, действие в них не выходит за пределы Исландии. Но можно допустить, что они ближе к реалиям, для изменения которых обычно требуется много времени и которые не обязательно специфичны для страны, в которой зародились. Имеются в виду «Саги о епископах» и компиляция под заголовком «Сага о Стурлунгах»[1]. Сознавая, на какой риск иду, я все-таки бьюсь об заклад, что они дают нам хорошее представление об этике викингов и их потомков.

Констатация первая: выводы, которые можно сделать из них, во многом совпадают с выводами, которые можно извлечь из изучения рунических надписей времен викингов или внимательного чтения такого великого поэтического текста, словно бы подытоживающего этику викингов, как «Речи Высокого» из «Старшей Эдды»[2].

Эта тема — важнейшая, сказал я, потому что хорошее знакомство с ментальностью викингов должно было бы логически подтвердить, что направленность и исторические подходы, выбранные с начала книги, оказались верными. Подводный камень, который надо обойти, — априорные утверждения, которые допустило столько исследователей[3]. Вот почему я намереваюсь придать приведенным далее соображениям всего лишь характер эссе.

Как и в сфере религии, нам нужно исходить из представления этих людей о судьбе, их судьбе. Мы свели ее к сакральному, которое в свою очередь связано с культом мертвых и богов. Вернем ее на человеческий уровень и вернемся к одному из многочисленных слов, означающих судьбу и уже названных: gæfa, тому, что потусторонние Силы дали человеку, чтобы он делал из своей жизни нечто приемлемое для него самого — и, значит, для сообщества, прежде всего семейного, без которого он себя не мыслил. Gæfa — это была судьба, в некотором роде внушенная потусторонними Силами при рождении

[1] Напомним, что эти тексты послужили основой для моего очерка: *Boyer, Régis.* La Vie religieuse en Islande, 1116–1264. Op. cit.

[2] Обзорный очерк Р. Буайе: Boyer, Régis. La sagesse du 'Hávamál' // *Sagesse et religion*. Centre d'études supérieures spécialisé d'histoire des religions de Strasbourg, Colloque de Strasbourg, octobre 1976. Paris: Presses universitaires de France, 1979. P. 211–232.

[3] Например, К. ван ден Торн: *Toorn, Maarten Cornelis van den.* Ethics and moral in Icelandic saga literature. Assen: Van Gorcum, 1955.

человека, индивидуализированная и воспринятая им как задача. Тот, кто успешно использовал этот капитал, назывался gæfumaðr (человек gæfa, достойный дара, который ему сделали), как Аудун с Западных Фьордов (в очаровательной «пряди», носящей его имя[1]): ему выпала удача (gæfa, возможность которой дала судьба) поймать белого медведя, а потом пришла в голову прекрасная мысль использовать эту нежданную прибыль, чтобы возвыситься в окружении великих мира сего. Если человеку это не удавалось, это был ógæfumaðr (ó — отрицательная приставка в этом языке), как главные герои «Саги о Ньяле», которые несомненно не обладали рассудительностью (на этом языке: *vit*, практическим здравым смыслом), необходимой, чтобы использовать свой шанс в нужный момент. Это понятие могло распространяться на клан. Мы знаем, что та или иная семья пользовалась милостью судьбы, тем, что им предоставила собственная удача, хамингья. В случае соперничества кланов случался hamingjaskipti, обмен хамингьями.

Пусть не говорят, что индивид или семья могли не знать о возможности добиться успеха (máttr ok megin), предоставленной им. Чтобы их просветить, существовали традиция, голос саг, всесильный взгляд со стороны. И сны, игравшие в сагах и поэмах столь важную роль, всегда, тем или иным способом, проявляли судьбу. Цель этих разных посредников заключалась в том, чтобы прояснить человеку его возможности. Его второе усилие должно было состоять в том, чтобы принять свою судьбу, героический пример этого — Сигурд Убийца Дракона. Третий, и самый трудный, этап — проявить на деле то, на что ты способен, то есть применить тот способ, который выбрала сакральная судьба как выражение интереса к тебе. Мы бы сказали — утвердиться. Отсюда ярый индивидуализм — в наших глазах, не видящих, что на самом деле это было познание себя заново, нечто вроде акта поклонения святости, живущей в самом индивиде. И для этого были хороши все средства. В этом состоит вероятное объяснение кажущегося двуличия, хитрости, столь любимой как викингами, так и самым типичным из их богов. Своих целей надо было добиться! Я упоминал, в связи с колонизацией Исландии, Хельги Тощего, который был blandinn í trúnni, смешанной веры, то языческой, то христианской, по обстоятельствам. Каждый викинг и был blandinn, поочередно пират и герой (если получится), купец и грабитель: ведь

[1] Перевод Р. Буайе в издании: Le Dit d'Auðunn des Fjords de l'Ouest // *Les sagas miniatures*. Traduction, présentation et notes par Régis Boyer. Paris: Les Belles Lettres, 1999. P. 375–382.

цель состояла в том, чтобы добиться неоспоримого утверждения, реализации самого себя.

На самом деле это плохая постановка проблемы. Тупое и чрезвычайное упрямство героев саг объясняется тем, что они, если говорить словами Сартра, должны сделать себя тем, чем являются: отсюда нелепая (на наш взгляд) ссора, постоянно возобновляемая, между двумя могучими бондами Торгильсом и Хавлиди в «саге о современности», носящей их имена (входит в состав «Саги о Стурлунгах»). Хорошо сложенная сага всегда в должном месте биографии своего героя помещает искус, точнее, skapraun (испытание характера). В принципе он должен был победить, если хотел оказаться достойным саги (söguligr). В противном случае он оказывался всего лишь auvirði, конченым человеком. Значит, если надо, можно было прибегать к лжи, предательству, подлогу, хитрости — «Сага о Стурлунгах» представляет собой превосходный учебник политической стратегии. Это не исключало смелости — викинги не были ей обделены, как известно! Но эта проблематика выходит за пределы данного понятия. Грубая истина заключалась в том, что поражение было невозможно, что нельзя было признать свою неправоту:

Твоей лишь душе
Ведомо то,
Что в сердце твоем (einn er hann sér um sefa)
(«Речи Высокого», 95).

Может быть, еще и поэтому в жизни этих людей такое место занимал судебный аппарат независимо от связанных с ним сакральных ценностей, вс было кодифицировано, ничто не оставлялось на волю случая, — совокупность сильных личностей, какую представляло собой сообщество северян, надо было заставить повиноваться закону, достигать консенсуса общих интересов. Если индивид ошибся или совершил проступок, его нужно было в этом убедить. Но ему признать это было трудно. Поэтому парадоксальным образом в конечном счете столь часто применялась сила: суд разгоняли (hleypa upp dóminum), и, как в «Саге о Ньяле», нескончаемые и изощренные словопрения завершались физическим столкновением! Очень хорошо понятно, почему так происходило: ЗАКОНУ противостоял МОЙ закон, тот и другой были сакральны, пусть в разной степени. Разрешить эту антиномию было нелегко. Ведь умирать человеку следовало великим, репутация представляла собой высшую ценность. Как лаконично сказал один исландский могучий бонд, который был осужден

епископом, причем справедливо, и отказался подчиниться: закон я возьму у самого себя[1].

К этому вопросу можно подойти иначе: гордыня считалась у викингов наименьшим грехом. *Ráða vil ek nú at sinni*, «на этот раз решать буду я», — такая формулировка то и дело возникает в «сагах о современности». Насколько этих людей пугала перспектива быть униженными, недооцененными (minnkaðr), настолько они ценили величие, нынешнее или предстоящее. Свою роль играл авторитет семьи: виданное ли дело, говорил некий персонаж, чтобы мы, потомки А, склонились перед людьми Б? Авторы наших текстов никогда не упускали возможность с величайшей надменностью уточнить, что в таком-то конфликте между М и Н имело место «огромное различие в положении» (mannamunnr). Таким образом, нетерпимость «важного человека» (ед. ч. mikilmenni) комментаторы считали естественной. Если о персонаже говорилось «это был человек весьма несправедливый (ójafnaðarmaðr)», в этом не было ничего осуждающего, напротив. Это значило, что он умел настоять на своих прерогативах, личных или родовых. И если для этого требовалось прибегнуть к силе, прибегал к ней! И если надо было бесчестно (на наш взгляд) воспользоваться явным численным или качественным превосходством — пользовался! Результат прежде всего. Иногда проявлялись неумеренное пристрастие к титулам и местничеству, повышенное внимание к месту, на какое человека сажали на пиру, к форме обхождения с ним. Ведь единственным по-настоящему смертельным оружием, известным этому обществу, была критика, насмешка, сатира. Даже законы бдительно ее контролировали. Вернемся к «Речам Высокого»:

Худшей на свете
Хвори не знаю,
Чем духа томленье (*строфа 95*).

Мы вполне можем говорить также о чести, о щепетильном чувстве чести, — она входит в набор «судьба — гордость — честь»; это другой вариант определения того, что англичане называют *self-consciousness* [самоосмысление]. В сноске я только что упоминал Корнеля; в этом обществе понятие чести странным образом напоминает корнелевское понятие «слава» (gloire) — это высшее представление, которое человек может составить о себе самом в соответствии с характерными критериями своей среды и при обязательном условии,

[1] Известно, что подобная фраза есть в «Галерее суда» Корнеля, нормандца!

что эта «слава» должна быть известна, признана. Опять же — без репутации никуда:

Гибнут стада,
родня умирает,
и смертен ты сам;
но смерти не ведает
громкая слава
деяний достойных.
Гибнут стада,
родня умирает,
и смертен ты сам;
но знаю одно,
что вечно бессмертно:
умершего слава
(*«Речи Высокого»*, *76–77*).

Исключительно чутко осознавая свою судьбу, викинг и хотел для себя судьбы исключительной. Возможно, нет другого объяснения для расцвета и многообразия самого феномена викингов. Кстати, для передачи понятия «честь» их язык располагал столь же богатой лексикой, как и для передачи понятия «судьба». Эту проблематику можно и «перевернуть»: честь — это еще и паническая боязнь бесчестия, хулы и позора. Это объясняет, если посмею сказать, некоторые формы «бесчестия», не очень очевидные для нас: не получить такого уважения, какого ты, на твой взгляд, заслуживаешь; допустить, чтобы судья вынес приговор по своему усмотрению; оставить оскорбление неотомщенным и даже оставить в живых противника, оказавшегося в твоей власти, — два последних примера настолько шокируют, что у нас есть основания полагать: «саги о современности», где они описаны (то есть «Сага о Торгильсе и Хавлиди» и «Сага о Хравне сыне Свейнбьрна»), — «ложные» саги, написанные клириками в назидательных целях.

Очевидно, в этой связи я должен перейти к сложному понятию мести, о котором писали так много и так запросто. Я уже сказал, что кодексы законов никогда не представляли ее долгом, а давали понять, что это священное право, и показал, почему. Не отомстить означало показать, что ты отказываешься от представления, сложившегося о тебе у других, то есть от той *virtus familiale*, хранителем и носителем которой ты являешься. Не потому ли здесь играли такую роль женщины, традиционные стражи чести клана? На примерах задерживаться долго не буду: пример женщины, молча подавшей сыновьям обгоревшие головы баранов, символически напоминая, что они еще

не отомстили за наглый поджог, в котором погибли члены их семьи, в комментариях не нуждается. Скажем даже, что месть была абсолютной необходимостью: смех, столь редкий в сагах, всегда служит знаком, что кто-то собирается мстить или только что это сделал. Ведь месть могла ждать годы, это не имело значения, несмотря на поговорку *blóðnætr eru hverjum bráðastar* (непереводима, приблизительный смысл: желание мести живей всего в тот день, когда преступление произошло). Есть примеры мести, ждавшей десятки лет и даже однодва поколения, прежде чем совершиться. И другие примеры, когда, несмотря на личную привязанность, вождь велит казнить своего воспитанника и племянника, поскольку считает, что оскорблен братом последнего: *þú skalt deyja!* надо, чтобы ты умер!

Судьба — честь — месть: вот тройная основа, на которой строится сложная диалектика жажды независимости и чувства общности. Мы достаточно много раз подчеркивали, что исторические, религиозные, юридические, культурные и даже климатические условия вынуждали этих мужчин и женщин жить в сообществе. «Друг — радость друга», — говорится и в «Речах Высокого». Но потребность в независимости существовала, заключаясь в том, чтобы самоутверждаться именно внутри коллектива, — впрочем, мы видели, что он обязательно служил посредником для этого. Здесь очень показателен пример Исландии в целом: остров по определению сильно зависел от Норвегии, как в отношении торговли, так и институтов. Тем не менее он неизменно усваивал все более оригинальный облик. Это не значит, что викингу следовало быть *primus inter pares* [первым среди равных (*лат.*)], как часто утверждают; он просто нуждался в сообществе, позволявшем ему утверждаться, без задних мыслей о первенстве. Этим объясняется столь долгое нежелание переходить к абсолютной монархии, которую Север принял только к тысячному году и не без сильных колебаний. В этой связи следует упомянуть гордый ответ исландца Эйнара с Поперечной Реки, когда король Норвегии попросил островитян дать ему островок Гримсей с задней мыслью когда-нибудь подчинить всю страну:

> ...Но если мне надо сказать свое мнение, то я считаю, что жителям этой страны не следует платить Олаву конунгу никаких податей, ни брать на себя другие тяготы, как это делают его подданные в Норвегии. Мы обречем на рабство не только самих себя и наших сыновей, но и всех наших потомков, которые будут жить в этой стране. Тогда стране никогда не бывать свободной. И хотя я верю, что этот конунг человек хороший, но дальше все пойдет так, как и прежде бывало: будут меняться конунги, и среди них будут как хорошие, так и плохие.

> Если народ хочет сохранить свободу, которая была у него со времен заселения страны, то не следует давать конунгу никакой зацепки, которая позволила бы ему считать нас его подданными: ни отдавать ему нашу землю, ни платить податей. Но я думаю, хорошо будет, если тот, кто захочет, пошлет конунгу подарки в знак дружбы — ястребов или коней, шатры или паруса, или другие подходящие подарки. Хорошо, если этим мы завоюем дружбу конунга. А что касается Острова Грима, то, хотя с него нельзя вывезти никакого пропитания, там может разместиться целое войско. Но если там будет иноземное войско и оно двинется на боевых кораблях оттуда, то я думаю, что тогда многим нашим бондам небо с овчинку покажется[1].

Вернемся к семье, этому маленькому сообществу, которое представляет собой условие *sine qua non* для развития индивида. Ее возможности для принуждения были настолько очевидными, что для передачи понятий «родственник того-то» и «ответственный за того-то» существовало одно и то же слово «skyldr». Семья отвечала за каждого из членов, от рождения до смерти, она служила неизбежным посредником для всех их значимых действий. Одним из персонажей «Саги о Торгильсе и Хавлиди» был повеса, которого все порицали за дурное поведение, но которого от всех нападок *fyrir frændsemi sakir*, как родственника, защищал дядя. И обратите внимание, как богата лексика, отражающая представление, что человек бывает великим или сильным благодаря семье: ættstórr, frændríkr, frændmargr, frændstórr.

Это влекло за собой и другое следствие — разделение общества на друзей (союзников, родню, доверенных людей) и врагов. Нейтралитет был невозможен. Особо совершенная строфа из «Речей Высокого» как раз и утверждает, что следует быть другом для своего друга, но нельзя быть другом своего врага[2]. То есть полной свободы как понятия не существовало. Мы опять-таки сталкиваемся с сообществами, диктовавшими человеку, как себя вести: не только семьей, но и деловыми средами (фелагом, гильдией) и даже институтами магического или сакрального характера, такими, как побратимство (fóstbrœðralag). Нам следует особо выделить эту очень привлекательную черту общества — наличие в нем дружбы, будь она вынужденной или нет, то есть будь она результатом свободного выбора или стечения всевозможных обстоятельств. Приведем в этой связи восхитительную строфу 50 из «Речей Высокого»:

---

[1] Сага об Олаве Святом. CXXV // *Снорри Стурлусон*. Круг Земной. Цит. соч. С. 276–277.

[2] Строфа 43.

Сосна, у дома
возросшая, сохнет,
корой не укрыта;
и человек,
что людям не люб, —
зачем ему жить!

На этой фундаментальной диалектике, которая лежит в основе этики скандинавов викингской эпохи и объясняет ее, нам надо сделать особый акцент. Это не значит, что она сама по себе исчерпывает сюжет. Надо рассмотреть и две конститутивных черты нордического темперамента, еще в большей степени, чем социокультурным контекстом, объясняемые этногеографической средой, суровой, холодной и мрачной, которая не могла бы способствовать гедонизму, дилетантизму или легкомыслию. Имеются в виду реализм и пристрастие к материальным благам.

Реализм, или материализм в практическом повседневном поведении, — аспект, сразу же бросающийся в глаза при чтении саг. Житейская мудрость здесь всегда берет верх над возвышенными чувствами. Характерно полное отсутствие ярких теоретических рассуждений, выспренности, выраженное недоверие к пафосу (а если уж он появляется, то достигает невыносимого трагизма, как в исключительной сцене гибели Бергторы и Ньяля в саге о последнем, в главе 129). Акцент делается на непредвзятости, реальной или ложной, на подчеркнутом безразличии, которое неверно называют беспристрастностью сагнаменов. Высшее выражение страстной любви лаконично: *hón var hánum kær*, буквально «она была ему дорога». Не то чтобы там не встречались глубина и интенсивность чувств. Но они всегда выражаются не в словах и не в позах, а в действиях. Зато мы в изобилии наталкиваемся в этих текстах на выводы здравого смысла, практической мудрости: «Мерзка та птица, что гадит в собственное гнездо», «Маленький пучок травы опрокидывает тяжелую телегу», «Невозможно войти в озеро и не намокнуть», «Стена, близкая к горящей, загорается» и т. д. Великие прописные истины возвышенного и отвлеченного характера выражаются не выспренними максимами, а простыми и понятными оборотами речи, выдающими пастуха («Я узнал свое тавро»), моряка («ветер как раз был попутным», в смысле — случай подходящим), горца («был зажат в расщелине», в смысле — оказался между двух огней), перекупщика лошадей («седлать неудачу глупостью»), рыбака («эта сага долгое время просаливалась» — ее сочинение потребовало времени), воина

(тот, кого мы в разговорном языке называем «важной шишкой», назывался «золоченой шеей») и т. д.

Неблагосклонный опыт суровой повседневной жизни и породил важнейший аспект менталитета этих людей — осторожность и недоверчивость. Перечитаем внимательно длинную первую часть «Речей Высокого». Вот ее краткое содержание: если куда-то входишь, не упускай из виду все выходы; не пей слишком много, рискуешь сказать глупости, о которых будешь жалеть; не ешь слишком много, а то подумают, что ты голоден; никогда не расставайся с оружием, враг всегда может оказаться рядом; избегай чрезмерной разговорчивости, и над тобой не посмеются. Короче говоря, никогда не позволяй себе промахов, — впрочем, кропотливая разработка законов происходила по тем же принципам. Неосторожность, игнорирование возможных последствий своих действий всегда вызывали презрение, в том числе и со стороны жертвы. Предельное выражение этого — реакция персонажа «Саги об исландцах» (глава 171, входит в состав «Саги о Стурлунгах»), знавшего, что противников больше и поэтому он уязвим; пронзенный мечом в своей постели, он восклицает: «Slíks var at ván», «Этого следовало ждать», и умирает. Отсюда понятно обилие предосторожностей, какими обставлялись все акты общественной жизни: заключение примирения (grið), широко распространенное привлечение свидетелей даже для совершения самых банальных действий, клятва двенадцати, многочисленные судейские комиссии и т. д. Ведь даже при этом никогда не было гарантий от недоразумения или обмана. Вот почему очень развилось искусство говорить двусмысленно (как в «Саге о Глуме Убийце», где герой дает клятву, которую можно толковать в двух противоположных смыслах), а также удивительно современная практика диалогов, где собеседники никогда не отвечали прямо на заданный вопрос. Тот же реализм побуждал отказываться от всяких гипербол — мы это видели на примере тщательного рассмотрения, почти классификации травм для вынесения объективного решения о санкциях. Обратите внимание и на выбор прозвищ, очень распространенных в ситуации, когда в качестве «фамилии» носили имя отца (А сын Б). Ничего экзальтированного или хвалебного, никаких Львиных Сердец, Обмани-Смерть или Действуй-Открыто. Только объективные констатации: brattr (порывистый), digri (толстый), beiskr (едкий), svefn (сонный), dritloki (ассенизатор!), baulufótr (коровья нога), bríkarnef (с квадратным носом, похожим на табличку), snúinbrynja (выверни-броню!) и даже Эйнар brúðr (невеста!) и т. д.

Так в нашем представлении создается атмосфера, где фантазия, жизнерадостность — вполне понятная для нас — как будто отсутствуют, равно как и вымысел ради удовольствия, столь любимый латинянами. Непосредственное впечатление: сухой, холодный, черствый, иногда черный мир, где ни о чем существенном никогда не говорится напрямую. Здесь, конечно, куда меньше радовались тому, что живут, чем страшились потерять лицо, что и могло придать этим текстам некую озлобленность и мрачность. Тем не менее не будем спешить с выводами. Удушливость этого мира, возможно, искупается широким распространением юмора того типа, который англичане называют *understatement* [недосказанность]. Характерный пример — этот диалог между молодым самодовольным бондом и старым вождем, которому не по душе выходки молодого наглеца.

> Когда со столов было убрано, Офейг [старый вождь] кладет на стол кулак и говорит: «Как ты находишь этот кулак, Гудмунд [надменный молодой человек, севший на почетное место вместо того, чтобы уступить его Офейгу]?»
>
> Гудмунд говорит: «Конечно, он очень велик».
>
> Офейг говорит: «Веришь ли ты, что в нем есть сила?»
>
> Гудмунд говорит: «Разумеется».
>
> Офейг говорит: «Веришь ли ты, что он мог бы нанести изрядный удар?»
>
> Гудмунд говорит: «Ужасный!»
>
> Офейг говорит: «Какой ущерб, как ты думаешь, он бы нанес?»
>
> Гудмунд говорит: «Переломанные кости или смерть».
>
> Офейг говорит: «Как ты думаешь, какой была бы такая смерть?»
>
> Гудмунд говорит: «Очень плохой и не той, какой я желал бы себе».
>
> Офейг говорит: «Тогда не сиди на моем месте!»
>
> «Согласен», — говорит Гудмунд и садится с другой стороны.

Или же вот реплика мужчины, которого жена его соперника, Торбьрг, только что попыталась коварно заколоть ножом: «У женщин есть разные способы домогаться любви, а наша дружба, между Торбьрг и мной, долго была сильной». Видно, что это скорей юмор, чем ирония, — его породил скорей реалистичный взгляд на жизнь, чем ее рациональное толкование.

Этот прагматичный взгляд порождал и любовь к деньгам (может быть, не столько к ним самим, сколько к тому, что они позволяли получить, этот вопрос заслуживает обсуждения), несомненно главную движущую силу действий викингов.

Здесь следствие провести легко. Если вспомнить эти действия, без иерархии важности: занимались ли викинги торговлей, старались хорошо выдать замуж дочерей, возбуждали дела в суде, отправлялись в викингские походы, — вс это делалось с одной целью: приобретения денег. Даже решение Ньяля — создать высший апелляционный суд (fimmtardómr), который судил бы как последняя инстанция и без права обжалования приговоров, оставшихся спорными, — при ближайшем рассмотрении оказывается корыстным: Ньяль хотел создать новый годорд для своего приемного сына Хскульда. Тем же, конечно, объясняется и пристрастие этих людей к судебному крючкотворству: ведь процесс почти всегда приносил выгоду, поддающуюся оценке. Тот, кто его выигрывал, выгадывал в двух отношениях — и чести, и материального положения. Волшебным словом в викингских экспедициях всегда оставалось слово «корысть», шла ли речь о приобретении благ — минимальной ценой, чем и объясняется склонность к нападениям на богатые и беззащитные места: монастыри, аббатства, открытые города и т. д., — или о поселении в процветающих местностях ради получения доходов. Мы видели, что колонизация всегда начиналась с богатых торговых городов (Дублин, Руан), или с факторий, часто посещаемых бродячими купцами (Русь), или же с девственных земель, суливших большой успех при освоении (Исландия). В языке викингов есть красноречивое прилагательное fésjúkr, буквально «больной денежной болезнью»! В сагах изобилуют образы скупцов, на первое место среди которых надо поставить великого вождя и писателя Снорри Стурлусона, которого алчность в конечном счете и погубила. Оценим юмор эпизода из одной саги, где на человека, считающего деньги, внезапно нападает враг и отрубает ему голову: голова, падая, говорит «десять». Или вот бонд хочет принести дар церкви. Ему предлагают оставить двадцать овец: «Ах, нет! Не столько!» Случаи подкупа судей были предусмотрены даже законом, и не знаешь, смеяться или возмущаться, читая об обращении с ómagi, теми бедняками, содержание которых возлагали на сообщество и которых всеми способами пытались сплавить с одного хутора на другой, прилагая больше всего усилий к тому, чтобы избавиться от них!

Я счел нужным представить этику викингов в двух этих контрастных аспектах, ведь было сказано, что в их ментальной вселенной вс объединялось в два антагонистических блока (мы это видели, когда речь шла о богах), и поиск баланса противоборствующих сил или тенденций кажется мне самой очевидной их характеристикой. Однако не следовало бы завершать эти страницы систематической

дискредитацией моих героев. Эти мужчины и женщины в дополнение к недостаткам имели и достоинства: энергию и динамизм, отвагу и смелость, когда требовалось, ведь этим мореходам и авантюристам был необходим боевой характер, а также трезвую ясность ума, чувство личного достоинства и прагматизм, способствовавший проявлениям той примечательной способности к адаптации, которую мы отмечали столько раз. Но ясно, что *анимус* у них главенствовал над *анимой*.

Этот сюжет можно рассмотреть и под другим углом зрения: им было свойственно явное почтение к сложности человеческой личности и вместе с тем определенное нежелание заходить при ее анализе слишком далеко. Эти люди видели только то, что видели, рассматривая мир несколько уплощенно и, конечно, без прикрас и скорей скользили по поверхности вещей и фактов. В связи с ними я всегда вспоминаю формулировку Роб-Грийе, которую он несомненно считал революционной: «Вещи суть вещи, а человек — всего лишь человек»!

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ. ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

Слово «обзор», фигурирующее в заголовке раздела, следует понимать буквально. Нет и речи о том, чтобы отобразить здесь все художественные произведения скандинавского Средневековья — одного из самых богатых в этом отношении[1]. Вспомним также, что в большинстве случаев тексты, которыми мы располагаем, особенно прозаические, составлены в позднейшую эпоху, отстоявшую от викингской самое меньшее на век.

Вот почему в этом очерке я хотел бы обратиться к текстам, которые могли быть знакомы викингам и, следовательно, представляли собой их «литературу». Очевидно, что, не считая исключений, мы знакомы с ними по редакциям, восходящим к христианским временам и записанным клириками. Значит, это создает не только деликатный вопрос христианских влияний (и классических через их посредство), которые они испытали[2], но еще и сложную проблему устной передачи, которая могла предшествовать записи. Многочисленные исследования на эту тему слишком во многих отношениях

[1] О них можно составить себе представление по специальному номеру журнала «Europe»: *Littérature d'Islande*. Europe, n° 647, mars 1983.

[2] Эта проблема детально изучена Р. Буайе: *Boyer, Régis*. Les sagas islandaises Op. cit. Chapitres 3, 4.

основаны на гипотезах, чтобы их выводы можно было принять. Свидетельство Тацита и рунические надписи убеждают, что существовала очень древняя литература прежде всего технического и даже магического характера; изучению в качестве таковой подлежат также некоторые архаичные формулировки в кодексах законов, генеалогии, формулы заклинаний и т. д. Они на свой лад доказывают, что викинги, люди действия, мало склонные к лиризму, одновременно ценили техническую сложность и жили в более или менее эзотерической и магической атмосфере. Поэтому я сделаю беглый обзор древнейших памятников, потом эддической поэзии и наконец скальдической.

Древнейшие памятники (рунические стихи или надписи, фрагменты законов, генеалогии), уже изученные в других отношениях, а именно с точки зрения их исторической ценности, на сей раз будут рассмотрены сугубо как литературные произведения. Напомним, что они дают много ценных сведений о походах викингов на Запад и на Восток, о подробностях повседневной жизни, политики или законодательства. Мы также знаем, что таких памятников исландского происхождения практически не существует, некоторые происходят из Дании, а многие — из Норвегии и Швеции. Помимо банальных формулировок типа «А воздвиг этот камень в память Б, сделавшего то-то и то-то», некоторые отличаются отточенными формулировками, наводящими на мысль, что законы стихосложения, о которых мы сейчас будем говорить, восходят к очень давним временам.

Таков камень из Ивлы в Смоланде (Швеция), воссоздающий портрет «доброго» бонда; он посвящен некоему Свену:

mildan við sinna	милосерден к своим
ok matar go ðan,	и щедр на пищу,
í orðlofi	в большом почете
allra miklu	у всех

Мы обнаруживаем здесь принципиально важный принцип аллитерации (*m*ildan, *m*atar; *o*rðlofi, *a*llra [любые гласные аллитерируют между собой]) и определенный счет слогов (5 или 4) и ударений (по два в строке). Сравним его со знаменитым камнем из Карлеви (Эланд, Швеция, X в.), содержащим полную строфу, которая написана дротткветтом по всем правилам жанра. Она адресована некоему вождю, Сибби:

Folginn liggr, hinns's fylgðu
— Flestr vissi þat — mestar
Daeðir, dolga þruðar

Draugr í þeimsi haugi.
Munat reið-Viðurr ráða
Rógstarkr í Danmarku
Ǽndils iarmungrundar
Ørgrandari landi.

Сокрытым покоится тот — большинство его знает, —
Кому сопутствовали величайшие подвиги,
Дерево Труд [имя валькирии] боя [=воин]
Под этим курганом.
Никогда более верный воинственный бог
Могущественной земли короля моря [=воин]
Не правил территорией данов.

Правила аллитерации и разрешения (чередования долгих и кратких гласных), внутренние графические повторы, метрические ударения, применение хейти и кеннингов, разрушение синтаксиса — перед нами совершенный образчик скальдического размера. К ним добавляются лаконичность, расширение семантического поля обзора за счет подбора сдержанных перифраз, сочетающих природную, божественную, мифологическую и собственно викингскую (король моря) сферы и идеал мужественности, лишенный брутальности, поскольку он смягчен крайней усложненностью формулировки. И мы едва ли удивимся, обнаружив в другом месте, в надписи из Скарпокера (Сдерманланд, Швеция), не имеющий контекста эддический стих (он используется в «Прорицании вльвы» в «Старшей Эдде»):

Gunnarr reisti stein þessi at Lyðbiörn, son sin: jörð skal rifna oc upphiminn.

Гуннар воздвиг этот камень [в память] Лидбьорна, своего сына: земля отворится, как и верхнее небо.

Мы не можем обойти молчанием великолепный Ркский камень (Эстергтланд, Швеция, IX в.), смысл надписи на котором по-прежнему бросает вызов проницательности исследователей. Возможно, там после обычного *in memoriam* идет нечто вроде краткого перечня героев, в число которых входит Тьодрек — несомненно знаменитый король остготов Теодорих Великий:

Réð Þjóðrekr
Hinn Þurmóði,
Stillir flutna
Strandu HraiðmaraR.
Sitir nú garur
Á guta sínum

Skjaldi umbfatlaðr,
Skati Mæringa.

Тьодрек смелый правил,
Вождь воинов на берегу моря Готов.
Вот он теперь сидит на своем парадном коне,
Со щитом на ремне, вождь мерингов.

Такие же формальные приемы, хоть и более простые, присутствуют в текстах некоторых законов, — вероятно, их использовали из мнемотехнических соображений. Мы знаем, что письменные версии этих текстов датируются христианской эпохой и, следовательно, выходят за рамки нашего очерка, но вс наводит на мысль, что некоторые формулировки появились намного раньше, чем были записаны. Нам известно, с какой тщательностью они составлялись: использование повелительного наклонения и аллитерации могли только упростить их запоминание. Вспомним для примера, поскольку оно имеет стихотворную форму, знаменитое «Клятвенное обещание мира» (Griðamál или Tryggðamál), которое содержится в «Грагасе» (исландском своде законов, появившемся не раньше XII в.), но отдельные выражения из которого могут быть по-настоящему древними. Вот несколько выдержек:

Sakar váru á milli þeira N ok M, en nú eru þær settar ok fè bættar (между тем-то и тем-то произошла тяжба, но вот она улажена и компенсирована деньгами):

sem metendr mátu	Как измерили измерители
ok teljendr tölðu	и подсчитали счетчики,
ok dómr dœmði	и судил суд,
ok þiggjendr þágu <...>	и получили получатели <...>
þið skuluð vera menn	Вы должны быть людьми
sáttir ok samvœrir	примиренными и живущими в мире,
at öldri ok at áti,	на попойках и на пирах,
á þingi ok à þjóðstefna <...>	на тингах и публичных собраниях <...>
þið skuluð deila	Вы должны делить
knif ok kjötstykki <...>	ножи и куски мяса <...>
sem frændr, en eigi sem fjándr	как родственники, а не враги <...>
(Ef sakar gørask síðan á milli	(Если далее между вами случится то,
þeira annat en þat, er vel er,	чему не следует случаться, это)
þat)	
skal fé bœta,	должно компенсироваться деньгами,
en eigi flein rjóða.	а не окровавленной стрелой.
En sá ykkar	Но тот из вас двоих,
er gengr á görvar sáttir	кто нарушит заключенные соглашения
eða vegr á veittar tryggðir	и не сдержит клятву,

þá skal hann	Да будут его
svá viða vargr	изгонять и преследовать
rækr ok rekinn	повсюду так же,
sem menn víðast	как изгоняют
vargs reka <...>	повсюду волка <...>
eldr upp brennr	как горит огонь,
jörd grær,	как плодоносит земля,
mögr möður kallar	сын зовет мать,
ok móðir mög fæðir,	а мать кормит сына,
aldir elda kynda,	люди зажигают огонь,
skip skriðr,	корабль скользит,
skildir blíkja,	щиты блестят,
sól skinn,	солнце светит,
snæ leggr,	снег лежит,
Fiðr skríðr,	саам идет на лыжах,
fura vex,	сосна растет,
valr flygr [etc.]	сокол летит [и т. д.]

Что касается генеалогий (ættartölur, ættvísur), которые должен был иметь возможность привести каждый, доказывая свое достоинство свободного человека, — то, конечно, опять-таки ради лучшего запоминания, которому способствовала и аллитерация начальных букв имен (Сиги имеет сына Сиггейра, который рождает Сигурда, и т. д.), этим генеалогиям придавали вид перечней почти литанического характера (когда речь идет о перечислениях другого рода, они называются «тулами», þulur, ед. ч. þula), из которых возникли такие великие поэмы, как «Перечень Инглингов» Тьодольва из Хвинира или «Перечень Халейгов» Эйвинда Финссона Губителя скальдов, уже упоминавшиеся. Мы знаем, что семья была священна, так что неудивительно, если такие списки встречаются в великих эддических поэмах, как «Песнь о Хюндле» или «Песнь о Гротти» из «Старшей Эдды». Мы уже отмечали, что от подобных перечней мог произойти сам жанр саги — чего-то вроде прозаического изложения генеалогий.

Это соображение дает нам удобную возможность перейти к «Эддам». Или, скорей, к «Старшей Эдде», потому что другая, «Младшая» написанная Снорри Стурлусоном в прозе, датируется приблизительно 1220 г. и, даже если цитирует немало более древних поэм, уже явно не «викингская». В ней нас интересуют только некоторые тексты а также истолкование приемов (размеров, фигур и т. д.), без которы эддический и скальдический жанры, тесно связанные, не могли бы существовать.

«Старшая Эдда», или поэтическая, или, как ее ошибочно называют, «Эдда Сэмунда», была обнаружена в 1643 г. Бриньольвом Свейнссоном, епископом Скалахольтским. Этот прелат преподнес ее королю Дании, отчего рукопись получила название Codex Regius; датчане недавно ее вернули Исландии вместе с комплектом исландских рукописей, хранившихся в Копенгагене[1]. Оригинал этого произведения относится к XII в., но некоторые поэмы, входящие в его состав, бесспорно старше (в том числе некоторые могут восходить к VII–VIII вв.), полностью или отчасти. Из соображений сходства формы или содержания к ним добавляют похожие тексты из саг или других источников, называемые «Малой и апокрифической Эддикой» (Eddica minora et apocryphica). Например, «Тулу готов» из «Саги о Хрвер» или «Песнь Дрруда» [Песнь валькирий] из «Саги о Ньяле».

«Старшая Эдда» *stricto sensu* включает четыре десятка поэм, ни авторов, ни датировки, ни мест сочинения которых мы не знаем[2]. Немногочисленные ориентиры позволяют считать некоторые из этих поэм древними («Речи Хамдира»), другие отнести как раз ко временам викингов («Речи Высокого», отчасти «Прорицание вльвы»); но многие были переработаны или просто-напросто придуманы («Песнь о Трюме»), несомненно, для составления Codex Regius в его первоначальной версии. Та же неопределенность — и с местами происхождения, хотя статистически как будто напрашивается вариант Норвегии; но героический цикл может быть и датским (и даже сочиненным континентальными германцами и позже адаптированным), «Песнь об Атли» и «Речи Атли» считаются гренландскими (следует понимать, что их сочинили исландцы в Гренландии; тем не менее это представляется крайне маловероятным), «Прорицание вльвы», возможно, исландское, «Песнь о Риге» может иметь кельтское происхождение, основа «Песни о Влюнде» — паниндоевропейская, как и у «Поездки

[1] Страстным коллекционером этих рукописей был исландский ученый, живший в Дании, — Арни Магнуссон (1663–1730), который отдал их на хранение в Копенгаген и которому мы обязаны тем, что они не были безвозвратно утрачены. Вдохновенный и патриотичный вымысел на сюжет его биографии содержится в романе Халлдора Лакснесса «Исландский колокол». Французский перевод: *Laxness, Halldo r.* La cloche d'Islande / introduction et traduction de l'islandais par Régis Boyer. Paris: Aubier-Montaigne, 1979 (переиздание: Paris: Flammarion, 1991). [Русский перевод: *Лакснесс, Халлдор Кильян.* Исландский колокол. / Пер. Н. Крымовой и А. Эмзиной. М.: Изд. худож. лит., 1963.]

[2] Посвященная ей библиография опять-таки значительна. См.: *Old Norse-Icelandic literature*: a critical guide. Op. cit., главу «Eddic poetry», p. 68 и далее. «Старшая Эдда» целиком переведена на французский: *L'Edda poétique.* Op. cit.

Скирнира». Впрочем, эддический жанр процветал на всей территории, где происходила экспансия викингов, ведь героический цикл имеет более или менее тесную связь со всеми германскими землями, приобретая откровенно готскую («Песнь об Атли», «Речи Хамдира», а также «Песнь о Хлде», взятая из «Саги о Хрвер») или лангобардскую («Речи Гримнира») и даже бургундскую (поэмы, посвященные Сигурду, Гуннару и Гудрун) окраску. Однако в совокупности эддические поэмы отражают германский менталитет, точнее, его скандинавский («викингский») вариант: действие для них обязательно, форма тщательно разработана, значительное место занимает магия.

Следует задержаться, поскольку в этом состоит первая оригинальная черта данных поэм, на технических приемах, отличающихся примечательной изощренностью и сходных в этом с техникой работы по дереву, металлу, коже и т. д., свойственной той же культуре. Повторю, что между эддическим и скальдическим размерами принципиальной разницы нет, просто последний изощренней. Отличия сводятся скорее к избираемым сюжетам, к назначению и духу стихов: скальдическая поэзия — авторская (тогда как эддическая анонимна) , ее непосредственно не занимают ни религиозные, ни героические великие мифы, и она подчиняется более строгим и сложным правилам сложения. Но очевидно, что неизвестного автора «Прорицания вльвы» точно так же следует называть скальдом, как известного (его звали Сигват Тордарсон) автора «Откровенных вис».

Мы уже перечисляли основные правила эддической и скальдической поэзии, когда говорили о рунических стихах: метрическое ударение (и, следовательно, чередование сильных и слабых долей стопы), разрешение, то есть сочетание долгих и кратких слогов, и прежде всего аллитерацию. Цель автора состояла в том, чтобы рассказать (имеется в виду эддический стих) с крайним лаконизмом, часто близким к невразумительности, о фактах и деяниях, достойных сохранения в памяти; этому способствовали только что упомянутые технические приемы, которые все имеют мнемотехническую природу. Я уже говорил, что это может свидетельствовать об устном происхождении, но об этом мы ничего не знаем.

В принципе поэма — это набор строф (вис, vísur, ед. ч. vísa), каждая из которых состоит из последовательности строк или, точнее, ритмических и смысловых единиц, связанных попарно четырьмя ударениями, или сильными долями стоп, а прежде всего аллитерацией, консонантной или вокалической, трехстопной, «ключом» которой служит первый звук ударного созвучия первой сильной доли каждой

четной строки, дважды предвещаемый, таким образом, в предшествующей нечетной строке. То есть:

Hrauzk ór herváðum,
Hratt á völl brynju

(аллитерации на h, «ключ» — в слове hratt)

Броню бранную
Брякнул оземь[1].

Сюда можно добавить внутреннюю «рифму» (innrím, не имеющую ничего общего с тем, что мы понимаем под рифмой), то есть графический повтор внутри каждой строки, «ключ» к которому находится в последнем ударном слоге этой строки. Например (innrím выделен заглавными буквами):

GlUMDi á gjálfrtÖMDum
GESTils skeiðhESTum
ELDr of allvALDi
AEGis nafnfrAEGjum.

Плескался в шуме волн
Гонец Гестиля [=корабль]
Огонь всемогущего
Эгира прославленного.

Таков «размер древних песнопений» (форнирдислаг). Он допускает несколько вариантов: малахатт (форма «речей»), льодахатт (форма песен), гальдралаг (размер магических заклятий) — в зависимости от того, считают количество слогов или нет, сочетают ли размеры, повторяют ли последний стих и т. д. Снорри в «Младшей Эдде» перечислил добрую сотню разных скальдических размеров, приведя пример каждого!

Что касается словаря, то уже эддическая поэзия допускала то, что станет нормой для скальдической: не следует называть существа и вещи их названиями, надо их заменять подобием синонимов или метонимических обозначений, называемых хейти («воющий» вместо ветра, «липа» вместо щита, который часто делали из этого дерева), или перифразами, построенными, на основе метафор, из двух частей, связанных с помощью родительного падежа, — кеннингами (kenningar, ед.ч. kenning: конь моря вместо корабля, погонщик коня моря вместо кормчего и т. д.; можно дойти до шести-семи частей). Может быть, хейти и кеннинги имели сакральное происхождение и были связаны с табуированием каких-то слов.

[1] Пер. С. В. Петрова.

Наконец, этот язык богат флективными формами (склонениями, спряжениями), поддающимися непосредственной идентификации, его синтаксис очень свободен, а порядок слов более или менее зависит от воли автора. Опять-таки это в гораздо большей степени было правилом для скальдической поэзии, чем для эддической, которая, впрочем, тоже не была ему чужда.

Теперь опишем в нескольких строках тексты, содержащиеся в «Старшей Эдде». Их можно разделить на две категории: песни о богах и песни о героях. Первые можно классифицировать в зависимости от бога, который в них действует. Одину посвящены «Речи Высокого» (Hávamál), длинная поэма из нескольких разнородных частей, к которой мы много раз обращались выше, «Речи Вафтруднира» (великана, который, подобно его сородичам, был хранителем изначального знания: Vafþrúðnismál) и «Речи Гримнира» (Grímnismál, инициатическая поэма, напоминающая об испытаниях, которые Одину пришлось вынести, чтобы приобрести высшее знание и распространить его). Тор — главный герой «Песни о Харбарде» (состязания в оскорблениях в лучших индоевропейских традициях, где Тор и Один хвалятся друг перед другом некоторыми из своих подвигов), «Песни о Хюмире» (Hymiskviða, рассказывающей, каким образом Тор отнял котел для варки пива, посвященный асам, и как он едва не убил Великого Змея Мидгарда), «Речей Альвиса» (Тор добивается от карлика Альвиса — Премудрого, — чтобы тот перечислил целый список хейти) и «Песни о Трюме» (þrymskviða, повествующей, каким гротескным образом — переодевшись женщиной! — Тор сумел вернуть свой молот, который у него похитил великан Трюм). Локи — протагонист «Перебранки Локи» (Lokasenna, где он долго поносит богов и богинь), Фрейр — «Поездки Скирнира» (För Skírnis, великолепной поэмы на сюжет плодоносной любви бога весеннего солнца к плодородной земле), Бальдру посвящены «Сны Бальдра» (Baldrsdraumar, где Один силой добивается явления провидицы, чтобы узнать о судьбе, уготованной прекрасному богу Бальдру), а Хеймдаллю — «Песнь о Риге» (Rígsþula), которую мы подробно рассматривали выше (см. с. 233 и далее).

Что касается жанра, то «Речи Вафтруднира», «Речи Гримнира», «Речи Альвиса», а также отчасти «Речи Высокого» и «Речи Сигрдривы» (Sigrdrífumál, на самом деле принадлежащие к песням о героях) — гномические в чистом виде. К этическим относятся в первую очередь «Речи Высокого» и отчасти «Речи Сигрдривы». Скорее эпические — это, кроме цикла о Сигурде, «Песнь о Хюмире», «Песнь

о Трюме», «Поездка Скирнира» и более поздний текст, «Заклинание Гроа» (Grógaldr). «Перебранка Локи» и «Песнь о Харбарде» принадлежат к сатирическому жанру. Чисто магические — «Песнь о Гротти» (Gróttasöngr), третья часть «Речей Высокого» и «Речи Гримнира». Поразительно часто встречается «разделенная игра», или прение, которое, вероятно, отсылает к (опасной) игре «сравнение мужей», описанной в главе о досуге. Многие из этих текстов, прежде всего «Речи Высокого», — составные, и их отдельные части поддаются датировке. В качестве уникальной жемчужины над всем доминирует «Прорицание вльвы», Völuspá. Вльва (пророчица), для начала призвав к молчанию, описывает дантовскими красками мифическую историю богов, от самых отдаленных истоков до вселенской катастрофы Рагнарк и возрождения, которое за ней последует. Сакральная вдохновенность, величественные образы, неистовая динамика, экстатическое великолепие мизансцены поднимают эту исключительную поэму на уровень величайших шедевров средневековой литературы. Вот, например, несколько строф, описывающих Рагнарк.

47. Гарм лает громко
у Гнипахеллира,
привязь не выдержит —
вырвется Жадный.
Ей многое ведомо,
все я провижу
судьбы могучих
славных богов.

50. Хрюм едет с востока,
щитом заслонясь;
рмунганд гневно
поворотился;
змей бьет о волны,
клекочет орел,
павших терзает;
Нагльфар плывет.

52. Сурт едет с юга
с губящим ветви,
солнце блестит
на мечах богов;
рушатся горы,
мрут великанши;
в Хель идут люди,
расколото небо.

57. Солнце померкло,
земля тонет в море,
срываются с неба
светлые звезды,
пламя бушует
питателя жизни,
жар нестерпимый
до неба доходит[1].

Не уступают им и поэмы героического цикла. Их главные герои — идеал нордического витязя, Сигурд Убийца Дракона Фафнира (Фафнисбани), который на самом деле не сделал ничего по-настоящему героического по нашим представлениям, кроме как сохранил до самой смерти верность данному слову[2], и его предшественники или предполагаемые предки, чьи генеалогические связи с ним явно придуманы задним числом: Хельги Убийца Хундинга, Хельги сын Хьрварда (похоже, это не один и тот же Хельги) и даже чудесный кузнец из этой мифологии, полубог Влюнд. Нет никакого сомнения, что отдельные части этих поэм принадлежат, иногда одновременно, к мифу (Сигурд вспоминает о многих богах, в том числе о Тюре, Торе и особенно об Одине, и даже о Бальдре), к легенде (Сигурд воплощает сюжет поиска и предвосхищает героя народной сказки) и прежде всего к истории в этих текстах упоминаются, в частности, гот Эрманарих-рмунрекр («Речи Хамдира»), бургунд Гундахарий (или Гундихарий) — Гуннар («Песнь об Атли») и великие судьбоносные столкновения между готами и гуннами («Песнь о Хлде», или Hlöðskviða) или бургундами и гуннами (все песни, главная героиня которых — Гудрун), где Атли — это Аттила.

Что касается жанров, то обычно проводят различие между древними героическими песнями («Речи Хамдира», «Песнь об Атли», «Речи Атли»), собственно эпическими песнями («Песнь о Сигурде» или Sigurðarkviða, и мнимый «Отрывок», Brot, из «Песни о Сигурде», который на самом деле длинней этой песни, и к ним добавляются обе «Песни о Хельги Убийце Хундинга», Helgakviða Hundingsbana I и II, и «Песнь о Хельги сыне Хьрварда», Helgakviða Hjörvarðssonar) и большими героическими элегиями, где действуют обе женщины

[1] Гарм — пес, возможно, ипостась Фенрира, охраняющий область Хель (ес. угодно, ада). Гнипахеллир — вход в мир Хель. Хрюм — великан. рмунганд — другое имя Великого Змея Мидгарда. Нагльфар — корабль, сделанный из ногтей мертвецов, на котором плывут рати хаоса. Сурт — предводитель огненных великанов, губящий ветви — кеннинг для слова «огонь».

[2] См.: *Boyer, Régis.* La saga de Sigurdr ou La parole donnée. Op. cit.

которых любил Сигурд, — валькирия Брюнхильд-Сигрдрива («Поездка Брюнхильд в Хель», Helreið Brynnhildar, и «Речи Сигрдривы», Sigrdrífumál) и Гудрун (первая, вторая и третья «Песни о Гудрун»). Благодаря концентрации чувства и разреженности атмосферы они достигают патетики, отличающейся редкостной возвышенностью, как эти строфы «Второй песни о Гудрун»:

1. Девой счастливейшей
в женских хоромах
я родилась,
любила я братьев,
покуда мне Гьюки
золота не дал, —
золото дал он
и выдал за Сигурда.

2. Таким был Сигурд
пред Гьюки сынами,
как стебель лука,
из трав встающий,
как легкий олень
меж тварей лесных,
как золота пламя
пред оловом тусклым.

3. Зависть братьев
моих обуяла —
муж мой был лучшим
между героями;
спать не могли,
ни дела обсуждать,
пока они Сигурда
не погубили.

4. Грани примчался, —
слышен был топот, —
Сигурд тогда
сам не приехал;
были все кони
обрызганы кровью,
в пути утомясь,
убийц привезли они.

5. С Грани пошла я
беседовать, плача,
стала расспрашивать,
слезы роняя;

Грани понурил
голову низко —
знал о беде он:
не стало хозяина.

Читатель, знакомый с нашими «песнями о деяниях» или с «Песнью о Нибелунгах», отметит любопытную черту, которая очень хорошо сочетается с соображениями, высказанными мною по поводу поведения викингов вообще и их этики в частности: здесь героизм воспринимается как нечто естественное, не нуждается в демонстрациях, и бесполезно было бы искать подробное описание подвигов. То есть герой совпадает со своим определением; любое многословное подтверждение его героизма не только излишне, но даже грозило бы вызвать сомнения в аутентичности персонажа. Другая черта этих поэм, которая бросается в глаза, — выдающееся место, какое занимает в них Женщина. Здесь неуместно вдаваться в долгие комментарии; достаточно отметить — вспомнив некоторые наблюдения, показавшие видное место хозяйки дома в этом обществе, — что культ Богини-Матери, решающая роль которого заметна по всем великим героическим текстам, бесспорно пользовался в Скандинавии особым расположением с самых древних времен.

В остальном песни о героях подтверждают то, что мы говорили о бескомпромиссном чувстве чести и о непреклонной воле исполнить приговор Судьбы. Здесь, как и в сагах, герой, всегда заранее осведомленный о своей участи (и в «Пророчестве Грипира», Grípisspá, и в «Речах Фафнира», Fáfnismál, и в «Речах Регина», Reginsmál), без колебаний идет навстречу трагической гибели, которую для него обуславливают неизбежное и роковое сочетание необходимости мстить во имя чести с верностью принятым обязательствам (Сигурд связан с Гуннаром и Хгни побратимской клятвой). Конечно, «зол норн приговор» (это последний стих «Песни о Хлде»), но величие, мужество героя заключаются в том, что он не только не пытается избегнуть этого приговора, но решительно идет к его исполнению.

Нам остается только бросить беглый взгляд на скальдическую поэзию[1] — в той мере, в какой этот сюжет не был исчерпан на предыдущих страницах. Ее истоки, несмотря на бурные дискуссии, до сих пор не выяснены, притом что уже у первого известного скальда Браги Боддасона Старого, в «Драпе о Рагнаре» (ок. 850) она является

[1] Общую библиографию см.: *Old Norse-Icelandic literature*: a critical guide. Op cit., p. 157 и далее. По-французски см.: *Boyer, Régis*. La Poésie scaldique. Op cit.

во всеоружии. Для простоты скажем, что, по всей вероятности, она возникла в результате постепенной разработки древнегерманской «длинной строки», использовавшейся еще в «Песни о Хильдебранде» (начало X в.), и развивалась на берегах Балтийского моря со времен неизвестных, но, вероятно, очень древних.

Это поэзия «придворная», соотносящаяся с довольно неразвитым понятием «двора», какое должно было существовать в Германии; мы говорили о хирде, а до того о дротте, — тот факт, что большой скальдический жанр называется «дроттквет», песнь о дротте, в комментариях не нуждается. Как бы то ни было, эта поэзия создавалась с тем, чтобы возносить хвалу вождю, ярлу, королю по общепринятой и неоригинальной схеме: «Изображу короля такого-то, он ломал кольца, он дал пищу ворону...» Обыкновенно здесь было важным не содержание, а форма. Однако такая модель вовсе не была единственной. Некоторые скальдические стихи описывают красивые предметы — расписные щиты, ковры, как «Драпа о Рагнаре» Браги, очень увлекательная, поскольку она обращается к мифологии и сказаниям о героях. Другие, как мы знаем, пересказывают генеалогии авторитетных лиц. Третьи имеют дело с чистой мифологией, четвертые — это длинные эпитафии, и сохранилось немало впечатляющих экспромтов (отдельных вис, lausavísur) на всевозможные сюжеты: ими почти обязательно пересыпаны саги. К тому же скальдические стихи выражают, что в этой литературе большая редкость, личные чувства автора: любовь, досаду, довольство собой, и поэт без колебаний говорит от первого лица. Их содержание может быть и магическим, как мы увидим далее.

Главным, следовательно, было исполнение, небывало искусная разработка, пусть даже на основе фундаментальных принципов эддического форнирдислага. Мы уже прочли руническую вису из Карлеви, не задерживаясь на ее изучении. Теперь мы детально рассмотрим другую вису, написанную исландцем Эгилем Скаллагримссоном. Это магический и хулительный стих, níðvísa, рассчитанная на то, чтобы заклеймить и изгнать личного врага скальда, короля Эйрика Кровавую Секиру — малая история запомнит, что эти проклятия произвели эффект!

Svá skyldi goð gjalda,
gram reki bönd af löndum,
reið sé rögn ok Óðinn,
rán míns féar hánum;
folkmýgi lát flýja,

Freyr ok Njörðr, af jörðum,
leiðisk lofða stríði
landáss, þanns vé grandar.

И вот приблизительный перевод: «Пусть боги изгонят короля из этой страны; пусть они ему воздадут за грабеж моего имущества; пусть Один и Силы разгневаются на него; Фрейр и Ньрд, заставьте бежать из своих владений угнетателя народа; пусть ас страны [вероятно, Тор] рассердится на врага людей, который оскверняет святилище»[1]. Этот перевод возможен только, если мы восстановим «нормальный» (для французского языка) порядок слов — и здесь заслуживает внимания его сравнение со стихотворным вариантом: Bönd reki gram af löndum; svá skyldi goð gjalda hánum rán féar míns; Óðinn ok rögn sé reið, Freyr ok Njörðr, lát folkmýgi flýja af jörðum; landáss leiðisk lofða stríði, þanns vé grandar. Отметим, что это сравнительно простой пример, и обратим внимание на: 1) аллитерации, согласно приведенному выше правилу: это аллитерации на звуки g (gram, goð, gjalda) в двух первых строках, на r (rán, reið, rögn) в двух следующих, на f (Freyr, folkmýgi, flýja), а потом на l (landáss, leiðisk, lofða); из этих звуков один находится в каждой четной строке и два в предшествующей ему нечетной; с них всегда начинается ударный слог; 2) метрические ударения; их три в каждой строке: svá — goð — gjalda, gram — bönd — löndum и т. д., и они расположены в шести слогах каждой строки так, что она заканчивается трохеем; 3) внутренние рифмы, или графические повторы: в каждой четной строке есть одинаковые сочетания гласной и согласной/ых (–önd, –án, –örð, –and), а в каждой нечетной — сочетания, где за разными гласными следует набор одинаковых согласных (–yld / –ald, –eið / að, –ygi / ýj, где i и j, yod, дают один и тот же фонетический эффект, –eið / ið); 4) то, что строфа всегда состоит из двух «половин» (хельмингов), каждый из которых образует смысловую и синтаксическую единицу, что придает всей висе вид текста с варьирующимися повторами; 5) хейти (вместо слова «король» использовано gramr,

[1] Существует русский стихотворный перевод С. В. Петрова:
Да изгонят гада
На годы строги боги,
У меня отнявша
Нудой ношу судна!
Грозный вы на гнусного
Гнев на святотатца
Рушьте, Трор и края ас,
Фрейр и Ньрд, скорее! (*Прим. пер.*)

собственно «государь») и кеннинги, которых здесь три — folkmýgi (о короле Эйрике: угнетатель, mýgir, народа, folk), landáss (ac, áss, страны, land) и прежде всего lofða stríðir (враг, stríður, людей, lofðar, то есть Эйрик: это оборот, сходный с folkmýgir). Я сказал, что это простой пример. Существуют гораздо более сложные кеннинги.

Наконец отметим, что возможности для варьирования были почти бесконечны: можно было чередовать разные стихотворные размеры, добавлять настоящие рифмы во французском понимании, модифицировать количество слогов и т. д. К тому же из этих строф могли складываться намного более длинные поэмы, а именно драпа, хвалебная поэма, куда помещали «рефрен» (стев), представлявший собой неотъемлемую часть текста, иногда предвещавшийся в начале и напоминавший о себе *in fine*, и флокк, более короткий и без «рефрена».

Среди бесчисленных достоинств этой поэзии выделим использование хейти и кеннингов, большое преимущество которых состоит в том, что они вынуждают воображение ассоциировать реальный образ с представлениями, взятыми из совсем других регистров: именование ворона чайкой волны кости (таковая волна — это кровь) связывает морские образы с образами поля битвы. Впрочем, общее правило состояло в том, что сочинители кеннингов старались по возможности обращаться к мифам и богам; без близкого знакомства с языческой религией сочинять скальдические стихи было трудно, и выбор мифов или богов делал смысл стиха двойственным, давая возможность для всевозможных аллюзий, от самых скабрезных до самых хвалебных. Можно также догадываться, какую изощренную головоломку представляли собой подобные строфы для тех, кто пытался их понять. Контрапункт, тема и вариации, полифония — меня всегда поражала музыкальная в конечном счете природа этой поэзии. Жаль, что у нас нет ни малейшего представления, как ее декламировали: глагол kveða, обязательный в данном контексте, может значит «говорить», «декламировать», а также «петь». Как бы то ни было, степень утонченности, совершенство формы, несравненная отточенность этой поэзии, притом что нет никаких сомнений, что викинги ее практиковали, говорит об их культуре больше, чем какой угодно комментарий.

Попытка составить перечень норвежских и исландских великих скальдов — в Швеции и Дании этот жанр, похоже, встречался лишь изредка, — могла бы завести нас очень далеко. Я довольствуюсь тем, что подчеркну: самый, может быть, выдающийся из всех них, Эгиль Скаллагримссон, вису которого мы только что изучили, был и знаменитым викингом. Он жил приблизительно в 910–990 гг. Ему

приписывают три прекрасных поэмы, лучшая из которых, «Утрата сыновей», заслуживает как минимум минуты внимания, столь много она говорит о менталитете этих людей. Эгиль старел, и он только что узнал о смерти второго сына, последовавшей через недолгое время после смерти старшего. Тем самым он лишился наследников. Удрученный, он улегся в постель, решив умереть. Одна из его дочерей хитростью добилась, чтобы он принял какую-то пищу, а потом убедила его воздвигнуть сыновьям нетленный памятник, сочинив в их память поэму. Эгиль согласился: он принялся за поэму, начав ее с многочисленных оскорблений по адресу Одина, бога скальдов, но также бога мертвых, который у него «похитил наследство». Взявшись за дело, он увлекся, составил множество посвящений памяти сыновей и кончил тем, что вознес хвалу богу, которого поначалу проклинал, — потому что осознал, что благодаря очарованию его слога будущие поколения всегда будут вспоминать умерших. Тут приходит на память Виктор Гюго, написавший стихотворение «В Виллекье» после смерти дочери. Подобное поведение немало говорит о богатстве чувств и просто-напросто о цивилизации этих людей.

Этот краткий обзор не претендует лишь на то, чтобы дать читателю некоторое представление об уровне совершенства, достигнутого викингами и в этой сфере. Нам остается поговорить об искусстве как таковом.

И невозможно сделать что-то большее, чем дать самое краткое представление об искусстве.

Напрашивается одно предварительное замечание: во все времена скандинавы проявляли выраженное предпочтение к декоративности, орнаментации. Большое монументальное искусство и, скажем больше, искусство как таковое — скульптура, живопись, архитектура — как правило, не по ним. Вс или почти вс, что сохранилось от их искусства и обладает какой-то ценностью или оригинальностью, имеет орнаментальный характер. Если есть основа, они способны обработать ее до утонченности почти невероятной[1], и так во всех сферах.

На самом деле викинги, которых мы теперь рассмотрим именно под этим углом зрения, приблизительно с 850 г. использовали то, что приобрели вследствие долгой эволюции, некоторые проявления

[1] Здесь опять же библиография значительна и включает в себя массу частных исследований. Хороший общий очерк: *Wilson, David Mackenzie; Klindt-Jensen, Ole.* Viking art. London: Allen & Unwin, 1966. См. также: *Capelle, Torsten.* Kultur- und Kunstgeschichte der Wikinger. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1986, где есть также хорошая библиография; *Boyer, Régis.* L'art viking. Tournai: La Renaissance du livre, 2001.

которой мы уже отметили в начале книги. Я здесь буду опираться на результаты, полученные Бернхардом Салином в исследовании, которое стало основополагающим[1]. Он не заглядывает далее начала нашей эры, что в каком-то смысле прискорбно, поскольку оставляет за кадром столь интересные произведения, как резьбу на камне бронзового века; но преимущество такого подхода состоит в том, что он непосредственно вводит нас в тематику, где в дальнейшем настоящих нарушений связности не будет.

Как и у всех германцев, у скандинавов традиционным мотивом был животный, и художники, как было сказано, с ранних времен стремились к стилизации, декоративности, пользуясь приемами геометрического характера. То, что Б. Салин называет I стилем (до 450 г.), содержало только изображения животных (четвероногих или птиц), уже причудливых форм, причем часто встречались граненые металлические изделия. К 450 г. и в течение последующего пятидесятилетия (II стиль) эти изображения стали причудливыми до такой степени, что разглядеть животное в них иногда сложно, и эти формальные изыски, продвинутые настолько, что мотив становится едва различимым, можно считать декадентскими; в то же время проявились явственные южные влияния, вероятно, микенские. Зато с 500 г. и приблизительно до 850 г. (III стиль), то есть в эпоху так называемых великих переселений, мы отмечаем активное вторжение того, что принято называть скифским искусством; оно осталось животным — этот аспект выглядит незыблемым, — но тенденция к абстрагированию усилилась. Человеческая фигура была большой редкостью, как и растительные мотивы, столь популярные в других местах. Соблазнительно усмотреть в этом стремление адаптировать I и II стили Скандинавии к чертам искусства, характерного для степных всадников. Такая адаптация объясняла бы и внезапное появление в поэзии такого персонажа, как Аттила. К этому добавляются, но на сей раз многочисленные, англосаксонские и прежде всего кельтские влияния (мы видели, что их источником была в основном Ирландия) , которые можно обнаружить и в других сферах, кроме искусства. Интересно, стала ли эта смесь анималистического натурализма и абстрактных изысков плодом внешних влияний, привитых к туземной ветви, или же она была обязана своим существованием некоему

[1] *Salin, Bernhard.* Die altgermanische Thierornamentik: typologische Studie über germanische Metallgegenstände aus dem IV. bis IX. Jahrhundert, nebst einer Studie über irische Ornamentik. Aus dem schwedischen Manuskript übersetzt von J. Mestorf. Stockholm: Asher, 1904.

подобию возврата к очень отдаленным истокам, ведь те же черты были характерны для петроглифов: в интеллектуальной истории Скандинавии вплоть до наших дней нередко бывало, что внешние влияния, усвоенные с энтузиазмом, приводили к возрождениям такого рода[1]. Этой эпохой датируются знаменитые изделия из Бруа, на Готланде, где фигура животного сочетается с целой системой узлов.

Тогда же (к 800 г.) там появился фундаментально важный *gripping beast* [хватающий зверь (*англ.*)], животное, бросающееся на добычу, и этот образ стал популярным надолго. Еще в начале IX в. создатели Усебергского корабля и изделий, содержащихся в нем, саней, повозки и кровати, а прежде всего его носа и кормы довели, похоже, до пределов возможного заполнение открытого пространства, вырезая на дереве декоративные мотивы или переплетенных животных с маленькими головами, разветвленными лапами и сердцевидной тазовой частью. Впрочем, специалисты различают в усебергских скульптурах разные стили. Один из художников, названный «академиком», потому что он строго следовал нормам, по которым выполнены некоторые изделия из Бруа, создал резной столб, заканчивающийся головой чудовища и отличающийся таким совершенством отделки, где смешиваются неразделимо переплетенные геометрические и животные мотивы, что создается впечатление, будто они сами вырастают из столба. Другой художник, названный «каролингским», отдавал предпочтение мотиву «хватающего зверя», изображая его во всех видах.

Отдельно надо выделить искусство Готланда: его знаменитые резные камни, имеющие форму вертикально разрезанных грибов, по-прежнему вызывают восхищение и недоумение, и смысл изображенных на них сцен все еще не прояснен. Особое место, которое Готланд занимает в скандинавской истории вообще и в истории викингов в частности, отмечалось не раз. С V в. там, например, в Бруа, встречаются диски с радиальными спиралями, которые могли быть только солярными и которые находят любопытные параллели в Испании! С VI в. они уступили место строго геометрическим мотивам, в частности, на плоских камнях над входами в склепы; их

[1] Если взять только один современный пример, характерно, что влияние французского «нового романа» около 1960 г., поначалу создав школу и породив массу эпигонов, позже привело к настоящему возврату к великому искусству саг в лучших традициях сказителей. Точно так же едва ли не забавно наблюдать, насколько знаменитые «скандинавские формы» современных утилитарных объектов воспроизводят, словно бы против воли авторов, очертания утвари викингов!

прототипы, вероятно, надо искать в континентальном христианском искусстве, поскольку аналоги были найдены в Трире! Но что здесь интересует нас, так это большие камни, покрытые резьбой по всей поверхности, где в нижней части обычно изображен парусный корабль. Возможно, они появились в VII в. или в начале VIII в., но наиболее разумно датировать их IX в. Самые совершенные имеют достаточно очевидное сходство с усебергскими находками, в частности, с ковром, украшенным наивными мотивами. Неизвестно, должны ли были эти камни напоминать об исторических событиях или мифологических сценах, но композиция рисунков на горизонтальных полосах, восхитительное заполнение резьбой всего наличного пространства, геометрический декоративный мотив, обрамляющий камень, делают из этих оригинальных объектов (размеры которых различны: некоторые достигают высоты более двух метров) настоящие шедевры. Рисунок на камне из Хаммарса в Лербру, например, со сценами войны, жертвоприношения и с огромным кораблем, нагруженным воинами и изображенным в шторм, удачно сочетает повествование (даже если его смысл ускользает от нас) и стилизацию. Однородность некоторых мотивов — костюма и поз воинов, формы кораблей — наводит на мысль, что могла существовать настоящая школа художественной резьбы, как должны были бы существовать «школы» резчиков рун[1]. Готландское искусство, вызвавшее к жизни еще многие удачные произведения, нельзя рассматривать как нечто отдельное: по-видимому, оно составляло часть широкого течения, охватившего всю Скандинавию. Уже сам факт, что оно развивалось на этом острове, имеющем размеры скорей скромные, но служившем почти обязательным этапом Восточного пути, красноречиво показывает природу обменов, какие практиковали варяги.

Некоторые исследователи[2] считают нужным выделять особый стиль, Бердаль (Норвегия), за особые фигуры животных, почти карикатурные со своими непропорциональными головами и растопыренными конечностями, какие изображались на фибулах и металлических гарнитурах. Они датируются временем до 850 г., но их выделение не кажется мне необходимым — они принципиально не отличаются от изделий из Бруа или Усеберга.

[1] Однако уточним, что готландские камни — не рунические, пусть даже на некоторых (на самом деле очень немногих) и нанесены надписи. См. исследование: *Nylén, Erik; Lamm, Jan Peder.* Le mystère des pierres de Gotland: aux sources de la sacralité viking. Paris: Michel de Maule, 2007.

[2] Как Т. Капелле: *Capelle, Torsten.* Op. cit. S. 111–112.

Зато стиль Борре (Норвегия, Вестфолл), появившийся около 840 г. и дававший о себе знать более века, внес неоспоримые новшества — длинные переплетенные ленты, на которых выстроились волнистые тела вытянутых животных с запрокинутыми головами. Вероятно, это стало исходной точкой для появления мотива змеи, которая кусает себя за хвост или пасть которой соседствует с хвостом; к этому мотиву мы еще вернемся. Этот сюжет, отличающийся подлинным динамизмом, будет встречаться во всей сфере экспансии викингов.

Стиль Еллинг (Ютландия, между 870 и 1010 гг.), характерный образец которого — знаменитый резной камень с изображением Христа, надо рассматривать как некий синтез III стиля и стиля Борре. Здесь обнаруживается поиск баланса между реализмом и абстракцией, но при уподоблении тела животного ленте. Завитки, которые в конечном счете стала образовать такая лента, не только на камне, но и на каком-нибудь серебряном кубке, создают ощущение непрерывного, хоть и застывшего движения, упорно напоминая (другое интересное соответствие, поскольку связано с той же эпохой) обращение со временем в «Прорицании вльвы». Этот стиль широко распространился в Великобритании, а именно на острове Мэн, знаменитые кресты которого воспроизводят, но без рабского подражания, знакомый рисунок; они представляют собой хороший пример слияния двух разных манер.

Стиль Маммен (Ютландия, между 960 и 1020 гг., то есть он приходится на конечный период расцвета предыдущего) внес значительное новшество, причем благодаря континентальным влияниям — он как будто стал развитием каролингского искусства: появился стилизованный лиственный фон, на котором выделялись «еллингские» мотивы. Опять же стиль смешанный и, должно быть, получивший немалую популярность, коль скоро мы его встречаем на всевозможных предметах повсюду, где прошли викинги. Видимо, он сыграл значительную роль в развитии каменной скульптуры в Скандинавии. Название этому стилю дало знаменитое железко секиры из Маммена: на одной из его сторон изображена изящно изогнутая птица с треугольным телом и спиральными лапами, крыльями которой служат ветки с листьями аканта. Эту манеру уже предвосхищало изображение схватки льва и змеи на Еллингском камне.

К 980 г. возник стиль Рингерике (Норвегия, к северу от Осло), сохранивший популярность почти в течение века. Он стал продолжением обоих предыдущих, но направление развития, которое задал стиль Маммен, сохранилось: животный мотив теперь был подчинен

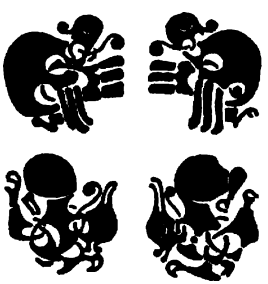
растительному орнаменту, с наглядной сменой ролей. Хороший его пример — роскошный корабельный флюгер из Хеггена (Норвегия). На нем встретились два фантастических животных, у одного из которых листья аканта вместо хвоста, а у другого — вместо гривы. Это был золотой век мотива двух переплетенных змей, изображение которых можно будет встретить на рунических камнях почти повсюду: тело/а рептилий (рептилий) с надписью на нем (них) обрамляет/ют пространство, где могут быть любые мотивы, животные и фигуративные, более или менее стилизованные, или даже целые сюжеты, как на камне из Рамсундсбергета, где можно увидеть забавное изображение сцен из жизни Сигурда Убийцы Дракона. Стиль Рингерике получил большую популярность, особенно в Великобритании.

Остается возникший в самом конце эпохи викингов (1050–1070) стиль Урнес (названный так по красивой ставкирке, мачтовой церкви, в Урнесе в местности Согн, Норвегия), мастера которого почти совсем отказались от животных мотивов, оставив едва ли не одни растительные украшения, изысканность исполнения которых граничит с маньеризмом. Похоже, достичь большего в работе с деревом невозможно. Нужен тренированный и терпеливый глаз, чтобы в кружевном плетении рассмотреть изящное четвероногое. В других местах сюжетом этого искусства, очень широко применявшегося при обработке рунических камней, особенно в Швеции, стала борьба стилизованных змеи и четвероногого существа. Тогда же некоторые художники впервые стали подписывать свои произведения: эпоха викингов явно оставалась позади!

Примерно как и в разговоре о литературе, я намеренно останавливаюсь там, где кончается эпоха викингов. Это причина, по которой я скрепя сердце не стал говорить о сагах и по которой же я ничего не скажу о длительном успехе, ожидавшем в дальнейшем те художественные приемы, которые только что были упомянуты и в отношении которых, естественно, следует уточнить, что они не сменяли друг друга в строгой последовательности, как можно было бы заключить из этой краткой хронологии. Например, стиль Бруа, в большей или меньшей степени наложивший отпечаток на все последующие, оставался неким подобием «непрерывного баса». Так, великолепные резные и узорчатые стойки дверей ставкирки из Хюлестада (Норвегия) можно считать совершенным примером усвоения лучшего из всех техник.

Так или иначе, любопытно, что мы ничего не знаем о художниках, создавших столько шедевров. Скажем больше: в языке нет слова,

чтобы их выделить. Нам уже известно слово smiðr — ремесленник, кузнец, — и мы знаем, что этот человек принадлежал к свободным людям. Возможно, они представляли собой подобие корпорации, не исключено, что и бродячей. Ничто не позволяет утверждать, что этой профессией могли заниматься и женщины. Прилагательное hagr, oddhagr подразумевало наличие очень ловких пальцев; оно всегда встречается в хвалебном контексте. Но мне кажется показательным для менталитета бонда, подробно описанного в этой книге, что «художника» не отличали от ремесленника. В конце концов, в нашем современном компаньонаже, который, как известно, ведет происхождение из давнего Средневековья и в котором почетное место занимают фризские и скандинавские гильдии, подмастерье может получить достоинство компаньона, только доказав, что способен создать «шедевр». Опять же это была прагматичная и реалистичная культура, где, как сказал бы Роберт Бернс, человек представлял собой «исходный материал», а всякое его отличие было уже приобретенным[1] — нет: дарованным в качестве льготы.



[1] Видимо, имеются в виду строки: «При всем при том, при всем при том, пускай бедны мы с вами, богатство — штамп на золотом, а золотой — мы сами!» (пер. С. Я. Маршака) (*прим. перев.*).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. КОНЕЦ ЭПОХИ ВИКИНГОВ. ПРИЧИНЫ И ИТОГ

Хотя по-прежнему продолжаются дискуссии, на самом деле чисто формальные, когда был последний поход, заслуживающий названия викингского (если доводить дело до крайности, можно предположить, что это был поход Кнута Святого в Англию в 1085 г. или даже поход Магнуса Голоногого на остров Мэн около 1103 г.), ясно, что феномен викингов как таковой, как бы его ни толковать, закончился около 1050 г. Таким образом, он продолжался самое меньшее два с половиной века — длительность сама по себе весьма удивительная.

Но из тех же соображений надо задаться вопросом о вероятных причинах, по которым он прекратился. Ответы только укрепят реалистичный образ этого феномена, который следует сформировать, и заодно отодвинут в область мифов множество клише и недальновидных представлений.

Поэтому я разделю эту последнюю главу на три части: исследование причин, объясняющих окончание столь долгой эпохи, формулировку итога этой удивительной авантюры и обзор, с очевидно критическими целями, обличий нашего «мифа о викингах».

ВЕРОЯТНЫЕ ПРИЧИНЫ КОНЦА ВИКИНГСКОГО ФЕНОМЕНА

Эти причины сложны и еще плохо прояснены. Можно догадаться, что их целое множество: движение, столь многообразное и занявшее столь долгий период времени, не могло прекратиться по одной-единственной причине. Мы разделим внутренние причины, зависящие от самой Скандинавии, и внешние, связанные с зарубежными странами, но не упустим из виду такой фактор решающей важности, как взаимодействие этих причин. Например, такая внешняя причина,

как утверждение в Западной Европе сильных централизованных монархий, повлекла за собой внутреннюю причину — коренной поворот в традиционной скандинавской политике. По сути не следовало бы разделять изучение причин и изучение их итога, ведь важно сохранить синтетический подход к европейской истории IX–XI вв. Если выделить только один ее аспект, можно сказать, что она включает в себя феномен викингов, но далеко не сводится к нему. Потому-то Люсьен Мюссе, изучая «вторую волну» «варварских» нашествий, параллельно рассматривал вторжения степных народов — булгар, хазар, венгров, медленное продвижение славян, сарацинский натиск и, наконец, авантюру викингов, что заставило его начать с событий, случившихся около 550 г. Но, конечно, ситуация общего потрясения была только на руку скандинавам, начавшим в то время походы. Я бы сказал, что они вскочили в поезд на ходу. Едва ли возможно представить, чтобы их походы начались внезапно и сами по себе. Вот почему обезумевшие от страха хронисты совершили столько ошибок: они очень часто приписывали одним то, что совершили другие.

Внутренние причины

На них надо обратить особое внимание: самой собой разумеется, что определяющую роль играли они, ведь очевидно, что скандинав не покинет свою страну и не ввяжется в авантюру, если его не побуждают весомые мотивы, прежде всего жажда денег и земель. Среди этих причин я выделю шесть и изложу их в порядке повышения значимости, не скрывая, естественно, субъективного характера этой классификации.

Прежде всего одно практическое соображение, очевидное настолько, что им обычно пренебрегают: скандинавов было довольно мало. Они могли совершать набеги, рейды, ограниченные во времени и в пространстве, колонизацию малого масштаба, которые не требовали многочисленных участников. Где могло происходить поселение малыми группами, после полюбовного соглашения с теми, кто поселился здесь раньше. Но большие десанты, демонстративные высадки, методичные и длительные осады были просто-напросто исключены. Это было то же самое, что ждать от девятнадцати миллионов современных скандинавов, чтобы они заняли и покорили Северную Америку! После того как чувство неожиданности и страх, охотно поддерживаемый, проходили, викинги не могли до бесконечности держаться против местного населения, которое к тому же понемногу училось защищаться.

Это бесспорно. Однако кто-то может возразить: как же пришельцы могли так долго удерживать захваченное, даже с учетом этих перемен? На это ответа нет. Можно только предположить (эту идею невозможно подтвердить, потому что нет надежных доказательств), что тут примешивается вопрос о наемниках, перебежчиках, временных или постоянных помощниках, без которых викинги не могли бы удержаться. Охотно нанимавшиеся на службу и сами — в Англии это хорошо заметно, — они умели быстро знакомиться со странами, на которые падал их выбор, как и с менталитетом народов. Для них, должно быть, война в большей мере имела психологический характер, чем чисто «военный». Они в целом заслуживали, конечно, прозвища, которое я приводил выше и которым одна сага о современности наделила одного из персонажей: они были «выверни-броню» (snúinbrynja). Это давняя характерная черта германских народов — перечесть хоть «Историю» или «Анналы» Тацита. Херуски, хатты, хавки, фризы, гермундуры, свионы — они служили тому, кто больше заплатит, за добрых семь веков до своих потомков-викингов. Помимо того, что эти племена не образовали этнической общности (они скорей проявляли тенденцию объединяться в конфедерации, связанные только общим языком, название одной из которых, аламанны, то есть «все люди» [надо полагать, желающие подчиняться одному и тому же вождю], достаточно показательно), их могли привлекать лишь более плодородные края, где жить было проще и где культура была более развитой, по крайней мере в некоторых аспектах. Пусть даже они по природе были кочевниками или местная система власти не предрасполагала к созданию прочных территориальных единиц, все равно соблазн искать удачи — в обоих смыслах слова — в более благоприятных местах был слишком силен.

Рассмотрим теперь социальные, или социологические, причины. Я вижу их две, тесно связанные.

Первая вызвана одним из главных последствий полной христианизации Европы — постепенным исчезновением рабства. Уже отмечалось, что на Севере эта практика полностью прекратилась в течение XI в. (самое позднее в 1100 г.). Хоть я постарался вернуть понятию þræll истинное значение, какое оно имело в скандинавском обществе, потребовав не отождествлять его с тем, что мы привыкли понимать под словом «раб» на «Юге», тем не менее существование социального слоя трэлей было почти условием *sine qua non* для бонда, чтобы fara í víkingu, пойти в викингский поход. Неизбежные материальные потребности, возделывание полей, рубку леса, присмотр за скотом

и заботы о нем, охоту и рыболовство, снабжение дома, чем он не мог заниматься в течение нескольких месяцев (как минимум) отсутствия, очевидным образом надлежало возлагать на «рабов». Полная отмена этого состояния, сколь бы малообременительным оно ни было на Севере, приковала бонда к месту. С другой стороны, мы знаем, что главным «товаром» для таких крупных купцов, как викинги, были рабы, на сей раз в том смысле, какой это слово имеет в современном французском языке. С тех пор, как рабов как таковых больше не существовало или они перестали быть предметом торговли, исчез важный ресурс и в то же время частый мотив для страндхгга. У меня еще будет возможность поговорить о христианстве в других аспектах, но и этим аспектом пренебрегать не следует.

Вторая социальная причина, отчасти следствие предыдущей, состояла в том, что само понятие «бонд», которое я так часто особо выделял, изменило значение. Бонд приобрел другое лицо. Он пустил корни на месте, если можно так сказать. Достаточно сравнить так называемые исландские саги (Íslendingasögur), действие которых, как считается, происходит в X в., с сагами о современности (samtíðarsögur), восходящими самое раннее к концу XI в. В первых fara í víkingu было естественным занятием героя в юные годы и даже повинностью, которую может нести мужчина в силу возраста (как Гуннар с Конца Склона в «Саге о Ньяле»), или наименее неудобной формой отбыть, если необходимо, изгнание за признанный проступок. Во вторых об этом речи уже нет. Зато топонимика показывает, что жители Скандинавии, первоначально селившиеся на берегах морей, фьордов и рек, стали все больше углубляться на материк, устраивая постоянные поселения. Пример Швеции показывает, что основные работы по расчистке и освоению территорий начались с конца X в. и с тех пор только интенсифицировались. Короче говоря, теперь речь шла о совершенно мирных поселениях, и прямым следствием этого стало иссякание главного источника, где викинги черпали свои кадры.

Намного более важной и решающей стала одна причина технического характера. Мы знаем, что кнорр и его разновидности, включая бюрдинг, имевший немного большее водоизмещение, при всех своих восхитительных достоинствах были непригодны для перевозки тяжелого груза в больших количествах; кроме экипажа, кстати, немногочисленного, они могли перевозить лишь предметы роскоши, легкие и выгодные. А ведь в течение XI в. сама природа международной торговли изменилась. Развитие международных связей и требования

растущей «промышленности» (разумеется, на уровне эпохи) влекли за собой рост потребностей в сырье — дереве, рудах, соли, камне — в большом количестве. Это очень быстро поняли фризы, которые во все времена были гениями европейской торговли. Они использовали для этого свой когг, большое судно, тяжелое и медлительное, с плоским днищем, но пригодное для перевозки товаров оптом в больших объемах. Легкий скандинавский флот не мог с ними конкурировать. Тогда же они заложили основы того, что позже (с XIII в.) назовут Ганзейским союзом, у которого, как известно, было большое будущее. Кнорру, скейду, лангскипу делать там было больше нечего.

Это значит, что надо обратиться к торговым причинам как таковым, на которых изначально строилась сама концепция нашей книги. Я не намерен заново пересматривать дело, для которого привел все доказательства, какие смог найти. Хотя к XI в. связи между Востоком и Западом по Средиземному морю, перерезанные арабами к концу VIII в., восстановились, однако ситуация полностью изменилась. Или, скорее, изменилась эта торговля, выглядевшая жизненно важной для Запада с тех пор, как он вступил в Историю, — она больше не отдавала прямого предпочтения ни драгоценным товарам, ни морским путям. Кстати, мир все шире открывался, что хорошо видно, может быть, на примере исландцев Гренландии, сдвинувших границы известного мира к западу. Так или иначе, мир постепенно приобретал современный облик; каботаж, перетаскивание судов на плечах и меновая торговля все больше уходили в прошлое. Повсюду распространялась монета, а локти водмола и рубленое серебро пора было отправлять на склад старья, где их найдут археологи. Как только не стало возможностей для той торговли, которой традиционно занимался викинг, исчез смысл его существования. Напомним, к примеру, что серебро, арабское или восточное, в XI в. иссякло: для путешествий на Восток, прежде всего шведских, смысла больше не было — в той мере, в какой транзит еще продолжался, его следовало осуществлять государствам, которые основали и научились защищать люди, подобные викингам. Когда стал возможен доступ к удаленным восточным землям, торговцы кожами и шкурами нашли другие источники для получения товаров, кроме Северной Скандинавии. А торговля рабами, как мы сказали, просто-напросто прекратилась.

Эти причины значимы сами по себе, но особенно понятными они становятся в сочетании с политическими.

Под влиянием непрекращающихся контактов с чужими землями Скандинавия неизбежно переходила от понятия — если угодно,

викингского, в любом случае архаичного — монархии-королевства в том смысле, который я постарался очень четко объяснить, к европейской, скажем так, идее монархии, сложившейся на рубеже тысячного года. Остается открытым вопрос, на какую модель равнялся Север и в какой мере его недавняя христианизация способствовала глубоким переменам взглядов, унаследованных от предков: был ли это пример англосаксов Уэссекса? или оттоновской Германии? или, в крайнем случае, Византийской империи? Или проще воспринимавшийся, как более доступный, пример империи Каролингов, который оценивался сообразно различным воздействиям, оказанным ей на Европу? Это второстепенная дискуссия, поскольку главное не вызывает споров и сводится к двум основным пунктам.

Прежде всего, уже никто не ставил под сомнение необходимость монархии. Пример Исландии не должен внушать иллюзий: если этот остров мог ждать три века, прежде чем перейти под власть норвежской, а после датской короны, это произошло благодаря удачному стечению обстоятельств и удаленности острова; впрочем, было бы неправомерно ставить эту маленькую общину, насчитывавшую тогда несколько десятков тысяч душ, в образец для Западной Европы, только потому, что она ближе к нашим современным представлениям, — а ведь монархии следовало быть институтом стабильным, более или менее наследственным, принятым уже на основе выбора или согласия, а не навязанным силой. Очень показателен пример Норвегии: до 1035 г. ни один норвежский «король» не умер своей смертью, после чего его заменил бы сын. Эйрик Кровавая Секира был изгнан в Англию, а после убит, Хакон Добрый погиб при Фитьяре в бою с сыновьями Эйрика, Харальд Серая Шкура умер насильственной смертью в сражении в Лим-фьорде, как и ярл Хакон в Трннелаге. Олаф Трюггвасон погиб в битве при Свльде, ярл Свен был изгнан в Швецию, а Олаф Харальдссон (святой Олаф) смертельно ранен при Стикластадире. Но в 1035 г. Магнус, сын Олафа Харальдссона, был по желанию подданных сделан королем и заключил мир со своим дядей, Харальдом Суровым, который наследовал ему на норвежском троне и мирно правил своим народом, пока политические амбиции не привели его к смерти — конечно, насильственной, но за рубежом, в 1066 г. при Стамфорд-Бридже. Мы здесь видим опять-таки неоспоримое влияние церкви и ее духовного авторитета: Олаф Святой, похоже, имел четкое представление о монархии по божественному праву, пусть даже это представление, возможно, стоило ему жизни. По крайней мере так можно понять сагу, которую написал о нем,

правда, через двести лет, Снорри Стурлусон. Эта идея утвердилась без споров только в XIII в. при Хаконе Хаконарсоне в Норвегии и при Фолькунгах в Швеции. Но в Дании она ждала не столь долго (Вальдемар Великий, XII в.).

Второй пункт: сама природа монархии эволюционировала как следствие необратимых перемен, происходивших с местной аристократией. По словам Гвина Джонса, «викингские предводители с войском и кораблями, в свободное от набегов время охотно включавшиеся в любые усобицы дома, ныне сошли со сцены. Теперь на местах задавали тон люди с землей, и им хотелось стабильности и мира»[1]. Можно сказать, что английский историк проявил определенную склонность к романтизму — времена викингских «предводителей» и образ жизни, который им приписывают, к 1050 г. уже в любом случае ушли в прошлое. Тем не менее для короля в соответствии с новым значением этого слова становилось все важней «мирное развитие» его государства. Повсюду на Севере он постепенно обеспечивал себе контроль над военной силой. Вскоре стала допустимой лишь одна армия — его. Это стало концом «морских королей», если только это выражение имело конкретный смысл.

Кстати, историк отмечает для этого периода более прочную привязанность населения к земле и рост интересов, которые мы бы назвали националистическими: недифференцированный термин «викинг», каким бы ни было его происхождение, уступал место понятиям «норвежец», «датчанин» или «швед», и настолько явно, что есть основания говорить в связи с этим о пробуждении наций.

П. Сойер, один из лучших современных знатоков вопроса, был прав, когда выбрал для своей последней книги, прибегнув к игре слов, название «Kings and vikings», но при этом он вполне сумел, как показывает вся его книга, добиться от читателя, чтобы тот поменял эти термины местами: викинг с его тропизмами уступил место king'y в духе Нового времени, имевшему ясные идеалы. Следовало бы написать: konungr (староскандинавская версия этого слова) умер, да здравствует kung или konge (современные версии соответственно на шведском и датско-норвежском языках).

В конечном счете вс, что мы рассмотрели, вызвано глубинными психологическими причинами, связанными с изменением менталитетов; одна только эта модификация уже объясняет завершение феномена.

[1] *Джонс, Гвин.* Викинги: потомки Одина и Тора. Цит. соч.

Мы не раз подчеркивали, что скандинавы проявляют удивительные способности к адаптации, когда им, добровольно или нет, приходится жить вне родины. Они ассимилируются в новой среде с поразительной легкостью. Мы видели это, когда речь шла о русах, а также о Нормандии. Тут недостаточно вспомнить о их бесспорной малочисленности, которая не давала им изображать из себя завоевателей: приспособиться к чужому образу жизни, не теряя собственного своеобразия, им позволяло еще и похвальное внимание к личности другого. Но факт тот, что, становясь колонистами, они очень скоро усваивали интересы, обычаи, язык и нравы своих бывших жертв. Казус Денло не оставляет в этом сомнений. Как сказал опять-таки П. Сойер, эпоха викингов началась и продолжалась, пока народы, тревожимые скандинавами, видели в них чужаков, и кончилась, когда слово «чужак» больше к ним не подходило.

Внешние причины

Эти вопросы можно повернуть по-другому, если мы захотим выделить внешние причины прекращения феномена викингов.

Их две, и они уже неявно упомянуты в рассуждениях, приведенных выше.

Первая — это христианизация. Помня о том, что мы отметили только что, — о способности к адаптации, — мы не должны удивляться примечательной легкости, с какой Север перешел в религию Белого Христа (Hvíta-Kristr)[1]. И к черту легенды или страшные рассказы, какие приводят некоторые из наших источников, авторы которых прониклись влиянием образчиков латинской агиографии и явно искали что-нибудь сенсационное, пусть и не подтвержденное никакими фактами. Ведь следует настойчиво повторить, что, за некоторыми редкими исключениями, северяне перешли в религию Христа, не противясь: ни кровавых репрессий, ни навязывания религии силой, ни мучеников, ни религиозных войн, ни ересей, ни очагов сопротивления — ни в то время, ни позже. Злые языки скажут, что для викингов была прямая выгода обращаться в христианство, потому что они не могли заниматься своим главным видом деятельности торговлей, не получив хотя бы *primasignatio* [оглашения], широко открывавшего двери к настоящему обращению. Не исключено, что эти ловкие и расчетливые люди умели пользоваться той и другой религией, в обоих случаях имитируя набожность, чему свидетель

[1] На этой точке зрения я счел своим долгом настаивать в издании: *Boyer, Régis* Le Christ des Barbares. Op. cit.

ство — литейные формы, которые дают возможность получить как крест Христа, так и молот Тора. Но я показал, говоря об Исландии, как необыкновенно быстро и прочно утвердилось там христианство; то же самое можно сказать и о трех остальных странах. Очень скоро и во множестве появились святые (Олаф, Магнус, Суннива, Халльвард, Кнут, Эйрик, Йон, Торлак и т. д.), церкви покрылись украшениями, расцвели монастыри со своими школами и скрипториями. И позже можно было написать об этих набожных паломниках в Рим и Святую землю длинное исследование[1], а равно подчеркнуть, что из них вышли убежденные крестоносцы.

Само собой, став христианами, викинги едва ли могли продолжать политику пиратства — в той мере, в какой в этом случае можно говорить о политике.

Кроме того, надо напомнить о некоторых очевидных вещах — например, о миротворческой роли церкви, какими бы ни были ее беды и радости; о ее неуклонном распространении по всей Европе; о таких ее требованиях, как искоренение рабства; о ее вс более глубоком вмешательстве в мирские дела, обусловленном ее взглядами на государство, королевскую власть, иерархию и правосудие; о ее объединительной роли за счет постепенного уничтожения того, что она считала аномалиями или маргинальными феноменами; короче говоря, о ее стабилизирующей роли — она хотела упорядоченности в обществе в соответствии с теорией *ordines* [сословий], отстаиваемой лучшими из ее клириков. А ведь движение, рассредоточение, нестабильность были для викингов прямо-таки законом жизни. К тысячному году эти ценности вышли из употребления.

С другой стороны — и связь с авторитетом христианства здесь понятна сама собой, — во всех странах, ставших жертвами викингов, во Франции, Англии, Германии, Ирландии, на Руси установилась сильная власть, кстати, часто благодаря самим викингам. Там научились их понимать, защищаться от них, при случае их использовать и даже ассимилировать. Вскоре скажут: эти государства во многом им обязаны тем, что по-настоящему осознали свою натуру и свою силу. Альфред Уэссекский был, вероятно, только инициатором образа действий, который на Западе X и XI вв. стал всеобщим. Впрочем, надо полагать, только при особо бездарных суверенах, вроде Карла Простоватого или Этельреда Нерешительного, совершнные скандинавами

[1] *Riant, Paul-Édouard-Didier.* Expéditions et pèlerinages des Scandinaves en Terre Sainte au temps des croisades: thèse présentée à la Faculté des lettres de Paris. Paris: Impr. Ad. Lainé et J. Havard, 1865–1869.

грабежи стали возможны. Примеры мавританской Испании или Византии хорошо показывают, что с самого начала было сравнительно просто помешать викингам совершить любое вторжение или низвести их до их реального положения купцов.

На самом деле, сколь бы беглым ни был наш обзор, чувствуется, что не существует непосредственной, отдельной и решающей причины, по которой феномен викингов прекратился. Он перестал существовать потому, что незаметно лишился содержания. Викинга не упразднили, он сам себя изжил.

Точно так же подведение итога более чем двух с половиной веков деятельности викингов подводит нас к выводу, что совершенно неправомерно делать из них движущую силу Истории с IX по XI вв. Они несомненно очень способствовали ее ходу, но она совершалась не то чтобы без них, но вопреки им.

ИТОГ ДВУХ С ПОЛОВИНОЙ ВЕКОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВИКИНГОВ

Подвести этот итог относительно легко, при условии, что рассматриваешь феномен викингов как часть некоего целого. В принципе роль викингов в дальней перспективе оценивать легче, чем их непосредственный вклад. Я хотел показать, что эти «пираты Севера» действовали как ферменты, проявители, ускорители: в этом качестве они сыграли важнейшую роль как минимум в трех планах, которые мы рассмотрим поочередно.

Прежде всего в политико-экономическом плане, и это можно быстро продемонстрировать, указав, что они создали новые государства или нации либо способствовали их созданию. Они вызвали к жизни торговые потоки, не существовавшие до них. Они некоторым образом пробудили к жизни мир, проявлявший тенденцию замкнуться в самом себе.

Викинги способствовали созданию новых наций или государств. Речь идет не только о их переселенческих колониях — Исландии, Гренландии, Фарерских островах, — которые они присоединили к скандинавскому миру, но и о переустройстве наций, существовавших до них, которым их вклад позволил создать нечто оригинальное. Разумеется, Нормандию (с позднейшими последствиями для Южной Италии и Сицилии), Великобританию, если вспомнить о Денло и Ирландии, а также Русь. Они ничего не изобрели, они довольствовались (если рассматривать их феномен, по выражению Ф. Броделя, с дали

ней дистанции) тем, что оживили и переориентировали основные структуры, привив им нечто свое. Я не хочу сказать, что, например, Великобритания без викингов перестала бы существовать; я говорю, что приобретенный ей облик без них во многом был бы другим. Они были ферментами раздоров, перемен и необходимых, кратковременных адаптаций. Предположим, что Русь осталась бы чисто славянской: без своих князей-русов она была бы не такой, какой стала.

Они создавали новые торговые потоки, даже вопреки своему желанию. Мы видели, как они способствовали основанию почти повсюду портовых городов, факторий, виков, от которых, по всей вероятности, произошло само их название: в Ирландии, в Великобритании, во Фризии, на Руси и в самой Скандинавии. Мы видели, что при их посредстве сместился главный торговый маршрут между Востоком и Западом. Их деятельность не только способствовала известности или оживлению скандинавских стран, она позволила этим странам войти в сообщество европейских держав. С современной точки зрения это может показаться незначительным, но в средние века это было существенным.

Что еще важнее, постоянный сбор данегельда, растущую важность которого мы подчеркивали, сыграл далеко не малую роль в развитии европейской экономики. Вводя в обращение огромную массу драгоценных металлов, до того объектов тезаврации, он одновременно оживлял обменную экономику и способствовал развитию фидуциарной системы, с тех пор широко распространившейся. Фактически повсюду, где встречались викинги, они приводили в движение людей, имущества и монеты, смешивая все; они создавали контакт между мирами, до тех пор более или менее чуждыми друг другу. От китайского Будды, найденного в Хельг, до преторианской гвардии басилевса, от эддической поэмы, называемой гренландской, до руссенорска, на котором и сегодня говорят те, кто живет дальше Киркенеса, от отделки крестов на острове Мэн до плеча льва в Пирее, покрытого руническими надписями, — у поверхностного наблюдателя создается впечатление, что викинги побывали везде. Во всяком случае, они прошли повсюду, куда мог проникнуть их кнорр, вот и все.

Можно сказать и больше. Я отмечал, что викинги позволили некоторым великим державам — Франции, Великобритании, Руси — осознать свое естественное единство, показав географическую, экономическую, стратегическую и политическую важность таких городов, как Париж, Лондон или Киев. Они побудили народы этих держав, силой

или с помощью того, что мы бы сегодня назвали ловкой политикой, объединиться вокруг одного центра, понять собственную природу.

Можно даже предположить: они внушили Западу ощущение, что он представляет собой глобальное единство; ведь ему действительно пришлось создавать общую оборону и, следовательно, реорганизоваться в политическом отношении, устанавливать более сильную централизованную власть, проводить, по словам д'Эненса, «реорганизацию системы и сети индивидуальных и коллективных зависимостей и ассоциаций»[1]. Этот аспект мне всегда казался очень важным. В конце концов, викинги, или варяги, были в равной степени хорошо знакомы с Востоком и по меньшей мере с частью южного побережья Средиземного моря. Но у себя дома они были в Европе, которую опрокинули, расшатав ее структуры. Нет ничего менее варварского в греческом смысле этого слова, чем викинги. По разным причинам они обладали тем ферментом активности, динамизма, который на Юге пребывал в спячке. Они даже дали (индо)европейскому человеку толчок, которого ему недоставало. Есть основания утверждать, что они были первыми настоящими европейцами, и в наши времена, в период устранения перегородок и отмены границ, данный ими пример заслуживает всяческого внимания и уважения. Тем более что непрерывные контакты с другими этносами, другими языками и другими культурами ничуть не мешали им сохранять в неприкосновенности *quid proprii* [свойственное им (*лат.*)]!

Теперь обратим внимание, и, может быть, это самое важное (хотя обычно это упускают из вида), что этот вопрос следует рассмотреть и в связи со Скандинавией. Ведь это она получила от викингских рейдов наибольшую выгоду, и не только по экономическим причинам. Она извлекла из них новую религию вместе с соответствующим мировоззрением; политическую систему и, следовательно, политику, внедрение новой социологии, что повлекло очень глубокие и отдаленные последствия; искусство — а именно архитектуру, — доселе неизвестное, короче говоря, культуру в самом широком смысле слова, в которой до тех пор образовала сравнительно маргинальную часть, пусть и оригинальную.

В сфере культуры Скандинавия много выиграла от этого набора перемен: ее язык обогатился англосаксонскими, нижненемецкими и даже французскими заимствованиями, и, напротив, Запад обязан ей целым лексиконом, прежде всего морским, как мы видели. Важность этих обменов, более значительных для Севера, чем для остальной Ев-

[1] *D'Haenens, Albert.* Les invasions normandes, une catastrophe? Op. cit. P. 80.

ропы, преувеличивать не стоит, но они представляли собой полезное устранение перегородок. Нам известно также значение юридических элементов, которые викинги внедряли всюду, где поселялись: их гражданские законы и прежде всего их судебные и политические институты оставили глубокий след, начиная с современных судов присяжных, вероятно, обязанных им существованием.

Несомненно викингам было чем поделиться и в духовном плане, и тут их вклад был из самых полезных. Я уже хвалил их победоносный динамизм, их предприимчивость, организованность, прагматичную гибкость, пристрастие к эффективности и презрение к абстрактным принципам. Я хотел бы выделить еще одно их достоинство, которое наблюдатели не всегда замечают: примечательное отсутствие предрассудков. Действительно, их религия (в той мере, в какой мы можем претендовать на знакомство с ней) не содержала ничего догматичного, а их этика не допускала дискриминации. Этим несомненно объясняются отсутствие у них фанатизма, открытость, любознательность, а из всего этого опять-таки вытекает умение адаптироваться, о котором мы столько говорили.

Но не стоит впадать ни в какие крайности. Я хотел сбросить викинга с пьедестала героя, чтобы воссоздать его образ таким, каким он был: купцом, авантюристом, особо талантливым в коммерции. Это не значит, что я хочу скрыть такие достоинства этих людей, как отвага, мужество и предприимчивость. Приписывать викингу важную роль в истории Средних веков — не значит утверждать, что этот феномен не имел границ. По зрелом размышлении можно сказать, что влияние викингов в Центральной и Южной Европе не было определяющим, в Восточной Европе очень скоро сошло на нет и, наконец, в Западной оказалось достаточно недолговечным. Фактически викинг оставил след прежде всего в своей «естественной» среде, близкой или далекой, как германской, так и скандинавской.

МИФ О ВИКИНГАХ

Миф о викингах существует уже около тысячи лет[1], и я не считаю, что поступаю дурно по отношению к его мнимым героям, пытаясь разоблачить их. Напротив, благодаря этим стараниям их образ может стать более крупным, поскольку более правдивым, освободившись от вороха вздорных утверждений, жертвой которых стали эти

[1] Подробное исследование см.: *Boyer, Régis*. Le Mythe viking dans les lettres françaises. Op. cit.

люди, хотя они не ограничивались словами и провозглашали в «Речах Высокого», строфа 81:

День хвали вечером,
жен — на костре[1],
меч — после битвы,
дев — после свадьбы,
лед — если выдержит,
пиво — коль выпито.

Суть проблемы в том, что миф о Севере (о «Септантрионе») полностью затмевает образ викинга и что об этом мифе следовало бы сказать много, столько, сколько хватило бы на целую книгу. Здесь мы не рискнем этого сделать, отметив только странную слепоту, которая систематически поражает нас, от Аббона Сен-Жерменского до Рене Арди, когда мы затрагиваем эту тему. Я выделю четыре последовательных стадии в развитии этого сюжета за тысячу лет.

С первых времен (IX в., Аббон Сен-Жерменский: «Осада Парижа норманнами») и до конца XVII в. реакция не менялась, и ее целиком можно свести к знаменитой горячей молитве: «От ярости норманнов спаси нас, Господи!» Разбойники, пришедшие с Севера, — на самом деле десница Господня, карающая Запад за грехи, они суть исчадия Сатаны, сыны Велиала, как выражался Седулий Скотт. За этими дикарями следует ужас:

Уста человека не могут описать
Убиение и великое мучение
Несчастных женщин и мужчин
(*Дионисий Пирамус*)

Это проклятые язычники, бич Божий, как и Аттила. Мы знаем, как и почему под пером перепуганных клириком возникли эти клише. Как писал Гильом Жюмьежский, «на протяжении целых лье [там, где они прошли,] не было видно дыма над крышей и не слышно лая собаки», и этот образ, видимо, сохранился надолго, коль скоро я нахожу его в учебнике по истории Франции для десятого и девятого классов, изданном в 1967 г.[2]

С наступлением XVIII в. и приходом предромантизма угол зрения резко изменился. Следуя, сознательно или нет, Тациту, викингов

[1] Намек на обычай, наличие которого наши староскандинавские источники не подтверждают, но который мог существовать в древнейшие времена.

[2] *Chaulanges, Martial; Chaulanges, Simone.* Images et récits d'histoire de France cours élémentaire, classes de 10e et 9e. Paris: Librairie Delagrave, 1967.

стали описывать как людей, хлынувших со своего Септантриона для возрождения одрябшего Запада. Этот опасный поворот сюжета — известно, к каким ужасным последствиям он привел в XX в., — с каждым поколением становился все популярней. Один историк, Ж. М. Шопен, заявлял в 1843 г.: «На Севере кроются свобода и сила, на Севере медленно вырабатываются элементы всеобщего возрождения». Это было логическим следствием знаменитой теории климатов, дорогой для Монтескье и слишком известной, чтобы напоминать ее здесь. Она сопровождалась возвращением — которое мы уже отметили выше (с. 71) — к теориям гота Иордана, высказанным в его «Гетике», где он называет Север *vagina nationum* и *officina gentium* [утробой, порождающей племена, и мастерской, изготовляющей народы]: бушующие орды викингов вызвали к жизни все лучшее, что есть у нас в Европе. Если существует навязчивая — и ложная — идея, не выдерживающая критики, так это идея перенаселенности Севера, якобы объяснявшей вылазки викингов. Достаточно хоть немного знать о Скандинавии, в том числе современной, чтобы понять, насколько там трудно жить (а особенно трудно было в земледельческую эпоху). Как можно было вообразить, что избыток населения породил там бесчисленные армии «гордых сынов Севера»? Иордан, конечно, имел в виду нашествие, происходившее в эпоху великих переселений, и, должно быть, коллективное бессознательное сохранило, до наших дней включительно, почти забытые образы, относящиеся к тем временам. Лично я не вижу иного объяснения совершенно неправдоподобной легенде. К тому же скандинавов часто путают с кельтами благодаря широкому распространению мнимых поэм Оссиана, главным виновником которого был П. А. Малле при всей его просвещенности в этом вопросе. Тем самым варварские мотивы значительно обогатились. Еще более неожиданной стала теория Гобино, согласно которой Север был колыбелью рыцарства!

Известно, как Роллон и его смелый отряд
Добились, чтобы им отдали ключи от Нормандии;
Всегда сильнейшие и всегда первые,
Из моряков, какими они были, они стали рыцарями.

Подоплека здесь не менялась со средних веков: обескровленный и развращенный Запад нуждался в этом чистом и суровом ферменте, чтобы подлинные мужские и человеческие идеалы вновь оказались в чести. Удивительно, что сам Шатобриан покорно вступает в эту ловушку: «Когда Варварство захватывает Цивилизацию,

оно оплодотворяет ее своей силой и юностью. Когда, напротив, Цивилизация захватывает Варварство, она оставляет его бесплодным» («Анализ истории Франции»). Отсюда было рукой подать до «высшей расы», образцовой цивилизации, отборных индивидов, как только речь пошла (по выражению того же Шатобриана) о «великих белых варварах». Этот мотив с тех пор непрестанно возбуждал многих, и вплоть до наших дней он порождает изобилие превосходных степеней, от которых не может удержаться никто, рассуждающий о викингах без знания предмета.

Можно догадаться, как на этот сюжет набросился романтизм. Романтики трактовали его прежде всего в соответствии с собственной системой образов, великолепно переданной стихом Бодлера, который, конечно, викингов в виду не имел: «Свободный человек, от века полюбил ты океан»[1]. Здесь есть оба образа, к которым долго будут тяготеть персонажи этого мифа: гордая свобода и открытие моря. Однако уточним, что с начала XIX в. сами скандинавы тоже способствовали превознесению этого мотива. Это была эпоха, когда на Севере в ходе пробуждения наций, общего для всей Европы, скандинавские страны подняли на щит свою древность, придавая ей престиж, на котором, как они полагали, зиждется их величие. Я не могу сделать ничего лучше, чем привести выдержку из знаменитой поэмы шведа Гейера в переводе, который опубликовал Ксавье Мармье в 1839 г.:

> Мне было пятнадцать лет. Хижина, где я жил с матерью, казалась мне тесной. Я целый день стерег своих коз. Время казалось мне долгим. Мой дух менялся, и мои представления тоже. Я мечтал, я думал невесть о чем. Но мне уже не было, как прежде, весело в лесу. Я спешил на вершины гор. Я смотрел на обширный океан и как будто слышал, что волны поют нежную песню. Волны, которые неслись по пенному морю, шли от некой дальней земли. Никакая цепь их не сковывала. Они не знали никаких уз.
>
> Однажды утром, стоя на берегу, я заметил корабль. Он мчался в бухту как стрела. Моя душа затрепетала. Мои мысли воспламенились. Я понял, отчего возникло мое томление. Я покинул свою мать и коз, и Викинг увез меня на корабле через Океан.
>
> Ветер с силой дул в паруса, и мы неслись на гребнях волн. Вершина гор растворяется в бледной синеве; я ощущаю свое сердце таким радостным, таким твердым. Я держу в руке ржавый меч отца и клянусь завоевать королевство на море. В шестнадцать лет я убил Викинга, который назвал меня безусым и бессильным. Я стал королем моря. Я мчался по волнам в пылу кровавых сражений. Я

[1] Пер. Эллиса.

высаживался на землю. Я брал крепости, замки; мы со спутниками длинными глотками пили мед на бушующих волнах. [...] Я выбрал себе девушку в Уэльсе. Она плакала три дня, потом утешилась, и нашу свадьбу весело сыграли на море. [...] Мне двадцать лет. Скоро придет смерть. Море жаждет моей крови; в боях оно пило ее совсем горячей. Скоро пылкое сердце, которое бьется еще так быстро, уснет в холодной могиле волн. [...] Море поет мне погребальную песнь. Я жил на волнах; я буду погребен в волнах.

Здесь есть вс для дальнейшего многообразного развития этой темы, где безраздельно царит слово «приключение» (в единственном или множественном числе), где всегда сочетаются смелость и жестокость и где гордо парит революционный девиз — свобода или смерть. Добавим неожиданное восхваление викингской женщины, «божественного пола», по выражению Пьера Виктора. Ясно, что «гордые дети Севера» воспользовались подобием психологического переноса, благодаря которому стали олицетворением всех идеальных черт, приписываемых романтическим героям. Еще шаг, и викинг стал переходным звеном к ницшеанскому Übermensch'у. Теперь это был роковой мужчина, одушевляемый священными страстями, которые присущи Одину и его диким воинам, берсеркам; он стал повелителем высшей эпопеи, неудержимым и не ведающим всех наших буржуазных моральных категорий. Гобино в «Манфредине» (1849) довел эту идею до крайнего предела. Он обращается к «норманну Трости»:

...Знай прежде всего,
Что тебе нет равных среди мужей Севера
И что благодаря тому, что ты сейчас совершил,
Твое имя заслужило жизнь в будущем.
Ты тем самым породишь расу сильных,
Которая сможет вдохновляться твоими смелыми восторгами.
И вот заключительная часть:
Да! норманнская раса на земле велика,
Известно, как ее рука согнула Англию,
Как, без конца взрезая волны морей Севера,
Несмотря на холод, лед, и жажду, и голод,
И медведей, и смерть в тысяче ее обличий,
Она причалила к побережьям Америки.

Новый век во многом не избежал этих опасных преувеличений. Теперь викинг обрел гигантские размеры: «Я — говорю я, и этого довольно!» Вот слова, которые вкладывает в его уста П. Кастела[1]:

[1] *Castela, Paul.* La saga de Ragnar Lodbrok. Montpellier, 1924.

Я никогда не терпел малейшего сопротивления.
Боги — мои вассалы, единственный Господин — это Я.

Или еще, как выразился А. Манген: «Это были воистину люди». Ясно, что этому персонажу приписывается едва ли не прирожденное первенство: викинги — «везде первые» (М. де Сен-Пьер). А поскольку, несмотря ни на что, информация и документация совершенствуются, начинают распространяться отдельные толковые работы, то цивилизацию древних скандинавов выделяют — разумеется, чтобы продемонстрировать ее превосходство.

Еще недавно такие искажения, пусть в смягченном виде, неизбежно встречались почти везде. Поскольку для таких романов, как «Викинги» Поля Виалара, переводов, как «Орм Рыжий» Ф. Г. Бенгтсона, комиксов, среди которых надо упомянуть прежде всего «Астерикса и норманнов», характерны либо высокая техничность при плохой осведомленности, либо повышенный интерес к эротике и насилию, многим казалось необходимым сохранить в наше время нечто исключительное в этих героях. Это снова тематика, с которой я начинал и которую выражает некий Норманди:

Это славный, гордый и торжествующий Север!
Это Север, кичащийся блистательным прошлым,
Это неукротимый, героический и языческий Север,
Север мечтающий и созидающий, — это плебейский Север,
Говорящий волнам «Назад!», и влажные нивы
Создают зеленый Океан перед жемчужным океаном,
Север со стальными чреслами, Север с огромным лбом,
Север с кровавыми вечерами, где спит сладострастие,
Север с соснами, которые вздымаются на бушующем ветру![1]

Дьявольский варвар, доблестный рыцарь без страха и упрека, сверхчеловек-восстановитель, титаническое воплощение Зла, свидетель и светоч высшей цивилизации, похотливая и грубая скотина, на фоне бурного моря, крови, попоек, сакральных рун — в образе викинга, который мы создаем, всегда есть что-то избыточное, а то и тревожное. Шум и ярость. Кровь, сладострастие и смерть. Уже тысячу лет как по образу викинга можно судить о горячке нашего литературного воображения.

Однако он не заслуживает ни таких чрезмерных почестей, ни такого негодования. Если уж восстанавливать его подлинное до-

[1] Цит. по: *Anthologie des poètes français contemporains*. Le Parnasse et les Ecoles postérieures au Parnasse (1866 à nos jours): Morceaux choisis... par G. Walch. Paris: Delagrave, 1958. T. 3. P. 513.

стоинство, следовало бы попытаться обойтись с ним объективно и почти по-братски. В таком случае образ его и ему подобных, который мы сохранили бы в памяти, был бы таким, какой я постарался вывести в этой книге: это были люди решительные, порожденные эффективной и интересной культурой и цивилизацией, для которых очень удачно сложились обстоятельства и которые сумели этим воспользоваться. Они не были, кроме как особых случаев, ни героями, ни извергами. Можно было бы ограничиться утверждением, что направления их деятельности совпали с главными силовыми линиями цивилизации. По этой мерке они были только людьми, в полной мере людьми. И этим все сказано.

БИБЛИОГРАФИЯ

Мы не пытались предложить здесь библиографию предмета, даже приблизительную, — она была бы слишком объемной. Это скорей указания общего характера, предлагаемые читателю, с учетом того, что к подробным исследованиям часто отсылают сноски.

Как бы то ни было, тому, кто хочет изучить этот предмет, необходимы по меньшей мере три издания или журнала:

— *Kulturhistorisk leksikon for nordisk middelalder fra vikingetid til reformationstid = Kulturhistorisk leksikon for nordisk middelalder fra vikingtid til reformasjonstid = Kulturhistoriskt lexikon för nordisk medeltid från vikingatid till reformationstid (KLNM)*. København; Malmö; Oslo: Rosenkilde og Bagger, 1956–1978. 22 v. Необходим, в частности, для изучения цивилизации. Система внутренних ссылок очень удобна.

— энциклопедия *Nordisk Kultur*: Samlingsværk. Stockholm: Bonnier; Oslo: Aschehoug; København: Schultz, 1930–1956. 30 v. Каждый том посвящен конкретной теме. Некоторые тома несколько устарели, но вс в целом сохраняет ценность.

— журнал *Viking* : Norsk arkeologisk årbok, выходит в Осло.

Некоторые хорошие обзорные работы (почти все содержат длинные библиографии):

— *Arbman, Holger*. The Vikings / translated and edited with an introduction by Alan Binns. London: Thames and Hudson, 1961 [Русский перевод: *Арбман, Хольгер*. Викинги. / Пер. Н. В. Ерминой. СПб.: Евразия, 2003].

— *Arbman, Holger; Stenberger, Mårten*. Vikingar i Västerled. Stockholm: Bonnier, 1935.

— *Bloch, Marc*. La société féodale. [1], la formation des liens de dépendance. Paris: Albin Michel, 1939 (особенно p. 28–66). [Русский перевод: Блок, Марк. Феодальное общество. / Пер. Е. М. Лысенко // *Блок, Марк*. Апология истории, или Ремесло историка. М.: Наука, 1986.]

— *Brøndsted, Johannes.* The Vikings / translated from the Danish by Estrid Bannister-Good. Harmondsworth, Middlesex: Penguin, 1960.

— *Foote, Peter G.; Wilson, David Mackenzie.* The Viking achievement: The society and culture of early medieval Scandinavia. London: Sidgwick and Jackson, 1970. Образец, которым я широко пользовался при написании этой книги.

— *Graham-Campbell, James.* The Viking world. London: Frances Lincoln, 1980.

— *Graham-Campbell, James; Kidd, Dafydd.* The Vikings: the British Museum, London, the Metropolitan Museum of Art, New York. New York: W. Morrow: Metropolitan Museum of Art, 1980. Последнее слово в сфере археологии.

— *Haenens, Albert d'.* Les invasions normandes, une catastrophe ? Paris: Flammarion, 1970. Очень короткая, но превосходная работа, особенно в оценке источников.

— *Haywood, John.* Atlas des Vikings / traduit de l'anglais par Martine Selvadjian. Paris: Autrement, 1996.

— *Jones, Gwyn.* A history of the Vikings. London; New York; Toronto: Oxford university press, 1968 [Русский перевод: *Джонс, Гвин.* Викинги. Потомки Одина и Тора. / Пер. З. Ю. Метлицкой. М.: Центрполиграф, 2004]. Несмотря на установку автора на «молодежное» чтение, превосходная работа, которую мы тоже широко использовали.

— *Loyn, Henry Royston.* The Vikings in Britain. London: Book Club Associates, 1977.

— *Magnússon, Magnú s.* Vikings! London: The Bodley Head, 1980.

— *Musset, Lucien.* Les invasions. [2], Le second assaut contre l'Europe chrétienne (VIIe–XIe siècles). Paris: Presses universitaires de France, 1971. [Nouvelle Clio; 12bis.] [Русский перевод: *Мюссе, Люсьен.* Варварские нашествия на Западную Европу: вторая волна. / Пер. А. П. Саниной. СПб.: Евразия, 2001]. Необходимая книга.

— *Musset, Lucien.* Les Peuples scandinaves au Moyen Âge. Paris: P.U.F, 1951.

— *Old Norse-Icelandic literature*: a critical guide / edited by Carol J. Clover and John Lindow. Ithaca (N.Y.); London: Cornell university press, 1985. [Islandica; 45.] Книга, абсолютно необходимая для изучения всего, что касается культуры викингов.

— *Ramskou, Thorkild.* Vikingetiden: skibet, sværdet og vægten. København: Vendelkær, 1965.

— *Randsborg, Klaus.* The Viking Age in Denmark: the formation of a state. London: Duckworth, 1980.

— *Recueils d'études en hommage à Lucien Musset.* Caen: Annales de Normandie, 1990. [Cahiers des Annales de Normandie; 23.]

— *Renaud, Jean.* Les Vikings et la Normandie. Rennes: Ouest-France, 1989.

— *Roesdahl, Else.* Danmarks vikingetid. København: Gyldendal, 1980.

— *Roesdahl, Else.* Vikingernes verden: vikingerne hjemme og ude. København: Gyldendal, 1987. [Русский перевод: *Роэсдаль, Эльсе.* Мир викингов: Викинги дома и за рубежом. / Пер. с дат. Ф. Х. Золотаревской. СПб.: Всемирное слово, 2001.]

— *Sawyer, Peter Hayes.* The age of the Vikings. London: E. Arnold, 1962. [Русский перевод: Сойер, Питер. Эпоха викингов. / Пер. А. П. Саниной. СПб.: Евразия, 2006.]

— *Sawyer, Peter Hayes.* Kings and Vikings: Scandinavia and Europe, A.D. 700–1100. London; New York: Methuen, 1982. Обе книги необходимы. Автор часто грешит излишней критичностью, но его мнения очень здравы и замечательно документированы.

— *Simpson, Jacqueline.* Everyday life in the Viking Age. London: Transworld, 1967. [Русский перевод: *Симпсон, Жаклин.* Викинги: Быт, религия, культура. / Пер. Н. Ю. Чехонадской. М.: Центрполиграф, 2005].

— *Stenberger, Mårten.* Det forntida Sverige. 3. uppl. Stockholm: AWE/Geber, 1979.

— *Vikingen.* Idé och utforming: Ewert Cagner; huvudmedarbetare: Bertil Almgren. Göteborg: Tre Tryckare, 1967. Фундаментальный труд по корректной реконструкции викингской цивилизации на основе археологических данных. Существует адаптированное французское издание: *Les Vikings* / trad. française revue et adaptée par Michel de Boüard; avec le concours de Jan Ivarsson et de Monique de Lesseps. Paris: Hatier, 1972.

— *The Vikings in England (and in their Danish homeland)*: exhibition. London: Anglo-Danish Viking Project, 1981.

Источники

Их шесть видов, и мы использовали в этом произведении многие.

Источники континентального происхождения

— *Adamus Bremensis.* Adami (Bremensis) Gesta Hammaburgensis Ecclesiae pontificum ex rec. Johann Martin Lappenbergii. Hannoverae: Impensis bibliopolii Hahniani, 1846. [Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum ex monumentis Germaniae historicis separatim editi.] Французский перевод: *Adam de Brême.* Histoire des archevêques de Hambourg. Avec une description des îles du Nord / trad. du latin, présenté et annoté par Jean-Baptiste Brunet-Jailly. Paris: Gallimard, 1998. [L'aube des peuples.]

— *Annales Bertiniani.* Recensuit G. Waitz. Hannoverae: Impensis bibliopolii hahniani, 1883. [Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum ex monumentis Germaniae historicis separatim editi.] На французском языке:

Annales de Saint-Bertin. Publiées par Félix Grat, Jeanne Vielliard et Suzanne Clémencet. Paris: C. Klincksieck, 1964. На датском языке — в издании: *Vikingerne i Franken*: skriftlige kilder fra det 9. århundrede. Oversat af Erling Albrectsen. Odense: Odense Universitetsforlag, 1981.

— *Annales Fuldenses.* Post editionem G. H. Pertzii, recognovit Fridericus Kurze. Hannoverae: Impensis bibliopolii Hahniani, 1891. [Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum ex monumentis Germaniae historicis separatim editi.] Также в издании: *Vikingerne i Franken*, см. выше.

— *Annales regni Francorum.* Post editionem G. H. Pertzii recognovit Fridericus Kurze. Hannoverae: Impensis bibliopolii Hahniani, 1895. [Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum ex monumentis Germaniae historicis separatim editi.] Также в издании: *Vikingerne i Franken*, см. выше.

— *Dudon de Saint-Quentin.* Dudonis Sancti Quintini De moribus et actis primorum Normanniae ducum. Nouv. éd. par Jules Lair. Caen: Typ. F. Le Blanc-Hardel, 1865.

— *Einhardus.* Einhardi vita Karoli Magni, In usum scholarum ex Monumentis Germaniae historicis recudi fecit Georgius Heinricus Pertz. [Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum ex monumentis Germaniae historicis separatim editi.] Hannoverae: Impensis bibliopolii Hahniani, 1845. [Русский перевод: Эйнхард. Жизнь Карла Великого. / Пер. А. В. Тарасовой // *Историки эпохи Каролингов.* М.: РОССПЭН, 1999.]

— *Fauroux, Marie.* Recueil des actes des ducs de Normandie de 911 à 1066. Caen: Société des antiquaires de Normandie: Caron et Cie, 1961.

— *Flodoard.* Les annales de Flodoard: Publiées d'après les manuscrits, avec une introduction et des notes par Ph. Lauer. Paris: A. Picard et fils, 1905. [Русский перевод: Флодоард. Анналы. / Пер. А. В. Тарасовой // *Рихер Реймский.* История. М.: РОССПЭН, 1997.]

— *Fontes historiae religionis germanicae.* Collegit Carolus Clemen. Berolini: de Gruyter, 1928.

— *Guillaume de Jumièges.* Gesta normannorum ducum. Éd. critique par Jean Marx. Rouen: A. Lestringant; Paris: A. Picard, 1914.

— *Hamburgisches Urkundenbuch.* Herausgegeben von Johann Martin Lappenberg. (Bd. 2. Abt. 1. Herausgegeben von Anton Hagedorn. Bd. 2. Abt. 2, 3, Bd. 3. Herausgegeben vom Staatsarchiv Hamburg. Bd. 3. Register zum zweiten Band. Bearbeitet von Hans Nirrnheim.) Hamburg: Perthes, Besser & Mauke, 1842–1967.

— *Jordanes.* Getica. Recensuit Theodorus Mommsen. Berolini: apud Weidmannos 1882. [Русский перевод: *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов (Getica). / Вступ. ст., пер., коммент. Е. Ч. Скржинской. СПб.: Алетейя, 2001.]

— *Recueil des actes de Charles II le Chauve, roi de France.* Commencé par Arthur Giry; continué par Maurice Prou; terminé et publié sous la direction

de Ferdinand Lot,... par Georges Tessier. Paris: Impr. nationale, 1943–1955. 3 vol.

— *Recueil des actes de Charles III le Simple, roi de France.* Publié sous la direction de M. Ferdinand Lot; par M. Philippe Lauer... Paris: Impr. nationale, 1940–1949. 2 vol.

— Regino abbas Prumiensis. Reginonis Chronica // *Fontes ad historiam regni Francorum aevi Karolini illustrandam...* — Quellen zur karolingischen Reichsgeschichte... curavit Reinholdus Rau. Bd. 3. Darmstadt: Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1966.

— *Wace.* Maistre Wace's Roman de Rou et des ducs de Normandie. Nach den Handschriften von neuem herausgegeben von Hugo Andresen. Heilbronn: Henninger, 1877–1879. 2 Bd.

— *Widukind.* Die Sachsengeschichte des Widukind von Korvei = Widukindi monachi Corbeiensis rerum gestarum saxonicarum libri tres. 5. Aufl. in Verbindung mit H. E. Lohmann neu bearb. von Paul Hirsch. Hannoverae: Impensis bibliopolii Hahniani, 1935. [Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum ex monumentis Germaniae historicis separatim editi.]

Агиографические источники

— *Vita Anskarii auctore Rimberto* = Accedit vita Rimberti; rec. Georg Waitz. Hannoverae: Impensis bibliopolii Hahniani, 1884. [Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum ex monumentis Germaniae historicis separatim editi: Reihe 2; 2.] Есть английский перевод: *Rimbert.* Anskar: the apostle of the North. 801–865 / translated by Charles H. Robinson. London: The Society for the propagation of the gospel in foreign parts, 1921.

— Ermentaire. Vie et miracles de Saint Philibert // *Giry, Arthur.* Monuments de l'histoire des abbayes de Saint-Philibert (Noirmoutier, Grandlieu, Tournus). Publiés d'après les notes d'Arthur Giry par René Poupardin. Paris: A. Picard et fils, 1905.

— *Thietmar von Merseburg.* Die Chronik des Bischofs Thietmar von Merseburg und ihre Korveyer Überarbeitung= Thietmari Merseburgensis Episcopi chronicon. Hrsg. von Robert Holtzmann. Berlin: Weidmann, 1935.

Английские и кельтские источники

— *King Alfred's Orosius.* A translation of the «Historiae adversum Paganos» of Orosius. Edited by Henry Sweet. pt. I. Old-English text and Latin original. London: Pub. for the Early English text society by N. Trübner, 1883. Рассказы о путешествиях Охтхере и Вульфстана много раз переводились на разные языки. См. сноски на с. 121 данной книги. [Русский перевод: Орозий короля Альфреда. / Пер. В. И. Матузовой // *Английские средневековые источники IX–XIII вв.* М.: Наука, 1979.]

— *Two of the Saxon chronicles*: parallel: with supplementary extracts from the others: a revised text. Edited with introduction, notes, appendices, and glossary by Charles Plummer; on the basis of an edition by John Earle. Oxford: Clarendon, 1892–1899. Переиздание: 1952. Английские переводы: *The Anglo-Saxon chronicle* / a revised translation edited by Dorothy Whitelock; with David C. Douglas and Susie I. Tucker. London: Eyre and Spottiswoode, 1961 (или: *The Anglo-Saxon chronicle* / translated with an introduction by George Norman Garmonsway. London: Dent, 1960.) [Русский перевод: *Англосаксонская хроника.* / Пер. З. Ю. Метлицкой. СПб.: Евразия, 2010.]

— *Chronicon Aethelweardi*: The chronicle of Aethelweard. Edited by A. Campbell. London: Thomas Nelson, 1962.

— *Encomium Emmae Reginae*. Edited for the Royal Historical Society by Alistair Campbell. London: Offices of the Royal Historical Society, 1949.

— *Annala Rioghachta Eireann* = Annals of the Kingdom of Ireland. By the Four masters, from the earliest period to the year 1616. Edited... by John O'Donovan. Dublin: Hodges and Smith, 1851. (Переизд. 1856.) 7 v.

— *The Annals of Inisfallen* (MS. Rawlinson B.503). Edited with translations and indexes by Seán Mac Airt. Dublin: Dublin Institute for Advanced Studies, 1951.

— *Cogadh Gaedhel re Gallaibh* = The war of the Gaedhil with the Gaill. The original Irish text, edited, with translation and introduction, by James Henthorn Todd. London: Longmans, Green, Reader, and Dyer, 1867. [Rerum Britannicarum medii aevi scriptores; no. 48.]

— *Annals of Ireland*: Three fragments, copied from ancient sources by Dubhaltach MacFirbisigh; and edited... by John O'Donovan. Dublin: Irish Archaeological and Celtic Society, 1860.

— *Annales Cambriae*. Edited by the Rev. John Williams ab Ithel. London: Longmans, 1860.

Источники, имеющие отношение к русам

Прежде всего монументальное издание Омельяна Прицака:

— *Pritsak, Omeljan*. The origin of Rus'. Vol. 1. Old Scandinavian Source's other than the Sagas. Cambridge: Harvard Ukrainian Research Inst, 1981 (с почти исчерпывающей библиографией)

— *Constantine VII Porphyrogenitus*. De administrando imperio. [Vol.1]. Greek text edited by Gy. Moravcsik; English translation by R. J. H. Jenkins. Budapest: Pázmány Péter Tudományegytemi Görög Filológiai Intézet; London: Athlone Press, 1949–1962. 2 v. [Русский перевод: *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. / Пер. под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. М.: Наука, 1991.]

— *Лаврентьевская летопись*. Вып. 1. Повесть временных лет. Полное собрание русских летописей, издаваемое Постоянной историко-археографи-

ческой комиссией Академии наук СССР. Т. 1. Л.: изд-во Акад. наук СССР, 1926. Английский перевод: *The Russian Primary chronicle:* Laurentian text. Translated and edited by Samuel Hazzard Cross and Olgerd P. Sherbowitz-Wetzor. Cambridge, Mass: Mediaeval Academy of America, 1953.

Арабские источники

— *Rerum Normannicarum fontes arabici.* E libris quum typis expressis tum manu scriptis collegit, et sumptibus universitatis Osloensis edidit Alexander Seippel. Osloae: Brøgger, 1896–1928.

— *Birkeland, Harris.* Nordens historie i middelalderen etter arabiske kilder. Oslo: I kommisjon hos J. Dybwad, 1954.

— *Ibn-Fadlān, Ahmad Ibn-al-Abbās.* Ibn-Fadlān's Reisebericht. Herausgegeben und übersetzt mit Anmerkungen von A. Zeki Validi Togan. Leipzig: Brockhaus [in Komm.], 1939.

— *Ibn Fadlān, Ahmad.* Voyage chez les Bulgares de la Volga / trad. de l'arabe, présenté et annoté par Marius Canard. Paris: Sindbad, 1988. [*Ибн-Фадлан, Ахмед.* Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. / Пер. и коммент. А. П. Ковалевского под ред. И. Ю. Крачковского. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1939.]

Скандинавские источники

— *Ágrip af Nóregs konunga sögum.* Hrsg. von Finnur Jónsson. Halle: Niemeyer, 1929.

— *Edda*: die Lieder des Codex regius nebst verwandten Denkmälern. Herausgegeben von Gustav Neckel. Umgearbeitete Auflage von Hans Kuhn. Heidelberg: Winter, 1962–1968. Последний французский перевод Р. Буайе: *Les Religions de l'Europe du Nord* / textes traduits et présentés par Régis Boyer... et Éveline Lot-Falck. Paris: Fayard: Denoël, 1974. Пересмотренное и исправленное переиздание: *L'Edda poétique.* Textes présentés et traduits par Régis Boyer. Paris: Fayard, 1992. [Русский перевод: *Старшая Эдда.* / Пер. А. И. Корсуна. СПб.: Наука, 2005.]

— *Snorri Sturluson.* Edda. Udgiven af Finnur Jónsson. København: Gad, 1926. Французский перевод: *Snorri Sturluson.* L'Edda: récits de mythologie nordique / traduit du vieil islandais; introduit et annoté par François-Xavier Dillmann. Paris: Gallimard, 1991. [L'Aube des peuples.] [Русский перевод: *Младшая Эдда.* / Пер. О. А. Смирницкой. СПб.: Наука, 2005.]

Большинство саг, использованных в нашей книге, были переведены на французский Р. Буайе и опубликованы в издании: *Sagas islandaises.* Textes traduits, présentés et annotés par Régis Boyer. Paris: Gallimard, 1987. [Bibliothèque de la Pléiade, 338]. [Русские переводы: *Исландские саги.* М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. —

Исландские саги. / Пер. с древнеисл. яз., общ. ред. и коммент. А. В. Циммерлинга. М.: Языки славянской культуры: А. Кошелев, 2002.]

— *Grágás*: Islændernes lovbog i fristatens tid. Udgivet... af Vilhjálmur Finsen. Kjøbenhavn: Brødrene Berlings bogtrykkeri, 1852–1883. 5 v.

— *Grönlands historiske mindesmærker.* Udgivne af Det kongelige nordiske oldskrift-selskab. Ved Finn Magnussen og C. C. Rafn. Kjøbenhavn: Brünnich; Möller, 1838–1845. 3 v.

— *Guta lag och Guta saga jämte ordbok.* Utgifna... af Hugo Pipping. København: Møller, 1905–1907. «Сага о гутах» была переведена также на французский: Maillefer, Jean Marie. Guta Saga: Histoire des Gotlandais. Introduction, traduction, commentaires // *Études germaniques.* 40 (1985). P. 131–140. [Русский перевод: Сага о гутах. / Пер. с древнегутского и прим. С. Д. Ковалевского // *Средние века.* 1975. Вып. 38. С. 307–311.]

— *Snorri Sturluson.* Heimskringla. Bjarni Aðalbjarnarson gaf út. Reykjavík: Hið íslenzka fornritafélag, 1941–1951. 3 v. Многие тексты («Сага о Харальде Суровом», «Сага о святом Олафе») были переведены на французский Р. Буайе или И. Кавалье («Сага об Инглингах»). [Русский перевод: *Снорри Стурлусон.* Круг Земной. М.: Наука, 1980.]

— *Ari Þorgilsson.* The Book of the Icelanders: (Íslendingabók) / ed. and translated with an introductory essay and notes Halldór Hermannsson. Ithaca, N.Y.: Cornell Univ. Library, 1930.

— *Íslendingabók: Landnámabók.* Jakob Benediktsson gaf út. Reykjavík: Hið íslenzka fornritafélag, 1968. [Íslenzk fornrit, 1.] Существует полный перевод на французский Режи Буайе: *Livre de la colonisation de l'Islande*: selon la version de Sturla Þórðarson (Sturlubók) / trad. de l'islandais ancien, annoté et commenté par Régis Boyer. Turnhout: Brepols, 2000.

— *Scriptores rerum Danicarum medii ævi.* Partim hactenus inediti, partim emendatius editi qvos collegit, adornavit, et publici juris fecit Jacobus Langebek. Hafniæ: Typis viduæ Andr. Hartv. Godiche, per Frider. Christ. Godiche, 1772–1878. 9 v.

— *Norges gamle love indtil 1387.* Udgivne vec R. Keyser og P. A. Munch et Gustav Storm (vol. 4). Oslo: Den Rettshistoriske Kommisjon, 1846–1895. 5 v.

— *Corpus iuris Sueo-Gotorum Antiqui* = *Samling af Sweriges gamla lagar*, på kongl. maj:ts nådigste befallning utgifven af H. S. Collin och C. J. Schlyter. Stockholm: Haggström, 1827–1877. 13 v.

— *Saxo Grammaticus.* Saxonis Grammatici Gesta Danorum. Hrsg. von Alfred Holder. Strassburg: Karl J. Trübner, 1886. Французский перевод: *Saxo (Grammaticus).* La geste des danois / traduit du latin par Jean-Pierre Troadec. Paris: Gallimard, 1995. [L'Aube des peuples.]

— *Jónsson, Finnur.* Den norsk-islandske skjaldedigtning. København: Gyldendal; Kristiania: Nordisk Forlag, 1912–1915. 2 v. См.: *Boyer, Régis.* La poésie

scaldique. Turnhout: Brepols, 1992. [Typologie des sources du Moyen Âge occidental. Fasc. 62. A-VII.B.2*.]

Вторичная литература (только избранная)

— *Andersen, Henning Hellmuth; Madsen, Hans Jørgen; Voss, Olfert.* Danevirke. København: Gyldendal, 1976. 2 v.

— *Arbman, Holger.* Birka: Untersuchungen und Studien. 1, Die Gräber. Stockholm: Vitterhets-, historie- och antikvitetsakad., 1940–1943. 2 v.

— *Askeberg, Fritz.* Norden och kontinenten i gammal tid: studier i forngermansk kulturhistoria. Uppsala: Almqvist & Wiksell, 1944.

— *Dalberg, Vibeke; Kousgård Sørensen, John.* Stednavneforskning. København: Akademisk forlag, 1972–1979. 2 v.

— *Eldjárn, Kristján.* Kuml og haugfé: úr heiðnum sið á Íslandi. Reykjavík: Bókaútgáfan Norðri, 1956.

— *Fellows-Jensen, Gillian* [автор многочисленных работ о топонимах. См., например:]. Scandinavian settlement names in the East Midlands. Copenhagen: Akademisk forlag, 1978.

— *Geijer, Agnes.* Birka: Untersuchungen und Studien. 3, Die Textilfunde aus den Gräbern. Stockholm: Vitterhets-, historie- och antikvitetsakad., 1938.

— *Gotlands Bildsteine*: gesammelt und untersucht von Gabriel Gustafson und Fredrik Nordin. Nach erneuter Durchsicht und Ergänzung des Materials hrsg. von Sune Lindquist. 2 Bd. Stockholm: Wahlström & Widstrand, 1941–1942.

— *Hagen, Anders.* Norges oldtid. Oslo: Cappelen, 1967.

— *Holmqvist, Wilhelm.* Swedish Vikings on Helgö and Birka. Stockholm: Swedish booksellers assoc. [Sv. bokhandlarefören.], 1979.

— *Jankuhn, Herbert.* Haithabu: Ein Handelsplatz der Wikingerzeit. 4., erg. Aufl. Neumünster: Wachholtz, 1963.

— *Jansson, Sven Birger Fredrik.* The Runes of Sweden / transl. by Peter G. Foote. Stockholm: Norstedt & Söner, 1962.

— *Jóhannesson, Jón.* A history of the old Icelandic commonwealth: Íslendinga saga / transl. by Haraldur Bessason. Winnipeg: University of Manitoba Press, 1974.

— *Johnsen, Arne Odd.* Fra ættesamfunn til statssamfunn. Oslo: Aschehoug, 1948.

— *Jones, Gwyn.* The Norse Atlantic saga: being the Norse voyages of discovery and settlement to Iceland, Greenland, America. London; New York; Toronto: Oxford University Press, 1964 [Русский перевод: *Джонс, Гвин.* Норманны. Покорители Северной Атлантики. / Пер. Н. Б. Лебедевой. М.: Центрполиграф, 2003.]

— *Klindt-Jensen, Ole.* Vikingarnas värld. Stockholm: Forum, 1967.

— *Krogh, Knud J.* Viking Greenland / main text translated by Helen Fogh. Copenhagen: The National Museum, 1967.

— *Lot, Ferdinand.* Recueil des travaux historiques de Ferdinand Lot. Tome II. Genève; Paris: Droz, 1970.

— *Malmer, Brita.* Nordiska mynt före år 1000. Bonn: Rudolf Habelt; Lund: C. W. K. Gleerup, 1966. [Acta archaeologia Lundensia. Series in-8°. 4.]

— *Meulengracht Sørensen, Preben.* Saga og samfund: en indføring i oldislandsk litteratur. København: Berlingske, 1977.

— *Olsen, Magnus.* Farms and fanes of ancient Norway. Oslo: Aschehoug, 1928.

— *Olsen, Olaf; Crumlin-Pedersen, Ole.* Five Viking ships from Roskilde Fjord / translation from the Danish Barbara Bluestone. Copenhagen: National Museum, 1978.

— *Ruprecht, Arndt.* Die ausgehende Wikingerzeit im Lichte der Runeninschriften. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1958. [Palaestra; 224.]

— *Shetelig, Haakon; Falk, Hjalmar Sejersted.* Scandinavian archaeology / translated by E.V. Gordon. Oxford: Clarendon Press, 1937.

— *Sjøvold, Thorleif.* The viking ships in Oslo. Oslo: Universitetets oldsaksamling, 1979.

— *Skaare, Kolbjorn.* Coins and coinage in Viking-age Norway: the establishment of a national coinage in Norway in the XIth century, with a survey of the preceding currency history. Oslo: Universitetsforlaget, 1976.

— *Skovgaard-Petersen, Inge; Christensen, Aksel E.* Danmarks historie. Bd 1, Tiden indtil 1340. København: Gyldendal, 1977.

— *Smyth, Alfred P.* Scandinavian York and Dublin: the history and archaeology of two related Viking kingdoms. 2 v. Dublin: Templekieran P., 1975–1979.

— *Stender-Petersen, Adolf.* Varangica. Aarhus: Lunos, 1953.

— *Stenton, Frank Merry.* Anglo-Saxon England. 3rd ed. Oxford: Clarendon Press, 1971.

— *Strand, Birgit.* Kvinnor och män i Gesta Danorum. Göteborg: Historiska inst., Göteborgs univ., 1980.

— *Ström, Folke.* Nordisk hedendom: tro och sed i förkristen tid. Göteborg: Akad.-förl./Gumpert, 1961.

— Thomsen, Vilhelm. Det russiske Riges Grundlæggelse ved Nordboerne // *Samlede Afhandlinger.* 1 (1919). P. 231–414. [Реферат диссертации 1877 г.]

— *Turville-Petre, Edward Oswald Gabriel.* Myth and religion of the North: the religion of ancient Scandinavia. London: Weidenfeld & Nicolson, 1964.

— *Turville-Petre, Edward Oswald Gabriel.* Origins of Icelandic literature. Oxford: Clarendon Press, 1953.

— *Varangian problems.* Report on the first international symposium on the theme «The eastern connections of the Nordic peoples in the Viking period and Early Middle Ages», Moesgaard, University of Aarhus, 7th–11th October 1968. (Editorial board: Knud Hannestad and others.) Copenhagen: Munksgaard, 1970. [Scando-slavica. Supplementum 1.]

— *The Vikings*: proceedings of the symposium of the Faculty of arts of Uppsala university, June 6–9, 1977. Ed. by Thorsten Andersson and Karl Inge Sandred. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1978.

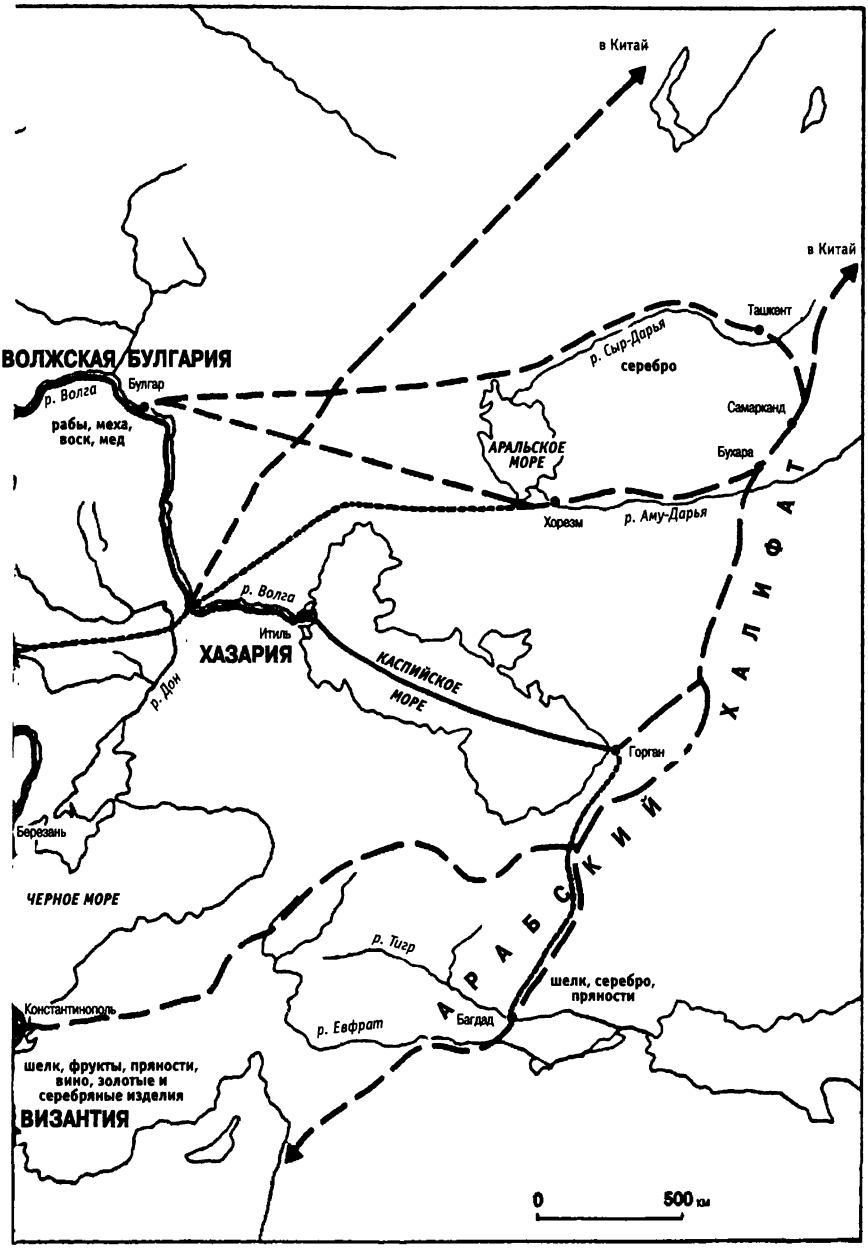
— *Viking antiquities in Great Britain and Ireland.* Edited by Haakon Shetelig. 6 vol. Oslo: H. Aschehoug, 1940–1954.

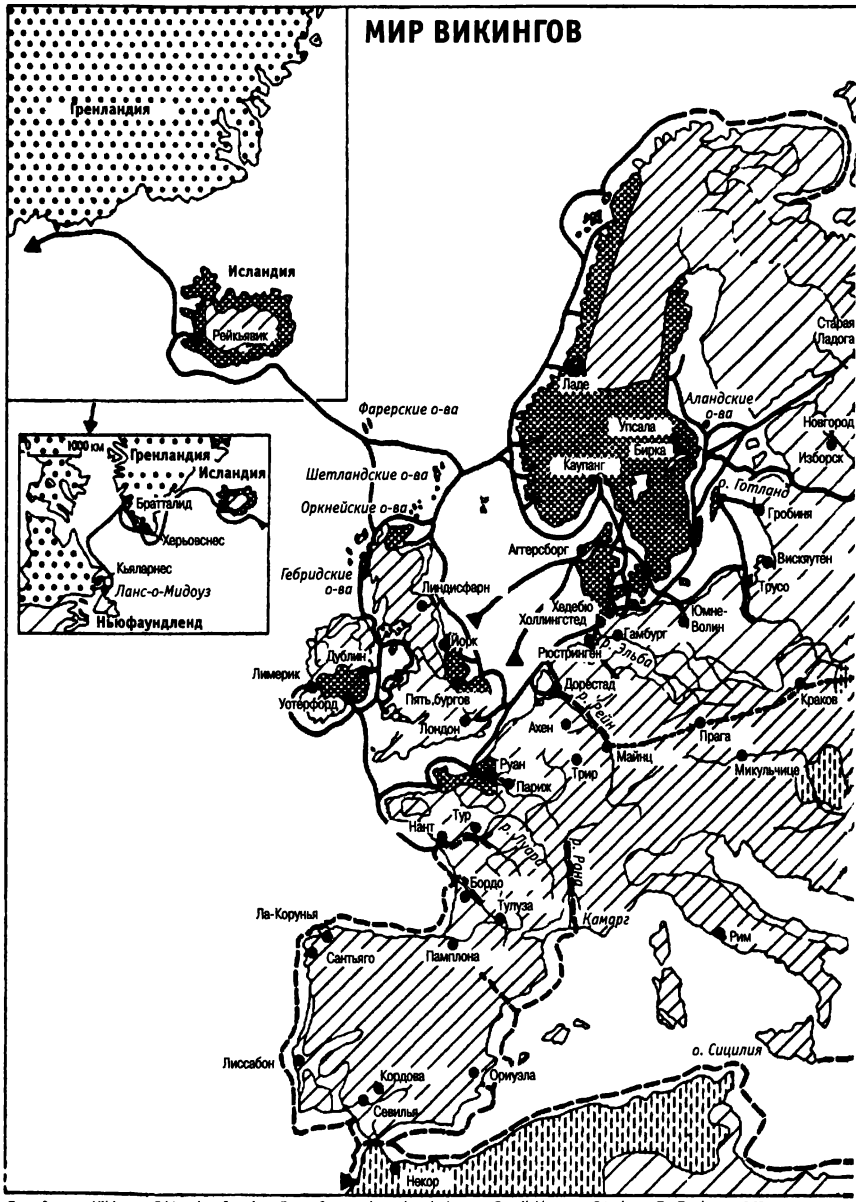
— *Vogel, Walther.* Die Normannen und das Fränkische Reich bis zur Gründung der Normandie (799–911). Heidelberg: Winter, 1906.

— *Wessén, Elias.* Historiska runinskrifter. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1960.

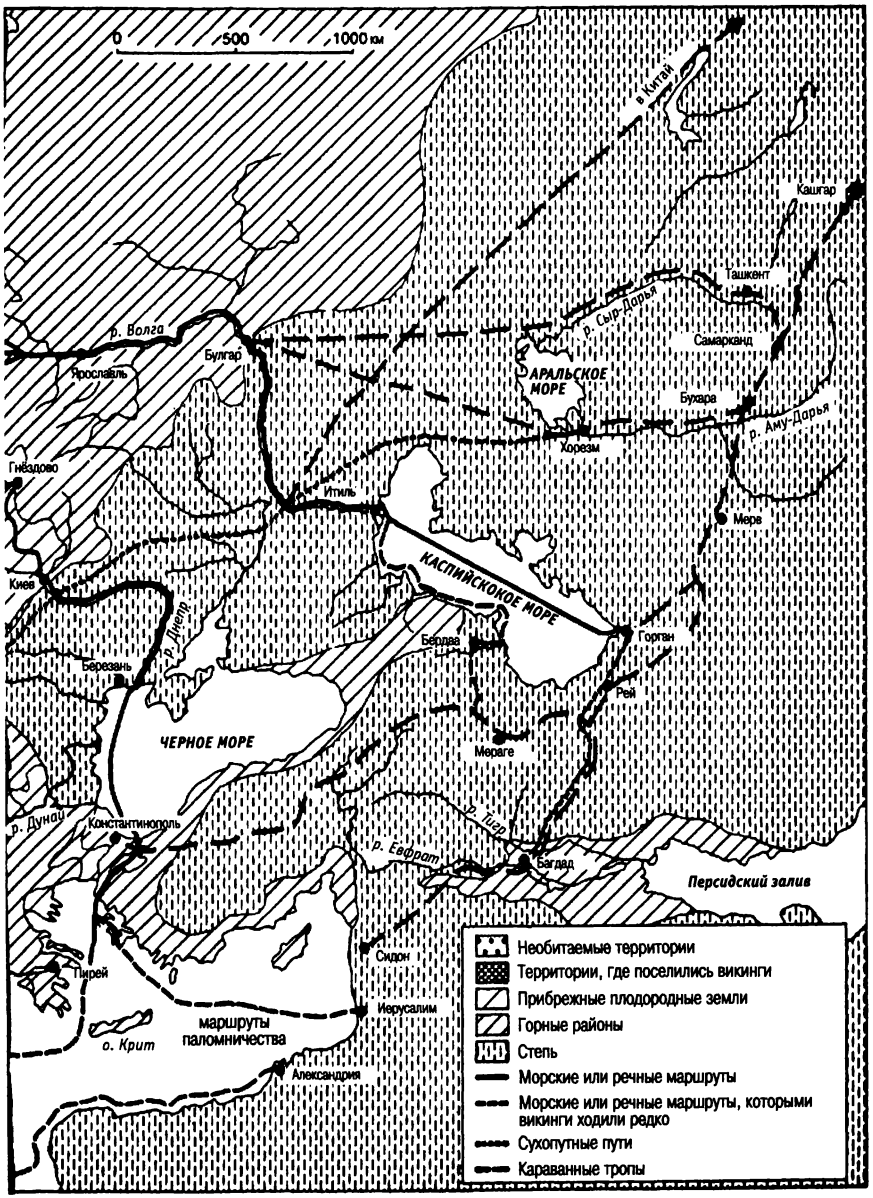
КАРТЫ

По изданию: Graham-Campbell, James. The Viking world. London: Frances Lincoln, 1980.


в Китай
в Китай
Ташкент
р. Сыр-Дарья
серебро
ВОЛЖСКАЯ БУЛГАРИЯ
Булгар
р. Волга
рабы, меха, воск, мед
Самарканд
АРАЛЬСКОЕ МОРЕ
Бухара
Хорезм
р. Аму-Дарья
р. Волга
Итиль
ХАЗАРИЯ
КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
р. Дон
Горган
АРАБСКИЙ ХАЛИФАТ
Березань
ЧЕРНОЕ МОРЕ
р. Тигр
шелк, серебро, пряности
Багдад
р. Евфрат
Константинополь
шелк, фрукты, пряности, вино, золотые и серебряные изделия
ВИЗАНТИЯ
0
500 км



По изданию: Vikingen. Idé och utforming: Ewert Cagner; huvudmedarbetare: Bertil Almgren. Göteborg: Tre Tryckare, 1967.


0
500
1000 км
в Китай
Кашгар
Ташкент
р. Сыр-Дарья
Самарканд
р. Волга
Булгар
Ярославль
АРАЛЬСКОЕ МОРЕ
Бухара
р. Аму-Дарья
Хорезм
Гнёздово
Итиль
Мерв
КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
Киев
р. Днепр
Бердаа
Горган
Березань
Рей
ЧЕРНОЕ МОРЕ
Мераге
р. Дунай
Константинополь
р. Тигр
р. Евфрат
Багдад
Персидский залив
Сидон
Пирей
Иерусалим
маршруты паломничества
о. Крит
Александрия
Необитаемые территории
Территории, где поселились викинги
Прибрежные плодородные земли
Горные районы
Степь
Морские или речные маршруты
Морские или речные маршруты, которыми викинги ходили редко
Сухопутные пути
Караванные тропы

УКАЗАТЕЛЬ

«Bjarkeyjarrittr» 87
«Vederlov» 89
«Англосаксонская хроника» 11, 26, 144, 216
«Анналы королевства франков» 50, 101, 102
«Анналы четырех мастеров» 33
«Анналы» 360
«Антаподосис» 116
«Беовульф» 26, 48, 50, 59
«Бертинские анналы» 24, 95, 103–106, 109, 132, 114, 147, 148
«Война ирландцев с чужеземцами» 33
«Георгики» Вергилия 151
«Гетика» 47, 71
«Грагас» 27, 127, 179, 339
«Деяния данов» 32, 89
«Деяния епископов Гамбургской церкви» 31
«Деяния саксов» 190
«Длинный змей» 82
«Драпа о Рагнаре» 84, 348, 349
«Житие Ансгария» 118, 154, 282
«Заклинание Гроа» 345
«Законы Гулатинга» 240
«Законы Фростатинга» 241, 250
«Записки о галльской войне» 45
«Извлечение из саг о норвежских королях» 28
«Йоунсбок» 127
«Ирландские анналы» 152, 183
«Исландские саги» 29, 266
«История северных народов» 133
«Клятвенное обещание мира» 339
«Книга о заселении Исландии» 152, 154, 170, 171, 174, 196. 203
«Книга об исландцах» (Ари Мудрого) 27, 154, 168, 203
«Книга советов императору» 227
«Королевское зерцало» 280
«Краткая история королей Дании» 32
«Круг Земной» 29, 49, 126, 127, 147, 159, 209, 218
«Ксантенские анналы» 106
«Малая и апокрифическая Эддика» 341
«Младшая Эдда» 90, 268, 273, 291, 314, 340, 343
«Молитва Буслы» 55
«Несторова летопись» 26, 115, 117, 155–157, 160, 164, 191
«Об измерении круга Земли» 106
«Об управлении империей» 32, 115, 131
«Откровенные висы» 342
«Панегирик королеве Эмме» 26, 213
«Перебранка Локи» 344, 345
«Перечень Инглингов» 73, 238, 340
«Перечень Халейгов» 238, 340
«Песнь Дрруда» 265, 341
«Песнь о Влюнде» 262, 341
«Песнь о Гроттти» 257, 340
«Песнь о Гудрун» 34
«Песнь о Людовике» 76
«Песнь о Нибелунгах» 348
«Песнь о Риге» 57, 233, 237, 248, 263, 341, 344
«Песнь о Сигурде» 346
«Песнь о Трюме» 341, 344, 345
«Песнь о Харбарде» 344, 345
«Песнь о Хельги сыне Хьрварда» 346

«Песнь о Хельги Убийце Хундинга» 346
«Песнь о Хильдебранде» 349
«Песнь о Хлде» 342, 346, 348
«Песнь о Хрюмире» 344
«Песнь о Хюндле» 245, 340
«Песнь об Атли» 261, 341, 342, 346
«Плавание святого Брендана» 206, 207
«Подсчет колец» 62, 135
«Поездка Брюнхильд в Хель» 347
«Поездка Скирнира» 41, 319, 342, 344, 345
«Прорицание влвы» 108, 320, 321, 338, 341, 342, 345, 356
«Пророчество Грипира» 348
«Прядь о Вльси» 40, 309
«Прядь о гренландцах» («Прядь об Эйнаре, сыне Сокки») 203
«Прядь об Эдмунде Битом» 307
«Речи Альвиса» 276, 344
«Речи Атли» 341
«Речи Вафтруднира» 276, 344
«Речи Высокого» 39, 69, 94, 323, 325, 330, 331, 332, 341, 344, 345, 372
«Речи Гримнира» 55, 316, 323, 342, 344, 345
«Речи Регина» 348
«Речи Сигрдривы» 55, 344, 347
«Речи Фафнира» 276, 348
«Речи Хамдира» 341, 342, 436
«Роман о Ру» (Роллоне)
«Сага о Боси» 55
«Сага о Вльсунгах» 104
«Сага о Вита-Глуме» 257
«Сага о вождях из Озерной Долины» 289
«Сага о героях» («Герпла») 94, 216
«Сага о Гисли Сурссоне» 86, 174
«Сага о Глуме Убийце» 33, 62, 289 ,303
«Сага о гренландцах» 203 ,207
«Сага о Греттире» 322
«Сага о гутах» 27, 51, 157
«Сага о епископах» 325
«Сага о йомсвикингах» 18, 85, 86, 92, 121, 189, 310
«Сага о Кормаке» 303
«Сага о людях из Лососьей Долины» 174, 267
«Сага о людях из Озерной Долины» 59
«Сага о людях с Песчаного Берега» 125, 177, 161, 206, 234, 243, 296
«Сага о названных братьях» 86, 94
«Сага о Ньяле» 70, 125, 180, 181, 197, 221, 243, 245, 256, 257, 265, 270, 294, 298, 327, 341, 362,
«Сага о Снорри Годи» 174, 198, 266, 296
«Сага о Стурлунгах» 62, 72, 97, 242, 256, 325, 327, 246, 275, 296, 333
«Сага о Торгильсе и Хавлиди» 296, 239, 329, 331
«Сага о фарерцах» 106
«Сага о Хаконе, сыне Хакона» 251
«Сага о Харальде Суровом» 147
«Сага о Хрвер и Хейдрике» 45, 159, 275, 341, 342
«Сага о Хравне сыне Свейбьрна» 329
«Сага о Храфнкеле Годи Фрейра» 40, 297
«Сага о христианстве» 197
«Сага об Инглингах» 37, 49, 72, 159
«Сага об исландцах» 296, 333
«Сага об Олаве Святом» 127, 236, 250, 331
«Сага об Олаве, сыне Трюггви» 126, 129
«Сага об Эгиле, сыне Грима Лысого» 72, 125, 183, 273, 296
«Сага об Эйрике Рыжем» 207
«Сага Сиглар» 78
«Саги о Винланде» 203
«Саги о епископах» 198
«Серкланд» 196
«Сны Бальдра» 245, 344
«Старшая Эдда» 39, 41, 55, 70, 94, 108, 159, 199, 233, 257, 261, 305, 309, 311, 312, 316, 319, 320, 323, 325, 338, 340, 341, 344
«Тула готов» 341
«Утрата сыновей» 352
«Фульдские анналы» 106, 132
«Хаустлнг» 84
«Хафлидаскра» 179
«Хвалебная песнь о доме» 259
«Хвитраманналанд» 204
«Хирдскра» 82, 89

А

Аббасиды 6
Аббон Сен-Жерменский 23, 25, 150, 372
Абд ар-Рахман II 105, 108
Абсалон, архиеп. 32

Авраншен 187
Аггерсборг 19, 92
Агдир 171
Агилульф 49
Адам Бременский 31, 126, 177, 190 , 206, 218, 282, 284, 287, 308
Адонис 319
Айлендсбридж 107
Айлех 106
Аифор, порог 116
Аквитания 12, 24, 74, 105
Ал-Масуди 27, 114, 138, 192
Ал-Тартуши 189, 284
Аланды 129
Алкуин 12, 50, 75
Аллерде 36
Алфегий (Эльфхеах), св. 216
Аль-Газаль 108
Альбректсен, Э. 209
Альвис 318
Альдейгьюборг (Старая Ладога) 14, 116
Альмгрен, Б. 84, 192, 261
Альрик, король 111
Альсвид 40
Альфред Великий, король Уэссекса 26, 48, 75, 76, 111, 120, 122, 143, 145, 148, 212, 285, 367
Альхесирас 146
Амлайб (Олаф Белый?) 146, 152
Амма (Бабака) 237
Амудсен 70
Ангантюр, король 118
Ангельн 48
Ангулем 148
Андрей I Венгерский 224
Анжер 132, 148
Анна Ярославна «Киевская» 224
Аннагассан 109
св. Ансгарий (Ансгар) 26, 118, 129
Антверпен 75, 106
Анунд, король 282
Апуоле 14, 51, 287
Арбман, Х. 222
Арвак 40
Ари Торгильссон Мудрый 28, 33, 154, 168, 197, 203
Арль 24, 147
Арма 108
Армения 114
Арнульф 150, 151
Асгард 313
Асгейр 104
Аск 60, 313
Аскольд (Хскульд) 157, 163
Аслаур 105
Асмунд 120
Астрид 216
Астурия 105
Ат Клиате 108
Ательстан (Адальстейн) 183
Атлантика 120
Атли (Аттила) 170, 346
Аттила 353, 372
Ауд Дьюпйдга 172, 174, 175
Аудумла 312
Аудун 326
Ахен 149

Б

Баал 319
Баб ал-абваб (Дербент) 114
Бавария 24, 76, 151
Багдад 14, 113. 114, 226
Багдадский халифат 112
Бай 82, 148, 149
Баку 192, 194
Балеарские о-ва 146
Балтийское море (Варяжское) 43, 51, 57, 77, 157, 211, 217, 349
Балтика 102 ,120, 128–130 ,281, 283
Бальдр Добрый 41, 309, 319, 344, 346
Бангор 107
Бард 287
Бари 222
Баррингтон 92
Баффина море 199
Башляр, Г. 305
Бегингем 185
Беда Достопочтенный 48, 168, 271
Бедфорд 185
Бекстед, А. 55
Беловерск 225
Белое море 38, 121, 129, 130, 199
Белоозеро 130, 156, 225, 287
Бельт 36, 288
Бенгтссон, Ф. Г. 376
Бенфлит 92

Берген 13, 176, 199, 256, 261, 286, 274
Бергтора 332, 245
Бергтоурсхваудль 255
Бердаа 114, 194
Бердаль 355
Березань 131, 194
Бернс, Р. 358
Бессен 187
Бестла 312
Библия 27, 55, 160, 170, 252
Бирка (Бьрк) 19, 20, 91, 118, 125, 129, 130, 133, 154, 158, 167, 190, 225, 281–283, 285
Блекинг 58, 112
Бове 148
Богиня-Мать 45
Бодлер 374
Бойн, р. 108
Болгария 227
Болин, С. 120
Бор 312
Борг 174
Боргар-фьорд 176
Бордо 148
Борнхольм 38, 43, 46, 112, 129, 209
Борре 50, 356
Бохуслен (Танум) 38, 41, 128
Браги Богдассон Старый 84, 348
Брейд-фьорд 169
Бркбург (Бурбур) 103
Бретань 109, 138, 188
Бриан Бору 76, 221, 221
Бриньольв Свейнссон, еп. Скалахольтский 341
Брис, Я. де 88
Бровикене 49
Бродель, Ф. 368
Бродир 221
Бруа 263, 354, 357
Брунанбург (Винхейд?) 183
Брюне-Жайи Ж.-Б. 31
Брюнхильд-Сигрдрива 347
Будда 133, 269, 281
Булгарский каганат 112, 113
Булоник 104
Бульверкет 91
Бург он Схаувен 103
Бургундия 43, 76, 150
Бурм (Орм) 149
Бурр 312
Бусен 308
Бухара 14, 113, 130
Буэйн 104
Бьерген (Берген) 7, 18, 19, 79, 80
Бьрн (Бернон) Ярнсида (Железнобокий) 95, 105, 118, 142, 146, 147
Бьрнсон 208
Бьяркейяретт 281
Бьярмия 129
Бьярни Херьольвссон 203
Бюгде 77
Бюланн 262

В

Вагнер, Р. 321
Валанс 147
Валлентун 56
Валхерен, о-в 103, 106, 138, 149
Вальдемар Великий 102. 365
Вальдьерс 52
Вальсъерде 50
Вальхалла 274, 317, 318
Варда Фока 223
Варуфорос, порог 116
Вас, Р. 149, 186
Василий II Болгаробойца 223
Веда 120
Везер 103
Вейк-бей-Дюрстеде 140
Велизарий 48
Веланд (Влунд?) 146
Влюнд 262, 346
Венанций Фортунат 48,
Венгрия (Унгараланд) 288
Вендель 263
Венера 268
Венерн 60
Вербери на Уазе 95
Вергилий 32
Вернадский, Г. 158
Врне 103
Вестгталаг 295
Вестготтия (Вестгталанд) 300
Вестергарн 286
Вестергтланд 111
Вестланн 50, 63
Вестманланд 114

Вестманнаэйяр 170
Вестрибюгд 201, 202
Вестфолл 36, 38, 109, 151, 356
Веттерн 60
Виалар, П. 376
Виборг 286
Видукинд 190
Византия (Грекланд, ар-Рум) 5, 80, 92, 112, 113, 116, 120, 130, 131, 133, 155, 158, 163, 191, 194, 219, 225. 267, 282, 283
Вик 128, 139
Виллиборд 50, 118
Вильгельм Незаконнорожденный (Завоеватель) 17, 188, 220
Вимос 52
Винланд 17, 80, 202, 203, 204, 227
Висбю 129, 286
Вискяутен 51, 112, 138, 155
Висла 45, 50, 51, 92, 113, 121, 130, 159
Витла 75, 106
Владимир (Вальдамар, Вальдимар) Святой, князь 157, 194, 222–224
Волга 112–114, 160, 192, 195
Волин (Йомсборг, Юмне?) 51, 92, 112, 116, 130, 218, 287
Волхов 157, 165
Вульфстан 51, 76, 111, 121, 128, 285

Г

Галисия 105
Галлехус 46
Галлия 12, 13, 45, 48, 151
Гардар Свавaрссон Первооткрыватель 60, 169, 175
Гардарсхольм 169
Гарм 345, 346
Гарольд Годвинсон Уэссекский 219, 220
Гарольд Заячья Лапа 218
Гаронна 74, 105, 130
Гасар 173, 176
Гастингс 6, 219, 220
Гаутланд 288
Гвадалаквир 105, 108, 146
Гданьск 129, 287
Гебридские (Судрейские) о-ва 13, 50, 106, 130, 171, 174, 220, 221, 253
Гейер Э. Г. 23
Гейрмунд Хельярскин 172, 174
Геландри, порог 116
Гнгу *см.* Роллон
Генрих I Птицелов 24, 190
Генрих I Французский 224
Гент 149
Германия (Саксланд) 288
Гталанд 43, 58, 60, 156
Гибралтар (Ньорвасунд) 7, 130, 146, 147
Гильом Жюмьежский 372
Гисли Сурссон 302
Гицур Белый 197
Гицур Ислейвссон 198
Глам 322
Глейпнир 291
Гнздов 14, 117, 130, 131, 161, 287
Гнипахеллир 345
Гнупа 190
Гобино 373, 374
Годред Крован 222
Годфред 101, 102, 103, 142, 149, 209
Гозлен 95, 150
Гокстад 19, 77, 82,
Гольфстрим 169
Гольштейн 58, 101, 190
Горган 130
Горм Старый 188
Готланд (Ютландия) 5, 13, 43, 50, 52, 60, 77, 91, 112, 116, 128, 125, 1129, 156, 282, 286, 354
Грани 347, 348
Грате, П. 263
Гренландия 13, 17, 54, 66, 68, 72, 80, 196, 199, 204, 341, 363, 368
Греньядарстадир 266
Греттир Асмундарсон Сильный 303
Григорий Турский 47, 48
Грикланд 288
Грим Камбан 106
Грим Козлиная Борода 179
Грим Лысый 172, 173
Грим, о. 331
Гримнир 317
Гримсей, о. 330
Грипсхольм 99, 226
Грисвард, Ж. 177
Гробиня (Зеебург) 51, 131, 155, 282, 287
Груа 95, 138
Гуденступ 308

Гудмунд Могучий 172, 334
Гудмундссон, В. 255
Гудрд 153
Гудрун 342, 346, 347
Гудфрид 182
Гулатинг 179, 295
Гулльвейг 320
Гундахарий 346
Гуннар 70, 276, 342, 346, 348, 362
Гуннбьрн 200
Гуннхильд 184, 211
Гуталаг 60
Гутрум (Этельстан) 144, 145, 148,
Гуше, О. 113
Гьюки 347
Гюго, В. 352
Гюда 214
Гюйонварх, К, 64, 110

Д

Даг, о. 158
Дагни 246
Далмация 191
Даневирке 91, 101, 102, 188, 190
Даугава 56
Двина 14, 165
Дезанж, Ж. 113
Дейла 143, 150, 151, 153
Ден Бург он Тексел 103
Денло (Область Датского права) 6, 13, 16, 21, 46, 60, 72, 134, 144, 145, 149, 167, 195, 208, 211, 220, 366, 368
Дерби 144, 287
Джонс, Г. 141, 202, 204, 205, 227, 365
Диармайд Лейнстерский 222
Дикуил 106, 168
Дингесмер 183
Дионисий Парамус 372
Диоскуры 39, 41
Дир (Дюри) 157, 163
Диско 199
Днепр 14, 51, 112, 131, 157, 158, 165, 194, 195
Днепропетровск 131
Днестр 131
Долли, М. 133
Домальди 73
Домеснес 56
Дон 226
Дондт, Я. 141
Дорестад 75, 103, 106, 129, 140, 149
Дренг 237
Дросук 101
Дублин (Дуб Линн, Дюплинн, Дублинн) 20, 21,107–110, 126, 145, 146, 152, 153, 176, 182, 183, 222, 256, 286, 335
Дудон Сен-Кантенский 25, 27, 70, 147, 186
Дунай 44, 194
д'Эненс 370
Дюмезиль, Ж. 32, 85, 177, 232, 305
Дюна (Западная Двина) 158
Дюфлинн 21

Е

Елизавета Ярославна 224
Еллинг 19, 189, 279, 356

нсен, А. О. 87
рд (Фольд) 314
рд 320
Ерен 41
рмунганд (Великий Змей Мидгард) 345, 346
рунд 73
тунхейм 313

Ж

Жаль, О. 81
Жефосс 94, 138

З

Западная Двина 131
Зйдер-зе (Кеннемерланд) 149
Зеланд 288
Зеландия 38, 92, 219
Земгалия 56
Зоя, имп. 227
Зунд 36

И, Й

Иберния (Ирландия) 153
Ибн Дихья 108

Ибн Руста 27, 138, 160, 161
Ибн Фадлан 27, 138, 160, 192, 193, 323
Ибн Хаукаль 133
Ибн Хордадбех 113, 114, 133, 138, 193,
Ивар Бескостный 142, 143, 146, 153
Ивар Видфадми 49
Ивла 336
Иггдрасиль 40, 60, 257, 313, 319, 321
Игорь (Ингвар) Рюрикович 21, 115, 165, 194, 222
Йе 95
Йнчпинг 128
Иеремия 95, 96
Йерне, Эрланд
Иерусалим (Йорсалаборг) 5, 96, 228, 288
Изборск 156, 225, 287
Ильмень, оз. 157
Имир 312
Ингвар Великий Путешественник 99, 163, 226, 227
Ингельхейм 114
Ингигерд 224
Ингимунд Старый 172, 182
Инглерия 84
Инглинги 47
Ингольв Арнарсон 64, 154, 168, 170
Ингольвсхвди 170
Ингстад, А. 204
Ингстад, Х. 204
Инишбофин 107
Инишмюррей 107
Иоанн Скот Эриугена 107
Иоанн Цимисхий 194
Йомсборг 85, 88, 189, 218, 287
Йон Эгмундарсон 198, 367
Иона, о-в 100
Иордан 47, 71, 373
Йорк 18, 19, 143, 144, 182–185, 219, 256, 287
Йоркшир 220
Йортспрингкоббель 43
Иран 164, 226
Ирумсе 256
Исидор Севильский 205
Ислейв Гицурарсон 198
Истахри 161
Итиль 112, 130
Иттре Муа 256

К

Кальвадос 187
Камарг, о. 138, 147
Кампания 222
Канар, М. 160
Канторович, Э. Х. 251
Капелле, Т. 355
Карл Великий 50, 75, 95, 101, 102, 120
Карл Лысый 25, 74, 75, 76, 95, 105, 109, 132, 146, 187
Карл Мартелл 102
Карл Простоватый 25, 75, 186, 187, 367
Карл Толстый 76, 149, 150
Карлеви 337, 349
Карлингфорд-Лох 152, 145
Карломан 150
Карнунт 44
Каролинги 103, 210, 282, 364
Картье, Ж. 204
Каспийское (Джурджанское) море 14, 112, 113, 130, 133, 138,.192
Кассиодор 47
Касттела, П. 374
Каупанг 19, 44, 141, 261, 285
Каэн, М. 86, 177
Квельдульв 173
Квентовик 18, 104, 140, 287
Клын 149
Кент 100
Кентербери 80, 143, 213
Кербалл Лейнстерский 182
Керри 101
Киев (Кнугард) 14, 16, 112, 115–117, 131, 137, 157, 158, 160, 161, 163, 164, 222, 224, 225, 287, 369
Кий 157
Килмейнхем 107
Киль 140
Кинтайр 12, 100
Китай 283
Климасхог 182
Клонмакнойс 108
Клонтарф 221
Клонферт 108
Кнут II Святой 220, 359, 367
Кнут Великий 60, 92, 189, 213, 215, 218, 221
Ковирке 102

Колкасраге 56
Колумбан, св. 11, 107
Компостелла 185
Кон 248
Коннот 101, 106
Константин Багрянородный 32, 115, 131, 194, 275
Константинополь (Миклагард, Царьград) 5, 7, 14, 114, 116, 155, 157, 288
Конунгахелль 216
Конфи 182
Копенгаген 44, 341
Корби 118
Корк 21, 109, 286
Кормак 171
Корнель, П. 328
Кострома 155
Котантен 187
Краккабен 31
Кретьен де Труа 30
Кристенсен, А. Э. 280
Крит 191
Крумлин-Педерсен Оле 7
Крым 112
Ксавье Мармье 374
Кун Г. 98
Кура 194
Курляндия (Ливония, Эстония) 56, 154, 158

Л

Ла-Корунья 105
Ла-Манш 7, 13, 75, 104, 120, 187
Лабрадор 199, 206
Лаврентий 155
Ладожское оз. (Ладога) 13, 112, 116, 117, 129, 130, 199 , 287
Лакснесс, Х. 341
Ламбей, о. 12, 101, 107
Ламберт 109
Лан 107
Лангеланн 112
Ланс-о-Медоуз 206
Латвия 51, 56, 282
Леанди 116
Лебек, С. 87
Леви-Стросс, К. 255
Лддечпинг 256
Лейв Хинн Хеппни (Лейф Эриксон Счастливый) 6, 203, 204
Лейдольв Воин 60
Лейнстер 106, 222
Лейре 48
Лербру 51, 355
Леру, Ф. 64, 110
Лестер 144, 287
Лхберг 180, 181, 241
Лив 321
Ливтрасил 321
Лигурия 147
Лиепая 51
Лилль 281
Лим-фьорд 7, 13, 220, 364
Лимерик 21, 109, 153, 182, 286
Лимож 148
Линдисфарн 11, 12, 77, 100
Линдхольм-Хойе 19, 49, 156, 257, 255
Линкольн 144, 187
Литва 51,
Литслебю 316
Лиутпранд, еп. Кремонский 116
Лиффи, р. 108
Ловать 165
Локи 277, 312, 319, 322, 344
Лолланн 112
Ломбардия (Лангбардаланд) 288 288
Лондон 139, 143, 145, 176, 210, 369
Лот, Ф. 97
Лотарь 75, 76, 103
Лофотенские о-ва 168, 256
Лофт (=Локи?) 314
Лох Овел, оз. 109
Лохланн 152
Луара, р. 94, 104, 109, 130, 132, 138, 147, 149
Лувен 150
Луки-фер 320
Лунд 286
Льеж 107, 149
Льосаватна 197
Людовик, аббат 95
Людовик III 76, 149
Людовик Благочестивый 75, 102, 103, 118
Людовик Немецкий 24, 75, 76, 114, 149
Люксй 107
Люрсков-Хеле 218

М

Маас 76, 106, 149, 150
Маастрихт 149
Магнус Харальдссон 220
Магнус Голоногий 220, 359
Магнус Добрый 60, 217–219, 224, 364
Магнуссон, А. 341
Магриб 114
Майнц 114
Малле, П. А. 373
Малькольм, король 221, 222
Мальмер, Б. 133
Маммен 356
Манген, А. 376
Манстер 106, 108
Маргарита 60
Маркланд 203, 204
Марна 146, 149
Марс 268, 295
Марстрандер, К. 53
Мартин, св. 266
Масуди 193
Матильда 82, 85
Маэл Сехнайлла II 109, 221
Маэлморда Лейнстерский 221
Мдрувеллир 199
Меларен, оз. 226, 256, 281, 282
Мелвилл 204
Мелн 148
Мен 187
Мервалль 56
Мре 112
Меркурий 268, 317
Мерсия 100, 143, 144, 145, 183, 212, 214, 215,
Мсватн 262
Месопотамия 191
Мстронн 263
Мидгардорм 39
Мидделбург 103
Миддлборо 145
Мидленд 184
Мимир 313, 317
Мит 106, 109
Михаил III, 155
Михаил V Калафат 155
Мишле, Жюль 74
Мо 146, 148
Модир 248
Молл 113
Монквермут 12, 100
Монтескь 276, 373
Морганут 100
Моркар Нортумбрийский 219
Мосе 52
Мулатинг 250
Мункатвера 199
Мурманск 199
Муром 112, 225
Мурсия 146
Мурхад 221
Муспельсхейм 312
Мухаммед 120
Мэлдон 185, 209
Мэн, о. 12, 54, 100, 130, 171, 220, 221, 222, 356, 359, 369
Мюссе, Л. 25, 52, 55, 70, 91, 107, 137, 140, 144, 163, 360

Н

Наддод 168, 169
Нансен, Ф. 70, 205
Нант 25, 94, 95, 109, 188
Нарбонн 147
Нейса 131
Некор 147
Нестор 27, 76, 157
Несьяр 214
Нидарос 214, 261, *см. тж.* Трандсхейм
Нижняя Аквитания 95
Ним 147
Нифльхейм 312
Новгород (Хольмгард) 14, 16, 66, 117, 130, 136, 156, 157, 160, 163, 164, 194, 222, 223, 225, 286, 287
Нод (Ноуд) 109
Ноннебаккен 92
Норвежское море 122
Нордкап 129, 199
Нордсет 201
Норидж 211
Нормандия 144, 148, 149, 166, 186, 222
Норрчпинг 44, 49
Нортумбрия 6, 10, 100, 143, 144, 182, 185, 214
Ноттингем 144, 287

Нуармутье 12, 75, 94, 104, 110 , 132, 138, 148
Нырд 41, 45, 319, 350
Ньюфаунленд 206
Ньяль 171, 332, 335
Нюдам 77
Нюкбинг 44, 128

О

О'Брайены 108
Од 41
Оденсе 18, 19, 92
Одер 45, 131
Один (Фарматюр, Фармагуд) 39, 41, 45, 55, 70, 71, 94, 98, 268, 280, 309, 312, 313, 314, 316, 320, 322, 344, 350, 352, 374
Ока 114
Окьер, С. 89
Олав Хскульссон (Павлин) 259
Олаф Куаран 184, 221
Олаф Тихий 220
Олаф Трюгвасон 29, 31, 66, 82, 185, 197, 211, 207, 209, 210, 214, 223, 224, 276, 364
Олаф (Олав) Харальдссон, король (Олаф Святой) 29, 127, 152, 190, 129, 190, 208, 209, 212, 214, 216, 218, 223, 250, 367
Олаф Хвити 152, 153
Олаф Штконунг Эйрикссон 211, 216, 224, 304
Олег (Хельги) Вещий 21, 115, 154, 164, 165, 222
Оллеберг 263
Ольборг 286
Ольга (Хельга), княгиня 194
Ольстер 101, 106
Онгенд (Огентеов, Ангантюр) 50
Онежское оз. 38, 112, 129, 130
Ордерик Виталий 25
Ориэль 106
Оркнейские (Оркадские) о-ва 7, 13, 50, 54, 106, 124, 130, 168, 171, 220–222, 253
Орлеан 148
Орм Красный 159
Орн 187
Орозий 26, 111
Орхус 189, 286
Осберт, король 143
Осло 50, 52, 77, 128, 138, 286, 356
Осло-фьорд 214, 285
Оспак Мэнский 221
Оссиан 373
Остбург 103
Ота (Ауд?) 108
Оттар (Охтхере) 76, 120–124, 128
Оттон I 189
Оттон II 190
Отфорд 214
Офейг 334
Оффа 100

П

Па-де-Кале 104
Палссон, Г. 226
Памплона 147
Паннония 44
Париж 94, 96, 105, 148, 149, 150, 369
Пасхазий Радберт 95, 96
Пеги 266
Периг 109, 148
Перкинс, Р. 265
Пиза 147
Пильгорд 116
Пипин Аквитанский 74, 105
Пирей 369
Пиренн, А. 120, 128
Пифей 168
Плакунь 116
Плиний Старший 44
Полоцк 156, 165, 225
Польша 227
Поппон 189
Прайс, Нейл С. 148
Прицак, Омельян 88, 115
Прокопий Кесарийский 48
Пруденций Труаский 115
Пьер Виктор 374

Р

Рагнар Лодброк 6, 30, 31, 95, 104, 105, 142, 143
Рагнарк 318–321, 345
Рамскоу, Т. 283
Ранульф 222

Регинон Прюмский 150
Ргнвальд 182, 278
Реджо 222
Рединг 143
Рейкьявик 79, 80, 154, 170, 179
Рейкьянес 287
Рейкьяхольт 260
Реймс 107
Рейн 24, 44, 76, 129, 130, 150, 259, 264, 283
Рейнская область 84
Ркский камень 52, 56, 338
Рене, А. 372
Рено, Ж. 186, 221
Рерик, г. 101
Ррик 103, 143
Рибе 286
Риг (Хеймдалль) 233, 237, 248, 319
Рига 131
Рижский залив 158
Рим (Ромаборг) 92, 147, 216, 288, 367
Римберт 118, 129, 140, 154, 282, 287
Рингмер 212
Рингстед 286
Ричард Нормандский 211
Роберт Гвискар 187, 222, 336
Роберт Фландрский 220
Рогволод (Ргнвальд) 165
Роллон (Гнгу,Хрольф) 6, 21, 26, 60, 186–188, 221, 373,
Рона 24, 76, 130, 138, 147
Роскилль 218, 286
Ростов 112, 156, 225, 287
Рочестер 210
Руан 104, 146, 148, 149, 213, 287, 335
Ругаланн 38, 43
Рунбю 57
Рупрехт, А. 139, 140
Руслаген 14, 158
Руссел, О. 204
Руссильон 147
Русь (Гардарики, Гарды, Рюцаланд, ар-Рус) 6, 16, 45, 112, 113, 115, 116, 120, 125, 155, 158, 159, 163, 167, 191, 222, 224, 225, 288, 335, 367–369
Рыбаков, Б. А. 117
Рюген о-в 43, 211
Рюрик (Хррек) 6, 21, 103, 115 ,156, 157, 164
Рюстринген 103

С

Савойя 43
Саднес 204
Саксон Грамматик 32, 39, 49, 55, 89, 129, 312, 319
Саксония 76, 101
Салин, Б. 353
Самарканд 14, 113, 130
Сандерленд 12, 100
Саркел 194
Сартр, Ж.-П. 327
Сатана Трисмегист 320
Саубург 103
Свльде 211
Свен Аггесен 28, 34
Свен Биргер Фредрик 54
Свен Вилобородый 92, 189, 207–211, 221, 224
Свен Ульфссон (Эстридсен) 206, 218, 219
Свиарики 47
Святослав Игоревич 21, 165, 194, 222
Себастьян, св. 143
Северная Двина 123
Северное море 7, 76, 104, 120, 217
Северный Уэльс 182
Севилья 105
Сдерала 263
Сдербю-Карл 54
Сдерлинд, С. 159, 160
Сдерманланд 56, 63, 163
Сдертелье 286
Сен-Клер-сюр-Эпт 187
Сен-Ло 149
Сен-Мор, Б. де 147
Сен-Пьер, М. де 376
Сена 94, 95, 96, 104, 130, 138, 146, 148–151, 187
Серкланд («Страна сарацин») 5, 17, 98, 163, 226
Сибби 337
Сигвальди 212
Сигват Тордарсон 342
Сигтрюгг (Ситрик) 182, 183

Сигтрюгг Силькисегг (Шелковая Борода) 221
Сигтун 56, 282, 286
Сигтюр (Сигфдр) 316
Сигурд 246, 276, 342, 344, 348
Сигурд Крестоносец 228
Сигурд Победитель Дракона (Зигфрид) 45, 105, 245, 262, 292, 326, 346, 347, 357
Сигурд Стефанссон 203
Сигурд Толстый 221
Сигурд Хринг 49
Сигурдур Тораринссон 169
Сигфред (Сигифред) 50, 101
Сигфред 149
Сигфред, король 132
Силленде 125
Симпсон, Ж. 269
Синеус (Снр?) 156
Синт-Виноксберген 103
Сисленди 103
Сите, о-в 105
Сицилия 222, 227
Скага-фьорд 169, 288
Скади 41, 245, 319, 320
Скалахольт (Скальхольт) 198, 199
Скандза 319
Скара 286
Скарпокер 338
Скеллиг 107
Скирингссаль (Каупанг) 124, 125, 129, 285
Ског 266
Сконе 36, 47, 58, 112, 288
Сконелаг 295
Скуллелев 77
Скьюм-Нильсен, Н. 150
Славия 161
Слисторп (Слиасторп) 101
Смид 237, 263
Смоланд 38, 337
Смоленск 117, 161, 164, 225, 287
Снеланд 169
Снр 237
Снорри Годи 173, 243
Снорри Стурлусон 29, 37, 39, 49, 72, 73, 89, 91, 227, 126, 127, 147, 152, 159, 172, 209, 218, 249–251, 260, 268, 290, 319, 331, 335, 340, 365, 312, 313
Согн 171, 256, 357, 296
Сойер, П. 32, 72, 120, 152, 225, 228, 262, 365, 366
Сокур 76, 149
Солсбери 211
Соль 314, 320
Сомма 76, 149
Сона 76
Спарлса 111
Средиземное (Румийское) море 80, 113, 120, 147, 363, 370
Стабю 52
Ставангер 152
Стад (Стадсбюгд) 287
Стамфорд 287
Стамфорд-Бридж 219, 220, 364
Старая Ладога 116 , 130, 156, 161, 287
Старая Упсала 59, 73, 177
Стейнмор 184
Стикластадир 217 ,218, 224, 364
Стокгольм 59, 158, 266, 282
Страбон 41, 144
Странгфорд-Лох 146, 153
Странлир 175
Струкун, порог 116
Стура Рюттерн 114
Стурла Тордарсон 173, 251, 296
Стьрну-Одди (Звездный Одди) 80
Суассон 149
Суннива 367
Сура 161
Сурт 345, 346
Суртсхельм 312

T

Таммуз 319
Тангбранд 196, 197
Танет 94, 138 ,143
Таре 106, 184
Тацит, Публий Корнелий 41, 45, 62, 88, 98, 276, 397, 309, 319, 337, 361, 372
Ташкент 14, 113, 130
Тебю 120
Тегнер Э. 23, 209
Тейяр де Шарден 322
Темза 94, 95, 104, 138, 143, 145, 151
Теодорих Великий 38, 47, 48, 56
Терслев 19

Тетфорд 211
Ти 233
Тиманс 5
Тингвеллир 179, 256
Тингейрар 199
Тингстед, оз. 91
Тис 145
Титмар Мерзебургский 26, 48
Толедо 49
Томсен, Вильгельм 158, 159
Тор 39, 45, 108, 273, 310, 316, 318, 319, 344, 346, 367
Торбьрг 334
Торгейр 197
Торгильс Хавлиди 327
Торгнюр 250 ,304
Тордарсон 205
Торир Клакка 126
Торкель Высокий 212–214
Торлак Торхалльссон 198, 367
Торн, К. ван де 325
Торольв 174
Торольв Смр 170
Торсбьерг (Шлезвиг) 52
Торстейн 120, 104, 204
Торунн 60
Торф-Эйнар 249
Торфинн Карлсефни 203, 204, 205, 207
Торфинн, ярл 222
Трандсхейм (Трандхейм, Тронхейм, Нидарос) 63, 176, 214, 261, 286
Треллеборг 18, 19, 92
Трннелаг 36, 38, 59, 63, 239, 246, 297, 364
Трильбард 146
Трир 149, 355
Трувор (Торир?, Торвард?) 156
Трундхольм 37, 307
Трусо 51, 111, 112, 121, 129, 138, 287
Трэль 173, 233, 237
Тулон 99
Тулуза 74, 105, 148
Тур 12, 148
Тургейс (Торгейст, Торгисль, Торгильс) 74, 107, 108, 109, 152
Туркестан 226
Тьодольв из Хвинира 73, 84, 238, 340
Тьодрек 338
Тю 43
Тюр 39, 45, 268, 290, 291, 292, 293, 396, 318, 320, 346
Тюра 188, 210
Тюрингия 76

У

Уаза 129
Уассель, о. 94, 146
Убби 143
Уилсон, Д. М. 7, 134, 231, 297, 300
Уилтон 211
Уитхем 185
Улворси, порог 116
Уллин 41
Улль 41, 316
Ульв Уггасон 259
Ульвльот 179, 180, 295
Ульф 216
Ульфберт 84
Ульфила 160
Ульфкель Снеллинг 211
Уни Датчанин 60, 175
Уотерфорд 21, 109, 182, 286
Упланд (Улунд) 14, 38, 47, 50, 54, 56, 59, 63, 111, 120, 128, 163
Упсала 199, 261
Урд 313
Урнес 357
Усеберг 82, 355
Утрехт 103
Уэксфорд 21, 109, 286
Уэльс 75, 220
Уэссекс 100, 144, 145, 183, 210, 214, 364

Ф

Фадир 248
Фальд 267
Фальстер 112
Фарвель, мыс 199
Фарерские о-ва 7, 50, 106, 109, 168, 199, 253, 287, 368
Фарматюр 317
Фенрир 290, 313, 346
Феофил, басилевс 114, 115
Фркат Млле 92
Финнмарк 59
Финский залив 14
Фиония (Фюн) 59, 92

Фирдир 296
Фитьяр 185, 189, 364
Фландрия 217
Флодоард (Реймский) 24
Флоки Вильгердарсон 169
Флюгюмирр 256
Фнорхат 19
Фогель, В. 104, 139
Фолькунги 365
Фонтенель 104
Фонтенуа 76
Фордбиндесволль 102
Фосне 36
Фотий 155
Франкония 76
Франкская империя (Франкланд) 112, 288
Фрейдис 205
Фрейр 39, 41, 178, 318, 277, 319 ,344, 350,
Фрейфакси 40
Фрейя 41, 245, 316, 318–320
Фригг 245, 268, 316, 320
Фризен, О. фон 53
Фризия (Фрисландия) 48, 76, 100–103, 106, 142, 149, 190, 281, 369
Фритьяр 185
Фростатинг 179, 295, 297
Фростатингслаг 64
Фрости 64
Фротбальд, еп. 148
Фут, П. Г. 7, 134, 231, 297, 300
Фьель 256
Фьргюн(н) 314
Фюн (Фиония) 219, 288
Фюркат Млле 92

X

Хазарский каганат 112, 113
Хакон Добрый 91, 183, 184, 189, 210, 295, 364
Хакон Сигурдарсон Могучий 209, 126
Хакон Хаконарсон, король 251
Хакон Эйриксон 214, 216, 217
Хакон, ярл 364
Халланд 58
Халлгерд 243
Халлдор Лаксиесс 94, 216
Халль Тораринссон из Соколиной Долины 127
Халльвард 367
Хальвдан 132, 143, 151
Хальвдан Сварти 58
Хальвдан Хвити 58
Хальвдан, король Дейры 146
Хальголанд (Холуголанд) 124
Хамлидж 113
Хаммарс 51, 355
Ханаанская земля 170
Харальд 163, 226
Харальд Блотанд, король 184
Харальд Грофельд (Серая Шкура) 185, 364
Харальд Заячья Лапа 217, 218
Харальд Клак Хальвданссон 103, 118
Харальд Синезубый 66, 185, 188, 185, 189, 190, 208
Харальд Суровый 94, 191, 208, 218–220 224, 227, 264, 284, 295, 364
Харальд Харфагри (Прекрасноволосый) 58, 72, 151, 152, 171, 172, 174, 175, 183, 209, 249
Харальд Хильдитнн 49
Хардакнут 216–218
Хастейн (Хастинг) 105, 146, 147, 151
Хаукадаль 199
Хафрс-фьорд 152
Хваммс-фьорд 174
Хегген 357
Хгни 348
Хедебю (Хайтабу, Слисторп, Слиасвик) 19, 48, 91, 101, 102, 111, 125, 129, 133, 134, 140, 189, 190, 194, 219, 234, 261, 277, 283, 285, 284, 285
Хеймдалль (Иггдрасиль?) 277, 314, 319, 344
Хеллестад 89
Хеллуланд 203, 205
Хель 313, 345, 346
Хельгафелль 199
Хельг 19, 133, 281, 282, 285, 369
Хельгео 216
Хельги сын Хьрварда 346
Хельги Магри (Тощий) 175, 196, 326
Хельги Убийца Хундинга 346
Хемминг 102, 212
Хенгист 41

Хнир 312, 316
Хрдаланд 296
Хрдюр Аугустссон 256
Хертворд 185
Хскульд 335
Хигелак 48
Химмерланн 43
Хладир 59, 126, 248
Хлохилаих, король 47
Холар 198, 199
Холугаланд 129
Хольм 107
Хольмское море 57
Хорасан 114
Хорезм 114
Хорив 157
Хорик 103, 109, 142
Хорн 287, 288
Хорса 41
Хоуэдволль 102
Хравн Свенбьярннарсон 242
Хравна-Флоки 169
Хррек *см.* Рюрик
Христофор Колумб 200
Хроар Тунгугоди 60
Хродольв 198
Хрольф (Роллон) *см.* Роллон
Хрольф Краки 48
Хрюм 345, 346
Хусавик 169
Хьлен 58
Хьр 174
Хьрлейв Хродмарссон 170, 287
Хьрлейвсхвди 170
Хьерунгваг 209
Хьялти Скеггьясон 197
Хэмвик 100
Хюлестад 357

Ц

Царьград *см.* Константинополь
Цезарь, Гай Юлий 45, 98

Ч

Чернигов 225, 287
Черное море (Евксинский понт) 14, 43, 45, 48, 53, 54, 113, 131, 158, 159
Честер 182

Ш

Шартр 148, 186
Шатобриан 5, 373, 374
Шельда 103, 138, 149,
Шеппи, о-в 95, 104, 143
Шетелиг, Х. 152
Шетландские (Ялтландские) о-ва 13, 50, 106, 130, 171, 199, 253, 260
Шлезвиг 13, 140, 209, 283, 285
Шлей, зал. 101, 283
Шобери 92
Шопен, Ж. М. 373
Шуста 163

Щ

Щек 157
Щецин (Юмне?) 287

Э

Эадрик Стреона 212, 214, 215
Эббон Реймский 118, 154
Эвр 148
Эгберт Уэссекский 100
Эгиль Скаллагримссон 29, 57, 174, 273, 317, 349, 351, 352
Эгир 314
Эд, гр. 150
Эдвиг Красивый 186
Эдвин Мерсийский 219
Эдда (Прабабка) 233
Эддингтон 145
Эдмунд, св., король 143, 216
Эдмунд, король 185
Эдмунд Железнобокий 214
Эдред, король 186
Эдуард Исповедник, король 218, 219
Эдуард Старший 145, 182, 185, 186
Эйвинд Финссон Губитель скальдов 238, 340
Эйдер 102
Эйдсиватинг 295
Эйнар 330
Эйнхард 25
Эйрар 173, 176
Эйрик Блодкси (Кровавая Секира) 184, 185, 349, 351, 364, 367
Эйрик Гренландский 205
Эйрик Норвежский, ярл 214

Эйрик Победоносный 60
Эйрик Рауди (Рыжий) 72, 159, 200, 202, 203, 205
Эйрик Упсальский, король 111
Эйрик Хаканарсон 214, 224
Эйстрибюгд 201, 202
Эйстфирдир 169
Эйя-фьорд 175, 176
Экер 281
Эланд (Экмансторп) 38, 46, 91, 112, 129, 337
Эленшлегер 23, 208
Элиаде, М. 305, 313, 290
Элла, король 143
Эльба 45, 69, 210
Эльблонг (Эльбинг) 51, 121
Эльгифу 217
Эльдьяурн, К. 256
Эльслоо 149
Эльфхеах 213
Эмбли 313
Эмма 217
Эна 149
Эннен, Э. 139
Эпав 206
Эпплдор 92
Эр 187
Эрин 108, 110, 153
Эрлинг 235
Эрманарих (рмунркк) 48, 159, 246
Эрментарий 26, 148
Эрн 248
Эссекс 100, 209, 214
Эссупи, порог 116
Эстаберг 163
Эстерволль 102
Эстергтланд 38, 338
Эстланд (Эстония) 112, 158, 226
Эстмер 121
Эстфолл 36, 38
Этапль 104
Этельвард 286
Этельверд 284
Этельвульф, король Уэссекса 143
Этельред Нерешительный 186, 210, 211, 213, 215, 218, 367
Этельфледа 145
Эшдаун, 143
Эшингтон 214

Ю

Южный Уэльс 11
Юлефорс 56
Юлина 195
Юнгссон 201
Ютландия 44, 48, 58, 59, 63, 66, 91, 92, 101, 102, 103, 218, 283, 286, 288, 356
Ютландское право 295

Я

Якоби, М. 288
Янкун, Г. 284, 285
Ярл 233, 248
Ярлабанка 120
Ярлсхоф 260
Ярополк 194, 222, 223
Ярослав (Ярицлейф) Мудрый 216, 217, 224, 225, 227

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступление 5

Часть первая. История. 9

I. Насколько мы их знаем? 11
Последовательные волны 14
Какими источниками мы располагаем? 17
Археология 18
Нумизматика. 20
Филология 20
Письменные источники 22
II. Кто они и откуда взялись? 35
Уроки предыстории 35
Палеолит 35
Неолит 36
Бронзовый век: петроглифы 37
Железный век 42
Руны 52
Проблема скандинавского единства 57
Недопустимые критерии. 57
Так что же принять за критерии? 60
III. Причины и первые проявления экспансии викингов 68
Частные причины 68
Решающие причины 74
Отсутствие серьезного противодействия 75
Некоторые технические преимущества 76
История первой стадии: ок. 800 — ок. 850. 100
Датчане 100
Норвежцы 106
Шведы 111

Главная причина: жажда денег, торговля 119
Обогащение за счет торговли 120
Что за торговля? 128
Смысл слова víkingr 136
История второй стадии: 850 – ок. 900 142
Датчане 142
Норвежцы 151
Шведы 154
IV. Эпоха колонизации и институционализации (900–980), а потом больших рейдов (980–1050) 166
Эпоха колонизации и институционализации (900–980) 168
Норвегия 168
Дания 185
Швеция 190
980–1050: большие рейды 195
Исландия, Гренландия, Винланд 196
Датчане и норвежцы вместе: Англия 207
О судьбе некоторых викингских анклавов 221
Шведы 222

Часть вторая. Цивилизация 229

V. Структуры викингского общества 232
Общество 232
Управление 252
VI. Домашняя культура 255
Жилище 255
Инвентарь 261
Одежда, тканье и прядение 265
Труды и дни 267
Досуг 273
VII. Общественная жизнь 279
Города 281
Право 288
Религия 304
Магия и культ мертвых 321
Этика 324
Интеллектуальная жизнь. Обзор литературы и искусства . . . 336
Заключение. Конец эпохи викингов. Причины и итог 359
Вероятные причины конца викингского феномена 359
Внутренние причины 360
Внешние причины 366

Итог двух с половиной веков деятельности викингов 368
Миф о викингах 371
Библиография 378
Некоторые хорошие обзорные работы (почти все содержат длинные библиографии): 378
Источники 380
Карты 389
Указатель 394

Режи Буайе

ВИКИНГИ.
История и цвилизация

Научное издание

Директор издательства: *Чубарь В. В.*
Главный редактор: *Трофимов В. Ю.*
Верстка: *Харитонов Л. А.*
Подготовка указателя: *Исупова Н. К.*
Корректор: *Исупова Н. К.*

Подписано в печать 27.06.2014. Формат 60 × 90 $^{1}/_{16}$.
Усл. печ. л. 26. Гарнитура «Antiqua». Бумага офсетная 1.
Тираж 3000 экз. (2-ой завод 2001–2700) Заказ 4374

ООО «Издательство «ЕВРАЗИЯ»
199026, Санкт-Петербург, Средний пр-кт, д. 86, пом. 106,
тел. (812) 320-57-74, http://www.eurasiabooks.ru

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, т/ф. 8(496)726-54-10

Внезапно хлынув на просторы Европы в VIII веке, викинги огнем и мечом вписали свое имя в мировую историю. Казалось бы, нам все известно об этих яростных воинах и отважных мореплавателях — в любом школьном учебнике без труда можно найти все необходимые сведения: даты, основные маршруты передвижения, историю битв и вторжений. Но история викингов по-прежнему таит в себе немало нераскрытых загадок. Остались вопросы, о которых по-прежнему спорят историки, политики и читатели, в том числе и пресловутый «спор о варягах». Действительно, как и почему викинги смогли, ворвавшись в пределы Европы, не встречая особого сопротивления, хозяйничать в ней на протяжении целых столетий, расшатав основы могущественных государств, таких как империя Карла Великого? Как им удалось удержаться и осесть в Нормандии, Сицилии, Исландии? Стояли ли они у истоков русской государственности или нет? Были ли они двигателем торговли своего времени или, наоборот, тормозили ее? Они ли открыли Америку?

Опираясь на новейшие археологические данные и оригинальную трактовку источников, признанный знаток скандинавской истории профессор Сорбонны Режи Буайе создал не просто книгу — он написал настоящую энциклопедию. В каждой главе досконально рассматривается отдельная сторона истории викингов: их повседневный уклад, быт, отношения между мужчинами и женщинами, право и судебные собрания, оружие, корабли, походы и военная стратегия, законы воинского братства, торговля и экономика, верования и мифы, контакты с соседними народами и государствами, жизнь викингов в традиционном скандинавском сообществе и за его пределами. От большинства энциклопедий представленную книгу отличает только одно, но существенное обстоятельство: Режи Буайе – великолепный рассказчик, который умеет подать материал ярко и увлекательно. Истинным украшением книги являются красочные и тщательно выписанные портреты ключевых персонажей того времени: Харальда Прекрасноволосого, Олава Трюггвасона, Кнута Великого, Владимира Святого и Ярослава Мудрого. Эта книга предназначена для широкого читателя и рассчитана на то, чтобы не оставить его равнодушным.

ООО "ГРАМОТА" Читай-город
чел
26.06.2018
Викинги История и цивилизация (Clio)
Буайе
код
7304238
номер
0
цена
500.00
тбк
11711